

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II.

1773—1774 гг.

По неизданнымъ источникамъ.

«Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ поставленныхъ надъ ними начальниковъ и правителей; но нельзя никакъ сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ».
(Манифестъ 15 декаб. 1763 г. II. С. 3. № 11989).

Н. ДУВРОВИНЪ.

Томъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39.

1884.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- ГЛАВА I. Назначеніе князя Щербатова командующимъ войсками, дѣйствовавшими противъ Пугачева.—Рескриптъ императрицы князю Щербатову.—Раздѣленіе секретной комиссіи на двѣ части.—Состояніе края.—Дѣйствія войскъ.—Преслѣдованіе калмыковъ.—Дѣятельность князя П. М. Голицына.—Наступленіе отрядовъ Тимашева, генерала Фреймана и подполковника Михельсона. 1
- ГЛАВА II. Дѣятельность Пугачева послѣ бѣгства въ Башкирію.—Неизвѣстность гдѣ онъ находится.—Волненія въ Башкиріи.—Появленіе Пугачева у Магнитной крѣпости и овладѣніе ею.—Усиленіе мятежниковъ.—Занятіе ими Карагайской, Петропавловской, Степной и Троицкой крѣпостей.—Побѣда, одержанная Деколонгомъ у Троицкой крѣпости.—Приказъ полковника Ступишина.—Энергическая дѣятельность Михельсона по преслѣдованію Пугачева 21
- ГЛАВА III. Начало волненій въ великороссійскихъ губерніяхъ.—Мѣры правительства.—Тревожные слухи о замыслѣ Пугачева посягнуть на жизнь особъ императорской фамиліи.—Опроверженіе этихъ слуховъ.—Соединеніе обѣихъ секретныхъ комиссій въ одну.—Назначеніе П. С. Потемкина начальникомъ комиссій.—Инструкція ему данная 44
- ГЛАВА IV. Дѣятельность Пугачева по формированію новаго ополченія.—Манифесты его съ обѣщаніемъ льготъ и милостей.—Грабежи башкирцевъ.—Дѣйствія отрядовъ, направленныхъ въ Башкирію.—Появленіе мятежниковъ у Осы.—Дѣятельность Михельсона.—Прибытіе въ станъ самозванца купца Долгополова.—Свиданіе его съ Пугачевымъ.—Паденіе города Осы. 52
- ГЛАВА V. Приближеніе Пугачева къ Казани.—Мѣры, принятыя правительствомъ къ защитѣ города.—Участіе въ этомъ населенія.—Прибытіе въ Казань П. С. Потемкина.—Его донесенія и участіе въ оборонѣ.—Появленіе

	стр.
	самозванца и его распоряженія. — Штурмъ и разореніе города. 74
ГЛАВА VI.	Побѣды, одержанныя подполковникомъ Михельсономъ надъ мятежниками. — Формированіе преслѣдующихъ отрядовъ. — Переправа Пугачева черезъ Волгу. — Положеніе края въ оборонительномъ отношеніи. — Опасенія, что самозванецъ двинется на Москву. — Мѣры къ обезпеченію первопрестольной столицы 97
ГЛАВА VII.	Первыя дѣйствія Пугачева за Волгою. — Манифестъ самозванца. — Возстаніе крестьянъ. — Разграбленіе г. Цивильска. — Самозащита жителей города Ядрина. — Занятіе Пугачевымъ городовъ: Курмыша, Алатыря и Сараяска. — Дѣятельность преслѣдующихъ отрядовъ Михельсона 111
ГЛАВА VIII.	Удаленіе князя Щербатова и назначеніе главнокомандующимъ князя Петра Михайловича Голицына. — Рескриптъ императрицы. — Впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ извѣстіемъ о разграбленіи и сожженіи Казани. — Собраніе государственнаго совѣта. — Назначеніе графа Петра Ивановича Панина главнокомандующимъ. — Посылка новыхъ войскъ на театръ дѣйствій. — Заключеніе мира съ Турціею. — Мѣры, принятыя въ Москвѣ для отраженія Пугачева въ случаѣ его появленія. — Инструкція, данная графу П. И. Панину. — Письмо императрицы князю М. Н. Волконскому. — Число войскъ, поступившихъ подъ начальство новаго главнокомандующаго. — Увѣщаніе Синода духовенству и народу 128
ГЛАВА IX.	Прибытіе въ Петербургъ купца Долгополова. — Письмо, сочиненное и поданное имъ князю Г. Р. Орлову отъ имени япцкихъ казаковъ. — Свиданіе его съ княземъ Орловымъ и аудіенція въ кабинетѣ императрицы. — Командировка капитала Галахова и инструкція ему данная 155
ГЛАВА X.	Приближеніе Пугачева къ Пензѣ. — Совѣщанія горожанъ. — Вступленіе самозванца въ городъ. — Обѣдъ ему данный городскимъ обществомъ. — Состояніе Алатырскаго и Пензенскаго уѣздовъ. — Происшествія въ Ирсарѣ, Краснослободскѣ, Темниковѣ, Наровчатѣ, Керескѣ и Нижнемъ-Ломовѣ. — Пугачевъ въ Петровскѣ. — Экспедиція Г. Р. Державина изъ Саратова къ Петровску 162
ГЛАВА XI.	Положеніе Саратова при приближеніи Пугачева. — Отъѣздъ генерала П. Кречетникова въ Астрахань. — Несогласія, возникшія между саратовскими властями. — Переписка Ладыженскаго и Державина съ полковникомъ Бошнякомъ. — Совѣщаніе по защитѣ города. — Приближеніе Пугачева къ Саратову. — Встрѣча его съ войсками. — Разграбленіе города 181

- ГЛАВА XII. Виды Пугачева при приближеніи къ Дону.—Переговоры его съ первою женою, Софьею.—Манифестъ самозванца Донскому войску.—Формированіе на Дону новыхъ полковъ для защиты границъ отъ мятежниковъ.—Указъ Пугачева Антиповской станицѣ и занятіе ея мятежниками.—Бой на р. Пролейкѣ.—Занятіе Пугачевымъ Дубовки.—Свиданіе самозванца съ депутатомъ Горскимъ.—Присоединеніе къ мятежникамъ Цендена съ тремя тысячами калмыковъ. 214
- ГЛАВА XIII. Положеніе Царицына и средства его обороны.—Дѣятельность полковника Циплетева.—Приближеніе Пугачева къ Царицыну.—Встрѣча его съ донцами на р. Мечетной.—Неудачный исходъ сраженія для правительственныхъ войскъ.—Дѣйствія подъ Царицыномъ.—Отбитіе мятежниковъ.—Разореніе Сарептской колоніи.—Послѣднее пораженіе, нанесенное Михельсономъ Пугачеву у Сальникова завода.—Бѣгство Пугачева за Волгу 236
- ГЛАВА XIV. Преслѣдованіе Пугачева.—Воззваніе П. Потемкина кабардинцамъ.—Переправа Пугачева на лѣвый берегъ Волги.—Совѣщаніе куда идти.—Заговоръ казаковъ противъ самозванца.—Скитаніе по степи.—Благотворная дѣятельность капитанъ-поручика С. Маврина въ Яицкомъ-городкѣ.—Воззванія П. Потемкина къ казакамъ и жителямъ взволнованнаго края.—Выдача Пугачева и доставленіе его въ Яицкій-городокъ 256
- ГЛАВА XV. Отъѣздъ графа П. И. Панина изъ Москвы на театръ дѣйствій.—Положеніе края, охваченнаго мятежомъ.—Объявленіе графа Панина.—Мѣры, принятыя имъ для усмиренія волненій.—Сортировка преступниковъ на разряды и наказаніе ихъ.—Пребываніе главнокомандующаго въ Шацкѣ, Керенскѣ, Нижнемъ-Ломовѣ и Пензѣ 284
- ГЛАВА XVI. Благодарность графа П. И. Панина генералу Суворову и полковнику Михельсону.—Объявленіе главнокомандующаго о поимкѣ Пугачева.—Встрѣча графа Панина съ Пугачевымъ въ Симбирскѣ.—Стансъ Сумарокова городу Симбирску.—Сожженіе въ Казани портрета Пугачева.—Объявленіе П. Потемкина 304
- ГЛАВА XVII. Умиротвореніе края.—Усмиреніе волненій въ Башкиріи.—Мѣры правительства къ предотвращенію голода въ разоренныхъ губерніяхъ.—Уничтоженіе Зимовейской станицы войска Донскаго.—Публичный благодарственный листъ Г. А. Потемкина яицкимъ казакамъ.—Переименованіе рѣки Яика въ Уралъ и яицкаго войска въ уральское 316
- ГЛАВА XVIII. Отправленіе Пугачева въ Москву.—Прибытіе его въ первопрестольную столицу.—Свиданіе его съ княземъ М. Н. Волконскимъ.—Обвиненіе преосвященнаго Веніамина, архіепископа казанскаго, въ сношеніяхъ съ

	стр.
Пугачевымъ.—Арестованіе Веніамина.—Мнѣніе императрицы Екатерины.—Оправданіе архіепископа и возведеніе его въ санъ митрополита казанскаго.	327
ГЛАВА XIX. Слѣдствіе и судъ надъ Пугачевымъ и его сообщниками.—Разъясненіе вопроса: было-ли чужестранное вліяніе въ происшедшемъ волненіи.—Манифестъ императрицы о происхожденіи дѣлъ злодѣя Пугачева.—Постановленіе приговора.—Казнь Пугачева и его ближайшихъ сообщниковъ.—Прощеніе казаковъ, его выдавшихъ, и ссылка ихъ въ Рижскую губернію.	352
Приложенія	371
Библіографическій указатель статей и книгъ, относящихся исключительно до пугачевского бунта.	379
Алфавитный указатель именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.	I

I.

Назначеніе князя Щербатова командующимъ войсками, дѣйствовавшими противъ Пугачева. — Рескриптъ императрицы князю Щербатову. — Раздѣленіе секретной коммиссіи на двѣ части. — Состояніе края. — Дѣйствія войскъ. — Преслѣдованіе калмыковъ. — Дѣятельность князя П. М. Голыцина. — Наступленіе отрядовъ Тимашева, генерала Фреймана и подполковника Михельсона.

Находясь въ Казани и получивъ, 11 апрѣля, извѣстіе о кончинѣ Александра Ильича Бибикова, генераль-поручикъ князь Щербатовъ, какъ старшій изъ начальниковъ, на другой же день выѣхалъ въ Бугульму. «Будучи по почтѣ въ кибиткѣ, писалъ онъ впоследствии ¹⁾, по чрезвычайной въ здѣшнемъ краю дорогѣ, не въ состояніи былъ больше переѣхать въ двое сутокъ 70 верстъ».

На берегу р. Камы князь Щербатовъ встрѣтилъ походную канцелярію покойнаго главнокомандующаго, которая съ большимъ трудомъ и опасностью переправилась черезъ рѣку. Видя невозможность переправиться черезъ р. Каму, князь Щербатовъ возвратился въ Казань, гдѣ и рѣшилъ ожидать распоряженій о назначеніи новаго главнокомандующаго.

Последнія донесенія изъ-подъ Оренбурга, побѣды, одержанныя повсюду правительственными войсками и, наконецъ, извѣстіе, что Пугачевъ бѣжалъ изъ Берды съ весьма незначительнымъ числомъ своихъ сообщниковъ, убѣждали правительство, что дѣло самозванца проиграно, что сила его уничтожена и что для окончательнаго подавленія мятежа остается успокоить населеніе и переловить мелкія шайки, бродившія еще по разнымъ мѣстамъ края, но неимѣвшія между собою общей связи и единства. Для такой

¹⁾ Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 11 мая 1774 года № 1. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга III.

дѣли, конечно, не было никакой надобности назначать главнокомандующаго, облеченнаго обширною властью, такую, какою пользовался А. И. Бибиковъ, а достаточно было назначить начальника надъ войсками и предоставить губернаторамъ, каждому въ своей губерніи, усмирить населеніе и, при содѣйствіи войскъ, привести его къ покорности и повиновенію.

Исходя изъ этой точки зрѣнія и все еще не сознавая хорошо, въ чемъ сила самозванца и гдѣ ея источникъ, правительство такъ и поступило.

«Черезъ донесенія ваши извѣстились мы, писала Екатерина II князю Щербатову ¹⁾, какъ о смерти генерала Бибикова, такъ и о воспріятой вами по немъ, въ качествѣ старшаго военачальника, главной командѣ надъ войсками, предводительству его ввѣренными. До полученія впредь отъ насъ новыхъ повелѣній, поручаемъ мы вамъ принять между тѣмъ главную надъ сими войсками команду и вести по тѣмъ же самымъ основаніямъ, кои отъ покойнаго генерала Бибикова толь благоразумно и удачливо распоряжены были, дабы инако не остановить теченія и исполненія всего дѣла. Но какъ порученная покойному Бибикову комиссія, въ разсужденіи перемѣнившихся нынѣ обстоятельствъ въ гораздо лучшее положеніе приведена, то находимъ мы за нужно предписать вамъ къ руководству вашему на первый случай слѣдующее: 1) чтобъ вы продолжали неусыпно пораженіе и преслѣдованіе бунтовщиковъ, вооруженно воюющихъ, и не пропускали ихъ въ околичныя губерніи, а притомъ по крайней возможности старались приводить въ повиновеніе отложившуюся чернь; 2) чтобъ вы въ постановленіи нужнаго устройства съ повсемѣстною тишиною предоставляли однакоже губернаторамъ, каждому въ его губерніи, яко истинному оныя хозяину и состояніе людей и нравовъ лучше знающему, главнѣйшее попеченіе по собственному каждому въ своей части лучшему усмотрѣнію; 3) чтобы для сего безпрестанное имѣли вы сношеніе съ окрестными губернаторами и по ихъ требованіямъ подавали имъ воинскую помощь, не теряя изъ вида главнаго ва-

¹⁾ Въ рескриптѣ отъ 1 мая 1774 года. Рескриптъ этотъ напечатанъ во многихъ изданіяхъ.

шего предмета, въ первомъ пунктѣ описаннаго, требуя взаимно и отъ губернаторовъ ихъ способствованія вашимъ дѣламъ тамъ и тогда, гдѣ того истинная польза службы нашей требовать будетъ; 4) чтобъ вы строгими отъ себя грамотами требовали отъ башкирцевъ выдачи Пугачева, изъясняя имъ всю гнусность его злодѣйства и жестокость праведной имъ отъ законовъ мести, если они его укрывать стануть, или же изъ своихъ рукъ упустиатъ и не возвратятся добровольно въ повиновеніе монаршей нашей власти, съ обѣщаніемъ напротивъ въ семъ послѣднемъ случаѣ всемилоствѣйшаго отъ насъ прощенія имъ вины, а притомъ и награжденія за поимку и выдачу злодѣя Пугачева, причинствовавшаго толикому разоренію и толикому пролитію невинной крови.

«Мы ожидаемъ несомнѣнно отъ вашей вѣрности и усердія къ службѣ нашей, что вы благоразуміемъ вашимъ сдѣлаете себя навѣщще достойнымъ какъ нашей монаршей милости, такъ и общаго почтенія.

«Что принадлежитъ до произвожденія по вѣренному вамъ корпусу, оное долженствуетъ теперь идти обыкновенною дорогою, почему и имѣете вы при каждомъ случаѣ о достойныхъ представлять въ тѣ мѣста, куда то слѣдовать можетъ. О чрезвычайныхъ расходахъ имѣеть тоже разумѣться, поколику на то времени доставать будетъ. Но для случаевъ онаго несносящихъ опредѣляемъ мы вамъ черезъ сіе изъ казанскихъ доходовъ 5,000 рублей, изъ конхъ и позволяемъ мы вамъ чинить нужные расходы, по собственному вашему усмотрѣнію тамъ, гдѣ нужно будетъ. На столь же опредѣляемъ вамъ по 300 р. въ мѣсяць, пока сія ваша коммиссія продолжится».

Поручая князю Щербатову одно лишь командованіе войсками и преслѣдованіе мятежническихъ шаекъ, императрица устранила его отъ всякаго вмѣшательства въ гражданскія дѣла и административныя распоряженія. Послѣднія она возложила на губернаторовъ казанскаго и оренбургскаго, предоставляя имъ производство слѣдствія надъ захваченными мятежникамп, утвержденіе приговоровъ и приведеніе ихъ въ исполненіе ¹⁾).

¹⁾ Собственноручная записка Императрицы безъ числа. Госуд. Арх., VI, д. № 507.

Такимъ образомъ, вмѣсто одной были образованы двѣ секретныя комиссіи, одна въ Казани, а другая въ Оренбургѣ.

«Объимъ секретнымъ комиссіямъ, сказано было въ Высочайшемъ указѣ ¹⁾, по дѣламъ имѣть сношеніе и другъ другу помогать должно. Причемъ, объимъ секретнымъ комиссіямъ рекомендуется, чтобы онѣ, при слѣдствіяхъ, сколь возможно отъ пристрастныхъ разспросовъ воздержались».

Въ составъ вновь образованныхъ двухъ комиссій были назначены тѣ же лица, которыя находились въ прежней, подчиненной А. И. Бибикову.

Съ разбитіемъ мятежниковъ подъ Татищевою крѣпостью и по освобожденіи Оренбурга отъ осады, число захваченныхъ участниковъ мятежа было столь велико, что для производства слѣдствія и суда пришлось образовать въ Оренбургѣ особую слѣдственную комиссію. Въ началѣ апрѣля 1774 года въ Казани содержалось 169 колодниковъ, тогда какъ въ Оренбургѣ число ихъ доходило до 4,700 человекъ. Желая освободить Оренбургъ отъ такой массы арестантовъ, А. И. Бибиковъ отправилъ туда изъ Казани капитана Лунина и капитанъ-поручика Маврина, которые и должны были открыть дѣйствіе секретной комиссіи. Съ отъѣздомъ ихъ, въ Казани остался одинъ только Собакинъ, въ помощь которому были отправлены капитанъ Волоцкой и прапорщикъ Горчаковъ, находившіеся въ то время въ Москвѣ въ распоряженіи главнокомандующаго князя М. П. Волконскаго, для производства слѣдствій.

Накопившееся въ первопрестольной столицѣ значительное число арестованныхъ по разнымъ случаямъ сообщниковъ Пугачева и непрерывные допросы ихъ затрудняли князя Волконскаго, и потому Екатерина II, собственно для допросовъ арестованныхъ, отправила ему въ помощь двухъ офицеровъ: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана Волоцкаго и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка прапорщика Горчакова. Императрица поручила князю Волконскому употреблять этихъ офицеровъ «при допросахъ по

¹⁾ Отъ 25 апрѣля 1774 г. Госуд. Архивъ, X, дѣло № 467. См. также *Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества*, т. XIII, стр. 402.

тайнымъ дѣламъ, но съ тѣмъ, чтобы ни малѣйшаго петязанія не дѣлали» ¹⁾.

«Я думаю, писалъ при этомъ князь Вяземскій ²⁾, что когда объ опредѣленіи семъ подъ рукою въ городѣ узнано будетъ, то наложить оное нѣкоторый родъ узды на злорѣчивые и болтливые языки. Для чего по совершенной моей къ вашему сіятельству преданности не могу скрыть моего мнѣнія, въ томъ состоящаго, чтобъ вы, по полученіи сего рескрипта о присылкѣ къ вамъ по тайнымъ дѣламъ гвардіи офицеровъ, дали знать подъ рукою, якобы въ дружеской откровенности, нѣсколькимъ надежнымъ людямъ, предохраняя только то, чтобы сіе не имѣло вида, что разглашеніе о семъ нарочно для страха распускается».

Капитанъ Волоцкой былъ въ то время въ Москвѣ, а Горчаковъ пріѣхалъ туда въ половинѣ марта, и тотчасъ же приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія. Арестованные прибывали ежедневно и въ такомъ числѣ, что скоро въ Преображенскомъ не было уже мѣста для ихъ помѣщенія. Большинство ихъ принадлежало къ числу «*вралей*», непринимавшихъ непосредственнаго участія въ возмущеніи, а распускавшихъ слухи или передававшихъ чужіе рассказы по трактирамъ и кабакамъ. Такихъ арестованныхъ, смотря по важности распространяемыхъ ими слуховъ и разсказовъ, дѣлили на двѣ части: однихъ наказывали, а другихъ освобождали, заставляя присягнуть на вѣрность и отбирая особую подписку въ томъ, что никогда не будутъ сообщниками мятежниковъ, а напротивъ того, окажутъ имъ сопротивленіе и вѣрность законному правительству ³⁾.

¹⁾ Указъ императрицы князю Волконскому отъ 2 марта 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 503.

²⁾ Князю Волконскому, въ письмѣ отъ 2 марта 1774 года. Тамъ же.

³⁾ Подписка эта была слѣдующаго содержанія: «Мы, нижеподписавшіеся, освобождаясь изъ-подъ ареста по высокоmaterней еи императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, милости, для многолѣтняго и благополучнаго ея величества государстванія и умноженія отъ Всевышняго гдѣть высокому ея наследнику, его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу и супругѣ его, ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, должны не только быть вѣрными подданными рабами высокому ея величества скипетру и державѣ, но и пролить за благоденствіе еи имуще-

Вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ извѣстіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибирской губерніи разсѣваются «злые слухи, толки и оболъщія отъ самозванца» ¹⁾, Екатерина признала необходимымъ вновь обратиться съ словами увѣщанія къ населенію, объятаму мятежомъ, и 15 марта былъ изданъ манифестъ, напечатанный въ числѣ 1,200 экземпляровъ въ два столбца: одинъ гражданскою, а другой церковною печатью ²⁾. Императрица требовала, чтобы каждый удержался «не только отъ сообщеній съ ворами, но и ото всякой колеблемости, ибо таковыхъ непослушныхъ и присягѣ вѣрности непомнящихъ людей склонность ни къ чему иному не влечетъ, какъ къ собственной ихъ же гибели и къ самой неминуемой измѣнникамъ казни, чего разбойничьи сволочи въ весьма короткомъ времени, конечно, не избѣгутъ».

Экземпляры этого манифеста были отправлены и къ генералъ-поручику князю Щербатову для употребленія ихъ по его усмотрѣнію.

Князь Федоръ Щербатовъ поступилъ на службу въ 1748 году, и 30-го іюля 1771 года произведенъ въ генералъ-поручики. Въ прусскую войну онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Цорндорфѣ, Пальцихѣ и Франкфуртѣ; въ первую турецкую войну онъ нахо-

раторскаго величества всю нашу кровь, стремиться всегда на пораженіе возмутителя общаго покоя, особливо самозванца и государственнаго злодѣя Емельяна Пугачева и его толпы сообщниковъ, стараться всѣми силами никакъ и ни подъ какимъ видомъ ихъ къ себѣ не допускать и къ нимъ также не приставать и ни о чемъ съ ними не переговаривать, въ чемъ мы другъ за друга ручаемся по-десяточно. Если же кто изъ насъ, забывъ страхъ Божій и презрѣвъ великую милость отъ ея императорскаго величества, оказанную намъ для собственного нашего благоденствія, по прежнему прилѣпится къ злодѣямъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, т.-е. или къ нимъ уйдетъ, или къ себѣ впуститъ, хотя бы принужденъ быть отъ нихъ къ тому страхомъ или какимъ-нибудь оболъщениемъ, то за такового измѣнника одного — весь десятокъ казнить насъ смертію. А дабы сіе у всѣхъ насъ было въ памяти, то каждый десятокъ долженъ у себя имѣть копію съ сей нашей подписки и читать предъ своими по всѣмъ праздникамъ и по воскреснымъ днямъ».

¹⁾ Рескриптъ А. И. Бибикову отъ 23 марта 1774 года. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 65.

²⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 527. Манифестъ этотъ былъ напечатанъ сначала въ книгѣ *Осмадцатый Вѣкъ*, т. I, стр. 107, а затѣмъ перепечатанъ въ *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. XIII, стр. 397.

дился при взятіи города Бендеръ. Въ 1771 году, при вступленіи русскихъ войскъ въ Крымъ, онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, взялъ штурмомъ крѣпость Арабатъ, занялъ Керчь, Ениколь и затѣмъ оставленъ былъ съ своимъ корпусомъ для охраненія Крымскаго полуострова ¹⁾).

Въ концѣ 1773 года князь Щербатовъ былъ командированъ въ Казань въ помощь А. И. Бибикову, и по кончинѣ его вступилъ въ командованіе войсками, раскинутыми на огромномъ пространствѣ и занятыми преслѣдованіемъ мятежниковъ по разнымъ направленіямъ.

По занятіи генераломъ Мансуровымъ Яицкаго-городка, ставропольскіе и оренбургскіе калмыки забрали съ собою женъ, дѣтей, скоть и въ числѣ до 600 кибитокъ бѣжали сначала къ Самарской линіи. Желая пробраться въ Башкирію и соединиться съ Пугачевымъ, они намѣрены были переправиться черезъ рѣку Самару близъ Сорочинской крѣпости. Находившійся въ Сорочинскѣ подполковникъ Милковичъ выслалъ на переправу 200 человекъ пѣхоты съ орудіемъ и не допустилъ калмыковъ перейти рѣку. Часть ихъ покорилась, а остальные ушли въ степь.

Предполагая, что калмыки все-таки будутъ стараться пробраться въ Башкирію, князь П. М. Голицынъ приказалъ находившемуся въ Самарѣ съ Бахмутскимъ гусарскимъ полкомъ майору Шевичу прикрывать Самарскую линію, полковнику Шенелеву съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 600 человекъ съ 4 орудіями ²⁾, выступить изъ Дюсметевой деревни къ р. Току, «по которой ихъ бѣгу ожидать было должно», а для встрѣчи ихъ на новомосковской дорогѣ были выставлены обсервационные отряды: въ деревнѣ Мустафиной капитана Квашнина-Самарина изъ роты гренадеръ, эскадрона Изюмскихъ гусаръ съ двумя орудіями и въ деревнѣ Бик-

¹⁾ Опреѣленіе военной коллегіи за октябрь 1774 г., листъ 380.

²⁾ Въ отрядѣ Шенелева находилось, считая въ томъ числѣ и офицеровъ: 153 человека Владимірскаго пѣхотнаго полка, 217 человекъ С.-Петербургскаго карабинернаго, 113 человекъ Казанскаго дворянскаго корпуса, 52 человекъ Симбирскаго дворянскаго корпуса, 72 человекъ Казанскихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, 5 человекъ Изюмскаго гусарскаго полка, 4 человекъ Томскаго полка, 27 малолѣткочъ Вятскаго полка, 4 человекъ 1-го фузелернаго полка и 2 человекъ отставныхъ — всего 649 человекъ (Московский Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII).

куловой—отрядъ Ахшарумова изъ двухъ ротъ гренадеръ съ тремя орудіями и небольшимъ числомъ пререгулярныхъ легкихъ войскъ. Для примѣчанія же за движеніемъ калмыковъ въ степи была выслана изъ Оренбурга небольшая партія изъ чугуевскихъ казаковъ и каргалинскихъ татаръ ¹⁾.

Маіоръ Шевичъ отправилъ въ Сорочинскую крѣпость одинъ эскадронъ гусаръ, и лишь только онъ прибылъ туда, какъ калмыки снова подошли къ переправѣ. Командиръ эскадрона, капитанъ Хмѣлевъ, засталъ на переправѣ до 2,000 человекъ, увѣщевалъ ихъ покориться, но когда они не послушали, то атаковалъ, захватилъ много плѣнныхъ, скотъ и багажъ. Успѣвшіе переправиться черезъ рѣку калмыки бросились отдѣльными кучами къ новомосковской дорогѣ, гдѣ у дер. Трай, на р. Токѣ, наткнулись на отрядъ полковника Шепелева и были, 8-го мая, вновь разбиты съ потерей 300 человекъ убитыми. Отъ бѣльшаго пораженія калмыки спаслись только тѣмъ, что наступила ночь и они успѣли зажечь степь со стороны «вѣющаго на насъ вѣтра» ²⁾.

Преслѣдуемые Шепелевымъ и считая высланную изъ Оренбурга команду за авангардъ значительнаго отряда, калмыки бросились къ деревнѣ Мустафиной, но и здѣсь были встрѣчены 9 мая капитаномъ Квашиннымъ-Самаринымъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ на протяженіи 15 верстъ, захватилъ 140 человекъ въ плѣнъ, отбилъ много скота, лошадей и три знамя. Лишившись болѣе 200 человекъ убитыми, калмыки «разбѣжались по степи кто куда могъ, ища себѣ спасенія». Нѣкоторые успѣли однакоже перебраться за новомосковскую дорогу и бѣжать въ Башкирію, а бѣльшая часть возвратилась на мѣста своихъ кочевокъ и подъ предводительствомъ своего начальника Дербетева напала на селенія по Самарской линіи.

¹⁾ Письмо князя Голицына графу В. Г. Чернышеву 14 мая 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

²⁾ Рапорты Шепелева князю Щербатову и князю Голицыну отъ 9-го мая. Рапортъ князя Голицына князю Щербатову отъ 11 мая. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книги IV и VIII.

Для усмиренія ихъ генераль Мансуровъ отправилъ изъ Яицкаго-городка отрядъ подъ начальствомъ маіора Муфеля ¹⁾. Преслѣдуя Дербетева съ толпою около 500 человекъ сначала по рѣкѣ Двумъ-Сестрамъ, маіоръ Муфель настигъ его потомъ на р. Однодеревой, впадающей въ р. Иргизъ. Здѣсь онъ успѣлъ захватить до 200 кибитокъ и затѣмъ, перейдя въ вершины р. Таловой, узнавъ, что Дербетевъ съ толпою до 300 человекъ намѣренъ пробраться въ Башкирію. Сформировавъ отрядъ изъ 30 драгунъ и 210 яицкихъ казаковъ и поручивъ его артилеріи подпоручику Байкову, маіоръ Муфель приказалъ ему преслѣдовать Дербетева. Байковъ шелъ по его пятамъ съ такою скоростію, что дѣлалъ въ сутки отъ 80 до 90 верстъ. Калмыки бросали на дорогѣ усталыхъ лошадей, верблюдовъ и даже женъ, а сами старались укрыться въ Иргизскихъ вершинахъ. Мая 23-го подпоручикъ Байковъ настигъ калмыковъ въ Балабанскихъ вершинахъ, на рѣкѣ Грязнухѣ, разбилъ ихъ, захватилъ въ плѣнъ 193 человека, въ числѣ коихъ находился и самъ Дербетевъ, который отъ полученной раны скоро умеръ ²⁾. Отсюда Байковъ возвратился въ Яицкій-городокъ, куда за нѣсколько дней передъ тѣмъ пришелъ и Муфель съ своимъ отрядомъ и съ захваченными имъ 200 кибитокъ ³⁾. Изъ Яицкаго-городка калмыки были отправлены съ семействами и имуществомъ къ Оренбургу подъ личный присмотръ губернатора и назначенія имъ мѣста для кочевки по распоряженію командовавшаго войсками князя Щербатова, въ то время тамъ уже находившагося ⁴⁾.

Получивъ 8 мая высочайшій рескриптъ о назначеніи главнокомандующимъ, съ тѣми ограниченіями, о которыхъ мы сказали выше, и имѣя въ виду, что въ Казанской губерніи «волнованіе народное совершенно прекращено и бывшіе въ предательствѣ—въ

¹⁾ Рапорты Мансурова князю Щербатову отъ 12 мая и князю Голицыну отъ 15 мая. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

²⁾ Рапорты подпоручика Байкова Мансурову 22 и 24 мая 1774 года. Рапорты Мансурова князю Голицыну 24 мая и князю Щербатову 25 мая. Тамъ же.

³⁾ Рапортъ Муфеля Мансурову 26 мая 1774 г. Тамъ же.

⁴⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе князи Щербатова отъ 1-го іюня 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. IV. Ср. Воен. Сбор. 1871 г. № 3 стр. 222 и 223.

законномъ повиновеніи находятся», князь Щербатовъ отправился въ Оренбургъ ¹⁾, куда и прибылъ 18-го мая ²⁾.

Между тѣмъ, въ Казанской губерніи было вовсе не такъ спокойно, какъ доносилъ князь Щербатовъ. Правда, что въ окрестностяхъ Бакаловъ, Бугульмы и къ сторонѣ р. Камы мятежниковъ не было, населеніе возвращалось въ свои дома и приходило съ повинною ³⁾. Но между Мензелинскомъ и г. Осоею мятежники бродили свободно и мѣстность эта находилась еще въ полномъ возстаніи. Для уничтоженія этихъ шаекъ, казанскій губернаторъ фонъ-Брандтъ отправилъ секундъ-маіора Скрипичина съ 60 человѣками солдатъ и однимъ орудіемъ, и приказалъ ему ходить безпрерывно между Мензелинскомъ и Осоею, водворить спокойствіе среди населенія ⁴⁾ и содѣйствовать штернъ-фервальтеру Берглину въ преслѣдованіи мятежниковъ.

Еще въ началѣ апрѣля Берглинъ, посланный Башмаковымъ съ Юговскаго завода, занялъ своимъ отрядомъ пригородъ Осу, оставилъ тамъ небольшой гарнизонъ, а самъ двинулся на преслѣдованіе башкирцевъ по р. Тулвѣ ⁵⁾. Въ 8 часу утра, 9-го апрѣля, въ четырехъ верстахъ отъ села Крылова онъ былъ встрѣченъ толпою до 900 человѣкъ, которые послѣ небольшой перестрѣлки обратились въ бѣгство. Берглинъ продолжалъ движеніе, съегъ башкирскую деревню Бичурину, переночевалъ въ селеніи Елпачихѣ и двинулся къ дер. Барде, служившей башкирцамъ притокомъ и мѣстомъ сборища. Жители на лошадяхъ и лыжахъ бѣжали въ лѣса и горы, и кромѣ небольшого числа скота въ деревнѣ ничего не найдено. По непроходимости дорогъ отъ распутицы, Берглинъ не пошелъ далѣе, предалъ огню дер. Барде и возвратился въ дер. Елпачиху.

¹⁾ Всподданнѣйшее донесеніе князя Щербатова отъ 11 мая 1774 года, № 1. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

²⁾ Жизнь акадѣмика Рычкова, стр. 140.

³⁾ Рапортъ полковника Обернибсова кн. Щербатову 25 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

⁴⁾ Письмо Брандта князю Щербатову 28 мая 1774 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. IX.

⁵⁾ Рапортъ коллежскаго ассессора Башмакова на имя Бибикова, 16 апрѣля 1774 года, № 785. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII.

Мятежническія шайки отошли къ сѣверу и бродили по Пермской провинціи.

«Чтобы злодѣйскія поновлены могли быть мысли о всегдашней нашихъ силъ къ поискамъ готовности», подполковникъ Поповъ съ отрядомъ выступилъ изъ Кунгура по направленію къ Красноуфимску, гдѣ казаки волновались и не переставали выказывать открыто свое сочувствіе къ самозванцу и нерасположеніе къ правительству ¹⁾. Въ половинѣ мая красноуфимскіе казаки ожидали къ себѣ Салавата, скитавшагося съ своей шайкой за р. Уфою ²⁾. Обнадеживая казаковъ скорою помощью, Салаватъ однакоже не шелъ къ нимъ, а 23 мая, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Юлаемъ и толпою въ тысячу человекъ, напалъ на Симскій заводъ. Переколовши до 60 человекъ жителей, разграбивъ церковь и фабрику, башкиры разрушили плотину, сожгли многія зданія и направились къ Катавскому заводу ³⁾.

Между тѣмъ князь Голицынъ, какъ только получилъ извѣстіе, что послѣ побѣды, одержанной имъ у Сакмарскаго городка, Пугачевъ бѣжалъ въ Башкирію, тотчасъ же отправилъ воззваніе, въ которомъ требовалъ, чтобы башкирцы не присоединялись къ самозванцу, а напротивъ, старались его поймать и представить начальству.

«Я употребляю, писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву ⁴⁾, всѣ способы, чтобы побуждать къ успѣхамъ, послалъ къ нимъ лучшихъ старшинъ, а между тѣмъ не оставляю взять должныя примѣчанія, чтобы удержать сей легкомысленный и обманчивый народъ въ должной вѣрности».

Вмѣстѣ съ тѣмъ для преслѣдованія Пугачева и его толпы были сформированы два отряда: одинъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Фреймана изъ одного баталіона пѣхоты, роты гренадеръ, двухъ эскадроновъ Архангелогородскаго карабинернаго, одного

¹⁾ Рапорты подполковника Попова А. И. Бибикову 2-го, 6-го и 8-го апрѣля 1774 года. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга VIII.

²⁾ Рапортъ подполковника Попова 18 мая 1774 г. Тамъ же, кн. IX.

³⁾ Рапортъ коменданта города Уфы полковника Мясоѣдова князю Щербатову, 30 мая 1774 г. Тамъ же, кн. IX.

⁴⁾ Въ письмѣ, отъ 19 апрѣля 1774 г. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, кн. IV.

эскадрона Бахмутскаго гусарскаго полковъ, роты чугуевскихъ и 100 яницкихъ казаковъ съ 7-ю орудіями. Другой отрядъ подъ начальствомъ подполковника Аршеневскаго состоялъ: изъ баталіона легкихъ полевыхъ командъ съ 8-ю орудіями, эскадрона Изюмскихъ, эскадрона Бахмутскихъ гусаръ и 50 человекъ оренбургскихъ казаковъ. Руководя обоими отрядами, генералъ-маіоръ Фрейманъ долженъ былъ наступать по уфимской дорогѣ, а подполковникъ Аршеневскій по новомосковской, и стараться, очистивъ отъ мятежниковъ окрестности, привести населеніе къ покорности и порядку.

Отправивъ эти отряды 2-го апрѣля изъ Сакмарскаго городка, самъ князь Голицынъ съ остальными войсками расположился въ Сакмарскѣ, Бердѣ и Оренбургѣ¹⁾.

Получивши извѣстіе, что Пугачевъ находится на Вознесенскихъ казенныхъ заводахъ, князь Голицынъ просилъ генералъ-маіора Станиславскаго собрать отрядъ изъ гарнизоновъ крѣпостей и преградить самозванцу путь до самой Верхне-Яницкой крѣпости, о чемъ и сообщено коменданту этой крѣпости полковнику Ступишину. Коменданту Троицкой крѣпости бригадиру Фейервару и находившемуся около Челябину маіору Гагрину приказано слѣдить за дѣйствіями самозванца, и наконецъ, въ Воздвиженскую крѣпость отправленъ отрядъ подъ начальствомъ премьеръ-маіора Наумова изъ двухъ полевыхъ командъ и 150 казаковъ²⁾.

Сообщая подполковнику Михельсону, что дѣйствія его подъ Уфою много помогли «къ разрушенію главной и многочисленной толпы подъ начальствомъ самозванца Пугачева», князь Голицынъ просилъ его усилить свою дѣятельность и поспѣшить наступленіемъ. Имѣя въ виду, что городъ Уфа весною окружается со всѣхъ сторонъ водою, князь Голицынъ просилъ Михельсона не оставаться

¹⁾ Войска эти были расположены такъ: въ Сакмарскомъ городкѣ стоялъ полковникъ князь Одоевскій съ его гренадерскимъ баталіономъ и 8 орудіями, двумя эскадронами Изюмскихъ гусаръ и 8 чел. казаковъ. Въ Бердинской слободѣ полковникъ князь Долгорукій съ баталіономъ 2-го гренадерскаго полка, 8 орудіями и ротою чугуевскихъ казаковъ, и наконецъ, въ Оренбургѣ кн. Голицынъ съ остальными командами.

²⁾ Рапортъ князя Голицына Вибикову 9-го апрѣля, № 679. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга VIII.

долго въ этомъ городѣ, чтобы не лишить себя средствъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

«Гаперича, писалъ ему князь Голицынъ ¹⁾, первая нужда состоитъ въ томъ, чтобы не дать сему государственному вору паки распространить свои силы, хотя онъ и бѣжалъ не болѣе во-ста человѣкахъ. Но какъ ослѣпленная чернь его лестью всегда обманута была, то и надлежитъ сей остатокъ искры, отъ большаго пламя, вовсе утушить. Почему нанусильнѣйшимъ образомъ рекомендую вашему высокоблагородію взять къ тому должныя мѣры, чтобы ваше пребываніе въ городѣ Уфѣ не напрасно могло быть. Усмиряйте бунтовщиковъ по сибирской дорогѣ, какъ съ другой стороны къ рѣкамъ Бѣлой и Инзеру... Наплавнѣйшія ваши примѣчанія должны быть, чтобъ не пропустить злодѣевъ пробраться къ сибирскимъ предѣламъ, къ чему и употребите все способы сдѣлать сообщеніе съ маіоромъ Гагринымъ».

Подполковникъ Михельсонъ и безъ побужденій князя Голицына торопился выступить, но удержанъ былъ на нѣсколько дней въ городѣ Уфѣ необходимостью исправить артиллерію, укомплектовать отрядъ зарядами и патронами, заготовить подводы для доставки за отрядомъ фуража, и наконецъ, устроить паромы, для переправы черезъ р. Уфу, «черезъ которую, доносить онъ ²⁾, мнѣ нынѣ, пока ледъ не пройдетъ, никакимъ способомъ перейти невозможно».

Изъ Уфы онъ намѣренъ былъ выступить къ Симскому заводу, въ которомъ находился Бѣлгородовъ съ толпою въ тысячу человѣкъ и неподалеку отъ него Салаватъ Юлаевъ съ 3,000 башкирцевъ. Уничтоживъ эти сборища, Михельсонъ намѣренъ былъ двинуться къ Бѣлорѣцкому заводу и «встрѣтить тамъ злодѣя Пугачева, если не пойдетъ къ Верхне-Яицкой крѣпости».

Наступившая распутица задерживала движеніе всѣхъ отрядовъ. Михельсонъ принужденъ былъ оставаться нѣсколько дней въ гор. Уфѣ, а генералъ-маіоръ Фрейманъ, дойдя съ своимъ отрядомъ до Табынска, также не могъ двигаться далѣе за разлитіемъ рѣкъ.

¹⁾ Предписаніе князя Голицына подполковнику Михельсону 11 апрѣля изъ Оренбурга. Тамъ же.

²⁾ Въ рапортѣ на имя А. И. Влбикова, отъ 16 апрѣля 1774 г. Московс. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга VIII.

Остановившись въ Табынскѣ и присоединивъ къ себѣ отрядъ подполковника Аршеневскаго, онъ хлопоталъ о заготовленіи продовольствія для отряда и собиралъ необходимые матеріалы для устройства паромовъ. Въ отрядѣ его въ это время находилось: два баталіона пѣхоты съ 14 орудіями, два эскадрона карабинеровъ, три эскадрона гусаръ, одна рота чугуевскихъ, казаковъ, 150 чел. яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ.

Желая прежде всего возстановить спокойствіе въ Оренбургской губерніи, кн. Голицынъ стягивалъ къ себѣ всѣ свободныя силы и приказалъ прибывшему въ Самару, съ пятью эскадронами Бахмутскаго гусарскаго полка маіору Шевичу слѣдовать въ Оренбургъ, а полковнику Денисову, выступившему съ 500 донскихъ казаковъ съ р. Медвѣдицы и находившемуся уже въ Сызрани, слѣдовать на Самару и далѣе также къ Оренбургу ¹⁾). Генералъ-маіору Мансурову поручено разставить посты внизъ по правую сторону р. Яика до Гурьева-городка, а по лѣвому берегу р. Яика вверхъ до Татищевой крѣпости ²⁾). Найдившемуся въ дер. Дюсметовой полковнику Шепелеву приказано было составить отрядъ не менѣе какъ изъ 600 человекъ пѣхоты и кавалеріи, отправить его къ Стерлитамацкой пристани и открыть сообщеніе съ генералъ-маіоромъ Фрейманомъ ³⁾). Послѣдній долженъ былъ слѣдовать къ Авзяно-Петровскимъ заводамъ въ то время, когда Михельсонъ, въ отрядѣ котораго вмѣстѣ съ набранными имъ мещеряками было около тысячи человекъ, двинется къ Симскимъ заводамъ и далѣе къ Саткинскому. А такъ какъ при одновременности этихъ дѣйствій необходимо было занять войсками лѣвый берегъ р. Сакмары, то князь Голицынъ и сформировалъ особый отрядъ подъ начальствомъ коллежскаго совѣтника Тимашева.

«По усердной ревности къ службѣ ея величества, писалъ князь

¹⁾ Письмо князя Голицына гр. З. Г. Чернышеву, отъ 19 апрѣля 1774 г. Москов. Арх. Главн. Штаба, оп. 47, кн. IV. Впослѣдствіи Денисову приказано было остановиться въ Малыковѣ и содѣйствовать Державину въ разогнаніи мятежниковъ, появившихся за Волгою и по р. Иргизу.

²⁾ Рапортъ кн. Голицына кн. Щербатову 1-го мая № 895. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII.

³⁾ Рапортъ кн. Голицына кн. Щербатову, 22 апрѣля 1774 г., № 808, изъ Оренбурга. Тамъ же, кн. VIII.

Голицынъ Тимашеву ¹⁾, къ высочайшимъ ея интересамъ и къ благоденствію отечества, ваше высокоблагородіе, съ достохвальною усердною, объявили миѣ свое желаніе, что хотя пользуетесь спокойною жизнію, бывъ уволены по лѣтамъ вашимъ и слабому здоровью отъ службы, но для возстановленія изъ развратовъ и безпокойствія, произведенныхъ отъ самозванца и государственнаго вора Пугачева въ башкирскомъ народѣ, — себя представили къ оному предпріятію употребленными быти съ деташементомъ легкихъ войскъ.

«А какъ я свѣдалъ отъ генераль-поручика, оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа, что вы въ продолженіе оренбургской осады доказывали по разнымъ случаямъ, сколь ваше усердіе есть велико къ общему благополучію; къ тому же я извѣстенъ, что башкирскій народъ особливо къ вамъ довѣренностію обязанъ, (то) будучи сими свидѣтельствами удостовѣренъ, за полезное почелъ, къ прекращенію въ тамошнемъ краю бунта препоручить въ команду вашего высокоблагородія деташементъ легкихъ войскъ».

Въ составъ отряда были назначены: 145 челов. оренбургскихъ казаковъ, 100 челов. ставропольскихъ калмыковъ, 65 яицкихъ казаковъ и 200 челов. каргалинскихъ татаръ съ четырьмя 3-хъ фунтовыми пушками ²⁾. Цѣлю дѣйствій этому отряду было поставлено возстановленіе спокойствія между крѣпостями Воздвиженскою и Зелапрскою, и потому находившемуся въ первой крѣпости съ отрядомъ майору Наумову приказано было удѣлить часть легкихъ войскъ Тимашеву и быти всегда готовымъ подкрѣпить послѣдняго всѣмъ своимъ отрядомъ.

«По заочности, писалъ князь Голицынъ Тимашеву, я не могу предписать куда точно слѣдовать имѣете, но оставляю сіе на благоусмотрѣніе ваше и по совершенному знанію вашему какъ о тамошнемъ мѣстоположеніи, такъ и обстоятельствахъ обратите себя туда, гдѣ болѣе нужды будетъ съ тѣмъ примѣчаніемъ, чтобы обитающіе башкирцы въ оной окружности приведены были къ должному повиновенію».

¹⁾ Госуд. Арх. VI д., № 503.

²⁾ Экстрактъ изъ маршрута Тимашева. Тамъ же.

Передавая Тимашеву нѣсколько экземпляровъ воззванія своего къ башкирскому народу, князь Голицынъ поручилъ ему брать въ аманаты въ селеніяхъ лучшихъ старшинъ, «но нималѣйшихъ обидъ и притѣсненій» жителямъ не дѣлать.

Принявъ начальство надъ отрядомъ, Тимашевъ, 23 апрѣля, выступилъ изъ Оренбурга къ Сакмарскому-городку и изъ урочища Гребней отправилъ нѣсколькихъ ему лично извѣстныхъ людей въ башкирскія селенія для развѣдыванія и приглашенія башкиръ на службу. Въ Сакмарскомъ-городкѣ Тимашевъ присоединилъ къ своему отряду 62 человекъ казаковъ и 72 человекъ Чугуевского полка, и отправилъ посланныхъ на Авзяно-Петровскій заводъ провѣдать, что тамъ дѣлается. Слѣдуя далѣе вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ и требуя, чтобы отъ каждаго двора было выбрано и представлено ему по одному человекъу съ тремя конями, Тимашевъ 30 апрѣля пришелъ въ Воздвиженскую крѣпость и взялъ у Наумова 45 человекъ драгунъ и 34 человекъ егерей ¹⁾. Сформировавъ такимъ образомъ отрядъ въ 723 человекъ, съ четырьмя орудіями, Тимашевъ двинулся далѣе и черезъ Никольскій редутъ вступилъ въ Чебаклинскія горы.

Въ это время генералъ Фрейманъ съ своимъ отрядомъ приближался къ Авзяно-Петровскому заводу. 5 мая онъ прибылъ въ деревню Каткову, но безъ обоза, брошеннаго въ горахъ, «которыя круты, высоки и дорога совсѣмъ негодная» ²⁾. Черезъ три дня, 8 мая, Фрейманъ занялъ Авзяно-Петровскій заводъ, который нашелъ разореннымъ, а жителей бѣжавшими въ горы. Приказчикамъ, «какъ людямъ весьма усерднымъ», Фрейманъ приказалъ ѣхать въ Табынскъ, «чтобъ ихъ здѣсь не убили», а найденныя на заводѣ 13 пушекъ заклепалъ и бросилъ въ воду. На заводѣ были найдены небольшіе запасы сѣна, но ни овса, ни хлѣба не было вовсе. Посланные для развѣдыванія казаки успѣли захватить одного раненаго башкирца, отъ котораго узнали, что Пугачевъ направился къ Магнитной крѣпости и намѣренъ идти къ Верхне-Яицкой. «Отсель

¹⁾ Экстрактъ изъ маршрута коллежскаго совѣтника Тимашева. Государственный Архивъ, VI, № 503.

²⁾ Рапорты Фреймана князю Голицыну, отъ 4 и 5 мая 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

къ Магнитной, доносила Фрейманъ ¹⁾, ѣздить только верхомъ тропиною, а другая дорога къ Верхне-Яицкой безъ мостовъ, которые водою снесены, тожь гориста и въ большихъ ущелинахъ лежитъ, почему и пойду черезъ Бѣлорѣцкій заводъ къ Верхне-Яицкой крѣпости».

Движеніе это происходило медленно и съ огромными затрудненіями: повозки обоза ломались, лафеты также. Половину обоза пришлось бросить на дорогѣ, купить 14 лошадей вмѣсто пришедшихъ въ негодность отъ изнуренія и недостатка корма; впереди предстояла трудная переправа черезъ р. Бѣлую и движеніе болѣе 40 верстъ Уральскими горами ²⁾. Гдѣ находятся отряды Михельсона и Деколонга, генераль-маіоръ Фрейманъ не зналъ и его лазутчики сообщали ему невѣрныя свѣдѣнія.

Для обезпеченія тыла Фреймана, князь Голицынъ приказалъ капитану Рылѣву, находившемуся съ небольшимъ отрядомъ въ Стерлитамакской пристани, занять Табынскъ, и выслалъ изъ Оренбурга на уфимскую дорогу полковника Хорвата съ отрядомъ. «Сіе нужно, писалъ князь Голицынъ ³⁾, для вѣрной комунікаціи съ Уфою, а болѣе, чтобы Уфимская провинція, по отдаленію нынѣ изъ оной подполковника Михельсона, не оставалась безъ должнаго надзираія». Полковнику Хорвату приказано принять начальство надъ отрядами: Квашнина-Самарина, находившагося въ дер. Мустафиной, Ахшарумова — въ Биккуловой и маіора Еввина, стоявшаго въ Богучлчанахъ съ тремя ротами гренадеръ, эскадрономъ гусаръ и четырьмя орудіями. Наблюдая за населеніемъ въ районѣ расположенія подчиненныхъ ему отрядовъ, полковникъ Хорватъ долженъ былъ поддерживать постоянную связь съ отрядами, дѣйствовавшими въ Башкиріи и въ особенности съ отрядомъ Михельсона.

Оставивъ въ Уфѣ достаточный гарнизонъ ⁴⁾, подполковникъ

¹⁾ Князю Голицыну 10 мая 1774 г., № 23. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

²⁾ Рапортъ Фреймана князю Голицыну 15 мая, изъ дер. Чувашской. Тамъ же.

³⁾ Въ письмѣ графу З. Г. Чернышеву, отъ 14 мая 1774 года. Тамъ же, кн. IV.

⁴⁾ Въ составъ гарнизона гор. Уфы, порученнаго полковнику Мясоѣдову, вошли: 70 человекъ Томскаго пѣхотнаго полка; 517 человекъ разныхъ гарнизонныхъ, оставныхъ и малолѣтковъ, 70 человекъ вооруженныхъ крестьянъ, дворянъ и купечества и 150 казаковъ. Сверхъ того, въ городѣ находилось много пушекъ съ достаточнымъ числомъ зарядовъ.

Михельсонъ 24 апрѣля началъ переправляться черезъ рѣку на приготовленныхъ паромахъ. Переправа эта производилась съ большими затрудненіями, и только на слѣдующій день онъ могъ собрать весь свой отрядъ въ селеніи Богородскомъ. Отсюда Михельсонъ двинулся по сибирской дорогѣ къ Симскому заводу, въ семи верстахъ отъ котораго стоялъ Салаватъ съ 3,000 башкирцевъ, а неподалеку отъ него, на Саткинскомъ заводѣ, находился атаманъ Бѣлородовъ съ 1,000 человекъ и шестью орудіями. Онъ писалъ къ Салавату и другимъ башкирскимъ старшинамъ, чтобы они оставались вѣрными государю и готовились его встрѣтить.

Поставивъ главнѣйшею цѣлью своихъ дѣйствій разбить Салавата и Бѣлородова и не допустить ихъ до соединенія съ Пугачевымъ, подполковникъ Михельсонъ сознавалъ, что это возможно лишь при быстротѣ дѣйствій. Но «нынѣшнее весеннее время, доносилъ онъ ¹⁾, а особливо рѣки, изъ коихъ нѣкоторыя по большей части разливаются верстъ по семи и до десяти, дѣлаютъ немалую остановку». Кромѣ р. Уфы Михельсону приходилось переправляться черезъ р. Симъ и проходить по дорогѣ, на которой было до 73 мостовъ, теперь снесенныхъ водою и которые необходимо было возстановить. «Ежели черезъ сіе, доносилъ онъ князю Щербатову, моя экспедиція будетъ нѣсколько мѣшкотна, то прошу ваше сіятельство меня милостиво извинить. Кромѣ сего неудобства, я долженъ буду везти съ собою и на нѣсколько дней фуража».

Это послѣднее обстоятельство представляло немаловажныя затрудненія, если сказать, что при тогдашнемъ времени года Михельсону приходилось пройти болотное пространство въ 90 верстъ длиною. «Отъ худой дороги, доносилъ онъ ²⁾, почти вся моя артиллерія переломалась, а нынѣ, приближаясь къ р. Симъ, я имѣю новыя остановки. Паромы хотя трудами высланной мною команды и сдѣланы, однако р. Симъ разлилась столь широко, что двѣ версты по той сторонѣ вступила въ лѣсъ, а въ здѣшнюю сторону въ одну версту». По произведенной рекогносцировкѣ оказалось,

¹⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 25 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

²⁾ Князю Щербатову, изъ дер. Кубовой, отъ 2 мая 1774 года. Тамъ же.

что, не доходя перевоза и по ту сторону его, дорога столь дурна, что проѣхать конному невозможно. Для починки дороги были собраны окрестные крестьяне, но они на другой же день разбѣжались. Михельсонъ хотя и приказалъ собрать другихъ, но когда дорога будетъ исправлена, опредѣлить не могъ. «Какъ скоро, писалъ онъ князю Щербатову, мнѣ удастся изъ здѣшнихъ болотныхъ мѣстъ выбраться, то я надѣюсь помощію Божіею въ непродолжительномъ времени исполнить повелѣніе вашего сіятельства и въ тамошнихъ мѣстахъ установить старую тишину».

Починивъ мосты и переправившись черезъ р. Симъ, подполковникъ Михельсонъ пришелъ 5-го мая въ сел. Лемеша, гдѣ узналъ, что Бѣлгородовъ все еще стоитъ на Саткинскомъ заводѣ, а Пугачевъ на Бѣлорѣцкомъ ¹⁾. 6-го числа Михельсонъ подошелъ къ Симскому заводу. Находившійся вблизи этого завода Салаватъ съ 500 человекъ башкирцевъ вышелъ на встрѣчу, съ намѣреніемъ занять ущелья между горами и остановить движеніе отряда, но былъ отброшенъ авангардомъ и бѣжалъ къ дер. Ераль (Юраль), назначенную мѣстомъ сбора мятежниковъ и находившуюся въ 16 верстахъ отъ завода. Михельсонъ занялъ Симскій заводъ и, оставивъ въ немъ обозъ, въ ночь съ 7 на 8 мая, двинулся къ сел. Ераль (Юраль), гдѣ не нашелъ уже мятежниковъ, и узналъ отъ жителей, что они собрались въ четырехъ верстахъ отъ деревни, на открытомъ полѣ, и тамъ, въ числѣ до 1,500 человекъ, ожидаютъ встрѣчи. Двигаясь по указанному направленію, Михельсонъ скоро увидѣлъ непріятеля, расположившагося нѣсколькими отдѣльными кучами, и приказалъ маіорамъ Харину и Тютчеву атаковать ихъ лѣвый флангъ, а самъ направился противъ праваго фланга. «Мы нашли, доносилъ онъ ²⁾, такое сопротивленіе, какого не ожидали: злодѣи, не уважая нашу атаку, прямо пошли намъ на встрѣчу; однако, помощію Божіею, по немаломъ отъ нихъ сопротивленіи были обращены въ бѣгъ». Разсыпавшись по полю, они были преслѣдованы на протяженіи 7 верстъ; спасаясь отъ преслѣдованія многіе

¹⁾ Рапортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 5 мая 1774 года. Москов. Арх. Главн. Шт., опись 47, кн. VIII.

²⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 8 мая 1774 года. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

банкирцы въ запальчивости заскакали въ болота и тамъ погибли. На мѣстѣ сраженія они оставили болѣе 300 тѣлъ, 17 плѣнныхъ и восемь пушекъ. Въ отрядѣ Михельсона было 8 убитыхъ нижнихъ чиновъ и ранены: 2 офицера и 17 нижнихъ чиновъ.

Оставаясь на полѣ сраженія, Михельсонъ не могъ опредѣлить направленія дальнѣйшихъ дѣйствій, главнымъ образомъ потому, что не зналъ въ точности, гдѣ находится наибольшее сборище мятежниковъ. По свѣдѣнїямъ, Пугачевъ оставилъ Бѣлорѣцкїй заводъ и пошелъ къ Магнитной крѣпости, Бѣлородовъ также ушелъ съ Саткинскаго завода, но куда — неизвѣстно; въ окрестностяхъ Симскаго завода бродилъ старшина Аника съ 500 человекъ башкирцевъ, шедшїй на помощь Салавату, но опоздавшїй. Не развѣявъ шайки Аники, доносилъ Михельсонъ ¹⁾, «и не усмиря дѣвшихъ башкиръ, конхъ можетъ собраться тысячи съ три, въ дѣвшихъ мѣстахъ долженъ буду обращаться нѣсколько дней, пока все усмирю».

Получая свѣдѣнїя, что мятежники группируются преимущественно у Катавскаго завода, Михельсонъ двинулся въ этомъ направленїи, захватилъ по дорогѣ много плѣнныхъ и атамана Сидора Башнина. На всемъ пути слѣдованїя селенїя были пусты и жители выведены въ горы по приказанїю Пугачева и по принужденїю башкирцевъ, «которые хотѣли заводы жечь». Повѣсивъ въ «страхъ другимъ» атамана Сидора Башнина, Михельсонъ объявилъ полное прощенїе всѣмъ тѣмъ, которые вернутся въ свои дома, и самъ занялъ Усть-Катавскїй заводъ.

Объявленїе подѣйствовало на населенїе: многіе старшины не только явились съ повинною, но Мендей Уразметевъ и Плесигаи Болтугазовъ обѣщали прислать въ отрядъ столько людей, сколько успеютъ набрать ²⁾. Михельсонъ привелъ всѣхъ явившихся къ присягѣ, выдалъ нѣкоторымъ охранные листы, а самъ торопился выступить къ Саткинскому заводу, такъ какъ получилъ вѣрное извѣстїе, что Пугачевъ успѣлъ собрать толпу до 6,000 человекъ и захватилъ въ свои руки Магнитную крѣпость.

¹⁾ Въ рапортѣ къ Щербатову, 5 мая 1774 г. Моск. Арх. Гл. Штаба. опись 47, кн. VIII.

²⁾ Рапортъ Михельсона князю Щербатову 13 мая 1774 г. Тамъ же.

II.

Дѣятельность Пугачева послѣ бѣгства въ Башкирію. — Неизвѣстность гдѣ онъ находится. — Волненія въ Башкиріи. — Появленіе Пугачева у Магнитной крѣпости и овладѣніе ею. — Усиленіе мятежниковъ. — Занятіе ими Карагайской, Петропавловской, Степной и Троицкой крѣпостей. — Побѣда, одержанная Деклонгомъ у Троицкой крѣпости. — Приказъ полковника Ступишина. — Энергическая дѣятельность Михельсона по преслѣдованію Пугачева.

Послѣ неудачи подъ Сакмарскимъ-городкомъ, Пугачевъ съ наибольшимъ числомъ своихъ приближенныхъ бѣжалъ въ сел. Таплы, гдѣ и ночевалъ. Отсюда, по совѣту старшины Ынзи, самозванецъ отправился въ Башкирію, собралъ себѣ новую толпу и пришелъ на Вознесенскій заводъ. Лишившись большей части своихъ сотрудниковъ, составлявшихъ такъ-называемую «*военную коллегію*», онъ взялъ къ себѣ въ секретари казака Ивана Шундѣева, а въ по-вытчики Григорія Туманова. Оба они сочинили отъ имени самозванца указы къ башкирскимъ старшинамъ и заводскому населенію о наборѣ вооруженныхъ людей и присылкѣ ихъ въ станъ государя. Указы были подписаны Иваномъ Твороговымъ и переведены на башкирскій (татарскій) языкъ Григоріемъ Тумановымъ; на каждомъ изъ указовъ была приложена печать съ плохимъ изображеніемъ мнимаго императора Петра III и съ его титуломъ¹⁾.

Съ подобными же указами были разсланы гонцы съ требованіемъ, чтобы населеніе въ окрестностяхъ Челябинъ и Чебаркуля готовило фуражъ и печеный хлѣбъ для «персональнаго шествія его величества съ арміею²⁾». Всѣ эти распоряженія принимались населеніемъ сочувственно, «и по тѣмъ указамъ, показывалъ Твороговъ, старшины и заводскіе прикащики давали людей охотно».

¹⁾ Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

²⁾ По составленному распisanію должно было быть заготовлено: въ Верхне-уральской крѣпости 30 четверт. овса и 200 пудовъ печенаго хлѣба; въ Козельской—20 четв. овса и 100 пуд. хлѣба; въ Кичигинской—15 четв. овса и 70 пуд. хлѣба; въ Нижне-уральской—30 четв. овса и 200 пуд. хлѣба; въ Еткульской—25 четв. овса и 150 пудовъ хлѣба; въ Еманжельинской—20 четв. овса и 100 пуд. хлѣба; всего 140 четвертей овса и 820 пудовъ хлѣба.

Пробывъ въ Вознесенскомъ заводѣ двое сутокъ и взявъ въ свою толпу всѣхъ годныхъ къ службѣ людей, Пугачевъ перешелъ на Авзяно-Петровскій Демидова заводъ, а затѣмъ на Бѣлорѣцкій заводъ, гдѣ и проводилъ всю святую недѣлю ¹⁾.

Въ это время силы его состояли изъ толпы башкирцевъ, число которыхъ опредѣлить трудно, и изъ 400 человекъ заводскихъ вооруженныхъ крестьянъ, взятыхъ на заводахъ. На соединеніе къ нему шелъ разбитый подъ Екатеринбургъ Иванъ Бѣлородовъ, успѣвшій собрать по дорогѣ значительную толпу мятежниковъ. Прибывъ въ сел. Верхнія-Киги и встрѣтивъ тамъ посланныхъ Пугачева съ указами, Бѣлородовъ выказалъ энергическую дѣятельность по формированію новыхъ силъ. Онъ разослалъ по разнымъ направленіямъ, преимущественно въ Кунгурскій уѣздъ, нѣсколькихъ башкирскихъ старшинъ и мещеряка Бахтіара Каныкаева и приказалъ имъ собирать войска и слѣдовать немедленно на Саткинскій Твердышева заводъ съ нимъ на соединеніе. Туда же приказалъ идти и сотнику Коновалову, находившемуся съ своею толпою въ Кунгурскомъ уѣздѣ.

«Напредъ сего, писалъ Бѣлородовъ ²⁾, даннымъ отъ меня тебѣ, Коновалову, повелѣніемъ велѣно собрать разбѣгшихся и прочихъ казаковъ, явиться къ соединенію въ одинъ корпусъ, точію я тебя по сіе время въ наличіи не имѣю. О семъ опредѣлено изъ государственнаго военнаго корпуса къ вамъ, Коновалову, послать сей ордеръ и притомъ накрѣпко подтвердить, что какъ наивозможно, съ полученія сего, съ имѣющеюся при тебѣ командою, слѣдуй ко мнѣ, Бѣлородову, въ Саткинскій заводъ для соединенія, ибо и батюшка нашъ великій государь Петръ Ѳеодоровичъ изволитъ слѣдовать въ здѣшніе края».

О томъ, гдѣ находился самозванецъ въ концѣ апрѣля ни Бѣлородовъ, ни главнокомандующій, ни отрядные начальники въ точности не знали. Подполковникъ Михельсонъ доносилъ, что Пугачевъ нахо-

¹⁾ Показанія Пугачева и Василя Коновалова. Государственный Архивъ, VI, дд. № 505 и № 512.

²⁾ Въ ордерѣ отъ 16 апрѣля 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 429.

дится на Авзяно-Петровскихъ заводахъ ¹⁾). Князь Щербатовъ писалъ, что слухъ носится, будто онъ съ башкирцами уходитъ за Уралъ ²⁾, а генераль-поручикъ Деколонгъ доносилъ, что 24 апрѣля онъ получилъ извѣстіе, будто бы Пугачевъ пришелъ въ Усть-Уйскую крѣпость, находившуюся въ 120 верстахъ отъ Троицкой и въ 100 верстахъ отъ Челябины. Это извѣстіе поставило Деколонга, находившагося въ сел. Бродокалмацкомъ, въ крайне тревожное состояніе. «Хотя я при себѣ войскъ имѣю двѣ полевыя команды, доносилъ онъ ³⁾, но на такового злодѣя рѣшиться при помощи Божіей не оставлю, предоставляя здѣшнія мѣста судьбинѣ Господней». Предполагая, что Пугачевъ имѣетъ силы «отважныя и отчаянныя», Деколонгъ ожидалъ отъ самозванца «могутаго» стремленія на его войска и потому счелъ необходимымъ присоединить къ себѣ легкую полевую команду, шедшую къ Екатеринбургъ, и отрядъ маіора Гагриня, находившійся въ Челябинскѣ.

«Что касается до Челябины, доносилъ Деколонгъ, которую по необходимости буде бы принужденно будетъ оставить, то какъ я прежними рапортами увѣрялъ и нынѣ повторяю: *сей городъ ничего нестоющій и нимало важнаго въ немъ не зависитъ, такъ какъ бы слобода себя содержитъ* и понапрасну войска въ немъ будутъ находиться». Находясь самъ всего въ 60 верстахъ отъ Челябинска, генераль Деколонгъ не двигался съ мѣста и опасаясь, что Пугачевъ обрушится на него всеми своими силами, предписалъ маіору Гагрину «къ походу состоять въ ежеминутной готовности» ⁴⁾. За три дня передъ тѣмъ Гагринъ получилъ письмо полковника Василя Бибикова, въ которомъ тотъ просилъ передать защиту Челябинска генералу Деколонгу, а самому съ отрядомъ идти на защиту Екатеринбургъ ⁵⁾. Гагринъ рѣшительно не зналъ

¹⁾ Рапортъ Михальсона князю Щербатову 25 апрѣля. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII.

²⁾ Рапортъ князя Щербатова военной коллегіи 28 апрѣля 1774 года, изъ Кавани. Тамъ же, книга IV.

³⁾ Въ рапортѣ на имя Бибикова, отъ 24 апрѣля, № 705. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книги IV и VIII.

⁴⁾ Предписаніе Деколонга Гагрину 24 апрѣля 1774 г. Тамъ же, кн. VIII.

⁵⁾ Письмо полковника Бибикова Гагрину 21 апрѣля 1774 г. Московск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII.

кого ему спасать. Въ окрестностяхъ Екатеринбургa было все спокойно, полковникъ Василій Бибииковъ имѣлъ достаточныя силы, чтобы не только защищать городъ, но и водворить спокойствіе въ окрестностяхъ ¹⁾. Деколонгъ также располагалъ гораздо большими силами чѣмъ Гагринъ, у котораго было всего 861 человекъ, считая въ томъ числѣ и плохо вооруженныхъ жителей. Не зная какъ поступить, Гагринъ спрашивалъ главнокомандующаго къ кому ему идти на соединеніе: къ Деколонгу или Бибиикову? или же оставаться въ Челябинскѣ до прибытія гарнизона ²⁾. Пастойчивыя требованія Деколонга заставили однакоже маіора Гагринна не ожидать рѣшенія главнокомандующаго, и имѣя въ виду, что въ окрестностяхъ Челябинска «россійскій народъ, кромѣ новобѣрцевъ, по пришествіи въ прежнее повиновеніе, состоитъ въ должномъ порядкѣ, тишинѣ и спокойствіи», Гагринъ пошелъ на соединеніе съ Деколонгомъ ³⁾.

Такимъ образомъ, Челябинскъ былъ опять предоставленъ самозащитѣ, а Деколонгъ 3-го мая съ тремя легкими полковыми командами двинулся къ Чебаркульской крѣпости. Отсюда онъ прошелъ въ Верхне-Яицкую, гдѣ, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ дней, пропустилъ Пугачева, давъ ему возможность выбраться изъ горъ и вновь овладѣть цѣлымъ рядомъ крѣпостей.

Нѣсколько недѣль, проведенныхъ Пугачевымъ на Бѣлорѣцкомъ заводѣ, были употреблены имъ съ пользою. Разосланные эмиссары, указы и приказанія самозванца подняли всю Башкирію. Собираясь вооруженными толпами въ разныхъ мѣстахъ, башкирцы грабили селенія, заводы и намѣрены были идти на соединеніе съ самозванцемъ ⁴⁾. Посланный для успокоенія ихъ подполковникъ Лазаревъ доносилъ, что русскія селенія покорились, а башкирцы объ этомъ и не думаютъ ⁵⁾.

¹⁾ Въ Екатеринбургѣ находились: одна легкая полевая команда, горнозаводская и двѣ гарнизонныя роты, 500 человекъ вооруженныхъ рекрутъ и два орудія. Москов. Арх. Глав. Шт., опись 47 кн. VIII.

²⁾ Разсудъ Гагринна на имя А. И. Бибиикова 25 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

³⁾ Въ разсудѣ князю Щербатову 3 мая 1774 г. Тамъ же.

⁴⁾ Показаніе Муссы Имаугулова. Москов. Арх. Главн. Штаба, оп. 47, кн. III

⁵⁾ Донесеніе Лазарева князю Щербатову, отъ 17 мая. Тамъ же, кн. IX.

Князь Щербатовъ по прибытіи своемъ въ Оренбургъ отправилъ башкирцамъ увѣщаніе, въ которомъ обѣщаль полное прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые оставятъ самозванца и придутъ въ полное повиновеніе правительству.

«Знакомъ повиновенія требую отъ нихъ, доносилъ онъ¹⁾, дабы каждый старшина, собравъ съ своего вѣдомства, по возможности, нѣкоторое число людей, присоединился съ ними къ войскамъ вашего императорскаго величества, для истребленія какъ самого обольстившаго ихъ злодѣя, такъ и злыхъ его сообщниковъ. Между тѣмъ всѣмъ воинскимъ командамъ предписалъ, дабы каждый, требуя исполненія сего отъ находящихся по близости его старшинъ, приказалъ въ виду своемъ производить сіе собраніе. Не повинующихся же захватывать и вмѣсто ихъ, по согласію народному, выбирать въ сіе званіе другихъ, болѣе къ должности подданнаго усердствующихъ».

Получивъ такое воззваніе, башкирцы собрались было въ нѣсколькихъ пунктахъ на совѣщаніе и высказывали желаніе покориться, но прибывшіе къ нимъ посланные самозванца и его воззванія измѣнили ихъ намѣреніе. Сторонники Пугачева осуждали дѣйствія правительства, указывали на жестокость и варварства мѣстныхъ властей и грозилъ истязаніемъ за теперешніе безпорядки. Собравшіеся на совѣщаніе помнили хорошо, что въ мартѣ одному изъ пойманныхъ въ Карагайской крѣпости башкирцевъ комендантъ полевоникъ Фокъ приказалъ отрѣзать носъ, уши и на правой рукѣ всѣ пальцы. — Въ такомъ видѣ оперированный башкирецъ былъ выпущенъ изъ крѣпости «для воздержанія товарищей» и объявленія имъ, чтобы прекратить буйство, «въ противномъ случаѣ жестокой казни не минуютъ»²⁾. Вожаки указывали также и на воззванія, обращенныя къ народу, въ которыхъ требовалась покорность и слышались только одніе угрозы и

¹⁾ Во всепод. рапортѣ, отъ 1 іюня 1774 года, № 3. Воен.-учен. арх., отд. I, д. № 104 'А), листъ 230.

²⁾ Экстрактъ о происшествіяхъ послѣ разбитія Пугачева подъ Сакмарскимъ городкомъ, представленный Рейнсдорномъ при рапортѣ Военной коллегіи отъ 7 іюля 1774 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, оп. 47 кн. IV.

въ будущемъ наказанія. Одно изъ такихъ воззваній принадлежитъ коменданту Верхне-Яицкой дистанціи.

«Башкирцы, живущіе около Верхне-Яицкой дистанціи! писалъ полковникъ Ступишинъ ¹⁾). Вѣдомо мнѣ, что межъ вами всякая дурость и шатаніе и вы ждете, что къ вамъ придетъ отъ Оренбурга съ великою силою оный воръ и самозванецъ Емелька, который, будучи простымъ казакомъ и изъ самаго подлаго рода, дерзнулъ назвать себя государемъ Петромъ III и вамъ якобы великія милости обѣщаетъ и *будете вы якобы жить безъ закона, какъ звери въ полѣ*. Я вамъ говорю — тому не вѣрьте и никакихъ милостей отъ вора не ждите; я вамъ говорю по долгу службы и присягѣ и по волѣ всемилостивѣйшей государыни нашей, отъ которой намъ должно ждать милости, а не отъ вора. Оный Емелька, увѣряю васъ, скоро войсками ея императорскаго величества будетъ пойманъ и достойную по дѣламъ казнь приметъ, да всѣ тѣ, кто его слушаетъ, также не жди себѣ пощады, всѣ также казнены будутъ. Ея императорское величество прощаетъ только тѣхъ, кто раскаяніе приноситъ, а не нераскаянныхъ злодѣевъ.

«Башкирцы! я знаю все, что вы замышляете; только знайте же и то: ежели до меня дойдетъ хоть какой слухъ, что вы, воры и шельмы, ждете къ себѣ тѣхъ воровъ и имъ кормъ и скотъ и себѣ стрѣлы и оружіе припасаете, то вы, шельмы этакіе, готовьте этотъ скотъ, барановъ и коровъ для меня съ командой, ибо я, услышавъ что-либо о вашей шалости, тотчасъ на васъ со всею моею командою изъ Верхне-Яицкой, Магнитной, Карагайской и Кизильской крѣпостей пойду и съ пушками, и тогда вы не ждите пощады: *буду васъ казнить, вѣшать за ноги и за ребра, дома ваши, хлѣбъ и сѣно подожгу и скотъ истреблю*. Слышите-ли? Если слышите, то бойтесь: я не люблю ни лгать, ни шутить. Вы меня знаете и я васъ очень хорошо знаю.

«Сего числа около Верхне-Яицкой пойманъ башкирецъ Зеутфундишка Мусинъ съ воровскими татарскими письмами отъ злодѣевъ и ко мнѣ оный башкирецъ приведенъ, и хотя онъ нѣмой,

¹⁾ Въ воззваніи, отъ 4 апрѣля 1774 года, № 274. *Оренбургскія Видомости* 1868 года, № 33.

однакожь тѣмъ, имѣвшимися у него, воровскими письмами довольно приличается, и того ради я велѣлъ оныя письма, при нагодномъ собраніи, сжечь и сожжены отъ профоса, а тому вору-башкирцу велѣлъ я отрѣзать носъ и уши и къ вамъ ворами съ симъ листомъ отъ меня посылаю.

«Говорю вамъ, башкирцы, если впредь кто съ такими письмами будетъ пойманъ, *вело пытать накрѣтку, а также носъ и уши отрѣжу*; знайте же то, воры, и ужасайтесь! Вы народъ еще дикій и неразумный и мнѣ васъ жалъ и я вамъ говорю именемъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни нашей, что всѣ тѣ, кто будетъ вѣренъ и къ злодѣямъ не пойдетъ и на жителство останется или даже хотя и былъ въ злодѣйскихъ толпахъ, но чистосердечное Богу и ея императорскому величеству раскаяніе принесетъ, тотъ весьма помилованъ будетъ...

«Башкирцы! приказываю вамъ: если у васъ есть какія татарскія воровскія письма, выдать ихъ мнѣ; хуже будетъ, если найду самъ или самъ за ними къ вамъ приду; выдайте мнѣ, если есть люди кто ихъ вамъ разноситъ и васъ мутитъ, тоже хуже будетъ если приду самъ этихъ воровъ искать — не ждите пощады. Всего же лучше совѣтую вамъ, кто изъ васъ хочетъ быть благоумысленъ и истиннымъ вѣрнопопданнымъ ея императорскаго величества, тотъ явись ко мнѣ въ Верхне-Яицкую въ комендантскую съ семьей и о своей вѣрности заяви мнѣ и я по усмотрѣнію или домой отпущу или оставлю на время въ крѣпостяхъ и дамъ вамъ мѣста, гдѣ кочевать, а неимущимъ и хлѣба дамъ. Вы думаете, и злодѣи васъ учатъ, что у меня хлѣба нѣтъ; мало-ли чего злодѣи ваши толкуютъ и письма свои воровскія шлютъ, только вы пожалѣйте сами себя, свой животъ и свои семейства, говорю вамъ толкомъ.

«Башкирцы! Если же вы, получа отъ меня листъ, который мною сего числа по всѣмъ крѣпостямъ Верхне-Яицкой дистанціи всенародно съ барабаннымъ боемъ объявленъ, воровскихъ писемъ и людей съ ними подосланныхъ не выдадите, или сами о покорности своей мнѣ не заявите, то я съ вами поступлю по власти мнѣ данной и безъ всякой пощады. Знайте, кто изъ васъ явится и о своей вѣрности ея императорскому величеству заявить ложно, тотъ *по великомъ истязаніи* будетъ казненъ смертію.

«Думайте! срокъ башкирамъ живущимъ близъ крѣпостей—три, а прочимъ — семь дней, иначе я буду съ вами по своему распоряжаться, какъ долгъ мой велить мнѣ».

Хотя послѣ такого воззванія и явилось къ Ступишину 330 семей, но впослѣдствіи башкирцы поддались вліянію вожаковъ и рѣшились отстаивать права мнимаго государя.

Въ Бѣлорѣцкій заводъ стекались отовсюду новыя толпы мятежниковъ, приходили по одиночкѣ заводскіе крестьяне, яицкіе казаки, успѣвшіе скрыться отъ преслѣдованія и пробравшіеся разными путями въ Башкирію, приходили калмыки, сакмарскіе и красногорскіе казаки и проч. Словомъ, къ началу мая Пугачевъ былъ окруженъ новою толпою отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ. Считая себя достаточно сильнымъ для того, чтобы вновь проявить свою дѣятельность, самозванецъ 2-го мая выступилъ изъ Бѣлорѣцкаго завода по направленію къ Верхне-Яицкой линіи, гдѣ его всего менѣе ожидали и гдѣ за малочисленностью гарнизоновъ онъ могъ разсчитывать на болѣе легкій успѣхъ.

Верхне-Яицкая дистанція состояла изъ крѣпостей Верхне-Яицкой, Магнитной, Карагайской и Кизильской. Во всѣхъ этихъ крѣпостяхъ, въ январѣ 1774 года, было до тысячи человѣкъ гарнизона и до 30 орудій¹⁾. Главнымъ пунктомъ всей дистанціи былъ Верхне-Яицкъ (нынѣ Верхне-Уральскъ), въ которомъ находился достаточный гарнизонъ, могущій оказать болѣе сильное сопротивленіе. Пугачеву же нуженъ былъ успѣхъ легкій, ибо толпа его въ это время состояла преимущественно изъ плохо вооруженныхъ башкирцевъ. Всякая неудача самозванца могла быть для него гибельною, тогда какъ успѣхъ въ овладѣніи крѣпостью могъ привлечь на его сторону даже и то населеніе, которое находилось въ выжидательномъ положеніи. Поэтому Пугачевъ не рѣшился идти на Верхне-Яицкую крѣпость, отстоявшую всего въ 50 верстахъ отъ Бѣлорѣцкаго завода, а избралъ для того Магнитную, находившуюся ниже, въ 70 верстахъ.

Предпринимая вновь наступательныя дѣйствія и стараясь уве-

¹⁾ Репортъ полковника Ступишина военной коллегіи 10 января 1774 г. *Оренбургскія Вѣдомости* 1868 г., № 33.

личить свои силы, Пугачевъ приказалъ башкирскимъ старшинамъ прибыть къ нему въ Магнитную и атаману Бѣлородову, съ его отрядомъ, идти къ нему на соединеніе.

«Вчерашняго числа, писала пугачевская коллегія Бѣлородову ¹⁾, къ тебѣ указъ посланъ о скоромъ съ своею командою и артиллеріею прибытіи къ его императорскому величеству подъ Магнитную крѣпость. А сего числа присланные нарочно изъ Чебаркульской отъ полковника Михайловскихъ казаки Антошъ Чехунишъ съ товарищемъ словесно его величеству донесли, что ты съ командою при тебѣ уже прослѣдовалъ въ Кудравинскую... По сему указу наистрожайше опредѣляется, съ полученія сего тотъ самый часъ выступить и секурсировать подъ Магнитную къ его величеству въ армію съ имѣющеюся при тебѣ артиллеріею, и по сему его величества указу чинить неупустительное исполненіе, не подвергая себя неупустительному штрафу. Его величество изъ Бѣлорѣцкой сего числа выступилъ и шествуетъ въ Магнитную».

Предавъ пламени Бѣлорѣцкій заводъ и проходя по селеніямъ, Пугачевъ обиралъ всѣхъ годныхъ лошадей, скотъ и запасы хлѣба ²⁾. Съ толпою около 5,000 человекъ онъ подошелъ 5-го мая къ Магнитной крѣпости и обружилъ ее со всѣхъ сторонъ. Бывшій за коменданта капитанъ Тихановскій встрѣтилъ мятежниковъ выстрѣлами и, при содѣйствіи жителей и гарнизона, до вечера отбивалъ всѣ атаки инсургентовъ. При всѣхъ усиліяхъ, Пугачевъ, не имѣя при себѣ артиллеріи, не могъ овладѣть Магнитною и самъ былъ легко раненъ въ руку. Съ наступленіемъ ночи, мятежники, раздѣленные на пять отрядовъ, подошли скрытно къ занютамъ, успѣли ихъ разбить и въ 3 часа утра 6-го мая овладѣли крѣпостью, причемъ Тихановскій съ женою, священникъ и жена поручика Можантинова были повѣшены ³⁾.

¹⁾ Отъ 2 мая 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 420.

²⁾ Рапортъ генералъ Фреймана князю Голицыну 4 мая 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

³⁾ Экстрактъ изъ дѣла о происшествіяхъ послѣ разбитія Пугачева подъ Самарскимъ-городкомъ, представленный Рейнсдорномъ военной коллегіи при рапортѣ отъ 7 іюля 1774 года. Тамъ же, книга IV. Исправляя показаніе Пугачева и свидѣтельство Пушкина о комендантѣ Магнитной, г. Анучинъ (Воен. Сборн. 1871 г., № 3, стр. 231) самъ ошибается и впадаетъ въ противорѣчіе. Онъ говоритъ, что

Въ Магнитной Пугачевъ оставался дня два и былъ усиленъ прибытіемъ Бѣлобородова съ толпою и яицкими казаками, подъ начальствомъ атамана Овчинникова. Послѣдній, послѣ пораженія Мансуровымъ яицкихъ казаковъ на р. Быковѣ, бѣжалъ съ сотникомъ Перфильевымъ и толпою въ 300 человекъ сначала къ Богуруслану, а потомъ къ Бугульмѣ, гдѣ и прорвались на новомосковскую дорогу. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, кружный путь до 300 верстъ отъ Оренбурга, Овчинниковъ и его сподвижники успѣли уйти въ Башкирію. Посланныя для преслѣдованія казаковъ команды не могли ихъ нагнать, потому что казаки въ каждомъ селеніи брали силою свѣжихъ лошадей, на которыхъ и скакали день и ночь ¹⁾. Проходя по башкирскимъ селеніямъ, Овчинниковъ и Перфильевъ распускали слухъ, что за ними идутъ нѣсколько тысячъ донскихъ казаковъ и калмыковъ ²⁾.

Пугачевъ былъ чрезвычайно доволенъ прибытію своихъ старыхъ сотрудниковъ, приведшихъ къ нему 300 человекъ яицкихъ казаковъ и до 200 человекъ заводскихъ рабочихъ ³⁾. Здѣсь же явились къ самозванцу и вызванные имъ башкирскіе старшины. Онъ принималъ ихъ торжественно, стоя у палатки и окруженный знаменами. «На немъ была шарчевая бекешъ, говорить Верховлапцевъ ⁴⁾, родъ казацкаго трюслина, сапоги красные, шанка сдѣлана изъ покрововъ церковныхъ, награбленныхъ его приверженцами, большею частію раскольниками и яицкими казаками».

Пугачевъ обошелся съ старшинами очень ласково, и зная ихъ ненависть къ русскимъ, предоставилъ полную свободу разорять всѣ вѣрности до основанія, обѣщая, что въ будущемъ вся земля въ Башкиріи будетъ принадлежать однимъ башкирцамъ и все русское населеніе будетъ выведено.

комендантъ былъ повѣшенъ, а затѣмъ на той же страницѣ упоминаетъ, что онъ пережилъ пугачевщину и былъ потомъ комендантомъ въ Верхнеуральскѣ. Рассказъ г. Мордочева о взятіи Магнитной не имѣетъ никакой достовѣрности (См. «Отеч. Записки», 1868 г., № 8—10, глава VI).

¹⁾ Репорты князя Голицына князю Щербатову 1 и 5 мая 1774 г. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга VIII.

²⁾ Репортъ кн. Голицына кн. Щербатову, отъ 6-го мая. Тамъ же.

³⁾ Показанія Пугачева, Василія Копвалова, Ивана Творогова и Бѣлобородова. Госуд. Арх., VI, д. №№ 429, 505 и 512.

⁴⁾ Читенія въ Общес. Истор. и древностей 1862 г., кн. III.

Башкирцы широко воспользовались этимъ позволеніемъ. «Буйство сего народа, писалъ впослѣдствіи князь Щербатовъ, ¹⁾ великія ихъ по всей Башкиріи собранія и явная преклонность къ злодѣю Пугачеву, о чемъ отсюду непрестанно приходящія извѣстія подтверждаютъ и что успѣли уже они во многихъ мѣстахъ развить свои злодѣйства, выжегши нѣкоторые заводы, убивъ въ оныхъ по нѣсколько человекъ русскихъ и дерзаютъ многія команды окружать, препятствуютъ мнѣ, всемилюбовѣйшая государыня, не только узнать начало-ли мое увѣщеваніе производить въ нихъ свое дѣйствіе, но и получать рапорты какъ отъ дальнихъ преслѣдующихъ злодѣя деташементовъ, такъ и отряженныхъ отсюда для обузданія сего вѣтреннаго народа».

Въ теченіе пятнадцати дней кн. Щербатовъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ отрядовъ.

Между тѣмъ Пугачевъ захватилъ съ собою 4 пушки, найденныя въ Магнитной крѣпости и 8-го мая выступилъ по направленію къ Верхне-Яицкой крѣпости, но неудачи подъ Татищевой и Сакмарскимъ-городкомъ заставили его быть осторожнымъ и избѣгать до времени встрѣчи съ правительственными войсками. Поэтому, подходя къ Верхне-Яицкой крѣпости и узнавъ, что тамъ «сидитъ» Деколонгъ съ отрядомъ, Пугачевъ обошелъ Уральскими горами и уничтожая за собою все мосты и переправы направился къ Карагайской. Какъ эта, такъ и все остальные крѣпости, лежащія на пути слѣдованія мятежниковъ, находились почти въ беззащитномъ положеніи и оборонялись ничтожными гарнизонами.

Паденіе Магнитной произвело большой переполохъ во всей окрестности, а движеніе самозванца внутрь Башкиріи замаскировало его дальнѣйшія намѣренія. Многіе думали, что онъ спустился внизъ по Яику и пошелъ къ Кизильской крѣпости. Команданты Уртазымской, Таналыцкой, Орской и даже Озерной крѣпости просили помощи у князя Голицына, предполагая, что Пугачевъ, по всей вѣроятности, намѣренъ вернуться къ Оренбургу ²⁾. Съ дру-

¹⁾ Во всепод. донесенія отъ 1-го іюня 1774 г. № 3 Воен.-учен. Арх. Отд., I, д. № 104 (А) листъ 231.

²⁾ Рапортъ полковника Демарина князю Голицыну отъ 14 мая 1774 года. Московскій Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. VIII.

гой стороны, комендантъ Верхне-Яицкой дистанціи собралъ къ себѣ гарнизоны изъ Карагайской, Петропавловской и Стенной крѣпостей, такъ что, когда Пугачевъ двинулся по этой линіи, то онъ не встрѣчалъ уже никакого сопротивленія и почти безпрепятственно овладѣлъ ими.

«По всей Оренбургской линіи, доносилъ Деклонгъ ¹⁾, крѣпости, сколько я ихъ видѣлъ, ни одна не имѣла земляного, ниже какого укрѣпленія». Всѣ онѣ были болѣею частію обнесены полустигившимъ деревяннымъ заплотомъ, представлявшимъ весьма малое сопротивление. Бывшіе въ крѣпостяхъ гарнизоны и жители въ большинствѣ не имѣли оружія, а стоявшія на вооруженіи орудія не приносили вреда мятежникамъ. «Разбойничья сволочь, сѣдившись, писалъ Деклонгъ, когда фитиль наносится къ выстрѣлу, тогда падаетъ на землю, а по выстрѣлѣ стремяглавъ бѣжить къ заплоту» и ломаетъ его.

Подойдя къ Карагайской крѣпости, Пугачевъ отправилъ Бѣлобородова уговорить гарнизонъ не сопротивляться. Гарнизона въ крѣпости совсѣмъ не было, потому что за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ вызванъ въ Верхне-Яицкую крѣпость, а въ Карагайской было нѣсколько человѣкъ отставныхъ, да и то очень старыхъ и дряхлыхъ, смотрителемъ надъ которыми былъ оставленъ прапорщикъ Вавиловъ. Послѣдній не считалъ возможнымъ сопротивляться и Пугачевъ занялъ крѣпость, взявъ въ ней годныя пушки, 1½ пуда пороха, сжегъ всѣ строенія и провіантъ, который не могъ взять съ собою, и пошелъ далѣе ²⁾.

Точно также поступилъ самозванецъ съ крѣпостями Петропавловскою и Стенною, редутами Подгорнымъ и Сапарскимъ. Казнивъ смертію большую часть захваченныхъ въ плѣнъ офицеровъ, Пугачевъ храмы Божіи выжегъ, въ образа святыя отъ богоотступниковъ стрѣляно, а другіе ими и кашу варили».

19-го мая самозванецъ овладѣлъ Троицкою крѣпостью. Комендантъ бригадиръ де-Фейерваръ и 4 офицера были убиты, казна и имущество жителей разграблены. Мятежники злодѣйствовали

¹⁾ Въ рапортѣ военной коллегіи 4 іюня 1774 года, № 990. Тамъ же, кн. IV.

²⁾ Показаніе Бѣлобородова 30 іюля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 429.

ужасно: жену Фейервара они привязали къ лошадиному хвосту и таскали по улицамъ; многихъ солдатъ и жителей выстроили въ шеренгу и перекололи копьями. Пугачевъ не рѣшился оставаться долго въ крѣпости, а предпочелъ остановиться въ 1½ верстахъ отъ нея, чтобы въ случаѣ атаки правительственными войсками имѣть всѣ средства къ побѣгу. Онъ зналъ, что столкновение это неизбежно и что по слѣдамъ его идетъ Деколонгъ съ своимъ отрядомъ. Но какъ самозванецъ, писавъ послѣдній ¹⁾, «проклятыя свои силы имѣеть конныя и несказанную взявъ злобу, по причинѣ полученнаго себѣ, будучи при атакѣ Магнитной крѣпости, въ руку блесировація (раненія), такъ скоро свой маршъ расположилъ, что я не могъ уже его тутъ (въ Карагайской) застать».

Уничтоженіе мятежниками запасовъ и мостовъ на дорогахъ заставило Деколонга отказаться отъ слѣдованія по этому пути и, поворотивъ на Уйсую крѣпость, онъ пошелъ черезъ Санарскій редутъ прямо къ Троицкой крѣпости, гдѣ и настигъ Пугачева. Въ Санарскомъ редутѣ онъ нашелъ множество брошенныхъ здѣсь плѣнныхъ, захваченныхъ Пугачевымъ въ пройденныхъ имъ крѣпостяхъ. Жены и дѣти офицеровъ были въ такомъ состояніи, «что оныхъ отличить отъ деревенскихъ самыхъ подлыхъ стряпушекъ, поутру около печей обращающихся», было невозможно. Большая часть ихъ была босикомъ и покрыта рубищемъ. Оставленные безъ пищи и крова, лишившіеся мужей и отцовъ, повѣшенныхъ самозванцемъ, плѣнные, число которыхъ доходило до трехъ тысячъ чело-
вѣкъ, возбуждали такое къ себѣ сочувствіе, что тотчасъ же были разобраны солдатами, накормлены, напоены и по возможности при-
крыты. Бѣдствія и лишенія, испытанныя ничѣмъ неповинными женщинами и дѣтьми, возбуждали въ солдатахъ ненависть къ мятежникамъ и не смотря на то, что отрядъ, со дня выступленія 15-го мая изъ Верхне-Яицкой крѣпости, двигался форсированными маршами, дѣлая въ сутки по 60 и болѣе верстъ, Деколонгъ рѣшился атаковать Пугачева, стоявшаго въ 1½ верстахъ отъ Троицкой крѣпости съ толпою до 10,000 чело-
вѣкъ.

¹⁾ Въ письмѣ генералу Рейнсдорну отъ 26 мая 1774 года. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

Въ 7 часовъ утра 21-го мая Деколонгъ подошелъ къ лагерю мятежниковъ и былъ встрѣченъ сначала огнемъ изъ орудій, а затѣмъ Пугачевъ атаковалъ отрядъ всѣми своими силами. Атака многочисленной, но нестройной толпы не имѣла успѣха, и лишь только Деколонгъ успѣлъ оправиться отъ перваго впечатлѣнія атаки и перешелъ въ наступленіе, инсургенты, по преимуществу банкирцы, тотчасъ же обратились въ бѣгство. Самъ Пугачевъ бѣжалъ съ нѣсколькими казаками и былъ преслѣдованъ поручиками Петромъ Беницкимъ и Иваномъ Борисовымъ съ казаками и драгунами. Беницкій находился уже шагахъ въ пятнадцать отъ самозванца, но тотъ ѣхалъ на свѣжей лошади, а лошади преслѣдователей были измучены и погоню пришлось прекратить ¹⁾). Раздробившись на мелкія партіи, мятежники бросались по разнымъ дорогамъ. Майоры Гагринъ и Жолобовъ преслѣдовали ихъ столь энергично, «что лежащихъ мошенническихъ труповъ на четырехъ слишкомъ верстахъ перечесть было невозможно». Здѣсь Пугачевъ лишился своего секретаря казака Ивана Шундѣева и повѣтчика Григорія Туманова. Самозванецъ потерялъ, по донесенію Деколонга, 28 орудій, 4,000 убитыми и 70 человекъ плѣнными; у него отбито 3,663 человекъ разнаго званія людей, въ числѣ коихъ были женщины и дѣти, захваченныя мятежниками въ пройденныхъ ими крѣпостяхъ. Сверхъ того, былъ захваченъ огромный обозъ съ награбленными вещами, «изъ котораго войска, что кто могъ захватить, *смысно воспользовались* за свои труды и усердность къ службѣ Ея Императорскаго Величества ²⁾»).

Пугачевъ скрылся. Куда онъ бѣжалъ и гдѣ появится вновь — было неизвѣстно. Начальникъ Верхне-Яицкой дистанціи, полковникъ Ступининъ, разослалъ повсюду гонцовъ съ приказаніемъ, чтобы коменданты подчиненныхъ ему крѣпостей готовились къ оборонѣ. Онъ отпривилъ къ нимъ конію съ слѣдующаго привеза отрядаго имъ на другой день послѣ пораженія мятежниковъ подъ Троицкою крѣпостью).

¹⁾ Изъ прошлаго. *Историческій Вѣстникъ* 1881 г., т. V, № 7, стр. 674.

²⁾ Ордѣръ Деколонга генералъ-майору Славону 27 мая 1774 г. *Историческій Вѣстникъ*, 1881 г., т. V, № 7, стр. 674.

«Военно-служащіе и жители Верхне-Яицкой крѣпости! писалъ полковникъ Ступишинъ ¹⁾. Божіимъ попущеніемъ и въ казнь за грѣхи наши и наше нераскаяніе посылаются вѣднѣемъ Божіимъ на насъ: напрасная смерть, потопы, глады и губительства, какъ сказано въ св. писаніи, и нынѣ все сіе надъ нами ясно совершается.

«Не безъизвѣстно всѣмъ вѣрнопопдавшимъ ся императорскаго величества все милостивѣйшей государыни нашей жителямъ Оренбургской губерніи, какъ то явствуетъ изъ прежде опубликованныхъ указовъ, объявленныхъ всенародно въ церквахъ и читанныхъ публично въ городахъ и крѣпостяхъ, что злодѣй вѣроотступникъ, бѣглый колодникъ и раскольникъ донской казакъ Емелька Пугачевъ, выдавъ себя за блаженный и вѣчно достойныя памяти въ Бозѣ почившаго государя Петра III, возмутилъ сначала яицкихъ казаковъ, забывшихъ Бога и страшнаго Его суда прещенія и приставшихъ къ тому злодѣю самозванцу, вѣроотступнику Емелькѣ».

Говоря, что Пугачевъ потерпѣлъ поражение подъ Оренбургомъ, скрылся въ Башкирію, возмутилъ туземное населеніе, Ступишинъ прибавлялъ, что теперь самозванецъ намѣренъ идти по Уральской линіи побѣтать крѣпости, «а жителей перебить, а которыхъ вмѣстѣ съ землями киргизамъ отдать».

«Злодѣй Емелька манитъ многихъ обѣщаніями, но кто же, спрашивалъ Ступишинъ, помня Бога и присягу, повѣритъ ему, oprичъ такихъ же воровъ, вѣроотступниковъ, шельмъ, какъ онъ самъ. Въ здѣшнихъ, Оренбургской губерніи, городахъ и крѣпостяхъ не мало есть, какъ отъ шляхетства, такъ и солдатства, особливо проживающихъ въ отставкѣ, которые служили въ Петербургѣ въ лейбъ-гвардіи полкахъ и блаженной памяти императора Петра III помнятъ, да и того вора Емельку выдали и подъ присягою говорили, что Емелька воръ и самозванецъ.

«Если Божіимъ попущеніемъ онъ, воръ, злодѣй Емелька, придетъ къ Верхне-Яицкой крѣпости, станемъ всѣ отъ мала до ве-

¹⁾ Въ ордерѣ отъ 22 мая 1774 года по Верхне-Яицкой и прочимъ крѣпостямъ. Памятная книжка Оренбургской губерніи на 1865 г.

лика, *кто въ силу поднять хоть камень*, а живыми не дадимся въ руки злодѣя, не дадимъ ему ругаться храмомъ Божиимъ, женами и дѣтьми нашими.

«Первый умру за вѣру и государыню я, комендантъ, и всѣ мои подначальные офицеры; надѣюсь, что не постыдятъ себя за начальными людьми и солдаты.

«Будемъ живы, отразимъ злодѣя и наградить насъ Богъ и ся императорское величество, а погибнемъ — то яко мученики обрѣтемъ вѣнецъ нетлѣнный. Оружія у насъ довольно, свинцу и провіанту тоже, солдаты молодцы. Кто изъ жителей хочетъ оружія, требуй пороха и свинца изъ комендантской канцеляріи. Между нами, какъ отъ солдатъ служащихъ и отставныхъ, нѣтъ измѣнниковъ и трусовъ, а если такіе есть — я не держу, иди въ вѣчную гибель и къ злодѣю Емелькѣ, только назадъ такого не приму и съ повинною, а по власти мнѣ данной, таковой злодѣй будетъ весьма лишень живота.

«Предписываю воинскимъ начальникамъ и жителямъ вѣренной мнѣ дистанціи крѣпко смотрѣть за ворами-башкирцами и киргизами, приѣзжающимъ будто бы на торгъ, не переметчики-ли они и нѣтъ-ли у нихъ какихъ воровскихъ писемъ? Буде каковые окажутся, то брать и представлять въ комендантскую канцелярію.

«Ордеръ сей прочитатъ по ротамъ и капральствамъ и объявить по Верхне-Яицкой крѣпости и прочимъ крѣпостямъ съ барабаннымъ боемъ».

Спустя нѣсколько дней было получено извѣстіе, что разсѣянные подъ Троицкою толпы мятежниковъ вновь соединились и Пугачевъ съ болѣею частію своей толпы ушелъ по челябинской дорогѣ на Нижне-Увельскую слободу, которую разграбилъ и выжегъ до 90 дворовъ. Преслѣдуемый маіорами Гагринымъ и Жолобовымъ, отправленными по дорогѣ къ Чебаркульской крѣпости, Пугачевъ проскакалъ черезъ Кичигинскую крѣпостцу, захватилъ тамъ 50 казаковъ и направился къ Коельской крѣпости, гдѣ натѣнулся на отрядъ подполковника Михельсона ¹⁾.

¹⁾ Рапортъ Деколонга военной коллегіи отъ 4 іюня 1774 года, № 998. Письмо его генералу Рейнсдорпу отъ 26 мая 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

Прибывъ въ Саткинскій заводъ 15-го мая и узнавъ о приближеніи Пугачева въ Босельской крѣпости, Михельсонъ 16-го числа выступилъ прямою дорогою къ вершинамъ р. Яика, желая выйти на встрѣчу самозванцу,—и 17 мая остановился неподалеку отъ Уральскихъ горъ, въ вершинахъ р. Ай, верстахъ въ 70 отъ Саткинскаго завода. Отсюда онъ выслалъ развѣзды для полученія свѣдѣній о неприятелѣ, отъ которыхъ узналъ, что въ семи верстахъ отъ отряда, въ глубинѣ горъ, стоитъ толпа башкирцевъ до тысячи человекъ. Выславъ авангардъ, Михельсонъ двинулся впередъ и скоро замѣтилъ, что башкирцы, слѣшившись, расположились по высотамъ и намѣрены задержать отрядъ въ тѣсномъ проходѣ. Но желая атаковать неприятеля въ лобъ, Михельсонъ отправилъ въ обходъ горы 150 человекъ кавалеріи, и лишь только она показалась въ тылу неприятеля, онъ перешелъ въ наступленіе съ главными силами. Принятыя въ два огня, башкирцы дрались отчаянно. Подъ защитою кольчугъ и латъ, сдѣланныхъ изъ заводской жести, матежники бросались на отрядъ «съ великимъ бѣшенствомъ», но должны были уступить регулярнымъ войскамъ и, потерявъ до 300 человекъ убитыми, оставили свою позицію и рассыпались въ разныя стороны. Лишившись 18 человекъ убитыми и 45 человекъ ранеными¹⁾, самъ Михельсонъ приписывалъ столь значительную потерю упорству, съ которымъ дрались башкирцы. «Живыхъ злодѣевъ, доносилъ онъ²⁾, я едва могъ получить два человека, изъ забѣжавшихъ въ озеро. Каждый изъ сихъ варваровъ кричалъ, что лучше хочетъ умереть нежели сдаться. Я не могу понять причины жестокосердія сихъ народовъ. Злодѣй Пугачевъ оныхъ хотя и увѣрилъ, что будутъ все переведены (истреблены), однако, чтобъ имъ неказать противное, я не только каждаго, который ко мнѣ попадался, оставлялъ безъ всякаго наказанія, но и давалъ имъ нѣсколько денегъ и отпускалъ оныхъ съ манифестами и увѣщаніями въ ихъ жилища».

Очистивъ себѣ путь горами, Михельсонъ въ тотъ же день прибылъ въ Бундрозинскую слободу. Здѣсь онъ узналъ о разбитіи

¹⁾ Въ числѣ убитыхъ былъ Чугуевскаго полка поручикъ Замошниковъ.

²⁾ Въ рапортѣ кн. Щербатову, отъ 22 мая 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга IX.

Деколонгомъ самозванца подъ Троицкой и о бѣгствѣ Пугачева по линіи. На другой день, пройдя верстъ 20, Михельсонъ, лишь только сталъ выходить изъ лѣса, близъ дер. Лягушиной, какъ увидѣлъ, что на полянѣ верстахъ въ пяти отъ отряда стоитъ толпа мятежниковъ не менѣе какъ въ 2,000 человекъ. «Я имѣвъ извѣстіе, писалъ онъ¹⁾, что Пугачевъ разбитъ, никакъ себѣ не могъ представить, чтобъ сія толпа была Пугачева, а болѣе думалъ, что идетъ корпусъ генераль-поручика Деколонга, почему и послалъ развѣдать, а самъ, выбравъ по выходѣ изъ лѣса удобное мѣсто, построился къ бою».

Мятежники бросились на высланные разѣзды и вся толпа ихъ стала приближаться къ отряду, огняя его лѣвый флангъ. Михельсонъ повернулъ свой фронтъ налѣво и, имѣя въ строю всего 500 человекъ регулярныхъ войскъ, долженъ былъ отдѣлнить нѣкоторую часть для прикрытія обоза, больныхъ и раненыхъ. Едва успѣлъ онъ перемѣнить фронтъ и стать лицомъ къ неприятелю, какъ пусуренты, на половину спѣшившись, бросились на орудія «и не взирая на сильный уронъ ударили въ копья, однако нашими штыками были приняты хорошо». Въ это время Пугачевъ съ своею конницею атаковалъ лѣвый флангъ Михельсона и смялъ бывшую тамъ иррегулярную новобрчскую команду. Считая себя побѣдителями, мятежники бросились въ разсыпную на обозъ, чѣмъ и воспользовался Михельсонъ. Ставъ во главѣ эскадрона Изюмскихъ гусаръ, онъ лично повелъ его въ атаку и приказалъ сдѣлать то же и всей остальной кавалеріи. Одновременная атака въ разныхъ пунктахъ и налетъ Михельсона на самого Пугачева и окружавшихъ его янцкихъ казаковъ рѣшили дѣло. Самозванецъ бѣжалъ однимъ изъ первыхъ, а его примѣру послѣдовала и вся толпа, преслѣдуемая Михельсономъ болѣе 15 верстъ. Мятежники потеряли до 600 человекъ убитыми и около 400 плѣнными, преимущественно изъ заводскихъ крестьянъ. Они лишились единственной своей пушки, продовольственныхъ припасовъ и обоза, въ которомъ была найдена голубая лента установ-

¹⁾ Въ рапортѣ кн. Щербатову, отъ 23 мая 1774 г. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опшсь 47, кн. IX.

леннаго Пугачевымъ ордена, которую онъ надѣвалъ на себя въ торжественныхъ случаяхъ¹⁾). Переночевавши на мѣстѣ сраженія и предполагая, что Пугачевъ снова бросится на заводы, чтобы набрать тамъ ополченіе и соединиться съ башкирцами, Михельсонъ двинулся къ Чебаркульской крѣпости, куда, по слѣдамъ самозванца, слѣдовали также отряды майоровъ Жолобова и Гагринна.

Узнавъ въ Чебаркульѣ, что Пугачевъ находится въ 20 верстахъ за р. Косыбою и желая окружить его со всѣхъ сторонъ, Михельсонъ просилъ Жолобова и Гагринна продолжать движеніе, а самъ повернулъ на Златоустовскій заводъ. Такимъ образомъ, если бы самозванецъ повернулъ въ правую сторону къ Кыштымскому заводу, то онъ наткнулся бы на отрядъ Деколонга, въ лѣвую сторону—на отрядъ Михельсона; позади же себя имѣлъ отряды Жолобова и Гагринна. Будучи охваченъ съ трехъ сторонъ, доносилъ Михельсонъ²⁾, «злодѣй останется у насъ въ срединѣ и къ одному или другому изъ насъ попасться долженъ».

Слѣдуя въ Златоустовскомъ заводу, Михельсонъ 25 мая наткнулся въ лѣсу на башкирскіе коши, увѣщевалъ ихъ отстать отъ самозванца и, оставивъ ихъ въ покоѣ, обѣщалъ 10,000 руб. тому, кто поймаетъ Пугачева. Двигаясь далѣе, отрядъ остановился на ночлегъ, въ 7 верстахъ отъ Златоустовскаго завода за горами, и узналъ, что на заводъ пріѣзжало человекъ 100 яицевыхъ казаковъ набирать ополченіе и объявляли, что Пугачевъ съ 2,000 человекъ идетъ на Саткинскій заводъ, гдѣ его ожидаетъ значительная толпа башкирцевъ подъ начальствомъ Салавата. Михельсонъ тотчасъ же повернулъ на Саткинскій заводъ, куда и прибылъ на разсвѣтѣ 27-го мая. Тамъ было дѣйствительно большое сборище башкирцевъ, но при появленіи отряда они стали быстро отступать. «Хотя, доносилъ онъ, болѣе 20 верстъ отряженнымъ мною майоромъ Харинимъ и были преслѣдованы, однако догнать ихъ было невозможно. По слѣдамъ видно было, что они чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разсыпались и напоследокъ слѣдъ пропалъ». Башкирскій

¹⁾ Въ журналѣ дѣйствій отряда Михельсона между прочимъ записано: «Сказываютъ, что орденъ сей назывался черная борода».

²⁾ Въ рапортѣ вл. Щербатову, отъ 27 мая. 1774 г. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

старшина Анчигуль съ 500 человекъ направился къ дер. Киги, на кунгурской дорогѣ, а Салаватъ съ толькою до тысячи человекъ, - на Симскій заводъ, который былъ разграбленъ, весь выжженъ и до 102 человекъ жителей умерщвлено. По дорогѣ къ Симскому заводу Салаватъ распускалъ слухъ, что Пугачевъ разбилъ Михельсона и обѣщалъ 300 рублей награды тому, кто доставитъ ему послѣдняго ¹⁾).

На Саткинскомъ заводѣ Михельсонъ узналъ, что, вопреки увѣренію и обѣщанію Деколонга, отрядъ Жолобова не пошелъ къ Кыштымскому заводу, а повернулъ къ Чебаркулю и Кундраважъ и найдя ихъ разоренными и выжженными, пошелъ къ Челябинъ.

Жолобовъ говорилъ, что пересѣченная дорога и переправы черезъ двѣ рѣки заставили его отказаться отъ движенія къ Кыштымскому заводу, а между тѣмъ такое измѣненіе въ направленіи отрядовъ дало возможность Пугачеву, почти о-бокъ съ войсками, усилиться, произвести новые грабежи и разоренія.

Сожалѣя о такой бездѣятельности войскъ Деколонга и не имѣя никакихъ извѣстій о дѣйствіяхъ отряда князя Голицына, Михельсонъ рѣшился преслѣдовать Салавата и двинуться на Красноуфимскъ, «дабы въ случаѣ, ежели бы Пугачевъ, писалъ онъ, сверхъ моего чаянія, вновь могъ усилиться, я былъ бы въ состояніи его встрѣтить, не допуская до Екатеринбурга».

Необходимость исправить артиллерию, запастись продовольствіемъ, а главное дать нѣкоторый отдыхъ отряду, преслѣдовавшему непріятели безъ отдыха въ теченіе сорока дней, заставили Михельсона сдѣлать дневку, которая и была первою со дня выступленія его изъ гор. Уфы ²⁾).

30 мая Михельсонъ выступилъ къ Симскому заводу и подойдя

¹⁾ Репортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 8 іюня 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IX.

²⁾ Въ это время въ отрядѣ Михельсона находились: команды Томскаго и Вятскаго пѣхотныхъ полковъ, перваго фузilierнаго полка и по одному эскадрону С.-Петербуркскаго карабинернаго, Архангелогородскаго карабинернаго, Ишимскаго гусарскаго и Чугуевскаго казачьяго полковъ, эскадронъ, сформированный казанскимъ купечествомъ и команда медвѣрковъ подъ начальствомъ старшины Сугтана Мурада Янышева. За все время дѣйствій отрядъ потерялъ: 40 человекъ убитыми, 140 человекъ ранеными и 140 лошадей выбывшими изъ строя.

къ переправѣ на р. Ай, нашелъ ее уничтоженною, паромы изрубленными, а горы, на противоположномъ берегу, занятыми башкирцами, въ числѣ 800 человекъ подъ начальствомъ Салавата, надѣявшагося задержать здѣсь отрядъ и нанести ему поражение. На разсвѣтѣ 31-го мая Михельсонъ отыскалъ мѣсто, удобное для переправы въ бродъ, приказалъ скрыть часть берега, выставилъ всѣ орудія, бывшія при отрядѣ и, подъ прикрытіемъ ихъ огня, началъ переправу. Сначала перешла пѣхота, за нею орудія и ящики съ вынутыми зарядами, а потомъ кавалерія. Утвердившись на противоположномъ берегу, Михельсонъ приказалъ пѣхотѣ штурмовать горы, а кавалеріи зайти неприятелю въ тылъ. Башкирцы оставили свои позиціи и были преслѣдованы на протяженіи 20 верстъ, причѣмъ потеряли до 150 человекъ убитыми и 3-хъ взятыми въ плѣнъ¹⁾. Михельсонъ остановился лагеремъ на мѣстѣ сраженія и, за неимѣніемъ никакихъ извѣстій о неприятелѣ, 2 іюня подошелъ къ дер. Ыгамъ.

Находясь еще на Саткинскомъ заводѣ, онъ получилъ донесеніе изъ Чебаркуля, Кундравовъ и Златоустовскаго завода, что о Пугачевѣ ничего не слыхать и гдѣ онъ находится—неизвѣстно. Между тѣмъ Пугачевъ простоялъ спокойно четыре дня на р. Миасѣ, усилилъ свое сборище до 2,000 человекъ, сжегъ Чебаркуль, Кундравинскую слободу, Златоустовскій и Саткинскій заводы, и 3 іюня совершенно неожиданно атаковалъ Михельсона. Послѣдній встрѣтилъ мятежниковъ контръ-атакою, сломилъ ихъ и приказалъ кавалеріи преслѣдовать бѣгущихъ. Подвигаясь самъ за кавалерією, онъ отдѣлился отъ обоза версты на полторы, когда получилъ извѣстіе, что обозъ атакованъ и окруженъ еще большею толпою мятежниковъ, подошедшихъ съ тыла подъ начальствомъ самого Пугачева и что отступавшіе башкирцы, получивши подкрѣпленіе, снова переходятъ въ наступленіе. Поручивъ майору Харину съ частію отряда и двумя орудіями удерживать наступавшихъ башкирцевъ, самъ Михельсонъ съ остальными войсками бросился къ обозу. Послѣ весьма горячей схватки Пугачевъ былъ отбитъ и, преслѣдуемый, скрылся въ

¹⁾ Рапортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 1 іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

горахъ, въ вершинахъ рѣки Ай, оставивъ на полѣ сраженія до 400 тѣлъ. Лишившись 23 человекъ убитыми и 16 ранеными ¹⁾, Михельсонъ считалъ потерю мятежниковъ незначительною и сожалѣлъ, «что съ малою моею командою, отягощенною ранеными и больными, почти остаюсь во всѣхъ мѣстахъ единственно дѣйствующій корпусъ, не видя отъ прочихъ, мнѣ равныхъ, никакой помощи» ²⁾. Генераль Фрейманъ со своимъ отрядомъ стоялъ въ Кизильской крѣпости почти безъ всякой дѣятельности. Онъ присоединилъ къ отряду Тимашева небольшую команду подъ начальствомъ капитана Краевича и поручилъ имъ преслѣдовать башкирцевъ, скрывавшихся въ Уральскихъ горахъ по направленію къ Зелларской крѣпости. Гдѣ находился Пугачевъ, генераль Фрейманъ не зналъ и въ то время, когда самозванецъ дрался съ Михельсономъ, Фрейманъ двинулся къ Верхне-Яицкой крѣпости, такъ какъ 4 іюня получилъ рапортъ коменданта той крѣпости Ступнишина, будто Пугачевъ съ 7,000 человекъ стоитъ отъ него всего въ 12 верстахъ ³⁾.

Не болѣе дѣятельнымъ былъ и Декомонгъ. Онъ писалъ длинные рапорты, хвастался своими успѣхами и обѣщалъ въ будущемъ сдѣлать многое, но съ мѣста не сдвигался. «Ваше сіятельство, писалъ онъ князю Щербатову ⁴⁾, изволите вспомнать и заботите себя объ Екатеринбургскомъ вѣдомствѣ, оное я, какъ вамъ уже извѣстно давно, прикрылъ на отраженіе злодѣя своими войсками и извольте быть увѣренными: гдѣ только нужда потребуетъ я могу съ такими силами успѣть, упущенія не сдѣлаю, а стараюсь усердно во всѣ мѣста давать помощь безъ всякаго подкрѣпленія. Но теперь изволите изъ всѣхъ обстоятельствъ и довольно вамъ и пынѣ изъявленныхъ видѣть, *какое число войскъ я имѣю?*»

Опять жалоба на недостатокъ средствъ, и слѣдовательно законный предлогъ къ бездѣятельности!

¹⁾ Въ числѣ раненыхъ былъ храбрый волонтеръ-полякъ Врублевскій, получившій семь ранъ копьями и стрѣлами.

²⁾ Рапортъ Михельсона князю Щербатову. 3 іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

³⁾ Рапортъ Фреймана князю Щербатову 4 іюня 1774 года, № 35. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

⁴⁾ Въ письмѣ, отъ 21 іюня 1774 года. Тамъ же, книга X.

Одинъ только Михельсонъ не считалъ силъ ни своихъ, ни вражьиыхъ, не стѣснялся препятствіями мѣстности и неутомимо преслѣдовалъ непріятеля.

На утро, послѣ боя у дер. Кыги, онъ узналъ, что Пугачевъ ночевалъ всего въ 15 верстахъ отъ отряда и переправляется на противоположную сторону р. Міаса. Михельсонъ тотчасъ же двинулся на перерѣзъ пути, и лишь только появился въ виду мятежниковъ, какъ Пугачевъ самъ атаковалъ его, но потерялъ отъ 70 до 100 человекъ, былъ разбитъ и преслѣдованъ «елико мѣсто, доносилъ Михельсонъ ¹⁾), и утомленные мои кони позволяли».

Имѣя при себѣ значительный обозъ съ ранеными, больными и артиллерією, Михельсонъ сознавалъ, что угоняться за мятежниками ему невозможно. Имѣя въ виду что Пугачевъ имѣлъ при себѣ не болѣе 300 человекъ бурлаковъ и яицкихъ казаковъ, что вблизи этихъ мѣстъ долженъ былъ находиться отрядъ генерала Фреймана, «а кунгурская и екатеринбургская стороны довольно прикрыты корпусомъ Деколонга, Михельсонъ рѣшился повернуть на дер. Ераль (Юраль) и идти къ Хлынову, куда, по извѣстіямъ, намѣренъ былъ направиться Пугачевъ для захвата пороху и артиллеріи.

Двигаясь прямымъ путемъ черезъ Симскій заводъ на село Богородское и далѣе на городъ Уфу, Михельсонъ надѣялся въ послѣднемъ пунктѣ укомплектоваться лошадьми и боевыми припасами, въ которыхъ ощущалъ «великій недостатокъ». Слѣдуя изъ города Уфы къ Биреку, Михельсонъ надѣялся перерѣзать Пугачеву путь и не допустить его въ приволжскія губерніи.

«Ежели же то точная правда, доносилъ онъ ²⁾), что злодѣй пойдетъ къ Хлынову, куда ему, по тамошнимъ великимъ лѣсамъ, пробираться весьма способно, то не иначе думаю, что станеть пробираться черезъ р. Каму на Волгу. Около Хлынова, сказываютъ, множество крестьянъ и называютъ ихъ великими плутами. Чтобы башкирцы самозванца Пугачева, а особливо уральскіе, столь далеко стали провозать, я не надѣюсь».

¹⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову отъ 8 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

²⁾ Тамъ же.

III.

Начало волненій въ великороссійскихъ губерніяхъ. — Мѣры правительства. — Тревожные слухи о замыслѣ Пугачева посягнуть на жизнь особъ императорской фамиліи. — Опроверженіе этихъ слуховъ. — Соединеніе обѣихъ секретныхъ комиссій въ одну. — Назначеніе П. С. Потемкина начальникомъ комиссій. — Инструкція ему данная.

Благопріятныя извѣстія, приходившія въ Петербургъ объ успѣхахъ нашихъ войскъ и пораженіи мятежниковъ въ разныхъ пунктахъ, были омрачены распространившимся въ половинѣ мая слухомъ, что волненія возникаютъ въ Воронежской и другихъ великороссійскихъ губерніяхъ. Въ апрѣлѣ, между крестьянами Воронежской губерніи распространился слухъ, что за Казанью царь Петръ Ѳедоровичъ отбираетъ у помѣщиковъ крестьянъ и даетъ имъ волю. Крестьяне Кадомскаго уѣзда (нынѣ заштатный городъ Тамбовской губерніи) села Кавресъ, въ числѣ 367 душъ, собрались на сходку и рѣшили послать двухъ человекъ къ самозванцу съ прошеніемъ, чтобы не быть имъ болѣе за помѣщиками, а быть вольными ¹⁾. До столицы стали доходить также слухи, что воронежскій губернаторъ обременяетъ населеніе излишними работами и возбуждаетъ тѣмъ неудовольствіе. Смутныя обстоятельства вообще и нежелапіе раздражать населеніе побудили правительство обратить на это серьезное вниманіе.

«Ея величество, писала Г. А. Потемкинъ князю А. А. Вяземскому ²⁾, запоматовала вамъ вчера сказать, что она намѣрена была. Приказала мнѣ вамъ сообщить, чтобы вы написали къ губернатору воронежскому Шетневу партикулярное письмо: какъ извѣстно ея величеству, что сей г. Шетневъ болѣе десяти тысячъ народу держитъ согнаннаго для дѣланія дороги преспективой. Сіе некстати въ разсужденіи поры рабочей, а еще больше по обстоятельствамъ. Притомъ ему, г. губернатору, не съ преспективъ бы и начинать нужно, а есть дѣла важнѣе въ его губерніи, которыя

¹⁾ Письмо воронежскаго губернатора Шетнева А. И. Бибикову, 11 апрѣля 1774 года, № 625. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

²⁾ Въ собственноручномъ письмѣ безъ числа и мѣсяца.

требуютъ поправленія. Если это правда, то не худо бы на него немного покричать».

Шетневъ отвѣчалъ, что слухи ложны и донесенія на него сдѣланныя невѣрны.

«Преспективой дороги я никогда дѣлать не начиналъ, отвѣчалъ онъ князю Вяземскому ¹⁾, а было нижеслѣдующее: 1) въ полученномъ о строеніи гор. Воронежа и Высочайше апробованномъ планѣ, вѣздъ въ оный городъ съ московской стороны сажень 200 отъ прежде бывшей дороги; а гдѣ былъ прежній вѣздъ, тутъ (велѣно) сдѣлать валъ и вѣзду на томъ мѣстѣ быть не положено; 2) по тому, назначенному отъ Москвы, вѣзду и дорогу на старую привести необходимо принуждено; 3) по именному указу, данному бывшему губернатору, Высочайше повелѣно около дорогъ обсадить березки, коихъ, по прибытіи моемъ, ни одного дерева не найдено, а которыя и посажены были — поломаны, а иныя засохли и вновь перемѣняемы не были; 4) въ силу прежнихъ и подтвердительнаго 1765 года сентября 16 указовъ, коими велѣно съвозъ лѣса дороги прорубить на 30 саж., никогда прорублены не были и тѣмъ воровскіе люди имѣли способъ укрываться и дѣлать вредъ и грабежъ людямъ.

«Итакъ, исполняя сіи Высочайшія повелѣнія, старался, во-первыхъ, сдѣлать назначенный валъ бывшими плѣнными турками, производя имъ въ добавокъ повелѣннаго жалованья изъ собственныхъ моихъ денегъ; а во-вторыхъ, дорогу привести къ тому мѣсту, гдѣ ворота и вѣздъ назначены, для чего приказалъ отъ того вѣзду на старую дорогу снять планъ. По снятіи усмотря изъ него, что по прежней дорогѣ, отъ Воронежа до послѣдней станціи, числится по почтовому календарю 28 верстъ, а если нѣкоторыя излучины выкинуть и сдѣлать по самой той же дорогѣ, то и будетъ отъ Воронежа до первой почты только 22 версты съ нѣсколькими саженьями — что сдѣлаетъ пользу: первое, что отъ остающихся отъ прогоновъ денегъ казнѣ приращеніе; другое и самимъ жителямъ выкинетъ шесть верстъ въ ѣздѣ, а паче изъ прежней

¹⁾ Въ письмѣ отъ 30 августа 1774 года. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

дороги безмала сорокъ десятищъ получится въ прибавокъ земли для пашни... И къ той работѣ употреблялись изъ полицейскихъ десятскихъ и изъ гарнизонныхъ мастеровой роты солдатъ, а къ тому самое малое число обывателей, да и всѣхъ съ десятскими и солдатами не болѣе какъ отъ 50 до 100 человекъ въ разные дни находилось и для одной только вырубки лѣсовъ. Причемъ обыватели долѣе не были какъ по одному, по два и не болѣе трехъ дней и то въ такую пору, что яровой хлѣбъ былъ уже посѣянъ, а сѣнокосу и жатвы хлѣба никто еще не зачиналъ, да и вся работа продолжалась съ перемѣнами не болѣе цѣдѣли».

Не смотря на всѣ отговорки воронежскаго губернатора, ему было сообщено, что теперь не время заниматься подобными работами и что гораздо полезнѣе будетъ, если онъ обратитъ вниманіе на жителей и приметъ мѣры къ тому, чтобы не раздражать ихъ. Последнее обстоятельство особенно занимало императрицу и она, желая отклонить населеніе отъ Пугачева и привлечь его на сторону правительства, не пренебрегала никакими средствами. Такъ, въ іюнѣ оберъ-комсданту крѣпости св. Димитрія, генералъ-маіору Потапову, было Высочайше повелѣно прекратить всѣ слѣдственныя дѣла надъ доносими казаками, выпустить всѣхъ арестованныхъ и объявить имъ «Наше милостивое прощеніе и оставленіе дальняго взысканія, въ разсужденіи вѣрныхъ и усердныхъ заслугъ сего войска въ пынѣшнюю войну оказанныхъ»¹⁾.

Казаки особенно привлекали на себя вниманіе Екатерины и спокойствіемъ ихъ она очень дорожила, въ особености послѣ того, какъ до Петербурга дошли слухи, что Пугачевъ отправилъ въ столицу нѣсколькихъ человекъ казаковъ съ ядомъ для отравленія особъ императорской фамилии.

Послѣ занятія генераломъ Мансуровымъ Яицкаго-городка, въ числѣ бѣжавшихъ на Иргизъ мятежниковъ и пойманныхъ Г. Р. Державинымъ былъ нѣкто Иванъ Мамаевъ. При первыхъ его допросахъ казалось, что онъ не хочетъ говорить истину, лжетъ и скрываетъ что-то весьма важное. Державинъ доносилъ, что «со-

¹⁾ Указъ Потапову, отъ 21 іюня 1774 года. Архивъ Канц. воен. министерства, Высоч. повелѣн., кн. № 68.

вершенно тайность души его отырыть не могъ, но только какъ онъ ни пугается, а думать надобно, что человекъ хранящій великое таинство и самый важный. Онъ желаетъ себѣ смерти и съ радостью отъ нея не отрекается, готовъ все показать и отъ всего отрещися, но только весьма не дуракъ» ¹⁾.

Сначала Мамаевъ говорилъ, что онъ бѣглый солдатъ, что содержался вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ казанскомъ острогѣ и бѣжалъ изъ тюрьмы; что въ послѣднее время онъ былъ секретаремъ самозванца и знаетъ, что яицкіе казаки отравили въ Петербургъ довѣренныхъ съ ядомъ ²⁾.

Заявленіе это надѣлало много шума въ столицѣ, тѣмъ болѣе, что сообщивъ примѣты посланныхъ, Мамаевъ какъ бы усиливалъ достовѣрность своего показанія. Объ отысканіи посланныхъ, писалъ князь А. А. Вяземскій къ Г. А. Потемкину ³⁾, «по описаннымъ примѣтамъ кажется нужно употребить все силы, а между тѣмъ должно и по Царскому селу ⁴⁾ таковыхъ велѣть присматривать, какъ между челоубитчиками, бродягами, такъ и между работниками. Всякая порядочная осторожность лишнею быть не можетъ».

«Мнѣ кажется, отвѣчалъ Потемкинъ ⁵⁾, что это не новое и хотя болыше на вздоръ нежели на дѣло походитъ, однакожъ въ столь важнѣйшемъ пунктѣ, какъ драгоценному здоровью касающемся, не худо сдѣлать строгое изысканіе, что я здѣсь произвестъ не оставлю».

Лично Екатерина не вѣрила въ справедливость показанія Мамаева. «Je crois, писала она Г. А. Потемкину ⁶⁾, que la montagne assomble d'une sougîs; однако, если гдѣ сихъ шалуновъ отыскать должно, то чаю, здѣсь, въ Царскомъ селѣ, а то нигдѣ не опасны».

Разославъ повсюду примѣты мнимо посланныхъ ⁷⁾, императрица

¹⁾ Всепод. докладъ поручика Василія Собыкина 11 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 460.

²⁾ Показаніе Мамаева. Тамъ же.

³⁾ Въ собственноручномъ письмѣ 22 мая. Государств. Арх., VI, дѣло № 488.

⁴⁾ Гдѣ жила тогда императрица.

⁵⁾ Князю Вяземскому, отъ 23 мая. Государств. Архивъ VI, д. № 460.

⁶⁾ *Сборникъ Императ. русскаго историч. общества*, т. XIII, 407.

⁷⁾ См. указъ оренбургской секретной комиссіи. *Чтенія* 1869 года, кн. II, 69. Пожизныя показанія Мамаева, см. *Русскую Старину* 1876 г., т. XVII, стр. 53.

крайне заинтересовалась показаніями Мамаева. Надѣясь узнать отъ него, какъ отъ человѣка близкаго Пугачеву, нѣкоторыя подробности о возстаніи, Екатерина II приказала привезти Мамаева въ Петербургъ. «Я весьма любопытна, писала она князю Вяземскому ¹⁾, прочесть еще разъ вранье Мамаева и ваши выправки и примѣчанія о семъ дѣлѣ и думаю, что нужно его самого сюда взять, дабы онъ противорѣчiami *коммиссію тамошнюю не исконфузилъ*. А для примѣра и безъ него есть у нихъ кого повѣсить».

Наведенныя предварительно справки по главнѣйшимъ пунктамъ показанія Мамаева, заставили его, по доставленіи въ Петербургъ, сознаться во всемъ. Онъ признался, что былъ дворовый человѣкъ помѣщика Федора Васильевича Ржевскаго, изъ имѣнія его Нижне-Ломовскаго уѣзда; что настоящее имя его Николай Михайловъ Смирновъ; что въ январѣ 1773 года бѣжалъ въ Илецкую защиту, жилъ въ работникахъ у казака Рыбникова, былъ въ шайкѣ Пугачева, а потомъ въ Яицкомъ - городкѣ. Признаваясь, что никогда не былъ секретаремъ у самозванца, Мамаевъ (Смирновъ) объявилъ, что посылка казаковъ съ ядомъ имъ выдумана, что онъ «лгалъ и болталъ отъ страха, видя, что поручикъ Державинъ хочетъ его сѣчь ²⁾».

Угрозы и пытки при допросахъ были строго воспрещены императрицею, а между тѣмъ до нея стали доходить слухи, что подобныя мѣры предпринимаются въ слѣдственныхъ комиссіяхъ. Занятые административными распоряженіями и водвореніемъ спокойствія въ губерніяхъ, генералы фонъ-Брандтъ и Рейнсдорпъ не имѣли возможности посвятить себя всецѣло слѣдственнымъ дѣламъ и они перешли въ руки молодыхъ, энергичныхъ, но не вполне опытныхъ офицеровъ. Въ показаніяхъ допрашиваемыхъ были невыясненныя противорѣчія и оговоры невиновныхъ лицъ, сдѣланные подъ вліяніемъ страха и угрозъ. Опасенія, чтобы, съ одной стороны, не были пущены въ дѣло пытки и истязанія, а съ дру-

¹⁾ Въ письмѣ безъ мѣсяца и числа. Государств. Архивъ, VI, д. № 460.

²⁾ Всеподданнѣйшая записка князя Вяземскаго 21 іюня 1774 года. Государств. Архивъ, VI, д. № 460. По Высочайше утвержденной конфирмаціи 7 іюля 1774 г., Мамаевъ (Смирновъ) сосланъ въ Таганрогъ «въ тяжкую работу», гдѣ и приказано его «содержать всю жизнь въ оковахъ».

той—чтобы подсудимые своими показаніями не «окофузили» комиссій, императрица признала болѣе удобнымъ соединить опять въ одно обѣ секретныя комиссіи и назначить имъ общаго руководителя. Такимъ лицомъ былъ избранъ троюродный братъ фаворита, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, произведенный, 17 марта, изъ бригадировъ въ генералъ-маіоры и вызванный въ Петербургъ изъ арміи графа Румянцова ¹⁾.

Поручая П. С. Потемкину секретныя комиссіи, Екатерина опредѣлила кругъ его дѣятельности въ особой, составленной для того инструкціи.

«Извѣстны уже вамъ, писала императрица П. С. Потемкину ²⁾, происшедшіе бунты на Яикѣ и въ Оренбургской губерніи, для угашенія коихъ посланы туда войска, которыя, такъ какъ и все сіе дѣло, поручены были въ главное предводительство и управленіе покойному генералъ-аншефу Бибикову. Вслѣдствіе чего и учреждена имъ въ Казани, по нашему повелѣнію, секретная комиссія, для произведенія разбирательства и слѣдствія надъ пойманными злодѣями. По разбитіи же Пугачева и по освобожденіи Оренбурга учреждена и тамо, по повелѣнію нашему, такая же комиссія подъ вѣдѣніемъ губернатора. Равномѣрно и казанская, по смерти генерала Бибикова, поручена отъ насъ казанскому губернатору. Нынѣ же дѣла тамошняго края возымѣли такой оборотъ, что оба тѣ губернатора должныствуютъ быть единственно упражняемы внутренними гражданскими дѣлами своихъ губерній; то мы, имѣвъ достаточное испытаніе о вашей ревности и раченіи къ службѣ нашей, заблагоразсудили васъ опредѣлить главнымъ къ обѣимъ тѣмъ комиссіямъ, яко нераздѣлимую между собою по дѣламъ связь имѣющимъ. Того ради повелѣваемъ вамъ:

«*Первое*, отправиться отсюда въ Казань и въ Оренбургъ съ включенными здѣсь отъ насъ указами къ обоимъ тѣмъ губерна-

¹⁾ Архивъ Канцел. военнаго министерства, Высоч. повелѣнія, кн. № 68. Арх. Сената, копія Высоч. повелѣній, кн. № 207. Письмо Г. А. Потемкина графу З. Г. Чернышеву 23 марта 1774 г. На основаніи этихъ данныхъ, собственноручную записку императрицы, помѣщенную на стр. 403, т. XIII *Сборника Императорскаго историч. общества* слѣдуетъ отнести къ марту мѣсяцу, вмѣсто апрѣля 1774 г.

²⁾ Въ инструкціи отъ 11 июня 1774 г. Мы приводимъ полный текстъ инструкціи потому, что намъ придется говорить о ней въ будущемъ.

торамъ, по силѣ которыхъ и должны вы принять отъ нихъ подъ свое вѣдомство тѣ комиссіи со всеми въ нихъ находящимися лейбъ-гвардіи офицерами и съ принадлежащими къ отправленію тѣхъ дѣлъ разными офицерами и служителями.

«*Второе*, равномерно принять отъ помянутыхъ губернаторовъ насланные отъ насъ къ нимъ именныя наши повелѣнія по тѣмъ обѣимъ комиссіямъ; а отъ офицеровъ лейбъ-гвардіи нашей — данныя комиссіи отъ насъ указы, ордера и наставленія покойнымъ генераломъ Бибиковымъ. То и другое долженствуетъ вамъ служить настоящимъ руководствомъ въ производствѣ дѣлъ на первый случай, слѣдовательно вы и имѣете во всемъ поступать точно по тѣмъ нашимъ именнымъ повелѣніямъ.

«*Третье*, при производимыхъ вопросахъ и слѣдствіяхъ поручаемъ вамъ главнѣйшимъ попеченіемъ: 1) узнать и открыть истинное познаніе о тѣхъ прямыхъ причинахъ и междуособной оныхъ связи, кои произвели толикое зло въ той части имперіи нашей, а особливо въ яицкихъ жилищахъ, яко въ первоначальномъ гнѣздѣ онаго; 2) изыскать на мѣстѣ лучшія и удобнѣйшія средства къ совершенному искорененію тѣхъ вредныхъ причинъ и 3) изобрѣсть новыя и надежнѣйшія для передо положенія, на которыхъ можно бы было впредь основать и установить поселянскій порядокъ и повиновеніе возмутившагося яицкаго народа.

«*Четвертое*, къ отправленію комиссіи вашей нужны вамъ быть могутъ разныя свѣдѣнія и вспоможенія отъ казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ; вы оныя имѣете отъ нихъ въ свое время по настоящимъ надобностямъ требовать.

«*Пятое*, для удобнѣйшаго исполненія намѣренія нашего, съ которымъ мы васъ отправляемъ, имѣете вы принять и содержать въ особенномъ вашемъ вѣдомствѣ и командѣ всѣхъ возвратившихся и возвращающихся въ повиновеніе яицкихъ казаковъ, и не дѣлая еще никакого рѣшительнаго и новаго съ ними положенія, устроить однакожь между ими и въ ихъ жилищахъ повиновеніе, тишину и спокойство до того времени, пока отъ насъ рѣшительное впредь положеніе о нихъ учинено будетъ, въ слѣдствіе того, что вы, по точному разсмотрѣнію объ ономъ за полезнѣйшее нашедъ, намъ донесете; а дабы тѣмъ охотнѣе

сіи казаки къ законному повиновенію возвращались, можете вы сдѣлать отъ имени вашего объявленія, въ подтвержденіе данныхъ о томъ отъ насъ манифестовъ, въ тамошнемъ краю опубликованныхъ.

«*Шестое*, по вступленіи вашемъ въ дѣло, повидимому нужнѣйшее въ томъ состоятъ будетъ, чтобъ вы, персоною своею произведя къ себѣ въ яицкихъ казакахъ уваженіе и довѣренность, поселили въ нихъ духъ кротости и истинное раскаяніе о прежнихъ преступленіяхъ. Въ способствованію же вамъ во всемъ семъ дѣйствіи гражданской политики, *если вамъ какое вспоможеніе нужно будетъ и отъ командировъ войскъ нашихъ въ тамошнемъ краю обращающихся, вы можете онаго отъ нихъ требовать*, о чемъ и указъ нашъ туда къ главному командиру, генералъ-поручику князю Щербатову, отправленъ будетъ.

«*Седьмое*, точнаго и особливаго пребыванію вашему мѣста мы вамъ предписать не хотимъ, а имѣете вы обращаться въ томъ и другомъ мѣстѣ по вашему усмотрѣнію, гдѣ и когда дѣла ваши требовать того будутъ. На отправленіе же ваше отсюда всемилоостивѣйше вамъ жалуемъ двѣ тысячи рублей; а на комисскія расходы пять тысячъ рублей.

«Впрочемъ, всѣ ваши донесенія имѣете вы отправлять прямо къ намъ, и мы уповаю, что вы благоразумнымъ вашимъ исполненіемъ сего вамъ порученнаго и толь важнаго для спокойства отечества дѣла наивящше себя достойнымъ сдѣлаете нашего монаршаго благоволенія, съ которыми къ вамъ благосклонными пребываетъ».

Получивъ эту инструкцію, П. С. Потемкинъ отправился въ Казань, гдѣ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ самозванцемъ и его толпою.

IV.

Дѣятельность Пугачева по формированію новаго ополченія. — Манифесты его съ общаніемъ льготъ и милостей. — Грабежи башкирцевъ. — Дѣйствія отрядовъ, направленныхъ въ Башкирію. — Появленіе мятежниковъ у Осы. — Дѣятельность Михельсона. — Прибытіе въ станъ самозванца купца Долгополова. — Свиданіе его съ Пугачевымъ. — Паденіе города Осы. — Приближеніе Пугачева къ Казани.

Скрывшись, при помощи горъ и лѣсовъ, отъ преслѣдованія Михельсона, Пугачевъ пробрался на р. Міась, гдѣ и соединился съ толпою башкирцевъ, бродившихъ между Челябиною и Чебаркулемъ. Здѣсь самозванецъ въ теченіе восьми дней «скоплялся», т. е. собиралъ толпу и устраивался. Потерявъ бѣльшую часть членовъ бывшей военной коллегіи и имѣя при себѣ изъ оставшихся только одного Творогова, Пугачевъ выбралъ въ секретари бѣлаго мценскаго купца Ивана Трифонова, принявшаго на себя имя Алексѣя Дубровскаго, и въ помощь ему назначилъ повытчикомъ заводскаго крестьянина Герасима Степанова. «Хотя отъ сей погубельной должности и много я отговаривался, показывалъ Дубровскій¹⁾, только избавиться не могъ и именованъ я у него секретаремъ».

Новыя должностныя лица немедленно приступили къ дѣлу и, по приказанію самозванца, разослали повсюду указы о наборѣ новаго ополченія. Такъ какъ бѣльшая часть этого ополченія должна была состоять изъ башкирцевъ, то Пугачевъ, желая завлечь и удовлетворить ихъ желанію, увѣрялъ, что пойдетъ въ Уфу для встрѣчи сына своего Павла Петровича, который идетъ къ нему съ 40,000 войскомъ. Одного старшину онъ пожаловалъ генераломъ, другого бригадиромъ и человекъ 10 полковниками. Всѣхъ остальныхъ старшинъ самозванецъ обѣщалъ наградить богатыми кармазинными кафтанамъ, съ золотымъ позументомъ²⁾.

¹⁾ Показаніе Дубровскаго 27 сентября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

²⁾ Показаніе калмыка Кашкина и сотника Илькябаева 14 іюня 1774 г. Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. X. Показаніе Перфильева 12 сентября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 425.

Въ указѣ, обращенномъ къ русскому населенію ¹⁾, Пугачевъ писалъ, что «мы отеческимъ нашимъ милосердіемъ и попеченіемъ жалуемъ всѣхъ вѣрноподанныхъ нашихъ, кои помнятъ долгъ свой къ намъ присяги, *вольностию, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутскъ набору*, коими бозна сама собою довольствоваться можетъ, а войско наше изъ вольножелающихъ къ службѣ нашей великое исчисленіе имѣть будетъ. *Сверхъ того, въ Россіи дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями тягочать не будетъ*, понеже каждый почувствуетъ прописанную вольность и свободу» ²⁾.

Общая милости, Пугачевъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы въ случаѣ появленія злодѣевъ (правительственныхъ войскъ), всѣ его вѣрноподанные истребляли «опыхъ злодѣевъ и себя тѣмъ злодѣямъ въ обиду не отдавать» ³⁾.

Указы самозванца произвели громадное впечатлѣніе не только на башкирцевъ, но и на все русское населеніе. Башкиры и заводское населеніе поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Они грабили и разоряли заводы. Ночью 22 мая башкирцы сожгли Уртазымскую крѣпость, а на слѣдующій день разграбили и сожгли Симскій заводъ.

Въ началѣ іюня они разорили въ Уфимскомъ уѣздѣ заводы: Воскресенскій и Верхотурскій, Богоявленскій (въ 10 верстахъ отъ Табынска), Архангельскій (въ 50 верстахъ отъ Табынска), Кавтаскій и другіе. Заводчики просили помощи, но князь Щербатовъ отвѣчалъ, что на каждый заводъ онъ не можетъ поставить отдѣльной команды, а причина разоренія заключается въ томъ, что «жестокость заводчиковъ съ своими крестьянами возбудила ихъ ненависть противъ господъ» ⁴⁾.

Ненависть эта была такъ сильна, что ни увѣщанія, ни воззванія на нихъ не дѣйствовали; преслѣдующіе отряды ходили по

¹⁾ Въ заголовкѣ этого документа было написано: «Указъ нашего императорскаго величества самодержца всероссійскаго вѣрноподаннымъ рабамъ, сынамъ отчества, наблюдателямъ общаго спокойствія и тишины».

²⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

³⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 420.

⁴⁾ Экстрактъ изъ дѣла о Пугачевѣ. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга IV.

разнымъ направлѣнiямъ, но башкирцы, уклоняясь отъ боя, собирались болѣе или менѣе значительными толпами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ войскъ не было.

Юня 3-го Тимашевъ настигъ съ своимъ отрядомъ толпу близъ Зелаирской крѣпости, разбилъ ее, но преслѣдовать далеко не могъ, за пересѣченностью мѣстности и усталью лошадей, тогда какъ мятежники имѣли заводныхъ или были о дву-конь. «Я же, доносилъ Тимашевъ ¹⁾, не могъ отъ нихъ, злодѣевъ, пользоваться хорошими лошадьми, а бралъ кобылъ и молодыхъ неѣзженныхъ лошадей».

Продовольствуя на пути отрядъ мѣстными запасами, Тимашевъ, по прибытіи въ Зелаирскую крѣпость, принужденъ былъ остановиться, чтобы сдѣлать необходимыя запасы продовольствiя. Черезъ день, 5-го юня, онъ произвелъ набѣгъ съ 500 человекъ на Преображенскій заводъ, но нашелъ его сожженнымъ и почти безъ населенiя, частію умерщвленнаго, а частію уведеннаго за мятежниками, ушедшими на р. Сакмару.

Возвратившись обратно въ Зелаирскую крѣпость, Тимашевъ получилъ приказаніе генерала Фреймана идти къ нему на соединеніе. «Верхне-Яицкія обстоятельства показываютъ, писалъ Фрейманъ ²⁾, что злодѣи находятся недалеко отъ упомянутой крѣпости. Сейчасъ выстунаю; вы должны меня, черезъ скорый маршъ, догнать или вы будете въ великомъ отвѣтѣ».

Послѣ такого строгаго предписанiя Тимашевъ принужденъ былъ оставить то направленіе дѣйствiй, которое было ему указано княземъ Голицынымъ и идти на соединеніе съ Фрейманомъ. Подходя къ Кизильской крѣпости, въ вершинахъ Таналыкскихъ, Тимашевъ былъ атакованъ толпою калмыковъ и башкиръ въ числѣ 2,000 человекъ. Послѣ весьма упорнаго и продолжительнаго боя, мятежники отступили и раздѣлились на двѣ части: одна пошла къ рѣкѣ Бѣлой, а другая — въ Прентицкія горы ³⁾. Торопясь соединиться

¹⁾ Рапортъ Тимашева князю Голицыну 5-го юня 1774 г. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. IX.

²⁾ Въ письмѣ Тимашеву безъ числа. Тамъ же.

³⁾ Рапортъ Тимашева князю Голицыну 11 юня 1774 г. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. IX.

съ генераломъ Фрейманомъ, Тимашевъ не преслѣдовалъ ихъ, и 11-го іюня пришелъ въ Бизильскую крѣпость, но Фреймана тамъ не засталъ. Послѣдній перешелъ въ Уйскую крѣпость, въ которой и оставался долгое время, занимаясь заготовленіемъ продовольствія для отряда ¹⁾.

Отодвинутые войсками отъ Уральскихъ горъ, мятежники, подъ начальствомъ Бѣлородова, въ числѣ до 3,000 человекъ, преимущественно русскихъ заводскихъ крестьянъ и красноуфимскихъ казаковъ, собрались у Красноуфимска. Для разсѣянія ихъ подполковникъ Поповъ выступилъ изъ Кунгура съ отрядомъ въ 810 человекъ пѣхоты и 4 орудіями ²⁾. Въ 8 верстахъ отъ Красноуфимска, 11-го іюня, они встрѣтили отрядъ «сильною мелкаго ружья стрѣльбою и держали до 6 часовъ».

«Пороху у нихъ столь довольно было, доносилъ Поповъ, что у убитыхъ оставалось патроновъ по 15, и сверхъ того, въ мѣшечкѣ у каждаго было особливо по полфунта».

Окруженный почти со всѣхъ сторонъ, Поповъ построилъ свой отрядъ въ каре и отступалъ въ такомъ строѣ почти 30 верстъ подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля. 13-го іюня онъ вернулся въ Кунгуръ и, видя многочисленность непріятеля, просилъ помощи. «Конницы у меня, кромѣ мужиковъ, нѣтъ, писалъ онъ Фрейману, да и воечныхъ, и то рекрутъ, до 350 человекъ. Въ такомъ случаѣ вашему превосходительству донеся, покорнѣйше прошу ко истребленію сихъ злодѣевъ подать мнѣ и городу помощь».

Положеніе Кунгура становилось опять весьма затруднительнымъ и опаснымъ. На другой день послѣ возвращенія Попова, т.-е. 14-го іюня, было получено донесеніе, что Уинскій и Иргинскій заводы сожжены, что толпа мятежниковъ появилась въ 40 верстахъ отъ Кунгура въ селѣ Введенскомъ (Совсунское тожь), въ 27 верстахъ въ Ильинскомъ острожкѣ, въ Ачитской крѣпости и что Бѣлородовъ 13-го іюня прибылъ въ село Алтынное (въ 80 верстахъ отъ Кунгура), взялъ въ толпу 50 человекъ и всѣхъ

¹⁾ Шифрованный рапортъ Фреймана князю Щербатову отъ 20 іюня 1774 г. № 41. Тамъ же, книга X.

²⁾ Въ отрядѣ Попова было 10 гарнизонныхъ солдатъ, 400 вооруженныхъ рекрутъ и 400 вооруженныхъ мужиковъ.

лошадей. На слѣдующій день его посланные явились за тѣмъ же въ село Златоустовское и дер. Берехову ¹⁾).

Незадолго передъ тѣмъ башкирцы выжгли предмѣстье Табынска и отогнали скотъ. Находившійся въ Стерлитамакѣ подполковникъ Рылѣевъ выступилъ на выручку Табынска, а башкирцы, воспользовавшись его уходомъ, бросились на Стерлитамацкую пристань, но были предупреждены полковникомъ Шепелевымъ, явившимся съ пѣхотою, посаженною на лошадей ²⁾).

Разсыпавшись по окрестностямъ, мятежники переходили отъ одного пункта къ другому, то сосредоточивались въ весьма значительныя партіи, то разбивались опять на мелкіе отряды. Не имѣя опредѣленной цѣли для дѣйствій, они уговаривали населеніе возстать въ защиту Пугачева и его правъ, какъ истиннаго государя, на престолъ всероссійскій.

— Подлинно государь Петръ III императоръ восходитъ по прежнему на царство, говорилъ своимъ односельцамъ крестьянинъ села Троицкаго (Старый-посадъ) Данило Котельниковъ. — Былъ онъ по всему государству и развѣдывалъ тайно обиды и отягощенія крестьянъ отъ бояръ. Хотѣлъ онъ три года о себѣ не давать знать, что живъ, но не могъ претерпѣть народнаго разоренія и тягости. Взявъ въ свое владѣніе Оренбургъ, Уфу, Ново-Троицкую и Чебаркульскую крѣпости, онъ отправилъ въ Москву для покоренія сто полковъ, а подъ Кунгуръ идетъ съ полковникомъ Бѣлородовымъ 20 полковъ. Построилъ государь въ степи пороховые и пушечные заводы, дѣлаетъ бѣлый и черный порохъ. Бѣлый порохъ сильно палитъ, а огоньку не даетъ. Пушекъ у государя великое множество и поставлены онѣ въ Ново-Троицкой крѣпости въ шесть ярусовъ. Ту Ново-Троицкую крѣпость наименовалъ онъ Петербургомъ, а Чебаркуль—Москвою. Его высочество цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ великою княгинею Натальею Алексѣевною и графъ З. Г. Чернышевъ приѣхали въ Оренбургъ. Его высокопревосходительство генералъ-аншефъ А. И. Бибииковъ съѣхался съ

¹⁾ Рапортъ пермской провинціальной канцеляріи генералу фонъ-Брандту 13-го іюня 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

²⁾ Рапортъ полковника Шепелева кн. Шербатову 7-го іюля 1774 г.

государемъ и, увидя точную его персону, весьма устранился, принявъ изъ пуговицы крѣпкое зелье и умеръ. Полковникъ Бѣлобородовъ прислалъ въ Бунгуръ къ воеводѣ Миллеру указъ, чтобы отнюдь не воевалъ, почему воевода и отозвался, что болѣе воевать не будетъ, за что его государыня отъ воеводства отрѣшила. Казенный Уткинскій заводъ и городъ Екатеринбургъ не воюютъ, а только мутить всею здѣшнею стороною ассессоръ Башмаковъ, называя государя злодѣемъ, за что государь приказалъ его поймать и въ мелкія части изрубить.

— Отъ кого ты все это слышалъ? спрашивалъ случившійся въ толпѣ канцеляристъ Степанъ Трубниковъ.

— Бѣ степановскому мельнику, отвѣчалъ Ботельниковъ, писалъ служитель Юговскаго завода Гаврило Ситниковъ, находящійся нынѣ при арміи государя атаманомъ. Да и потому каждому разумѣть можно, что если бы это былъ подлинно не государь, то давно бы полки были присланы. Теперь хотя двѣ роты съ майоромъ и были присланы, но и тѣ пропали безъ вѣсти. Мы съ часу на часъ ждемъ, чтобы быть за государемъ, и хотя за государыню другую присягу принимали, но не отъ чистосердечнаго своего желанія, а по принужденію. Государь обѣщаетъ во многихъ указахъ, что подушныя деньги будутъ собираемы только по 70 коп. съ души, какъ и при прежнихъ государяхъ было.

Не смотря на всю нелѣпность разказа Ботельникова ¹⁾, населеніе безусловно вѣрило въ справедливость ихъ и рѣшило отстаивать права государя, надѣясь получить отъ него многія милости и льготы. Возстаніе снова разгоралось тамъ, гдѣ прежде было совершенно покойно или гдѣ жители были усмирены при помощи войскъ. 3-го іюня казанскій губернаторъ генералъ фонъ-Брандтъ писалъ генералъ-прокурору князю Вяземскому, что въ его губерніи совершенно покойно, что жители вносятъ подушныя деньги и собираютъ рекрутъ ²⁾, а между тѣмъ, наканунѣ отправленія этого письма тулвенскіе татары банкирцы подошли къ г. Осѣ. Собравшись въ числѣ до 3,000 человекъ и остановившись близъ дер. Гамиць,

¹⁾ Рапортъ канцеляриста С. Трубникова ассессору Башмакову отъ 3 іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

²⁾ Госуд. Арх., VI, д. № 504.

они отправили въ городъ Осу письмо съ требованіемъ вывести гарнизонъ.

«Симъ письмомъ во извѣстіе объявляемъ, писали они начальнику отряда, унтеръ-шихтмейстеру Леонтію Ѳедоровичу Яковлеву ¹⁾. Сего 1774 года іюня 2-го дня присовѣтывали мы всѣ вышеименованные и къ лучшему разсудили для государственной и народной пользы, чтобы вамъ, г. унтеръ-шихтмейстеру, и со всею командою изъ города Осы выдти въ свои жительства и жить по старому. Если же сего числа изъ города Осы не изволите выступить, то мы всѣ башкирцы со всею командою чинить будемъ противъ васъ сопротивленіе неотмѣнно, понеже какъ мы, такъ и вы произвели государственному интересу немалый ущербъ, также и промежду собою немалыя ссоры. Если же вы изъ города Осы со всею командою выступите, то мы, какъ осинской волости крестьянамъ, такъ и вашимъ обывателямъ обидъ и разореніевъ никакихъ причинять не будемъ впредь до указа, а сверхъ того, желаемъ мы обращаться во всякомъ благополучіи».

Получивши это письмо, Яковлевъ вмѣстѣ съ воеводою Пироговскимъ выступили изъ гор. Осы, присоединили себѣ постъ въ 100 человекъ, стоявшій въ сел. Горахъ, и заняли дер. Гамицы, гдѣ находилось команды до 200 человекъ. Башкирцы отступили и требовали, чтобы Яковлевъ вступилъ съ ними въ переговоры, но послѣдній отправилъ вмѣсто себя воеводу Пироговскаго, муллу Атнагулова и татарина Усаева.

Башкирскіе уполномоченные объявили высланнымъ, что готовы покориться, если русскія войска не будутъ вводимы въ ихъ селенія. Требованіе это не могло быть исполнено, и Яковлевъ, не считая себя въ силахъ разогнать собравшуюся толпу, возвратился въ Осу со всѣмъ своимъ отрядомъ ²⁾.

Башкирцы заняли близлежащія села: Горское, Рождественское, Гамицы и возмущали жителей. Волненіе усиливалось и черезъ недѣлю послѣ письма, отправленнаго князю Вяземскому, ге-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 2-го іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IX.

²⁾ Рапортъ ассессора Башмакова генералу фонъ-Брандту 13 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

нераль фонъ-Брандтъ писалъ князю Щербатову ¹⁾, что «около Осы и по Черемшану-рѣкѣ въ нынѣшнее время являться начали злодѣйскія возмутительныя шайки. Въ первомъ мѣстѣ великими толпами скопляются бунтующіе тулвенскіе башкирцы, а въ Ставропольскомъ уѣздѣ, изъ разныхъ бродягъ, шатаются небольшія партіи злодѣйскихъ остатковъ и пакости людямъ дѣлають».

Спустя нѣсколько дней Брандтъ получилъ донесеніе, что въ село Сундырь, Кокшайскаго уѣзда, пріѣхалъ посланный отъ Пугачева съ приказаніемъ, чтобы жители приготовляли суда для переправы государевыхъ войскъ черезъ рѣку Волгу. Лодки и суда оказались затопленными и экономическіе крестьяне заявили, что то сдѣлано по распоряженію канцеляриста. Предводитель шайки арестовалъ канцеляриста и еще нѣсколькихъ лицъ, а крестьянамъ приказалъ отплыть суда и починить ихъ. Крестьяне охотно принялись за работу, а мѣстныя власти не знали, что имъ дѣлать. «Представьте, ваше высокопревосходительство, писалъ кокшайскій воевода Чичеринъ Брандту ²⁾, въ какой теперь здѣшняя сторона моея провинціи и самый здѣшній городъ состоятъ въ крайней опасности». Войскъ дѣйствительно не было: всѣ они находились или внутри Башкирин, или огибали ея съ разныхъ сторонъ. Такъ, южнѣе всѣхъ, въ Янцкомъ-городкѣ находился отрядъ генерал-маіора Мансурова, наблюдавшій за Гурьевымъ-городкомъ и Сызранью и прикрывавшій теченіе рр. Волги и Иргиза. По р. Бѣлой были расположены небольшіе отряды: въ Богульчанахъ—полковника Хорвата, въ Стерлитамакѣ—подполковника Рылѣва, въ Табышскѣ—полковника Шенелева, въ Бакалахъ—100 человекъ подъ начальствомъ полковника Оберниѣсова. Резервомъ для этихъ отрядовъ служилъ отрядъ въ 140 человекъ подъ начальствомъ полковника Кожина, расположенный въ Бугульмѣ. Далѣе, въ Уфѣ, находился отрядъ полковника Якубовича. Отъ Уфы до Бирска, на четырехъ пристаняхъ р. Бѣлой, были расположены небольшія команды, «съ довольнымъ числомъ при оныхъ усердныхъ мещеряковъ». Въ при-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 11 іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

²⁾ Въ рапортѣ отъ 17 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

городъ Осѣ находился отрядъ унтеръ-шихтмейстера Яковлева. Подполковникъ Поповъ охранялъ Кунгурскій уѣздъ, отряды маіоровъ Жолобова и Гагина прикрывали Екатеринбургъ; въ Челябинскѣ находился генераль Деколонгъ, въ Троицкой крѣпости—генераль-маіоръ Станиславскій съ 14-ю легкою полевой командою, и, наконецъ, въ Оренбургѣ — полковникъ князь Долгоруковъ съ двумя ротами гренадеръ, двумя эскадронами гусаръ и 300 малороссийскихъ казаковъ. Внутри Башкиріи дѣйствовалъ отрядъ князя Голицына, которому приказано было слѣдовать къ гор. Уфѣ, очистить отъ мятежниковъ оба берега р. Бѣлой и обезпечить новомосковскую дорогу. Собственно для преслѣдованія Пугачева были назначены отряды генераль-маіора Фреймана и подполковника Михельсона. Первому приказано было остановиться въ Зелаирской крѣпости и наблюдать какъ за линіею, такъ и за Уральскими горами, а Михельсону было предписано гнаться за Пугачевымъ, «повсюду его преслѣдовать и имѣть только его одного своимъ предметомъ, не допуская не только впѣдриться въ Кунгурскій уѣздъ или обратиться въ екатеринбургское вѣдомство, но и усиливать себя присоединеніемъ башкирцевъ ¹⁾).

Послѣдніе, по словамъ князя Щербатова, не смотря на постоянное пораженіе, не только не укроцались, но «въ злодѣйствахъ своихъ время отъ времени наиболѣе свирѣпствуютъ и все свое звѣрство обращаютъ на истребленіе заводовъ». Убійства, грабежи и разоренія башкирцевъ навели такой ужасъ на жителей, оставшихся вѣрными правительству, что когда Михельсонъ подошелъ къ Уфѣ съ своимъ отрядомъ, то «нашелъ всѣхъ отъ злодѣевъ въ немаломъ страхѣ». Находившійся въ этомъ городѣ полковникъ Якубовичъ притянулъ къ себѣ маіора Дуве, подъ предлогомъ поиска надъ башкирцами, и сформировавъ отрядъ болѣе 700 человекъ, съ тремя орудіями, выступилъ съ ними къ Бирску. По дорогѣ онъ сжегъ двѣ деревни, изъ которыхъ одна принадлежала мещерякскому старшинѣ, служившему при отрядѣ Михельсона. Отойдя верстъ двадцать отъ Уфы полковникъ Якубовичъ остано-

¹⁾ Всеподданнѣйшіе рапорты князя Щербатова, отъ 25 іюня и 4 іюля 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV. Военно-Учен. Арх., отд. I, д. № 104 (А), листъ 244.

вился, постоялъ нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, а потомъ пошелъ назадъ, подѣ предлогомъ, что городу угрожаетъ опасность отъ нападенія башкирцевъ. Маіоръ Дуже замѣтилъ, что къ Уфу прошелъ уже подполковникъ Михельсонъ, что онъ остановилъ всего въ 8 верстахъ отъ города и что опасности никакой бытъ не можетъ, но Якубовичъ не послушалъ, отобралъ отъ маіора Дуже почти половину его отряда и пошелъ въ Уфу. Оставивъ въ распоряженіи Дуже 60 человекъ Владимірскаго пѣхотнаго полка 80 карабинеровъ и 40 человекъ чугуевскихъ казаковъ, Якубовичъ приказалъ ему производить поиски надъ мятежниками. Отвѣчая что съ такими силами сдѣлать ничего нельзя, Дуже жаловалъ Михельсону и просилъ его взять къ себѣ. «Если же мнѣ въ Уф слѣдовать, писалъ Дуже князю Щербатову ¹⁾, и тамъ находится безъ всякаго дѣйствія, то я счелъ бы себя за чистаго перачителъ службы ея величества. Отъ вашего сіятельства ожидаю милостивой резолюціи позволить съ г. Михельсономъ соединиться. Причина: служба моя, къ коей имѣю ревность, не позволяетъ на одномъ мѣстѣ сидѣть безъ всякаго дѣла».

Возвратившись въ Уфу, Якубовичъ отправился въ лагерь Михельсона и уговаривалъ его не двигаться далѣе, а разослать патіи для прикрытія Уфы. «Я разсуждая, доносилъ Михельсонъ ²⁾ что лучшая партія и прикрытіе есть то—сыскавъ непріятели е разбить и что развѣзды единственно нужны для полученія о н пріятели свѣдѣнія», не согласился съ доводами Якубовича и рѣшил дѣйствовать наступательно. Михельсона задерживали только солдаты Томскаго полка, которые отъ форсированныхъ маршей «нема потерли ноги» и къ быстрымъ переходамъ были неспособны. Узнавъ что взятая Якубовичемъ у маіора Дуже рота Владимірскаго полка гораздо свѣжѣе, чѣмъ его солдаты, подполковникъ Михельсо предложилъ ему помѣниться. Не ожидая ничего хорошаго отъ дѣствій Якубовича и будучи увѣренъ, что онъ не выйдетъ изъ Уфу Михельсонъ считалъ такую мѣну совершенно законною и пол

¹⁾ Въ рапортѣ, отъ 17 іюня 1774 г. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, оп. книга IX.

²⁾ Князю Щербатову, отъ 18 іюня 1774 года. Тамъ же.

ною для дѣла. Получивъ согласіе Якубовича, подполковникъ Михельсонъ передалъ ему 84 человекъ Томскаго, а себѣ взялъ столько же Владимірскаго полка. Оставивъ въ Уфѣ всѣхъ своихъ больныхъ и раненыхъ, опъ, 17 іюня, перешелъ съ своимъ отрядомъ на заводъ Потѣхина, присоединилъ къ себѣ маіора Дуве съ его эскадрономъ, состоявшимъ изъ 90 человекъ, и намѣренъ былъ двинуться черезъ Бирскъ къ Сарапулю, чтобы выдти на встрѣчу Пугачеву и всюду его преслѣдовать.

Онъ только одинъ и могъ это сдѣлать, потому что ббольшая часть войскъ, какъ мы видѣли, была стянута въ Оренбургскую губернію и разбита на мелкіе отряды.

Съ захватомъ и разореніемъ мятежниками Бирска, на всемъ пространствѣ отъ гг. Уфы и Кунгура до Казани стоялъ, въ г. Осѣ, ничтожный отрядъ Яковлева и слѣдовательно вся за-Камская сторона была открыта для прорыва мятежниковъ. Главнокомандующій, князь Щербатовъ, сидѣлъ въ Оренбургѣ и будучи отдаленъ отъ театра дѣйствій, не могъ руководить отдѣльными отрядами и направлять ихъ къ одной цѣли. Получая самъ запоздалые рапорты, онъ дѣлалъ распоряженія по большей части несоотвѣтствовавшія данной обстановкѣ. Предоставленные самимъ себѣ, частные начальники въ каждой толпѣ башкирцевъ видѣли присутствіе самого Пугачева и боялись выдти изъ своихъ норъ. Не считая возможнымъ дѣйствовать наступательно, начальники отрядовъ вертѣлись возлѣ мѣстъ своего расположенія, причемъ старшіе въ чинѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались присоединить къ себѣ отряды младшихъ. Возникали споры и несогласія, доходившія иногда до ссоры. Если эти ссоры и несогласія будутъ продолжаться, писалъ генералъ Брандтъ князю Щербатову ¹⁾, то «Богъ знаетъ можетъ-ли быть что-нибудь доброе». Казанскій губернаторъ предвидѣлъ возможность прорыва мятежниковъ въ необороненное пространство и предупреждалъ князя Щербатова, что если самозванецъ переправится черезъ р. Каму, къ вотякамъ, то защищать Казанскую губернію будетъ невозможно, «ибо за отнятіемъ отсель гарнизонныхъ людей и за

¹⁾ Въ письмѣ, отъ 18 іюня 1774 года. Московск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга IX.

расташеніемъ помаленьку изъ цейхгауза артиллеріи и служителей, съ моей стороны болѣе уже взять предосторожности печѣмъ».

Предположенія Брандта оказались болѣе чѣмъ справедливыми. Пугачеву оставаться въ Башкиріи было неудобно: страна была разорена, заводы и русскія селенія выжжены, многія крѣпости и укрѣпленные пункты разрушены ¹⁾, отряды князя Голицына и Фреймана хотя и очень медленно, но все-таки подвигались впередъ, а Михельсонъ то гнался за самозванцемъ, то обходилъ его и встрѣчалъ съ фронта. Всякая встрѣча съ правительственными войсками кончалась не въ пользу мятежниковъ, и потому Пугачевъ направился въ ту сторону, гдѣ всего наименѣе могъ ожидать встрѣчи съ правительственными войсками и скорѣе всего могъ надѣяться усилить свою толпу сочувствовавшимъ ему населеніемъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Михельсонъ повернулъ къ Уфѣ и что въ окрестностяхъ Кунгура и пригорода Осы сосредоточились двѣ наиболѣе значительныя толпы башкирцевъ, Пугачевъ пошелъ къ нимъ на соединеніе. Захвативъ въ свои руки Красноуфимскъ, самозванецъ хотѣлъ удовлетворить желанію башкирцевъ и занять Кунгуръ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе, прошелъ черезъ Иргинскій заводъ, переправился черезъ р. Тулву и повернулъ на Осу, съ тѣмъ, чтобы идти потомъ на Казань ²⁾.

— Хотя я и имѣлъ намѣреніе идти къ Кунгуру, говорилъ Пугачевъ башкирцамъ,—но получивъ извѣстіе, что въ подкрѣпленіе ко мнѣ пришло въ Казань 20,000 войска, я должещъ идти къ нимъ.

¹⁾ Крѣпости Татищева и Сорочинская на половину выжжены, Ильинская и Уртазымская — разорены и до основанія выжжены, Магнитная — разорена, Карагайская, Петропавловская и Степная — разорены и сожжены, Троицкая и Губерлинская — разорены, Чебаркульская крѣпость и пригородъ Вирскъ — выжжены. Заводы: Воскресенскій, Покровскій, Верхоторскій, Архангельскій, Преображенскій, Бѣлорѣцкій, Симскій, Каноникольскій, Авзяно-Петровскіе, Котурскій, Кигинскій, Златоустовскій и Вознесенскій казенный — разорены и сожжены, населеніе частію переколото, а частію забрано въ толпу мятежниковъ. Рапортъ Рейнсдорна Сенату, отъ 7 іюля 1774 года и военной коллегіи, отъ того же числа. Государ. Архивъ, VI, дѣло № 512. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV. См. также *Русскую Старину* 1875 года, т. XII, стр. 540.

²⁾ Рапортъ Михельсона князю Щербатову, 22 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга X.

Извѣстіе это было, конечно, ложное, но выдуманное Пугачевымъ чрезвычайно правдоподобно, при содѣйствіи прибывшаго къ нему ржевскаго купца Евстафія Трифонова Долгополова.

Имѣя отъ роду всего 49 лѣтъ, Долгополовъ казался гораздо старше, и, по словамъ Перфильева, ему было на видѣ лѣтъ 60. Средняго роста, сухощавый и рябой, Долгополовъ въ молодости ставилъ въ Ораніенбаумѣ фуражъ для лошадей великаго князя Петра Федоровича и, по свидѣтельству А. И. Дебресана, часто «хаживалъ къ бывшему государю» ¹⁾). Впослѣдствіи, разорившись и будучи обремененъ долгами, Долгополовъ рѣшился воспользоваться смутою, извлечь изъ нея пользу и поправить свои дѣла. Въ январѣ 1774 г. онъ выпросилъ себѣ паспортъ ²⁾), занялъ подъ векселя у ржевскихъ купцовъ 2,080 руб. и выѣхалъ изъ Ржева. Женѣ онъ объявилъ, что ѣдетъ въ ближніе города для закупки хлѣба и пеньки, а товарищамъ, ссудившимъ его деньгами—что отправляется на Янкъ для закупки лясяго мѣха ³⁾). Въ дѣйствительности онъ отправился искать Пугачева, надѣясь извлечь пользу изъ своей прежней дѣятельности въ Ораніенбаумѣ. Долгополовъ достигъ Пугачева на послѣднемъ почлегѣ передъ Осюю, но за нѣсколько дней передъ тѣмъ самозванецъ зналъ уже о скоромъ его пріѣздѣ.

— Везутъ наши башкирцы по почтѣ изъ Петербурга, говорилъ однажды Пугачеву сынъ башкирскаго старшины Кинзи, — какого-то къ вашему величеству человѣка, который сказывается, что къ вамъ послапъ отъ Павла Петровича.

Въ день пріѣзда Долгополовъ былъ введенъ въ ставку самозванца, который сидѣлъ на коврѣ одѣтый въ шелковый халатъ. Пріѣзжій низко поклонился и сталъ на колѣни.

— Кто ты? и откуда сюда пріѣхалъ? спросилъ Пугачевъ.

— Я города Ржева-Володимірова купецъ, служилъ при вашемъ величествѣ и ставилъ овесъ въ Рамбовѣ (Ораніенбаумѣ),

¹⁾ Письмо Александра Ивановича Дебресана князю Вяземскому, 20 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 425.

²⁾ Паспортъ ему выданъ 22 января 1774 года. Репортъ ржевскаго воеводы секундъ-маіора Шишкина князю Вяземскому, 3-го ноября 1774 г. Тамъ же.

³⁾ Показаніе жены Долгополова 2-го октября. Показаніи самого Долгополова 2-го и 11-го октября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 425.

— Благополученъ - ли онъ? спрашивалъ Пугачевъ, допивая послѣднюю чарку.

— Слава Богу, благополученъ, отвѣчалъ Долгополовъ. -- Его высочество молодецъ и уже обрученъ ¹⁾.

— Съ кѣмъ?

— Съ Натальей Алексѣвной. У меня и отъ нея есть вашему величеству подарокъ два камня, я послѣ принесу вамъ; они у меня спрятаны въ возу далеко ²⁾.

— Вотъ, дѣтушки, сказалъ самозванецъ, обращаясь къ собравшимся; — этотъ человекъ присланъ отъ Павла Петровича посмотреть подлинно ли я отецъ его и вѣрно ему, посмотря, возвратиться назадъ.

Слова самозванца и вѣсть о пріѣзжѣмъ разнеслись по всей толпѣ и большинство вѣрило тому, что Долгополовъ былъ уполномоченный цесаревича ³⁾. «Почему, показывали Чумаковъ и Твороговъ ⁴⁾, янцкіе казаки хотя и прежде звали его (Пугачева) въ Москву, а тутъ еще больше стали склонять, чтобъ онъ въ Москву свой путь направилъ».

— Тамъ, — говорили казаки, — больше знакомыхъ вашему величеству, такъ скорѣе помогутъ на престолъ взойти.

Пугачевъ зналъ, какого рода знакомыхъ онъ можетъ встрѣтить въ Москвѣ и потому отвѣчалъ уклончиво:

— Теперь еще не время, говорилъ онъ, — а когда можно будетъ, то, конечно, пойдемъ.

На слѣдующее утро вся толпа двинулась къ пригороду Осѣ, который еще со 2-го іюня былъ блокированъ башкирцами. Находившійся въ Осѣ съ своимъ незначительнымъ отрядомъ шихтмейстеръ Яковлевъ, получивъ приказаніе ассессора Башмакова раз-

¹⁾ Онъ былъ давно уже женатъ.

²⁾ Пугачевъ не упустилъ отобрать себѣ обѣщанные камни, которые послѣ его поимки и были найдены въ кошелькѣ. «Первый изъ нихъ бѣлый восточнаго хрусталя, сфера имѣетъ фигуру, а другой — четырехугольный желтоватый и весь изъ шарманъ» (См. «П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины», *Русская Старина*, 1870 г., т. II, стр. 412).

³⁾ Показаніе Пугачева 4-го ноября 1774 года. Показаніе Ивана Творогова 27-го октября 1774 года. Показаніе Долгополова 2-го и 11-го октября, 12-го ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дд. №№ 425, 505 и 512.

⁴⁾ Показанія Чумакова и Творогова. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

дѣлать свой отрядъ на двѣ части: одну отправить къ Кунгуру, а съ другою идти къ нему на соединеніе въ Юговскій заводъ. Онъ пытался нѣсколько разъ пробиться сквозь облежавшую городъ толпу башкирцевъ, имѣлъ весьма горячія дѣла 14 и 16 іюня, и будучи не въ состояніи прорвать блокаду, просилъ помощи у казанскаго губернатора, говоря, что непріятель съ каждымъ днемъ усиливается и опасность угрожаетъ всему при-Камскому краю.

По первымъ извѣстіямъ о появленіи башкирцевъ въ началѣ іюня у Осы, генералъ фонъ-Брандтъ собралъ съ большимъ трудомъ изъ разныхъ мѣстъ сто человѣкъ съ двумя 3-хъ-фунтовыми пушками и отправилъ ихъ въ Осу подъ начальствомъ секунд-маіора Скрипицына. Послѣднему было приказано усмирить терсинскихъ татаръ, разсѣять башкирцевъ, намѣревавшихся напасть на Сарапульскую волость и вообще удержатъ жителей отъ возстанія на пространствѣ отъ Осы до Мензелинска.

Расположенный на берегу р. Камы, пригородъ Оса находился на главномъ казанскомъ трактѣ, и потому захватъ его мятежниками открывалъ имъ свободный путь въ Казанскую губернію. Вотъ почему Брандтъ собралъ послѣднія силы и отправилъ ихъ въ Осу. Взявъ съ собою 100 человѣкъ вооруженныхъ мужиковъ и 48 нижнихъ чиновъ, маіоръ Скрипицынъ выступилъ изъ Сарапула, по дорогѣ присоединилъ къ себѣ капитана Смирнова, педшаго съ 40 человѣками нижнихъ чиновъ изъ Казани, 116 человѣкъ команды, находившейся въ Рождественскомъ заводѣ, и съ этимъ отрядомъ 18-го іюня подошелъ къ Осѣ. Въ это время башкирцы атаковали пригородъ и успѣли отхватить три пушки со снарядами, но замѣтивъ приближеніе отряда отступили. Скрипицынъ пробился сквозь толпу мятежниковъ, впрочемъ, безъ потери, и соединился съ гарнизономъ. Такимъ образомъ, съ прибытіемъ Скрипицына и за нѣсколько дней передъ тѣмъ съ Воткинскаго завода прапорщика Евреннова съ небольшою командою, силы, назначенныя для защиты Осы, вмѣстѣ съ вооруженными жителями простирались до 1,100 человѣкъ съ 13 орудіями ¹⁾.

¹⁾ Рапортъ Башмакова пермской провинціальной канцеляріи отъ 19-го іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга X.

Въ полдень того же 18-го іюня Пугачевъ подошелъ къ Осу и отправилъ свой указъ, требуя безусловной сдачи города. Не получивъ отвѣта, самозванецъ приказалъ толпѣ разѣдлатъ лошадей и идти на штурмъ пригорода. Начальники войскъ ободрали жителей и маіоръ Скрипицынъ вышелъ изъ города съ намѣреніемъ отбросить непріяеля, но потерявъ неудачу и принужденъ былъ возвратиться съ потерю одного орудія, причемъ челоуѣкъ до 80 изъ отрядовъ Скрипицына и Яковлева ушли въ толпу мятежниковъ. Войска заперлись въ небольшой деревянной крѣпости, защищавшей Осу, и открыли огонь по преслѣдовавшимъ ихъ мятежникамъ. Защитники осыпали ихъ картечью, камнями и лили на нихъ растопленную смолу и масло. Пугачевъ былъ отбитъ, но отъ захваченнаго въ плѣнъ башкирца въ городѣ узнали, что въ толпѣ у самозванца находится до 8,000 челоуѣкъ. Эта цифра испугала многихъ и впоследствіи сильно поддѣствовала на самого маіора Скрипицына.

На утро 19-го іюня янцкіе казаки, объѣзжая вокругъ крѣпости, кричали, что пріѣхалъ самъ батюшка Петръ Федоровичъ, совѣтовали защитникамъ сдаться безъ сопротивленія, обѣщая не дѣлать никакого вреда покорившимся. Маіоръ Скрипицынъ отвѣчалъ, что считаетъ Пугачева за разбойника и государственнаго бунтовщика, сдаваться не желаетъ, а будетъ защищаться, пока силъ его достанетъ ¹⁾.

Въ этотъ день самозванецъ не предпринималъ ничего, а ѣздилъ съ старшинами къ р. Камѣ осмотрѣть ея теченіе и отыскать мѣсто для переправы. Онъ приказалъ исправить дорогу внизъ по р. Камѣ и построить мосты черезъ тонкія мѣста. Возвратившись въ лагерь, Пугачевъ собралъ къ себѣ старшинъ, чтобы посовѣтоваться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Бѣлобородовъ совѣтовалъ навить нѣсколько возовъ сѣна, соломы, бересты и, подвигая ихъ фронтомъ, подъ прикрытіемъ ихъ подойти къ крѣпости какъ можно ближе, зажечь ихъ и броситься на штурмъ.

— Я взялъ такъ Уткинскій заводъ, сказалъ онъ.

¹⁾ Показаніе воеводы пригорода Осы поручика Пироговскаго. Государ. Архивъ, VI, д. № 440.

Пугачевъ принялъ совѣтъ, приказалъ приготовить до 15 возовъ ¹⁾, а между тѣмъ, подосланные къ пригороду казаки требовали покорности и грозили, въ противномъ случаѣ, сжечь городъ до основанія и истребить всѣхъ жителей до единого. Они увѣряли, что Пугачевъ истинный государь и просили, для убѣжденія въ этомъ, прислать въ ихъ лагерь знающаго человѣка. Преувеличенныя свѣдѣнія о численности силъ самозванца, блокированіе пригорода со всѣхъ сторонъ и отсутствіе какой-либо надежды получить помощь извнѣ, произвели колебаніе среди населенія. Образовались двѣ партіи: одна совѣтовала сдаться, а другая — защищаться; одни говорили, что Пугачевъ истинный государь, а другіе, что онъ самозванецъ. Для болѣе опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса населеніе положило отправить въ непріятельскій лагерь довѣренное лицо, отставнаго гвардіи-сержанта, посмотрѣть на самозванца и убѣдиться, похожъ-ли онъ на императора Петра III.

Когда Пугачевъ, по словамъ Ивана Творогова, узналъ, что ему будутъ произведены смотрины, «то переодѣвшись въ простое казачье платье и поставя въ рядъ казаковъ человѣкъ съ двадцать, сталъ самъ между ними и приказалъ привести посланца изъ крѣпости. Какъ же сей приведенъ былъ и сказано ему было, чтобъ онъ узнавалъ изъ представленной шеренги государя, то онъ, смотря порознь на каждого, наконецъ, уставилъ глаза свои прямо на злодѣя и смотрѣлъ пристально».

— Чтò, старикъ, узнаешь-ли ты меня? спросилъ тогда Пугачевъ сержанта.

— Богъ знаетъ, отвѣчалъ онъ, — какъ теперь узнаешь! Въ то время былъ ты помоложе и безъ бороды, а теперь въ бородѣ и постарѣе.

— Смотри, дѣдушка, хорошенько, узнавай, коли помнишь.

Сержантъ смотрѣлъ долго.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, — что вы походите на государя.

— Ну, такъ поди, дѣдушка, и скажи своимъ, чтобы не противились мнѣ, а то вѣдь я всѣхъ васъ предамъ смерти.

¹⁾ Показанія жителей Иргинскаго завода: Тимоѣя Уткина и Аеапасія Зорина 24 июня 1774 года. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.

По возвращеніи посланнаго, майоръ Скрипичинъ и поручикъ Пироговскій, при собраніи многихъ обывателей, спрашивали по-хожъ-ли самозванецъ на покойнаго государя.

— Волосами и глазами какъ государь, отвѣчалъ сержантъ, а лицомъ нѣсколько не походить, однако дѣйствительно увѣрить не могу.

При этомъ сержантъ передалъ слова Пугачева, что если жители не покорятся, то всё будутъ истреблены. Майоръ Скрипичинъ предложилъ тогда всемъ собравшимся сдать самозванцу пригородъ и крѣпость.

— У насъ не осталось ни пороху, ни ружейныхъ патроновъ, говорилъ онъ,—не лучше ли сдаться безъ сопротивленія, ибо намъ противъ столь многочисленной толпы защищаться уже невозможно.

— Сдаваться злодѣямъ, отвѣчалъ на это Пироговскій, не видишь отъ нихъ еще серьезной опасности нѣтъ никакой надобности ¹⁾.

Скрипичинъ не слушалъ совѣтовъ Пироговскаго и настаивалъ на своемъ. Онъ вторично отправилъ сержанта въ лагерь самозванца, чтобы тотъ окончательно убѣдился, истинный-ли это государь или нѣтъ? Для сержанта и большинства присутствовавшихъ было ясно, что вторичная посылка требовала утвердительнаго отвѣта. Сержантъ опять посмотрѣлъ на Пугачева, и на этотъ разъ призналъ его государемъ.

— Теперь я узнаю, что ты подлинно нашъ надежда-государь, сказалъ онъ и поклонился.

— Ну, такъ уговори своихъ офицеровъ, сказалъ Пугачевъ, чтобы не проливали напрасно крови и встрѣтили бы меня съ честью.

Посланный обѣщалъ исполнить требованіе.

— Господа офицеры, полно, не противьтесь, кричалъ сержантъ, возвращаясь въ крѣпость,—онъ подлинный нашъ государь Петръ Федоровичъ.

Весь день 19 іюня прошелъ, въ Осѣ, въ совѣщаніяхъ, сда-

¹⁾ «Воеводу тамошняго (Пироговскаго), доносилъ подполковникъ Поповъ князю Щербатову, отъ 24 іюня, выбѣжавшіе изъ Осы оправдываютъ, что онъ, не склоняясь сему вредному обществу предательству, удерживалъ Скрипичина, однако не могъ».

ваться или нѣтъ? а между тѣмъ, утромъ 20 числа мятежники стали приближаться къ пригороду. Впереди везли возы сначала на лошадахъ, а потомъ на людяхъ; за возами шла толпа, готовая броситься на штурмъ. Съ городской стѣны открыли-было огонь, но когда замѣтили, что инсургенты подошли уже близко и намѣрены зажечь сѣно и солому, то, опасаясь пожара, жители просили остановиться.

— Не подвигайте возовъ близко, кричали они, — дайте намъ сроку до завтра посоветоваться, мы сдадимся безъ драки.

Возы были остановлены и перестрѣлка прекратилась ¹⁾.

Маіоръ Скрипицынъ приказалъ всей командѣ, жителямъ и духовенству быть готовыми къ сдачѣ пригорода и крѣпости, а самъ отправилъ парламенстера къ Пугачеву спросить, «не будетъ-ли его, маіора, и команду казнить, за чинимое до того договору сопротивленіе». Ему отвѣчено, что государь не только не казнить его, но оставить командовать своими, но только съ условіемъ, чтобы при сдачѣ команда оставила свои ружья, пушки, и выйдя изъ крѣпости въ открытое поле, ожидала прибытія самозванца.

Вечеромъ, 20 іюня, всѣ караулы въ Осѣ были сняты, захваченные въ плѣнъ въ предыдущихъ сраженіяхъ мятежники вынуждены на свободу, а убитые и валявшіеся до того въ форштадтѣ ночью похоронены.

Утромъ, 21 іюня, въ городѣ тихо прозвонили въ колокола и отворили ворота. Жители и войска, имѣя во главѣ маіора Скрипицына и поручика Пироговскаго, вышли, съ колокольнымъ звономъ, изъ города съ иконами, хлѣбомъ-солью и со знаменемъ. «Обезоруженные солдаты, говоритъ очевидецъ ²⁾, распустивъ волосы по плечамъ, уныло шли къ намъ». При приближеніи самозванца всѣ встали на колѣни, а Скрипицынъ приказалъ преклонить знамя.

— Богъ и государь тебя прощаетъ, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ маіору, и приказалъ не брать у него шаги. Если будешь служить вѣрно, то получишь награду.

¹⁾ Показанія жителей Иртыскаго завода: Тимоѣя Уткина и Аванасія Зорина 24 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

²⁾ Верховлаицевъ. *Сербскія Вѣдомости* 1864 года, № 2.

Команда была отведена въ лагерь, приведена къ присягѣ и названа «*Казанскимъ полкомъ*», командиромъ котораго быть назначенъ Скрипицынъ, произведенный самозванцемъ въ полковника¹⁾. Солдатамъ остригли волосы, сняли съ нихъ мундиры и одѣли по-казацки.

Забравъ все ружья, восемь пушекъ, Пугачевъ сжегъ Осу, причеъ сгорѣла и церковь. Простоявъ нѣсколько часовъ въ лагерь, въ трехъ верстахъ отъ пригорода, самозванецъ въ тотъ же день двинулся къ Рождественскому заводу и, не доходя до него версть 50, почевать въ полѣ.

По показаніямъ различныхъ выходцевъ, силы Пугачева въ это время находились въ предѣлахъ отъ 5 до 8 тысячъ человекъ и состояли изъ уфимскихъ башкировъ, кунгурскихъ и тульскихъ татаръ, красноуфимскихъ казаковъ, экономическихъ и помѣщичьихъ крестьянъ, жившихъ въ окрестностяхъ Осы²⁾.

Наутро Пугачевъ собралъ къ себѣ яицкихъ казаковъ и объявилъ имъ, что черезъ нарочно-присланнаго получилъ письмо отъ сына, который желаетъ видѣться съ нимъ въ Казани, и потому онъ идетъ къ нему на свиданіе.

Отправивъ приказаніе башкирцамъ выходить въ походъ съ каждаго дома по одному человеку, а если въ домѣ три человека, то двумъ, «дабы во время проѣзда самого государя была команда больше и тѣмъ бы показалаь красива»³⁾, Пугачевъ рано утромъ, 22 іюня, двинулся къ Рождественскому заводу и расположился лагеремъ на берегу р. Камы. Какъ только заводскіе крестьяне деревень: Пристаничной, Зубачевки и экономическіе села Дубровы увидѣли толпу, они тотчасъ же стали готовить «*коломенки*» для

¹⁾ Показаніе воеводы Пироговскаго. Показаніе подпоручика Федора Милѣева. Показаніе Вѣлбородова 30 іюля 1774 г. Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 года. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государ. Арх., VI, дѣла №№ 429, 440, 505 и 512. Показаніе Рождественскаго завода расходчика Ивана Кондюрина 29 іюня 1774 г. Рапорты подполковника Попова князю Щербатову, отъ 24 и 25 іюня 1774 г. Рапортъ Врандта военной коллегіи, отъ 27 іюня. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 47, книги V и X.

²⁾ Рапортъ подполковника Попова князю Щербатову, отъ 21 іюня. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 47, книга X.

³⁾ Государственный Архивъ, VI, дѣло № 416.

переправы государя, но Пугачевъ въ этотъ день не переправился и закончилъ свою дѣятельность тѣмъ, что повѣсилъ маіора Скрипицына и капитана Смирнова.

Слѣдуя вмѣстѣ съ мятежниками и видя всю нестройность пьяной толпы, Скрипицынъ и Смирновъ сознали все безобразіе своего поступка и поняли, что, при малѣйшей энергіи, они могли бы съ успѣхомъ отстоять Осу и не быть нарушителями долга и присяги. Мучимые совѣстью, они рѣшились дать знать казанскому губернатору объ угрожающей опасности и о нестройности толпы. Скрипицынъ полагалъ, что въ то время, когда мятежники будутъ атакованы войсками, онъ уговорить своихъ солдатъ и приметъ ихъ въ два огня. Переговоривши съ нѣкоторыми офицерами, Скрипицынъ «написалъ въ Казань рапортъ съ приложеніемъ во ономъ двухъ его злодѣйскихъ о преклоненіи къ нему народа указовъ»¹⁾.

Рапортъ былъ написанъ рукою Смирнова, вложенъ въ конвертъ и приготовленъ къ отправленію, но принимавшій участіе въ совѣщаніяхъ подпоручикъ Минѣевъ донесъ о замыслѣ маіора и капитана. Оба они были немедленно повѣшены у Рождественской пристани, а Минѣевъ произведенъ въ полковники и сталъ близкимъ человѣкомъ у Пугачева.

На слѣдующій день самозванецъ со всею толпою сталъ переправляться черезъ р. Каму.

Не имѣя возможности воспріятствовать переправѣ и опасаясь за ввѣренные ему заводы, Воткинскій и Ижевскій, коллежскій совѣтникъ Венцель собралъ мастеровыхъ и крестьянъ, въ числѣ 1,300 человѣкъ, и поручилъ ихъ начальству оберъ-гунтеръ-фервальтеровъ: Ижевскаго завода Ивана Алымова и Воткинскаго — Алексея Кленикова. Извѣстіе о томъ, будто бы Пугачевъ двигается къ Саранюлю, заставило Венцеля стянуть оба отряда къ Ижевскому заводу, но когда было получено достовѣрное извѣстіе, что онъ переправился у Рождественскаго завода, тогда Венцель приказалъ Алымову и Кленикову занять и защищать Воткинскій заводъ. На пути Алымовъ и Клениковъ увидѣли, что Воткинскій заводъ горитъ и потому не пошли на встрѣчу мятежникамъ, тѣмъ

¹⁾ Показаніе подпоручика Минѣева. Государств. Арх., VI, д. № 440.

болѣе, что большая часть ихъ ополченія разбѣжалась, говоря, что злодѣи разбили пригородъ Осу, такъ и имъ не устоять. Оставшіе съ небольшимъ числомъ вооруженныхъ людей. Алымовъ и Клениковъ стали отходить къ Ижевскому заводу, и тогда Венцель выслалъ имъ на подкрѣпленіе отставнаго секундъ-майора Николая Алымова и регистратора Гаврилу Брянцова съ 9 солдатами, 200 мастеровыми и тремя орудіями. 27 іюня, въ селѣ Повокрещенскомъ, отрядъ этотъ былъ разбитъ мятежниками и въ тотъ же день Пугачевъ занялъ Ижевскій заводъ. Венцель, двое Алымовыхъ были убиты, почти все начальствующія лица повѣшены, а заводъ сожженъ ¹⁾).

Въ Ижевскомъ заводѣ было встрѣчено Пугачевымъ послѣднее препятствіе, и далѣе онъ могъ слѣдовать свободно до самой Казани.

V.

Приближеніе Пугачева къ Казани. Мѣры принятыя правительствомъ къ защитѣ города. Участіе въ этомъ населенія. — Прибытіе къ Казани П. С. Потемкина. Его донесенія и участіе въ оборонѣ. Появленіе самозванца и его расפורженіи. Штурмъ и разореніе города.

Приближеніе Пугачева къ р. Камѣ и паденіе пригорода Осы вызвали со стороны казанскаго губернатора фонъ-Брандта усиленную дѣятельность, но, къ сожалѣнію, онъ лишенъ былъ всѣхъ средствъ защиты ²⁾. За разсылкою въ разные отряды гарнизонныхъ баталіоновъ, въ Казани не было ни одной правильно организованной строевой части, которую можно было бы выслать на встрѣчу приближавшимся мятежникамъ. «Оставшимися отъ полковъ сотъ до четырехъ армейскими командами, доносилъ Брандтъ ³⁾, изъ выздоровѣвшихъ и изъ рекрутъ состоящими, содержится въ городѣ и тюремномъ острогѣ караулъ».

¹⁾ Показаніе канцеляриста Мирона Комарова и кописта Михаила Лапотникова 1 іюля. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

²⁾ Брандтъ, какъ мы говорили, предвидѣлъ бѣду, но устранить ее былъ не въ силахъ (см. выше стр. 62 и 63).

³⁾ Въ рапортѣ военной коллегіи отъ 27-го іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. V.

Тѣмъ не менѣе, казанскій губернаторъ принялъ всѣ мѣры, какія только были въ его власти и сдѣлалъ все, что было возможно въ его положеніи. Онъ предписалъ воеводѣ гор. Хлынова набрать сколь возможно болѣе вооруженныхъ людей и оберегать ими теченіе р. Камы на пространствѣ между Осоею и Сарapulемъ. Три штатныя команды, содержавшіяся въ Казани для сыску воровъ и разбойниковъ, генералъ Брандтъ соединилъ въ одну, взялъ изъ Казанскаго адмиралтейства нѣсколько вооруженныхъ судовъ и устроилъ изъ нихъ въ устьѣ р. Камы плавучую батарею. По сторонамъ батареи были расположены сыскныя команды на лодкахъ, а по берегу, по обѣ стороны лодокъ, были разсыпаны въ цѣпь по 50 стрѣлковъ ¹⁾ Всѣ суда, спускавшіяся по р. Камѣ, велѣно было осматривать, «ибо, доносилъ Брандтъ ²⁾, если явнымъ образомъ не отважится злодѣй идти рѣкою, а вздумаетъ тихо спуститься въ лодкахъ, то-бъ не могъ прокрасться». Точно такія же заставы въ 100 человекъ съ пушками, были учреждены въ Симбирскѣ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки Волги, и находившемуся въ Малыковкѣ л.-гв. поручику Державину приказано «взять должную осторожность и сдѣлать таковую же преграду» въ селеніяхъ Иргизскихъ и по Волгѣ.

Одновременно съ этимъ генералъ Брандтъ отправилъ нарочныхъ въ отряды Михельсона, Попова, Жолобова, Гагарина и князя Голицына съ просьбою посѣлшить на спасеніе Казанской губерніи. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы главнокомандующій князь Щербатовъ выѣхалъ изъ Оренбурга и остановился по крайней мѣрѣ въ Бугульмѣ, дабы быть въ равномъ разстояніи отъ Оренбурга, Уфы и Казани. Казанскій губернаторъ справедливо говорилъ, что «башкирскія замѣшательства не столь важны, сколько здѣсь нынѣ предстоить опасности» ³⁾. Онъ указывалъ кн. Щербатову, что если Пугачевъ успѣетъ переправиться черезъ р. Каму,

¹⁾ Стрѣлки эти были взяты поровну отъ полковъ 2-го гренадерскаго и Томскаго пѣхотнаго. См. рапортъ подполковника Макарова генералу Брандту отъ 26 іюня 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

²⁾ Въ рапортѣ военной коллегіи отъ 27-го іюня 1774 г. Тамъ же, кн. V.

³⁾ Письмо Брандта кн. Щербатову 26-го іюня. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

«то совесть можетъ произвести худыя слѣдствія». Возмущивъ вотяковъ, заводскихъ рабочихъ, помѣщичьихъ крестьянъ и усиливъ ими значительно свою толпу, самозванецъ легко могъ прервать сообщеніе между Москвою и Казанью и поднять наследіе многихъ при-волжскихъ губерній. Не имѣя самъ никакой возможности остановить стремленіе Пугачева, генералъ Брандтъ просилъ главнокомандующаго принять къ тому «достаточныя мѣры»¹⁾.

Не смотря на то, князь Щербатовъ оставался въ Оренбургѣ до 5-го іюля и лишь въ этотъ день выѣхалъ въ Бугульму, въ сопровожденіи одной роты гренадеръ, одного эскадрона гусаръ и 150 человекъ малороссійскихъ казаковъ. Ссылаясь на «изнуренное и день отъ дня ослабѣвающее здоровье», онъ подвигался медленно и надѣялся на предприимчивость Михельсона, которому приказано было преслѣдовать Пугачева.

«При всѣхъ сихъ неприятныхъ обстоятельствахъ, доносилъ князь Щербатовъ императрицѣ²⁾, которымъ единственная причина слѣное и развращенное предательство простаго народа къ злодѣю и великое пространство земли, котораго повсюду обити нѣтъ возможности и которое причиняетъ замедленіе въ перепишкѣ *возлигаю я теперь лучше мое упованіе на расторопность подполковника Михельсона»*.

Послѣдній былъ еще на пути изъ Уфы къ Бирску, а всѣ остальные отряды еще далѣе. Отрядъ Деклонга находился въ Челябинскѣ, генералъ-майоръ Станиславскій съ малолюдною 14-ю легкой полевой командою въ Троицкой крѣпости, генералъ Фрейманъ въ Уйской крѣпости и кн. Голицынъ на пути къ Уфѣ.

Появленіе скопищъ мятежниковъ по рѣкамъ Бѣлой и Ику заставило кн. Голицына прежде всего возстановить сообщеніе съ Стерлитамакскою пристанью и Табынскомъ. Пройдя черезъ Шарлацкій-Ямъ и деревню Уракъ, князь Голицынъ 27-го іюня пришелъ въ Богучаны, гдѣ и остановился по необходимости заготовить продовольствіе. «Гаперича, доносилъ онъ³⁾, мое упражне-

¹⁾ Письмо Брандта кн. Щербатову 24 іюня. Тамъ же, кн. IX.

²⁾ Въ рапортѣ отъ 4-го іюля 1774 г., № 6. Воен. учен. Арх., д. № 104 (А), л. 244.

³⁾ Въ рапортѣ кн. Щербатову отъ 29 іюня 1774 г. № 1376. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

ніе въ томъ происходитъ, чтобы здѣшній край привести въ твердое состояніе. Оставивъ гарнизоны въ Табынскѣ, Стерлитамакской пристани и въ Богучанахъ, князь Голицынъ намѣренъ былъ двинуться къ Уфѣ и соединиться съ отрядомъ полковника Якубовича. У Бирскаго перевоза стоялъ поручикъ Яворскій съ очень небольшою командою уланъ и башкирцевъ ¹⁾. Въ Бузулукской крѣпости стоялъ прокуроръ Чемесовъ съ тремя эскадронами Пензенскаго дворянскаго уланскаго корпуса. Ново-московская дорога оберегалась небольшимъ отрядомъ секундъ-маіора Юшкова, находившагося въ дер. Сарманаевой. Въ Бакалахъ стоялъ отрядъ полковника Обернибѣсова и, наконецъ, въ Бугульмѣ—полковника Кожина.

Полковникъ Кожинъ, какъ только узналъ о паденіи Осы и приближеніи мятежниковъ къ р. Камѣ, тотчасъ же приказалъ полковнику Обернибѣсову слѣдовать изъ Бакаловъ къ Мензелинску, для занятія Шунскаго перевоза и не допускать инсургентовъ спускаться на судахъ по р. Камѣ. Выступая къ Мензелинску, Обернибѣсовъ взялъ съ собою 100 человекъ пѣхоты и только 4 человекъ кавалеріи, а отставного поручика Мельгунова съ 110 уланами отправилъ для занятія Ангазятскаго перевоза ²⁾. Это были единственные отряды, направленные за Пугачевымъ, да и то не по слѣдамъ его, а къ мѣстамъ возможнымъ для переправы.

Между тѣмъ, не встрѣчая нигдѣ препятствія и имѣя въ своемъ распоряженіи до 7,000 человекъ съ 12 орудіями ³⁾, самозванецъ широко раскинулся по обоимъ берегамъ рѣки Камы и охватилъ огромное пространство. Силы его съ каждымъ днемъ увеличивались, и толпы мятежниковъ появились одновременно въ Сарапулѣ, Елабугѣ, Зайнскѣ и на всемъ правомъ берегу р. Камы, до Ижевскаго завода. Сподвижники самозванца захватывали суда, спускались внизъ по Камѣ, грабили села и деревни, расположенныя по обоимъ берегамъ рѣки.

Дойдя до Мензелинска и получивъ извѣстіе, что изъ Сарапула

¹⁾ Рапортъ полковника Обернибѣсова кн. Щербатову отъ 23 іюня 1774 г. Тамъ же, кн. IX.

²⁾ Рапортъ Обернибѣсова кн. Щербатову отъ 3 іюля 1774 г. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

³⁾ Показаніе Пугачева 4-го ноября 1774 г. Гос. Арх., VI, дѣло № 512.

спускаются три барки съ вооруженными людьми. полковникъ Обернибцовъ съ своимъ отрядомъ и 50-ю человѣками вооруженныхъ мензелинскихъ жителей форсированнымъ маршемъ перешелъ въ дер. Бетки, сдѣлавъ въ 16 часовъ болѣе 80 верстъ. Здѣсь онъ узналъ, что барки съ мятежниками находятся у сел. Челнова, вверху Камы. Разставивъ стрѣлковъ по берегу, Обернибцовъ ожидать приближенія барокъ, но наступилъ вечеръ, а мятежники не показывались. Тогда Обернибцовъ, не желая дать имъ возможности спуститься внизъ ночью, отправилъ вверхъ по Камѣ нѣсколько гребныхъ лодокъ съ 35 вооруженными людьми, а за ними берегомъ послалъ 16 человѣкъ ридовыхъ съ прапорщикомъ Бунинымъ. Пройдя 7 верстъ, лодки и команда встрѣтили плывшихъ мятежниковъ, потопили нѣсколько лодокъ съ людьми и принудили двѣ барки сдаться: третья барка успѣла прорватися, но на высотѣ дер. Бетковъ была встрѣчена выстрѣлами и посажена на мель. Захвативъ на всѣхъ судахъ 373 человѣка въ плѣнъ, преимущественно крестьянъ помѣщиковъ Глѣбова и Собакина, полковникъ Обернибцовъ отправилъ ихъ въ Мензелинскъ, а самъ пошелъ къ Заинску, съ намѣреніемъ слѣдовать далѣе къ устью р. Вятки.

Въ это же самое время находившійся въ Бугульмѣ полковникъ Кожинъ отправилъ графа Меллина съ 130 человѣками пѣхоты, 40 чугуевскими, 48 малороссійскими казаками и съ двумя пушками изъ деревни Сарманасовой къ Шуранскому перевозу на рѣкѣ Камѣ. Подпоручикъ гвардіи Ермоловъ съ 120 человѣками улановъ посланъ былъ изъ Бузулука въ Черемшанъ, гдѣ и долженъ былъ ожидать приказаній графа Меллина. Поручикъ Веденяпинъ, съ 40 драгунами и 80 яицкими казаками, выступивъ изъ Бугуруслана, долженъ былъ охранять пространство между слободою Черкасскою и пригородомъ Сергіевскимъ. Небольшіе отряды отъ 30 до 40 человѣкъ были поставлены въ Заинскѣ, въ дер. Шаутахъ и на ново-московской дорогѣ. Такимъ образомъ полковникъ Кожинъ разослалъ свой отрядъ по разнымъ мѣстамъ, «а самъ, доносилъ онъ ¹⁾», для удержанія сего поста (Бугульмы)

¹⁾ Въ рапортѣ къ Щербатову отъ 4-го іюля 1774 г. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

и всѣхъ здѣсь мятущихся въ около-лежащихъ селеніяхъ жителей, *останюсь почти одною только своей персоною*, не давая поводу выступленіемъ своимъ симъ мятущимся жителямъ, и особливо башкирцамъ, похитить сей пужный и коммуникаціонный постъ. Давно отъ меня сообщено полковнику Якубовичу (въ Уфу), чтобы сіе мѣсто скорѣе закрыть, еще до выступленія Обернибѣсова, только и понынѣ отвѣта отъ него не имѣю; Михельсонъ теперь, надо думать, уже на рѣкѣ Вяткѣ, о чемъ и губернатора казанскаго увѣдомилъ».

Предположенія Кожина были не совсѣмъ точны.

До 21 іюня Михельсонъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, гдѣ находится Пугачевъ. Въ этотъ день онъ разбилъ толпу мятежниковъ на р. Бирѣ и отъ захваченныхъ въ плѣнъ узналъ, что самозванецъ говорилъ окружающимъ, что пойдетъ не къ Кунгуру, а къ Казани. Михельсонъ пошелъ по указанному направленію, 22 іюня разбилъ мятежниковъ на р. Таныпѣ и далѣе на пути узналъ, что Пугачевъ переправился черезъ р. Каму и что мятежники, найдя въ Саранулѣ суда, сѣли на нихъ вмѣстѣ съ жителями и поплыли внизъ по рѣкѣ ¹⁾. «Я точнаго свѣдѣнія о Пугачевѣ еще не имѣю, доноситъ Михельсонъ 27 іюня ²⁾, однако считаю, что сей злодѣй повернулъ къ сторонѣ Хлынова, почему и послѣшаю на него и можетъ быть долженъ буду перейти за Каму».

Переправившись 29-го іюня черезъ р. Таныпъ и, подойдя къ деревнѣ Садыбашевой, подполковникъ Михельсонъ разсѣялъ толпу мятежниковъ до 500 человекъ, причемъ отъ захваченныхъ въ плѣнъ получилъ ложныя свѣдѣнія о движеніи самозванца. Плѣнные говорили, что Пугачевъ въ Саранулѣ, и потому Михельсонъ двинулся къ дер. Масляный-мысь, гдѣ узналъ, что самозванецъ пошелъ къ Казани. Найдя всѣ парома и лодки уничтоженными и не имѣя возможности переправиться въ этомъ пунктѣ, Михельсонъ повернулъ къ сел. Каракулину и отправилъ приказаніе поручику Мельгунову оставить на Ангазятскомъ перевозѣ достаточную команду изъ вѣрныхъ

¹⁾ Журналъ дѣйствій отряда Михельсона.

²⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 47, книга X.

намъ и повѣрцевъ, а самому съ 100 человекъ улановъ идти къ нему на соединеніе. Присоединеніе свѣжей кавалеріи къ отряду Михельсона было крайне необходимо. «Деташементъ мой, писалъ онъ князю Щербатову ¹⁾, съ самаго начала былъ не въ лучшемъ (не въ исправномъ) состояніи, а особливо Архангелогородскій эскадронъ, въ коемъ по большей части старыя и изнуренныя лошади, и составленъ собранными со всего полка людьми, кои нѣмъ на своихъ негодныхъ лошадяхъ такъ, какъ и вѣши; равномерно же и остатокъ казанскихъ гусаръ (Казанскаго дворянскаго корпуса), какъ и большая часть моея прочей команды».

Въ Каракулигѣ было получено извѣстіе, что Пугачевъ пошелъ по Арской дорогѣ прямо на Казань. Тогда Михельсонъ двинулся по кратчайшей Зюренской дорогѣ, надѣясь выдти на встрѣчу Пугачеву, прежде чѣмъ онъ придетъ къ Казани. «Я бы охотнѣе пошелъ по Арской дорогѣ, доносилъ онъ ²⁾, но опасаясь, что его не догоню, а онъ мнѣ снятіемъ переправъ по р. Вяткѣ можетъ сдѣлать остановку. Ежели злодѣй дѣйствительно пошелъ къ Казани, то я надѣюсь, ежели прежде съ нимъ не встрѣчусь, (то) сего мѣсяца 8-го или 9-го числа равномерно же прибыть къ Казани».

Въ ночь со 2-го на 3-е іюля Михельсонъ съ большими затрудненіями переправился черезъ р. Каму ³⁾, 3-го числа дошелъ до села Пьянаго-бора, 5-го числа переправился черезъ р. Ижъ, но сколько ни торопился походомъ, онъ не находилъ возможнымъ, съ изнуренными людьми и лошадьми, перейти къ р. Вяткѣ на перевозъ ранѣе 8-го іюля. Поручикъ Мельгуновъ къ нему не прибылъ, а пошелъ на соединеніе съ Обернибфсовымъ къ Мензелинску ⁴⁾, и такимъ образомъ, не имѣя возможности освѣжить свой отрядъ и усилить переходы, Михельсонъ не успѣлъ преду-

¹⁾ Въ рапортѣ отъ 30-го іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

²⁾ Въ рапортѣ генералу Брандту отъ 2-го іюля 1774 г. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

³⁾ Рапортъ Михельсона князю Голицыну, 3-го іюля 1774 г. изъ дор. Сяковой. Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, отъ 6-го іюля. Тамъ же.

предить самозванца и прибылъ къ Казани въ то время, когда городъ былъ уже разоренъ мятежниками ¹⁾.

Находясь между рѣками Казанкой и Булакомъ, тогдашняя Казань состояла преимущественно изъ деревянныхъ построекъ и раздѣлялась на три части: крѣпость, городъ и слободы. Крѣпость была въ полуразрушенномъ состояніи и находилась въ западной части города на берегу Казанки, причеиъ самый длинный фасъ ея шелъ параллельно р. Булаку. Образую сомкнутый многоугольникъ, крѣпость имѣла 750 саж. длины и въ юго-восточномъ углу ея былъ Спасскій монастырь. Къ востоку отъ крѣпости раскинулся городъ, въ которомъ наиболѣе выдающимися зданіями были гостинный дворъ и дѣвичій монастырь. Оба зданія находились вблизи крѣпости и потому, овладѣвъ ими, можно было обстрѣливать крѣпость съ двухъ сторонъ. Вокругъ крѣпости и города насыпаны были земляныя батареи, соединенныя между собою рогатками. За ними лежали слободы, составлявшія предмѣстья города. На берегу озера Кабана находилась слобода Архангельская, а лѣвѣе ея — Суконная, черезъ которую проходила дорога въ Оренбургъ. Къ Суконной слободѣ прилегало Арское поле, въ западной части котораго, со стороны р. Казанки, были: загородный губернаторскій домъ, кирпичные заводы и роща, принадлежавшая помѣщицѣ Песловой. Между заводами и рощею пролегалъ большой сибирскій трактъ.

Въ началѣ 1774 года, съ появленіемъ башкирскихъ шаекъ у границъ Казанской губерніи, были приняты мѣры къ защитѣ Казани, но мѣры эти были ничтожны. По распоряженію губернатора исправляли крѣпость, но за неимѣніемъ средствъ и рукъ работы подвигались весьма медленно. По недостатку войскъ городская молодежь приучалась къ военнымъ порядкамъ при мѣстныхъ командахъ и по желанію дворянъ дѣти ихъ, находившіеся въ гимназіи, занимались фехтованіемъ. Казанская гимназія купила на свой счетъ 450 карабиновъ и пикъ, и подъ руководствомъ директора Каница производилось обученіе учениковъ дѣйствовать оружіемъ.

¹⁾ Рассказъ г. Мордовцева о дѣятельности Михельсона и о состояніи края въ это время не имѣетъ исторической достоверности, какъ основанный на иностранныхъ источникахъ, неполноценныхъ вымыслеиъ и искаженными фактами.

Въ Казани находилось до 400 человекъ регулярныхъ войскъ разныхъ командъ. Въ концѣ іюня прибылъ полковникъ князь Одоевскій съ 120 человеками гренадеръ ¹⁾, а 10 іюля должны были прибыть двѣ роты Владимірскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ капитана Коха, въ составѣ трехъ офицеровъ и 187 нижнихъ чиновъ ²⁾. Такимъ образомъ, число регулярныхъ войскъ доходило до 700 человекъ, а затѣмъ дальѣйшая защита города зависѣла отъ числа вооруженныхъ жителей. Полковникъ князь Одоевскій предлагалъ сформировать отрядъ въ 600 человекъ, выслать его на встрѣчу Пугачеву, остановить наступательное движеніе самозванца и тѣмъ дать возможность Михельсону нагнать его и атаковать съ тыла. Опасеніе оставить городъ безъ войскъ заставило совѣщавшихся прибѣгнуть къ полумѣрѣ и отправить на встрѣчу самозванца полковника Толетаго съ 100 человеками пѣхоты, 100 карабинерами и однимъ орудіемъ. Выѣздъ съ тѣмъ рѣшено было построить вокругъ города нѣсколько батарей, причемъ полковникъ Свѣчинъ предложилъ сдѣлать вокругъ слободъ ровъ и, при содѣйствіи жителей, браться вырыть его въ три дня ³⁾. Это предложеніе было отвергнуто и рѣшено построить батареи только вокругъ города, а слободы обнести рогатками и предоставить ихъ собственной защитѣ. Рѣшаясь на такую мѣру, защитникамъ слѣдовало всѣхъ жителей слободъ перевести въ городъ, а строения уничтожить, но какъ этого сдѣлано не было, то слободы представили впоследствии прекрасное закрытіе для мятежниковъ при штурмѣ города.

Такое унущеніе объясняется отчасти тѣмъ, что большинство не предвидѣло серьезной опасности городу. Зная, что самозванецъ преслѣдуется, со стороны Екатеринбурга, отрядами маіоровъ Гургина и Жолобова, что изъ Башкиріи идетъ за нимъ Михельсонъ, а близъ Камы стоитъ полковникъ Якубовичъ съ своимъ отрядомъ,

¹⁾ Письмо генерала Брандта князю Щербатову 24 іюня 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IX.

²⁾ Рапортъ капитана Коха князю Щербатову 30 іюня. Тамъ же, кн. X.

³⁾ Записка Охлебинина, поданная князю Вяземскому. Арх. Кабинета Его Величества, дѣло о Пугачевѣ.

большинство начальствующихъ не вѣрило, чтобы самозванецъ могъ появиться у Казани.

«Приступая къ разсужденію объ оказавшихся якобы опасностяхъ городу Казани, писалъ генераль-маіоръ Ларіоновъ ¹⁾, согласенъ я взять мѣры ко укрѣпленію сего города; но какъ не предусматриваю я ни скорой къ тому и ниже отчаянной опасности, то и желалъ бы, чтобы пронесшіеся о томъ слухи не потревожили живущихъ въ здѣшнемъ городѣ и по окрестностямъ онаго всякаго званія и рода людей и не привели бы въ замѣшательство нынѣшняго земледѣльчества».

Во времени появленія Пугачева было заложено до девяти батарей, но успѣли окончить только пять, причемъ каждая батарея была вооружена не болѣе какъ однимъ орудіемъ. Начиная отъ Арскаго поля и р. Казанки—около Суконной слободы, сель: Архангельскаго, Плѣтеней, слободъ: Мокрой и Ямской, снова до р. Казанки—все пространство было обнесено рогатками. Эта огибавшая Казань оборонительная линія, имѣвшая болѣе 15 верстъ протяженія, была раздѣлена между тремя начальниками: генераль Баннеръ командовалъ батареями на линіи отъ Арскаго поля до озера Кабана; генераль-маіоръ Ларіоновъ — отъ Плѣтеней до Ямской, а остальною линіею до Казанки завѣдывалъ полковникъ Свѣчинъ. Огражденіе рогатками предмѣстій было возложено: слободы Суконной на коммерціи совѣтника Дряблова, Архангельской и Плѣтеней—на экономическихъ крестьянъ; Ямской — на ямщиковъ, а отъ Мокрой до Казанки—на обывателей города. Крѣпость находилась въ вѣдѣніи коменданта полковника Лецкаго, а часть города, огибаемая р. Казанкою, отъ Мокрой до Арскаго поля, поручена защитѣ члену адмиралтейской конторы Щелину. Онъ долженъ былъ вооружить мелкія суда и наблюдать, чтобы мятежники, добравшись до Казанки, не могли перейти ее въ бродъ и напасть на городъ съ этой стороны ²⁾.

3-го іюля, въ Казани было объявлено предложеніе губернатора, чтобы жители приняли мѣры и содѣйствовали защитѣ го-

¹⁾ Въ мѣншіи, поданномъ 2 іюля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 444. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. 4, стр. 4.

²⁾ «Казанская исторія», Николая Важенова. Изд. 1847 г., ч. II, стр. 83.

рода. Генераль фонъ-Брандтъ писалъ, что городъ защищенъ рогатками, за которыми будетъ поставлено 200 (?) пушекъ; что начальство надъ войсками и наблюдение за работами по исправленію укрѣпленій поручено генералу Баннеру и шефу казанскаго дворянскаго корпуса, генераль-маіору Ларіонову. Отъ присутственныхъ мѣстъ и жителей потребованы вѣдомости, сколько можетъ быть выставлено вооруженныхъ людей и какимъ оружіемъ. Директоръ казанской гимназіи фонъ-Каницъ донесъ, что команда его будетъ состоять изъ 6 человекъ дворовыхъ людей директора, 13 учителей, 39 учениковъ и 2 приказныхъ; что дворовые и ученики будутъ вооружены пиками, а учителя и два дежурныхъ офицера, какъ «люди тяжлые», будутъ имѣть по парѣ пистолетовъ ¹⁾).

Всѣ вооруженные жители были раздѣлены по участкамъ и каждому указанъ свой постъ на случай тревоги, сигналомъ для которой должны были служить орудійные выстрѣлы и набатъ всѣхъ церквей города. Еслибы въ городѣ случился пожаръ, то тушение его возложено на полицейскія команды и на назначенныхъ для того обывателей. Оставленіе же своего мѣста во время боя, хотя бы и для спасенія собственнаго имущества, строго воспрещалось и нарушителей порядка приказано было колоть или застрѣлить, чтобы прочіе «воздержались и были неотлучными до послѣдней капли крови при своихъ мѣстахъ».

Съ этого дня въ Казани замѣтно было особое оживленіе. Населеніе города раздѣлилось на двѣ части: одна вооружалась, а другая, не особенно вѣрившая въ силу оборонительныхъ средствъ, покидала городъ, уѣзжая съ семействами и имуществомъ въ Москву, Симбирскъ и Пензу. Въ день губернаторскаго объявленія, 3 іюля, генераль-маіоръ Ларіоновъ просилъ генерала Брандта уволить его въ Москву на 29 дней, говоря, что онъ уже имѣетъ такое разрѣшеніе отъ генераль-кригсъ-коммиссара генераль-аншефа Глѣбова ²⁾). Генераль фонъ-Брандтъ не считалъ себя въ правѣ отмѣнить разрѣшеніе, данное прямымъ начальникомъ, и генераль-маіоръ Ларіоновъ уѣхалъ изъ Казани. Его дистанція перешла въ руки

¹⁾ «Историческая записка о 1-й казанской гимназіи». В. Владимірова, стр. 126.

²⁾ Райоругъ Ларіонова Брандту 3 іюля. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47. книга X.

генерала Баннера, который еще в 1771 году был уволен по неспособности от командования Московским легиономъ. При этомъ надо сказать, что при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ между представителями правительственной власти не было ни согласія, ни единства въ дѣйствіяхъ. Корпоративныя начала, сословныя предубѣжденія и отсутствіе дисциплины удаляли всякую возможность къ единодушной защитѣ города. Директоръ казанской гимназій Каницъ, сообщая губернатору, что для защиты города онъ можетъ выставить 74 человекъ вооруженныхъ гимназистовъ, просилъ выдать имъ порохъ и пули. При этомъ онъ писалъ, что его корпусу, «въ коемъ, выключая дворовыхъ, люди упражняющіеся въ наукахъ, непристойно съ прочими гражданами мѣшаться на ряду, то чтобъ повелѣно было означить мѣсто, гдѣ бы гимназическая команда при оборонѣ города сама собою, подъ предводительствомъ своего командира, стоять могла»¹⁾.

Гимназистамъ назначено было защищать батарею, поставленную на открытомъ мѣстѣ, противъ Арскаго поля; проходившая впереди батареи главная сибирская дорога была перекопана и за насыпью поставленъ караулъ. Гимназисты были построены въ двѣ шеренги, изъ коихъ передняя имѣла карабины, а задняя пики. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились художники и ремесленники изъ нѣмцевъ, вооруженные 50 карабинами и размѣстившіеся по флангамъ гимназистовъ.

Въ такомъ положеніи была защита Казани, когда, 7-го іюля, генералъ Брандтъ получилъ письмо татарина Мусалима Алмаметева, увѣдомлявшаго, что 4-го числа Пугачевъ съ его толпою находился въ экономическомъ селѣ Мамадышахъ²⁾. Казанскій губернаторъ не повѣрилъ этому сообщенію, надѣясь, что Михельсонъ или нагналъ мятежниковъ, или вышелъ имъ на встрѣчу. «Я въ семь, что Пугачевъ тутъ (въ Мамадышахъ), писалъ Брандтъ князю Щербатову³⁾, сомнѣваюсь, потому что подполковникъ Михельсонъ, надѣюсь, что симъ временемъ ходитъ уже не напрасно».

¹⁾ «Историческая записка о 1-й казанской гимназій». В. Владимірова. Изд. 1867 года, т. I, стр. 126.

²⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 444.

³⁾ Въ письмѣ, отъ 9 іюля 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга X.

Надежда на содѣйствіе Михельсона и на то, что онъ придетъ въ Казань раиѣ мятежниковъ была всеобщаю. Эту надежду питались не одни жители, но и представители власти, въ томъ числѣ и начальникъ секретной комиссіи генераль-маіоръ П. С. Потемкинъ, пріѣхавшій въ городъ 8-го іюля.

Человѣкъ не особенно высокой нравственности, но сильная поддержкою въ то время быстро возвышавшагося трюроднаго брата, впоследствии князя Таврическаго, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ явился въ Казань хозяиномъ, толковавшимъ по своему данныя ему полномочія императрицы. Не имѣя права вмѣшиваться въ административныя распоряженія и лишенный возможности, по краткости времени, осмотрѣться и познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, П. С. Потемкинъ тѣмъ не менѣе въ день своего пріѣзда уже отправилъ донесеніе императрицѣ, въ которомъ сдѣлалъ все, чтобы поставить себя главнѣйшимъ распорядителемъ по защитѣ Казани отъ нападенія мятежниковъ. Въ пріѣздѣ мой въ Казань, писалъ онъ ¹⁾, нашелъ я городъ въ столь сильномъ униженіи и ужасѣ, что весьма трудно было мнѣ удостовѣрится о безопасности города. Ложнымъ по большей части извѣстія о приближеніи къ самой Казани злодѣя Пугачева привели въ неописанную робость, начиная отъ начальника, почти всѣхъ жителей, такъ что почти всѣ уже вывозили свои имѣнія, а семействамъ дворянъ приказано было спасаться. Я не хотѣлъ при началѣ моего пріѣзда оскорблять начальника, но представлялъ имъ, что городъ совершенно безопысенъ и, благодаря Бога, имѣлъ счастье ихъ удостовѣрить и успокоить».

Это скороспѣлое и неоснованное на правдѣ донесеніе оканчивалось хвастливымъ завѣреніемъ П. С. Потемкина, что онъ *погибнетъ* прежде, чѣмъ допустить мятежниковъ атаковать городъ. Я предлагалъ губернатору, писалъ онъ, что если онъ имѣетъ хотя малый деташементъ, то приѣмлю на себя идти на встрѣчу злодѣю; но по недостатку военныхъ людей, съ нуждою набрать можно до 500 человѣкъ, которыхъ отдѣлать далеко не можно, дабы не обнажить города. *Все сіе однакожь не воспрелят-*

¹⁾ Императрицѣ отъ 8 іюля 1774 г. Русская Старина 1870 г., т. II, стр. 402.

стеуетъ по первому извѣстiю о приближеннiи его отъ Вятки къ Казани, чтобъ я не выступилъ съ поманутымъ деташе-ментомъ».

Все это были одни слова безъ дѣла, и Пугачевъ подошелъ къ Казани, не встрѣтивъ отряда П. Потемкина.

Отойдя нѣсколько верстъ отъ Ижевскаго завода, самозванецъ 29-го iюня праздновалъ свое тезоименитство, подъ именемъ Петра III и день именинъ цесаревича Павла Петровича. На другой день, послѣ усиленной попойки, толпа двинулась далѣе и проходя черезъ селенiя забирала съ собою всѣхъ крестьянъ поголовно. Священниковъ, выходившихъ на встрѣчу съ крестами, отпускали въ свои дома, а тѣхъ, которые не желали исполнить этой церемонiи, вѣшали.

10-го iюля Пугачевъ разбилъ высланный ему на встрѣчу отрядъ Толстаго, причемъ послѣднiй былъ убитъ, а команда его частiю передалась на сторону мятежниковъ, а частiю разбѣжалась по лѣсамъ.

Ободренный этимъ успѣхомъ, самозванецъ призвалъ къ себѣ секретаря Дубровскаго и приказалъ ему написать указъ, чтобы жители покорились государю безъ сопротивленiя, приняли его съ честью и сдали городъ; покорившимся обѣщаны разныя милости. Указъ былъ написанъ, и 11-го iюля самозванецъ, подойдя къ Казани, остановился при Троицкой мельницѣ, верстахъ въ семи отъ города. Растянувшись до села Царицына, толпа мятежниковъ, по словамъ Творогова, «никогда такъ многочисленна не была, какъ теперь» и состояла болѣе чѣмъ изъ 20 тысячъ челов., впрочемъ плохо вооруженныхъ или почти безоружныхъ ¹⁾. Захваченные въ толпу и явившiеся добровольно крестьяне имѣли однѣ дубины, колья или заостренные шесты. Башкиры были вооружены луками, а яицкiе казаки ружьями, но тѣхъ и другихъ было сравнительно мало.

Въ тотъ же день Пугачевъ отправилъ въ Казань атамана Овчинникова съ своимъ манифестомъ, но тотъ скоро возвратился назадъ и объявилъ, что манифеста «не слушаютъ, а только бра-

¹⁾ Показанiя Ивана Творогова, Наума Бѣлородова, подпоручика Федора Мишѣва и поручика Пироговскаго. Государств. Арх. VI, д. №№ 429, 440 и 505.

нять». Тогда Пугачевъ рѣшился штурмовать городъ. Окруженный значительною свитою, въ которой было человекъ до 50 казаковъ, самозванецъ въ тотъ же день, 11-го іюля, поѣхалъ осматрѣть укрѣпленія и выбрать мѣсто, наиболѣе удобное для штурма. На Арскомъ полѣ, показывалъ Бѣлородовъ, вышелъ изъ садовъ какой-то старикъ и сказывалъ Пугачеву, что въ Казани архіерей и всеъ господа едаться злодѣю и его встрѣтитъ согласны, но запрещаетъ имъ недавно пріѣхавшій изъ Москвы генераль (П. С. Потемкинъ) да губернаторъ и говорятъ: «если-де побудутъ злодѣя встрѣчать съ крестами, то мы и кресты изъ пушекъ разобьемъ».

Возвратившись въ лагерь и не довольствуясь личнымъ осмотромъ, Пугачевъ приказалъ Бѣлородову вечеромъ того же дня произвести вторичную рекогносцировку укрѣпленій и города. Когда Бѣлородовъ подѣхалъ къ городу, защитники были уже на своихъ мѣстахъ и неподалеку отъ гимназической батареи стоялъ отрядъ П. Потемкина изъ 450 чел. пѣхоты и 200 чел. конныхъ чувашей¹⁾. Отъ этого отряда былъ выставленъ на Арскомъ полѣ авангардъ изъ 80 чел. пѣхоты съ двумя орудіями, подъ начальствомъ Владимірскаго пѣхотнаго полка подполковника Пельюдова.

При приближеніи мятежниковъ генераль-майоръ Потемкинъ вышелъ изъ-за рогатокъ, и хотя при этомъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла, но на другой день онъ писалъ, что «вчера неприятель атаковалъ Казань и мы его отогнали»²⁾.

Отогнанный Бѣлородовъ убѣдился, что хотя городъ прикрытъ батареями и обнесенъ рогатками, но укрѣпленія расположены такъ, что представлялась полная возможность дѣйствовать имъ во флангъ и тылъ, а явившіеся въ станъ самозванца перебѣжчики единогласно заявляли, что въ городѣ мало регулярныхъ войскъ.

На утро 12-го іюля Пугачевъ раздѣлилъ свою толпу на четыре части: надъ одною принялъ начальство самъ, другую поручилъ Бѣлородову, третью—Мишѣву; кто же командовалъ четвертою колонною изъ показаній не видно. Собралъ къ себѣ всѣхъ

¹⁾ Гоеуд. Арх., VI, д. № 489.

²⁾ Письмо П. Потемкина къ Г. А. Потемкину отъ 12 іюля 1774 г. *Русская Старина* 1870 г., т. II, стр. 403.

старшинъ, самозванецъ приказалъ имъ слѣдить за тѣмъ, чтобы непременно всѣ участвовали въ штурмѣ, а тѣ которые не имѣли вовсе оружія, помогали бы штурмующимъ своимъ крикомъ ¹⁾).

Прикрывшись выставленными впередъ возами съ сѣномъ, между которыми были размѣщены пушки, отряды Бѣлобородова и Минѣва прошли по Арскому полю, заняли рощу Нееловой и отдѣльные домики, лежавшіе по сторонамъ главной сибирской дороги. «Погода предвѣщала намъ счастливый успѣхъ, говорилъ участникъ ²⁾); вѣтеръ дулъ прямо на непріятеля, густой дымъ пошелъ прямо на городъ».

Выставленный П. Потемкинымъ на Арскомъ полѣ авангардъ изъ 80 человѣкъ пѣхоты съ двумя орудіями, подъ начальствомъ подполковника Неклюдова ³⁾), встрѣтилъ наступающихъ выстрѣлами, но скоро былъ окруженъ съ трехъ сторонъ толпою Бѣлобородова. Двинувшійся было къ нему на помощь генералъ-маіоръ Потемкинъ, видя, что мятежники заходятъ съ обоихъ фланговъ, предпочелъ отступить за рогатки.

Въ это время толпа подъ предводительствомъ Минѣва, хорошо знавшаго Казань, овладѣла загороднымъ губернаторскимъ домомъ и двинулась далѣе. Защищавшій батарею гимназическій отрядъ былъ сбитъ и непріятель появился въ тылу большей части защитниковъ рогатокъ. На лѣвомъ флангѣ жители Суконной слободы, имѣвшіе у себя одну пушку, встрѣтили наступавшихъ рычагами, копьями и саблями, но пушку ихъ разорвало при первомъ выстрѣлѣ. Пугачевъ, лично предводившій здѣсь толпою, приказалъ открыть огонь картечью; слобода была взята и многіе дома зажжены. Мятежники съ разныхъ сторонъ хлынули въ улицы. «Главные караулы, не видѣвъ ни малѣйшаго нападенія, съ одной робости, оставивъ непріятелю пушки и весь снарядъ, безъ всякаго порядка опроретью въ крѣпость побѣжали». Многіе солдаты и жители перешли на сторону самозванца и вмѣстѣ съ пришедшею толпою предались грабежу; другіе прятались въ погребахъ, запи-

¹⁾ Показанія Бѣлобородова, поручика Пироговскаго и подпоручика Минѣва.

²⁾ Верхоланцевъ. *Пермскія Губернскія Вѣдомости*, 1864 г. № 2.

³⁾ Аттестатъ, выданный Неклюдову Потемкинымъ. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 194, св. 33, листъ 197.

рались въ церквахъ, монастыряхъ или искали также спасенія въ крѣпости. Туда же отступилъ и отрядъ гимназистовъ, лишившійся 19 человекъ убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ было шесть учениковъ и директоръ гимназій Каницъ. За гимназистами пришелъ въ крѣпость и генераль-майоръ Потемкинъ съ своею командою, состоявшею изъ 300 человекъ съ двумя орудіями. Чуваша всѣ передались неприятелю, и кавалерія Потемкина состояла теперь изъ двухъ арнаутовъ и одного казака ¹⁾.

Рѣшаясь отступить и не имѣя возможности захватить съ собою находившихся въ городской тюрьмѣ и въ частныхъ домахъ арестантовъ, П. Потемкинъ приказалъ караульному офицеру, въ случаѣ опасности, не щадить ихъ жизни и не отдавать мятежникамъ ²⁾. Многіе колодники были заколоты, но бѣльшая часть освобождена, въ томъ числѣ и первая жена самозванца Софья съ тремя дѣтьми: сыномъ Трофимомъ и дочерьми Аграфеною и Христиною. Она содержалась сначала въ частномъ домѣ, но подъ присмотромъ, а потомъ, съ приближеніемъ мятежниковъ къ Казани, ее перевели въ помѣщеніе секретной комиссіи. Пожаръ, дошедшій до зданія комиссіи, заставилъ караульнаго офицера отступить съ своею командою, и тогда инсургенты бросились освобождать заключенныхъ. Видя это, Софья вышла на дворъ и вмѣстѣ съ другими была отправлена въ лагерь самозванца.

По пути одинадцати-лѣтній Трофимъ замѣтилъ своего отца, разбѣжавшаго верхомъ среди толпы.

— Матушка, крикнулъ онъ, — смотри-тка, батюшка межъ казаковъ ѣздитъ.

— Экой собака, невѣрный супостатъ, вскрикнула Софья такъ громко, что Пугачевъ не могъ не слышать.

Онъ сейчасъ же подѣхалъ къ Софѣ, но не призналъ ее женою.

— Вотъ какое злодѣйство, говорилъ онъ, обратившись къ обружавшимъ его казакамъ, — сказываютъ, что это жена моя. Это неправда: она подлинно жена друга моего Емельяна Пугачева,

¹⁾ Государств. Арх., VI, д. № 489.

²⁾ Донесеніе П. С. Потемкина отъ 12-го августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 431.

который замученъ за меня въ тюрьмѣ подь розыскомъ. Помня мужа ея мнѣ одолженіе, я не оставляю ее.

Софья слушала и не вѣрила своимъ ушамъ. Беззаастѣнчивость и нахальство Пугачева озадачили ее на столько, что она не возражала на слова мужа.

— Подвезите вотъ этой бабѣ телѣгу, свезалъ самозванецъ, — и посадите ее съ ребятами.

Софья поѣхала въ лагерь, а Пугачевъ отправился въ городъ на дальнѣйшіе подвиги ¹⁾.

Видя всеобщее замѣшательство и надѣясь захватить крѣпость врасплохъ, самозванецъ и Минѣевъ быстро проскакали по городу но все-таки опоздали. Крѣпостныя ворота были заперты, завалены каменными и бревнами, и мятежники встрѣчены выстрѣлами. Тогда Пугачевъ занялъ гостинный дворъ, а его достойный сподвижникъ Минѣевъ — Покровскій дѣвичій монастырь, въ церкви котораго находился 110-ти-лѣтній старикъ генераль-маіоръ Кудрявцевъ.

При отступленіи войскъ въ крѣпость, многіе убѣждали Кудрявцева позволить перенести себя туда же, но онъ не согласился. При появленіи мятежниковъ старецъ поднялся съ кресла и громко закричалъ: «какъ можете вы, измѣнники, дерзать противъ своей государыни, осквернять и расхищать храмъ Божій». Толпа бросилась на старца и умертвила его ²⁾. Минѣевъ приказалъ игуменью и монахинь отвести въ лагерь на Арское поле, а на церковной паперти поставилъ орудія и открылъ огонь по находившемуся въ крѣпости Спасскому монастырю. На тотъ же монастырь направилъ свои выстрѣлы и Пугачевъ, поставившій два орудія въ гостиномъ дворѣ. Положеніе столпившихся въ крѣпости жителей и войскъ было ужасное. Распространившійся по всему городу пожаръ приближался и къ крѣпости; вѣтеръ дулъ прямо въ лицо и воздухъ сдѣлался удушливымъ отъ палящаго жара и нанесеннаго

¹⁾ Показанія Федора Чумакова, Ивана Творогова и Софьи Дмитриевой. Государственный Архивъ, VI, дд. №№ 505 и 506. См. также *Русскую Старину*, т. XVI, стр. 506.

²⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе графа П. Панина отъ 10 октября 1774 г. *Сборникъ Историческаго Общества*, т. VI, 164.

дыма. Деревянные здания крепости неоднократно загорались, а ветхія стѣны крепости грозили обваломъ; повсюду слышались стоны раненыхъ, крики женщинъ и дѣтей. Среди защитниковъ поднялся ропотъ; многіе говорили, что гарнизонъ не въ состояніи защищаться и являлась мысль, не лучше ли сдаться. Потемкинъ принужденъ былъ повѣсить двухъ защитниковъ и «тѣмъ устрашилъ всѣхъ и принудилъ къ повиновенію». Канонада продолжалась, и самое тяжелое испытаніе въ этомъ общемъ несчастіи выпало на долю Спасскаго монастыря.

«Казанское несчастіе, писалъ Платонъ Любарскій ¹⁾, и мой монастырь хотя онъ и въ крепости, задѣлю, ибо какъ онъ въ самомъ переднемъ — отсюда оная грозная туча подходила — состоитъ фасъ, то будучи осажденнымъ сдѣлался главнымъ предметомъ стрѣламъ, пулямъ, ядрамъ, штурмованію и неоднократно въ разныхъ мѣстахъ зажженъ былъ. Наконецъ, отъ пожирющаго всю сплошь Казань пламени, крепость, паче же монастырь мой, толь сильнымъ объять былъ жаромъ, что если бы всѣхъ въ немъ деревянныхъ крышекъ и пристроекъ не сломали, то слѣдовало осажденнымъ непремѣнно погибнуть.

«Такимъ образомъ, *Списъ* многія тысячи народа *смагъ*, но самого едва скелеть остался: на всѣхъ церквахъ, кельяхъ, службахъ и конюшняхъ брыши разобраны; двери, окна, пристройки иныя выгорѣли, иныя разломаны, такъ что теперъ отъ дождя, вѣтра и холода ни покрова, ни защиты не имѣемъ».

«Подробности казанскаго несчастливаго приключенія, писалъ Платонъ въ другомъ письмѣ ²⁾, не только мнѣ, но ниже Гомеру или Демосоену описать (если бы сіи воскресши зрителями были) невозможно. Монастырь мой въ крепости хотя отъ разграбленія и избавился, однако отъ преужаснаго форштадтнаго вблизи пламени жару, во многихъ мѣстахъ загорался, почему всѣ деревянные брыши, зданія и заборы разломаны и растащены, окна иныя растрескались, иныя выбиты; церкви, кельи, погреба и кануры

¹⁾ Пресвященному Крутицкому отъ 14-го августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

²⁾ Бактынгъ-Каменскому отъ 7-го августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 527.

наполнены бѣдными постояльцами. Имѣніе мое, кое получше, хотя и уцѣлѣло, но мелочь въ смятеніи, тѣснотѣ и безпамятствѣ растерялась». Посланный въ епархію и случайно небывшій при общемъ разгромѣ города, Платонъ Любарскій, по возвращеніи своемъ въ Казань, «засталъ не монастырь, а вертепъ разбойника».

Многіе не досчитались не только имущества, но и близкихъ: мужей, женъ и дѣтей. Мятежники разсыпались по городу, писаль Ювеналій ¹⁾, «какъ вѣтеръ бурный; вездѣ слышимъ вопль, рыданія и стонъ; страшныя слова *коли его*, часто повторяемы были». Варварство доходило до того, что прежде чѣмъ мать падеть отъ руки изверга, въ ея глазахъ бросали въ огонь младенца, и часто женщины умирали послѣ поруганія и насилванія ²⁾. Кто былъ въ нѣмецкомъ платьѣ и безъ бороды, всѣхъ убивали. Священники грузинской церкви были въ одной рубахѣ и босикомъ, чтобы не отличаться отъ простого народа и не быть узанными мятежниками ³⁾. Пугачевцы грабили дома и зажигали ихъ. Пламя пожара все шире и шире распространялось по городу, подошло къ крѣпости и стало угрожать самимъ мятежникамъ. Тогда Пугачевъ сталъ отступать и приказаль своимъ сообщникамъ возвращаться въ лагерь. Улицы города, по которымъ еще можно было проходить, представляли ужасное зрѣлище: по нимъ гнали илѣнныхъ, двигались назадъ и впередъ мятежники съ награбленнымъ имуществомъ и въ самой пестрой одеждѣ: въ стихаряхъ, подрысникахъ, женскомъ платьѣ и проч. Разграбленіе города началось въ 6 часовъ утра и продолжалось до глубокой ночи. Многіе, въ томъ числѣ Пугачевъ и Бѣлобородовъ, ѣздили въ лагерь обѣдать и потомъ снова возвращались на грабежъ и разореніе.

У большой палатки самозванца толпились добровольные его подданные, на завалинкѣ сидѣла законная его жена Софья съ тремя дѣтьми, а внутри палатки, у разостланныхъ пернѣй, видны были пять женщинъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье.

Былъ полдень. Самозванецъ вернулся въ свой станъ, слѣзъ съ

¹⁾ Игуменъ сожженнаго Ивановскаго монастыря архимандриту Платону въ письмѣ отъ 20-го іюля 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

²⁾ «Казанская исторія», Николая Важенова, изд. 1847 г., т. II, стр. 85.

³⁾ Показаніе купца Сухорукова. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1843 г., № 44.

лошади, передалъ ее казаку и, не обращая вниманія на Софью, прошелъ въ палатку. Подскакившія къ нему двѣ дѣвки приняли отъ него шапку, сняли саблю и раздѣли. Пугачевъ прилегъ на перину въ ожиданіи обѣда; обѣдалъ онъ въ этотъ день одинъ, а собравшіеся казаки стояли въ почтительномъ положеніи и безъ словъ *битюшка* или ваше величество, ничего не отвѣчали на его вопросы. Обращаясь къ дѣвкамъ, самозванецъ говорилъ обыкновенно: «дѣвка, подай то; дѣвка, одѣнь» и онѣ другъ передъ другомъ торопились исполнить приказаніе.

Тотчасъ послѣ обѣда Пугачевъ переженилъ мѣсто своей ставки, переѣхалъ на другую сторону Арскаго поля и затѣмъ отправился опять въ городъ, пожираемый пламенемъ и разрушавшійся. Стены одна другой возмутительнѣе смѣяли другъ друга: запоздавшіе грабители выбивали въ храмахъ двери, стрѣляли въ окна, обдирали образа, богохульствовали. «Святость шестнадцати церквей была поругана злодѣями, которые не щадили ни пола, ни возраста и тиранскимъ образомъ умерщвляли даже тѣхъ, кто искалъ спасенія у самаго алтаря»¹⁾. Городъ былъ подоженъ болѣе чѣмъ въ девяти мѣстахъ, сгорѣлъ почти весь и, по словамъ очевидца, по самую Егорьевскую улицу въ немъ «не осталось ни кола»²⁾; уцѣлѣли только части Сукопной и Татарской слободъ³⁾.

День 12-го іюля дорого стоилъ Казани: она лишилась 162 человекъ убитыми, 129 ранеными, 486 пропавшими безъ вѣсти и 2 сгорѣвшими—всего 779 человекъ. Изъ 2,873 домовъ, считавшихся въ городѣ и слободахъ, было сожжено и разграблено 2,063 дома и уцѣлѣло 810 домовъ⁴⁾. Большинство населенія было выгнано на Арское поле и вечеръ засталъ Казань совершенно опустѣлою.

¹⁾ *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1844 г., № 36.

²⁾ Показаніе купца Сухорукова. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1843 г., № 41.

³⁾ Предложеніе губернатора фонъ-Брандта пермской провинціальной канцеляріи отъ 17-го іюля 1774 г. *Пермскій Сборникъ*, ч. I, стр. 97.

⁴⁾ Письмо князя Щербатова графу З. Г. Чернышеву отъ 1-го августа 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV. Цифры эти не сходятся съ помѣщенными у Пушкина (Сочиненія, т. VI, 73) и въ *Казанскомъ Виржевомъ Листкѣ*, 1874 года, № 54. Въ этомъ послѣднемъ, въ статьѣ «Казань 12-го іюля 1774 года», много невернаго. Рассказъ, что надъ Казанью развѣшалось бѣлое съ расколыничьимъ крестомъ знамя принадлежитъ къ числу вымысловъ.

Мятежники мало-по-малу вышли изъ города и выстрѣлы прекратились. Пока длилась канонада, казанскій архіепископъ Веніаминъ пять разъ въ теченіе дня совершалъ богослуженіе въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Когда утихла стрѣльба, архипастырѣ отпѣлъ благодарственный молебенъ, поднялъ кресты, иконы и, желая совершить крестный ходъ, послалъ діакона къ отдыхавшему П. Потемкину «объявить о сей процессіи, чтобы онъ, услыша благовѣсть и большой звонъ, не испугался» ¹⁾. Преосвященный Веніаминъ обошелъ по всей крѣпости, не смотря на нестерпимый жаръ, дымъ и пыль, наносимые сильнымъ вихремъ, захватывавшимъ дыханіе. Молитвы успокоили несчастныхъ, но томительна казалась наступающая ночь. Кругомъ зарево пожара, повсюду вопли и бивачные крики разбойниковъ. «Не знали, что сулитъ грядущій день, ждали ежеминутнаго нападенія, готовились къ мученической смерти» ²⁾....

Среди такой обстановки генераль-маіоръ П. Потемкинъ писалъ свое донесеніе, чернилъ другихъ, выгораживалъ себя и рисовался передъ своимъ троюроднымъ братомъ. «Я въ жизнь мою такъ несчастливъ не бывалъ, говорилъ онъ ³⁾; имѣя губернатора ничего неразумѣющаго и артиллерійскаго генерала дурака, долженъ былъ *по ихъ распоряженію* (?) къ защитѣ самой скверной помогать на семи верстахъ дистанціи. Теперь остается мнѣ умереть, защищая крѣпость, и если Гагринъ, Михельсонъ и Жолобовъ не будутъ, то не уповаю долѣе семи дней продержаться, потому что съ злодѣемъ есть пушки и крѣпость очень слаба. Итакъ, мнѣ осталось одно средство—*при крайности пистолетъ въ лобъ*, чтобы съ честью умереть, какъ вѣрному подданному ея величества, которую я Богомъ почитаю. Повергните меня къ ея священнымъ стопамъ, которыя я отъ сердца со слезами лобызаю. Богъ видитъ сколь ревностно и усердно ей служилъ: прости, бра-

¹⁾ Докосеніе Веніамина Св. Синоду 15 ноября 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 468.

²⁾ Веніаминъ Пудевъ-Григоровичъ, митрополитъ казанскій. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1844 г., № 36.

³⁾ Въ письмѣ Г. А. Потемкину отъ 12 іюля 1774 г. *Русская Старина* 1870 г. т. II, стр. 403.

тецъ, если Богъ доведетъ насъ до крайности. Вспомните меня какъ самаго искренняго вамъ человѣка. Самое главное несчастіе, que le peuple n'est pas sûr» ¹⁾).

Въ этихъ строкахъ вылился весь человѣкъ, много обѣщавшій ничего не сдѣлавшій и свалившій вину на другихъ. Слѣдуя изреченію: «*толцѣте и отверзится вамъ*», П. Потемкинъ своими письмами достигъ цѣли. Преданность и храбрость на словахъ и покровительство могущественнаго тогда трояроднаго брата сдѣлали свое дѣло. «Дабы вы, писала ему Екатерина ²⁾), свободнѣе могли упражняться службою моею, къ которой вы столь много показываете усердное рвеніе, приказала я заплатить, вмѣсто васъ, при семъ слѣдующіе возвратно къ вамъ 24 векеся; о чемъ прошу болѣе ни слова не упомянуть, а впредь быть воздержаннѣе».

Воздержанность была необходима П. Потемкину во многихъ случаяхъ, и въ особенности въ тогдашнемъ его положеніи. Послѣдующія событія познакомятъ насъ съ его характеромъ и дѣятельностью, а здѣсь припомнимъ, что, пріѣхавъ въ Казань и не зная что дѣлается кругомъ, онъ увѣрялъ всѣхъ, что городъ совершенно безопасенъ; что онъ самъ погибнетъ, прежде чѣмъ допустить мятежниковъ атаковать его; что выйдетъ къ нимъ на встрѣчу хотя бы и съ 500 человѣкъ. Пугачевъ явился, а Потемкинъ не вышелъ ему на встрѣчу, хотя имѣлъ въ своемъ распоряженіи 450 человѣкъ пѣхоты и 200 конницы. Онъ выслалъ въ авангардъ 80 человѣкъ, а самъ предпочелъ укрыться за рогатками и затѣмъ отстунить въ крѣпость. Тамъ собралось болѣе тысячи человѣкъ защитниковъ, но и съ ними П. Потемкинъ не надѣялся отбиться. Общій въ случаѣ крайности застрѣлиться, онъ ставилъ свою жизнь въ зависимость отъ прибытія Михельсона, котораго отрядъ былъ далеко менѣе числа защитниковъ крѣпости, но который не побоялся атаковать инсургентовъ и явился дѣйствительнымъ избавителемъ Казани отъ дальнѣйшаго покушенія непріятеля.

¹⁾ Что на народъ нельзя положиться.

²⁾ Въ соотвѣтствующемъ письмѣ отъ 23 іюля 1774 г. *Русская Старина* 1875 г. т. XIII, стр. 118.

VI.

Побѣды, одержанныя подполковникомъ Михельсономъ надъ мятежниками. — Формированіе преслѣдующихъ отрядовъ. — Переправа Пугачева черезъ Волгу. — Положеніе края въ оборонительномъ отношеніи. — Опасенія, что самозванецъ двинется на Москву. — Мѣры къ обезпеченію первопрестольной столицы.

Наступала ночь. На Арскомъ полѣ, впереди пушекъ, были поставлены на колѣни всѣ плѣнные. Возвратившись изъ города, самозванецъ объявилъ имъ прощеніе, приказалъ отвести въ сторону, а для Софьи и ея дѣтей поставить особую палатку возлѣ своей. «А какъ обходился онъ съ пею, показывалъ Иванъ Твороговъ, отъиѣнно отъ прочихъ, то нѣкоторые изъ ближнихъ къ нему спрашивали, чтѣбы это была за женщина?»

— Это друга моего, донскаго казака Емельяна Ивановича жена, отвѣчалъ Пугачевъ.

Узнавъ, что прибыли казанскіе татары съ подарками, самозванецъ усѣлся въ кресла и торжественно принималъ дары. Въ лагерь въ это время развели огни, привезли изъ города 15 бочекъ вина, разобрались по полкамъ и началась попойка. Пугачевъ самъ разлѣзжалъ по стану и благодарилъ людей; говоръ и пѣсни не умолкали до полуночи¹⁾. Только одни канониры не принимали участія въ общемъ весельѣ и валялись подъ пушками, такъ какъ имъ приказано было быть готовыми на случай тревоги. Последняя послѣдовала весьма скоро и была вызвана приближеніемъ отряда Михельсона.

Торопясь настичь мятежниковъ, Михельсонъ, 6 іюля, переправился черезъ рѣку Вятку и, не смотря на многочисленныя препятствія при переправахъ и потерю времени при возстановленіи мостовъ, онъ все-таки вечеромъ 11 іюля былъ всего въ 65 верстахъ отъ Казани. Покормя лошадей, не болѣе трехъ часовъ, онъ въ часъ полуночи, 12-го числа, выступилъ и пройдя верстѣ десять получилъ извѣстіе, что Пугачевъ разбилъ отрядъ Толстаго и что еще на разсвѣтѣ, 11-го числа, выступилъ изъ дер. Чипчиговой, находив-

¹⁾ Пермскія Губернскія Вѣдомости 1864 г., № 2.

шейся всего въ 35 верстахъ отъ Казани. Не смотря на усталость лошадей, Михельсонъ продолжалъ движеніе и, будучи въ 45 верстахъ отъ города, услышалъ уже частые орудійныя выстрѣлы. Верстахъ въ 30 отъ Казани отрядъ остановился не болѣе какъ на часъ времени, чтобы дать вздохнуть людямъ и лошадямъ. Во второмъ часу пополудни онъ выступилъ далѣе и на пути узналъ, что мятежники взяли городъ и зажгли его: «великій дымъ, доносилъ Михельсонъ, который ежечасно умножался, мнѣ довольнымъ былъ доказательствомъ».

Въ 14 верстахъ отъ Казани Михельсонъ получилъ донесеніе отъ авангарднаго начальника, что въ семи верстахъ отъ города, неподалеку отъ села Царицына, вся толпа самозванца построилась къ бою. Зная, что у Пугачева не менѣе 12,000 человекъ, подполковникъ Михельсонъ, не смотря на малочисленность своего отряда, не превышавшаго 800 чел.¹⁾, и на утомленіе отъ продолжительнаго похода, рѣшился немедленно атаковать мятежниковъ. Выйдя изъ лѣса, Михельсонъ думалъ сначала атаковать непріятеля съ двухъ фланговъ, но, видя многочисленность толпы, перемѣнилъ планъ и рѣшился ударить въ центръ боеваго расположенія, чтобы разрѣзать непріятеля пополамъ и потомъ бить по частямъ. Въ центрѣ была поставлена Пугачевымъ самая сильная и лучшая батарея. «Злодѣи, доносилъ Михельсонъ²⁾, меня съ великимъ крикомъ и съ такою пушечною и ружейною стрѣльбою картечами встрѣтили, какой я, будучи противъ разныхъ непріятелей, рѣдко видывалъ и отъ сихъ варваровъ не ожидалъ». Принявъ самъ начальство въ центрѣ, подполковникъ Михельсонъ приказалъ небольшимъ отрядамъ: маіора Дуве обойти лѣвый, а маіора Харина — правый фланги непріятеля.

Пользуясь тѣмъ, что впереди центральной батареи находилось золото, мятежники защищались первое время очень храбро. Михельсону пришлось употребить много усилій, чтобы овладѣть батареею, но увѣренность въ своемъ начальникѣ заставила солдатъ

¹⁾ Журналъ военныхъ дѣйствій отряда Михельсона. Рукописная книга изъ собранія графа А. Уварова, за № 559.

²⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 13 іюля 1774 г. Рапортъ этотъ напечатанъ Д. Анучинымъ въ *Восточн. Сборникѣ* 1871 г., № 5, стр. 265.

преодолѣть всѣ препятствія, и непріятель былъ разрѣзанъ на двѣ части: бѣльшая повернула направо и наткнулась на отрядъ маіора Харина, а меньшая—на маіора Дуве. Послѣдній отбилъ два орудія и скоро разсѣялъ непріятели, но на долю маіора Харина выпала болѣе трудная задача. Остановившись за глубокимъ ровомъ и тѣснымъ проходомъ подъ мельницею, мятежники открыли убійственный огонь. Чтобы разсѣять ихъ, маіору Харину приходилось перейти черезъ ровъ и потомъ подниматься на гору. Не считая отрядъ Харина достаточно сильнымъ для такой операціи, Михельсонъ оставилъ маіора Дуве дѣйствовать самостоятельно, а самъ пошелъ на соединеніе съ Харинимъ. Ровъ былъ перейденъ, мятежники атакованы и, послѣ пяти-часоваго непрерывнаго боя, совершенно разбиты.

«Ночь, писалъ Михельсонъ, мѣсто и утомленные мои кони не позволили мнѣ сею побѣдою пользоваться какъ бы я могъ, ежели бы мои лошади были хотя въ маломъ состояніи». Преслѣдуя непріятели версты три, подполковникъ Михельсонъ отбилъ 6 орудій и остановился, видя, что «злѣдѣи побѣжали во всѣ стороны, куда мнѣ за ними гнаться было невозможно». Мятежники лишились до 800 человекъ убитыми и 737 человекъ взятыми въ плѣнъ; потеря Михельсона состояла изъ 23 человекъ убитыхъ и 37 раненыхъ.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, подполковникъ Михельсонъ на утро пошелъ къ Казани, изъ которой по временамъ попадались на встрѣчу кучки почныхъ грабителей съ захваченнымъ имуществомъ; всѣ они большею частію были изрублены или захвачены въ плѣнъ. Подойдя къ городу, Михельсонъ нашелъ его въ самомъ печальномъ положеніи, и едва остановился на Арскомъ полѣ, какъ Пугачевъ сталъ показываться съ своею толпою и намѣренъ былъ многочисленностью своихъ силъ задавить ничтожный отрядъ, прибывшій на выручку города. Сообщивъ губернатору о вторичномъ появленіи непріятели, Михельсонъ самъ перешелъ въ наступленіе, и при содѣйствіи вышедшаго изъ крѣпости отряда подъ начальствомъ П. Потемкина, разбилъ Пугачева, который поскакалъ къ сторонѣ Алатской дороги. Изнуренныя лошади, изъ коихъ въ отрядѣ не осталось болѣе 30, «которыя могли съ полверсты ска-

гать», не позволили гнаться далеко за неприятелем, и побѣдитель принужденъ былъ остановиться подъ Казанью ¹⁾).

Утомленіе отряда было причиною того, что Михельсонъ не могъ вполне воспользоваться одержанными имъ побѣдами. Самозванецъ, переправившись черезъ р. Казанку и отойдя верстъ, 20 отъ города, собиралъ свое ополченіе. При громадномъ сочувствіи со стороны крестьянскаго населенія формированіе новыхъ силъ шло весьма успѣшно и быстро, такъ что къ 15-му числу іюля у Пугачева было опять не менѣе 15 тысячъ человекъ. Съ ними онъ вернулся опять къ Казани съ цѣлью уничтожить отрядъ Михельсона, всегда наносившій ему пораженіе. На мѣстѣ сраженія, бывшаго 12 іюля, противники встрѣтились 15-го числа, причѣмъ на помощь Михельсону было выслано П. Потемкинымъ изъ крѣпости 200 человекъ. Этому отряду приказано было дѣйствовать во флангъ неприятелю, но атака была на столько неудачна, что отрядъ, тѣснимый мятежниками, принужденъ былъ отступить въ замѣнательствѣ ²⁾, и вся слава побѣды принадлежитъ опять одному Михельсону и его отряду, вынесшему ее на своихъ плечахъ.

«Злодѣи на меня наступали, доносили Михельсонъ ³⁾, съ такою пушечною и ружейною стрѣльбою и съ такимъ отчаяніемъ, боего только въ лучшихъ войскахъ найти надѣялся». Въ теченіе четырехъ часовъ длился самый упорный бой, и только рѣшимость солдатъ и вождя, умереть или побѣдить, склонила успѣхъ на сторону малочисленнаго регулярнаго отряда. Мятежники были разбиты и разсѣяны, потеряли всю свою артиллерию, состоявшую изъ 9 пушекъ, лишились до 2,000 убитыхъ и раненыхъ и около 5,000 плѣнныхъ. Преслѣдуемые подполковникомъ Михельсономъ и майоромъ Харинымъ, инсургенты пытались задержать ихъ въ своихъ лагеряхъ, расположенныхъ въ двухъ пунктахъ, но были выбиты, причѣмъ самъ Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. За нимъ гнались болѣе 30 верстъ, и только скрывшись въ лѣсу онъ успѣлъ избавиться отъ преслѣдователей. Отрядъ Михельсона по-

¹⁾ Репортъ Михельсона князю Щербатову отъ 13-го іюля 1774 г.

²⁾ Военноданныйшій репортъ П. Потемкина 15 іюля. Воен.-учен. Арх. Отд. I, д. № 104 (А), листъ 286.

³⁾ Въ репортѣ князю Щербатову отъ 16 іюля 1774 г.

несъ также сравнительно значительную потерю: онъ лишился 35 человекъ убитыми и 121 ранеными, но за то успѣлъ захватить въ лагеряхъ до 10,000 человекъ обоого пола, которые и были доставлены въ Казань. Въ числѣ ихъ было до 700 человекъ солдатъ, изъявившихъ желаніе возвратиться къ своимъ командамъ. По слѣдствію оказалось, что всѣ они были взяты силою, что Пугачевъ не особенно довѣрялъ имъ, отобралъ отъ нихъ оружіе и «далъ только одни шесты». Генераль-маіоръ Потемкинъ разослалъ ихъ по командамъ; «прочіе же, доносилъ онъ ¹⁾, заводскіе и разнаго званія люди, по великому числу ихъ, *всѣ наказаны быть не могли*, того для, учиня имъ присягу, по частямъ отпускалъ ихъ въ дома; а дабы въ пути, отъ оскудѣнія, не могли сдѣлать никакихъ насильствъ и грабежей, то дано имъ на дорогу каждому человекъ по 15 копѣекъ».

Побѣда эта окончательно обезпечила Казань отъ дальнѣйшихъ покушеній самозванца, «и невозможно описать, доносилъ П. Потемкинъ ²⁾, съ какимъ восклицаніемъ и радостью народъ видѣлъ счастливое окончаніе сего сраженія и съ какими слезами приносили благодарственныя мольбы Всевышнему».

Императрица щедро наградила всѣхъ участниковъ побѣды. Михельсонъ былъ произведенъ въ полковники и ему пожаловано 600 душъ крестьянъ въ Полоцкой провинціи ³⁾. Офицерамъ его отряда роздано въ той же провинціи 3,146 душъ крестьянъ или пожалована пожизненная пенсія ⁴⁾, а всѣмъ нижнимъ чинамъ

¹⁾ Императрицѣ, отъ 22 іюля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

²⁾ Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 15 іюля 1774 г. Воен.-учен. Арх., Отд. I, д. № 104 (А), листъ 287.

³⁾ Указъ военной коллегіи 22 іюля 1774 г. Указъ Сенату 31 августа 1774 г. Сенатскій Арх., Высоч. повелѣнія и копии ихъ. Книги №№ 136 и 208.

⁴⁾ Маіоръ Дуве получилъ 303 души, капитанъ Олсуфьевъ—207 душъ, ротмистръ князь Ентальчевъ—202 души, ротмистръ Домогацкій—203 души, поручикъ Фуксъ—150 душъ, поручикъ Тутолминъ и баронъ Игельстромъ—вмѣстѣ 302 души, поручики баронъ Дельвицъ и Венгерскій—вмѣстѣ 302 души, подпоручикъ Амбразанцевъ—147 душъ, прапорщикъ Ржевскій—80 душъ, подпоручики Блохинъ и Быковъ—вмѣстѣ 200 душъ, корнеты Седявановъ, Петинъ и Ейманъ—вмѣстѣ 250 душъ и гарнизонный капитанъ Алексѣевъ—200 душъ. Маіору Харину, ротмистру Демьянову, капитану Кандышевскому, поручику Зелинскому, квартирмейстеру Яковлеву, прапорщикамъ Скупицкому, Рыкову, Звѣринскому, Иванову и адъютанту Тарееву пожаловано *по сту рублей* пожизненной пенсіи. Находившійся при отрядѣ Михельсона польскій конфедератъ Пулавскій награжденъ чиномъ (См. всеподдан. донесен. П. Потемкина отъ 7 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 489).

третье жалованье ¹⁾). «Да сверхъ того прикажите, писала Екатерина ²⁾, весь деташементъ Михельсона одѣть и обуть на мой счетъ, и если въ Казани казенныхъ денегъ нѣтъ, то смѣло дайте купцамъ ассигнаціи на мой кабинетъ или на имя Адама Васильевича Олсуфьева, и все вѣрно имъ заплачено будетъ». Директору казанской гимназіи Баницу пожалованъ полугодовой, учителямъ — третней, а ученикамъ — годовой обладъ жалованья ³⁾).

Современники высоко цѣнили заслуги Михельсона и считали его не только избавителемъ Казани, но и защитникомъ Москвы. По-сылая Михельсону «презентъ», извѣстный богачъ П. А. Демидовъ писалъ ему, что дѣлаетъ это въ знакъ благодарности за то, «что съ малымъ, но храбрымъ корпусомъ не устранился нападать на многочисленную толпу разбойничью»; что «не препятствовали тебѣ недостатки въ пищѣ и лошадяхъ и не удерживала медленность отъ вспоможенія живущихъ».

«Вы, государь мой, говорилъ П. А. Демидовъ, слѣдовали по пятамъ его *больше пяти тысячъ верстъ*, по мѣстамъ пустымъ и почти непроходимымъ и многія ему, вору, съ большимъ урономъ дѣлали нападенія»; Демидовъ приводилъ на память Михельсону что «съ тѣмъ же небольшимъ храбрымъ корпусомъ ускорили и Казанское царство отъ совершеннаго разоренія сохранили и многихъ пѣнныхъ благородныхъ отъ мучительныхъ смертей избавили, и тутъ со всею его поганою толпою разбили; а паче всего, что тѣмъ разбитіемъ отвратили его намѣреніе придти въ царство Московское.... Привошу наивящшую мою съ презентомъ благодарность и покорно прошу принять во знакъ моего усердія, что далъ мнѣ жизнь и прочимъ московскимъ мѣщанамъ отъ убіенія собственныхъ нашихъ людей, которые, слышавъ его злодѣйскія прелести, многіе прихода его ожидали и жадно разорять, убивать и грабить дома господъ своихъ желали....» ⁴⁾).

¹⁾ Указъ князю Голицыну 25 іюля 1774 г. № 379. Сравни письмо Екатерины Г. А. Потемкину. Сборн. Император. историческаго общ., т. XIII, 437.

²⁾ П. Потемкину въ письмѣ отъ 23 іюля. *Русская Старина* 1875 г., т. XIII, 119.

³⁾ Указъ казанскому губернатору 25 августа. Арх. Сената, кн. № 208.

⁴⁾ Письмо Прокофія Демидова Михельсону отъ 8 января 1775 г. *Русскій Архивъ* 1873 г. № 11, стр. 2264.

Двукратное возвращеніе Пугачева къ Казани и нападенія его на Михельсона заставили предполагать, что самозванецъ намѣренъ былъ во что бы то ни стало овладѣть городомъ и затѣмъ двинуться внутрь Россіи, по направленію къ Москвѣ. За Казанью не было никакихъ войскъ и потому разрѣшеніе вопроса, куда дѣвался Пугачевъ и въ какомъ направленіи онъ проявитъ свою дѣятельность, было весьма важно. Въ первые два дня послѣ послѣдней побѣды въ Казани знали только, что толпа его разбилась на небольшія кучки, человекъ по 20 и 50 и бѣжить во все стороны¹⁾. «Если бы злодѣй обратилъ свои дѣйствія въ Башкирію, писалъ П. Потемкинъ²⁾, я бы того желалъ: тамъ современемъ уповать бы успѣть во всемъ и перемѣнить сердца народа; но всего болѣе опасаясь, чтобы онъ не обратился къ Москвѣ. Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ (Щербатовъ) сдѣлалъ ошибку, что обнажилъ Казань, и что его сюда пропустилъ, сдѣлалъ незаплатную вину. Невѣроятно, съ какою ревностью собираются къ нему толпы и приближеніе его къ Москвѣ весьма опасно. Я не премину дать знать, если оно предвидимо будетъ и къ воспрепятствованію сего отряжу г. Михельсона; но не мѣшало бы однакожь, еслибы прислать въ Нижній-Новгородъ полкъ пѣхоты, полкъ казачій и кавалерійскій. Всего болѣе для нихъ кавалерія нужна. Если смѣю представить, то для удостовѣренія народа хотя баталіонъ гвардіи весьма нуженъ».

Ближе другихъ находился отрядъ графа Меллина, и потому генералы Брандтъ и П. Потемкинъ въ одинъ и тотъ же день, 14 іюля, отправили къ нему предписанія, чтобы онъ немедленно слѣдовалъ въ Казань³⁾.

Послѣ разбитія мятежниковъ, собравшихся въ числѣ 3,000 человекъ, съ пятью орудіями, у Рыбной слободы, въ 20 верстахъ отъ Шурамскаго перевоза⁴⁾, графъ Меллинъ 16-го числа прибылъ въ Казань и соединился съ Михельсономъ. Силы прибыв-

¹⁾ Рапортъ Михельсона князю Щербатову 17 іюля 1774 года. Московск. Архивъ Глав. Штаба, опись 47, книга X.

²⁾ Къ неизвѣстному. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

³⁾ Предписанія Брандта и Потемкина графу Меллину 14 іюля 1774 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 47, кн. X.

⁴⁾ Рапортъ графа Меллина князю Щербатову, отъ 15 іюля 1774 г. Тамъ же.

шаго были незначительны, а въ отрядѣ Михельсона лошади были до того истомлены, что о быстромъ и безотлагательномъ движеніи нечего было думать. Въ такомъ положеніи генералъ Брандтъ снова обратился къ главнокомандующему съ просьбою прислать подкрѣпленія, въ особенности кавалеріи, «дабы въ дальнѣйшую внутренность помянутый тиранъ ворваться не могъ»¹⁾. Съ своей стороны П. Потемкинъ отправилъ по Волгѣ на лодкахъ небольшую команду для воспрепятствованія самозванцу переправиться черезъ рѣку, и просилъ свѣжскаго воеводу Чирикова взять всѣ суда и лодки на лѣвый берегъ р. Волги²⁾.

Разсыпавшись по Казанской и Нижегородской губерніямъ, сообщники Пугачева бродили партіями, сначала человѣка по два, по три и не болѣе шести, но затѣмъ, встрѣтивъ громадное сочувствіе среди крестьянскаго населенія, быстро увеличивали свои шайки, выбирали себѣ атамановъ и подъ ихъ предводительствомъ вѣшали дворянъ, помѣщиковъ, прикащиковъ и грабили имѣнія.

«Проклятый филинъ, писалъ изъ Хлынова Платонъ Любарскій³⁾, 12-го числа перепугалъ Казань и хотя, какъ это народное увѣряетъ, крылья ему тамъ и подщипали, однако видно петухари его, во всѣ околичности казанскія разлетѣвшіеся, всѣ пути преградили, такъ что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ изъ Казани сюда ни ѣздовыхъ, ни почты не бывало».

Для возстановленія сообщенія и спокойствія были посланы по разнымъ направленіямъ небольшія команды, которыя успѣли захватить нѣсколькихъ важныхъ сообщниковъ Пугачева. Такимъ образомъ, были пойманы и доставлены въ Казань: 18-го іюля татары Алиевъ и Махмутовъ, солдаты Яковлевъ и Свѣшниковъ, а 19-го іюля ближайшій сподвижникъ самозванца и его полковникъ Бѣлгородовъ⁴⁾. Всѣ они единогласно показали, что Пугачевъ не

¹⁾ Письмо Брандта кн. Щербатову 15 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.

²⁾ Воен.-учен. Арх., отдѣл. I, д. № 104 (А), листъ 287.

³⁾ Въ письмѣ Вальтшгъ-Каменскому, отъ 24 іюля 1774 г. Государствен. Арх., VI, д. № 527.

⁴⁾ Письмо генерала Брандта князю Щербатову, отъ 19 іюля 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. X. По сентенціи секретной комиссіи 13 августа, Бѣлгородову было дано въ Казани 100 ударовъ кнутаомъ, а затѣмъ онъ ото-

болѣе какъ съ 400 человекъ, 17-го іюля, переправился черезъ Волгу. Переправа эта совершилась въ нѣсколькихъ пунктахъ, но самъ Пугачевъ, съ небольшимъ числомъ сообщниковъ, переправился въ трехъ верстахъ ниже селенія Сундыря (нынѣ Маріинскій посадъ), на Кокшайскомъ перевозѣ, частію на судахъ, частію вплавь на лошадяхъ. Село Сундырь было сожжено за то, что жители потопили лодки и не вышли на встрѣчу мятежникамъ; въ немъ сгорѣло 250 домовъ и церковь Казанской Богородицы, изъ которой мятежники увезли двѣ ризы и два серебряныхъ сосуда, а священника Ивана Петрова убили ¹⁾.

Показывая, что послѣ переправы Пугачевъ двинулся на московскую дорогу, Махмутовъ и Алиевъ прибавляли ²⁾, что толпа раздѣлилась на двѣ части: самъ Пугачевъ съ одною частью направился къ Чебоксарамъ, а другая часть пошла въ чувашскія селенія и помѣщичьи жительствова. Эти свѣдѣнія заставили казанскаго губернатора въ тотъ же день отправить нарочныхъ съ извѣщеніемъ къ нижегородскому и воронежскому губернаторамъ и въ Москву къ князю М. Н. Волконскому.

Нижегородскій губернаторъ Ступишинъ тотчасъ же закрылъ марьяевскую ярмарку, распустилъ всѣхъ съѣхавшихся туда купцовъ и приказалъ наблюдать за Керженцомъ, не волнуются-ли раскольники. «Несчастіе велико въ томъ, писалъ Ступишинъ князю Вяземскому ³⁾, что разсыпанные злодѣи, гдѣ они касались, всѣ селенія возмутили и уже безъ Пугачева дѣлаютъ разоренія, ловятъ и грабятъ своихъ помѣщиковъ». Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ, кромѣ гарнизонныхъ, солдатъ, Ступишинъ отыскалъ пять годныхъ чугунныхъ орудій и прибавилъ къ нимъ

спаль въ Москву, для публичнаго отоѣченія головы. 5 сентября казнь эта была совершена. «Великія тысячи зрителей были, писалъ князь Волконскій къ Г. А. Потемкину; онъ прощался съ народомъ, призналъ себя виновнымъ передъ Богомъ и государемъ и что сія ему казнь достойна» («Графы Н. и П. Панины», соч. П. Лебедева, стр. 334).

¹⁾ Переплетъ (?) по повелѣнію его высокографскаго сіятельства графа П. И. Панина о присылкѣ къ его сіятельству о злодѣѣ Пугачевѣ вѣдомости. *Казанскія Губернскія Вѣдомости* 1867 г., № 33.

²⁾ Показанія пойманныхъ. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 47, кн. X.

³⁾ Въ письмѣ отъ « » іюля 1774 г. Архивъ Кабинета Его Импер. Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

12 собственныхъ одно-фунтовыхъ пушекъ, вооружилъ ими городъ, а изъ гарнизонныхъ солдатъ сформировалъ два отряда: одинъ, изъ 50 человекъ рядовыхъ съ тремя пушками, отправилъ къ Ядрину и Курмышу, а другой, изъ 30 человекъ—къ Арзамасу. «Вотъ, милостивый государь, прибавлялъ онъ въ письмѣ къ князю Вяземскому, все что мнѣ можно сдѣлать, не имѣвъ довольнаго числа военныхъ людей. Я засталъ гарнизонъ наполненный мало движущими, которые по представленію моему въ военную коллегію оставлены и укомплектовываются рекрутами недоимочными. Если бы я имѣлъ хотя до 200 человекъ легкихъ войскъ, то бы съ Божією помощью не только бы сему злу размножиться не допустилъ, но и усмирилъ бы бунтующихъ, не занимая отъ войскъ преслѣдующихъ злодѣевъ... Я же примѣчаніе долженъ имѣть на великія тысячи бурлаковъ, кои на судахъ къ Нижнему приходятъ и для сего болѣе всего Нижний долженъ быть подкрѣпленъ войсками».

Пойманные мятежники единогласно показывали, что самозванецъ намѣренъ идти въ Нижний, такъ какъ янцкіе казаки объ этомъ неотступно его просятъ.

— Ваше величество, помилуйте, говорили старшины, — долго ли намъ такъ странствовать и проливать человѣческую кровь, время вамъ идти въ Москву и принять престолъ.

Пугачевъ обѣщалъ исполнить желаніе своихъ пособниковъ и говорилъ, что пойдетъ на Нижний; но отойдя версть 15 отъ Волги, встрѣтилъ чувашей, которые увѣряли, что Нижний сильно укрѣпленъ и въ городѣ много войска, а изъ Свияжска на Цивильскъ идетъ отрядъ правительственныхъ войскъ. Тогда Пугачевъ отказался идти по направленію къ Москвѣ ¹⁾.

— Нѣтъ, дѣтушки, говорилъ онъ, — потерпите, не пришло еще мое время, а когда будетъ, то я и самъ безъ вашего зова пойду. Теперь же я намѣренъ идти на Донъ, тамъ меня нѣкоторые знаютъ и примутъ съ радостію.

¹⁾ Г. Ануцинъ въ своей статьѣ «Графъ Панинъ» (*Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., т. 80, стр. 30) говоритъ, будто еще будучи подъ Казанью Пугачевъ приказалъ читать передъ своими толпами манифестъ, что онъ пойдетъ въ Москву принять царство. Манифеста этого мы не видали, да и въ показаніи многочисленныхъ участниковъ мятежа нигдѣ не упоминается объ этомъ.

Казаки принуждены были согласиться съ мнѣніемъ своего повелителя, тѣмъ болѣе, что толпа ихъ состояла не болѣе какъ изъ 400 человекъ, и необходимо было прежде всего подумать объ увеличеніи своихъ силъ. Въ это время Пугачевъ легко могъ быть уничтоженъ, если бы главнокомандующій былъ на мѣстѣ дѣйствій и не выпустилъ войскъ изъ своихъ рукъ. Генералы Брандтъ и П. Потемкинъ просили князя Щербатова поспѣшить прибытіемъ въ Казань, «дабы вы, писалъ ему Брандтъ ¹⁾, яко' главный надъ войсками командиръ, будучи здѣсь, по обстоятельствамъ, часто подверженнымъ перемѣнамъ, къ истребленію злаго отечеству врага удобнѣе могли по общему совѣту расположить свои достаточныя мѣры».

Князь Щербатовъ все еще не ѣхалъ и, въ ожиданіи его прибытія, казанскія власти дѣлали что было можно. Полковникъ Михельсонъ передалъ отъ себя 300 человекъ графу Меллину, довель его отрядъ до цифры 700 человекъ и отправилъ за Волгу для преслѣдованія самозванца. Черезъ день были отправлены за Волгу же еще 150 человекъ кавалеріи и имъ приказано слѣдовать на соединеніе съ графомъ Меллинымъ. Самъ же Михельсонъ признавалъ необходимымъ остаться въ Казани и дожидаться прибытія какого либо отряда, «ибо, доносилъ онъ ²⁾, весь народъ въ великомъ колебаніи». На его рукахъ было болѣе 7,000 плѣнныхъ, которые хотя послѣ присяги и распускались по домамъ, но при отсутствіи войскъ легко могли образовать шайки и предаться грабежамъ.

«Не можно представить себѣ, писалъ Потемкинъ ³⁾, до какой крайности весь народъ въ здѣшнемъ краю бунтуеть, такъ что вѣроятія приложить, не видѣвъ оное, невозможно. Источникомъ онаго крайнее издоимство, которое народъ разорило и ожесточило».

«Вашему сіятельству предлагаю, писалъ онъ же князю Щер-

¹⁾ Письмо генерала Брандта князю Щербатову отъ 18 іюля 1774 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

²⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову отъ 17 іюля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

³⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

батову ¹⁾), какъ истинный сынъ отечества, поспѣшите сюда для поданія какого учрежденія ввѣренныхъ вамъ войскъ отъ ея величества, ибо когда здѣсь заступитъ мѣсто Михельсона какой другой detachmentъ, тогда сей храбрый офицеръ можетъ идти на поражение злодѣя, а здѣсь безъ вашего присутствія много удобства пропускается. D'ailleurs, mon prince, vous savez que le scélérat trouvera partout des groupes et qu'il fera beaucoup du mal, s'il passe le Volga. J'attends votre excellence avec la dernière impatience» ²⁾).

Положеніе князя Щербатова въ это время нельзя назвать легкимъ. Обнаживъ отъ войскъ тотъ край, въ который ворвался теперь Пугачевъ, главнокомандующій не имѣлъ средствъ быстро стянуть войска къ угрожаемому пункту, и потому долженъ былъ прибѣгать къ полумѣрамъ. Получивъ извѣстіе о приближеніи Пугачева къ р. Камѣ, князь Щербатовъ, еще изъ Оренбурга, послалъ приказаніе подполковнику Муфелю съ легкой полевой командою и Пензенскимъ уланскимъ корпусомъ слѣдовать съ Самарской линіи какъ можно поспѣшиѣ къ Казани, а князю Голицыну, не останавливаясь въ Уфѣ, идти туда же ³⁾).

Послѣ непрерывныхъ столкновеній съ башкирцами и многихъ препятствій въ пути, обусловленныхъ характеромъ гористой мѣстности, князь Голицынъ только 12-го іюля пришелъ въ Уфу ⁴⁾). Оставивъ полковника Шепелева съ небольшимъ отрядомъ для наблюденія за Табынскомъ, Стерлитамакомъ и Уфою, князь Голицынъ 14-го іюля переправился черезъ р. Уфу и двинулся къ Нагайбаку. Вторичное приказаніе главнокомандующаго поспѣшить къ Казани заставило его оставить Нагайбакъ вправо отъ себя, переправиться черезъ р. Икѣ и двинуться къ Записку. «Ваше

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ отъ 18-го іюля 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга X.

²⁾ Впрочемъ, вы знаете, князь, что злодѣй найдетъ вездѣ шайки и что онъ надѣлаетъ много зла перейдя Волгу. Я ожидаю ваше сіятельство съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

³⁾ Всесообщеннѣйшій рапортъ князя Щербатова отъ 22 іюля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

⁴⁾ Рапортъ князя Голицына князю Щербатову отъ 13 іюля 1774 г. Тамъ же, книга X.

сіятельство изволите требовать, доносилъ онъ при этомъ князю Щербатову ¹⁾, чтобы легкія войска впередъ отправить; я не надѣюсь, чтобы они могли передъ взять отъ пѣхоты, потому какъ она посажена на подводахъ; а когда слишкомъ форсировать маршъ кавалеріи, то выбьется вовсе изъ силъ — уже теперь довольно изнурены».

Письма генераловъ Брандта и Потемкина и первое донесеніе князя Голицына застали главнокомандующаго въ Бугульмѣ. Тамъ же князь Щербатовъ узналъ, что подполковникъ Муфель только 16-го іюля выступилъ изъ Бузулука къ Черемшанской крѣпости ²⁾, а полковникъ Обернибѣсовъ съ своимъ отрядомъ 18-го іюля занялъ устье р. Вятки ³⁾. Отрядъ Обернибѣсова былъ слишкомъ малъ, а Муфель далеко отъ Казани, и затѣмъ ближе не было ни одного отряда. Тогда князь Щербатовъ посадилъ на подводы свой малочисленный конвой, а самъ на почтовыхъ прискакалъ въ Казань и нашелъ ее въ весьма печальномъ положеніи.

Возвращавшіеся съ разныхъ сторонъ жители не имѣли ни крова, ни пристанища; построить шалаши или бараки было неизъ-чего: лѣсъ сгорѣлъ весь безъ остатка. Ни хлѣба, ни сѣна, ни дровъ не было и большинство населенія валялось подъ открытымъ небомъ. Уцѣлѣвшіе дома были заняты военными и начальствомъ, но и они не имѣли ни крышъ, ни оконъ: повсюду течъ и отъ вѣтра нѣтъ защиты. Церкви были завалены кладью и по свободнымъ угламъ ютились разоренные жители; на улицахъ смрадъ отъ дымящихся еще развалинъ и разлагающихся труповъ. Нравственное потрясеніе, дурныя условія жизни и зловоніе породили болѣзни, и въ рѣдкомъ семействѣ не было большихъ горячкою и лихорадкою. «Оставивъ общее, писалъ Платонъ Любарскій ⁴⁾, заключаю снмъ мое несчастіе, что кромѣ потери нѣсколькихъ моихъ крохъ и провизіи, сижу нынѣ, какъ Іовъ на гноищѣ, безъ хлѣба и покрова, подъ небомъ. Чтò дѣлать? гдѣ помощи

¹⁾ Въ рапортѣ отъ 19 іюля 1774 г. № 1465. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.

²⁾ Рапортъ Муфеля кн. Щербатову 16 іюля. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

³⁾ Рапортъ Обернибѣсова князю Щербатову 19 іюля. Тамъ же.

⁴⁾ Въ письмѣ преосвященному Крутицкому отъ 14-го августа 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 527.

просить?—не знаю. Да и кому теперь до насъ!.. Павелъ Потемкинъ не Бибииковъ, я къ нему не смѣю и подступиться».

Разсказы современниковъ единогласно свидѣтельствуютъ о бѣдственномъ положеніи Казани, да оно иначе и быть не могло, если вспомнить приведенныя нами цифры, изъ которыхъ видно, что болѣе трехъ четвертей города сгорѣло до тла. Но П. Потемкинъ, занявъ подъ свою секретную комиссію лучшіе дома, находилъ, что бѣдствіе вовсе не такъ велико. «Что касается до Казани, писалъ онъ ¹⁾, *то хотя городъ сгорѣлъ болышю чистію и нѣскольکو жители пострадали*, однако отнюдь не бѣдственно: жители почти всѣхъ спаслись и развѣ самая малая часть оныхъ лишилась (?). Многіе сказываются, что разорились, лаская себя только награжденіемъ».

Въ этотъ же самый день князь Щербатовъ доносилъ, что въ городѣ тлѣетъ еще огонь, и что надо много усилій для возстановленія порядка.

Первою заботою главнокомандующаго было прикрыть первопрестольную столицу отъ всякихъ покушеній мятежниковъ. Опасеніе, что Пугачевъ можетъ прорваться и двинуться на Москву было такъ велико, что полковникъ Михельсонъ получилъ специальное назначеніе идти на флангъ самозванца и отрѣзать ему всѣ пути, ведущіе въ первопрестольную столицу. Выступивъ изъ Казани и двигаясь на Свияжскъ и Чебоксары, Михельсонъ, не смотря на то, что получилъ извѣстіе о поворотѣ Пугачева на югъ и движеніи къ Алатырю, все-таки предписалъ графу Шеллину не идти прямо по слѣдамъ мятежнической толпы, а имѣть ее всегда въ лѣвой сторонѣ. Если бы Пугачевъ спустился еще на югъ и двинулся къ Симбирску, «то надѣюсь, доносилъ Михельсонъ ²⁾, могутъ быть употреблены другія свѣжія войска къ истребленію сихъ злодѣевъ».

Такимъ свѣжимъ войскомъ могъ быть только одинъ отрядъ подполковника Муфеля, слѣдовавшій съ Самарской линіи къ Казани (431 человекъ пѣхоты, 76 драгунъ и 4 орудія). Казанскій

¹⁾ Во всеподдан. рапортѣ отъ 22 іюля 1774 года. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 288.

²⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову отъ 21 іюля 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга X.

губернаторъ фонъ-Брандтъ просилъ убѣдительно князя Щербатова направить этотъ отрядъ прямо къ Симбирску наперерѣзъ пути самозванцу ¹⁾. Такое направленіе было бы совершенно правильнымъ и вполнѣ соотвѣтствовало тогдашней обстановкѣ. Соединившись съ симбирскимъ гарнизономъ, подполковникъ Муфель могъ остановить мятежниковъ, преслѣдуемыхъ графомъ Меллиннымъ и угрожаемыхъ съ фланга отрядомъ Михельсона. Совокупными дѣйствіями трехъ отрядовъ, Пугачевъ могъ быть прижатъ къ р. Волгѣ и поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Чѣмъ болѣе онъ подвигался на югъ, тѣмъ рѣка становилась шире, а переправа затруднительнѣе.

Къ сожалѣнію, мѣра эта не могла осуществиться, такъ какъ у главнокомандующаго не было подъ руками никакихъ войскъ. Правда, что получивъ извѣстіе о переправѣ Пугачева черезъ р. Волгу, князь Щербатовъ приказалъ кн. Голицыну съ его отрядомъ стать въ Мензелинскѣ, части отряда генераль-маіора Мансурова перейти изъ Яицкаго-городка въ Сызрань, а подполковнику Муфелю повернуть къ Симбирску и слѣдовать на подводахъ ²⁾,— но всѣ эти распоряженія были на столько запоздалыми, что Пугачевъ въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ недѣль не встрѣчалъ ни войскъ, ни сопротивленія со стороны мѣстныхъ властей и хозяйничалъ въ при-Волжскихъ губерніяхъ.

VII.

Первыя дѣйствія Пугачева за Волгою.—Манифестъ самозванца.—Возстаніе крестьянъ.—Разграбленіе г. Цивильска.—Самозащита жителей города Ядрина.—Запятіе Пугачевымъ городовъ: Курмыша, Алатыря и Саранска.—Дѣятельность преслѣдующихъ отрядовъ Михельсона.

Переправившись черезъ Волгу и остановившись въ полѣ, близъ дер. Нерадовой, Пугачевъ прежде всего долженъ былъ подумать объ увеличеніи своихъ силъ, и съ этою цѣлью онъ разослалъ повсюду манифестъ слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Письмо Брандта князю Щербатову отъ 20 іюля 1774 г. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга X.

²⁾ Всеподдан. рапортъ кн. Щербатова отъ 22 іюля 1774 г. Тамъ же, кн. IV.

«Божією милостію, мы Петръ III, императоръ и самодержецъ Всероссийскій

и проч. проч. проч.

«Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всемъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподанными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами (?) и бородами, вольностію и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными олеями безъ покупки и безъ оброку и освобождаемъ (отъ) всехъ прежде чинимыхъ, — отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцовъ и судей — крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ. Желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтъ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ предписанныхъ злодѣевъ дворянъ странствіе и немалыя бѣдствія.

«А какъ нынѣ имя наше властію Всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ именнымъ указомъ: кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ (находятся), оныхъ, противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ, ловить, бранить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами; по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ возчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до вѣба продолжаться будутъ»¹⁾.

Населеніе приняло этотъ манифестъ съ большимъ сочувствіемъ, и крестьяне Чебоксарскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ возстали почти поголовно. Собираясь небольшими толпами, они грабили помѣщичьи дома, убивали своихъ господъ и священниковъ²⁾. Ихъ

¹⁾ Государственный Архивъ, VI, д. №№ 414 и 415. Манифестъ этотъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ и подъ нимъ были подписаны числа: 18, 20, 23 и 31 июля 1774 г. Подъ послѣднимъ числомъ, но съ нѣкоторыми поправками отъ начекаря Я. К. Гротомъ въ *Запискахъ Академіи*. Т. XXV, приложение № 4, стр. 53. и въ *Русской Старинѣ* 1875 г. № 11, стр. 441

²⁾ Восподдавленійный рапортъ князя Щербатова, отъ 22 июля 1774 г. Московск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

примѣру послѣдовали чуваша и вотяки, вооружившіеся копьями, стрѣлами и говорившіе открыто, что ждуть Пугачева какъ роднаго отца ¹⁾.

Предводители партій, бродя изъ деревни въ деревню, толковали жителямъ манифестъ самозванца по своему усмотрѣнію и увѣряли, что царскій указъ повелѣваетъ всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ вести, волей и неволей, своихъ помѣщиковъ въ ближайшій уѣздный городъ, для представленія государю. Исполненіе этого указа сопровождалось часто самыми ужасными и отвратительными сценами, насиліемъ и проч. ²⁾. Въ станѣ самозванца производилось разслѣдованіе, и если крестьяне были довольны помѣщиками, что случалось весьма рѣдко, то его отпускали, а если недовольны — то вѣшали. Большинство помѣщиковъ бѣжало изъ своихъ имѣній и принуждено было скрываться въ самыхъ непроходимыхъ лѣсахъ. Оставшееся безъ правителей, но привыкшее къ власти населеніе обращалось къ самозванцу съ просьбою разъяснить то положеніе, въ которомъ оно должно находиться относительно правительства.

«Покорно просимъ васъ, милостиваго государя, Петра Оедоровича, писали бурмистръ Василій Захаровъ и староста Кузьма Егоровъ ³⁾, чтобъ намъ изволили показать, на какомъ быть основаніи, что намъ дѣлать мы не знаемъ, но хоша и была присланная отъ васъ, государь, команда, однако никакого опредѣленія намъ не объявила.

«А нынѣ у насъ въ вотчинѣ имѣется господскій хлѣбъ, лошади и скотъ, и что вы, государь, объ ономъ изволите приказать; такожь и что оставшее въ домѣ господскомъ послѣ вашей команды на оное просимъ у васъ, великаго государя, милостиваго приказанія.

«Еще просимъ у васъ, великаго государя, на брестьянъ села

¹⁾ Репортъ Михельсона князю Щербатову 25 іюля 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

²⁾ Одну изъ такихъ сценъ можно найти въ статьѣ «Емельянъ Пугачевъ», *Русская Старина* 1873 г., т. VIII, 807.

³⁾ Села Алферьева, Алатырскаго уѣзда, въ прошеніи, поданномъ 23 іюля 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 416.

Верхняго-Талызина, которые были во владѣніи съ нами одного помѣщика. Оныя крестьяне были на оброкѣ, а мы съѣли на ихъ землѣ хлѣбъ господскій, которая у нихъ земля изнишняя взята была на господина; а нынѣ оныя крестьяне такой господскій посѣянный нами хлѣбъ намъ не даютъ, а оный хлѣбъ имъ не слѣдуетъ, а принадлежитъ оный хлѣбъ взять намъ. О семъ просимъ васъ, великаго государя, учинить рѣшеніе.

«Однако въ вотчинѣ нашей, милостивый государь, много такихъ, которые и пропитанія у себя не имѣютъ, не только какія подати платить, а просить изъ милосердія у васъ, великаго государя, чтобъ повелѣно было изъ господскаго хлѣба намъ дать на пропитаніе и осѣмениться, за что мы, сироты ваши, должны вѣчно Бога молить за ваше здравіе, великаго государя».

Прошеніе это было не единственное, но какъ оно, такъ и другія оставлялись, конечно, безъ исполненія. Пугачевской коллегіи уже не существовало, творить суда и расправы было никому, да и самъ самозванецъ не думалъ объ этомъ: онъ шелъ безъ оглядки и, спасаясь отъ преслѣдованія войскъ, повернулъ на югъ, думая пробраться опять къ Янку или къ завѣтной для него рѣкѣ Кубани.

Приближаясь къ Цивильску, Пугачевъ отправилъ впередъ казака Чумакова взять тамъ годныхъ лошадей. Чумаковъ разграбилъ городъ, повѣсилъ воеводу Кошова съ женою, прапорщика Абарина и секретаря Попова съ ихъ женами и двухъ мѣщанъ. Когда пріѣхалъ въ городъ самъ Пугачевъ, то жители, непривыкшіе къ такимъ сценамъ, спрашивали, за что повѣсили ихъ господь, когда они не сопротивлялись? Самозванецъ отвѣчалъ, что хотя отъ него и не было дано приказанія вѣшать, но что теперь того уже не воротить.

Направляясь къ Курмышу, Пугачевъ получалъ извѣстіе, что жители находящагося на пути городка Ядрина приготовились къ сопротивленію и не намѣрены впускать мятежниковъ. По совѣту поручика Лихутина они вооружились поголовно.

— Сограждане, говорилъ Лихутичъ, — сей грозный день рѣшить судьбу города и насъ самихъ; обязанность каждаго изъ насъ предупредить опасность. Забудемъ свои семейства, имущество и самую жизнь, которая безъ обороны будетъ жертвою злодѣя. Со-

храните присягу великой императрицѣ и отечеству, и наградою вамъ будетъ благодарность потомства.

— Умремъ всѣ за вѣру, императрицу и отечество, кричала толпа. Богъ самъ спасетъ насъ отъ многочисленныхъ клятвопреступниковъ. Веди насъ сражаться, мы готовы.

При такихъ условіяхъ Пугачевъ счелъ лучшимъ не ввязываться въ серьезное дѣло, обогнулъ Ядринъ, но отдѣлившаяся отъ него толпа стала приближаться къ городу. Узнавъ объ этомъ поручикъ Лихутинъ, послѣ напутственнаго молебствія, переправился съ вооруженнымъ населеніемъ за Суру, имѣлъ горячее дѣло съ мятежниками и отбросилъ ихъ отъ города. Побѣдители съ торжествомъ возвратились въ городъ, но впослѣдствіи подвигъ ядринцовъ былъ омраченъ тѣми жестокостями и истязаніями, которымъ подвергали они захваченныхъ въ плѣнъ бунтующихъ чувашей¹⁾.

Императрица щедро наградила всѣхъ участниковъ въ отбитіи мятежниковъ, въ особенности за то, что они не ограничились защитою города, но, присоединясь впослѣдствіи къ воинской командѣ, «употреблялись съ оною въ усмиреніи мятежниковъ»²⁾.

Потерпѣвъ неудачу подъ Ядриномъ, толпа потянулась по слѣдамъ самозванца. Послѣдній, въ восьмомъ часу утра 20 іюля, подошелъ къ Бурмышу. Городское населеніе и дворяне разбѣжались въ разныя стороны, а чернь, въ сопровожденіи духовенства, вышла на встрѣчу Пугачеву. Священники Дмитрій Васильевъ, Евдокимъ Андреевъ и Адрианъ Ивановъ надѣли облаченіе, подняли образа и отправились съ народомъ на берегъ р. Суры³⁾. Пугачевъ переправился вплавъ черезъ рѣку и принялъ хлѣбъ-соль. Отправленные въ городъ казаки привели къ самозванцу инвалидную команду, которая, увидя одного унтеръ-офицера уже повѣшеннымъ, пришла въ «смертный страхъ». Пугачевъ приказалъ прочитать свой манифестъ и привелъ къ присягѣ всѣхъ вышедшихъ къ нему на

¹⁾ Объ этихъ жестокостяхъ см. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1860 г., № 28.

²⁾ Манифестъ императрицы отъ 1-го сентября 1774 г. Записка кн. Вяземскаго Сенату 25 августа. По этой запискѣ поручикъ Лука Лихутинъ произведенъ въ секундъ-майоры, голова Василий Вѣляковъ и бургомистръ Алексѣй Вѣляковъ — въ титулярные совѣтники, 19 купцовъ и одинъ солдатскій сынъ получили шпаги.

³⁾ Донесеніе Антонія, епископа нижегородскаго, Синоду 16 августа 1774 г. Арх. Синода, д. № 8.

встрѣчу, причемъ упоминались имена императора Петра III, императрицы Устины Петровны, цесаревича Павла Петровича и супруги его великой княгини Натальи Алексѣевны.

«Въ то время какъ мы и граждане на берегу были, доносила инвалидная команда ¹⁾, его, Пугачева, злодѣйской толпы казаки въ городѣ грабили церкви, обывательскіе и наши дома, которыми пограблено во всѣхъ мѣстахъ и изъ воеводской канцеляріи штатной команды солдатскія ружья, тесаки и сумы съ патронами».

Грабители повѣсили маіоровъ Василия Юрлова, Дмитрія Маковнева и дворянку Наталью Ульянову. Они захватили всѣ казенныя деньги, выпустили казенное вино и роздали безденежно соль крестьянамъ и чувашамъ.

Послѣ пятичасоваго грабежа Пугачевъ повѣсилъ канцеляриста Михайлу Еремѣева, наградилъ священниковъ 150 рублями, переправился обратно черезъ р. Суру и взявъ съ собою до 60 человекъ горожанъ, добровольно записавшихся въ казаки, направился къ Алатырю.

Извѣстіе о приближеніи самозванца заставило многихъ дворянъ собраться въ алатырской провинціальной канцеляріи для совѣщанія, какъ имъ защищаться. Во главѣ собравшихся находился исправлявшій воеводскую должность подполковникъ Матвій Бѣлокопытовъ и человекъ десять дворянъ. Совѣщавшіеся условились, что если число мятежниковъ будетъ не болѣе 500 человекъ, то сопротивляться, а въ противномъ случаѣ встрѣтить ихъ съ хлѣбомъ и солью. Для развѣданія о неприятелѣ они отправили прапорщика инвалидной команды Сюльдяшева ²⁾. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, Пугачевъ располагалъ болѣе чѣмъ двумя тысячами человекъ и потому сопротивление ему признано невозможнымъ. Тогда воевода Бѣлокопытовъ бѣжалъ, а за нимъ бѣжали и многіе дворяне, причемъ Бѣлокопытовъ «карауль, находящійся у рогатокъ, такъ какъ и обывателей, собранныхъ нарочно на защищеніе го-

¹⁾ Равортъ Курмышской инвалидной команды въ контору военной коллегіи, отъ 27 іюля 1774 г.

²⁾ Въ запискахъ Д. Б. Мертваго офицеръ этотъ названъ Сердешевымъ, а въ свѣдѣніяхъ дѣла Сюльдяшевымъ. См. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 95, св. 564, д. № 28.

рода, вооруженныхъ до 200 человекъ, распустилъ». Секретари воеводской канцеляріи также разбѣхались въ разные стороны и прискакавшій изъ Симбирска курьеръ съ «промеморіею» не нашелъ никого въ присутствіи. Случайно наткнувшись на сержанта штатной команды Михаила Лосева, онъ передалъ ему пакетъ. Лосевъ прочелъ бумагу, въ которой симбирская провинціальная канцелярія требовала увѣдомленія, «гдѣ злодѣй находится». Лосевъ вмѣстѣ съ канцеляристомъ Василиемъ Поповымъ отвѣчали, что злодѣй приближается уже къ Алатырю, и отправили курьера обратно.

Между тѣмъ у соборной церкви собралась толпа народа.

— Зачѣмъ собрались, спросилъ проходившій Сюдьяшевъ.

— Совѣтуемся между собою, какъ спасти свою жизнь. Воевода и всѣ дворяне бѣжали изъ города, а у насъ нѣтъ оружія чѣмъ защищаться; мы согласились встрѣтить злодѣя съ честью.

Прапорщикъ Сюдьяшевъ говорилъ, что лучше бы готовиться къ оборонѣ города.

— Воля всемилостивѣйшей государыни, отвѣчали ему жители, намъ не съ чѣмъ противиться, а встрѣтимъ ихъ съ хлѣбомъ и солью.

Обыватели разошлись по домамъ, а Сюдьяшевъ приказалъ Лосеву поставить караулъ у соляныхъ амбаровъ и близъ канцеляріи на колокольнѣ, съ тѣмъ, что если появятся мятежники, то дать ему знать ¹⁾). Лосевъ исполнилъ приказаніе, но почти всѣ инвалидные офицеры, не дождавшись приближенія самозванца, отправились за городъ къ нему въ лагерь ²⁾.

— Хорошо что явились ко мнѣ, други, сказалъ имъ Пугачевъ; но подите домой, вы не годитесь въ мою службу—стары.

√ Утромъ 23 іюля человекъ 20 лицкихъ казаковъ пріѣхали въ ямскую слободу, находившуюся въ четырехъ верстахъ отъ города, приказали населенію выходить на встрѣчу государю, страшая въ случаѣ сопротивленія умертвить всѣхъ поголовно. Узнавъ, что въ слободѣ находится управитель подпоручикъ Василій Косаговскій, казаки вывели его на площадь и сбѣли плетью, спрашивая у ям-

¹⁾ Показаніе сержанта Михаила Лосева. Госуд. Арх., VI, д. № 447. Показаніе прапорщика Сюдьяшева. Госуд. Арх., VI, д. № 453.

²⁾ Показаніе сержанта Харитонова. Тамъ же.

щиковъ добръ-ли онъ? Одобрительный отвѣтъ спасъ Косаговскаго отъ смерти и ему приказано было находиться при встрѣчѣ государя съ своею командою. Ямщики вышли изъ слободы съ хлѣбомъ и солью и при приближеніи самозванца всѣ встали на колѣни.

Принявъ хлѣбъ-соль отъ ямщиковъ, Пугачевъ направился къ городу, впереди котораго былъ встрѣченъ населеніемъ и духовенствомъ съ крестами и образами. Вышедшіе по звону соборнаго колокола на встрѣчу жители, духовенство и монахи Троицкаго монастыря стали на колѣни. Приложившись ко кресту и принявъ хлѣбъ-соль отъ купечества, самозванецъ приказалъ прочитатъ свой манифестъ, а затѣмъ послѣдовало цѣлованіе руки: сначала подходило духовенство, потомъ именитые люди, въ числѣ которыхъ былъ и прапорщикъ Сюльдяшевъ. По окончаніи этой церемоніи Пугачевъ сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи духовенства, при колокольномъ звонѣ, проѣхалъ въ соборную церковь для слушанія молебна. Потомъ онъ ѣздилъ по городу, былъ въ воеводскомъ домѣ и приказалъ захваченные подъ соборною колокольнею мѣдныя деньги ¹⁾ раздавать народу. По приглашенію Сюльдяшева самозванецъ зашелъ къ нему въ домъ, вышли съ своими сообщниками чарки по три водки и видя, что толпа его сильно нынствуетъ, приказалъ рубить бочки и выпустить вино. Призвавши къ себѣ бургомистра, Пугачевъ поручилъ ему роздать народу соль безденежно и выпустить 49 человекъ колодниковъ.

— Есть-ли у васъ въ городѣ серебряники, спрашивалъ при этомъ Пугачевъ бургомистра, и пойдутъ-ли они ко мнѣ служить?

— Есть двое, отвѣчалъ спрошенный, какъ имъ не пойти, у васъ имъ лучше будетъ, чѣмъ здѣсь.

Самозванецъ приказалъ прислать ихъ къ себѣ въ лагерь и собрать туда же жителей по барабанному бою. Въ числѣ собравшихся стоялъ и прапорщикъ Сюльдяшевъ ²⁾.

— Ты нанялся что-ли за воеводу остаться въ городѣ? спросилъ гнѣвно Пугачевъ; я перваго тебя велю казнить.

Сюльдяшевъ палъ на колѣни.

¹⁾ Деньги эти были приготовлены къ отправленію во Владиміръ.

²⁾ Показаніе Сюльдяшева. Госуд. Арх., VI, д. № 453.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Ваше величество, я человѣкъ маленькій, какъ можно мнѣ за воеводу наниматься.

— Давно-ли ты въ службѣ?

— Двадцать-пять лѣтъ.

— Какъ же ты служишь такъ давно, а имѣешь чинъ такой маленькій. Если ты мнѣ вѣрою и правдою послужишь, я тебя пожалую полковникомъ и воеводою здѣшняго города.

— Служить не могу за болѣзнями и ранами.

— Ничего, будь ты отнынѣ полковникомъ и въ городѣ главнымъ смотрителемъ.

Самозванецъ приказалъ новому правителю выслать въ станъ мятежниковъ всѣхъ жителей, годныхъ на службу. Такихъ нашлось человѣкъ до 200 и къ нимъ было присоединено еще человѣкъ 20 гарнизонныхъ солдатъ.

На другой день были представлены самозванцу оба серебряника.

— Можете-ли вы дѣлать такіе рублевики съ ушками, спрашивалъ ихъ Пугачевъ, показывая рублевику императора Петра I.

— Можемъ, отвѣчали они.

— А такой портретъ, какъ я, можете сдѣлать?

— У насъ штемпелей нѣтъ и сдѣлать такого, какъ вы, не можемъ.

Тогда онъ приказалъ имъ придѣлать къ рублевикамъ Петра I ушки и раздавалъ ихъ въ видѣ медалей въ награду своимъ сообщникамъ. Такихъ медалей, по показанію Пугачева, было роздано не болѣе двадцати.

Подъ Алатыремъ самозванецъ простоялъ два дня, и это былъ первый отдыхъ послѣ бѣгства его изъ-подъ Казани. Въ эти дни, въ станъ самозванца стекались крестьяне съ разныхъ сторонъ и приводили съ собою помѣщиковъ и дворянъ, которыхъ немедленно вѣшали; такихъ несчастныхъ было 12 человѣкъ¹⁾. Всѣхъ крестьянъ, при-

¹⁾ Показанія Пугачева 4 и 17 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 512. Донесеніе алатырскаго духовенства преосвященному Антонію, епископу нижегородскому. Арх. Синода, д. № 4. Показаніе подпоручика Косаговскаго и мнѣніе учрежденнаго въ Москвѣ кригсрехта 10 марта 1775 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 95, св. 564, д. № 28. Сюльдяшевъ и Косаговскій были лишены чиновъ и сосланы въ Таганрогъ на поселеніе. Въ Алатырскомъ уѣздѣ было

ходившихъ на государеву службу конными, Пугачевъ бралъ съ собою, а пѣшихъ отсылалъ назадъ, и они-то, образовавъ изъ себя партіи, разоряли все окрестности, задерживали правительственныя войска и давали возможность самозванцу продолжать безнаказанно свое опустошительное шествіе внизъ по Волгѣ.

Подходя къ Саранску, 26 іюля, самозванецъ отправилъ впередъ казака Ѳедора Чумакова съ 30 человѣками казаковъ для передачи воеводѣ, присутствующимъ и мірскимъ людямъ слѣдующаго указа:

«По указу его императорскаго величества и по опредѣленію государственной военной коллегіи велѣно послать (каковъ и посылается) сей указъ съ таковымъ повелѣніемъ, что какъ нынѣ его императорское величество всемилостивѣйшій государь Петръ Ѳедоровичъ, съ побѣдоносною арміею шествовать изволить черезъ гор. Саранскъ для принятія всероссійскаго престола въ царствующій градъ Москву, того ради къ прибытію его величества съ арміею приготовить: во-первыхъ, подъ артиллерію 12 паръ лучшихъ лошадей и для слѣдующаго казачьяго войска хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ и для коней фуража: овса, сѣна и прочаго, что принадлежитъ, дабы ни въ чемъ недостатка воспослѣдовать не могло. По отправленіи-жь сего, шествію его императорскаго величества съ арміею по должности пристойное встрѣтеніе съ надлежащею церемоніею, такъ какъ долгъ присяги и подданства повелѣваетъ, стараясь получить монаршее и отеческое милосердіе, таковое же, каковое оказано за сіе исполненіе и прочимъ вѣрноподаннымъ рабамъ. А за противность и непокорность своему государю, по силѣ строгости монаршаго правосудія, безъ наихвосточайшаго гнѣва остаться не можете, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противникамъ и измѣнщикамъ монаршей воли чинима была (казнь) неупустительно»¹⁾.

Получивъ этотъ приказъ, воевода, подполковникъ Василій Протасевъ, товарищъ его, Михайло Башмаковъ, и секретарь, Андрей

убито 65 человѣкъ мужчинъ и женщинъ; разграблено въ уѣздѣ 33 дома и въ городѣ 38 домовъ. Къ Пугачеву присоединилось 224 человѣка городскихъ жителей. Госуд. Арх., VI, д. № 447.

¹⁾ Указъ самозванца отъ 26 іюля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

Метальниковъ, бѣжали изъ города; ихъ примѣру послѣдовали многіе приказные служители, купцы и дворяне. «Въ Саранскѣ, доносишь впоследствии Михельсонъ ¹⁾), ни одинъ дворянинъ не думалъ о своей оборонѣ, а всѣ, какъ овцы, разбѣжались по лѣсамъ». Оставшіеся въ городѣ, находясь между страхомъ и отчаяніемъ, не знали что дѣлать.

Рано утромъ, 27 іюля, передовые казаки явились опять въ городъ съ требованіемъ, чтобы населеніе, не исключая духовенства, вышло на встрѣчу государю, а въ противномъ случаѣ грозили «смертною казнію и пожаромъ». Облачившись въ ризы и поднявъ св. иконы, духовенство, въ сопровожденіи гражданъ, вышло къ мосту на р. Инзарѣ. Во главѣ ихъ стоялъ съ крестомъ саранскаго Петровскаго монастыря архимандритъ Александръ, котораго Пугачевъ скоро замѣтилъ «по шапкѣ съ камнями, какъ быть золотой». Подъѣхавъ прямо къ о. Александру самозванецъ приложился ко кресту, приказалъ прочитать приведенный нами манифестъ и затѣмъ отправился въ соборъ, гдѣ во время эктениі упоминалось имя государя Петра Ѳеодоровича, государыни Устиньи Петровны и великаго князя Павла Петровича съ его супругою Наталіею Алексѣевною. Подаривъ духовенству 30 рублей, самозванецъ отправился въ домъ вдовы бывшаго воеводы, Авдотьи Каменицкой, гдѣ, по ея приглашенію, и обѣдалъ. Въ благодарность за угощеніе Пугачевъ повѣсилъ ее, на воротахъ, вмѣстѣ съ магистратскимъ подъячимъ Петромъ Васильевымъ, а купца Ивана Гурьева засѣкъ плетми ²⁾. На другой день самозванецъ обѣдалъ въ Петровскомъ монастырѣ у архимандрита Александра и выдалъ на обитель 50 рублей.

Во все это время толпа его грабила городъ и пьянствовала. Приказавъ выпустить всѣхъ колодниковъ, Пугачевъ взялъ въ свой лагерь семь пушекъ, 2½ пуда пороху, 150 ядеръ и 29,148 р. денегъ, нагруженныхъ на 20 подводяхъ. Повѣсивъ предводителя дворянства, отставнаго генераль-маіора Сипягина, и 62 человекъ ³⁾

¹⁾ Князю Щербатову отъ 1 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 490.

²⁾ Объ этой вдовѣ упоминаетъ Руничъ въ своихъ запискахъ (*Русская Старина* 1870 г., т. II, 237), но все, что говоритъ онъ о дѣйствіяхъ войскъ, то невѣрно.

³⁾ Репортъ подпоручика Иванова генералу Брандту, отъ 4 августа 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 489.

помѣщиковъ и дворянъ, приведенныхъ крестьянами, Пугачевъ назначилъ воеводою прапорщика инвалидной роты Шихматеева, оказавшаго особую приверженность къ самозванцу, по формированію ополченія и другихъ услугъ.

Доставивши для пополненія арміи государя до 91 человекъ охотниковъ и вооруживъ ихъ, прапорщикъ Шихматеевъ, 29 іюля, собралъ у собора всѣхъ жителей. Подѣхавъ къ собравшимся, Пугачевъ приказалъ прочитать слѣдующій манифестъ:

«Божіею милостію мы, Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій

«и проч., проч., проч.

«Объявляется во всенародное извѣстіе.

«По случаю бытности съ побѣдоносной нашей арміей во всѣхъ, сначала Оренбургской и Сибирской линій мѣстахъ, жительствующіе разнаго званія и чина люди, которые чувствуя долгъ своей присяги, желая общаго спокойствія и признавая какъ есть за великаго своего государя и вѣрноподанными обязуясь быть рабами, срътеніе имѣли принадлежащимъ образомъ. Прочіе же, а особливо дворяне нехотя (отъ) своихъ чиновъ, рангу и дворянства отстать, употребляя свои злодѣйства, да и крестьянъ своихъ возмущая къ сопротивленію нашей коронѣ, не повинуются. За что грады и жительства ихъ выжжены, а съ оными противниками учинено по всей строгости нашего монаршаго правосудія.

«А какъ по пришествіи нашемъ съ арміей подъ городъ Саранскъ, находящіеся въ ономъ священнаго и прочаго званія жители, кои чувствуютъ должность своей присяги и признавая своего монарха, съ пристойною церемоніею учинили встрѣтеніе, а особливо усмотрѣнъ нами, по оказавшей его вѣрности, прапорщикъ Михайло Шихматеевъ, противъ прочихъ весьма отлично, за что и награждается отъ насъ главнымъ командиромъ и воеводою. Причемъ, поручаются ему здѣшняго города и всего уѣзда онаго обыватели всякаго званія и чина, кои и даются ему, чтобъ быть во всякомъ послушаніи; да и вамъ, г-ну воеводѣ, поступать какъ въ государственныхъ дѣлахъ, а особливо для склонившагося народа въ силу сказанныхъ узаконеній, не чиня напрасно никому обидъ и налоговъ. Съ противниками и бѣжавшими отъ нашего милосер-

дія, кои сысканы будуть, чинить такъ, какъ съ дѣйствительными злодѣями, бунтовщиками и измѣнниками своему государю. И вамъ, г-ну воеводѣ, съ мірскими людьми чинить въ силу нашего указа во всемъ непремѣнно»¹⁾).

По прочтеніи этого манифеста Пугачевъ выѣхалъ изъ Саранска²⁾ и потянулся по направленію къ Пензѣ. Онъ торопился уйти, опасаясь встрѣчи съ правительственными войсками, начинавшими наступать мятежниковъ.

Получивши извѣстіе, что Пугачевъ направился къ Алатырю, полковникъ Михельсонъ все еще не вѣрилъ, чтобы самозванецъ пошелъ на югъ и полагалъ, что онъ дѣлаеть «маску».

«Я за долгъ свой считаю, доносилъ онъ князю Щербатову³⁾,

¹⁾ Манифестъ самозванца, отъ 28 іюля 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 415.

²⁾ Показанія Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512. Показаніе архимандрита Александра, отъ 23 августа 1774 г. Арх. Синода, секрет. опись, д. № 4. По мнѣнію П. Потемкина, съ архимандрита Александра слѣдовало публично снять сацъ «и передъ всѣмъ народомъ, черезъ три дня, объявлять самому ему вину свою, принося при томъ молитвы Вышнему о прощеніи его преступленій, а потомъ опредѣлить въ монастырь на вѣчное покаяніе». Синодъ опредѣлилъ: одѣть его въ простую монашескую одежду, вывести на публичное мѣсто и, въ присутствіи архіепископа казанскаго и народа, прочтя ему тяжкія его преступленія, лишить монашескаго званія: снять одежду, остричь волосы на головѣ и бородѣ, переименовать прежнимъ мірскимъ именемъ и, одѣвъ въ простое мужичье платье, отдать на свѣтскій судъ въ учрежденную въ Казани секретную комиссію. П. Потемкинъ отступилъ отъ опредѣленія Синода и устроилъ особую церемонію для растриженія архимандрита. Въ 12 часовъ дня, 13 октября, Александръ былъ приведенъ въ оковахъ изъ секретной комиссіи прямо въ алтарь, гдѣ въ тѣхъ же оковахъ облаченъ въ архіерейское одѣяніе, «причемъ солдаты съ оружіемъ и съ примкнутыми шттыками у сѣверныхъ алтарныхъ дверей стояли». Протопопъ и протоіаконовъ вывели Александра на средину церкви, гдѣ и стоялъ онъ до тѣхъ поръ, пока П. С. Потемкинъ, губернаторъ, преосвященный архіепископъ казанскій Веніаминъ и прочіе не вышли на улицу передъ соборную колокольню. Тамъ, при собраніи многочисленной толпы народа, прочтенъ былъ приговоръ, а затѣмъ Александру обрѣзали волосы на головѣ и бородѣ, одѣли въ мужицкій кафтанъ и отвели потомъ опять въ секретную комиссію. «При семъ печальномъ поворощѣ, писалъ архимандритъ Платонъ Любарскій Н. Н. Вантышъ-Каменскому, отъ 16 октября (Государственный Архивъ, VI, д. № 527), народъ оказывалъ сожалѣніе и страхъ. Указомъ (Синода) хотя велѣно вывести его только въ одной монашеской одеждѣ, яко уже монаха, а не архимандрита, ибо въ томъ же указѣ написано, что всѣ духовные, съ того времени какъ въ преступленіе впади, уже св. сана лишились и подпали проклятію, то и оный архимандритъ уже не архимандритъ и священникъ, а простой монахъ. Однако Потемкинъ для большаго народу знать внушенія его проступка, приказалъ въ святыхъ одеждахъ на публичное мѣсто вывести».

³⁾ Въ рапортѣ отъ 22 іюля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

оберегать сторону отъ Москвы; впрочемъ, прошу ваше сіятельство снабдить меня повелѣніемъ».

Выступивъ, 19 іюля, изъ Казани и соединившись въ Чебоксарахъ съ графомъ Меллинымъ, полковникъ Михельсонъ присоединилъ къ нему роту гренадеръ, уланъ, вооруженныхъ пензенскимъ дворянствомъ, два орудія и приказалъ, двигаясь на Курмышъ къ Симбирску, преслѣдовать самозванца.

«У графа Меллина, доносилъ Михельсонъ ¹⁾, лучшая моя конница, безъ которой я вовсе дѣйствовать не могу, да и имѣвъ оную долженъ признаться, что силы мои истощали, однако долгъ мой исполнять не оставляю, пока возможности моей будетъ». Онъ просилъ присылки подрѣзанныхъ и въ особенности кавалеріи, ибо злодѣи дѣлаютъ свои обращенія на перемѣнныхъ лошадяхъ, коней мнѣ имѣть невозможно».

Разсѣявъ толпу вотяковъ, собравшихся въ числѣ 200 человекъ, и повѣсивъ нѣсколькихъ вожаковъ, полковникъ Михельсонъ, 25 іюля, пришелъ въ село Сундырь. Онъ не имѣлъ еще точныхъ свѣдѣній о направленіи движенія мятежниковъ; всѣ его посланные пропали и къ отряду не возвратились. Въ Сундырѣ Михельсонъ узналъ, что Пугачевъ точно пошелъ къ Алатырю, и потому намѣренъ былъ переправиться черезъ р. Суру подъ Васильевымъ, чтобы сохранить фланговое положеніе относительно самозванца и при дальнѣйшемъ своемъ движеніи прикрывать Москву. Находившемуся же въ Курмышѣ графу Меллину онъ приказалъ преслѣдовать самозванца какъ можно энергичнѣе и стараться не упустить злодѣя ²⁾. Порученіе было нелегкое, такъ какъ преслѣдующему отряду, при быстротѣ движенія мятежниковъ, приходилось все время идти форсированными маршами. «По всему моему пути, доносилъ графъ Меллинъ ³⁾, нашелъ я до 30 человекъ повѣшенныхъ и по деревнямъ почти никакихъ жителей, потому что всѣ чувашин здѣшной стороны, много крестьянъ и, чему я вѣрить не хотѣлъ, что

¹⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 24 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.

²⁾ Рапортъ Михельсона кн. Щербатову 25 іюля 1774 г. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

³⁾ Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 24 іюля 1774 года. Тамъ же.

и нѣсколько дворянъ взбунтовались и другъ друга стараются въ своихъ жительствовахъ разорять, убить и повѣсить».

Въ другомъ своемъ донесеніи графъ Меллинъ рисуетъ еще болѣе поразительную картину. «Какое это наказаніе Божіе, говоритъ онъ ¹⁾, которое я вижу: бѣдные дворяне, по дорогамъ, который повѣшенъ, у котораго голова отрублена, у котораго ноги и руки отрублены и разными другими муками, которыя себѣ представить не можно, неисчисленно много истреблено».

Жажда-ли мщенія или убѣжденіе, что казнями скорѣе можно возстановить спокойствіе, заставляли многихъ начальниковъ также строго поступать и съ мятежниками. Приближаясь къ Алатырю, графъ Меллинъ отправилъ впередъ съ эскадрономъ ротмистра Чугуевского полка Михаила Гаврилова, который 31 іюля и вступилъ въ городъ. Приказавъ вывести изъ тюрьмы пойманныхъ мятежниковъ, Гавриловъ своевольно перекололъ болѣе 20 человекъ, арестовалъ возвратившагося въ городъ воеводу Бѣлокопытова, прапорщика Сюльдяшева и повезъ ихъ къ графу Меллину. Взявъ съ Бѣлокопытова «200 руб. и 14 лошадей, оставшихся послѣ убитыхъ дворянъ», Гавриловъ отпустилъ его къ своей должности, а Сюльдяшева представилъ начальнику отряда. Сюльдяшевъ искупилъ свою вину тѣмъ, что, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ дней правителемъ города, спасъ многихъ отъ смерти ²⁾. Съ удаленіемъ мятежниковъ онъ собралъ оставшуюся въ городѣ отъ расхищенія казну и запечаталъ ее въ монастырской трансеѣ, вывезъ изъ лѣса спрятанныя прапорщикомъ Васильевымъ деньги 20,602 рубля 85 коп., только что привезенныя изъ Симбирска ³⁾ и наконецъ разослалъ небольшія команды ловить шатающихся мятежниковъ.

Не такъ поступалъ прапорщикъ Шихмаметевъ въ Саранскѣ. Онъ отличался полною преданностью самозванцу, и потому графъ Меллинъ по прибытіи въ Саранскъ тотчасъ же арестовалъ Ших-

¹⁾ Въ рапортѣ кн. Щербатову 4 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

²⁾ Такимъ образомъ были спасены: воевода Василій Обрѣзковъ съ женою, майоръ Столбовъ, жены: майора Клескина, поручика Лихутина, Лукина и Мертваго съ двумя дочерьми.

³⁾ Письмо нижегородскаго губернатора Ступишина кн. А. А. Вяземскому, 6 мая 1775 г. Госуд. Арх., VI, д. № 453.

маметева, высѣкъ нѣсколько человѣкъ плетми и, возстановивъ нѣкоторый порядокъ въ городѣ, двинулся далѣе.

Въ это время Михельсонъ, пересѣкая все главнѣйшія дороги къ Москвѣ и пройдя лѣвѣе г. Арзамаса, направился на село Починки, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы повернуть на Саранскъ и слѣдовать по пятамъ Пугачева. 30-го іюля Михельсонъ получилъ сообщеніе арзамасской провинціальной канцеляріи, что Пугачевъ идетъ на Арзамасъ.

Страннымъ казалось такое сообщеніе послѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ имѣлъ о движеніи самозванца на югъ, но оставить безъ вниманія Арзамасъ значило дать возможность Пугачеву появиться у него въ тылу и затѣмъ идти уже безпренятственно въ Москву. Поэтому Михельсонъ тотчасъ же повернулъ назадъ и пошелъ къ Арзамасу и только подходя къ городу узналъ, что сообщеніе провинціальной канцеляріи оказалось ложнымъ ¹⁾. Время было потеряно и отрядъ пошелъ опять къ селу Починкамъ, гдѣ собралась шайка въ ожиданіи прибытія Пугачева, для котораго была уже приготовлена и квартира въ домѣ ротмистра Павлова.

Въ селѣ Починкахъ находился тогда конскій заводъ, принадлежавшій л.-гв. Конному полку и потому, опасаясь, чтобы мятежники не разграбили его и не овладѣли казенными суммами, Михельсонъ выслалъ впередъ съ командою корнета Селиванова. Послѣдній прибылъ въ село какъ разъ въ то время, когда мятежники связали до 30 человѣкъ рейтаръ, бывшихъ при заводѣ, и намѣрены были овладѣть лошадьми и деньгами. Разогнавъ толпу, Селивановъ захватилъ въ плѣнъ семь человѣкъ, изъ которыхъ одинъ оказался конюхъ, одинъ обыватель и одинъ крестьянинъ, обличенный въ убійствѣ дворянъ. Михельсонъ приказалъ всехъ трехъ повѣсить, а прочихъ сѣчь плетми ²⁾ и рѣзать по одному уху. «Сіе производитъ въ сихъ варварахъ великій страхъ».

«Окрестность здѣшняя, доноситъ Михельсонъ, генерально въ возмущеніи и всякій старается изъ здѣшнихъ богомерзкихъ обывателей

¹⁾ Репортъ Михельсона князю Щербатову 1-го августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

²⁾ Репортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 3 августа 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

братъ другъ у друга преимущества своими варварскими поступками». Онъ говорилъ, что Пугачевъ около Саранска произвелъ такія варварства, «коихъ въ нынѣшнихъ вѣкахъ никогда и ожидать было не можно: немалое число дворянъ съ женами и дѣтьми лишены жизни, тожь самое и прикащики. Многихъ мнѣ удавалось освободить, только вездѣ успѣть нѣтъ способовъ, потому что нѣтъ почти той деревни, въ которой бы обыватели не бунтовали и крестьяне не старались бы сыскивать своихъ господъ или другихъ помѣщиковъ или прикащиковъ къ лишенію ихъ безчеловѣчнымъ образомъ жизни». Будучи останавливаемъ на каждомъ шагу подобными шайками, Михельсонъ не могъ идти по пятамъ Пугачева, тѣмъ болѣе, что Ступишинъ настаивалъ на необходимости усмирить прежде всего Нижегородскую губернію.

«Я получаю, писалъ онъ Михельсону ¹⁾, ежечасно извѣстія о бунтующихъ крестьянахъ, отложившихся отъ повиновенія не только своихъ частныхъ начальниковъ, но уже неслушающихся моихъ повелѣній. Я боюсь, дабы злодѣй, заведши деташементы въ отсель, не сдѣлалъ обороту къ Нижнему или на московскую дорогу: первое потому важно, что здѣсь великія тысячи на судахъ бурлаковъ прибывшихъ и отъ времени въ другое прибывающихъ, а московская дорога не менѣе важна своихъ ради причинъ. И въ семъ будучи положеніи, на первое и послѣднее взирать должно, а потому кажется не худо бы графу Меллину и Муфелю дать вамъ свое повелѣніе, чтобы они спѣшили достигнуть непріятели и разбить, а вамъ, получая свѣдѣнія отъ нихъ, предиринимать свое движеніе такъ, чтобы въ случаѣ его оборота могли встрѣтить и укрощать бунты; дабы они распространиться не могли и до Московской губерніи».

Поручивъ графу Меллину преслѣдовать Пугачева, полковникъ Михельсонъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находится отрядъ Муфеля, а между тѣмъ главнокомандующій князь Щербатовъ приказалъ послѣднему идти черезъ Барсунъ въ Пензу, а генералъ-маіору Мансурову слѣдовать на Сызрань. Выказывая увѣренность, что начальники отрядовъ употребятъ

¹⁾ Письмо Ступишина Михельсону отъ 31 іюля 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 490.

всѣ способы, чтобы скорѣе настигнуть самозванца, князь Щербатовъ писалъ, что «прискорбно только то, что нѣтъ ему (Пугачеву) нигдѣ сопротивленія и ни малѣйшаго препятствія. Такимъ образомъ, открывая онъ себѣ дорогу, отнимаетъ средства у войскъ къ скорѣйшему совершенію его гибели и бѣжить съ такою скоростью, что въ пятеро сутокъ болѣе 400 верстъ дѣлаетъ. Между тѣмъ преслѣдующіе его detachementы не однимъ только имъ занимаются, но, отряженными своими партіями, укрощаютъ и взбунтовавшуюся чернь, которая, наполняясь сею заразою, производитъ убійство дворянамъ» ¹⁾).

Это донесеніе князя Щербатова было послѣднимъ, такъ какъ онъ былъ отозванъ въ Петербургъ и сдалъ начальство надъ войсками князю П. М. Голицыну.

VIII.

Удаленіе князя Щербатова и назначеніе главнокомандующимъ князя Петра Михайловича Голицына. — Рескриптъ императрицы. — Впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ извѣстіемъ о разграбленіи и сожженіи Казани. — Собраніе государственнаго совѣта. — Назначеніе графа Петра Ивановича Панина главнокомандующимъ. — Посылка новыхъ войскъ на театръ дѣйствій. — Заключеніе мира съ Турціею. — Мѣры, принятыя въ Москвѣ для отраженія Пугачева въ случаѣ его появленія. — Инструкція, данная графу П. И. Панину. — Письмо императрицы князю М. Н. Волконскому. — Число войскъ, поступившихъ подъ начальство новаго главнокомандующаго. — Увѣщаніе Синода духовенству и народу.

Извѣстіе о томъ, что Пугачевъ оставилъ позади себя большую часть войскъ, высланныхъ для его преслѣдованія, и приближается къ р. Камѣ, было крайне непріятно императрицѣ. «Ея величество, писалъ Г. А. Потемкинъ къ графу З. Г. Чернышеву ²⁾, изъ рапорта г. Брандта съ неудовольствіемъ изволила усмотрѣть, какъ Пугачевъ, столь грубый разбойникъ, умѣетъ однакоже отыгрываться отъ нашихъ генераловъ».

Приписывая прорывъ самозванца въ Казанскую губернію оплош-

¹⁾ Всепожд. донесеніе кн. Щербатова, отъ 1 августа 1774 года, № 9. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

²⁾ Въ собственноручномъ письмѣ отъ 8-го іюля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. V.

ности и бездѣтельности главнокомандующаго князя Щербатова, императрица приказала отозвать его ко двору, а вмѣсто него былъ назначенъ, 8-го іюля, главнокомандующимъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ ¹⁾. Князю Щербатову приказано было прибыть въ Петербургъ для изустнаго донесенія «о настоящихъ того края обстоятельствахъ» ²⁾.

Отсутствіе войскъ въ приволжскихъ губерніяхъ и опасеніе, что Пугачевъ можетъ свободно дойти и до Москвы, заставили правительство, «для избѣжанія всякаго нечаяннаго случая», отправить въ распоряженіе князя М. Н. Волконскаго: Великолудскій пѣхотный полкъ изъ Петербурга, донской Краснощекова изъ Новгорода и Владимирскій драгунскій—изъ Вязьмы ³⁾.

«Уповая, писала при этомъ императрица князю Голицыну ⁴⁾,

¹⁾ Указъ военной коллегіи, отъ 8-го іюля. Московскій Архивъ Главнаго Штаба описъ 47, кн. V.

²⁾ Указъ князю Щербатову, отъ 8-го іюля. Военно-ученый Архивъ, отд. I, л. № 104 (А), листъ 212. Впослѣдствіи императрица не допустила къ себѣ князя Щербатова и поручила допросить его военной коллегіи. 15-го августа фельдмаршалъ князь Александръ Голицынъ писалъ графу З. Г. Чернышеву: «Ея императорское величество высочайше указать соизволила объявить вашему сіятельству нижеслѣдующее: запишите мой указъ въ военной коллегіи, чтобъ по пріѣздѣ князя Ѳ. Ѳ. Щербатова съ него взяли отвѣтъ и отчетъ, для чего злодѣю переходъ черезъ Каму не былъ прегражденъ и что удерживало большую часть войскъ около Оренбурга, когда преслѣдованіе злодѣя долженствовало быть наиглавнѣйшій предметъ» (см. Московскій Архивъ Главн. Штаба, описъ 95, св. 563, д. № 42). Результатомъ этого допроса былъ рапортъ, представленный военной коллегіи, но признанный неудовлетворительнымъ. Недопущенный до императрицы, князь Щербатовъ, въ октябрѣ 1774 года, подалъ прошеніе объ увольненіи его по слабости здоровья отъ воинской и статской службы. На докладъ военной коллегіи, 9 января 1775 года, послѣдовала высочайшая резолюція: «быть по сему», и князь Щербатовъ былъ уволенъ безъ всякихъ наградъ (Московскій Архивъ Главнаго Штаба, описъ 31, кн. 54, № 252).

³⁾ Указы военной коллегіи князю М. Н. Волконскому, отъ 8-го и 9-го іюля, за №№ 328 и 332 (Московскій Архивъ Главнаго Штаба, описъ 47, книга V). Письмо Екатерины II кн. Волконскому отъ 9-го іюля (*Осмадцатый Вѣкъ*, изд. Бартенева, кн. I, стр. 111). Замѣчательно, что Краснощековъ былъ неграмотенъ и въ рапорты подписывалъ за него сотникъ Протопоповъ.

⁴⁾ Въ черномомъ рескриптѣ, написанномъ рукою Г. А. Потемкина, числа нѣтъ; по изъ рапорта князя П. М. Голицына (отъ 2-го августа 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 498) видно, что онъ получилъ два письма Екатерины отъ 7-го и 15-го іюля. Рескриптъ этотъ напечатанъ въ XIII т. *Сборника Императорскаго историческаго общества*, но невѣрно отнесенъ къ 13 октября 1773 года и въ заголовкѣ неправильно обозначено, что онъ адресованъ на имя Кара. Въ октябрѣ 1773 г. Г. А. Потемкинъ не могъ писать проектовъ рескрипта, потому что онъ былъ тогда еще въ Турціи.

37
 что указъ мой, о принятіи начальства надъ войсками, къ вамъ уже дошелъ, потому и увѣдомляю васъ, что я, получивъ извѣстіе, что злодѣй съ его толпою впалъ въ предѣлы Казанской губерніи, приказала нарядить полки: пѣхотный Великолуцкій, донской казачій и драгунскій Владимірскій — послѣдніе два скоро въ Москву придутъ. Командиръ онымъ назначенъ отъ меня генераль-маіоръ Чорба. Сіе войско будетъ въ окружности Казани, какъ обсерваціонное, которому, по усмотрѣнію пользы, дѣйствовать согласно съ вами.

«Вамъ же предполагаю я за полезное учредить такъ, чтобы деташементы генераль-поручика Деколонга сочиняли кордонъ ради охраненія границъ сибирскихъ, куда бы злодѣямъ входъ заградили. Такой же кордонъ нуженъ и къ сторонѣ башкирцевъ, на что пѣхоты вашей достаточно будетъ.

«Обезпечая такимъ образомъ проходы непріятелю, удобно вы можете обращаться на поиски, имѣя при себѣ главную часть конницы и небольшое число облегченной пѣхоты, которая нужна вамъ ради прикрытія артиллеріи. И съ симъ легкимъ корпусомъ, слѣдуя по пятамъ злодѣевъ, не трудно будетъ прижать ихъ къ которому ни есть неподвижному пѣхотному вашему посту или къ деташементамъ, расположеннымъ на кордонѣ. Ежели вы, на мѣстѣ будучи, не предусматриваете чего неудобнаго въ семъ моемъ предположеніи, то соображаясь оному снесите съ г. Деколонгомъ и начинайте съ Богомъ.

«Я ожидаю отъ усердія вашего ко мнѣ полезныхъ слѣдствій».

7
 Волненія, возникшія въ Нижегородской губерніи, были причиною того, что указъ и рескриптъ были получены только въ концѣ іюля и князь П. М. Голицынъ могъ вступить въ командованіе войсками лишь 1 августа ¹⁾.

Первою заботою главнокомандующаго было увеличить число войскъ за р. Волгою и сформировать отряды для уничтоженія шаекъ, бродившихъ по Казанской губерніи. Для дѣйствій за р. Волгою былъ составленъ отрядъ изъ 500 гренадеръ и егерей, двухъ эска-

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ князя Голицына 2 августа 1774 г. Военно-учен. Арх., отд. I, д. № 104 (А), листъ 290.

дроновъ Изюмскихъ и одного Бахмутскихъ гусаровъ, 250 чел. донскихъ и 100 малороссійскихъ казаковъ. Принявъ надъ ними личное начальство, князь Голицынъ намѣренъ былъ слѣдовать за отрядами, преслѣдовавшими самозванца и служить имъ резервомъ. Для уничтоженія же бродившихъ шаекъ былъ сформированъ особый небольшой отрядъ и направленъ прежде всего по р. Вяткѣ. Отрядъ этотъ былъ подчиненъ генералъ-маіору П. С. Потемкину, принявшему на себя командованіе войсками, какъ находившимися въ окрестностяхъ Казани, такъ и имѣющими прибыть туда впоследствии.

Быстрота, съ которою двигался самозванецъ, заставила главнокомандующаго приказать всѣмъ начальникамъ отрядовъ, чтобы они покупали лошадей, не стѣсняясь числомъ ихъ, а въ случаѣ нежеланія жителей продать, брали безденежно и выдавали квитанціи ¹⁾.

Всѣ эти распоряженія внушали надежду на лучшій исходъ дѣла. «Я уповаю, всемилостивѣйшая государыня, что дѣла возьмутъ другой оборотъ, писалъ П. Потемкинъ ²⁾. По дозволенію вашего величества откровенно доложить осмѣлюсь, сколь ни оскорбительно, что злодѣй предуспѣлъ выжечь Казанскій форштадтъ, однако же сравниться сіе не можетъ съ тѣмъ, что ежели бы сей извергъ со всею своею многочисленною толпою, коснувшись Казани, перешелъ р. Волгу и шелъ далѣе (?). Дерзаю молвить, что слѣдствія тогда были бы тысячу разъ ужаснѣе (?).»

«Весьма ослабно пекся губернаторъ (Брандтъ) о соблюденіи города, но столько же слабо командиръ воинскій (кн. Щербатовъ) пекся соблюсти пространство имперіи, въ которую теперь впустили злодѣя. Я съ отчаяніемъ нашель (прибыль) на таковыя обстоятельства, и, не имѣя возможности помочь къ пользѣ дѣла и службы вашего величества, имѣю вѣчно сокрушеніе, что былъ въ числѣ (тѣхъ), кои не могли спасти Казань, хотя самъ Богъ

¹⁾ Репортъ князя Голицына военной коллегіи, отъ 4 августа 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

Во всеподданѣйшемъ донесеніи, отъ 2 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

свидѣтель, что я не щадила жизни моей, но сего не довольно было, (чтобы) соблюсти городъ и поправить дѣла».

Такъ, желая оправдать себя, П. Потемкинъ обвинялъ больного и на другой день скончавшагося казанскаго губернатора фонъ-Брандта. Намъ извѣстна дѣятельность послѣдняго и справедливо напомнить здѣсь, что Брандтъ сдѣлалъ все, что было возможно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ былъ поставленъ.

7 августа, отрядъ, назначенный для дѣйствій подъ личнымъ начальствомъ князя Голицына переправился черезъ р. Волгу, а на слѣдующій день князь Петръ Михайловичъ получилъ приказаніе сдать начальство надъ войсками вновь назначенному главнокомандующимъ графу Петру Ивановичу Панину.

Послѣ переправы Пугачева черезъ р. Каму, правительство стало получать все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія. 16 іюля было получено въ Москвѣ донесеніе о разореніи Казани и просьба нижегородскаго губернатора о помощи. Не имѣя въ своемъ распоряженіи свободныхъ войскъ, князь М. Н. Волконскій приказалъ Владимірскому гарнизонному баталіону слѣдовать немедленно въ Нижній-Новгородъ. «Здѣсь, въ городѣ, писалъ онъ императрицѣ ¹⁾, о семъ несчастіи не вѣдаютъ. Я сіе и таковыя извѣстія весьма тайно содержу, дабы городъ въ робость не пришелъ, а всякій часъ извѣстій о Казани ожидаю, не подоспѣютъ-ли войска вашего императорскаго величества ²⁾ къ избавленію Казани и къ сокрушенію сего злодѣя».

Письмо это, полученное въ Петербургѣ 21-го іюля, произвело на всѣхъ большое впечатлѣніе: явилось опасеніе за внутреннія губерніи и даже за первопрестольную столицу. Екатерина II собрала государственный совѣтъ и объявила ему, что для спасенія Имперіи намѣрена сама ѣхать въ Москву и принять на себя всѣ распоряженія по усмиренію возстанія. Императрица требовала, чтобы члены совѣта высказали свое мнѣніе относительно ея намѣреній. Всѣ молчали, молчалъ и графъ Н. И. Панинъ. «Я оное

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ, отъ 16 іюля 1774 г. Военно-учеп. Архивъ. отд. I, д. № 104 (А), листъ 294.

²⁾ Т.-е. войска, находившіяся подъ начальствомъ князя Щербатова.

(молчаніе) выдерживалъ и для того одного, писалъ онъ брату ¹⁾, что при всякомъ оттуда извѣстїи я всегда сказывалъ, что дѣло сіе бѣдственное и что не однѣми вооруженными руками оное поражено быть можетъ, а надобенъ человекъ съ головою».

Видя всеобщее молчаніе, Екатерина II обратилась тогда прямо къ гр. Н. И. Панину и требовала, чтобы онъ сказалъ, хорошо или дурно она это дѣлаетъ?

— Не только нехорошо, отвѣчалъ Панинъ, но и бѣдственно въ разсужденїи цѣлости Имперїи. Такая поѣздка, увелича внѣ и внутри Имперїи настоящую опасность, болѣе нежели есть она на самомъ дѣлѣ, можетъ ободрить и умножить мятежниковъ и повредить даже дѣла наши при другихъ дворахъ.

Императрица старалась выяснить ту пользу, которая можетъ произойти отъ ближайшаго ея прибытія къ театру дѣйствїй, и была поддерживаема въ этомъ Г. А. Потемкинымъ. Бнзязъ Г. Г. Орловъ, писалъ Панинъ, «съ презрительною индифферентностію все слушалъ, ничего не говорилъ и извинялся, что онъ не очень здоровъ, худо спалъ и для того никакихъ идей не имѣетъ. Окликанные дураки Разумовскій и Голицынъ твердымъ молчаніемъ отдѣлались. Скаредный Чернышевъ трепеталъ между фаворитами, въ поль-слова раза два вымолвилъ, что самой ей ѣхать вредно, и спѣшилъ записывать только имена тѣхъ полковъ, которымъ къ Москвѣ маршировать вновь повелѣно. Вице-канцлеръ одинъ, по своей способности, мои разсужденїя открыто подкрѣплялъ. Забылъ было сказать о дуракѣ Вяземскомъ. Ему полюбились манифесты и казанскихъ дворянъ вооруженїя и потому представлялъ только, чтобъ то и другое на Москвѣ сдѣлано было».

Какъ ни глуны и молчаливы были, по словамъ гр. Н. И. Панина, всѣ собравшіеся, но они, отклонивъ поѣздку императрицы въ Москву, постановили: 1) послать въ первопрестольную столицу сверхъ отправленныхъ уже туда войскъ еще два полка пѣхоты, одинъ гусарскій, одинъ казачій и одну легкую полевую команду съ нѣсколькими орудїями; 2) возбудить московское дворянство къ

¹⁾ Графу П. И. Панину въ письмѣ отъ 22-го іюля 1774 г. *Сборн. Император. русскаго Истор. общества. Т. VI, стр. 74.*

набору на свои средства конныхъ эскадроновъ по примѣру казанскаго, и 3) отправить въ Казань для командованія войсками. *знаменитую особу, съ такою же полною мочью, какову имѣлъ покойный генералъ Бибиковъ* ¹⁾.

Вопросъ, кто будетъ этою знаменитою особою, крайне интересовалъ гр. Н. И. Панина, и ему хотѣлось примирить своего брата съ императрицею и назначить его главнокомандующимъ. Желаніе это было на столько сильно, что въ тотъ же день послѣ обѣда, во дворцѣ, онъ отвелъ въ сторону Г. А. Потемкина и объявилъ ему, что для отвращенія бѣдствія угрожающаго Имперіи онъ самъ рѣшился ѣхать противъ Пугачева или же ручается за брата своего графа Петра Ивановича, что онъ, при всей своей дряхлости, возьметъ на себя трудъ спасти отечество даже и въ томъ случаѣ, если бы его необходимо было нести на носилкахъ (?).

Графъ Никита Панинъ просилъ Г. А. Потемкина доложить немедленно о томъ императрицѣ, если она того желаетъ и никого лучшаго избрать не можетъ. Потемкинъ понялъ, что Панины даютъ ему средство привлечь на себя ихъ вниманіе, склонить на свою сторону и впоследствии могутъ быть ему полезны для борьбы съ противною ему партією. Согласившись на просьбу министра иностранныхъ дѣлъ, Потемкинъ пошелъ въ кабинетъ Екатерины, а вслѣдъ за нимъ вошелъ туда же и Н. Панинъ. Положеніе императрицы было нелегкое. Тяжело и горько ей было призывать къ дѣятельности *«персональнаго своего оскорбителя»*, но обстоятельства требовали жертвы и великая женщина для пользы дѣла пошла на уступку. «Излишне будетъ, сообщалъ графъ Никита Панинъ брату, подробно описывать всѣ тѣ разговоры, которые при томъ происходили, а довольно только сказать, что государыня, будучи весьма растрогана симъ моимъ поступкомъ, божилась предо мною, что она никогда не умаляла своей къ тебѣ довѣренности, что она совершенно увѣрена, что никто лучше тебя отечество не спасетъ, что она съ прискорбіемъ тебя отъ службы отпустила, что она не отважилась тебя призвать къ настоящему дѣлу по тому одному,

¹⁾ Архивъ Государ. Совѣта, т. I, стр. 454.

что ты уже вышелъ изъ службы и что, наконецъ, съ чувствительною радостію теперь слышитъ мое обнадеживаніе, что ты не отречешься въ семъ бѣдственномъ случаѣ еще служить ей и отечеству».

Такое заявленіе императрицы было принято Никитою Панинымъ за окончательное рѣшеніе «жребія» его брата, и онъ на другой же день отправилъ въ Москву роднаго племянника Г. А. Потемкина, гвардіи поручика А. Н. Самойлова ¹⁾). Послѣднему было передано письмо графа Н. И. Панина и словесно поручено Г. А. Потемкинымъ убѣдить гр. Петра Панина, чтобы онъ «просилъ государыню всеподданнѣйшимъ отзывомъ о желаніи его служить и быть полезнымъ государству, для укрощенія безпокойствъ» ²⁾).

Гр. Н. И. Панинъ также совѣтовалъ брату прислать письмо императрицѣ, съ выраженіемъ полной готовности посвятить остатокъ своихъ дней на службу ей и отечеству, и обѣщалъ *promыслить* (придумать) тѣ основанія, на которыхъ ему должно быть поручено командованіе войсками и позаботиться о тѣхъ вспоможеніяхъ, которыя могутъ быть ему необходимы.

Между тѣмъ, по окончаніи совѣта и въ тотъ же день 21-го іюля было приказано немедленно и на подводахъ отправить въ первопрестольную столицу: изъ Петербурга—Воронежскій пѣхотный и донской Платова полки съ 12 орудіями; изъ Новгорода — Ладожскій пѣхотный полкъ и четыре эскадрона Венгерскаго гусарскаго полка. Въ замѣнъ ихъ направлены въ Петербургъ: изъ Финляндіи Кексгольмскій пѣхотный и изъ Дерпта—Казанскій кирасирскій полки ³⁾).

Черезъ день, 23 іюля, было получено въ Петербургѣ донесеніе фельдмаршала графа П. А. Румянцова о заключеніи мира съ Турціею. Извѣстіе это обрадовало и ободрило правительственныхъ дѣятелей. «Время, въ которое произошло это событіе, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ ⁴⁾), придаетъ ему еще большее значеніе, ибо за два дня до полученія этихъ извѣстій здѣсь преобладало общее уныніе».

¹⁾ Впослѣдствіи генераль-прокуроръ.

²⁾ Жизнь и дѣянія кн. Гр. Ал. Потемкина. *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 1022.

³⁾ Записка гр. З. Чернышева военной коллегіи, отъ 21 іюля 1774 г.

⁴⁾ Въ депешѣ графу Суффолюкъ, отъ 24 іюля 1774 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историч. общества*, т. XIX. стр. 423.

Императрица считала день сей счастливѣйшимъ въ своей жизни, потому что миръ доставилъ покой столь нужный для Имперіи ¹⁾ и былъ заключенъ на такихъ условіяхъ, которыхъ «ни Петръ Великій, ни императрица Анна за всѣми трудами получить не могли».

«Теперь, прибавляла Екатерина II въ письмѣ П. Потемкину ²⁾, осталось усмирить бездѣльныхъ бунтовщиковъ, за коихъ всѣми силами примусь, не мѣшкая ни единой минуты».

«Съ неизрѣченнымъ восхищеніемъ радости, отвѣчалъ П. Потемкинъ ³⁾, имѣлъ я счастье получить высочайшее вашего императорскаго величества увѣдомленіе о совершеніи толь славнаго съ Портою мира. Не только Петръ I, императрица Анна не имѣли сего счастья и славы, но съ самаго начала возвышенія блистательной Порты не имѣлъ никто изъ воюющихъ съ оною державою таковой поверхности надъ турками» ⁴⁾.

«Позвольте, всемилостивѣйшая государыня, принося всеусердное подданническое мое поздравленіе, вѣрнѣйшему рабу осмѣлиться передъ лицомъ вашего величества открыть мысли мои. Сей миръ не одну только славу оружія возвышаетъ, но передъ цѣлымъ свѣтомъ доказываетъ премудрость владѣющей минархини російскою державою и великость ея духа. Кто чувствуетъ прямо и видитъ обстоятельства по положенію дѣлъ, тотъ совершенно разберетъ боль неизрѣченно мужество и твердость души вашей. Когда страшная война съ Портою раздѣляя силы російскаго оружія, объемля кругъ отъ Кавказскихъ горъ до Бѣлаго моря, тогда Европа чаяла видѣть Россію на краю паденія. Премудрыя учрежденія вашего

¹⁾ Письмо Екатерины князю Волконскому, отъ 23 іюля. Государственный Арх., VI, д. № 503. Привезшіе это извѣстіе курьеры: полковникъ графъ Румянцовъ и князь Гавриилъ Гагаринъ были пожалованы: первый — генераль-маіоромъ, а второй — камеръ-юнкеромъ. См. Архивъ Сената, вк. 208.

²⁾ Отъ 23 іюля. *Рус. Старина* 1875 г., т. XIII, 117.

³⁾ Во всепод. донесеніи отъ 7 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

⁴⁾ Должно сдѣлать примѣчаніе, что Петръ I былъ турками подъ Прутомъ захваченъ и совершенъ миръ по волѣ Порты. Ваше императорское величество оружіемъ побѣдоноснымъ принудили заключить миръ Порту по изволенію вашему точно въ тотъ день, т.-е 10 числа іюля. Великая Екатерина отмстила обиду, причиненную великому Петру. Примѣч. П. Потемкина.

величества и высокія предпріятія явили всѣмъ державамъ, что можетъ сдѣлать государыня, имѣя духъ столь великій! Сосѣдственная монархія можетъ быть, завидуя славѣ вашего императорскаго величества, оставила продолжать войну двухъ имперій, льстяся не тратя ни войска, ни денегъ возвратитъ потерянные земли несчастною войною, но весьма обманулась.

«Совершенный съ Портою миръ возвысилъ славу пресвѣтлаго вашего имени, укротилъ надменность завидующихъ державъ, обрадовалъ народъ и преподаетъ ближайшія средства къ искорененію внутренняго врага. Колико твердости надлежитъ имѣть къ преодоленію всѣхъ трудностей и находить на исправленіе каждаго приключенія новые способы!

«Наконецъ, всемилостивѣйшая государыня, дерзну я сказать примѣръ: Августъ Кесарь далъ миръ врагамъ своимъ, но воюющія съ нимъ страны были все малы въ разсужденіи Рима. Ваше величество даруете миръ такой державѣ, которая страшною казалась всему свѣту. Петръ I, имѣя войну съ шведами, былъ утружденъ внутреннимъ замѣшательствомъ, но замѣшательство тогда было между особъ единой крови и каждая сторона имѣла настоящій предметъ (?) Врагъ волнующій нынѣ Россію, яко исчадіе самаго ада обольстилъ невѣжество народа коварно мнимою льготою и вольностью,—несравненно тягостнѣе, но вѣрныя войска вашего величества преодолеютъ буйство народа и дерзость самозванца. Имѣя нынѣ болѣе свободы къ истребленію его, уповать должно, что сіе скоро кончится. Богъ благословитъ высочайшія намѣренія вашего величества ко изліянію въ народъ совершеннаго спокойствія и блаженства. Сіе есть дѣло великаго духа вашего величества, чтобъ наказатъ неблагодарный народъ и миловать враговъ своихъ».

Опасаясь болѣе всего за Москву и подъ вліяніемъ первыхъ радостныхъ впечатлѣній о заключеніи мира и освобожденія находившихся за границею войскъ, Екатерина II намѣрена была отправить изъ обѣихъ дѣйствующихъ армій всѣхъ генераловъ тѣхъ дивизій, которые имѣли постоянныя квартиры въ губерніяхъ: Казанской, Нижегородской и Московской. Каждый генералъ долженъ былъ взять съ собою небольшой конвой и по дорогѣ распускать слухъ, что за ними идутъ войска. Впослѣдствіи, успокоившись

императрица отмѣнила свое предположеніе и приказала отправить только одного Суворова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было сосредоточить небольшой отрядъ въ Касимовѣ, какъ такомъ пунктѣ, изъ котораго было весьма удобно дѣйствовать на Москву и Нижній-Новгородъ ¹⁾. Съ этою цѣлью главнокомандующему 2-ю арміею предписано было командировать изъ Воронежа въ Касимовъ два гусарскихъ и два пикинерныхъ полка, подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Анолона Волкова ²⁾, а изъ Новгорода отправить въ Москву на подводахъ Лейбъ-кирасирскій полкъ ³⁾ и Смоленскій конный ландмилицискій полкъ ⁴⁾.

«Сверхъ того, совѣтую вамъ, писала императрица князю Волконскому ⁵⁾, призвать къ себѣ московскихъ дворянъ или, по крайней мѣрѣ, таковыхъ изъ нихъ, кои надежны быть могутъ на своихъ людей или же вооруженныхъ имѣютъ и предложите имъ отъ себя, чтобы они, по примѣру предковъ своихъ, вооружили koliko могутъ надежныхъ людей, для общей отъ злодѣевъ обороны. Можайскіе дворяне, во время послѣдняго московскаго мятежа, готовы были во время язвы идти къ Москвѣ. Я чаю, они и нынѣ не откажутся отъ сей службы. На Москвѣ, чаю, найдется много и таковыхъ, кои служатъ и служили: ваше дѣло разбудить ревность вездѣ тутъ, гдѣ она быть можетъ, и, чаю, никто не откажется ее въ семъ случаѣ оказать. Употребите всѣхъ тѣхъ, кои способны быть могутъ, гдѣ-бъ употреблены ни были для общей обороны. Съ моей стороны же ничего не оставляю, чтобъ злу сему сдѣлать конецъ. Неужели, чтобъ съ семью полками вы не въ состояніи найдете Пугачева словить и прекратить безпокойствіе? Я надѣюсь, что Чорба къ вамъ пріѣхалъ. Я фельдмаршалу приказала генераль-поручика Суворова прислать къ вамъ наискорѣе. Боже

¹⁾ Записка императрицы Г. А. Потемкину. *Сборникъ Императ. русск. Историч. общества*, т. XIII, 419.

²⁾ Указъ военной коллегіи князю Долгорукову, отъ 29 іюля 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. V.

³⁾ Указъ военной коллегіи князю Волконскому, отъ 28 іюля 1774 года. Журн. секретн. экспедиціи. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, кн. 54, л. 178.

⁴⁾ Указъ императрицы военной коллегіи 29 іюля 1774 г.

⁵⁾ Отъ 28 іюля. *Осминадцатый Вѣкъ*, кн. I, 113.

дай, чтобъ все сіе въ скоромъ времени прекратилось, въ чемъ и надежду имѣю на святую Его волю.

«Я надежду имѣю на Петра Дмитриевича Еропкина, что онъ вамъ весьма хорошій и усердный помощникъ будетъ въ семь случаѣ. Скажите ему сіе отъ меня. Я увѣрена, что дѣломъ и совѣтомъ онъ васъ не покинетъ».

Уставивъ орудіями всю площадь передъ своимъ домомъ ¹⁾, князь Волконскій усилилъ разъѣзды по городу, приказалъ полиціи зорко слѣдить за всѣми сѣрищами и предполагалъ, въ случаѣ опасности, раздѣлить городъ на части и поручить каждую одному сенатору, а для содержанія внутренней тишины вооружить дворянъ съ ихъ людьми. 25 іюля, московскій главнокомандующій объявилъ московскимъ департаментамъ Правительствующаго Сената, что Пугачевъ двинулся на Курмышъ и намѣренъ сдѣлать покушеніе на Москву. Сенатъ постановилъ разослать приказаніе по всѣмъ городамъ Московской губерніи, чтобы денежные суммы были отправлены въ первопрестольную столицу и всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ самозванца были сообщаемы въ тотъ же день съ нарочными. Сенатъ призывалъ къ самозащитѣ какъ дворянъ, такъ и мѣщанъ, присовокупляя, что всего «пространно предписать не можно, но благоразумный воевода найдетъ случай и способы показать тѣмъ знаменитую отечеству услугу». ²⁾

Получивши это распоряженіе, провинціальныя канцеляріи просили прислать имъ порохъ, ружья, орудія и войска. Князь Волконскій отвѣчалъ, что пока не предвидится въ этомъ надобности, и какъ вся злодѣйская толпа «состоитъ изъ одной сволочи невооруженныхъ крестьянъ безъ артиллеріи и ружей, то всякій градоначальникъ, съ содѣйствіемъ дворянства и мѣщанъ, всѣ его (Пугачева) стремленія *безъ дальняго вооруженія отразитъ можетъ*».

Между тѣмъ, черезъ день послѣ собранія Сената было получено письмо нижегородскаго губернатора Ступишина, въ которомъ

¹⁾ «Записки Волотова», т. III, 378.

²⁾ Вѣдѣніе изъ московскихъ департаментовъ Сената петербургскимъ, 7 августа 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

онъ сообщалъ, что мятежники вступили уже въ Нижегородскій уѣздъ и раздѣлились на двѣ части: одна направилась къ селу Лыскову, а другая — къ Мурашкину. Оба селенія отстояли отъ Нижняго не далѣе 80 верстъ, на двухъ большихъ дорогахъ: первое на нижегородской, а второе на алатырской. 23 іюля, нижегородскій губернаторъ еще не зналъ куда направится самъ Пугачевъ, и считая себя не въ силахъ предпринять что либо къ умиротворенію губерніи, рѣшилъ защищать только крѣпость и просилъ помощи.

«Ваше сіятельство, писалъ онъ князю Волконскому¹⁾, примите трудъ въ таковомъ опаснѣйшемъ случаѣ подать защищеніе и избавить многихъ невинныхъ отъ его варварства». Московскій главнокомандующій тотчасъ же отправилъ въ Нижній 200 человекъ донскихъ казаковъ съ подполковникомъ Архаровымъ, вызвавшимся добровольно командовать этою летучею командою, и сформировалъ отрядъ изъ 300 человекъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, всего Владимірскаго драгунскаго и донскаго казачьяго Краснощекова полковъ, съ нѣсколькими орудіями. Поручивъ этотъ отрядъ генераль-маіору Чорбѣ, князь Волконскій приказалъ ему выступить изъ Москвы и, остановившись въ 50 верстахъ отъ нея, выслать разѣзды по владимірской, коломенской и касимовской дорогамъ. Въ такомъ положеніи Чорба долженъ былъ дожидаться прибытія къ нему Великолукскаго полка и тогда возвратить команду Нарвскаго полка обратно въ Москву, а съ остальными войсками перейти въ наступленіе для истребленія мятежниковъ и усмиренія края²⁾.

Независимо отъ этого, тотчасъ послѣ полученія вышеприведеннаго нами письма императрицы, князь Волконскій собралъ къ себѣ, 3 августа, всѣхъ дворянъ, жившихъ въ Москвѣ и, объявивъ имъ о появленіи мятежническихъ шаекъ въ Нижегородской губерніи, предложилъ сформировать на свой счетъ гусарскій корпусъ и выбрать шефа. Дворяне приняли предложеніе единодушно и избрали

¹⁾ Въ письмѣ отъ 23 іюля 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 17, вѣнга IV.

²⁾ Репортъ князя Волконскаго военной коллегіи 29 іюля 1774 г., № 121. Тамъ же. Воеводѣ. донесеніе его же, отъ 4 августа. Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

шефомъ графа Петра Борисовича Шереметева. Собрание постановило, чтобы каждый дворянинъ поставилъ столько гусаровъ, сколько можетъ, но изъ людей вполне надежныхъ, хорошо вооруженныхъ и добробонныхъ. Гусары должны были жить въ домахъ своихъ господъ и собираться для обученія по приказанію шефа, на обязанность котораго возложено раздѣлить ихъ на эскадроны, обучить ихъ и снабдить офицерами и унтеръ-офицерами ¹⁾. При этомъ князь Алексѣй Хованскій, имѣвшій суконную фабрику, пожертвовалъ на обмундированіе гусаръ 6,000 аршинъ сукна безденежно ²⁾.

«Здѣсь, писалъ князь Волконскій ³⁾, за раскольниками недреманнымъ окомъ черезъ полицію смотрю, но еще никакого подозрѣнія найти не могу; впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, здѣсь все тихо и страхъ у слабыхъ духомъ уменьшается».

Не такъ смотрѣлъ на спокойствіе первопрестольной столицы графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, уже предваренный братомъ, что императрица имѣетъ въ виду назначить его главнокомандующимъ всѣми войсками, употребленными для усмиренія возстанія. Въ его интересахъ было представить состояніе дѣлъ въ болѣе печальномъ положеніи, чтобы получить болѣе обширныя полномочія и усилить свои заслуги. Графъ П. И. Панинъ увѣрялъ своего брата, что жители Москвы и «весь родъ всего дворянства терзаются внутренно и обливаются слезами, ужасаясь и ожидая съ собою жребія, случившагося въ Казанскомъ форштадтѣ; что они, видя обширный городъ обнаженнымъ отъ войскъ, не знаютъ что дѣлать, куда и когда отправлять свои семейства ⁴⁾». Графъ П. И. Панинъ просилъ брата пасть къ ногамъ государыни, вмѣсто него, омыть ихъ слезами благодарности за возобновленіе довѣренности и увѣрить ее, «что никто никогда въ ненарушимой моей вѣрности и усердіи

¹⁾ Постановленіе московскаго дворянства 3 августа 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 527. Кн. Волконскій обязался поставить 12 гусаровъ.

²⁾ Всеподдан. письмо князя Волконскаго 19 августа 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 503. Впослѣдствіи, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, корпусъ этотъ не былъ окончательно сформированъ.

³⁾ Во всеподдан. донесеніи отъ 4 августа 1774 г. Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁴⁾ Письмо графа П. И. Панина къ графу Н. И. Панину, отъ 26 іюля 1774 г. *Сборникъ Императ. русск. Историч. общества*, т. VI, 77.

собственно къ ея величеству и къ отечеству не превосходить и не превзойдетъ, потому что я не притворствомъ, но существомъ службы на оное готовъ былъ и смь всегда посвящать мой животъ».

«Повелѣвайте, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ въ тотъ же день Екатеринѣ ¹⁾, и употребляйте въ семъ случаѣ всеподданнѣйшаго и вѣрнаго раба своего по вашей благоугодности. Я теперь мысленно павъ только къ стопамъ вашимъ съ орошеніемъ слезъ приношу мою всенижайшую благодарность за всемилостивѣйшее меня къ тому избраніе, и дерзаю всеподданнѣйше испрашивать той полной ко мнѣ императорской довѣренности и власти, въ снабженіяхъ и пособіяхъ, которыхъ требуетъ настоящее положеніе сего важнаго дѣла и столь далеко распространившася весьма несчастливаго приключенія».

Довѣренность и власть, о которыхъ мечталъ графъ П. И. Панинъ, были весьма обширны. Онъ желалъ, чтобы ему были подчинены не только войска, но все гражданское населеніе, судебныя мѣста, правительственныя учрежденія, городскія управленія и чтобы надъ всѣмъ подчиненнымъ ему населеніемъ онъ имѣлъ власть *жизноти и смерти*; чтобы онъ имѣлъ право избирать себѣ сотрудниковъ, ставить правителей и удалять ихъ; чтобы онъ, не испрашивая каждый разъ повелѣнія, могъ по своему произволу и усмотрѣнію распоряжаться всѣми войсками, находящимися внутри Имперіи; чтобы къ нему было прислано тотчасъ же изъ каждаго полка гвардіи по 8 человекъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и по 50 человекъ изъ каждаго гренадерскаго полка. Изъ нихъ онъ намѣренъ былъ составить себѣ конвой, какъ доказательство «строгаго попеченія о злодѣйскомъ пресѣченіи ея императорскаго величества». Сверхъ того, графъ П. И. Панинъ просилъ, чтобы ему была отпущена достаточная сумма денегъ, но не ассигнаціями, а золотомъ и серебромъ; чтобы ему было прислано подробное росписаніе войскъ, употребленныхъ для усмиренія бунта и списокъ генераловъ.

«Вотъ любезнѣйшій другъ, прибавлялъ онъ въ письмѣ брату ²⁾,

¹⁾ Сборникъ Импер. русскаго Историч. общества, т. VI, 79.

²⁾ Отъ 26 июля. Сборникъ Историч. общества, т. VI, 78.

по первымъ моимъ соображеніямъ всё тѣ пункты, которые мнѣ теперь предсказывали единственныя истинныя вѣрность и усердіе къ возлагаемому на меня дѣлу, *безъ помышленія отнюдь ни въ чемъ никакого собственнаго вида и прихоти*, въ томъ будьте вы за меня порукою и представителемъ въ исходатайствованіи мнѣ оныхъ, такъ какъ и впередъ лучшимъ нежели прежде о защищеніи меня и подчиненныхъ моихъ отъ завистниковъ и клеветниковъ, дышущихъ и живущихъ въ своихъ званіяхъ не прямыми дѣйствіями службы, но единственными ухищреніями происковъ, на превозмуженіе власти своей надъ истинными заслугами».

Ревностный защитникъ интересовъ брата, графъ Н. И. Панинъ съ своей стороны представилъ императрицѣ полученное письмо и записку, въ которой предлагалъ: сообщить графу Петру Панину всё свѣдѣнія о секретныхъ комиссіяхъ и подчинить ихъ ему, а также разрѣшить вопросъ о содержаніи какъ самому главнокомандующему, такъ и находящимся при немъ лицамъ ¹⁾.

Письмо и записка ясно указали императрицѣ на непомерное властолюбіе обоихъ братьевъ. «Увидишь, голубчикъ, изъ приложенныхъ при семь штукъ, писала она Г. А. Потемкину ²⁾, что господинъ графъ Панинъ изъ брата своего изволить дѣлать властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части Имперіи, т.-е. Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ, а *sous-entendu* есть и прочія; что если сіе я подпишу, то не томо князь Волконскій будетъ и огорченъ и смѣшонъ, но я сама нималѣйше не сбережена, *но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ Имперіи хвалю и возвышаю*. Вотъ вамъ книга въ руки: изволь читать и признавай, что гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше».

Уступая навязчивости графа Н. И. Панина и отчасти мнѣнію его партіи, императрица 29 іюля назначила графа Петра Ивановича Панина главнокомандующимъ войсками ³⁾: Пожаловавъ ему 5,000

¹⁾ Сборникъ Историческаго общества, т. XIII, 421.

²⁾ Тамъ же, т. XIII, 420.

³⁾ Указъ Сенату отъ 29 іюля 1774 г. Арх. Сената, Именные указы, кн. № 136.

рублей на подъемъ и 5,000 на чрезвычайные расходы, Екатерина подчинила ему только тѣ войска, которыя были уже назначены для истребленія мятежа и находились на театрѣ дѣйствій, и гражданское управленіе въ губерніяхъ Казанской, Оренбургской и Нижегородской, «яко такія три губерніи, въ которыхъ развратъ и неустройство духовъ уже открылось». Предоставляя гр. П. И. Панину замѣщать только тѣ военныя и гражданскія должности, которыя остались вакантными лицами по его выбору и хорошо ему извѣстными, императрица не подчинила ему ни секретныхъ комиссій, ни предоставила власти *«живота и смерти»* въ подчиненныхъ ему губерніяхъ. Напротивъ того, зная характеръ графа П. И. Панина и его взгляды относительно такъ называемой черни, Екатерина II старалась указать ему, что всякая жестокость ей неавиѣстна. «Намѣреніе наше, писала она гр. П. И. Панину ¹⁾, въ порученіи вамъ отъ насъ сего государственнаго дѣла не въ томъ одномъ долженствуетъ состоять, чтобъ *поражать, преслѣдовать и истреблять злодѣевъ*, оружіе противъ насъ и верховной нашей власти воспріавшихъ, но паче въ томъ, чтобъ послѣднее возможно, *сокращая пролитіе крови заблуждающихся*, кое для матеряго и челоувѣколюбиваго нашего сердца толь оскорбительно, возвращать ихъ на путь исправленія, черезъ истребленіе мглы, духи ихъ помрачившей, возстановлять вездѣ повиновеніе, покой и безопасность внутренняго гражданскаго общежитія и приводить опять всѣ разстроенныя части государственнаго правленія въ прежній ихъ порядокъ».

Для этой послѣдней цѣли гр. Панинъ былъ снабженъ открытымъ указомъ, въ которомъ императрица требовала отъ гражданскихъ и духовныхъ властей полнаго содѣйствія главнокомандующему и безпрекословнаго исполненія всѣхъ его приказаній, *«на основаніяхъ государственныхъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ законовъ»* ²⁾.

Такимъ образомъ, Екатерина II сдѣлала все, чтобы поставить

¹⁾ Въ рескриптѣ отъ 29 іюля 1774 г. *Сборникъ Импер. русскаго Историч. общества*, т. VI, 82.

²⁾ Открытый указъ императрицы отъ 29 іюля 1774 г. *Сборникъ Импер. русскаго Историч. общества*, т. VI, 84.

новаго главнокомандующаго въ извѣстныя рамки и не дать ему той обширной власти, которую онъ намѣтилъ въ письмѣ къ брату отъ 26 іюля.

Все это очень не нравилось обоимъ братьямъ. Графъ Никита Панинъ писалъ брату, что онъ «съ перваго дня примѣтить могъ, что сколько по разсудку употребленіе тебя къ настоящему твоему дѣлу *ни сочтено было совершенно нужнымъ (?) и необходимымъ*, однако столько же по послѣдней мѣрѣ сочтено оное внутренно крайнимъ и чувствительнымъ себѣ уничиженіемъ, и слѣдовательно растроганное симъ чувствіе обратилось все противъ меня, а тотъ (Потемкинъ), которому бы надобно было мнѣ служить подпорою, уже отъ нѣкотораго времени забылъ всѣ свои передо мною обѣты, и хотя, какъ я думаю, не сдѣлался мнѣ еще врагомъ, но по послѣдней мѣрѣ, по рвенію своего высокоумія и надменности, оставилъ меня такъ, какъ и многихъ другихъ, въ которыхъ увидѣлъ онъ, что болѣе ему нѣтъ собственной нужды».

Тѣмъ не менѣе, графъ Никита Панинъ все еще пытался добиться болѣе широкихъ полномочій брату и съ этою цѣлью объяснялся съ Г. А. Потемкинымъ, «съ которымъ, по его словамъ¹⁾, никакое и никогда объясненіе мѣста имѣть не можетъ, потому что онъ ничего не внемлетъ или внимать не хочетъ, а все рѣшить дерзостію своего ума». Принудивъ однакоже Потемкина прочесть письмо брата, графъ Никита Панинъ получилъ отъ него отвѣтъ, что всѣ пункты, испрашиваемые главнокомандующимъ, разрѣшены отправленными уже къ нему наставленіями; что императрица написала ему письмо, что вѣдомости о войскахъ отправлены будутъ и проч.

Графъ Н. Панинъ былъ недоволенъ такимъ отвѣтомъ и считалъ себя обиженнымъ. «Я увѣренъ, мой любезный другъ, писалъ онъ брату, что ты собственнымъ своимъ проницаніемъ уже довольно постигнешь, въ какомъ критическомъ положеніи я теперь, и какъ очевидно извлекають меня изъ участвованія въ твоёмъ дѣлѣ, какъ будто бы въ возмездіе тому, что крайность привела

¹⁾ Письмо гр. Н. Панина къ графу П. Панину отъ 2 августа 1774 г. *Сборникъ Импер. русскаго Историч. общества*, т. VI, 86.

къ употребленію тебя, а изъ сего выходитъ самое притѣсненіе и всѣмъ моимъ дѣламъ. Честью и совѣстью тебѣ клянусь, мой другъ, что одинъ только настоящій кризисъ о спасеніи отечества можетъ меня удерживать, послѣ чего истинно ничто въ службѣ не остановитъ. Намъ уже и на остатокъ нашего короткаго вѣка быть не можетъ никакого другаго средства и положенія спасти намъ свои сѣдины и закрыть глаза съ тѣмъ именемъ въ нашемъ отечествѣ, которое мы себѣ приобрѣли».

Графъ Никита Панинъ просилъ брата для его собственныхъ соображеній и дальнѣйшаго поведенія сообщать ему копии со всѣхъ писемъ императрицы и въ особенности съ перваго, которое, по словамъ Потемкина, было написано на двухъ листахъ. Въ этомъ письмѣ Екатерина сообщала подробно о войскахъ, поступающихъ въ распоряженіе главнокомандующаго, и совѣтовала ему согласоваться во всемъ съ княземъ Волконскимъ, «дабы въ семъ важномъ случаѣ ничего проронено не было» ¹⁾.

Понимая, что предвидуція обстоятельства, когда гр. П. Панинъ находился подъ надзоромъ кн. Волконскаго, могли поселить вражду между этими лицами, императрица просила московскаго главнокомандующаго забыть все и содѣйствовать графу П. Панину въ усмирении мятежа. «Для Бога, писала она кн. Волконскому ²⁾, для меня и для государства, если между вами есть несогласія, оставьте ихъ и сдѣлайте въ семъ случаѣ дружелюбно общее дѣло, дабы тѣмъ наискорѣе истребить народнаго злодѣя. Вашими распоряженіями я довольна и желаю вамъ всякаго блага. Ободрите духи и дайте имъ вашей и моей бодрости при сихъ *печальныхъ, но отнюдь не отчаянныхъ* обстоятельствахъ. Я всевозможныя мѣры беру къ вашему вспоможенію, а можетъ статься, что и сама къ вамъ буду и съ сыномъ».

Князь Волконскій отвѣчалъ, что никакой злобы къ гр. П. Панину онъ не имѣетъ и будетъ содѣйствовать ему во всемъ.

«Мнѣ столь сія монаршая милость чувствительна, писалъ онъ, что ежели-бъ и подлинно въ непримиримой злобѣ я съ нимъ

¹⁾ Письмо Екатерины II графу Панину 29 іюля. Сб. Ист. Общ., т. VI, 88.

²⁾ Въ письмѣ отъ 30 іюля 1774 г. *Оснадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 115.

былъ, то конечно-бъ для пользы службы вашей и для общаго добраго успѣха, а паче всего исполняя волю вашу государскую, всѣ бы остатки въ сердцѣ недружбы выкинулъ; но по истинѣ, всемилостивѣйшая государыня, я никакой злобы противъ него не имѣю, развѣ только какъ обыкновенно между равными бываетъ *jalousie de métier*; но и то, все оставивъ, чистосердечно и во всемъ ему, что до меня касаться будетъ, стану искренно и усердно помогать. Помогите ему Всевышній положенное на него великое дѣло исправить, что и не сумнѣваюсь, довольно зная его способныя качества, усердіе и бодрый духъ».

Съ своей стороны графъ П. И. Панинъ также завѣрялъ императрицу, что «съ княземъ Михаиломъ Никитичемъ отъ самой нашей молодости не имѣли мы и не имѣемъ ничего развращающаго пріятельскій союзъ нашъ, который по высочайшей волѣ вашей сохранить я еще сугубѣе всячески тщиться буду» ¹⁾.

И дѣйствительно, 2-го августа гр. Панинъ получилъ рескриптъ императрицы о назначеніи его главнокомандующимъ, а на слѣдующій день кн. Волконскій уже писалъ императрицѣ, что онъ отдалъ въ его распоряженіе отрядъ генераль-маіора Чорбы, состоявшій изъ Великолуцкаго пѣхотнаго и Владимірскаго драгунскаго полковъ, двухъ эскадроновъ гусаръ Венгерскаго полка подъ начальствомъ полковника Древица, донскаго Краснощекова полка и 8 орудій ²⁾,— всего численностью въ 3,162 человекъ ³⁾.

Остальныя войска подходили къ Москвѣ, или сосредоточивались на главнѣйшихъ пунктахъ и наиболѣе вѣроятныхъ театрахъ дѣйствій. Такъ, въ Оренбургѣ сверхъ обыкновеннаго гарнизона находились: 7-я и 8-я легкія полевыя команды и подвижной отрядъ князя Долгорукаго, который, защищая окрестности города, обязанъ

¹⁾ *Записки Академіи наукъ*, т. III.

²⁾ Всепод. письмо князя Волконскаго императрицѣ отъ 3 августа 1774 года. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, 116.

³⁾ Въ Великолуцкомъ полку было 46 офицеровъ, 1,581 нижнихъ чиновъ; въ Владимірскомъ драгунскомъ—21 офицеръ, 723 нижнихъ чиновъ; въ двухъ эскадронахъ Венгерскаго гусарскаго — 12 офицеровъ, 292 нижнихъ чиновъ; въ донскомъ Краснощекова—1 офицеръ, 486 нижнихъ чиновъ—всего 3,162 человекъ. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. «Матер. для исторіи Пугачевского бунта». Я. К. Грота. *Записки Академіи наукъ*, т. III, стр. 29 (Приложеніе).

былъ поддерживать сообщеніе по ново-московской дорогѣ и сохранять связь съ Бугульмою. На половинѣ пути отъ Оренбурга по ново-московской дорогѣ стоялъ секундъ-маіоръ Юшковъ съ командою, а въ Бугульмѣ—полковникъ Кожинъ съ отрядомъ. Въ Башкиріи по рѣкѣ Бѣлой отъ Уфы къ Оренбургу дѣйствовалъ отрядъ полковника Шепелева и находились неподвижные гарнизоны въ дер. Богучанахъ, Стерлитамакской соляной пристани и въ пригородѣ Табынскѣ. Защита Верхне-Яицкой линіи была возложена на отрядъ генераль-маіора Фреймана; городъ Уфа былъ обезпеченъ собственнымъ гарнизономъ и прикрытъ отрядомъ подполковника Рылѣва, который обязанъ былъ сохранять постоянную связь съ отрядами Шепелева и полковника Якубовича, стоявшаго на половинѣ пути отъ Уфы къ Бугульмѣ и къ Мензелинску. Въ Кунгурѣ находился отрядъ подполковника Попова, въ Красноуфимскѣ — маіора Гагриня, въ Екатеринбургской провинціи — отрядъ маіора Жолобова, обязанный поддерживать непрерывную связь съ отрядомъ генераль-поручика Деколонга, назначеннаго для обезпеченія Сибирской линіи и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи семь легкихъ полевыхъ командъ (съ № 9-го по № 15-й).

До возстанія за р. Волгою, отрядъ генераль-маіора Мансурова находился въ Яицкомъ-городкѣ, но съ переправою Пугачева черезъ эту рѣку Мансуровъ двинулся въ Сызрани, а въ Яицкомъ-городкѣ остался полковникъ Симоновъ съ двумя некомплектными легкими полевыми командами. Преслѣдованіе Пугачева было возложено на отряды графа Меллина, Муфеля и полковника Михельсона; резервомъ для нихъ служилъ отрядъ князя П. М. Голицына.

Сверхъ того, главнокомандующій 2-ю арміею князь Долгоруковъ еще до полученія указа военной коллегіи, по требованію вроннежскаго губернатора, выслалъ изъ Крыма генераль-маіора графа Муссина-Пушкина съ 10-ю эскадронами Псковскаго и Ямбургскаго карабинерныхъ полковъ, 500-ми драгунъ Астраханскаго полка и 10-ю эскадронами Бахмутскаго и Молдавскаго гусарскихъ полковъ. Изъ той же арміи были отправлены: Рязскій пѣхотный полкъ къ Бахмуту; 5 ротъ пѣхоты съ артиллеріею выдвинуты изъ-за Буга и направлены на Полтаву. Стоявшему за Дономъ отряду генераль-маіора князя Багратіона приказано переправиться черезъ рѣку и

подвигаться впередъ. Получивъ же указъ военной коллегіи, князь Долгорукій приказалъ генераль-маіору Фризелю взять изъ отряда Муссина-Пушкина два гусарскихъ полка и слѣдовать поспѣшнѣе къ Касимову, гдѣ и сдать ихъ генераль-маіору Волкову, а полкамъ Донецкому пикинерному изъ Крыма и Луганскому съ Кубани слѣдовать въ свои границы ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ распоряженіе новаго главнокомандующаго частію поступили, а частію должны были поступить громадныя силы. «Итакъ, кажется, писала Екатерина графу П. И. Панину ²⁾), противу воровъ столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армія и сосѣдямъ была». Въ самомъ дѣлѣ, на театрѣ дѣйствій уже находились 7 полковъ и 3 роты пѣхоты ³⁾, 9 легкихъ полевыхъ командъ ⁴⁾, 18 гарнизонныхъ баталіоновъ ⁵⁾, семь полковъ и 11 эскадроновъ регулярной кавалеріи ⁶⁾, четыре донскихъ полка, 1,000 малороссійскихъ казаковъ ⁷⁾, казанскій и пензенскій дворянскіе корпусы. Если прибавить къ этому войска, высланныя княземъ Долгоруковымъ и отрядъ генераль-поручика Деколонга, то нельзя не сознаться, что противу Пугачева, подъ конецъ его дѣйствій, была выставлена цѣлая армія.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго главнокомандующаго было отправленіе полковника Древица съ двумя эскадронами Венгерскаго гусарскаго полка, однимъ эскадрономъ Владимірскаго драгунскаго полка, 30 донскими казаками и 3 орудіями на Перея-

¹⁾ Рапортъ князя Долгорукаго военной коллегіи, отъ 15 августа 1774 г., № 680. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. V.

²⁾ Въ письмѣ отъ 30 іюля 1774 года. *Сборникъ историческаго общества*, т. VI, стр. 86.

³⁾ Полки: 2-й гренадерскій, Владимірскій, Томскій, Нарвскій, Великолуцкій, Воронежскій, Ладожскій, гренадерская рота Вятскаго и 2 роты Алексопольскаго полковъ.

⁴⁾ Легкія полевыя команды: 1-я, 6-я, 7-я, 8-я, 16-я, 22-я, 23-я, 24-я и 25-я.

⁵⁾ Четыре баталіона оренбургскихъ, 3 казанскихъ, 1 нижегородскій, 3 московскихъ, 2 царичынскихъ, 1 саратовскій и 4 астраханскихъ.

⁶⁾ С.-Петербургскій и Архангелогородскій карабинерные, Владимірскій драгунскій, Лейбъ-кирасирскій, Смоленскій конный, Чугуевскій казачій, Изюмскій гусарскій, 4 эскадрона Венгерскаго гусарскаго и семь поселенныхъ гусарскихъ эскадроновъ.

⁷⁾ Вѣдомость войскамъ, приложенная при указѣ военной коллегіи графу Панину. 30 іюля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга V.

славль-Рязанскій и Рязскъ, съ цѣлью прикрыть Москву, если бы самозванецъ повернулъ на Тамбовъ ¹⁾). Графъ Панинъ и князь Волконскій болѣе всего опасались этого, и потому главнокомандующій хотя и предписалъ полковнику Михельсону преслѣдовать Пугачева вмѣстѣ съ отрядами графа Меллина и Муфеля, но просилъ его сохранить за собою такое положеніе, чтобы «не только самому самозванцу со всѣмъ его скопищемъ, ниже и отряженнымъ какими либо отъ него полкамъ на какое либо поврежденіе здѣшняго города» покуситься было невозможно ²⁾). Съ этою же самою цѣлью графъ П. Панинъ обѣщалъ князю Волконскому не удалять отрядъ Чорбы отъ Москвы до тѣхъ поръ, пока не придутъ всѣ назначенные полки, и просилъ императрицу отправить находившіяся въ Смоленскѣ пѣхотныя роты черезъ Калугу къ Шацку и часть полковъ изъ Турціи и Крыма ввести въ границы для усмиренія черни и въ предупрежденіе появленія одновременно нѣсколькихъ Пугачевыхъ ³⁾).

Представляя картину всеобщаго возстанія на правомъ берегу р. Волги и полнѣйшаго неповиновенія крестьянъ своимъ помѣщикамъ, графъ П. Панинъ, хотя и не могъ отрицать, что въ его распоряженіе назначено много войскъ, но просилъ императрицу обратить вниманіе на пространство, охваченное бунтомъ, и на сколько частей необходимо раздѣлить войска, чтобы они могли поспѣвать всюду.

«Нельзя, всемилостивѣйшая, государыня, не полагать, доносилъ онъ ⁴⁾), чтобы и всѣ прежде упражненныя на сего злодѣя войска, гонявшіеся за нимъ по такому великому пространству земли и во всякое безъ изыятія суровое годовое время, не могли уже быть въ гораздо слабомъ состояніи, особливо лошадьми, и не

¹⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе князя Волконскаго, отъ 10 августа. Государств. Арх., VI, дѣло № 503. Письмо его же П. Потемкину 22 августа. Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

²⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе графа П. Панина, отъ 3 августа 1774 года. *Сборникъ историческаго общества*, т. VI, стр. 90.

³⁾ Всеподданнѣйшія донесенія графа П. Панина 4 и 10 августа 1774 года. Тамъ же.

⁴⁾ Отъ 10 августа 1774 года. *Сборникъ Императ. русскаго Историч. общества*, т. VI, стр. 99.

пришли бы они въ крайнее изнуреніе, по послѣшному теперь перенесенію себя къ тѣмъ мѣстамъ, куда злодѣй уже достигнулъ. Къ поправленію же и снабженію себя не могли они имѣть другихъ средствъ, какъ по разореннымъ злодѣемъ уже мѣстамъ, кромѣ таковыхъ, которые бы поселянъ утверждать могли, что войска вашего императорскаго величества сохранители ихъ цѣлости, но насупротивъ того злодѣй Пугачевъ не щадя ничего, ниже самой жизни невинныхъ людей, снабжается и помогаетъ себѣ всѣмъ тѣмъ, что у кого гдѣ ему понадобится».

Въ ожиданіи усиленія себя войсками, графъ П. Панинъ предписалъ Древицу идти на Шацкъ и распускать слухъ, что за нимъ идетъ самъ главнокомандующій съ 10,000 отрядомъ, для котораго и требовать по городамъ заготовленія продовольствія и фуража. Древицъ уполномоченъ былъ наиболѣе важныхъ преступниковъ казнить смертью, а остальныхъ наказывать тѣлесно и объявить всѣмъ: кто доставитъ Пугачева живымъ, тотъ сверхъ денежнаго вознагражденія получить въ «податяхъ всегдашнюю отъ оныхъ и семьи ихъ отъ рекрутскихъ наборовъ свободу» ¹⁾.

Графу П. И. Панину такъ хотѣлось скорѣе поймать Пугачева, что уступая своему характеру, деспотическому и нелюбящему противорѣчій, онъ разсыпалъ похвалы своимъ подчиненнымъ и умолялъ ихъ о содѣйствіи. Разбитіемъ Пугачева, истребленіемъ мятежниковъ и поимкою самозванца, писалъ онъ Древицу, «ваше высокоблагородіе сдѣлать можете заслугу передъ ея императорскимъ величествомъ и передъ всею Имперією важности въ самой вышней степени, на воздаяніе не только вамъ, но и потомкамъ вашимъ, *на благодарность отъ всѣхъ сыновъ російскихъ, и на прославленіе имени вашего дотолъ, доколъ сія Имперія стоятъ будетъ. А ко мнѣ сдѣлаетесь вы не подчиненнымъ, но обязательнымъ навсегда другомъ*».

Точно также въ предписаніи Михельсону ²⁾ главнокомандующій

¹⁾ Ордеръ графа П. Панина полковнику Древицу отъ 9 августа. Государ. Арх., VI, дѣло № 490. См. также *Записки Академіи наукъ*, т. XXV, приложение № 4, стр. 8.

²⁾ Отъ 15 августа 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, приложение № 4, стр. 14.

выражалъ увѣренность, «что ознаменовавпийся нашъ герой *Михельсонъ*, конечно, не оставитъ по всей своей силѣ, по возможностямъ и по истиннымъ вѣрности и усердію къ своей великой императрицѣ, произвести на поражение и низложение злодѣя самое лучшайшее по своей храбрости и военному искусству».

На Михельсона главнокомандующій возлагалъ главнѣйшую свою надежду ¹⁾, хотя и сознавалъ, что исполненіе даннаго ему порученія представляетъ громадныя затрудненія, въ виду всеобщаго возстанія населенія и участія въ томъ духовенства.

Поведеніе духовенства значительно усложняло дѣло по усмиренію возстанія и содѣйствовало Пугачеву къ убѣжденію народа, что онъ есть истинный государь, а не самозванецъ. Поэтому, какъ только было получено донесеніе о происшествіи въ Саранскѣ и о поступкахъ тамошняго духовенства, графъ П. И. Панинъ просилъ императрицу повелѣть Синоду издать увѣщаніе и «угроженія», что всѣ тѣ духовныя лица, которые не только пристанутъ къ мятежникамъ, но и тѣ, которые окажутъ имъ какое либо содѣйствіе, лишаются духовнаго званія и подвергаются гражданскому суду и наказанію ²⁾.

Подобныя поступки духовенства, какъ пастырей духовныхъ, подавали, конечно, большой соблазнъ народу; и потому Святѣйшій Синодъ, «имѣя о спасеніи церкви Христовой неусыпное попеченіе», въ засѣданіи 20 августа постановилъ напечатать два увѣщанія: одно къ духовенству, а другое къ народу. Увѣщанія эти приказано было читать во всѣхъ церквахъ и затѣмъ предоставлено право епархіальнымъ архіереямъ, не испрашивая разрѣшенія Синода, арестовать виновныхъ, лишать духовнаго сана и передавать гражданскому начальству, для дальнѣйшаго изслѣдованія ихъ преступленій ³⁾.

«Аще когда, писалъ Синодъ духовенству ⁴⁾, но нынѣ напаче

¹⁾ Всеподдан. донесеніе графа Панина, отъ 19 августа 1774 г., № 8. *Сборникъ Император. русск. историч. общества*, т. VI, стр. 114.

²⁾ Всеподдан. донесеніе графа П. Панина, отъ 10 августа 1774 года. *Сборникъ истор. общ.*, т. VI, стр. 100.

³⁾ Постановленіе Синода 20 августа. Архивъ Синода, д. № 5.

⁴⁾ Архимандритамъ, игуменамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, монашествующимъ и всему причту. См. приложение № 1.

обязаны вы вспомнить долгъ вашъ. Вообразите часть, въ который вы, приступая къ престолу Бога, дали клятву сему Всевышнему Существу тако пещись о врученной вамъ паствѣ, какъ и о себѣ самихъ. Сія ваша клятва равно обязуетъ васъ дать Богу отвѣтъ о врученныхъ вамъ, какъ и о себѣ. Часъ смерти вашей и день суда Божія требуютъ отъ васъ онаго, ежели и единъ изъ нихъ погибнетъ.

«Видите вы, что діаволъ нападаетъ на стадо Христово и напелъ себѣ орудіе злодѣйственнѣйшаго разбойника, врага отечества и церкви... Сіе есть время, въ которое вы оныя свои обѣщанія исполнить должны. Нынѣ покажите себя достойными имени истинныхъ пастырей.

«Видите, что волкъ похищаетъ овцы отъ стада Христова: не бѣжите яко наемники, но паче вооружитесь силою слова Божія и возъмѣйте попеченіе о спасеніи ихъ, дабы они не были корыстію ищущаго погибели ихъ и ни единъ не пріобщался его богопротивнымъ разглашеніямъ и начинаніямъ. Наполните сердца ваши ревностью христіанскою, докажите любовь и усердіе, достойное пастырей церкви».

«Вы христіане, писалъ Синодъ въ увѣщаніи народу ¹⁾, вы тѣ, которые желаете, чтобъ Богъ излилъ на васъ свои милости въ сей жизни; вы желаете чтобъ ваши труды благословенны были успѣхами; вы желаете, чтобы благословіе Его почивало на домахъ вашихъ; вы желаете, чтобы жизнь ваша была угодна Богу и спасительна для васъ, и чтобъ вы въ спокойствѣ препровождали оную; вы желаете, чтобъ смерть не наносила вамъ страха, но съ радостнымъ увѣреніемъ предали души ваши въ руки Бога, пекущагося о спасеніи вашемъ; вы желаете, чтобъ и въ будущей жизни прославлены были тою славою, каковую Богъ любящимъ Его и исполняющимъ святыи Его законъ уготовалъ и были-бъ участниками блаженства святыхъ апостоловъ, пророковъ, святителей, преподобныхъ и мучениковъ. Потщитесь исполнить Божія повелѣнія, и сн желанія ваши исполнятся.

«Итакъ, вы при толь святомъ расположеніи вашей души мо-

¹⁾ См. приложение № 2.

жете-ли безъ отвращенія помыслить, а паче воззрѣть на злодѣя, бѣглаго донскаго казака Пугачева, врага церкви и отечества... Не ужаснетесь-ли вы, когда услышите проклятiя, которыя Богъ на таковыхъ преступниковъ ниспосылаеть... Можетъ-ли убо кто пожелать, чтобъ оныя его постигли? Можетъ-ли кто пожелать, чтобъ проклять онъ былъ во градѣ и на селѣ и чтобъ прокляты были житницы его и останки его; чтобъ прокляты были жена и дѣти его, стада воловъ и овецъ и плоды земли, чтобъ онъ когда входилъ въ домъ, или исходилъ изъ дома своего, клятва Божiя вездѣ послѣдовала ему.

«Большо ужасно сіе! Ужасно! но неизбежно держащимъ противъ законенной Богомъ власти злодѣямъ!

«Но вы паче вообразите оный послѣдній часъ, въ который вы будете оканчивать жизнь вашу; вообразите тотъ страшный часъ, въ который Богъ потребуеть отъ васъ отвѣта о вашей жизни: вспомните тотъ часъ, въ который гласъ Божiй позоветъ васъ на судъ и вы должны будете отвѣчать не только о дѣлахъ или словахъ, но и о самыхъ помышленiяхъ вашихъ. Что вы скажете въ часъ смерти вашей, что вы скажете на страшномъ судѣ, когда Богъ потребуеть отъ васъ отвѣта? Я въ лицѣ своемъ, скажетъ Богъ, поставилъ надъ вами сію государыню вашу и помазанницу мою: были-ль вы почтительны къ ней? Вы не только въ томъ, что сдѣлали, или что говорили, но и что помыслили противъ ея отвѣчать будете; всякое изъ сихъ беззаконiе сдѣлаеть васъ безответными, ибо оно есть противъ величества самого Бога. Касаясь ихъ, глаголетъ Господь, касается зеницы оба Моего.

«Православные христiане! Любовь Бога должна васъ паче отвращать отъ противящагося Божiю закону Пугачева. Вы любите ближняго, отвратитесь отъ сего врага отечества. Вы желаете быть спасены—не сообщайтесь сему погибельному человѣку. Онъ злодѣй человѣчества; онъ врагъ Богу, церкви и отечеству. Отвратитесь вы отъ него, паче отвратитесь его злодѣйства, чтобъ ваши подвиги соплетали вамъ вѣнцы въ небѣ и уготовляли жилище въ блаженствѣ вѣчномъ».

На воззванiя эти, написанныя въ первый разъ простымъ языкомъ, доступнымъ для пониманiя простолюдиновъ, возлагались

большія надежды, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ до правительства дошли слухи, что будто бы большинству послѣдователей самозванца и въ особенности яицкимъ казакамъ, наскучила скитальческая жизнь, и они рѣшились связать и выдать Пугачева.

Поводомъ къ такимъ слухамъ послужило прибытіе въ Петербургъ купца Долгополова.

IX.

Прибытіе въ Петербургъ купца Долгополова. — Письмо, сочиненное и поданное имъ князю Г. Г. Орлову отъ имени яицкихъ казаковъ. — Свиданіе его съ княземъ Орловымъ и аудіенція въ кабинетѣ императрицы. — Командировка капитана Галяхова и инструкція ему данная.

Оставаясь въ толпѣ мятежниковъ, Долгополовъ видѣлъ, что добра не будетъ и потому сталъ придумывать иной способъ для поправленія своихъ обстоятельствъ. Онъ пытался разузнать мнѣніе казаковъ о самозванцѣ, и если представится возможнымъ, то склонить ихъ къ выдачѣ Пугачева.

— Государь - то въ бородѣ, говорилъ однажды Долгополовъ Перфильеву, — и кажется не похожъ на того, котораго я видѣлъ въ Ранбовѣ (Ораніенбаумѣ).

— Ну, братъ, отвѣчалъ Перфильевъ, — у всякаго человѣка лицо переѣнится, когда обростетъ бородою.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ Долгополова, да и Перфильевъ видѣлъ, что этотъ разговоръ начать не - сироста.

— Ты, конечно, сказалъ онъ Долгополову, — еще что-то хотѣлъ говорить; у тебя видно есть еще что-нибудь на умѣ: говори, не опасайся; все, что скажешь, все будетъ тайна, я не обнесу.

— Вѣдь это не государь?

— Мы и сами видимъ, отвѣчалъ Перфильевъ, — что не государь, да ужъ такъ быть, коли въ дѣло вступили. Домой показаться нельзя, вслѣкъ знаетъ, что мы были у него въ командѣ. Я самъ былъ въ Петербургѣ и меня графъ Орловъ просилъ,

чтобы связать и привезти живого Пугачева и денегъ мнѣ больше ста рублей даль.

— Буде вы согласны это сдѣлать, замѣтилъ Долгополовъ, то напишите письмо князю Г. Г. Орлову, а я отвезу.

Перфильевъ не отвѣтилъ ни слова на это предложеніе и разговоръ прекратился, но Долгополовъ видѣлъ, что большинство казаковъ недоволено своимъ положеніемъ и желало бы выдти изъ него.

— Долго ли намъ волочиться съ мѣста на мѣсто, говорили они; — дома свои мы оставили и всякій день насъ убавляется: много убьютъ, другой потонетъ, иныхъ казнятъ, и такъ насъ переведутъ, что и на Яикѣ никого не останется.

Такіе рассказы еще болѣе убѣждали Долгополова въ возможности склонить казаковъ выдать самозванца и, достигнувъ этого, получить значительную награду, обѣщанную правительствомъ. Но для успѣха такого дѣла необходимы были деньги, которыми Долгополовъ не располагалъ, и вотъ въ головѣ его родилась мысль ѣхать въ Петербургъ и предложить свои услуги правительству. Но какъ уйти изъ толпы? Долгополовъ долго объ этомъ думалъ и наконецъ довольно удачно воспользовался тѣмъ, что Пугачевъ пришелъ на Волгу.

— Я, батюшка, говорилъ однажды Долгополовъ самозванцу, и порохъ къ тебѣ везъ, пудовъ съ 60, да на суднѣ оставилъ подь Нижнимъ.

— Гдѣ ты его взял? спросилъ Пугачевъ.

— Порохъ этотъ посланъ вамъ отъ Павла же Петровича.

— Какъ ты его провезти могъ?

— Я положилъ его въ бочку, а чтобы прочіе не видали, то засыпалъ его сверху сахаромъ. Отпусти ты меня, батюшка, такъ я и порохъ-то пришлю, да и Павла Петровича привезу.

— А какъ же ты Павла Петровича привезешь?

— Привезу, отвѣчалъ Долгополовъ, — это не твоё дѣло ¹⁾.

Получить порохъ было весьма важно для Пугачева и теперь

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Долгополова отъ 12 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. №№ 425 и 512.

весьма удобно: стоило только спустить его вниз по Волгѣ. Неизвѣстно, вѣрилъ ли самозванецъ словамъ Долгополова или не вѣрилъ, только онъ рѣшился отпустить его, причемъ при отъѣздѣ была сыграна новая комедія.

— Что, батюшка, прикажешь сказать Павлу Петровичу, говорилъ Долгополовъ, прощаясь съ самозванцемъ въ присутствіи старшинъ и многочисленной толпы.

— Поклонись ему отъ меня, отвѣчалъ Пугачевъ, — и скажи, ежели можно ему, чтобы меня встрѣтилъ.

— Одному-ли ему тебя встрѣтить или съ великою княгинею?

— Хорошо бы было, чтобы и она была тамъ, гдѣ и онъ.

Отправившись въ Петербургъ и остановившись въ Чебоксарахъ, Долгополовъ сочинилъ письмо къ князю Г. Г. Орлову отъ имени Аѳанасія Перфильева съ 324 человекѣми яицкихъ казаковъ ¹⁾.

«Ваша свѣтлость, писалъ Долгополовъ, а нашъ премилосердый государь и отецъ Григорій Григорьевичъ! въ бытность мою въ С.-Петербургѣ изволили меня просить, чтобъ (поймать) явившагося злодѣя и разорителя Пугачева, а наипаче господамъ благороднымъ дворянамъ мучителя и неповинно смертоносно предасть всякимъ мученіямъ;—а нынѣ я обще съ подателемъ вашей свѣтлости сего нашего письма согласили всѣхъ яицкихъ казаковъ, чтобъ его злодѣя самого живаго представить въ С.-Петербургъ въ скорѣйшемъ времени. Онъ состоитъ, злодѣй, въ нашихъ рукахъ и подъ нашимъ карауломъ, о чемъ словесно вашей свѣтлости объявить нашъ посланный; только пожалуй доложи ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ Всероссийской, чтобы намъ яицкимъ казакамъ рыбною ловлею изволила приказать владѣть по прежнему. Еще вашей свѣтлости доношу, что въ томъ числѣ сто двадцать четыре человекѣ въ Петербургъ не ѣдутъ. Какъ мы его, злодѣя, скуемъ въ колодки или въ желѣзо и двѣсти человекъ поѣдемъ съ нимъ, а

¹⁾ Показаніе Долгополова отъ 12 ноября 1774 года. Сочиненное письмо было напечатано сначала въ *Москвитяинѣ*, 1845 г., № 9, а потомъ перепечатано въ сборникѣ *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 365. Оно озаглавлено такъ: «Копія съ письма яицкихъ казаковъ къ кн. Г. Г. Орлову».

вышписанныхъ сто двадцать четырехъ человекъ домою отпустимъ, только тѣ требуютъ *на всякаго чловѣка по сту рублей, теперь половину по пятидесяти рублей изволь съ посланнымъ нашимъ прислать золотыми имтеріалами*; а мы двѣсти человекъ теперь ничего напередъ не требуемъ: какъ поставимъ злодѣя къ вашей свѣтлости, тогда и намъ было-бъ такое-жъ награжденіе, такъ у насъ все обнадежены и все теперь приведены къ присягѣ между собою. А какъ мы его повеземъ, надлежитъ давать прогонныя деньги и на прогоны деньги, тако-жъ на харчи и на водку было-бъ довольно; мы въ томъ не споримъ, хотя извольте дать указъ, хотя-бъ безъ прогоновъ, только-бъ насъ везли. Обо всемъ извольте больше словесно говорить съ посланнымъ нашимъ. Оное письмо писали истинно, ночью. Пожалуй, батюшка Григорій Григорьевичъ, нашего (посланнаго) отпавьте въ самой скорости, чтобъ онъ, злодѣй, не допущенъ былъ до разоренія нашихъ селъ и деревень, тако-жъ и городовъ. Иного до вашей свѣтлости писать не имѣемъ, остаюся вашъ, моего государя, рабъ и слуга, казакъ Аванасій Петровъ Перфильевъ, атаманъ Андрей Афанасьевъ, сотникъ Никита Ивановъ, полковникъ Григорій Леоновъ, хорунжій Иванъ Власовъ, дежурный Екимъ Васильевъ и всѣхъ триста двадцать четыре человекъ о вышписанномъ просимъ и земно кланяемся»¹⁾.

Въ началѣ августа Долгополовъ подъ именемъ казака Евстафія Трифонова пріѣхалъ въ Петербургъ и рано утромъ, 8-го числа, явился къ князю Гр. Гр. Орлову.

Было пять часовъ утра и въ домѣ князя все еще спали. Долгополовъ разбудилъ камердинера и требовалъ, чтобы его тотчасъ же представили князю, говоря, что откроетъ тайну, которая не терпитъ отлагательства. Камердинеръ постучалъ въ дверь спальни.

— Кто тамъ? послышался голосъ князя.

Камердинеръ назвалъ свое имя.

— Иди сюда, сказалъ кн. Орловъ.

¹⁾ Перифразъ этого письма переданъ Руничемъ невѣрно. См. *Русскую Старину*, 1870 г., т. II, стр. 221.

Выѣстъ съ камердинеромъ вошелъ и Долгополовъ.

— Ты что за человѣкъ? спросилъ князь.

— Я, сударь, лицій казакъ Евстафій Трифоновъ, отвѣчалъ Долгополовъ, передавая вышеприведенное нами письмо. Извольте, ваша свѣтлость, вставать съ постели и одѣваться, а ему прикажите закладывать карету.

Князь Орловъ исполнилъ совѣтъ и, принявъ письмо, прочелъ его со вниманіемъ. Карета скоро была подана и кн. Орловъ, взявъ съ собою Долгополова, отправился съ нимъ въ Царское Село, гдѣ находилась тогда императрица. Введенный въ кабинетъ государыни, Долгополовъ палъ на колѣни, но Екатерина приказала ему встать и дозволила поцѣловать руку. Императрица разспрашивала о подробностяхъ возмущенія, объ яицкихъ казакахъ и проч., на что получала выдуманные, конечно, отвѣты.

— Какъ ты могъ проѣхать черезъ Москву? спросила она.

— Если угодно вашему величеству, отвѣчалъ смѣло Долгополовъ, то я проведу черезъ оную 10 т. человѣкъ и никто о томъ не провѣдаетъ. Я прошелъ Москву вотъ какимъ образомъ: присталъ за пять верстъ къ ѣдущимъ въ городъ подводамъ съ дровами и сѣномъ; перекрестясь у заставы, иду прямо въ этомъ кафтанѣ въ нее, мимо часоваго, тутъ стоящаго, который, увидя меня, ухватилъ за лѣвую полу кафтана и закричалъ: «стой, куда ты идешь? есть-ли у тебя письменный видъ?» Я ему безъ робости отвѣчалъ: «господинъ служивый, былъ у меня отъ старосты казеннаго селенія; но верстъ за десятокъ отсюда вотъ изъ лѣваго продравшагося кармана потерялъ, куда съ нимъ завязанное кое-что и другое положено было». Служивый, всунувъ руку въ лѣвый мой карманъ, которая прошла насквозь, выдернулъ оную съ сердцемъ, толкнулъ меня въ заставу такъ сильно, что я было упалъ; стоящіе тутъ солдаты и народъ захохотали, а я, провожаемый ихъ смѣхомъ, пошелъ прямо по улицѣ. Вотъ матушка-государыня, какимъ образомъ прошелъ я Москву.

Такіе порядки въ первопрестольной вызвали улыбку Екатерины, и Долгополовъ былъ отпущенъ и отведенъ въ тѣ комнаты, въ которыхъ князь Орловъ останавливался, когда пріѣзжалъ во дворецъ. Оставаясь до вечера въ Царскомъ Селѣ, Долгополовъ былъ

сыто накормленъ и получилъ въ подарокъ отъ императрицы 200 червонныхъ, два куска бархату, 10 аршинъ золотого глазета и 12 аршинъ золотого галуна.

— Положи въ карманъ, но не въ лѣвый, тамъ дыра, сказала шутливо князь Орловъ, передавая Долгополову кошелекъ съ червонцами, а когда кончишь свое дѣло, то будешь болѣе награжденъ.

Въ девятомъ часу вечера Долгополовъ возвратился въ Петербургъ, былъ помѣщенъ въ отдѣльныхъ покояхъ и скоро опять призванъ къ кн. Орлову.

— Завтра или послѣзавтра, сказалъ князь, съ капитаномъ гвардіи ты отправишься въ путь; поди съ Богомъ. Если желаешь или имѣешь надобность съ кѣмъ-нибудь видѣться въ городѣ, то поди куда тебѣ угодно, ибо ты свободенъ.

— Я въ Петербургѣ никого не имѣю знакомыхъ, отвѣчалъ приговорно Долгополовъ, ибо я во всю жизнь мою въ немъ не бывалъ.

Обманъ удался вполне; онъ дорого стоилъ правительству, но изъ сохранившагося черноваго наброска письма императрицы къ князю Волконскому ¹⁾ видно, что Екатерина, подъ первымъ впечатлѣніемъ свиданія съ Долгополовымъ, находила необходимымъ исполнить всѣ мнимыя требованія яицкихъ казаковъ. «Они берутся, писала она, вора и злодѣя Пугачева сюда доставить, за что просятъ сто рублей на человѣка и то не прежде какъ руками отдадутъ, а вѣроятіе есть, что онъ у нихъ уже связанъ, но не сказываютъ. *Я нашла, что цѣна сія умѣренна, чтобъ купитъ народный покой*».

Когда первыя впечатлѣнія уступили мѣсто холодному разсудку, императрица признала неудобнымъ помѣщать приведенныя нами строки въ письмѣ и потому, исключивъ ихъ, отправила въ тотъ же день князю Волконскому рескриптъ слѣдующаго содержания ²⁾:

«Сего утра явился къ князю Григорію Григорьевичу Орлову яицкій казакъ Евстафій Трифоновъ съ письмомъ отъ казака же

¹⁾ Отрывокъ этотъ помѣченъ 8 августа и напечатанъ въ *Сборн. Импер. русск. истор. общества*, т. XIII, стр. 432 и 433.

²⁾ Отъ 8 августа 1774 г. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 118 и 119.

яицкаго Перфильева съ товарищи, всего триста двадцать четыре челоувѣка, съ котораго письма при семь прилагаю копію. Вы изъ онаго усмотрите, что они берутся вора и злодѣя Пугачева сюда доставить. Я сего же дня посланнаго отъ нихъ съ паспортомъ за рукою князя Григорія Григорьевича Орлова съ отвѣтомъ къ нимъ же приказала отправить, котораго казака вы прикажите нигдѣ не задержать. Князь Орловъ къ нимъ доставить волю мою, которая въ томъ состоитъ, чтобъ они злодѣя самозванца привезли къ гвардіи Преображенскаго полку капитану Галахову, котораго сегодня для того нарочно отправляю къ генераль-маіору Чорбѣ. Сей, когда казаки привезутъ злодѣя и въ томъ нужда будетъ, Галахова снабдить достаточной командой, дабы Галаховъ могъ колодника привезти въ цѣлости къ вамъ въ Москву; а вы возьмите всѣ мѣры безъ всякой огласки преждевременной, дабы они содержаны были, какъ важность дѣла требуетъ. Я къ графу Петру Ивановичу (Панину) пишу о семъ и сего дня же, и вы съ нимъ условьтесь и сдѣлайте такъ, чтобъ успѣхъ сего дѣла нигдѣ остановкѣ подверженъ не былъ. Капитана же Галахова какъ въ подводахъ, такъ въ деньгахъ и въ кормовыхъ и во всемъ снабдите изобильно, дабы ни зачѣмъ не стало».

Капитану л.-гв. Преображенскаго полка Галахову приказано было ѣхать въ Москву, явиться къ графу П. И. Панину и князю М. Н. Волконскому. Получивъ отъ перваго конвой, а отъ втораго деньги, Галаховъ долженъ былъ ѣхать въ Муромъ, куда казакамъ назначено было доставить Пугачева и нѣкоторыхъ его сообщниковъ. По доставленіи самозванца приказано выдать каждому казаку по сту рублей и убѣдить ихъ, чтобы всѣ 200 челоувѣкъ не ѣхали въ Москву вмѣстѣ съ колодниками, а если «на сіе уговаривать покажется трудно, то по крайней мѣрѣ, чтобъ убавили число» желающихъ ѣхать въ первопрестольную столицу ¹⁾.

Такимъ образомъ въ тотъ же день была исполнена программа, выдуманная Долгополовымъ. На слѣдующій день генераль-проку-

¹⁾ Наставленіе, данное императрицею капитану Галахову отъ 8 августа 1774 г. Сочин. Пузикина, изд. 1881 г., т. VI, стр. 194 (прилож.). *Сборн. Императ. русск. историч. общ.*, т. XIII, стр. 433.

роръ князь Вяземскій увѣдомилъ Г. А. Потемкина ¹⁾, что капитану Галахову выдано 8,400 руб. золотомъ, 1,000 руб. серебромъ, приказано принять въ Москвѣ изъ статсъ-конторы 5,175 рублей и князю Волконскому набрать для той же цѣли изъ разныхъ источниковъ 18,825 руб. Выдавъ эти деньги, кн. Волконскій прибавилъ къ нимъ еще тысячу рублей на путевые расходы, и Галаховъ 13-го числа отправился изъ Москвы въ Муромъ ²⁾, взявъ съ собою отставнаго секундъ-майора Руничча и 10 человекъ солдатъ. По приказанію графа П. И. Панина онъ долженъ былъ бѣжать въ передовые отряды и нагонять самозванца, но послѣдній былъ уже въ это время очень далеко отъ Москвы, успѣлъ причинить много бѣдствій, разорить города и цѣлыя области.

Х.

Приближеніе Пугачева къ Пензѣ.—Совѣщанія горожанъ.—Вступленіе самозванца въ городъ.—Обѣдъ ему данный городскимъ обществомъ.—Состояніе Алатырскаго и Пензенскаго уѣздовъ.—Происшествія въ Ипсарѣ, Краснослободскѣ, Темниковѣ, Наровчатѣ, Керенскѣ и Нижнемъ Ломовѣ.—Пугачевъ въ Петровскѣ.—Экспедиція Г. Р. Державина изъ Саратова къ Петровску.

Слухъ о появленіи Пугачева въ Саранскѣ и о разграбленіи города достигъ на другой день до жителей города Пензы. Секундъ-майоръ Гаврило Герасимовъ собралъ своихъ инвалидовъ офицеровъ и отправился съ ними въ Пензенскую провинціальную канцелярію узнать, какія мѣры принимаются для защиты города.

— Имѣете-ли вы какія извѣстія о злодѣѣ, спрашивалъ Герасимовъ воеводу, надворнаго совѣтника Андрея Всеволожскаго.

— Злодѣй, по разореніи Казани, отвѣчалъ спрошенный, слѣдуетъ къ Пензѣ; соберите свою инвалидную команду и приготовьтесь къ сопротивленію.

Герасимовъ могъ собрать только 12 человекъ, но приказалъ имъ вооружиться. Въ Пензѣ находились тогда большіе запасы

¹⁾ Письмомъ отъ 9 августа 1774 г. Государ. Архивъ, VI, д. № 498.

²⁾ Всепоход. донесеніе кн. Волконскаго отъ 13 августа 1774 г. Гос. Арх., VI, дѣло № 503. Письмо кн. Волконскаго князю Вяземскому отъ 13 августа. Архивъ Кабинета Его Величества.

пороха, свинца, ядеръ и разнаго рода казенныхъ денегъ 201,275 р. 69¹/₄ коп. Ихъ тотчасъ же начали прятать по разнымъ ямамъ и подваламъ, но всѣхъ спрятать не успѣли и часть ихъ досталась мятежникамъ.

За нѣсколько дней до приближенія Пугачева, воевода, его товарищъ, коллежскій ассесоръ Гуляевъ, подпоручики Суровцовъ и Слѣпцовъ, секретари Степанъ Дудкинъ и Сергѣй Григорьевъ, съ нѣсколькими канцелярскими служителями бѣжали изъ города. «Того же дня (28 июля) въ полдни, показывалъ маіоръ Герасимовъ, какъ я шелъ по городу, то увидѣлъ собравшихся пахотныхъ солдатъ, живущихъ въ городѣ, чловѣкъ съ 200. На вопросъ мой объ ихъ сборищѣ, объявили мнѣ, что они совѣтуютъ между собою кого бы командиромъ въ городѣ сдѣлать, потому что воевода и товарищъ съ показанными чинами уѣхали, а слышно, что злодѣи приближаются къ Пензѣ; причеъ просили меня, чтобъ я принялъ команду и защищалъ городъ. А какъ старѣя меня чиномъ никого въ городѣ не было, то я, не отговариваясь отъ сего ихъ предложенія, приказалъ имъ на другой день придти въ канцелярію».

Наутро бургомистръ Борисъ Елизаровъ собралъ на совѣтъ все купечество и спрашивалъ ихъ мнѣнія: противиться-ли имъ мятежникамъ или нѣтъ?

Купцы молчали.

— Ну, чѣмъ мы станемъ ему противиться, сталъ говорить тогда Елизаровъ; у насъ нѣтъ никакого оружія, такъ не лучше-ли встрѣтить его и тѣмъ спасти городъ отъ пожегу, а людей отъ смерти.

— Да, намъ нечѣмъ противиться, кричали ему въ отвѣтъ голоса. Хотя бы и было чѣмъ, такъ гдѣ намъ противъ его силы устоять, когда и крѣпости не въ силахъ были. Ничего намъ больше дѣлать не остается, какъ встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью.

Въ это время, по предложенію маіора Герасимова, шли къ нему пахотные солдаты и проходя мимо ратуши узнали, что тамъ собралось купечество на совѣщаніе. Солдаты остановились. Къ нимъ вышелъ бургомистръ и объявилъ, что купечество рѣшило не противиться. Выслушавъ такое рѣшеніе, пахотные солдаты отправи-

лись въ пензенскую провинціальную канцелярію, въ которой собрались: провинціальныи секретарь Тихонъ Андреевъ, маіоръ Герасимовъ, прапорщикъ Илья Григорьевъ, отставной гвардіи поручикъ Черицовъ, капитанъ Никитинъ и нѣкоторые изъ пензенскихъ помѣщиковъ. Послѣ совѣщаній, всѣ присутствующіе выбрали маіора Герасимова начальникомъ города и его обороны.

— Имѣете-ли вы какое нибудь оружіе? спрашивалъ Герасимовъ, выйдя изъ канцеляріи къ собравшимся пахотнымъ солдатамъ.

— Не имѣемъ никакого, отвѣчали они.

Приказавъ имъ вооружиться кто чѣмъ можетъ, Герасимовъ отправилъ нарочнаго къ казанскому губернатору съ просьбою о помощи и съ донесеніемъ объ опасности, угрожающей г. Пензѣ отъ приближенія мятежниковъ ¹⁾. Едва посланный успѣлъ выѣхать изъ города, какъ въ третьемъ часу пополудни, 1 августа, пріѣхали на рынокъ человѣкъ 15 мятежниковъ. Они увѣряли горожанъ, что къ городу подходит не самозванецъ, а истинный государь, отъ котораго они присланы объявить, что если граждане не встрѣтятъ его съ хлѣбомъ-солью и окажутъ «противность, то всѣ въ городѣ до сущаго младенца будутъ истреблены и городъ выжженъ». Въ доказательство справедливости своихъ словъ, они передали указъ императора для всенароднаго прочтенія ²⁾.

Угрозы самозванца разнеслись по городу, и населеніе пришло въ отчаяніе. Герасимовъ ободрялъ жителей, но они кричали ему въ отвѣтъ, что не имѣютъ оружія и противиться имъ нечѣмъ. Тогда съ общаго совѣщанія положили и самъ маіоръ Герасимовъ согласился встрѣтить самозванца и покориться ему. Съ крестами и образами почти все населеніе въ сопровожденіи духовенства вышло изъ города, и отойдя съ версту остановилось.

Приложившись ко кресту, Пугачевъ устроилъ цѣлованіе руки, къ которой подходили маіоръ Герасимовъ, капитанъ Никитинъ и поручикъ Черицовъ. Послѣ того Пугачевъ, не въѣзжая въ городъ,

¹⁾ Показаніе секундъ-маіора Герасимова, отъ 6 октября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 453.

²⁾ Указъ этотъ по своему содержанію весьма близокъ къ тому, который былъ отправленъ въ Саранскъ и приведенъ нами выше. См. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 420.

вернулся назадъ и расположился станомъ; верстахъ въ 10-ти отъ Пензы. Между тѣмъ сообщники самозванца, ворвавшись въ городъ, выпустили всѣхъ колодниковъ, грабили дома, растворили питейные дома и соляные амбары, разрѣшая народу пить вино и разбирать соль безденежно. Жители радовались и увѣряли, что Пугачевъ истинный государь. «Воля всемилостивѣйшей государыни, показывалъ въ послѣдствіи майоръ Герасимовъ¹⁾, признаюсь чистосердечно, что я и самъ при семъ случаѣ поколебался было въ мысляхъ, думая, что Пугачевъ и въ самомъ дѣлѣ государь, какъ въ томъ утверждало меня сіе, что многіе города и крѣпости побралъ и вся чернь, вездѣ гдѣ онъ ни былъ, прилѣплялась къ нему безъ сумнѣнія».

2-го августа, прибывшій въ Пензу отрядъ изъ 20 казаковъ потребовалъ, чтобы населеніе вторично сдѣлало парадную встрѣчу самозванцу и приготовило ему обѣдъ въ купеческомъ домѣ. Ратуша оказалась неудобною и купечество рѣшило угостить самозванца въ домѣ купца Андрея Кознова. По требованію казаковъ, населеніе встрѣтило Пугачева за городомъ, причемъ бургомистръ отъ имени города звалъ его обѣдать. Самозванецъ принялъ приглашеніе и для большаго парада приказалъ ѣхать впереди одному изъ магистратскихъ судей и указать домъ. Ратманъ Маминъ сѣлъ верхомъ, ѣхалъ передъ мнимымъ государемъ, «а бургомистръ, ускоря прежде всѣхъ, дожидался у воротъ встрѣтить злодѣя». Пригласивъ съ собою человекъ 20 ближайшихъ своихъ сообщниковъ, Пугачевъ сѣлъ за столъ. «Пища его состояла болѣе въ томъ, что велѣлъ принести толченаго чесноку глубокую тарелку и наливъ въ оный укусу и посоля ѣлъ, а послѣ онаго и другую такую же тарелку чесноку сожралъ же».

Купцы разносили кушанья, а бургомистръ и ратманы подчивали обѣдающихъ виномъ. Пили за здоровье императора Петра III и императрицы Устины Петровны.

— Ну, господа купцы, говорилъ Пугачевъ, теперь вы и всѣ городскіе жители называйтесь моими казаками. Я ни подушныхъ

¹⁾ Показаніе секундъ-майора Гаврилы Герасимова отъ 6 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 453.

денегъ, ни рекрутъ съ васъ брать не буду, и соль казенную приказалъ я роздать безденежно по три фунта на челуѣка, а впродолженіе торгуй ею кто захочетъ и промышляй всякій про себя.

Обѣдъ продолжался часа съ три, а въ это время толпа грабила городъ. Послѣ обѣда самозванецъ уѣхалъ изъ Пензы, захвативъ съ собою 6 пушекъ, 593 ядра, 54 пуда свинцу, 16 пудовъ пороху, нѣсколько ружей и холоднаго оружія. Казенной соли было разграблено 20,573 пуда, а денегъ было взято мятежниками 13,233 р. 63³/₄ к., и такъ какъ онѣ были преимущественно мѣдныя, то нагрузивъ ими 40 подводъ, Пугачевъ приказалъ остальные разбросать народу, причемъ три бочки подарилъ протопопу, двѣ далъ штатнымъ солдатамъ и шесть бочекъ инвалидной командѣ, всѣ эти деньги были впоследствии представлены начальству ¹⁾.

Выѣхавъ изъ Пензы, Пугачевъ не возвращался въ свой станъ, а направился по дорогѣ въ Петровскъ и отѣхавъ верстъ семь отъ города, остановился лагеремъ.

На слѣдующій день на улицахъ г. Пензы было прибито слѣдующее объявленіе: «Сего августа 3-го числа, по именному его императорскаго величества указу, за подписаніемъ собственнаго его величества руки, г. секундъ-маіоръ Гаврило Герасимовъ награжденъ рангомъ полковника и поручено ему содержать городъ Пензу подъ своимъ вѣдѣніемъ и почитаться главнымъ командиромъ. Да для наилучшаго исправленія и порядка опредѣлено быть въ товарищахъ Андрей Яковлевичъ Козновъ. И во исполненіе онаго е. и. в. именного высочайшаго указа, по опредѣленію оныхъ гг. градоначальниковъ, велѣно объ ономъ, для надлежащаго свѣдѣнія и должнаго повиновенія въ г. Пензѣ публиковать, чего ради симъ и публикуется» ²⁾.

Въ тотъ же день, спустя нѣсколько часовъ, было опубликовано жителямъ Пензы другое объявленіе отъ главнаго командира полковника Герасимова. «По именному его императорскаго величества

¹⁾ Срав. письмо Державина П. Потемкину. *Древ. и Нов. Россія*, 1877 г., № 3. стр. 236.

²⁾ Объявленіе это было подписано Андреемъ Козновымъ. (См. Госуд. Арх., VI. д. № 453.

высочайшему изустному повелѣнію, сказано въ немъ ¹⁾, приказано г. Пензы со всѣхъ обложенныхъ въ подушный окладъ обывателей собрать черезъ часъ въ армию его величества казаковъ 500 человекъ, сколько есть конныхъ, а достальныхъ пѣшихъ, которые обнадежены высочайшею его величества милостию, что они какъ лошадьми, такъ и прочею принадлежностью снабжены будутъ. А если въ скорости собраны не будутъ, то поступлено будетъ по всей строгости его императорскаго величества гнѣва сожженіемъ всего города. И по расчисленію со всѣхъ положенныхъ по г. Пензѣ обывателей въ подушный окладъ, имѣть быть къ собранію каждаго (одного) казака съ шести душъ, а именно: съ купечества 80, съ цеховъ 20, съ пахотныхъ солдатъ пѣшей слободы 71, старо-драгунской 60, конной 140, ново-драгунской 30, черкасской 60, съ пушкарей 11, съ приставовъ 7, съ канцелярскихъ сторожей 7, съ засѣчныхъ сторожей 5, съ воротниковъ 2, съ однодворцевъ 7 человекъ, которыхъ и представить ко мнѣ для свидѣтельства сего же числа, дабы не навести на себя паче его императорскаго величества высочайшаго гнѣва».

Поручивъ исполненіе этого распоряженія прапорщику Григорьеву, самозванный воевода Герасимовъ успѣлъ набрать только 200 человекъ, которые и были отправлены въ станъ самозванца. Пугачевъ остался недоволенъ столь малымъ наборомъ и послалъ за Герасимовымъ, а самъ тронулся въ путь. Герасимовъ былъ доставленъ къ самозванцу тогда, когда тотъ былъ уже въ 40 верстахъ отъ Пензы.

— Отчего такъ долго повелѣнные 500 человекъ не набраны? спрашивалъ съ крикомъ Пугачевъ;—тебя за это надобно повѣсить.

— Ваше величество, говорилъ Герасимовъ, — 200 человекъ отъ меня уже представлены, а остальные набираются команды моей прапорщикомъ.

Герасимовъ просилъ отпустить его скорѣе обратно, чтобы успѣть набрать и отправить остальныхъ ²⁾. Пугачевъ согласился и мни-

¹⁾ Гос. Арх., VI, д. № 453.

²⁾ Показанія Герасимова, купца Андрея Кознова, купца Бориса Елизарова, секретаря Тихона Андреева, прапорщика Ильи Григорьева. Государств. Архивъ, VI, д. № 453. Рапортъ пензенской провинціальной канцеляріи Сенату 28 августа 1774 года. Государств. Архивъ, VI, д. № 504.

мый воевода возвратился въ Пензу, а на слѣдующій день вступилъ въ городъ, настигавшій толпу самозванца отрядъ графа Меллина. Вслѣдъ затѣмъ, 5 августа, вступилъ въ Пензу подполковникъ Муфель ¹⁾ съ 24-ю легкою полевой командою и пензенскимъ уланскимъ корпусомъ. Пользуясь прибытіемъ этого отряда, графъ Меллинъ назначилъ секретаря Андреева воеводою города, поручилъ ему приведеніе всего въ порядокъ и не смотря на то, что со дня своего выступленія не имѣлъ ни одной дневки и дѣлалъ форсированные марши отъ 40 до 80 верстъ въ сутки, въ тотъ же день выступилъ далѣе ²⁾.

Оставшійся въ Пензѣ, подполковникъ Муфель очутился среди страшнаго разрушенія и почти поголовнаго возстанія. Въ то время въ Саранскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ казенныхъ крестьянъ было мало и почти всѣ принадлежали помѣщикамъ. «Кто только могъ сѣсть на коня, говорить Руничъ въ своихъ запискахъ, и идти добрыми шагами пѣшкомъ, съ косами, пиками и всякаго рода дубинами, присоединились къ пугачевской арміи». Селенія оказались пусты, въ нихъ встрѣчались только одни престарѣлые и женщины. Въ самое лучшее для жатвы время тучныя поля остались необработанными; скотъ скитался безъ примотра, топталъ поля и луга. множество лошадей измученныхъ и съ обрванными ранами брошенныхъ какъ пугачевцами, такъ и преслѣдующими ихъ отрядами, устилали дорогу и бродили по напнямъ.

Въ трехдневное пребываніе Пугачева подъ Пензою толпа его разсыпалась по всему уѣзду небольшими шайками, предводители которыхъ, принявъ на себя званіе полковниковъ, быстро увеличивали свои силы и съ ними предавались грабежу и насилію. Крестьянинъ княгини Голицыной Ивановъ успѣлъ, наприжѣръ, собрать себѣ шайку до 3,000 человекъ, съ которыми безчинствовалъ по уѣзду. Какъ онъ, такъ и другіе предводители разсылали указы самозванца, приказывавшіе вязать помѣщиковъ и везти ихъ въ Пензу или убивать на мѣстѣ. Такихъ несчастныхъ внослѣд-

¹⁾ Рапортъ Муфеля, отъ 5 августа 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 490.

²⁾ Рапортъ графа Меллина князю Щербатову, отъ 4 августа. Ордеръ графа Меллина секретарю Андрееву, отъ 5 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дд. №№ 453 и 490.

ствѣи было насчитано до 150 семействъ или до 600 человекъ. Не различая ни пола, ни возраста, крестьяне убивали всѣхъ, кто попадался подъ руку: помѣщиковъ, поповъ, приказчиковъ, старостъ и проч. Воевода Всеволожскій, его товарищъ Гуляевъ, офицеры Суровцовъ и Слѣпцовъ были захвачены въ домъ помѣщика Кандалаева и отправлены въ Пензу, но по дорогѣ въ дер. Скачки были сожжены живыми; секретари Степанъ Дудкинъ и Сергѣй Григорьевъ съ нѣкоторыми помѣщиками были разстрѣляны и повѣшены въ селѣ Головщинѣ. Саранскій воевода Протасевъ, приведенный въ Пензу еще при Пугачевѣ, былъ сначала высѣченъ плетью, а потомъ заколотъ. Многіе крестьяне, везшіе своихъ помѣщиковъ въ Пензу и не заставшіе тамъ самозванца, отправлялись вслѣдъ за нимъ. На дорогѣ пугачевцы приказывали имъ везти обратно въ Пензу для казни, или расправиться самимъ. «Но какъ одинъ лошади, рассказывалъ одинъ изъ такихъ помѣщиковъ¹⁾, трудятся подъ нами уже пятеро сутокъ, а насъ никто не вѣшаетъ, то свучавъ такимъ путешествіемъ (крестьяне) положили сами сдѣлаться Пугачевымъ. Остановясь въ лѣсу, велѣли всѣмъ выходить изъ повозокъ и вынимали рогатины, но въ самый тотъ часъ посланный за нами изъ прибывшей подъ команду графа Меллина конвой чугуевскихъ казаковъ спасъ намъ жизнь и всѣхъ переловили, изъ коихъ злодѣевъ шестеро—пятерили, четыре повѣшены, прочіе человекъ 20 кнотомъ пересѣчены».

Спасенныя жертвы и ихъ семейства находились въ самомъ печальномъ положеніи и безъ всякихъ средствъ къ существованію. «Посмотрите теперь, писалъ тотъ же помѣщикъ, на вѣрнаго друга вашего, такъ и увидите меня въ одномъ армяжикѣ, сертукѣ безъ камзола, старенькихъ шелковыхъ чулкахъ безъ сапоговъ, скованнаго и брошеннаго въ кибитку».

Оставлять уѣздъ въ такомъ положеніи было невозможно, и потому, въ день прибытія подполковника Муфеля въ Пензу, шефъ пензенскаго уланскаго корпуса Чемесовъ отправилъ 60 человекъ уланъ, для развѣданія, гдѣ находится главная и наибольшая шайка

¹⁾ Яковъ Линева, въ письмѣ къ неизвѣстному, отъ 16 августа 1774 г. Государ. Архивъ, VI, д. № 527.

мятежниковъ подѣ начальствомъ Иванова. Доставленные свѣдѣнія указывали, что Ивановъ, не довольствуясь грабежами въ уѣздѣ, слѣдуетъ къ Пензѣ для разграбленія города. Тогда Чемесовъ съ 110 чел. уланъ пошелъ на соединеніе съ своимъ разѣзднымъ отрядомъ и, 8 августа, встрѣтилъ мятежниковъ въ 30 верстахъ отъ города, въ селѣ Загошинѣ. Не смотря на частый ружейный огонь уланъ, причинявшій толпѣ большой уронъ, мятежники не отступали. Тогда Чемесовъ атаковалъ ихъ, врубился въ самую середину толпы и разсѣялъ ее. Разсыпавшись по стени, возмутители искали спасенія въ бѣгствѣ, причемъ уланы преслѣдовали бѣгущихъ на протяженіи 20 верстъ. Потеря сообщниковъ самозванца простиралась до 300 человекъ, въ числѣ которыхъ находился и родной братъ предводителя шайки Иванова; въ плѣнъ взято 167 человекъ и отбито 7 чугунныхъ маленькихъ пушекъ и двѣ мѣдныя небольшія мортиры. «По окончаніи сего дѣйствія, доносили Чемесовъ ¹⁾, оставшееся бѣдное дворянство и купечество, скитающееся по лѣсамъ безъ пропитанія, начинаетъ нынѣ приходить въ Пензу подѣ защищеніе».

Сюда же стекались помѣщики изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній.

До Алатыря силы Пугачева были еще не столь значительны, чтобы могли дробиться на мелкія партіи и отходить въ стороны, и потому мятежники тянулись одною дорогою. Въ трехдневное пребываніе самозванца въ этомъ городѣ силы его быстро росли и движеніе по одному пути представляло уже неудобства относительно собственнаго прокормленія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было уклоненіе въ стороны небольшихъ партій, предводителями которыхъ явились наиболѣе энергическіе люди, припавшіе на себя званіе полковниковъ и даже называвшихъ себя государемъ. Такъ, въ городъ Инсарь пріѣхали два крестьянина, изъ коихъ одинъ, Петръ Евстафьевъ, назвалъ себя именемъ Петра III и требовалъ покорности. Паника была такъ сильна, что двое прибывшихъ заставили воеводу бѣжать, а городъ покориться. Окрестные

¹⁾ Репортъ Чемесова князю Вяземскому, отъ 16 августа. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

жители и дворовые люди тотчасъ же собрались къ Евстафьеву, и образовали шайку, предавшуюся страшнымъ грабежамъ и нестопствамъ. 79 человекъ, преимущественно чиновъ инвалидной команды, пали подъ ударами разъяренной черни и городъ былъ разграбленъ.

Изъ Инсара Евстафьевъ пошелъ на Троицкъ, жители котораго не только покорились добровольно, но арестовали своихъ начальниковъ и представили ихъ мятежникамъ. Воевода, секундъ-маіоръ Столповскій, товарищъ его, капитанъ князь Чагодаевъ, и управительъ дворцовыхъ имѣній Половинкинъ были убиты и имущество ихъ расхищено. Отсюда толпа направилась далѣе, разграбила Краснослободскъ, Темниковъ и приближалась къ Ардатову. Въ Наровчатѣ жители не ожидали прибытія мятежниковъ, а сами вооружились дубинами, схватили воеводу Аѳанасія Цѣпина, всю его канцелярію и, сковавъ, посадили подъ караулъ. Захвативши въ свои руки крѣпость, вооружившіеся засѣли въ ней и ожидали, что будетъ дальше.

Въ это же самое время, и именно 1-го августа, прибыла въ Керенскъ команда изъ 12 человекъ подъ начальствомъ вахмистра, говорившаго по-польски и объявившаго, что онъ команды государя Петра III и посланъ въ погоню за инсарскимъ воеводою. Керенскій воевода бѣжалъ также, и приставшіе къ пріѣхавшимъ дворцы отвели ихъ къ воеводскому товарищу Перскому. Вахмистръ потребовалъ помощи къ поимкѣ воеводы и обѣщалъ тому, кто его поймаетъ, выдать полтораста рублей. Перскій приказалъ вязать бунтовщиковъ, но городничій, оставной унтеръ-офицеръ Черменскій, съ толпою человекъ во сто, вступился за нихъ, хотѣлъ-было сковать Перскаго и его секретаря Королькова, но потомъ взял ихъ только подъ караулъ.

Послѣ попойки съ однодворцами, мятежники уѣхали, а потомъ, 17-го августа, опять появились въ виду города, но были прогнаны. Освобожденный изъ-подъ караула, Перскій успѣлъ убѣдить население къ сопротивленію и жители, при содѣйствіи плѣнныхъ турокъ и инвалидной команды, три раза отбивали нападеніе мятежниковъ. Послѣдніе, не имѣя успѣха, подожгли городъ въ нѣсколь-

кихъ мѣстахъ, но пожаръ былъ потушенъ и Керенскъ избавился отъ разграбленія ¹⁾).

Не такъ поступили жители Нижняго Ломова.

При первомъ извѣстїи о появленїи въ окрестностяхъ мятежниковъ, товарищъ воеводы, титулярный совѣтникъ Ефимъ Овсянниковъ, призвалъ къ себѣ въ домъ конной слободы старшину Щеролапова съ Аванасїемъ Стукаловымъ и Иваномъ Безмыловымъ. да пѣшей слободы сотскаго Осипа Нежевлева и подговорилъ ихъ склонить на свою сторону всѣхъ дворянъ и духовенство и идти на встрѣчу мятежникамъ. Онъ же, Овсянниковъ, намѣренъ былъ засѣсть въ замкъ и по первому требованію инсургентовъ сдать его, отворить имъ ворота и впустить въ городъ.

Хитро задуманный планъ этотъ не удался. Штатной команды секундъ-маіоръ Иванъ Лукинъ, вмѣстѣ съ инвалиднымъ подполковникомъ Ромадинымъ, рѣшились защищаться, поставили одну пушку у переднихъ воротъ и потребовали порохъ и снаряды отъ воеводской канцеляріи. Посланный объявилъ, что воевода бѣжалъ изъ города, а воеводскій товарищъ Овсянниковъ зарядовъ пушечныхъ давать не приказалъ. Маіоръ Лукинъ отправился самъ къ Овсянникову, чтобы узнать отъ него, «съ какимъ намѣренїемъ остается онъ къ оборонѣ приближающихся злодѣевъ», но воеводскій товарищъ не высказалъ своихъ намѣреній и упорствовалъ въ выдачѣ зарядовъ.

На другой день Лукинъ собралъ на совѣщаніе всѣхъ офицеровъ и объявилъ имъ, что намѣренъ защищать городъ, требовалъ, чтобы всѣ находились на своихъ мѣстахъ и воеводскій товарищъ съ ними. Подполковникъ Ромадинъ, по старости и слабости здоровья, отказался отъ участія въ распоряженіяхъ по защитѣ, а Овсянниковъ присоединился къ гарнизону; но когда Лукинъ приказалъ запирать ворота, то воеводскій товарищъ пытался уйти, но былъ задержанъ дворянскимъ депутатомъ секундъ-маіоромъ Евсюковымъ. Маіоры Лукинъ и Евсюковъ стыдили его и говорили,

¹⁾ Репортъ керенской воеводской канцеляріи Сенату 12 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 450. Репортъ графа П. И. Панина военной коллегїи 8 сентября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 85, св. 53.

что онъ, какъ оставшійся за воеводу, долженъ защищать городъ. «Не взирая на тѣ наши ему представленія, доносилъ Лукинъ ¹⁾, многократно отбивая въ воротахъ часового, покушался уйти, и для лучшаго укрѣпленія воротъ, сдѣланный мною брусь, приступя, самъ зачалъ отваливать, приказывая ворота отворить».

— Это дурно, говорилъ ему Лукинъ; — съ какимъ разумомъ вы ворота отпирать приказываете.

— Я здѣсь командиръ, кричалъ Овсянниковъ, — а не ты; отвори ворота.

Лукинъ не слушалъ, и тогда воеводскій товарищъ бросился на него съ кулаками, но былъ удержанъ Евсюковымъ. Бранясь со всѣми, Овсянниковъ не зналъ что дѣлать, и наконецъ, обратившись къ канцеляристу Льву Юрьеву, приказалъ ему отъ имени воеводской канцеляріи написать Лукину указъ, чтобы онъ отворилъ ворота. Такое приказаніе возбудило всеобщій смѣхъ, а между тѣмъ съ городской стѣны замѣчено было приближеніе толпы, которая, по словамъ Лукина, состояла не болѣе, какъ изъ 13 или 15 чело-вѣкъ. Всѣ ододворцы, жившіе въ форштадтѣ, высыпали имъ на встрѣчу съ крестами, хлѣбомъ и солью, и вмѣстѣ съ прибывшими двинулись къ городу. Мятежники не рѣшились, конечно, штурмовать городскую стѣну, а бросились въ кабаки, разбили бочки съ виномъ и стали поить народъ.

Пьяная толпа направилась въ Богородицкій казанскій монастырь, гдѣ была встрѣчена архимандритомъ Исаакиемъ со всею братією. Прибывшіе заставили архимандрита служить молебенъ и провозгласить многолѣтіе императору Петру III. Во время службы пьяная и бушующая чернь окружила монаховъ и когда произносилось имя императора Петра III, то бунтовщики, стоя въ церкви, стрѣляли изъ ружей ²⁾).

Разграбивъ монастырь, мятежники опять направились къ городу и въ толпѣ ихъ маіоръ Лукинъ замѣтилъ соборнаго дьякона, котораго и призвалъ къ переднимъ воротамъ.

¹⁾ Въ рапортѣ графу П. И. Панину, 10 сентября 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 452.

²⁾ Донесеніе архимандрита Исаакія графу Панину отъ « » сентября 1774 года. Архивъ Синода, д. № 14.

— Что это за люди, которыхъ вы такимъ образомъ встрѣчали? спрашивалъ Лукинъ.

— Казаки государя Петра Федоровича, отвѣчалъ діаконъ.

— Чего они требуютъ?

— Они только спросили, кто есть въ городѣ начальникъ, на что обыватели сказали, что воевода отлучился, а есть воеводскій товарищъ и штатный маіоръ.

— Да для чего же, спрашивали прибывшіе мятежники, — товарищъ общалъ насъ съ обывателями встрѣтити, а теперь его здѣсь нѣтъ.

— Задержанъ маіоромъ Лукинымъ въ городѣ, отвѣчали имъ.

Слышавшій весь этотъ разговоръ, Овсянниковъ пытался опять уйти; мятежники, подойдя къ стѣнѣ, звали его къ себѣ и онъ, протянувъ имъ руки, былъ вытасченъ въ небольшую каштку. Пьяная толпа ликовала и радовалась, что добыла себѣ еще одного единомышленника.

— А вамъ тутъ умирать, кричали голоса гарнизону;—давай соломы, зажигай городъ.

Угроза эта всполошила многихъ жителей, находившихся въ составѣ гарнизона; между ними явился ропотъ и разговоры, не лучше ли сдаться. Лукинъ и Евсюковъ совѣтывались что дѣлать. Между тѣмъ, мятежники ворвались въ заднюю башню, а затѣмъ выбили и переднія ворота. Лукинъ былъ схваченъ и отведенъ на дворъ дома Овсянникова, пировавшаго съ мятежниками. Его посадили подъ караулъ и приготовили возжи, чтобы повѣсить, но по какому-то странному стеченію обстоятельствъ атаманъ приказалъ его освободить отъ казни ¹⁾. Пропировавъ нѣсколько времени въ домѣ Овсянникова и разграбивъ почти весь городъ, мятежники ушли, оставивъ воеводскому товарищу Овсянникову на память слѣдующую записку атамана:

«1774 года августа 9-го дня дано сіе одобрительное письмо

¹⁾ Репортъ маіора Лукина графу Панину отъ 10 сентября 1774 года. Показаніе Овсянникова. Государственный Архивъ, VI, д. № 452. Всеподданнѣйшее донесеніе графа П. И. Панина отъ 17 сентября 1774 года. *Сборникъ русскаго историческаго общества*, т. VI, 143. См. также «Жизнь стараго русскаго дворянина», записки И. О. Лукина, *Русскій Архивъ*, 1865 годъ. № 8, стр. 917.

его величества государя Петра Фодоровича отъ дворовыхъ людей нижняго города Ломова ассессору Ефимъ Васильевъ Овсянниковъ, въ томъ что онъ человекъ добрый, только до людей ему, тако-жь до городу и до крестьянъ дѣла нѣтъ и ни во что не вступать, а если, паче чаянія, оный ассессоръ во что вступить, то безъ главной команды его величества ничѣмъ не казнить и ничѣмъ не трогать, а привести въ главную команду и въ томъ онъ сужденъ будетъ. Градскимъ обывателямъ къ воротамъ его не подходить и ничѣмъ его не тревожить и Государыню Екатерину Алексѣевну не честь и указовъ никакихъ не принимать, а дожидаться указовъ отъ его величества государя Петра Фодоровича»¹⁾.

Подобныя шайки бродили по разнымъ направленіямъ: подходили къ Тамбову, ворвались въ Воронежскую губернію и въ особенности свирѣпствовали въ Нижегородской. «Я ничего пріятнаго, кромѣ жалости и досады, увѣдомить васъ не могу, писалъ нижегородскій губернаторъ Ступишинъ П. С. Потемкину²⁾. Господа деташементные командиры, прослѣдуя за злодѣемъ, оставили за собой бунты; главные ваши начальники не сдѣлали учрежденія, чтобы сихъ слѣды усмирять. Итакъ, злодѣяніе вошло и идетъ къ губерніи Московской. Послѣднія извѣстія получилъ я, что толпы злодѣйскія сдѣлали въ г. Троицкомъ-Острогѣ, въ Красной слободѣ и наконецъ въ Темниковѣ 9-го числа варварства и разоренія, и идетъ сіе зло и къ моему городу Арзамасу».

Мятежъ разливался по всѣмъ направленіямъ, и вѣсть о появленіи Пугачева въ Пензѣ достигла и до Петровска. Провинціальная канцелярія тотчасъ же предписала прапорщику штатной команды Ивану Юматову, чтобы онъ собралъ всѣхъ жителей, объявилъ имъ объ угрожающей опасности и взялъ подписки, что они, въ случаѣ нападенія злодѣевъ, явятся съ оружіемъ какое у кого есть, и будутъ защищаться, «не щадя живота своего». Юматовъ исполнилъ приказаніе и когда потребовалъ подписки, то жители отказались ихъ дать, «а пахотный солдатъ Никита Ларинъ билъ его (Юматова) дубиною смертельно». Хотя петровская провинціальная

¹⁾ Госуд. Арх., VI, д. № 452.

²⁾ Отъ 13 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

канцелярія, осмотрѣвъ побои, нанесенные Юматову, и донесла о томъ въ казанскую губернскую канцелярію, но Ларинъ остался неарестованнымъ и впослѣдствіи служилъ примѣромъ для другихъ.

Петровскій воевода подполковникъ Зиминскій и товарищъ его секундъ-маіоръ Иванъ Буткевичъ не предпринимали никакихъ мѣръ къ защитѣ города и, при первомъ извѣстіи о приближеніи самозванца, воевода потихоньку уѣхалъ въ Астрахань, а его секретарь Лука Яковлевъ съ сыномъ бѣжали въ Саратовъ. Воеводскій товарищъ Буткевичъ, по совѣту Державина, также собирался выѣхать въ Саратовъ, взявъ съ собою всю артиллерію, денежную казну и 11 человекъ нижнихъ чиновъ питатной команды — единственныхъ защитниковъ города. Буткевичъ приказалъ вывезти артиллерію изъ города, а канцелярскія дѣла сложить на подводы. Замѣтивъ это, пахотные солдаты, собравшись въ числѣ до 2,000 человекъ, сбросили съ телегъ всѣ дѣла, увели лошадей и, арестовавъ воеводу Буткевича, приставили къ его дому караулъ. Прапорщику Юматову они совѣтовали изъ города не бѣгать, «и если-де злодѣи въ городъ вступитъ, то они его одобрятъ, что онъ человекъ добрый, обидѣ имъ никакихъ не причинялъ». Юматовъ положился на обѣщанія солдатъ и рѣшился исполнять всѣ ихъ требованія, которыя главнѣйшимъ образомъ состояли въ томъ, чтобы встрѣтить самозванца съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ и солью.

Послѣ полудня, 4-го августа, Пугачевъ отправилъ впередъ Чумакова съ своимъ манифестомъ, а вслѣдъ за нимъ вступилъ и самъ въ г. Петровскъ. Населеніе встрѣтило его съ почестями. Струсившій Юматовъ приказалъ канцеляристу Семену Кузнецову написать рапортъ о благосостояніи города и, одѣвшись въ мундиръ, наутро явился къ самозванцу, именуя его императоромъ Петромъ III. Пугачевъ не принялъ его, а потребовалъ къ себѣ воеводскаго товарища Буткевича, на котораго жители жаловались, какъ на обидчика и притѣснителя. Буткевича пятерили, и послѣ казни всѣмъ собравшимся былъ вновь прочитанъ манифестъ и объявлено, что воеводою назначается Юматовъ, который и производится въ полковники. Послѣднему приказано было раздавать

безденежно соль по три фунта на человѣка, вино продавать по полтора рубля за ведро, собрать изъ жителей сколько можно казачевъ въ войско государя и отправить въ станъ самозванца все канцелярскія дѣла. Юматовъ собралъ 339 человѣкъ, которыхъ и представилъ при рапортѣ, подъ которымъ подписался полковникомъ ¹⁾).

Въ Петровскѣ Пугачевъ взялъ 9 пушекъ, 10 пудовъ пороху, 5 свинокъ свинцу, всю одежду и вооруженіе гарнизонныхъ и штатныхъ солдатъ ²⁾).

Въ то время, когда самозванецъ вступалъ въ Петровскъ, къ тому же городу приближалась, съ противоположной стороны, донская казачья команда изъ 60 человѣкъ, высланная изъ Саратова подъ начальствомъ есаула Фомина. Команда была выслана по просьбѣ Г. Р. Державина, вызвавшагося ѣхать въ Петровскъ, взять оттуда деньги, пушки, порохъ, узнать силы Пугачева и подать *саратовскимъ властямъ примѣръ рѣшимости*. Не дождавшись прибытія поэта, Фоминъ выступилъ изъ Саратова 3-го августа, и на слѣдующій день его догналъ польской службы маіоръ Гогель, посланный Державинимъ.

Послѣдній выѣхалъ изъ Саратова вмѣстѣ съ Гогелемъ, 4 августа, но въ 10-ти верстахъ отъ Петровска имъ повстрѣчался мужикъ, объявившій, что Пугачевъ всего въ пяти верстахъ отъ города. Державинъ остановился и послалъ впередъ маіора Гогеля, вызвавшагося съѣздить къ казакамъ и вернуть ихъ. Долгъ службы обязывалъ Державина, какъ человѣка сочинившаго эту экспедицію и выпросившаго себѣ казаковъ, ѣхать туда самому, но поэтъ предпочелъ не вдаваться въ опасность и отказался показать саратовцамъ *примѣръ рѣшимости*.

Подходя къ Петровску, есаулъ Фоминъ, маіоръ Гогель и прапорщикъ Скуратовъ съ десятью казаками выѣхали впередъ и по-

¹⁾ Показаніе Юматова. Государственный Архивъ, VI, д. № 512. Юматовъ былъ на столько простъ, что рапортъ пензенской провинціальной канцеляріи о происшествіи въ Петровскѣ, также подписался полковникомъ, за что и былъ высѣченъ плетью два раза графомъ Меллинымъ, вскорѣ послѣ того прибывшимъ въ Петровскъ.

²⁾ Рапортъ петровской воеводской канцеляріи въ пензенскую провинціальную, отъ 13 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

слали въ городъ четырехъ казаковъ разузнать о числѣ мятежниковъ. Казаки были захвачены въ плѣнъ и представлены Пугачеву.

— Что вы за люди? спросилъ ихъ самозванецъ.

— Мы донскіе казаки, служимъ всемилостивѣйшей государынѣ.

— Зачѣмъ пришли?

— Присланы отъ командира осмотрѣть, какіе люди въ городъ вошли.

— Пришелъ государь, сказалъ Пугачевъ; служили вы государынѣ, а теперь будете служить мнѣ. Велика-ли ваша сила?

— Насъ 60 человекъ.

— Кто вашъ командиръ?

— Есаулъ Фоминъ и еще два офицера.

Оставивъ трехъ казаковъ у себя, самозванецъ послалъ четвертаго къ Фомину съ приказаніемъ, чтобы онъ и его команда, «не дравшись преклонились, а ежели драться стануть, то онъ ихъ всѣхъ казнить» ¹⁾.

Получивъ такое заявленіе, есаулъ Фоминъ съ товарищами и остальными казаками поскакали назадъ и проѣхали мимо своей команды. На вопросъ квартирмистра Малахова, зачѣмъ они оставляютъ команду, Фоминъ отвѣчалъ, что сейчасъ вернутся, и скрылись.

Оставшіеся казаки не знали что дѣлать, а между тѣмъ посланная самозванцемъ за Фоминымъ погоня изъ 150 человекъ была уже не далѣе 150 сажень. Казаки стояли молча, мятежники также остановились. Изъ толпы ихъ выдѣлился одинъ всадникъ, который, подѣхавъ къ казакамъ, предложилъ имъ сдаться.

— Не противьтесь оружіемъ, говорилъ онъ, здѣсь самъ государь Петръ Федоровичъ; слѣзайте съ лошадей.

Казаки не оказывали сопротивленія, но съ лошадей не слѣзали. Тогда изъ толпы мятежниковъ былъ посланъ гонецъ въ Петровскъ, а вслѣдъ затѣмъ изъ города выѣхалъ самозванецъ,

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе казака Парфена Векренева 14 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 512. Московск. Арх. Глав. Шт., опись 194, кн. 45.

окруженный нѣсколькими знаменами или, правильнѣе, значками. «Знамена были, показывалъ хорунжій Малаховъ, съ разными на нихъ изображеніями святыхъ, однакожь безъ полей и звѣздъ золотыхъ и серебряныхъ, только у нѣкоторыхъ вышитыя малыя звѣздочки, у нѣкоторыхъ по краямъ позументы, а другія и безъ всякихъ изображеній».

Какъ только самозванецъ показался изъ города, изъ передоваго отряда, стоявшаго противъ казаковъ, опять выдѣлился одинъ всадникъ и потребовалъ, чтобы казаки слѣзли съ лошадей.

— Вы оставьте ихъ сзади, сказалъ онъ; самъ государь къ вамъ ѣдетъ. Какъ скоро онъ къ вамъ подъѣдетъ, то вы положите оружіе и, падъ (павши) на колѣни, поклонитесь.

На этотъ разъ казаки исполнили приказаніе.

— Вы какіе? спросилъ Пугачевъ.

— Донскіе, были въ Саратовѣ.

— Дѣтушки, Богъ и государь васъ во всѣхъ винахъ прощаетъ, ступайте ко мнѣ въ лагерь.

Казаковъ повели въ лагерь, а самозванецъ, перемѣнивъ коня, погнался съ нѣсколькими человѣками за Фоминымъ, Гогелемъ и Скуратовымъ.

Спасаясь отъ преслѣдованія, всѣ три офицера встрѣтили на пути ожидавшаго ихъ Державина и вмѣстѣ съ нимъ поскакали въ Саратовъ. Нѣкоторые писатели находятъ поступокъ этотъ естественнымъ потому, что Державинъ съ ничтожнымъ отрядомъ могъ очутиться лицомъ къ лицу съ непріателемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; что сопротивляться значило вступить въ неравный бой. Мы, люди военные, судимъ объ этомъ нѣсколько иначе. Оставаться при отрядѣ и отступать вмѣстѣ съ нимъ отъ многочисленнаго непріателя дѣло почетное, но бросить отрядъ и не явиться во главѣ его, когда самъ затѣялъ экспедицію, а затѣмъ разсуждать, благоразумно или нѣтъ вдаваться въ опасность, въ военномъ дѣлѣ не допускается. Можно-ли допустить, чтобы каждый командиръ части соразмѣрялъ силы противника съ своими и затѣмъ соображалъ, выгодно или нѣтъ вести ему свою часть въ атаку. Если бы Михельсонъ разсуждалъ такимъ же образомъ, онъ никогда бы не рѣшился не только атаковать, но и подойти близко къ

мятежникамъ. Беззавѣтное исполненіе долга, не справляясь съ числомъ противника, есть обязанность каждаго военнаго, одинаково требуемая какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ столѣтіи. Державинъ былъ не гражданскій чиновникъ, а поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, присягавшій не щадить живота и нести на себѣ всѣ тяготы военной службы, но, къ сожалѣнію, мы ниже увидимъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія ни о дисциплинѣ, ни объ обязанностяхъ военнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, онъ сознавалъ свой поступокъ и потому счелъ необходимымъ увѣрить, что и при этомъ бѣгствѣ онъ «не забылъ своего долга», (?!).

При захожденіи уже солнца казаки прибыли въ лагерь вмѣстѣ съ бунчукомъ, на которомъ было изображеніе Знаменія Богородицы, отбитымъ ими же на рѣчкѣ Большихъ Узеньяхъ при разбитіи весною толпы яицкихъ казаковъ. Лагерь былъ расположенъ у самаго г. Петровска на луку, гдѣ разбиты были двѣ палатки для самозванца и третья для секретаря; палатки были окружены стражею изъ яицкихъ казаковъ. Приведенные дощцы поступили въ полеъ яицака казака Аванасія Перфильева¹⁾.

Возвратившись вечеромъ въ свой станъ, самозванецъ потребовалъ къ себѣ въ палатку сотника Мелехова, хорунжихъ Малахова, Попова и Колобродова. Въ палаткѣ былъ накрытъ ужинъ: приглашеннымъ предложено сѣсть и выпить по двѣ чарки водки.

— Пейте, дѣтушки, при мнѣ, говорилъ Пугачевъ, и служите вѣрно.

Казаки выпили.

— Какое вы получаете жалованье отъ государыни?

— Мы отъ всемилостивѣйшей нашей государыни жалованьемъ довольны, отвѣчали казаки.

— Хотя вы и довольны, замѣтилъ самозванецъ, но этого мало и на сѣдло, а не токмо на лошадь; послужите вы у меня— не такъ будете довольны и будете въ золотѣ ходить, а у васъ господа сѣбдаютъ жалованье. Слушайте, други мои, былъ я въ Египтѣ три года, въ Цареградѣ три года, да въ третьемъ, не

¹⁾ Казаки ошибочно и по незнанію показали, что были опредѣлены въ полеъ яицака казака Аванасія Петрова.

упомню гдѣ, мѣстѣ два года; я всѣ примѣры чужестранные узналъ—тамъ не такъ какъ у насъ. Я знаю какъ съ господами поступлю ¹⁾).

Послѣ такого заявленія Пугачевъ дозволилъ имъ приходить къ себѣ утромъ и вечеромъ, когда встрѣтятъ надобность, выдалъ старшинамъ по 20 руб. и казакамъ по 12 руб., а затѣмъ приказалъ имъ идти и ложиться спать.

Казаки оставались въ толпѣ самозванца весьма недолго, и начиная съ 9 августа по одиночкѣ почти всѣ бѣжали на Донъ. //

Пугачевъ же 5 августа покинулъ свой лагерь у Петровска и со всею своею толпою двинулся къ Саратову.

XI.

Положеніе Саратова при приближеніи Пугачева.—Отъѣздъ генерала П. Кречетникова въ Астрахань.—Несогласія, возникшія между саратовскими властями.—Переписка Ладыженскаго и Державина съ полковникомъ Бошнякомъ.—Совѣщаніе по защитѣ города.—Приближеніе Пугачева къ Саратову.—Встрѣча его съ войсками.—Разграбленіе города.

Саратовъ былъ однимъ изъ наиболѣе населенныхъ городовъ Астраханской губерніи и въ немъ считалось до 7,000 жителей. Истребленный въ началѣ 1774 года пожаромъ, городъ едва началъ отстраиваться, какъ находившійся въ немъ астраханскій губернаторъ Петръ Никитичъ Кречетниковъ получилъ приказаніе генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго отправиться въ Астрахань и вступить въ отправленіе своей должности.

«Ея императорское величество, писалъ кн. Вяземскій генералу Кречетникову ²⁾, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволила объявить вашему превосходительству, что какъ въ разсужденіи обстоятельствъ, для коихъ вамъ назначено быть въ Саратовѣ, послѣдо-

¹⁾ Показаніе есаула Мелехова и хорунжаго Малахова. Моск. Арх. Гл. Штаба. опись 47, кн. IV. Показаніе это напечатано П. Е. Щербальскимъ въ его книгѣ: «Начало и характеръ Пугачевщины», прилож., стр. 105. Разсказъ, помѣщенный въ Древ. и Нов. Россіи (1877 г., № 3, стр. 237), расходится съ показаніями участниковъ.

²⁾ Въ письмѣ отъ 9 мая 1774 г.

вала извѣстная перемѣна ¹⁾, то по полученіи сего переѣхать вамъ въ Астрахань и вступить въ надлежащее правленіе возложенной на васъ должности, учредя поступокъ вашъ такимъ образомъ, чтобъ оный соотвѣтствующъ былъ высочайшей ея вамъ довѣренности и сохраняя во всѣхъ частяхъ должную справедливость и правосудіе, чѣмъ однимъ можете заслужить ея милость и благоволеніе.

«Я чрезъ сіе, исполняя высочайшее повелѣніе, нахожу за нужно съ своей стороны сообщить вашему превосходительству, что по причинѣ происшедшихъ ссоръ между вашихъ товарищей и прокурора, когда не найдете средства къ прекращенію, то можете съ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ представить въ Сенатъ».

На это письмо Кречетниковъ отвѣчалъ ²⁾:

«Вашего сіятельства письмо съ высочайшимъ ея величества повелѣніемъ о переѣздѣ моемъ въ Астрахань къ порученной мнѣ должности, я имѣлъ счастье получить. На которое вамъ, государь, по чистой моей душѣ, какъ предъ самимъ Богомъ отвѣтъ дать долженъ, такъ и говорю, что нѣтъ у меня иной мысли, какъ только прошу всемогущество Божіе, чтобъ подаль мнѣ силу разума сохранить славу ея величества и интересъ ея высокаго званія соблюсти; а затѣмъ дать людямъ правду по крайнему разумѣнію и всѣми силами теченіе дѣлъ пустить. Сами, милостивый государь, разсудить изволите, что мнѣ въ свѣтѣ лестнѣе быть можетъ, какъ пріобрѣсть высочайшее ея величества себѣ милосердіе и благоволеніе. Вѣрь Богу, государь, что сего единого только и желаю.

«Теперь же принужденъ нѣсколько дней остановиться здѣсь по причинѣ пожара, чтобы сдѣлать и положить на мѣрѣ, какъ впредь городъ строить и расположить отъ неистоваго (?) строенія и непорядка, каковой былъ. Къ тому же здѣсь довольно разныхъ командъ, кои не только другъ другу не подчинены, но и мнѣ не принадлежатъ; то если мнѣ, не сдѣлавъ при себѣ положенія,

¹⁾ Перемѣна эта заключалась въ томъ, что Пугачевъ былъ разбитъ и съ незначительнымъ числомъ сообщниковъ бѣжалъ на сѣверъ, въ Башкирію.

²⁾ Въ собственноручномъ письмѣ князю А. А. Вяземскому отъ 20 мая, изъ Саратова.

уухать, то придетъ городъ въ споръ и всякій въ свои положенія, то и принужденно будетъ мнѣ приѣзжать къ разсмотрѣнію. Я и разсудилъ все то теперь сдѣлать и буде успѣю, то отсюда же и къ вамъ представлю, а ежели не успѣю, то съ дороги то сдѣлаю. Я же намѣренъ въ проѣздъ до Астрахани все мѣста осмотрѣть, такъ какъ и линію Царицынскую, и потомъ васъ увѣдомить, чтобы уже мнѣ осталось осмотрѣть ту сторону. А затѣмъ наиприлежнѣйше прошу подать мнѣ знаніе и наставленіе, какое бы ея величества соизволеніе было о ввѣренномъ мнѣ краѣ и о сосѣдственныхъ народахъ, то истинно, государь, все силы употреблю, чтобы ихъ на тотъ конецъ привести и постараюсь, какъ только время допустить, осмотрѣть темницы и рудники и сдѣлать потребное и основательное примѣчаніе и о всемъ томъ съ крайнею аккуратностію донести».

Отъѣзжая изъ Саратова и предвидя, что между начальниками командъ могутъ возникнуть пререканія, генераль П. Кречетниковъ поручилъ *«все правленіе по городу воинскихъ дѣлъ»* коменданту полковнику Бошняку, «на коего человѣка, доносилъ онъ Сенату ¹⁾, я по его способности и извѣстной мнѣ усердности и исправности, надежду мою къ полезнымъ успѣхамъ полагаю». Сообщая князю Щербатову, что назначилъ Бошняка начальникомъ всехъ командъ, расположенныхъ въ Саратовѣ, генераль Кречетниковъ просилъ главнокомандующаго *«все сношенія имѣть и требовать исполненіе отъ него, коменданта»* ²⁾.

«Миновавъ главнаго воинскаго начальника, писалъ впоследствии Кречетниковъ конторѣ опекунства иностранныхъ ³⁾, поручить другому приватному и статскому человѣку (начальство) было бы и законамъ несходственно».

Такимъ образомъ, полковникъ Иванъ Константиновичъ Бошнякъ долженъ былъ быть единственнымъ распорядителемъ по укрѣпленію города и начальникомъ всехъ войскъ въ немъ находившихся.

¹⁾ Государств. Арх., VI, д. № 454.

²⁾ Письмо Кречетникова князю Щербатову отъ 14 іюня 1774 г., № 1,016. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

³⁾ Въ предписаніи отъ 6 августа 1774 г.

Въ сожалѣнію, приступая къ изложенію печальной страницы саратовскихъ пререканій, мы должны разойтись съ большинствомъ изслѣдователей этихъ событій. Люди военные, на обязанности которыхъ лежитъ защита и оборона, имѣютъ свою точку зрѣнія, руководствуются издавна усвоенными ими правилами и законами и не могутъ согласиться съ гражданскими воззрѣніями. Вотъ почему мы должны не иначе какъ съ грустью сказать, что въ Саратовѣ нашлись люди, преслѣдовавшіе свои личные интересы, не заботившіеся о благѣ общемъ и не чуждые мѣстничества, причинившаго немало бѣдъ на Руси. Во главѣ противниковъ Бошняка и лицъ наиболѣе подлежащихъ осужденію, стоялъ управляющій конторою опекуства иностранныхъ поселенцевъ, статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Ладыженскій, къ которому присоединился, безъ всякаго основанія и повода, но единственно по вѣтренности своего характера, заносчивости, наклонности къ превышенію власти и желанію играть извѣстную роль, — гвардіи поручикъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Противодѣйствіе этихъ лицъ полковнику Бошняку тѣмъ прискорбише, что оба его противника были люди военные и слѣдовательно обязанные знать важное значеніе коменданта, его права и въ то же время обязанные безусловнымъ исполненіемъ распоряженій высшей власти. Имъ было извѣстно, что независимо отъ чиновъ, комендантъ есть хозяинъ гарнизона и всѣхъ находящихся въ городѣ командъ. Ладыженскій служилъ прежде въ инженерномъ вѣдомствѣ и былъ бригадиромъ. По недавнему назначенію на тогдашнюю свою должность, онъ самъ называлъ себя человѣкомъ новымъ, но считалъ себя старше полковника Бошняка, бывшаго саратовскимъ комендантомъ и исправлявшимъ должность воеводы. Ладыженскій смотрѣлъ на себя какъ на первое лицо въ городѣ, былъ обиженъ тѣмъ, что Кречетниковъ предпочелъ ему Бошняка, а Державинъ считалъ себя неподчиненнымъ даже и астраханскому губернатору. Интриги Ладыженскаго и Державина были причиною печальныхъ событій, совершившихся въ Саратовѣ въ началѣ августа 1774 года.

Въ виду опасности, угрожавшей городу отъ надвигавшейся толпы самозванца, полковникъ Бошнякъ намѣренъ былъ при-

ступить къ его укрѣпленію и сосредоточить въ немъ всѣ силы ¹⁾).

24 іюля онъ отправился въ опекунскую контору, гдѣ и имѣлъ совѣщаніе съ членомъ ея, статскимъ совѣтникомъ Ладыженскимъ, и вызваннымъ въ Саратовъ изъ Малыковки л.-гв. Преображенскаго полка поручикомъ Г. Р. Державинымъ ²⁾).

На совѣщаніи этомъ было положено: оставить только самое необходимое число войскъ въ колоніяхъ, а всѣ свободныя команды собрать въ городъ, раздать имъ патроны и пули, привести въ исправное состояніе имѣвшіеся при опекунской конторѣ четыре пушки и одну мортиру, и снабдить ихъ двойнымъ комплектомъ зарядовъ, а для развѣдыванія о непріятелѣ учредить въ разныхъ мѣстахъ развѣзды изъ казаковъ, бывшихъ въ распоряженіи Державина. При этомъ совѣщавшіеся пришли къ такому заключенію, что, будучи окруженъ высокими горами, Саратовъ не могъ быть укрѣпленъ вполне. Обширность города отнимала всѣ способы «сдѣлать такое укрѣпленіе, которое бы въ короткое время въ оборонительное состояніе приведено быть могло, да и военной команды на закрытіе онаго столько же недостаточно, сколько и артиллеріи». По заявленію Бошняка, онъ могъ набрать въ городъ не болѣе 10 чугунныхъ пушекъ, да и тѣ были на лафетахъ, поврежденныхъ во время пожара. Поэтому рѣшено было, для исправленія городскихъ орудій передать ихъ въ мастерскую артиллерійской команды, состоявшей при опекунствѣ иностранныхъ. Что же касается до плана защиты города, то постановлено было, въ случаѣ приближенія къ Саратову самозванца, не допуская его до города, встрѣтить въ полѣ всѣми соединенными силами и стараться разбить его. Для безопаснаго же отступленія, въ случаѣ неудачи, и для предоставленія жителямъ возможности укрыться отъ звѣрства и неистовства мятежниковъ, рѣшено было устроить земляное укрѣпленіе вблизи

¹⁾ Рапортъ Бошняка военной коллегіи 16 октября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV. Рапортъ этотъ составляетъ копію съ рапорта представленнаго Бошнякомъ графу П. И. Панину отъ 11 октября и напечатаннаго Я. К. Гротомъ въ приложеніи къ *Сочиненіямъ Державина*.

²⁾ Рапортъ полковника Бошняка астраханскому губернатору Кречетникову 25 іюля 1774 г. Постановленіе комиссіи отъ 24 іюля. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

города и на самомъ берегу рѣки Волги, тамъ, гдѣ находились провіантскіе магазины, принадлежавшіе опекунству иностранныхъ. Въ этихъ магазинахъ хранилось до 20,000 четвертей муки и значительное количество овса. По мнѣнію совѣщавшихся, вблизи города не было лучшаго и удобнѣйшаго мѣста для укрѣпленія, которое, примыкая къ берегу рѣки, могло бы выдержать осаду до прибытія подкрѣпленій и обезпечить гарнизонъ и жителей какъ хлѣбомъ, такъ и водою.

Въ этомъ укрѣпленіи предполагалось собрать все семейства защитниковъ, содержать колодниковъ подъ охраною небольшого караула, а казенное вино погрузить на судно и поставить на якорь противъ укрѣпленія; все же остальные суда затопить, чтобы мятежники не могли ими воспользоваться.

Какъ бывший инженеръ, Ладыженскій составилъ проектъ укрѣпленія, а полковникъ Бошнякъ общалъ 25-го и 26-го іюля выслать на работу городскихъ обывателей.

Представляя Кречетникову копію *«съ общаго консульнаго опредѣленія»*, полковникъ Бошнякъ присовокуплялъ, что укрѣпленіе это необходимо, чтобы, въ случаѣ нападенія мятежниковъ, *«сохранить цѣлость высочайшаго интереса (деньги и провіантъ) и жизнь всякаго гражданина съ имѣніемъ»*¹⁾.

Общая въ помощь Саратову вооружить до 1,500 человекъ крестьянъ, поручикъ Державинъ уѣхалъ въ Малыковку, а между тѣмъ, 25-го іюля саратовскій комендантъ получилъ увѣдомленіе главнокомандующаго князя Щербатова, что Пугачевъ 15-го іюля разбитъ Михельсономъ, что онъ пробирается къ Курмышу и Ядрину, и такъ какъ его преслѣдуетъ графъ Меллинъ съ своимъ отрядомъ, то городу Саратову *«опасности быть не можетъ»*. Заключение свое главнокомандующій основывалъ на томъ, что со стороны Сызрани и Самары онъ прибалъ «обратить для перехваченія сего изверга стоящія тамъ войска, а особливо сызранскому посту накрѣпко подтвердилъ взирать на бѣгущаго злодѣя и всемирно

¹⁾ Репортъ полковника Бошняка астраханскому губернатору отъ 26 іюля 1774 г. и «Журналъ конторы опекунства иностранныхъ». Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

стараться путь ему пересѣкать и истребить» ¹⁾. Привезшій это предписаніе офицеръ словесно заявилъ, что Пугачевъ бѣжитъ такъ поспѣшно, что оставляетъ по дорогѣ всѣхъ своихъ сообщниковъ, а самъ скачетъ на перемѣнныхъ лошадяхъ ²⁾.

Нѣсколько поспѣшное заключеніе князя Щербатова о безопасности города Саратова опровергалось полученнымъ въ тотъ же день извѣстіемъ изъ г. Пензы, что Пугачевъ съ толпою до 2,000 человекъ появился въ виду г. Алатыря и приближается къ этому городу. Кому вѣрить: главнокомандующему или пензенской провинціальной канцеляріи — Бошнякъ не зналъ, и затѣмъ рѣшилъ не приступать къ возведенію укрѣпленія до разъясненія обстоятельствъ ³⁾.

Онъ вѣрилъ болѣе сообщенію главнокомандующаго, и, имѣя въ виду, что большинство населенія занято необходимыми полевыми работами, отложилъ нарядъ рабочихъ, и такимъ образомъ ни 25-го, ни 26-го іюля работы по укрѣпленію города не производились. Видя, что комендантъ не исполняетъ обѣщаній, данныхъ наканунѣ, Ладыженскій и члены опекунской канторы настаивали и просили Бошняка прислать скорѣе рабочихъ, говоря, что опасность городу не только не миновала, а умножилась. «Но, писалъ Свербеевъ Г. Р. Державину ⁴⁾, пречестные усы (Бошнякъ) въ бытность свою вчера здѣсь (въ опекунской канторѣ) благоволили обеззаботить всѣхъ насъ своимъ упрямствомъ; причемъ нѣкоторые съ пристойностію помолчали, нѣкоторые пошумѣли, а мы, будучи зрителями, послушали и, пожелавъ другъ другу покойнаго сна, разошлись и тѣмъ спектакль кончился. *Притѣжай, братецъ, поскрѣе и нагощи на нихъ страхъ*; авось подѣйствуютъ всего лучше ваши слова и тѣмъ успокоятся жители».

¹⁾ Предписаніе князя Щербатова полковнику Бошняку отъ 22 іюля 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

²⁾ Письмо Новосильцова Державину отъ 26 іюля. См. *Сочиненія Державина*, т. V, 143.

³⁾ Рапортъ полковника Бошняка генералу Кречетникову отъ 26 іюля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 454. Какъ это донесеніе, такъ и нѣкоторые другія, напечатаны Я. К. Гротомъ въ приложеніи къ *Соч. Державина*.

⁴⁾ Отъ 26 іюля 1774 года. *Сочин. Державина*, Я. К. Грота, изд. 1869 года, т. V, стр. 144.

Еще наканунѣ полученія этого письма, Державинъ, не желая подчиняться распоряженіямъ Кречетникова и признавать въ Бошнякѣ начальника, просилъ главнокомандующаго, князя Щербатова, разъяснить, кому быть начальникомъ въ Саратовѣ и самонадѣянно говорилъ, что онъ «*подвигъ*» саратовскія власти «сдѣлать приуготовленія»; что онъ отправится самъ въ Саратовъ, «ибо мнѣ хочется, писалъ онъ ¹⁾, чтобъ тамъ черезъ досугу мою *все было въ порядкѣ и въ готовности (?!)*».

«По происшедшему въ Казани несчастливому приключенію, писалъ въ тотъ же день Державинъ генералу фонъ-Брандту ²⁾, народъ, о семъ извѣстившись, въ крайнемъ колебаніи. Хотя не можно ничего сказать о какомъ либо явномъ замѣшательствѣ, однако по тайному слуху всѣ ждутъ чаемаго ими Петра Федоровича. Виѣдрившаяся въ сердца язва, начавшая утоляться, кажется оживляется и будто ждетъ только случая открыть себя. Ни разумъ, ни истинная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей государыни, ничто не можетъ извлечь укоренившагося грубаго и невѣжественнаго мнѣнія.

«Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни; авось либо незримое здѣсь и страшное то позорище дастъ нѣсколько иныя мысли».

Отправивъ эти донесенія, Державинъ, 28 іюля, получилъ вышеприведенное нами письмо Свербеева и, желая сохранить за собою мнѣніе человѣка вліятельнаго, въ тотъ же день поскакалъ въ Саратовъ нагонять страхъ и подливать масло въ загоравшійся уже огонь несогласій.

Наканунѣ приѣзда Державина, въ городѣ получено было извѣстіе, что Пугачевъ прошелъ уже Алатырь и занялъ Саранскъ, находившійся не далѣе 300 верстъ отъ Саратова, и тогда Бошнякъ успѣлъ собрать наскоро до 40 человѣкъ и отправилъ ихъ на работу укрѣпленія. Рабочіе эти были болѣею частью женщины и малолѣтніе съ деревянными лопатами, и потому успѣхъ работъ не отвѣчалъ принятому рѣшенію построить укрѣпленіе по воз-

¹⁾ Князю Щербатову отъ 27 іюля 1774 года. Соч. Державина, Я. К. Грота, изд. 1869 г., т. V, стр. 146 и 147.

²⁾ Въ письмѣ отъ 27 іюля 1774 г. Тамъ же, стр. 148.

ожности въ кратчайшій срокъ. Видя безуспѣшность работы, Л. Ладыженскій собралъ въ тотъ же день совѣтъ, въ который были приглашены: комендантъ, члены опекунства иностранныхъ, главный судья низовой соляной конторы Жуконъ, ратманъ саратовскаго магистрата и нѣсколько «первостатейныхъ» купцовъ. Сошцавшіеся опять признали невозможнымъ укрѣплять весь городъ и рѣшили построить укрѣпленіе у провіантскихъ магазиновъ, при чемъ ратманъ и купцы обѣщали вооружить отъ себя до 500 челоуѣкъ и обязались подпискою прислать на другой день на работу по одному челоуѣку съ каждаго купческаго двора, а «если нужда потребуеть, то, сверхъ того, прибавить сколько будетъ можно»¹⁾. На вопросъ о средствахъ вооруженія этого укрѣпленія саратовскій комендантъ отвѣчалъ, что для девяти находящихся при воеводской канцеляріи чугунныхъ пушекъ онъ успѣлъ сдѣлать 90 зарядовъ. Признавая это число слишкомъ недостаточнымъ, собраніе постановило поручить освидѣтельствовать городскія пушки артиллеріи майору Семанжу, разсортировать снаряды, а коменданту прислать въ контору опекунства вѣдомость о численности его команды и свѣдѣніе, сколько онъ можетъ приготовить еще снарядовъ.

Такое постановленіе устраняло не только всякую самостоятельность саратовскаго коменданта, но и лишало его первенства въ защитѣ города. Полковникъ Бошнякъ не могъ помириться со второстепенною ролью и передать главенство въ руки Ладыженскаго.

Саратовскій комендантъ отказался принять участіе въ постройкѣ укрѣпленія, доказывая, что оно будетъ совершенно въ сторонѣ отъ города и притомъ въ ямѣ, такъ что защищать его невозможно. Онъ совѣтовалъ возобновить прежній городской валъ, обнести его снаружи рвомъ съ полисадомъ, построить на немъ батареи, а впереди рва накидать рогатки. Бошнякъ доказывалъ, что если городъ будетъ защищенъ, то и провіантскіе магазины будутъ цѣлы; что если предлагаемыя имъ средства будутъ приведены въ исполненіе, то Саратовъ будетъ достаточно обезпеченъ отъ покушеній мятежниковъ. Онъ требовалъ, чтобы Ладыженскій вмѣстѣ

¹⁾ «Журналъ конторы опекунства иностранныхъ дѣлъ», представленный Кречетникову отъ 18 сентября. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

съ нимъ осмотрѣлъ городской валъ, присовокупляя, что пушекъ своихъ для исправленія въ артиллерійскую команду при опекунствѣ не отдастъ, и просилъ прислать ему человѣкъ до 20 рядовыхъ для дѣланія зарядовъ.

Предоставляя опекунству иностранныхъ построить небольшое укрѣпленіе у магазиновъ, полковникъ Бошнякъ говорилъ, что оставить городъ безъ защиты онъ не можетъ, потому «что церкви Божіи будутъ обнажены, къ тому же острогъ съ колодниками и немалое число вина останется на расхищеніе злодѣямъ».

Ладыженскій и его клеветы доказывали, что городъ защищать не стѣитъ; что послѣ пожара онъ имѣетъ весьма мало строевой, что большинство населенія живетъ въ шалахахъ и возобновлять городской валъ не позволяетъ время.

Пререканія эти повели къ тому, что ни та, ни другая сторона не приступали къ работамъ, и тогда Ладыженскій вмѣстѣ съ Державинымъ отправились сами къ Бошняку для совѣщаній. Они согласились, чтобы внутри города сдѣлать укрѣпленіе, которое заключило бы въ себѣ: соборъ, женскій монастырь, Никольскую и Казанскую церкви, домъ соляной конторы, воеводскую канцелярію съ острогомъ и винные погреба. Ладыженскій составилъ планъ такому укрѣпленію, но Бошнякъ отказался его принять потому, какъ доносилъ онъ впоследствии ¹⁾, что тогда пришлось бы сломать многіе дома, «дабы удобнѣе по непріятелю палъбу производить». Саратовскій комендантъ справедливо говорилъ, что, оставляя эти дома, мы даемъ средства непріятелю подойти безнаказанно къ укрѣпленію и укрыться въ нихъ. Тогда Ладыженскій взялъ на себя трудъ, ничѣмъ не оправдываемый, разъяснить Бошняку его положеніе.

«Я не могу надивиться вашему упрямству и непостояннымъ разсужденіямъ, писалъ Ладыженскій саратовскому коменданту ²⁾, ибо вы въ одинъ день соглашались и съ подписаннаго вами приговора

¹⁾ Въ рапортѣ Кречетникову отъ 1 августа 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

²⁾ Въ письмѣ, отъ 29 іюля 1774 года. Московск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга IV. Письмо это напечатано Я. К. Гротомъ въ приложеніяхъ къ *Сочинен. Державина*.

отступили, не вѣдаю почему; я не вижу никакихъ правильныхъ резоновъ отступать вамъ отъ собственныхъ вашихъ мыслей. У меня инженеровъ хотя и нѣтъ въ командѣ, а артиллерійскіе иные больны, а иные заняты при командѣ, но совсѣмъ тѣмъ капитана Дурова къ вамъ посылаю, а притомъ по-пріятельски прочтите *посланную при семъ бумажку* ¹⁾, по которой вы ясно увидите должность вашу и можете изъ того заключить, что вы только *возмечтали быть комендантомъ*, будто въ крѣпости. Вамъ надлежитъ напередъ взвѣснить на вѣскахъ пользу и бесполезности мѣстъ и стараться споспѣшествовать общей и государственной пользѣ, а не отвращать благонамѣренныхъ людей, кои готовы были положенное исполнить. Конторѣ же не безъизвѣстно и то, что вы послѣдовали болѣе прошенію или совѣту пахатныхъ солдатъ, бобылей, коимъ о существѣ дѣла и знать не должно, а быть слѣпо въ повелѣніяхъ воеводской канцеляріи, которою вы теперь

¹⁾ Посланная бумажка была слѣдующаго содержанія: «Крѣпостію называется огражденное искусствомъ, по правиламъ военнаго укрѣпленія или фортификаціи, мѣсто. Въ такомъ мѣстѣ для обороны отъ неприятелей потребны инженерныя офицеры и при нихъ разнаго рода мастеровые, смотря по существу той крѣпости; также необходима къ оборонѣ нужная артиллерія, арсеналы и магазейны съ ея припасами и пороховые погреба, а потомъ и немалая артиллерійская команда. Всѣ оныя люди, орудія и снаряды должны зависѣть отъ одной особы, знающей искусство укрѣплять и оборонять; оная особа, по принятому обыкновенію, называется комендантомъ или повелителемъ той крѣпости, которая ему и поручается, яко хозяину.

«Въ Россійскомъ государствѣ есть два сорта комендантовъ, изъ коихъ первые, кои, какъ выше упомянуто, по справедливости могутъ называться комендантами или повелителями, а потому и хозяевами вышеписанныхъ крѣпостей. Другой же сортъ комендантовъ опредѣляется для сыску воровъ и разбойниковъ и для препровожденія изъ нихъ пойманныхъ отъ мѣста до мѣста и для другихъ надобностей и карауловъ, и то по требованіямъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, тако-жъ и прочихъ случающихся во многихъ городахъ присутственныхъ мѣстъ. Въ городѣ Саратовѣ нѣтъ никакой ограды, искусствомъ и по правиламъ военной архитектуры расположенной, а потому нѣтъ ни инженерной, ни артиллерійской команды, ниже воинскихъ снарядовъ, кои до обороны крѣпости принадлежатъ. Равнымъ образомъ не положено при баталіонѣ и мастеровой роты, которыя единственно для починки крѣпостей по послѣднему штату учреждены; городъ же управляется воеводскою канцеляріею и магистратомъ, равно какъ и всѣ приписные и неукрѣпленные города, слѣдовательно и опредѣленный въ немъ комендантъ не хозяинъ въ городѣ, но повелитель токмо учрежденнаго здѣсь для упомянутыхъ надобностей баталіона, изъ коего по требованію присутственныхъ мѣстъ долженъ отряжать потребное число людей по случающимся казеннымъ нуждамъ».

управляете, ибо по собственной вашей должности не можете вы, кроме батальонных солдатъ, никому длатъ приказанія. Впрочемъ, желаю вамъ успѣха, а контора не соглашается оставить великой провіантскій магазинъ безъ закрытія, ибо лучше потерять деньги, нежели хлѣбъ, потому что, потерявъ оный, уморимъ двадцать пять тысячъ народа съ голоду. Вы требуете отвѣтъ отъ конторы, которая не будетъ вамъ пріятно отвѣчать и того хуже зоветъ вы меня въ воеводскую канцелярію смотреть вашего плана, кажется, забывшись ¹⁾. Пожалуй, государь мой, выскочи ты этого дурака писаря, который нашимъ постоянствомъ поколебалъ. Впрочемъ, вѣрьте, что я по прежнему вашъ усердный слуга.

Р. С. «Пишу къ вамъ партикулярно для того, что не хочется еще васъ обличить, однако неминуемо контора принуждена будетъ представить куда надлежитъ. Вѣдь пушки-то, братецъ, не у коменданта, но у воеводской канцеляріи въ командѣ».

Эта грубая и недостойная выходка была усилена еще письмомъ, написаннымъ Г. Р. Державинымъ, неимѣвшимъ на то ни повода, ни права и присоединившимся къ Ладыженскому по своей взбалмошности.

«Когда вамъ, писалъ Державинъ Бошняку, его превосходительство г. астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то черезъ сіе имѣю честь вашему высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ его высокопревосходительства покойнаго генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, вслѣдствіе именнаго ея императорскаго величества высочайшаго повелѣнія по секретной комиссіи и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все» ²⁾.

¹⁾ То-есть, что зоветъ къ себѣ старшаго.

²⁾ Въ тайномъ наставленіи или инструкціи, данной А. И. Бибиковымъ лейб-гвардіи поручику Державину, было сказано, что онъ посылается въ Малыковку (нынѣ г. Вольскъ) для исполненія слѣдующихъ порученій: 1) Въ случаѣ разбитія Пугачева подъ Оренбургомъ и бѣгства его на Ирғизъ, обратитъ «все-удобъ-возможное стараніе къ тому, чтобъ узнать тѣхъ людей, къ коимъ бы онъ въ такомъ случаѣ прибѣгнуть могъ, или, по крайней мѣрѣ, черезъ кого вы о нихъ узнать можете, а узнавши, расположите таковыя мѣры, чтобъ сей злодѣй поними прибѣгнуть не

Нося мундиръ Преображенскаго полка почти случайно, только потому, что состоялъ въ чинѣ поручика, не имѣя никакого понятія о военной службѣ и дисциплинѣ, ни объ обязанностяхъ и правахъ коменданта и толкуя по-своему полномочія ему данныя, Державинъ явился слѣпымъ орудіемъ Ладыженскаго. Онъ увѣрялъ, что относительно укрѣпленія города Бошнякъ не можетъ спорить съ Ладыженскимъ, «яко служащимъ (служившимъ?) штабъ-офицеромъ въ инженерномъ корпусѣ», и долженъ подчиниться ему.

Что же касается до желанія коменданта защищать городъ и церкви Божіи, «то на сіе, писалъ забывшійся Державинъ, окромѣ всѣхъ господъ штабъ и оберъ-офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что комендантъ ввѣренной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ, тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленною и довольною людьми и потребностями къ защищенію оной; ежели-жь всего онаго не имѣетъ, такъ какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное именованіе города, то долженъ

могъ». 2) До разбитія самозванца, Державину поручалось употребить стараніе, «чтобъ узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ злодѣя и его толпы, ихъ состояніе и силу, взаимную между ними связь, и чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе вы узнаете, тѣмъ болѣе и заслуги вашей».

Средствами для исполненія этого порученія главнокомандующій считалъ: обѣщаніе награды, денежные выдачи, посылка надежныхъ людей въ станъ самозванца, наблюденіе надъ образомъ мыслей населенія, убѣжденіе жителей, что принявшій на себя титулъ императора есть самозванецъ, государственный злодѣй и измѣнникъ. «Впрочемъ, я, прибавлялъ Бибииковъ въ концѣ своего наставленія, полагаюсь на искусство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, *понимая силу прямую посылки вашей (Сочин. Державина съ примѣч. Я. К. Грота, т. V, стр. 10—14)*. Вотъ всѣ полномочія и цѣль посылки Державина. Они весьма далеки отъ права вмѣшательства въ какія бы то ни было административныя распоряженія, далеки и отъ того, чтобы по требованіямъ послѣдняго *исполнять все*. Посылая Державина въ Малыковку, главнокомандующій А. И. Бибииковъ ограничилъ районъ его дѣйствій тѣмъ, что просилъ содѣйствія въ порученной ему должности только малыковскихъ дворцовыхъ правителей и астраханскаго губернатора, какъ хозяина той губерніи, въ которую посылался молодой поручикъ. Къ сожалѣнію, повтъ увлекся до того, что считалъ ненужнымъ повиноваться распоряженіямъ губернатора, считалъ свое положеніе выше власти, предоставленной губернаторамъ, и называлъ себя челоувкомъ, «которому препоручено сохраненіе здѣшнихъ мѣстъ отъ злодѣйскихъ нападений».

онъ непрсмѣнно находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ архитектуры мѣстѣ и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія ретраншемента, а съ прочими силами идти на встрѣчу злодѣя; то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя на встрѣчу злодѣю, защищать будете, это никому непонятно. *Да и какое вы, не зная инженернаго искусства, лучшее укрѣпленіе сдѣлать хотите, то также вѣзмъ благоразумнымъ неизвѣстно.* Церкви Божіи защищать, конечно, должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь».

Играя дерзко словами, молодой поручикъ увлекся до того, что потребовалъ отъ полковника Бошняка отвѣта, самъ не зная какого, для донесенія П. Потемкину, *«яко непосредственному начальнику высочайшей ея величества власти»* (?!).

Что подразумѣвалось подъ послѣднимъ—трудно понять потому, что П. Потемкинъ былъ не болѣе какъ начальникъ секретныхъ комиссій, самъ неимѣвшій никакой административной власти на театрѣ дѣйствій. Полковникъ Бошнякъ зналъ это хорошо и не безъ удивленія читалъ заявленіе Державина, что *«мы, находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры, пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что (если) вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемый вами крѣпостью Саратовской».*

Не обращая вниманія на полученные письма, полковникъ Бошнякъ 30 іюля отправился къ Ладыженскому и старался доказать ему, что предполагаемое укрѣпленіе провіантскихъ магазиновъ не имѣетъ цѣли, что по отдаленности отъ города трудно перевезти и собрать въ немъ имущество жителей, что гораздо лучше перенести укрѣпленіе на московскую дорогу близъ каменной часовни, куда и перевезти, если не весь, то часть провіанта. Вновь избираемое мѣсто для укрѣпленія изобиловало водою и находилось на прямомъ пути наступленія мятежниковъ, и слѣдовательно имѣло болѣе важное значеніе, чѣмъ построенное въ сторонѣ и вдали отъ города у провіантскихъ магазиновъ. Ладыженскій не согласился

съ доказательствами коменданта и объявилъ, что не дастъ ни своихъ командъ, ни мастеровыхъ для исправленія городскихъ орудій ¹⁾).

Возвратившись домой, полковникъ Бошнякъ получилъ предписание астраханскаго губернатора Кречетникова, вновь требовавшего, чтобы комендантъ взялъ на себя оборону города.

«Въ околичностяхъ Саратова и въ самомъ городѣ, писалъ Кречетниковъ Бошняку ²⁾, *принять вамъ* отъ таковаго злодѣйскаго стремленія по указамъ е. и. в. предосторожность, къ чему находящихся тамо во всѣхъ командахъ воинскихъ людей собравъ, употребить на защищеніе и отпоръ въ случаѣ нападенія, а именно: всѣхъ состоящихъ при опекунской и соляной конторахъ казаковъ *истребовать, не смотря ни на какія ихъ отговорки*. Буде бы опекунская контора стала отзываться, что изъ нихъ часть употреблена къ обмежеванію земель, которое по сему самокрайнейшему и опаснѣйшему случаю должно теперь оставить; такъ же бы и артиллерійскую вѣдомства ея команду имѣть въ собраніи, со всею артиллеріею и снаряды, во всякой готовой къ оборонѣ исправности, дабы изъ казаковъ ни малѣйшей части, какъ то при мнѣ въ Саратовѣ было, у нихъ не оставалось, *но всѣ бы они отданы были въ команду и распоряженіе ваше*, на отпоръ и прогнаніе вышеписаннаго злодѣя и его воровскихъ партій.

«Сей ордеръ мой обѣихъ конторъ гг. присутствующимъ секретно объявить и съ ними купно посовѣтовавъ, поступить въ недопущеніи до распространенія злодѣйства вдаль, съ единодушною мыслію помня всякому долгъ свой, какъ вѣрнымъ е. и. в. рабамъ, по данной присягѣ и по воинскимъ регуламъ принадлежитъ, не щадя живота обратитъ единственно свои силы сего злодѣя всемѣрно отразить».

Съ этимъ предписаніемъ Бошнякъ въ тотъ же день вторично поѣхалъ къ Ладыженскому, который, будучи поддержанъ Державинымъ, настаивалъ на своемъ, но потомъ объявилъ, что пріѣдетъ

¹⁾ Рапортъ полковника Бошняка генералу Кречетникову отъ 30 іюля 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

²⁾ Отъ 24 іюля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 454.

посмотрѣть мѣсто, избранное комендантомъ для укрѣпленія. Произведенный осмотръ не привелъ къ соглашенію, а заявленіе коменданта, чтобы всѣ военныя команды были отданы въ его распоряженіе, заставило Ладыженскаго собрать своихъ клевретовъ на совѣщаніе и пригласить въ присутствіе и полковника Бошняка. Послѣдній, на требованіе собравшихся укрѣпить провіантскіе магазины, отвѣчалъ, что построить небольшое укрѣпленіе здѣсь необходимо, но что главнѣйшею цѣлью должна быть защита города; что для этого необходимо построить укрѣпленіе впереди города, на пути наступленія непріятеля, а не съ боку. При этомъ Бошнякъ повторилъ свое требованіе о передачѣ въ его распоряженіе всѣхъ командъ и о присылкѣ 20-ти человекъ артиллеристовъ. Ладыженскій не соглашался исполнить требованіе, говоря, что опекунская контора *«у губернатора не подъ властью»*, а Державинъ и другіе *«всѣчески, доносилъ Бошнякъ¹⁾»*, ругательскими и весьма безчестными словами поносили и бранили, и онъ, г. Державинъ, намѣрился меня, яко совѣзмъ, по ихъ мнѣнію, осужденнаго арестовать, въ чемъ я при теперешнемъ весьма нужномъ случаѣ, ваше превосходительство, и не утруждаю, а послѣ буду просить должною по законамъ сатисфакціи».

Послѣ такой сцены комендантъ не могъ принимать участія въ совѣщаніяхъ, и тогда на слѣдующее утро, 1 августа, Державинъ явился въ магистратъ и потребовалъ, чтобы немедленно было приступлено къ постройкѣ укрѣпленія и чтобы высланы были на работу всѣ способные, не исключая ни одного человека. Гвардіи поручикъ убѣждалъ защищаться до послѣдней капли крови и грозилъ, что если кто выкажетъ недостатокъ усердія, тотъ будетъ признанъ измѣнникомъ, скованъ и отосланъ въ секретную комиссію. Испуганные такою угрозою купцы дали подписку, что въ случаѣ колебанія или перехода на сторону мятежниковъ сами себя обрекаютъ на смертную казнь. Не довольствуясь этимъ и желая увеличить число своихъ сторонниковъ, Ладыженскій и Державинъ пригласили тайкомъ въ присутствіе, помимо Бошняка, его подчиненныхъ: маіоровъ Бутыркина, Салманова, Зоргера,

¹⁾ Крещетникову отъ 2 августа 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 454.

Быкова и Тимонина. Всѣ они, руководимые, конечно, Ладыженскимъ и Державинымъ, составили и подписали слѣдующее постановленіе ¹⁾):

«1774 года августа 1-го дня, въ конторѣ опекунства иностранныхъ въ собраніи присутствующихъ, здѣшняго коменданта ²⁾ и находящихся здѣсь штабъ и оберъ-офицеровъ совѣтовано было, чтобъ къ безопасности здѣшняго города и къ спасенію жителей и ихъ имѣнія сдѣлать слѣдующія учрежденія:

«1) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ конторскіе магазины, сдѣлать земляное укрѣпленіе, къ которому здѣшнее купечество согласилось дать рабочихъ людей, и работу сію, начавъ съ сего числа, продолжать денно и ночью съ неустанною прилежностью; а дабы скорѣе окончить можно было сіе укрѣпленіе, то назначено оное нынѣ съ великимъ противъ прежняго уменьшеніемъ, по той точно причинѣ, что по короткости времени обширнѣе онаго сдѣлать нельзя. Наипаче же на присланное сего числа отъ коменданта письменное мнѣніе, чтобъ всѣхъ воинскихъ служителей конторы отдать въ его команду, согласиться никакъ не можно, ибо главный судья конторы опекунства иностранныхъ, *будучи въ чинѣ бригадирскомъ и начальникомъ надъ состоящею въ конторскомъ въдомствѣ командою, въ командѣ у него, коменданта, состоять не можетъ.* Чтожъ принадлежитъ и до другаго мнѣнія его, коменданта, чтобъ къ закрытію города сдѣлать другое укрѣпленіе и батареи, изъ которыхъ одну—у московскихъ воротъ, а другую—у моста, построеннаго близъ Волги, черезъ оврагъ, то и на сіе также согласиться никакъ нельзя, потому что въ такомъ случаѣ досталось бы весьма малое число имѣющихся нынѣ орудій и небольшую здѣшнюю команду раздѣлить въ разныя мѣста, которыхъ на такую великую обширность тѣхъ батарей закрывать будетъ совсѣмъ неудобно.

«2) Какъ скоро въ приближеніи къ здѣшнему городу злодѣевъ вѣрное извѣстіе получено будетъ, то оставя въ томъ укрѣпленіи

¹⁾ Московск. Архивъ Глав. Штаба, опись 47, книга IV.

²⁾ Когда постановленіе это было окончательно составлено, тогда Бошняка въ присутствіи уже не было и онъ не подписалъ его.

надобное по разсмотрѣнію число военныхъ людей, съ прочею командою, какъ вѣдомства конторскаго, такъ и баталіоннаго, идти на встрѣчу злодѣямъ и стараться сколь возможно, отрѣзывая оныхъ отъ нападенія на городъ, разбить и *переловить злодѣевъ* (?). А для того коменданту сего-жь числа прислать извѣстіе, сколько здѣшняго баталіона и здѣшнихъ казаковъ служащихъ, отставныхъ и неопредѣленныхъ, а къ тому, ежели способны и надежны будутъ, то и изъ обывателей съ ружьями противъ злодѣевъ употребить можно будетъ.

«3) Имѣющіяся въ городѣ пушки артиллеріи майору Семанжу всѣ освидѣтельствовать и если найдутся, кромѣ тѣхъ десяти, о которыхъ комендантъ увѣрялъ, что онѣ годны, то оныя отобрать, прибавить къ калибру ядра и по скорости сдѣлать хотя изъ одного дерева лафеты, дабы всѣ оныя въ назначенномъ укрѣпленіи къ защищенію употребились; и хотя комендантъ, не смотря ни на какія всѣхъ предложенія и ясныя доказательства, упорно остается при своемъ мнѣніи, чтобъ въ сіе укрѣпленіе пушекъ городскихъ не брать, а разставить оныя около города, сдѣлавъ батареи; а притомъ отказался отъ подписанія постановляемаго на семь совѣтѣ опредѣленія, но какъ мнѣніе его къ защищенію здѣшняго города столько нерѣшительно, что съ 24 числа іюля онъ, продолжая почти всякій день непонятныя отговорки, понынѣ ни на чемъ не утвердился и потому къ безопасности здѣшняго города никакого начала не сдѣлано и время почти упущено, — чего ради нижеподписавшіеся согласно опредѣлили: не смотря на несогласіе коменданта по вышеписанному учрежденію дѣлать непремѣнно исполненіе; а сверхъ того, коменданту дать знать объ учиненныхъ отъ конторы около города разъѣздахъ, въ которыхъ оныя мѣстахъ, съ тѣмъ чтобы и онъ изъ здѣшнихъ казаковъ къ тѣмъ разъѣздамъ прибавилъ еще для примѣчанія о злодѣяхъ въ другія мѣста.

«Въ разсужденіи же того, что надлежитъ накрѣпно остерегаться, дабы помянутые злодѣи не покусились прокрасться р. Волгою и къ тому не могли употребить изъ множества стоящихъ передъ городомъ судовъ, коменданту, въ случаѣ близости злодѣевъ къ городу, оныя приказать затопить или сжечь, а для лучшей предосторожности къ пресѣченію побѣгу водою, въ укрѣпленіи у мага-

зиновъ сдѣлать на берегу батареи; состоящій нынѣ близъ казармъ артиллерійскій лагерь перенести ближе къ городу на высокое мѣсто, съ котораго бы удобнѣе было видѣть приближеніе злодѣевъ; а какъ скоро означенное укрѣпленіе у магазиновъ будетъ готово и комендантъ другихъ лучшихъ мѣръ, кромѣ тѣхъ, о коихъ онъ донынѣ объявлялъ, имѣть не будетъ, въ такомъ случаѣ содержащихся въ острогѣ колодниковъ, такожъ и состоящую въ вѣдомствѣ воеводской канцеляріи казну перевезти въ оное укрѣпленіе и вырывъ ямы помѣститъ въ оныхъ; вино-жь казенное, хранящееся въ городѣ въ выходахъ, погрузя на суда и спустя внизъ остановиться у онаго укрѣпленія.

«И для исполненія всего вышеписаннаго послать къ нему, коменданту, съ сего приговора при указѣ копію, а что касается до подписанія сего по старшинству, то всѣ согласились для скорѣйшаго окончанія, подписываться не разбирая старшинства, а кому какъ случится».

Полковникъ Бошнякъ отказался принять это постановленіе и донесъ о томъ Кречетникову, а Ладыженскій еще съ 30 іюля началъ строить свое укрѣпленіе, для чего купечество выслало ему тысячу человѣкъ рабочихъ. На слѣдующій день, т.-е. 1 августа, когда происходило совѣщаніе, рабочіе не явились и бывшіе въ совѣтѣ купцы объявили, что обывателямъ запрещено отъ полиціи идти на работу. Призвали въ совѣтъ полиціймейстера, но онъ заявилъ, что комендантъ не велѣлъ наряжать только пахатныхъ солдатъ, бобылей и цеховыхъ, а остальнымъ предоставилъ на усмотрѣніе, идти-ли на работу или нѣтъ. Ладыженскій отправилъ Свербеева къ полковнику Бошняку спросить, «для чего онъ дѣлаетъ такой развратъ между городскими жителями»¹⁾, а Державинъ написалъ въ магистратъ, требуя отвѣта въ нарушеніи даннаго ими письменнаго обязательства. Купечество испугалось, нарядило рабочихъ, и Державинъ писалъ П. С. Потемкину, что много труда и хлопотъ употребилъ онъ на борьбу съ комендантомъ, но что *«теперь привелъ въ порядок»*²⁾.

¹⁾ Записка капитана Николая Свербеева, поданная генераль-прокурору князю Вяемскому. Архивъ Кабинета Его Импер. Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

²⁾ Письмо Державина Потемкину 2 августа 1774 г. *Соч.*, т. V, стр. 156.

Послѣднія слова были, конечно, пустою фразою и ни порядка, ни соглашенія въ Саратовѣ не послѣдовало. Свербееву Бошнякъ отвѣчалъ, что не раздѣляетъ необходимости строить укрѣпленія у магазиновъ и потому считаетъ лишнимъ посылать туда рабочихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ саратовскій комендатъ препроводилъ къ Державину, безъ всякихъ объясненій, копію съ только что полученнаго предписанія астраханскаго губернатора.¹⁾ Кречетниковъ поручалъ объявить Державину, чтобъ онъ оставилъ Саратовъ и пребывалъ на Иргизѣ «*неподвижнымъ*»²⁾.

«На сіе, отвѣчалъ дерзко Державинъ³⁾, вашему высокоблагородію сказать имѣю, что его превосходительство г. генераль-маіоръ преминовать (забыть) изволилъ, что ему покойный генераль-аншефъ А. И. Бибииковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что вслѣдствіе именнаго е. и. в. повелѣнія я посланъ *въ сію область* и ему предписано было во всѣхъ моихъ просьбахъ вспомоствовать⁴⁾. Но какъ его превосходительству о существѣ всей моей комиссіи и ея потребностяхъ знать не дано, но рѣка Иргизъ не есть единственный мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность его превосходительства въ Саратовѣ отъ конторы опекунства иностранныхъ команду⁵⁾, то апробовано отъ вышнихъ моихъ начальниковъ мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ въ самомъ его оригиналѣ его превосходительству поднести можно»⁶⁾.

¹⁾ Письмо Бошняка Державину, отъ 3 августа 1774 г. *Соч. Державина*, т. V, стр. 157.

²⁾ Предписаніе Кречетникова Бошняку, отъ 27 іюля. Тамъ же, стр. 158.

³⁾ Въ письмѣ Бошняку, отъ 3 августа 1774 г. Тамъ же.

⁴⁾ «Вручитель сего, писалъ Бибииковъ Кречетникову, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикъ Державинъ отправленъ отъ меня въ вашъ край по Высочайшему е. и. в. именному повелѣнію. Онъ, по возложенному на него дѣлу, будетъ иногда *утруждать васъ просьбами своими*, почему покорнѣйше васъ прошу показать ему, во всякое время, скорое и всевозможное вспоможеніе, пребывая и проч.

⁵⁾ Онъ Державинъ, писалъ Кречетниковъ Бошняку, отъ 27 іюля (какъ и вамъ извѣстно), и при бытности моей въ Саратовѣ находился въ предохраненіе злодѣйскихъ нашествій по р. Иргизу съ своею командою, гдѣ и *не видавши никакой опасности*, требовалъ себѣ вспоможенія и приполненія военныхъ людей не только отъ меня, но и отъ конторы опекунства иностранныхъ (*Соч. Державина*, т. V, стр. 157).

⁶⁾ Сообщеніе Державина Бошняку, отъ 3 августа 1774 г. Государств. Арх., VI, л. № 454. См. также *Соч. Державина*, т. V, стр. 158

Такимъ образомъ, вопросъ о защитѣ Саратова не подвигался впередъ. Ладыженскій и его компанія строили свое укрѣпленіе, а Бошнякъ успѣлъ возобновить очень небольшую часть городского вала и устроить нѣсколько батарей. Мѣры, принятыя обѣими сторонами, не имѣли никакого значенія въ военномъ отношеніи и, благодаря спорамъ, городъ остался беззащитнымъ.

Мы остановились весьма подробно на саратовскихъ пререканіяхъ съ тою цѣлью, чтобы выяснитъ, кто былъ причиною неурядицы и опредѣлить права спорящихъ на вмѣшательство въ дѣла, до нихъ не относившіяся.

Кречетниковъ, уѣзжая изъ Саратова, поручилъ коменданту полковнику Бошняку *«все управленіе по городу воинскихъ дѣлъ»*. Объ этомъ было извѣстно Ладыженскому, Державину и главнокомандующему князю Щербатову. Всѣ они были люди военные, обязанные знать, что начальникъ или комендантъ въ городѣ есть полный распорядитель и хозяинъ, которому подчиняются всѣ команды и жители, хотя бы среди ихъ находились и лица, старшіе по чину и званію, чѣмъ комендантъ. Права коменданта и его обязанности не есть продуктъ нынѣшняго вѣка — они были тѣ же и въ прошломъ столѣтіи. Со времени Петра I права и обязанности коменданта были извѣстны и обязательны для всѣхъ военныхъ, знающихъ службу, дисциплину и носившихъ военный мундиръ по одному названію. Полковникъ Бошнякъ подлежитъ упреку въ томъ, что при началѣ разногласій не выслалъ изъ города Ладыженскаго и Державина, на что имѣлъ полное право по закону и по предоставленной ему власти. Не Державину слѣдовало грозить арестомъ Бошняку, а послѣднему арестовать пылкаго юношу. Не рѣшаясь на эту мѣру, саратовскій комендантъ далъ средство развиться беспорядкамъ, далъ случай Ладыженскому и Державину написать постыдныя для нихъ письма и подорвалъ въ глазахъ городского населенія свое значеніе и власть. Въ возникшихъ спорахъ жители Саратова видѣли въ Ладыженскомъ и Державинѣ дѣятелей, вмѣшававшихся какъ-бы по праву въ разрѣшеніе вопроса о защитѣ города и, конечно, отъ усмотрѣнія населенія зависѣло присоединиться къ той или другой сторонѣ. Права Ладыженскаго заключались въ управленіи саратовскими колоніями,

находившимися внѣ города, а Державина—ловить Пугачева, когда онъ появится на р. Ирғизѣ и въ окрестностяхъ Малыковки. Другихъ полномочій Державину мы не знаемъ и въ изданной Я. К. Гротомъ обширной перепискѣ поэта ихъ не находимъ. Тѣмъ не менѣе, Державинъ заявляетъ себя уполномоченнымъ сохранять *здѣшнія мѣста* (?), и увѣряетъ, что всѣ требованія его должны исполняться безпрекословно ¹⁾. Молодой поручикъ забывается до того, что безъ всякаго права требуетъ отчета отъ полковника Бошняка, грозитъ ему донести своему начальнику, П. Потемкину, которому присвоиваетъ небывалый титулъ и съ рѣшимостью, достойною лучшей участи, заявляетъ коменданту, что если онъ его послушаетъ, то Державинъ принимаетъ всю тягость законовъ на себя. Будучи слѣснымъ орудіемъ Ладыженскаго, Державинъ съ своимъ патрономъ отказываются исполнить категорическое приказаніе губернатора, призываютъ въ засѣданіе, безъ вѣдома коменданта, его подчиненныхъ, подрываютъ тѣмъ дисциплину и уничтожаютъ послѣднія средства къ защитѣ. Планы ихъ и Бошняка по укрѣпленію города не имѣютъ ни стратегическаго, ни тактическаго значенія, но послѣднее рѣшеніе саратовскаго коменданта укрѣпиться на московской дорогѣ, впереди города, прямо на пути наступленія непріятеля, должно признать наиболѣе правильнымъ, но не осуществившимся.

Людамъ военнымъ ясно видно, кто былъ виноватъ въ саратовскомъ несчастіи; но обвиняя Ладыженскаго и Державина необходимо вспомнить, что то былъ несчастный періодъ дѣятельности князя Щербатова и раздѣленія власти. Въ этотъ періодъ не было

¹⁾ Державинъ успѣлъ вселить увѣренность въ населеніи, что онъ дѣйствительно уполномоченный. «Сего года іюля мѣсяца въ послѣднихъ числахъ, показывалъ, 11 ноября 1774 года, купецъ Кобяковъ, пріѣзжалъ въ Саратовъ гвардіи офицеръ Державинъ съ высочайшимъ ея императорскаго величества повелѣніемъ, чтобы, въ случаѣ нападенія отъ злодѣя Емельки и его толпы, сдѣлать для укрѣпленія города осадную земляную крѣпость саратовскому купечеству и всѣмъ тамошнимъ градскимъ жителямъ». Г. Анучинъ («Графъ Панинъ—усмиритель Пугачевщины», *Русск. Вѣстн.*, 1869 г., т. 80, стр. 53) обвиняетъ во многомъ Кречетникова, но послѣ приведенныхъ выше документовъ обвиненіе это едва-ли справедливо. Ссылка автора на письмо Ладыженскаго къ Державину не можетъ служить доказательствомъ, какъ написанное человѣкомъ недовольнымъ, и притомъ изъ фактическихъ данныхъ мы знаемъ, что силы Кречетникова преувеличены болѣе, чѣмъ вдвое.

единства въ дѣйствіяхъ, явилось нѣсколько распорядителей и исполнители не знали кого слушать. Зная изъ письма Кречетникова, что Бошнякъ назначенъ руководителемъ обороны, князь Щербатовъ ободряетъ Державина за то, что тотъ его не слушаетъ. П. Потемкинъ, присланный только для завѣдыванія секретными комиссіями и обязанный заниматься слѣдствіемъ и сортировкой преступниковъ къ нему присылаемыхъ, вмѣшивается безъ всякаго права въ административныя и военныя дѣла въ отдаленномъ краѣ. «Къ крайнему оскорбленію, пишетъ онъ Державину ¹⁾, получилъ я вашъ рапортъ, что иolkовникъ и саратовскій комендантъ Бошнякъ, *забывая долгъ свой* (?!), не только не вспомоществуетъ благому учрежденію вашему къ охраненію Саратова, но и препятствуетъ укрѣплять оный: того для объявите ему, *что я именуемъ е. и. в. объявляю, что ежели онъ что либо упуститъ къ воспринятію мнрз должныхъ... тогда я данную мнѣ властію* (?!) *отъ ея величества по вѣснмъ строгимъ законамъ учиню надъ нимъ судъ* (?!).

Итакъ, повсюду отсутствіе сознанія своего долга, превышеніе власти, вмѣшательство въ чужія дѣла; я лучше и выше, чѣмъ ты — вотъ взглядъ и понятіе правительственныхъ дѣятелей этого періода, вотъ причина легкаго успѣха самозванца.

Но явился новый главнокомандующій, графъ П. И. Панинъ, и всѣ эти дѣятели, зная его характеръ, сами заключили себя въ тѣ рамки, которыя были имъ назначены. Къ сожалѣнію, это было поздно и Саратовъ успѣлъ испытать на себѣ всю тяжесть этой неурядицы.

Прискакавши изъ Петровска въ Саратовъ въ 4 часа утра 5-го августа, Державинъ и его спутники объявили, что казаки измѣнили и что Петровскъ занятъ мятежниками. Извѣстіе это произвело большое замѣшательство среди населенія: многіе искали спасенія въ бѣгствѣ, другіе грузили свое имущество на суда и намѣрены были спуститься внизъ по р. Волгѣ. Владѣльцевъ судовъ было очень немного, но почти всѣ правительственныя учрежденія располагали ими и торопились грузить на суда деньги

¹⁾ Отъ 9 августа 1774 г. Соч. Державина, т. V, стр. 172.

и дѣла. По распоряженію Ладыженскаго было взято судно съ невыгруженною еще мукою и въ него было погружено имущество Ладыженскаго, 15,000 руб. денегъ и часть дѣлъ конторы опекунства иностранныхъ. Для отправленія остальныхъ дѣлъ и оставшихся суммъ необходимо было другое судно, которое и было отыскано къ вечеру 5-го августа казначеемъ, поручикомъ Стихеусомъ, и нагружено при помощи караульныхъ и находившихся въ Саратовѣ колонистовъ. За неимѣніемъ лошадей, все дѣла и деньги переносились на рукахъ и потому работы были окончены передъ самымъ появленіемъ мятежниковъ въ виду города ¹⁾. Главный судья соляной низовой конторы Жуковъ нагрузилъ на судно свои вещи, дѣла, до 3,000 рублей денегъ и поручилъ ихъ охраненіе чиновнику Соболеву съ 20 человекъ саратовскихъ казаковъ ²⁾. Полковникъ Бошнякъ также отправилъ на судно главнѣйшія дѣла и денежную казну, состоявшую изъ 51,858 рублей 23 коп. и поручилъ сохраненіе ея штатной команды поручику Алексѣеву ³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ саратовскій комендантъ собралъ со всехъ карауловъ нижнихъ чиновъ саратовскаго баталіона и къ вечеру вывелъ ихъ вмѣстѣ съ казаками «въ сдѣланный прежде сего передъ саратовскимъ селеніемъ валъ» и окружилъ его рогатками. Ладыженскій и Державинъ все еще пытались склонить Бошняка къ принятію ихъ плана — идти со всѣми силами на встрѣчу Пугачеву. Наученный опытомъ, Бошнякъ не могъ согласиться съ этимъ, ибо зналъ, что первый успѣхъ дѣйствій лежитъ въ единодушіи и въ единствѣ командованія, а вопросъ о томъ, кому быть начальникомъ, возбудилъ бы опять нескончаемые споры. Бошнякъ не принялъ предложенія и тогда Державинъ заявилъ, что какъ за

¹⁾ «Жизнь Державина», Я. К. Грота, изд. 1880 г., стр. 171. Рапортъ счетчика Ащеулова, купца Пивоварова и отставнаго ротмистра Огарева безъ числа. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

²⁾ Письмо Мих. Жукова М. Я. Маслову отъ 11 августа 1774 г. Арх. Кабинета Его Импер. Величества.

³⁾ Рапортъ полковника Бошняка графу П. И. Панину отъ 11 октября 1774 г. По высочайше утвержденному 29 мая 1775 г. докладу Сената, за сохраненіе этой суммы Алексѣевъ пожалованъ чиномъ капитана и ему выдана тысяча рублей. Арх. Сената, Именные указы, кн. 137, листъ 259.

Пугачевымъ слѣдуютъ преслѣдующіе его отряды и могутъ нагнать самозванца дня черезъ три, то весь вопросъ о защитѣ Саратова сводится къ тому, чтобы задержать на это время мятежниковъ передъ городомъ. Онъ предлагалъ накидать грудной валь изъ кулей муки и извести, и при содѣйствіи орудій отсиживаться въ немъ до прибытія преслѣдующихъ отрядовъ. Планъ этотъ былъ также признанъ неудобноисполнимымъ по краткости времени.

Тогда Ладыженскій предписалъ артиллеріи маіору Семанжу присоединить къ себѣ волжскихъ и оставшихся донскихъ казаковъ, выступить съ фузилерною ротою противъ Пугачева, стараться разбить его и до Саратова не допустить. Въ случаѣ же неудачи соединиться съ отрядомъ полковника Бошняка и дѣйствовать по его указаніямъ.

Отойдя версты двѣ отъ Саратова, по направленію къ Петровску, маіоръ Семанжъ остановился съ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 4 офицеровъ, 321 рядовыхъ, 62 человекъ волжскихъ и 10 донскихъ казаковъ — всего 397 человекъ. Выславъ въ разѣзды волжскихъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Тарарина, маіоръ Семанжъ провелъ такъ ночь съ 5 на 6 августа. Позади его, близъ самаго города, передъ московскими воротами, за укрѣпленіемъ, имѣвшимъ впереди ровъ и рогатки, стоялъ полковникъ Бошнякъ съ 30 офицерами и 180 рядовыми саратовскаго баталіона. Это было все, что могъ собрать комендантъ изъ регулярныхъ войскъ для защиты города ¹⁾, если не считать 150 человекъ плохо вооруженныхъ разночинцевъ, собранныхъ купечествомъ и расположившихся на правомъ флангѣ между укрѣпленіемъ и Соколовою горою.

Занятая защитниками позиція не представляла никакихъ удобствъ: правѣе ея находилась Соколова гора, командовавшая всею мѣстностью и городомъ, а лѣвѣе открытое поле, доставлявшее непріятелю возможность обойти укрѣпленіе съ тыла. Протяженіе вала не соответствовало числу защитниковъ. «Жители безъ начальника, говоритъ Державинъ съ ироніею ²⁾, и толпы безъ при-

¹⁾ Рапортъ Бошняка военной коллегіи отъ 16 октября 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

²⁾ «Жизнь Г. Р. Державина», Я. К. Грота, изд. 1880 г., стр. 169.

смотрa собирались гдѣ хотѣли... тутъ я вообразилъ, что это радуется на Тамерлана нѣкакій древній воевода: нарядный былъ безпорядокъ!» Не надо забывать, что Державинъ и Ладыженскій сдѣлали съ своей стороны все, чтобы подорвать значеніе коменданта, оставить населеніе безъ начальника и произвести *нарядный безпорядокъ*. Въ своихъ запискахъ Державинъ употребилъ всѣ средства, чтобы очернить Бошняка, сообщилъ нѣсколько сплетенъ, которыхъ мы повторять не станемъ, и напротивъ старался выставить свою дѣятельность въ лучшемъ свѣтѣ. Онъ увѣряетъ, что выпросилъ у Семанжа роту, которая не имѣла офицера, и намѣренъ былъ сражаться въ общихъ рядахъ, но поздно вечеромъ получилъ донесеніе своего повѣреннаго Герасимова, что собранные на помощь Саратову 500 человекъ крестьянъ начали волноваться. Воспользовавшись этимъ донесеніемъ, какъ удобнымъ случаемъ къ тому, чтобы уѣхать изъ города, Державинъ въ ту же ночь отправился въ село Чердынъ, гдѣ находилось его ополченіе ¹⁾, а наутро 6-го августа полковникъ Бошнякъ узналъ, что и Ладыженскій сѣлъ на судно, предпочитая сохраненіе собственной жизни защитѣ города.

«Напоследокъ, сказано въ журналѣ опекунства ²⁾, примѣчно было весьма ясно нехотѣніе г. коменданта зависѣть по крайней мѣрѣ отъ совѣтовъ г. статскаго совѣтника Ладыженскаго, яко старшаго передъ нимъ, и что самое то можетъ и прежде препятствовало ему соглашаться на предлагаемыя къ предосторожности отъ злодѣевъ средства и оставляло его въ нерѣшимости. Итакъ, чтобы отъ того не произошло худшаго еще замѣшательства (?), рѣшился г. статскій совѣтникъ съ прочими, бывшими съ нимъ, оставить защищеніе города въ диспозицію онаго коменданта; а самому съ денежною казною, сколько оной за вышесказанными неудобностями спасти удастся, съ письменными дѣлами и со всею конторою удалиться въ безопасное мѣсто».

¹⁾ Нѣкоторые могутъ найти отъѣздъ этотъ естественнымъ, по намъ кажется, что защита города и борьба съ главными силами мятежниковъ важнѣе усмиренія 500 человекъ волнующихся, и что Державину, бравшему на себя всю отвѣтственность на словахъ, слѣдовало исполнить ее и на дѣлѣ. Державинъ уѣхалъ изъ Саратова по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ онъ бѣжалъ изъ подъ Петровска.

²⁾ Госуд. Арх., VI, д. № 454.

Избавившись от своих антагонистовъ, Бошнякъ могъ считать теперь себя единственнымъ распорядителемъ по защитѣ, хотя въ условіяхъ крайне невыгодныхъ: силы его были ничтожны, позиція слаба, да и оборонялась-то она небольшимъ числомъ орудій, на дурныхъ лафетахъ.

Утромъ 6 августа, находившійся въ разбѣздахъ есауль Тараринъ прибылъ къ отряду маіора Семанжа и объявилъ, что мятежники приближаются къ Саратову, что всѣ бывшіе съ нимъ казаки передались на сторону самозванца и онъ самъ, Тараринъ, избавился отъ плѣна только тѣмъ, что закололъ двухъ человѣкъ, гнавшихся за нимъ и успѣлъ ускакать. Заявленіе это обезкуражило отрядъ, 10 человѣкъ донскихъ казаковъ также передались на сторону мятежниковъ, и маіоръ Семанжъ, получивъ приказаніе Бошняка отступать, сталъ отходить къ городу въ виду появившагося уже непріятели.

Рано утромъ, 5 августа, Пугачевъ оставилъ свой лагерь у Петровска и двинулся къ Саратову съ толпою, простиравшеюся до 4 т. человѣкъ съ 13 орудіями. Собственно вооруженныхъ было не болѣе 2 т. человѣкъ, а остальные «съ вилами, чекушками, дрючкомъ, а прочіе и безо всего» ¹⁾).

Остановившись на ночлегѣ, самозванецъ вспомнилъ, что плѣнные имъ подѣ Петровскомъ донцы не приведены еще къ присягѣ, и потому онъ потребовалъ къ себѣ сначала Мелехова, а потомъ и остальныхъ.

— Былъ-ли ты у присяги? спросилъ Пугачевъ.

— Не былъ, отвѣчалъ Мелеховъ.

Самозванецъ подаль ему золоченую медаль, установленную за франкфуртское сраженіе.

— Жалуешь тебя Богъ и государь, сказалъ онъ при этомъ; служи вѣрно.

Мелеховъ взялъ медаль и поцѣловалъ руку Пугачева; точно такими же медалями пожалованы были хорунжіе Колобродовъ и Поповъ. Всѣ остальные казаки приведены къ присягѣ передъ

¹⁾ Полковникъ Бошнякъ и маіоръ Семанжъ опредѣляютъ силы мятежниковъ въ 4 т. человѣкъ, Мелеховъ и Малаховъ въ 10 т. человѣкъ, а самъ Пугачевъ говорилъ, что у него было не болѣе 3 т. человѣкъ.

образомъ въ мѣдныхъ складняхъ и имъ объявлено, что назначается жалованье по 12, а старшинамъ по 20 рублей и тотчасъ же выдано мѣдною монетою.

Утромъ 6 августа мятежники широкою полосою подошли къ Саратову: часть ихъ шла по московской дорогѣ, а другая направилась лѣвѣе этой дороги — на Соколову гору. Полковникъ Бошнякъ выслалъ саратовскихъ казаковъ и приказалъ имъ отхватить мелкія партіи непріятеля, подъѣзжавшія къ городу для рекогносцировки. Высланные казаки завели съ прибывшими переговоры, остались въ толпѣ, а возвратившіеся два человѣка объявили, что сторонники самозванца требуютъ уполномоченнаго для переговоровъ. Среди жителей, и въ особенности купчества, замѣтно было колебаніе и на устахъ какъ-бы вопросъ: не лучше-ли покориться. Ратманъ и есаулъ саратовскихъ казаковъ Винокуровъ просили купца Федора Кобякова, съѣздить и узнать, зачѣмъ мятежники зовутъ уполномоченнаго? Кобяковъ поѣхалъ, и лишь только остановился на горѣ для переговоровъ, какъ Бошнякъ приказалъ открыть огонь по собравшейся толпѣ. Выстрѣлы защитниковъ вызвали негодованіе со стороны купчества. Бургомистръ Матвѣй Протопоповъ съ горечью выговаривалъ Бошняку, что эти выстрѣлы лишили ихъ лучшаго купца въ городѣ.

Между тѣмъ Кобяковъ былъ отведенъ къ Пугачеву, который расположился у зимовья саратовскаго колониста Пилисова, верстахъ въ трехъ отъ города. Зная, что самозванецъ вѣншаетъ всѣхъ ему противящихся, Кобяковъ поклонился ему въ ноги.

— Ты что за человѣкъ? спросилъ Пугачевъ.

— Саратовскій житель Кобяковъ; присланъ къ вашему величеству отъ города, чтобы вы пожаловали манифестъ. Народъ желаетъ вамъ служить, да только нѣтъ манифеста.

Пугачевъ передалъ ему манифестъ и приказалъ показать казачьему есаулу Винокурову, но Кобяковъ, пріѣхавъ въ Саратовъ, отдалъ полковнику Бошняку, который не читая его изорвалъ и топталъ ногами. Тѣмъ не менѣе купцы заявили, что они драться не будутъ и стали расходиться по домамъ, а Кобяковъ, разѣзжая верхомъ на лошади передъ солдатами, кричалъ имъ: «поберегите своихъ». Бошнякъ приказалъ арестовать Кобякова, но его

не слушали, такъ какъ выстрѣлы мятежниковъ произвели уже всеобщій переполохъ.

Пугачевцы выставили на Соколовой горѣ восемь орудій, но всѣ они были на столько малаго калибра, что снаряды только одного орудія достигали до укрѣпленія. Не смотря на то, при первыхъ выстрѣлахъ жители начали перебѣгать на сторону самозванца, сначала по одиночкѣ, а потомъ толпами. Находившійся на крайней батарее съ 12-ю канонирами прапорщикъ Григорій Соснинъ, оставилъ батарею и подойдя къ царичинскимъ воротамъ кричалъ городничему, чтобы тотъ отворилъ ихъ. Мятежники хлынули въ отворенныя ворота и разсыпались по городу. Соснинъ былъ отведенъ съ своею командою къ самозванцу, отдалъ ему честь «всѣмъ фронтомъ», сталъ на волѣни и передалъ свое оружіе.

Появленіе мятежниковъ въ городѣ вызвало всеобщую панику: стоявшіе за укрѣпленіемъ пахатные солдаты и вооруженные разночинцы бѣжали въ толпу; ихъ примѣру послѣдовали состоявшіе при опекунствѣ иностранныхъ колонистовъ 357 человекъ нижнихъ чиновъ 1-го фузилернаго артиллерійскаго полка, вышедшіе изъ укрѣпленія подъ предлогомъ вылазки и подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, князя Баратаева и Буданова, передавшіеся неприятелю. По прибытіи въ станъ самозванца, всѣ передавшіеся солдаты получали по 2 и по 4 руб. награды ¹⁾.

Видя измѣну, полковникъ Бошнякъ рѣшился отступить и приказалъ командиру саратовскаго баталіона майору Салманову съ одною половиною выходить за ретраншементъ. Салмановъ выказалъ нерѣшительность, послѣдствіемъ которой было замѣшательство въ рядахъ. Полковникъ Бошнякъ приказалъ майору Зоргеру принять начальство, но майоръ Бутыркинъ просилъ оставить Салманова, чтобы не произвести еще большаго разстройства между солдатами. Согласившись на послѣднюю просьбу, Бошнякъ приказалъ построить каре и отступать, но вмѣсто того Салмановъ скомандовалъ: «по рядамъ налѣво» и пошелъ на Соколову гору.

¹⁾ Показаніе Кобыкова 11 ноября 1774 г. Показаніе Матвѣя Протопопова. Госуд. Арх., VI, д. № 512. Показаніе нижнихъ чиновъ саратовскаго баталіона. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 94, св. 17, дѣло № 21; опись 95, св. 564, д. № 90.

Солдаты, въ числѣ 292 человекъ, побросали ружья и пошли за своимъ майоромъ; Бошнякъ успѣлъ только удержать у себя знамена. Приведенные къ Пугачеву, Салмановъ и его команда стали на колѣни; тутъ же стояла и фузилерная рота.

— Плѣнные ступайте въ лагерь, сказалъ имъ Пугачевъ, снявъ шапку.

Баталіонъ двинулся съ барабаннымъ боемъ и по приходѣ въ лагерь былъ приведенъ къ присягѣ. Впослѣдствіи Салмановъ увѣрялъ, что измѣнилъ думая найти въ Пугачевѣ истиннаго государя. «Не утаиваю, говорилъ онъ ¹⁾, передъ всемилостивѣйшею государынею моею, какъ передъ Богомъ, моихъ тогдашнихъ мыслей, что я не надѣялся никакой лжи быть, а думалъ увидѣть государя». Разочарованіе было полное, и на самомъ дѣлѣ Салмановъ «усмотрѣлъ неистовство и похабство въ злодѣѣ, призналъ за истину, что онъ воръ, разбойникъ и самозванецъ» ²⁾.

Оставшись съ майоромъ Семанжемъ, 26-ю штабъ и оберъ-офицерами и съ 40 нижними чинами, Бошнякъ приказалъ оторвать полотна знаменъ отъ древокъ, спряталъ ихъ и, пробившись сквозь окружающую его толпу мятежниковъ, отступилъ по дорогѣ къ Царицыну.

Преслѣдуя отступавшихъ на протяженіи шести верстъ, сообщники самозванца были остановлены наступившею ночью и Бошнякъ съ горстью храбрыхъ дошелъ до дер. Несвѣтаевки на берегу р. Волги, ночью сѣлъ на лодки и 11 августа благополучно прибылъ въ Царицынъ ³⁾. Денежныя суммы и часть дѣлъ воеводской канцеляріи были спасены.

Не такъ удачны были распоряженія Ладыженскаго и Жукова. Одно изъ двухъ суденъ опекунства иностранныхъ дѣлъ было оста-

¹⁾ Показаніе Салманова 26 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 453 и 512.

²⁾ По лишеніи всѣхъ правъ состоянія, Салмановъ сосланъ въ Таганрогъ въ ка-торгу вѣчно. Указъ императрицы военной коллегіи 23 марта 1775 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 454. Срав. *Жизнь Державина*, Грота, прилож., стр. 85.

³⁾ Репортъ Бошняка Кречетникову отъ 14-го августа 1774 года. Государствен. Арх., VI, д. № 454. Представляя оторванные полотна отъ древокъ, Бошнякъ просилъ о выдачѣ саратовскому баталіону новыхъ знаменъ.

новлено крестьянами у села Рождественскаго и разграблено ¹⁾). Для судна соляной конторы вѣтеръ оказался противнымъ, и когда другія спускались внизъ по Волгѣ, судно соляной конторы одно не могло этого сдѣлать, распустило паруса и пошло вверхъ. Находившіеся съ чиновникомъ Соболевымъ 20 человекъ саратовскихъ казаковъ взбунтовались и судно было разграблено.

Съ отступленіемъ Бошняка сподвижники самозванца сдѣлались полными хозяевами города: они выпустили арестантовъ, открыли винные погреба и предалися полнѣйшему неистовству. Казенные и частные дома были разграблены, многіе жители подверглись мучительной смерти безъ разбора пола и возраста; «многіе остались безъ пропитанія и доведены до сущаго убожества» ²⁾.

Пьяные толпами бѣгали по улицамъ, грабили праваго и виноватаго, а всѣхъ противящихся убивали. На улицахъ валялось множество мертвыхъ тѣлъ и никто ихъ не убиралъ. Лавки, кабаки, богатые дома и даже церкви были ограблены и все цѣнное уносилось на Соколову гору, въ лагерь самозванца. Тамъ было поставлено нѣсколько висѣлицъ, на которыхъ вѣшали безъ разбора мужчинъ и женщинъ, бурлаковъ, купцовъ и всякаго званія людей. Перечислить число убитыхъ и повѣшенныхъ было бы напрасною попыткою. Большинство населенія, желая избѣжать казни, тянулось на Соколову гору и у ставки Пугачева принимало подданство. Полушьяные священники приводили къ присягѣ всѣхъ желающихъ, а ближайшіе пособники самозванца стригли по казачки въ *кружало* волосы всѣмъ годнымъ на государеву службу.

Подъ вечеръ 6 августа, изъ лагеря, бывшаго въ семи верстахъ отъ города, Пугачевъ съ яицкими казаками пріѣхалъ въ городъ и въ соборной церкви приводилъ жителей къ присягѣ. Открывъ амбары и соляные склады, самозванецъ приказалъ выдавать хлѣбъ и соль безденежно, а убитыхъ погребать не велѣлъ. Въ тотъ же день явился къ Пугачеву казакъ-пятидесятникъ Уфимцевъ, который напомнилъ ему, что въ то время, когда самозванецъ шелъ изъ Яика къ Оренбургу, онъ настигъ Уфимцева, гнавшаго 300

¹⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

²⁾ Рапортъ члена Низовой соляной конторы Савельева Сенату отъ 15 августа 1774 года. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

лошадей и сторговалъ тѣхъ лошадей за 3,500 руб. Лошади были взяты, а деньги не отданы и потому Уфимцевъ просилъ возвратить ему 3,500 руб. Признавая претензію справедливою, Пугачевъ приказалъ выдать ему деньги, назначилъ его саратовскимъ комендантомъ, произвелъ одного изъ его сыновей въ полковники, а другого опредѣлилъ казакомъ въ свою толпу ¹⁾.

На слѣдующій день Пугачевъ съ своими сообщниками пріѣхалъ къ Троицкой церкви, гдѣ была спрятана часть денегъ, принадлежавшихъ опекунской конторѣ, и приказалъ сложить ихъ на возы. Тутъ же къ нему явилось до 100 человекъ бурлаковъ, плывшихъ по Волгѣ и захватившихъ одно судно съ пожитками разныхъ лицъ. Пугачевъ тотчасъ же отправился осмотрѣть добычу, гдѣ нашелъ два боченка мѣдныхъ денегъ, сундукъ съ серебряною посудю, 200 руб. серебряныхъ и шесть дѣвицъ, въ числѣ которыхъ находились три дочери и племянница бывшего саратовскаго коменданта Юнгера.

— Какія это женщины? спросилъ Пугачевъ.

— Дворянскія, отвѣчали самозванцу, пущенныя сиротствовать по погубленіи отцовъ и матерей.

Несчастныя плѣнницы обратились къ великодушію самозванца, просили защитить ихъ и взять съ собою. Но Пугачевъ ихъ не взялъ, а приказалъ строго беречь, не обижать и представить ему въ Царицынѣ. Осмотрѣвши сундуки, самозванецъ заперъ ихъ, а ключи бросилъ въ Волгу и запечатавъ своею печатью всю добычу, приказалъ хранить ее, а судну подвигаться внизъ вмѣстѣ съ толпою ²⁾.

Въ Саратовѣ Пугачевъ взялъ 5 пушекъ, 25,789 р. мѣдною монетою; толпа его и жители разобрали болѣе 19 тысячъ четвертей муки и много овса ³⁾.

9 августа Пугачевъ оставилъ Саратовъ и пошелъ внизъ по Волгѣ, а 11-го числа прибыли въ городъ отряды Муфеля и графа

¹⁾ Показанія Пугачева 4-го ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 512.

²⁾ Показаніе дворянина Ивана Чебышева 8 сентября 1774 года. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. №№ 453 и 512.

³⁾ Рапортъ князя Г. Г. Орлова Сенату, 20 октября 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 454.

Меллина. Не считая себя довольно сильными, чтобы вступить въ дѣло съ самозванцемъ и поджидая прибытія Михельсона, они остановились въ деревнѣ Крюковкѣ, въ 55 верстахъ отъ города, но когда узнали, что Пугачевъ ушелъ изъ Саратова, то и они продолжали путь ¹⁾. Занявъ городъ, подполковникъ Муфель выгналъ оставшихся мятежниковъ, захватилъ часть изъ нихъ въ плѣнъ и многихъ повѣсилъ. Назначивъ начальникомъ Саратова члена соляной конторы генераль-аудиторъ лейтенанта Савельева и поручивъ ему привести городъ въ порядокъ, Муфель приказалъ убитыхъ Пугачевымъ погребать по христіанскому обряду, а убитыхъ сообщниковъ самозванца, «яко непотребныхъ изверговъ, вытаща по землѣ за ноги за городъ, бросить въ отдаленности въ яму, прикрывъ, чтобъ не было мерзкаго зловонія, землею; повѣшенныхъ же злодѣевъ публично отнюдь не касаться, а оставить ихъ на позоръ и показаніе зараженнымъ и колеблющимся разумомъ отъ разсѣянныхъ злохитрыхъ злодѣемъ плевать людямъ» ²⁾.

14 августа пришелъ въ Саратовъ Михельсонъ, а позади его слѣдовалъ генераль-маіоръ Мансуровъ съ своимъ отрядомъ.

Графъ Панинъ былъ недоволенъ дѣйствіями графа Меллина и Муфеля. Онъ поручилъ Михельсону сдѣлать имъ замѣчаніе за то, что они, во-первыхъ, не подоспѣли на помощь Саратову, а во-вторыхъ, находясь уже вблизи лагеря самозванца, не рѣшились атаковать мятежниковъ. «Видно, прибавлялъ графъ П. Панинъ въ ордерѣ Михельсону ³⁾, что десница Вышняя, снабдившая васъ превосходными предъ ними дарованіями и мужествомъ, *приготовляетъ вашей же прославившейся рукѣ сдѣлать последнее пораженіе сему злѣйшему врагу Россіи*, и я ласкаю себя, что между симъ уже вы оное къ умноженію безсмертной вашей славы и произвестъ изволили».

Главнокомандующій предвидѣлъ то, что случилось спустя нѣсколько недѣль, но въ то время, когда высказывалась эта надежда,

¹⁾ Рапортъ Михельсона графу Панину 12 августа 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

²⁾ Рапортъ Савельева Сенату 15 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

³⁾ Отъ 15 августа 1774 г.

самозванецъ былъ еще въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Михельсона и торопился уйти на югъ, пробираясь въ промежутокъ между Волгою и роднымъ ему Дономъ.

XII.

Виды Пугачева при приближеніи къ Дону. — Переговоры его съ первою женою, Софьею. — Манифестъ самозванца Донскому войску. — Формированіе на Дону новыхъ полковъ для защиты границъ отъ мятежниковъ. — Указъ Пугачева Антиповской станицѣ и занятіе ея мятежниками. — Бой на р. Пролейкѣ. — Занятіе Пугачевымъ Дубовки. — Свиданіе самозванца съ депутатомъ Горскимъ. — При соединеніи къ мятежникамъ Цендена съ тремя тысячами калмыковъ.

Спускаясь на югъ и подвигаясь все ближе и ближе къ родному Дону, Пугачевъ не простиралъ своихъ видовъ далѣе того, чтобы поднять казаковъ и уйти съ ними на Кубань. Онъ не мечталъ о возвращеніи въ Россію, ибо зналъ, что за нимъ слѣдуютъ значительные отряды; но надѣясь встрѣтить сочувствіе среди донцовъ, думалъ при ихъ содѣйствіи прорваться между Волгою и Дономъ.

Рѣшаясь отправить къ нимъ воззваніе и опасаясь, чтобы бывшая при немъ первая жена, Софья, не выдала его, онъ, еще подходя къ Саратову, рѣшился объясниться съ ней.

Отъ Казани и до Саратова Пугачевъ никогда не говорилъ ни съ женою, ни съ дѣтьми, и лишь во время остановокъ для обѣда или ночлега всегда раскидывали двѣ палатки: «въ одной бывала она, Софья, съ дѣтьми и съ тѣми дѣвками, которыя Пугачеву были ненадобны, а которыя надобны, тѣ всегда бывали съ нимъ, по двѣ въ его палаткѣ».

«Дорогою же у него было дѣвоѣ съ восемь, показывала Софья¹⁾, двѣ привезенныя изъ Казани, да ѣхавши по городамъ взято шесть, и дѣвки были хорошия, такъ какъ написаны». Пугачевъ не признавалъ Софью женою, а она отереться ему опасалась, «для того, что онъ сталъ такой собака, хоть чуть на кого осердится, то ужъ и ступай въ петлю».

¹⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

Однажды послѣ обѣда самозванецъ вошелъ въ палатку къ Софьѣ и выслалъ дѣвокъ вонъ.

— Чтò, Дмитріевна, какъ ты думаешь обо мнѣ? спросилъ онъ жену.

— Да что думать-то, отвѣчала она; — буде не отопрешься, такъ я твоя жена, а вотъ это твои дѣти.

— Это правда; я не отопрюсь отъ васъ, только слушай, Дмитріевна, что я тебѣ скажу: теперь пристали ко мнѣ наши донскіе казаки и хотятъ у меня служить, такъ я тебѣ приказываю: неравно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевымъ, а говори, что я у васъ въ домѣ жилъ, знакомъ тебѣ и твоему мужу; и сказывай, что твоего мужа въ судѣ замучили до смерти за то, что меня у себя держалъ въ домѣ.

— Какъ я стану это говорить, я право не знаю.

— Такъ и сказывай, что ты жена Пугачева, да не сказывай, что моя и не говори, что я Пугачевъ. Ты видишь, что я называюсь нынѣ государемъ Петромъ Федоровичемъ, и всѣ меня за такого почитаютъ. Такъ смотри же, Дмитріевна, исполняй то, что я тебѣ велю, а я, когда Богъ велитъ мнѣ быть въ Петербургѣ и меня тамъ примутъ, тогда тебя не оставлю, а буде не то, такъ не пеняй — изъ своихъ рукъ саблюю голову срублю.

Послѣ такого объясненія Софья слѣдовала безусловно приказанію своего мужа.

Заручившись обѣщаніемъ жены говорить, какъ ей приказано, Пугачевъ приказалъ своему секретарю Дубровскому (онъ же Иванъ Трофимовъ) написать и отправить донцамъ воззваніе слѣдующаго содержанія:

«Вы уже довольно и обстоятельно знаете, писалъ самозванецъ ¹⁾, что подъ скиптръ и корону нашу почти уже вся Россія добропорядочнымъ образомъ по прежней своей присягѣ склонилась. Сверхъ того, нѣсколько донскаго и волгскаго войска оказываютъ къ службѣ нашей, — по искорененію противниковъ, разорителей и возмутителей имперіи дворянъ, — ревность и усердіе и получили

¹⁾ Отъ 13 августа 1774 г. Въ *Русскомъ Архивѣ* (1873 г., № 4, стр. 0451) манифестъ ошибочно помѣченъ 23 августа. Въ томъ же журналѣ 1870 г., т. I, стр. 292 этотъ же самый манифестъ напечатанъ вѣрно.

себѣ свободную вольность, нашу монаршую милость и награжденіе древняго Святыхъ Отцовъ преданія крестомъ и молитвою, головами и бородами. Того ради, какъ мы есть всемилостивѣйшій монархъ и попечитель обо всѣхъ вѣрноподданныхъ рабахъ, желаемъ преклонить въ единственное вѣрноподданство всѣхъ и васъ и видѣть доказательство къ службѣ нашей ревности отъ васъ. Вы-жь нынѣ помрачены и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытятся Россією, но и природныя казачьи войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ.

«Мы, однако, по власти Всевышней Десницы, надѣмся, что вы, признавъ оказанныя противъ нашей монаршей власти и своего государя противности и звѣрскія стремленія, которыя вамъ всегда будутъ въ погибель и повелителямъ вашимъ, раскаетесь и придете въ чувство покаянія, за что можете получить монаршее наше прощеніе и, сверхъ того, награжденіе тако-жь, каково получили отъ насъ склонившіеся вѣрноподданные рабы».

Взявъ у Дубровскаго этотъ манифестъ, Твороговъ отправился къ самозванцу.

— Извольте, ваше величество, сами подписать этотъ указъ, сказалъ онъ; — вѣдь именныя указы, я слыхалъ, государи сами подписываютъ.

Пугачевъ потупилъ голову, потомъ вскинулъ глаза на Творогова и, помолчавъ немного, отказался подписать.

— Иванъ, проговорилъ онъ, — нельзя мнѣ теперь подписывать до тѣхъ поръ, пока не приму царства; ну, ежели я окажу свою руку, такъ вѣдь иногда и другой кто-нибудь, узнавъ какъ я пишу, назовется царемъ, а легкомысленный народъ повѣритъ и будетъ какое ни есть злодѣйство. Пошли ты ко мнѣ Алексѣя (Дубровскаго), пускай теперь онъ за меня подписываетъ.

Дубровскій подписалъ и получилъ приказаніе отправить манифестъ по назначенію.

— Что, Алексѣй Ивановичъ, какъ ты думаешь, спрашивалъ Твороговъ Дубровскаго, — а мнѣ кажется худо: пропали мы со всѣмъ. Видно, что онъ грамотѣ не знаетъ, когда самъ не подпи-

сываетъ именныхъ своихъ указовъ, а вѣдь государь Петръ Ѳедоровичъ и по-русски и по-нѣмецки достаточень былъ въ грамотѣ.

— И я, братъ, Иванъ Александровичъ, думаю, отвѣчалъ Дубровский, — что худо наше дѣло.

Разставшись съ секретаремъ, Твороговъ сообщилъ свое подозрѣніе и начальнику артиллеріи самозванца, яицкому казаку Ѳедору Чумакову.

— Худо наше дѣло, Ѳедоръ Ѳедотовичъ, говорилъ Твороговъ; — теперь я подлинно увѣрился, что онъ (Пугачевъ) не знаетъ грамоты и вѣрно не государь, а самозванецъ.

— Какъ это такъ? спросилъ съ удивленіемъ Чумаковъ; — потому мы всѣ погибли... Какъ же намъ быть?

«Потомъ, разсуждая оба, показывалъ Твороговъ¹⁾, какимъ бы образомъ арестовать его, не находили средства начать такое дѣло и боялись открыться въ томъ другимъ, потому что всѣ безъ изъятія почитали его за истиннаго государя. Въ разсужденіи чего и условились мы тайтъ сіе до удобнаго случая. Хотя же я и съ самаго начала при злодѣѣ у письменныхъ дѣлъ находился, но клянусь живымъ Богомъ, что никакъ не зналъ того, что злодѣй грамотѣ не умѣетъ, ибо онъ предъ всѣми нами показывался знающимъ тѣмъ, что писывалъ въ глазахъ нашихъ какіе-то крючки иногда мелко, иногда крупно и сказывалъ, что пишетъ по-нѣмецки. Также если когда подамъ ему въ руки что-нибудь написанное, то смотря на оное шевелилъ губами и подавалъ видъ, что читаетъ, почему и не смѣлъ никто изъ насъ опробовать (испробовать) его знаніе написаніемъ другаго нежели онъ приказывалъ, бояся висѣлицы, потому что онъ содержалъ насъ въ великомъ страхѣ».

Подписанный Дубровскимъ манифестъ не принесъ ожидаемой пользы, въ виду мѣръ, принятыхъ атаманомъ Сулинымъ и правительствомъ. Еще 19 іюля П. Потемкинъ предупреждалъ атамана, будто Пугачевъ, послѣ разбитія его подъ Казанью, намѣренъ пробраться на Донъ и просилъ Сулина объявить по войску, что пойманному злодѣю будетъ выдано 25,000 руб. и золотая медаль «въ

¹⁾ Госуд. Арх., VI, д. № 505 и № 512.

вѣчную честь»¹⁾. Получивши это увѣдомленіе, войско донское опредѣлило собрать, изъ оставшихся за раскомандированіемъ въ заграничныя арміи казаковъ, 1,500 человекъ и раздѣливъ ихъ на три полка, выставить «на верхнихъ съ сосѣдственными мѣстами войска донскаго границахъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 10 августа, была получена въ Черкасскѣ грамота военной коллегіи, въ которой было сказано, что императрица повелѣла войску нарядить тысячу казаковъ въ экспедицію, извѣстную генералу Г. А. Потемкину. Послѣдній, сообщая донцамъ о переправѣ Пугачева черезъ Волгу и движеніи на югъ, требовалъ, чтобы эти казаки были немедленно отправлены въ Воронежскую губернію, «для предохраненія сей губерніи и самаго Дона отъ разореній, причиняемыхъ симъ тысячи казней достойнымъ злодѣемъ».

Потемкинъ просилъ, чтобы начальство надъ этимъ отрядомъ было поручено полковнику Алексѣю Иловайскому, «если онъ здоровъ, буде же ему что либо въ семь воспрепятствуетъ», то отправить команду «при другомъ надежномъ и въ исправности засвидѣтельствованномъ полковникѣ». Иловайскій заявилъ, что онъ здоровъ и готовъ идти на службу.

Сверхъ того, войско разослало свои грамоты всѣмъ старшинамъ по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку съ приказаніемъ собрать всѣхъ служилыхъ казаковъ и выростковъ, выступить съ ними въ походъ къ верховымъ станицамъ и состоять въ командѣ армейскаго полковника Себрякова²⁾. При этомъ старшинамъ приказано наблюдать, чтобы казаки были «во всякой и ежечасной къ отраженію непріятеля готовности» и для того почаще объѣзжать станицы.

Положеніе Дона было въ это время критическое: не было ни достаточно войска, ни боевыхъ припасовъ. Полковникъ Себряковъ былъ болѣнъ и не могъ быть особенно дѣятельнымъ по комплек-

¹⁾ Письмо П. Потемкина атаману Сулину 19 іюля 1774 г., № 8. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

²⁾ Рапортъ наказнаго атамана Сулина генералу Г. А. Потемкину 12 августа 1774 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 194, кн. 45. См. также «Начало и характеръ Пугачевщины», П. Щербальскаго, изд. 1865 г., стр. 140.

тованію полковъ; старшины, не имѣя у себя надежныхъ средствъ, дѣйствовали нерѣшительно и не всегда согласно. По Дону распространился слухъ, что идетъ не Пугачевъ, а истинный государь Петръ Ѳеодоровичъ. Полковникъ Себряковъ отправилъ надежныхъ казаковъ въ самыя сѣверныя пограничныя станицы: Березовскую и Филоновскую, чтобы своевременно имѣть извѣстія о надвигавшейся толпѣ. Съ этою же самою цѣлью онъ послалъ есаула Мельникова съ командою къ Ломову, а Ефрема Себрякова — въ Саратовъ.

Между тѣмъ, казаки собирались весьма медленно и приходили съ дурнымъ вооруженіемъ. При всѣхъ своихъ усиліяхъ Себряковъ могъ собрать изъ нижнихъ медвѣдичскихъ станицъ только двѣсти казаковъ, которые и были расположены въ двухъ верстахъ отъ Скуришенской станицы. Всѣ его распоряженія и предписанія старшинамъ или вовсе не исполнялись, или исполнялись весьма медленно.

«Неудачное исполненіе старшинами распоряженій, говорить М. Сенюткинъ ¹⁾, и недостатокъ войскъ имѣли самое пагубное вліяніе на разстроенное и безъ того здоровье Себрякова. Онъ впалъ въ горячку и съ сожалѣніемъ видѣлъ, что уже не можетъ по прежнему служить отечеству».

— Для чего я болѣнъ, говорилъ онъ однажды есаулу Сергѣеву, — для чего не могу идти въ походъ, когда неотмѣнно надобно спасать отечество?

Приближеніе мятежниковъ къ Етеревской станицѣ и нежеланіе отдаться имъ живому въ руки, заставили Себрякова уѣхать со всѣмъ семействомъ въ Новохоперскую крѣпость и передать всѣ распоряженія въ руки отдѣльныхъ старшинъ, командовавшихъ полками. Багъ только наказный атаманъ Сулинъ узналъ о болѣзни Себрякова, онъ тотчасъ же приказалъ Луковкину отправиться на Медвѣдицу, сформировать тамъ три полка по 500 человекъ каждый и идти на пораженіе Пугачева.

Вечеромъ 13-го августа Луковкинъ прибылъ въ Скуришен-

¹⁾ «Военныя дѣйствія донцовъ и проч.», Михаила Сенюткина. *Современникъ*, 1854 г., т. 46, стр. 96.

скую стапщу. Повидавшись съ Себряковымъ, онъ въ ту же ночь отправился въ Арчадинскую станицу и, къ удивленію своему, не нашелъ тамъ не только команды, но и ни одного наряженнаго на службу казака. Онъ тотчасъ же отправилъ приказъ станичнымъ атаманамъ по Хопру и Бузулуку какъ можно скорѣе командировать на службу казаковъ, и съ большими усиліями успѣлъ сформировать три полка: одинъ подъ своимъ начальствомъ, другой подъ начальствомъ Максима Янова и третій подъ командою Андрея Вуколова. Едва эти полки были сформированы, какъ получено было извѣстіе о приближеніи мятежниковъ къ Дону.

Находясь еще въ Саратовѣ, Пугачевъ усилилъ свою толпу возмущившимися колонистами, которые добровольно приставали къ его толпѣ и оставались въ ней до окончательнаго разсѣянія толпы самозванца. Такихъ лицъ было доставлено потомъ въ Саратовъ 432 человека обоаго пола. Трусость ли колонистовъ, или одно желаніе сохранить свои дома и имущество отъ разграбленія были причиною ихъ присоединенія къ мятежникамъ, но во всякомъ случаѣ поступокъ этотъ удивилъ правительственныхъ лицъ. Прибывшій въ Саратовъ съ отрядомъ генералъ-маіоръ Мансуровъ, по совѣту Державина, отправилъ въ колоніи свое воззваніе, сочиненное поэтотъ, въ которомъ требовалъ полного спокойствія, повиновенія правительству и возвращенія въ свои жилища.

«Я уповаю и надѣюсь тѣмъ болѣе на васъ, писалъ Мансуровъ ¹⁾, что вы нашей всемилоствѣйшей монархинѣ въ вашихъ должностяхъ вѣрными пребудете, понеже вамъ, *какъ иностраннымъ и благоразумнымъ нѣмцамъ*, довольно извѣстно быть должно, что государственнй злодѣй Пугачевъ не токмо не государь, но презресточайшій варварь, тиранъ и человѣческому обществу злодѣй, въ истребленіи котораго всему человѣческому роду принадлежитъ стараніе имѣть».

Нѣмцы однакожь не возвращались и шли по слѣдамъ мятежниковъ. За Саратовымъ Пугачевъ былъ усиленъ еще толпою въ 700 человекъ заводскихъ крестьянъ, прибывшихъ съ яицкимъ казакомъ Ходиннымъ.

¹⁾ Въ воззваніи отъ 13 августа 1774 г. Государств. Арх., VI. д. № 492.

— Гдѣ этихъ людей набралъ? спрашивалъ Пугачевъ Ходина.

— Пристали ко мнѣ сами, когда тебя Михельсонъ разбилъ подъ Казанью; мы все шли позади васъ.

Самозванецъ благодарилъ своего сообщника и былъ очень радъ прибытію крестьянъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ были вооружены ружьями.

Съ толпою до 5,000 человекъ Пугачевъ, 11-го августа, подошелъ къ Камышину (Дмитріевску) и занялъ его. Впереди города встрѣтили самозванца человекъ 30 царичынскихъ казаковъ, которые были въ разъѣздахъ, и добровольно пристали къ его толпѣ. Жители вышли съ хлѣбомъ и солью, а духовенство—съ крестами. Комендантъ Мелнигъ заперся въ крѣпости и, не стрѣляя, ожидалъ рѣшенія своей участи. Предводимые атаманомъ Овчинниковымъ, мятежники разбили ворота, ворвались въ крѣпость и убили коменданта. Дома многихъ жителей были разорены, денежныя суммы разграблены.

Въ Камышинѣ присоединились къ самозванцу 600 человекъ малороссійскихъ казаковъ, и отсюда Пугачевъ разошелъ по станциямъ волжскаго войска своихъ посланныхъ съ требованіемъ, чтобы казаки покорились его власти. Гонцы грозили населенію, что государь всѣхъ противящихся вырубить, а жилища ихъ предать пламени.

Въ ближайшій къ Камышину (Дмитріевску) хуторъ Саломатинъ пріѣхалъ, 13-го августа, старшина Антиповской станицы Иванъ Никифоровъ и собравъ казаковъ, объявилъ, что отъ государя прислано письмо, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы казаки сдались безъ сопротивленія, въ противномъ случаѣ угрожаетъ всѣхъ истребить, а дома сжечь.

На самомъ дѣлѣ письмо это было слѣдующаго содержанія ¹⁾:

«Божіею милостію мы Петръ III императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч., проч., проч.

«Антиповской станицы г. атаману Ивану Платонову, старшинамъ и всей Антиповской станицѣ объявляется во всенародное извѣстіе:

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 194, кн. 45.

«Уповательно вся Россія небезызвѣстна, которой уже большая половина подъ скиптръ и корону нашу добропорядочнымъ образомъ склонилась и признавъ насъ обстоятельно, увѣрясь о точномъ нашемъ имени, а особливо нѣсколько донскаго и волжскаго войска оказываютъ въ нашей службѣ ревность и усердіе. Того ради и вамъ, г. атаману Платонову съ войскомъ, посылаемъ всемилостивѣйшій нашъ именной указъ съ монаршимъ и отеческимъ милосердіемъ и повелѣваемъ по прибытіи нашемъ съ арміею учинить встрѣчу, понеже завтра въ половину дня прибыть имѣемъ, для чего быть готовымъ въ нашу службу, а злодѣевъ дворянъ всячески стараться искоренять. Въ вѣрность чего за подписаніемъ собственной нашей руки и съ приложеніемъ короны сей указъ данъ».

Скрывъ истинное содержаніе указа, Никифоровъ приказалъ казакамъ съѣзжаться въ станицу. На слѣдующій день казаки собрались въ кругу и разсуждали, что имъ дѣлать: противъ ли злодѣевъ идти, спасаться-ли бѣгствомъ или же покориться ему. «Сожалѣя женъ своихъ, дѣтей и имущество», казаки рѣшились «по малоимѣнію къ сопротивленію людей, къ нему склониться» ¹⁾. Выбравъ 40 человекъ казаковъ, кругъ отправилъ ихъ съ тремя знаменами на встрѣчу Пугачеву. При приближеніи его, казаки, верстахъ въ семи отъ станицы, слѣзли съ лошадей и, ставъ на колѣни, поклонились самозванцу съ «пригнутіемъ знаменъ»; многіе цѣловали руку Пугачева.

У входа въ станицу все населеніе отъ стараго до малаго, мужчины и женщины, съ образами и колокольнымъ звономъ ожидали прибытія Пугачева. При его приближеніи всѣ пали на колѣни. Самозванецъ, не слѣзая съ своей пѣгой лошади, приложился ко кресту, проѣхалъ прямо въ станицу и въ домъ казака Родіона Осипова Забуруннаго обѣдалъ. Первымъ дѣломъ были выпущены на волю всѣ колодники, затѣмъ всѣмъ солдатамъ обрѣзаны волосы по-казацки и приказано состоять въ войскѣ государя. Станичникъ атаману Ивану Платонову велѣно забрать съ

¹⁾ Показаніе волжскаго войска казака Ивана Черникова 22 августа 1774 года. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 194, кн. 45.

собою всѣхъ станичныхъ старшинъ, есаула, казаковъ, станичныя знамена и слѣдовать за самозванцемъ.

Пообѣдавъ въ станицѣ и отойдя отъ нея верстъ восемь, толпа остановилась на ночлегъ на р. Балыклеѣ. Пугачевъ высказывалъ свое намѣреніе идти въ Караваинскую и Балыклеевскую станицы, а оттуда черезъ Дубовку и Царицынъ на Донъ. Въ это время въ толпѣ его, по показанію участниковъ, находилось до 6,000 человекъ разнаго сброда: казанскихъ татаръ, крестьянъ, дворовыхъ людей и ссылочныхъ; изъ нихъ тысячъ до двухъ были вооружены, а остальные почти безъ всякаго оружія. Обозъ самозванца состоялъ изъ множества телѣгъ, колясокъ, берлиновъ въ числѣ до 500 экипажей.

При выступленіи изъ Камышина отъ главной толпы мятежниковъ отдѣлились три партіи и разными путями ворвались въ предѣлы Войска Донскаго. Двѣ изъ нихъ шли по берегамъ Медвѣдицы и Иловли, а третья по Хопру. Разоряя на пути всѣ селенія, мятежники навели такой страхъ на жителей, что большинство ихъ, отъ стараго до малаго, оставили свои дома и скрывались по нѣскольку дней въ лѣсахъ. Толпа, слѣдовавшая по рѣкѣ Медвѣдицѣ, ворвалась и разграбила слободу Красояровку, другая, 14-го августа, разорила станицы: Березовскую, Малодѣльскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую. Въ Березовской станицѣ мятежники потребовали станичный конный табунъ и выбрали изъ него самыхъ лучшихъ лошадей; въ Малодѣльской повѣсили нѣсколькихъ казаковъ, а въ Заполянской—жестоко избили станичнаго атамана и двухъ стариковъ за то, что они не могли снабдить ихъ овсомъ и сѣномъ.

Получивъ извѣстіе о появленіи мятежниковъ, походный атаманъ Луковкинъ присоединилъ къ себѣ старшинъ Янова и Вуколова и, принявъ общее начальство надъ казаками, число которыхъ, впрочемъ, не превышало 550 человекъ, двинулся на поражение мятежниковъ, бывшихъ у Етеревской станицы. Не видя полковника Себрякова и слыша, что онъ скрылся въ Новохоперской крѣпости, казаки неособенно охотно шли за Луковкинымъ на поражение мятежниковъ. Въ особенности противились тому старики и люди пожилые.

— Мы готовы идти, говорили они, — но у насъ нѣтъ главнаго начальника. Видно это не Пугачъ, а государь, что онъ (Себряковъ) уѣхалъ, и кабы не такъ, онъ бы стоялъ.

Напрасно Луковкинъ старался увѣрить своихъ подчиненныхъ, что Себряковъ болѣнъ и что къ нимъ приближается не истинный государь, а самозванецъ.

— Какъ бы намъ, говорили казаки, — вмѣсто Пугача не поднять рукъ на помазанника Божія императора Петра III.

Луковкинъ принужденъ былъ заставить нѣкоторыхъ казаковъ, бывшихъ въ плѣну у Пугачева, лично заявить передъ собраніемъ, что они видѣли въ толпѣ самозванца. Послѣ увѣщаній, длившихся почти цѣлый день, Луковкинъ въ ночь на 17 августа выступилъ противъ непріятеля, сдѣлалъ переходъ въ 80 верстъ и на слѣдующій день совершенно неожиданно напалъ на мятежниковъ, пировавшихъ въ Теревской станицѣ. Многіе были убиты и захвачены въ плѣнъ, но большая часть спаслась бѣгствомъ и присоединилась къ другой толпѣ, находившейся въ Заполянской станицѣ. Преслѣдуя мятежниковъ, Луковкинъ имѣлъ съ ними горячія дѣла близъ Малодѣльской станицы, при такъ называемомъ курганѣ Бараулъ; и на рѣкѣ Баландѣ, Пензенскаго уѣзда. Разсѣявъ шайки и выгнавъ ихъ изъ предѣловъ Войска Донскаго, Луковкинъ соединился съ полковникомъ Иловайскимъ и направился вмѣстѣ съ нимъ въ Воронежскую губернію.

Въ это время Пугачевъ, съ главнѣйшею частію своихъ сообщниковъ, тянулся по направленію къ Караванской станицѣ и затѣмъ къ Балыклеевской. Всѣ встрѣчавшіеся на пути ~~казаки~~ казаки присоединялись къ самозванцу, причѣмъ атаманъ Антиповской станицы Иванъ Платоновъ оказывалъ особую ревность къ увеличенію силъ Пугачева. Подозвавъ къ себѣ казаковъ Черникова и Тарасова, атаманъ Платоновъ представилъ ихъ самозванцу. Послѣдній подалъ имъ конвертъ и приказалъ отвезти его въ Березовскую станицу, но потомъ, подумавши, взялъ обратно и приказалъ везти въ Иловленскую станицу. А какъ конвертъ былъ адресованъ въ Березовскую станицу, то Пугачевъ и приказалъ Дубровскому переправить адресъ.

— Въ Иловлѣ будутъ сомнѣваться, замѣтилъ самозванецъ, и пожалуй не распечатаютъ.

Дубровскій подчистилъ адресъ и отдалъ указъ посылаемымъ казакамъ. Пугачевъ приказалъ имъ ѣхать прямо въ домъ казака Иловленской станицы Ѳедора Авинова, отдать ему конвертъ, для объявленія станичному атаману и казакамъ.

— Гдѣ императоръ находится? спросилъ Авиновъ, принимая письмо отъ Черникова.

— Отправился къ Караваинской станицѣ.

Авиновъ взялъ письмо и отнесъ его къ старшинѣ Манкову, стоявшему съ полкомъ лагеремъ всего въ полуверстѣ отъ станицы. Въ этомъ письмѣ находился слѣдующій указъ самозванца:

«Божіею милостію мы Петръ III императоръ и самодержецъ всероссійскій

и проч., проч., проч.

«Объявляется Березовской станицы г. атаману и всѣмъ живущимъ въ оной донскаго войска казакамъ и во всенародное извѣстіе.

«Довольно уже наполнена была Россія о нашемъ отъ злодѣевъ (главныхъ сенаторовъ и дворянъ) уккрытіи вѣроятнымъ слухомъ, но и ипостранныя государства небезъизвѣстны. Не отъ чего инаго сіе воспослѣдовало, какъ во время царствованія нашего разсмотрѣно, что отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ, древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанскій совсѣмъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ зловреднаго умысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россію другой законъ и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ какъ въ крестѣ, такъ и прочемъ неистовства, и подвергнули кромѣ нашей монаршей власти всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеніевъ и доводя ее до самой крайней гибели; черезъ что, какъ яицкое, донское, волжское войско ожидали своего крайняго разоренія и истребленія, что нами во всемъ вышепрописанномъ отечески соболѣзновавъ сожалѣли и унамѣрены были отъ ихъ злодѣйскаго тиранства свободить и учинить во всей Россіи вольность, за что нечаянно лишены мы всероссійскаго престола и вмѣнены злоумышленными публикованными указами въ мертвые.

«Нынѣ же по промыслу Всевышней Десницы, волею его святою, вмѣсто совѣмъ забвенія имя наше процвѣтаетъ и по прежде обязанной присягѣ, признавъ и увѣрясь о точномъ нашемъ имени, приняли и склонились подъ нашъ скиптръ и корону живущій Казанской и Оренбургской губерній, съ приписными городами и уѣздами народъ; такожь башкирскія и калмыцкія орды и поселенное по р. Волгѣ волжское казачье войско и оказываютъ ревность и усердіе къ службѣ нашей охотно и безъ всякаго принужденія.

«Того ради за благо разсудить соизволили черезъ сей нашъ всемилостивѣйшій указъ дать знать о нашемъ шествіи съ побѣдоносной арміей какъ означенной Березовской станицѣ, такъ и всему донскому казачьему войску, что если оно почувствуетъ наше отеческое попеченіе и пожелаетъ вступить за природнаго своего государя, который для общаго спокойствія и тишины претерпѣлъ великія странствія и немалыя бѣдствія—то бы желающіе оказать ревность и усердіе, для истребленія вредительныхъ обществу дворянъ, явились бы въ главную нашу армію, гдѣ и сами мы присутствуемъ, за что безъ монаршей нашей милости и на первый случай невзачетъ жалованья по 10 руб. награждены и оставлены не будете.

«А для свѣдѣнія всему донскому войску повелѣваемъ сей указъ станицы отъ станицы пересылать внизъ по теченію р. Дона и, списывая съ онаго копіи, для надлежащаго исполненія оставлять въ каждой станицѣ. Во свидѣтельство того, мы собственною рукою подписали и государственною нашею короною ¹⁾ укрѣпить соизволили».

Манковъ арестовалъ присланныхъ, отправилъ указъ самозванца царицынскому коменданту и узнавъ отъ захваченныхъ, что самозванецъ идетъ въ Дубовку, выступилъ на встрѣчу вмѣстѣ съ старшиною Григоріемъ Поздѣвымъ ²⁾.

¹⁾ Подъ именемъ короны подразумѣвалась приложенная въ лѣвомъ углу первой страницы печать, означающая «мерзкую харю злодѣя». (Показаніе Творогова 27 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 505). Подлинный указъ см. Государ. Арх., VI, д. № 512.

²⁾ Рапорты старшинъ Василя Манкова и Григорія Поздѣва атаману Сулину, отъ 16 августа. Показаніе казака Ивана Черникова отъ 22 августа 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 194, кн. 45. Иванъ Черниковъ бысть по-

Въ то же самое время, пользуясь прибытіемъ, 10-го августа, въ Царицынъ присланнаго Кречетниковымъ полковника князя Дондукова съ 3,000 калмыковъ, царицынскій комендантъ полковникъ Циплетевъ рѣшился выслать его на помощь Камышину (Дмитріевску). Присоединивъ къ калмыкамъ первую легкую полевую команду маіора Дица, съ 7-ю полевыми орудіями, и поручивъ общее начальствованіе надъ отрядомъ полковнику князю Дондукову, полковникъ Циплетевъ предписалъ ему слѣдовать на Дмитріевскъ, не пропускать Пугачева къ Дону и слѣдить за тѣмъ, чтобы самозванецъ не могъ обойти отрядъ стороною и пробраться въ низовые города ¹⁾. Находившемуся въ Хоперской крѣпости полковнику Себрякову также приказано было Циплетевымъ дѣйствовать во флангъ надвигающейся толпы, причѣмъ царицынскій комендантъ писалъ ему, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, толпа мятежниковъ имѣетъ весьма мало вооруженныхъ и большинство идетъ съ косами, бердышами, пасаженными на древки и ѣздитъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ. Циплетевъ предложилъ присоединиться къ отряду Дондукова атаману волжскаго войска Персидскому, но тотъ объявилъ, что болѣнъ, и не поѣхалъ.

Выступая противъ непріятеля 12-го августа и желая еще болѣе усилить свой отрядъ, полковникъ Дондуковъ отправилъ нарочныхъ во все улусы, чтобы все владѣльцы, въ томъ числѣ и Ценденъ, все зайсанги и калмыки, «кои службу снести могутъ, но донныя въ домахъ остающіеся», шли къ нему на соединеніе, «безъ наималѣйшаго времени продолженія» ²⁾.

Въ Дубовкѣ къ отряду Дондукова присоединился полковникъ Федоръ Кутейниковъ съ своимъ полкомъ и вмѣстѣ двинулись къ Дмитріевску. Получивъ извѣстіе, что самозванецъ, 11-го августа, занялъ уже Дмитріевскъ, полковники Дондуковъ и Кутейниковъ торопились занять постъ въ Балыклеевской станицѣ, но передовые

вѣшенъ въ Черкасѣ. См. *Воен. дѣйствія донцовъ противъ Пугачева*, М. Сеньюткина. Современникъ, т. 46, стр. 92.

¹⁾ Рапортъ Циплетева военной коллегіи, отъ 12 августа 1774 г. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга V.

²⁾ Рапортъ Дондукова Кречетникову 13 августа 1774 г. Рапортъ полковника Циплетева ему же отъ 15 августа. Государ. Арх., VI, д. № 454.

изъ толпы Пугачева предупредили ихъ и потому, не доходя пяти верстъ до станицы, князь Дондуковъ, 15-го августа, повернулъ на р. Пролейку, гдѣ и расположился на ночлегъ ¹⁾).

Утромъ 16-го числа казачьи разъѣзды донесли о приближеніи толпы мятежниковъ въ числѣ 5 т. человекъ. Полковникъ Дондуковъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ: въ центрѣ стала легкая полевая команда подъ начальствомъ маіора Дица, на лѣвомъ ея флангѣ стали 300 человекъ казаковъ полковника Кутейникова, а на правомъ флангѣ калмыки. Лишь только появился непріятель, Кутейниковъ тотчасъ же атаковалъ правый флангъ мятежниковъ, смялъ ихъ и заставилъ отступить за свои орудія, но въ это время калмыки частію передались на сторону непріятеля, а частію бѣжали съ поля сраженія.

Мятежники успѣли отрѣзать казаковъ отъ легкой полевой команды и подавили ихъ своею многочисленностью. Полковникъ Кутейниковъ съ нѣсколькими человекъами оставилъ поле сраженія и верстахъ въ 20-ти нагналъ полковника князя Дондукова съ 25 калмыками. Большая часть казаковъ отступила въ степь и потомъ по одиночкѣ пробиралась или въ станицы, или въ Царицынъ. Оставшись одинъ на полѣ сраженія, маіоръ Дицъ построилъ въ каре свою легкую полевую команду и, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, отбивался стоя на мѣстѣ. Его драгунская команда, численность которой не превышала 60 человекъ, подъ начальствомъ поручика Денисьева, бросаясь нѣсколько разъ въ атаку «дралась съ отличною храбростью, въ чемъ признавались пойманные подъ Царицыномъ злодѣи», но прорвать густую толпу мятежниковъ была не силахъ. Вскорѣ послѣ того маіоръ Дицъ былъ убитъ, многіе офицеры убиты или ранены, и солдаты, лишившись своихъ командировъ, пришли въ замѣшательство. Пользуясь этимъ, мятежники успѣли ворваться въ каре и тогда солдаты положили оружіе; всѣ офицеры были перебиты, за исключеніемъ одного прапорщика Лаптева, захваченнаго въ плѣнъ вмѣстѣ

¹⁾ Рапортъ Дондукова Циплетеву 15 августа. Государственный Архивъ, VI, д. № 454. См. также *Зап. Акад.*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 19.

съ солдатами ¹⁾). Впослѣдствіи всѣ плѣнные солдаты по одиночкѣ уходили изъ толпы и къ 25 августа возвратилось въ Царицынъ до 200 человѣкъ ²⁾).

17 августа Пугачевъ занялъ Дубовку, — главный пунктъ тогдашняго волжскаго войска, поселеннаго по берегу рѣкъ Волги и Иловли для охраненія этой мѣстности.

Первое извѣстіе о приближеніи самозванца принесъ въ Дубовку волжскаго войска есаулъ Савелій Тараринъ, прискакавшій изъ Саратова. Войсковой атаманъ Василій Персидскій послалъ Тарарина съ этимъ извѣстіемъ въ Царицынъ, и когда высланный полковникомъ Циплетевымъ отрядъ Дондукова былъ разбитъ, то Персидскій съ старшинами сѣли на лошадей и намѣрены были бѣжать изъ города.

— Когда вы ѣдете, то и мы отъ васъ не отстанемъ, сказалъ атаману есаулъ Борисовъ, и казаки стали также собираться въ путь.

— Мы поѣдемъ къ Дондукову посовѣтоваться, увѣрялъ Персидскій, а потомъ скоро вернемся назадъ; вы здѣсь останьтесь и подождите насъ.

Казаки повѣрили и остались. Черезъ часъ времени, атаманъ прислалъ съ дороги въ городъ старшину Григорія Полякова съ порученіемъ принять начальство и имѣть «всякую въ случаѣ злодѣйскаго прихода предосторожность». Поляковъ приказалъ поставить въ воротахъ двѣ единственныя пушки, но казаки говорили, что ими обороняться невозможно «противъ такъ великаго числа» мятежниковъ. Поляковъ приказалъ увезти пушки и хотѣлъ затопить порохъ, но казаки его не допустили, и когда Пугачевъ появился въ 30-ти верстахъ отъ Дубовки, то Поляковъ отправилъ на встрѣчу самозванцу казака Сидора Сеслистова объявить, что въ городѣ нѣтъ ни атамана, ни казаковъ. «Сіе Поляковъ

¹⁾ Рапорты атамана Сулина Г. А. Потемкину отъ 28 августа и 12 октября 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 194, кн. 45. Рапортъ полковника Циплетева военной коллегіи 16 сентября 1774 г. № 244 (Тамъ же, оп. 47, св. 249). Записка капитана Николая Свербеева, поданная князю А. А. Вяземскому (Арх. Кабинета Его Импер. Величества).

²⁾ Всеноддан. рапортъ Циплетева отъ 25 августа, Госуд. Арх. VI, д. № 496.

для того сдѣлалъ, показывалъ казакъ Василій Горскій ¹⁾, неравно злодѣй разсудилъ бы, что въ городѣ мало людей и обойдетъ мимо въ разсужденіи того, что городъ пусть и поживиться ему будетъ нечѣмъ».

Возвратясь отъ Пугачева казакъ Сеслистовъ привезъ Полякову приказанія: встрѣтить государя съ честію, не отгонять табуна лошадей отъ города и приготовить на Волгѣ суда для того, по словамъ Пугачева, что «съ луговой стороны на нагорную будетъ перебираться его Черный гусарскій полкъ».

Получивши такое приказаніе, казаки рѣшились, не противясь, встрѣтить самозванца. Населеніе вышло за городъ съ хлѣбомъ и солью, а попъ, Яковъ Савинъ, съ нѣсколькими священниками съ крестами и образами. «Старшина и казаки, говорилъ маіоръ Салмановъ ²⁾, всѣ въ лучшихъ платьяхъ, со знаменами, показывали радостный видъ».

Впередѣ Пугачева ѣхала толпа яицкихъ казаковъ, и Поляковъ, не зная кто называется государемъ, спрашивалъ: какъ его узнать.

— Здѣсь государя нѣтъ еще, отвѣчали казаки; — а узнавайте его по тому, кто не скинетъ, по пріѣздѣ къ вамъ, шапки.

Вскорѣ подѣхалъ Пугачевъ и слѣзъ съ лошади; къ нему подошелъ протопопъ съ крестомъ; самозванецъ приподнялъ немного шапку и поцѣловалъ крестъ, но «не тутъ, гдѣ должно, а въ самые уста Спасителя» и потомъ опять надѣлъ шапку. Атаманъ Овчинниковъ подбѣжалъ къ Пугачеву и протянулъ ему руку, «обернутую желтымъ платкомъ, а злодѣй, положи на оную свою, сталъ допускать народъ для цѣлованія». Сначала все это продѣлывалось стоя, а потомъ вынесли стулъ и Пугачевъ продолжалъ церемонію цѣлованія руки сидя. Въ числѣ встрѣчавшихъ самозванца былъ и старшій братъ войскового атамана.

— Гдѣ прочіе твои братья? спросилъ его Пугачевъ.

— Ушли, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же ты остался?

¹⁾ 31 октября 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 463.

²⁾ Въ показаніи отъ 26-го сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512.

— Я хочу умереть за отечество и мѣста своего не покину.

«Въ какомъ разумѣ ¹⁾ (т. е. съ какою цѣлью) сказалъ сіе слово, показывалъ Пугачевъ, для того-ли, что ревновалъ службѣ и столько же государышѣ и самодержицѣ, или мыслилъ угодить тѣмъ ему (Пугачеву) — неизвѣстенъ; ибо злодѣй не объяснялся и оставилъ его, какъ человѣка престарѣлаго».

Войдя въ Дубовку, Пугачевъ остановился въ домѣ Полякова, гдѣ и обѣдалъ, а послѣ того возвратился въ свой станъ, расположенный вблизи города, гдѣ и ночевалъ. На другой день Поляковъ былъ связанъ и исколотъ копьями, но не до смерти, а пріѣхавшій яицкій казакъ собралъ кругъ и приказалъ выбрать атамана и есаула. Казаки выбрали походнаго атамана и депутата Василя Венеровскаго, а есауломъ—Федора Сеслистова, и оба они были приведены къ присягѣ на вѣрность службы императору Петру III. Выкативъ изъ питейныхъ домовъ всѣ бочки съ виномъ и пивомъ, Пугачевъ приказалъ ихъ разбить, чтобы толпа его не перенилась, но распоряженіе это не достигло цѣли: сообщники самозванца «пьянствовали и кололи своихъ», а яицкіе казаки ходили по домамъ и грабили. Населеніе жаловалось на это Венеровскому и просило защиты, но не смотря на просьбы новаго атамана никакого удовлетворенія, конечно, не послѣдовало.

Обративши вниманіе на бывшаго въ толпѣ зрителей сотника астраханскаго войска Василя Горскаго и узнавъ, что онъ былъ депутатомъ въ комиссіи о сочиненіи уложенія, Твороговъ подошелъ къ нему, взялъ за руку и отвелъ въ сторону.

— Знаете-ли вы по-нѣмецки? спросилъ Твороговъ.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ Горскій.

— Какъ-де вамъ не знать, вы часто бывали въ Москвѣ и Петербургѣ.

— Мы хотя и бывали въ Петербургѣ, только не въ такихъ упражняемыхъ наукахъ, а въ порученномъ намъ дѣлѣ въ «уложенной комиссіи», да и на то смыслу у насъ недостаетъ.

— Ну, хотя серебряное мастерство не знаете ли?

¹⁾ А не «разсужденія», какъ напечатано въ *Чтеніяхъ Московск. Общ. Истор. и Древн.*, 1858 г., кн. II, стр. 48.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Горскій, смѣясь, — гдѣ намъ этому учиться; родители обучили насъ съ нуждою и россійской грамотѣ, а приучали больше къ службѣ, чтобы умѣть хорошо владѣть конемъ и ружьемъ.

Горскій просилъ представить его Пугачеву и выразилъ желаніе служить ему.

Твороговъ отправился въ палатку самозванца и, выйдя оттуда, позвалъ Горскаго къ Пугачеву. Снявъ пистолеть, бывшій за поясомъ, Горскій положилъ его у стоявшей тутъ коляски и спросилъ, снять-ли ему шапку или нѣтъ. Твороговъ приказалъ снять. Горскій съ открытою головою вошелъ въ палатку, поклонился и по данному знаку сталъ на колѣни. На кошмѣ сидѣлъ самозванецъ, а передъ нимъ была разостлана скатерть, на которой стояли тарелки, разная рыба, игра, арбузы и куски калачей. Возлѣ Пугачева сидѣлъ очень молодой человѣкъ, а вокругъ скатерти на землѣ человѣкъ десять приближенныхъ самозванца.

— Здравствуй, мой другъ, ты кому присягалъ? спросилъ Пугачевъ.

— Всемилоствѣйшей государынѣ, въ вѣчномъ блаженствѣ достойныя памяти императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Не успѣлъ онъ выговорить слово «государынѣ», какъ сидѣвшіе тутъ казаки взглянули на него быстро, а по окончаніи рѣчи потупили глаза.

— Давно-ли ты въ службѣ?

— Съ 1748 года.

— Послѣ государыни Елисаветы Петровны кому ты еще присягалъ?

— Государю императору Петру III.

— А потомъ кому?

— Когда было обнародовано указами, что императоръ Петръ III скончался и воцарилась государыня Екатерина Алексѣевна, мы ей присягали и наслѣднику Павлу Петровичу.

— Давно-ли ты, мой другъ, изъ Москвы?

— Мѣсяца съ три и больше.

— Что тамъ про меня говорятъ?

— Говорятъ, сударь, что подь Оренбургомъ и въ тѣхъ мѣстахъ воюеть Пугачевъ.

Самозванецъ засмѣялся и указаль на сидѣвшаго подлѣ себя молодого человекъ, потрепавъ его по плечу.

— Вотъ сынъ Пугачева, Трофимъ Емельяновичъ, послѣ него остался, сказалъ онъ,—а самого Пугачева нѣтъ уже въ живыхъ.

Помолчавши немного, а потомъ, колотя себя въ грудь, Пугачевъ громко произнесъ: «вотъ, другъ мой, Петръ III императоръ». При этомъ сидѣвшіе вокругъ скатерти казаки преклонили свои головы къ колѣнямъ, «на что смотря, говорилъ Горскій, я упаль низъ и лежалъ передъ нимъ».

— Встаньте, други мои, встаньте, говорилъ самозванецъ казакамъ; — а ты зналь государя Петра III? спросилъ онъ, обращаясь къ Горскому.

— Зналь, отвѣчалъ спрошенный.

Самозванецъ приказаль поднести всѣмъ по чаркѣ водки, а самъ сталъ рассказывать свои мнимыя походы.

— Я украденъ генераломъ Масловымъ, говорилъ онъ,—и въ три дня въ Кіевѣ сталъ. Въ столь короткое время я загналъ 18 лошадей и заплатилъ за каждую по 10 или по 100 имперіаловъ—точно не упомню, только великую сумму.

— Смотри-ка, пожалуй, шептались въ полголоса находившіеся въ палатѣ казаки, — по тысячѣ рублей даваль за лошадь!

— Если Богъ велитъ, продолжалъ Пугачевъ, — въ тѣхъ мѣстахъ (Петербургѣ) еще быть, то я такъ сдѣлаю, чтобы они (дворяне) въ роды родовъ помнили. Эхъ! пошаталась моя головушка и пришелъ я на Яикъ, да вотъ въ домѣ Творогова былъ. Вотъ это честный человекъ, а братъ у него плутъ, не узналъ своего государя и если онъ мнѣ попадется, то даромъ что его братъ у меня — повѣшу.

— Далеко-ли до Царицына? спросилъ самозванецъ.

— Богъ-де знаетъ, сударь, отвѣчалъ казакъ Поповъ, — мы давно уже тамъ не бывали, только отъ Дубовки считается 53 версты.

— Скажите, господа, спрашивалъ Пугачевъ, обращаясь къ Горскому, — какъ Царицынъ вѣршокъ?

— Я такого сильнаго треугольника и не видывалъ, отвѣчалъ Горскій.

— А почему онъ треугольникомъ?

— Потому, сударь, что изънутри Россіи и сухимъ путемъ по Волгѣ подлѣ линіи сталъ уголь; другой—изъ-за линіи съ Кубанской и горской азіятскихъ сторонъ сталъ уголь же; а третій что водяною коммуникаціею ни откуда подѣхать къ нему не можно.

— Э! мой другъ, замѣтилъ Пугачевъ, — царь Иванъ Васильевичъ подѣ Казанью семь лѣтъ стоялъ, а у меня въ три часа она пепломъ покрылась. Да, впрочемъ, что намъ въ Царицынѣ дѣлать, пройдемъ его и пойдемъ на Донъ, а съ Дона пройдемъ мы въ Москву—по гладкому мѣсту и приду я такъ, какъ глава къ главѣ и тогда всѣ-то къ главѣ моей приклонятся. Божественныя книги указываютъ, что я на престоль взойду.

Обстоятельства сложились однакоже такъ, что миновать Царицына было невозможно: донскіе казаки не выказывали никакой податливости принять сторону мятежниковъ, и полковникъ Манковъ окружилъ своими пикетами всю толпу самозванца. По словамъ капитана Свербеева, полковникъ Манковъ «съ малымъ числомъ своихъ казаковъ блокировалъ кругомъ злодѣя, примыкая свои фланги къ р. Волгѣ ¹⁾». Онъ посылалъ свои разѣзды подѣ самый городокъ Дубовку и ежедневно захватывалъ въ плѣнъ по нѣскольку человекъ.

Пробывъ три дня вблизи Дубовки, самозванецъ приказалъ приколоть старшину Полякова и двинулся далѣе. Въ Дубовкѣ было оставлено нѣсколько человекъ изъ толпы для печенія хлѣба, исправленія артиллеріи, приготовленія копій и шитья платья при помощи мѣстныхъ женщинъ. Въ Дубовку прибыли къ самозванцу посланные отъ камыскаго владѣльца Цендена съ объявленіемъ, что владѣлецъ ихъ желаетъ быть въ его службѣ со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ. Пугачевъ тотчасъ же отправилъ къ Цендену яцкаго казака Петра Алексѣева и башкирца Идорку съ обѣщаніемъ выдать каждому пришедшему къ нему камыку по 10 рублей жалованья. Остановившись лагеремъ на р. Пичугѣ, са-

¹⁾ Записка капитана Николая Свербеева. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества, дѣло о Пугачевѣ.

самозванецъ узналъ, что къ нему приближается Ценденъ съ 3,000 подвластныхъ ему калмыковъ. Привезшій это извѣстіе казакъ Петръ Алексѣевъ былъ произведенъ за это въ полковники, а самъ Пугачевъ былъ занятъ вопросомъ, какъ встрѣтить и чѣмъ наградить Цендена? Имѣя въ рукахъ только одинъ офицерскій эполетъ и показывая его Творогову, самозванецъ думалъ сначала подарить его Цендену, но потомъ измѣнилъ свое намѣреніе.

— Какую бы мнѣ сдѣлать шапку калмыцкому владѣльцу? спрашивалъ онъ Творогова.

— Какую-де, батюшко, изволите, отвѣчалъ тотъ.

— Надобно сдѣлать *золу*, сказалъ подвернувшійся казакъ Поповъ.

— Что такое золо?

— А эта большая золотая кисть, которая бы всю шапку закрывала; у нихъ это въ великой чести.

— Это пустое, замѣтилъ Пугачевъ, — я ему сдѣлаю и всю шапку въ кистяхъ, такую, что еще никакой государь ихъ ханамъ не жаловалъ.

Тѣмъ не менѣе сдѣлать такую шапку оказалось невозможно, и тогда Пугачевъ выбралъ изъ награбленныхъ денегъ нѣсколько рублевиковъ съ портретомъ покойнаго императора Петра III и приказалъ придѣлать къ нимъ ушки.

Подойдя къ стану мятежниковъ, Ценденъ слѣзъ съ лошади, палъ передъ Пугачевымъ на колѣни, приказалъ бывшей при немъ свитѣ преклонить значки, поцѣловалъ руку самозванца и поднесъ ему подарки, состоявшіе изъ суконъ и китаекъ. Пугачевъ роздалъ ихъ своимъ старшинамъ, разбилъ для Цендена особый шатеръ и наградилъ его 50 рублями; двумъ его братьямъ далъ по 30 руб. и по кафтану изъ краснаго сукна. Отправившись затѣмъ на судно, самозванецъ распечаталъ свои сундуки и дарилъ калмыковъ деньгами, тафтами, шитыми платьями, шарчами и медалями, «въ которыя вдѣвая ленты, у кого какія случились, накалывали на лѣвой сторонѣ груди» ¹⁾. Многіе старшины по-

¹⁾ Показанія Аванасія Перфильева, Ивана Творогова, секретаря Дубровскаго, казака Василія Горскаго, дворянина Ивана Чебышева и майора Салманова. Государственный Архивъ, VI, дд. №№ 425, 453, 463, 505 и 512.

лучили также медали, и въ ознаменованіе этого событія пили всю ночь.

— Если съ помощью калмыковъ, говорилъ при этомъ Пугачевъ, — да возьму я Царицынъ, то еще болѣе награжу ихъ.

ХІІІ.

Положеніе Царицына и средства его обороны. — Дѣятельность полковника Цицлетева. — Приближеніе Пугачева къ Царицыну. — Встрѣча его съ донцами на р. Мечетной. — Неудачный исходъ сраженія для правительственныхъ войскъ. — Дѣйствія подъ Царицыномъ. — Отбитіе мятежниковъ. — Разореніе Сарептской колоніи. — Последнее пораженіе, нанесенное Михельсопомъ Пугачеву у Сальникова завода. — Бѣгство Пугачева за Волгу.

Значительный, по населенію, городъ Царицынъ былъ средоточіемъ управленія такъ-называемой *Царицынской линіи*, соединявшей Донъ съ Волгою и состоявшей изъ землянаго вала, тянувашагося отъ Качалинской станицы и до Царицына. На этой линіи, кромѣ Царицына, находилось три крѣпостцы и одинъ редутъ, защищаемые всего 300 человекъ, при 12 мѣдныхъ и 61 чугунныхъ орудій. Содержаніе разтѣздовъ и охраненіе вала по всему его 60-ти-верстному протяженію возлагалось на донскихъ казаковъ, которые и высылали на линію лѣтомъ 1,200, а зимою 800 человекъ казаковъ, при особомъ атаманѣ. Въ 1774 году атаманомъ былъ Василій Перфиловъ, который и жилъ въ Царицынѣ. Комендантомъ города и крѣпости былъ энергичный полковникъ Цицлетевъ, знакомый намъ еще по происшествіямъ во время содержанія въ Царицынѣ самозванца Богомолова.

Появленіе Пугачева подъ Оренбургомъ заставило Цицлетева принять мѣры къ наблюденію за луговою стороною Волги. Разставивъ казачьи посты противъ станицъ Волжскаго войска, Цицлетевъ протянулъ ихъ внизъ по Волгѣ до Чернаго-Яра, а у Ахтубинскаго шелковаго завода поставилъ заставу изъ пѣхоты при одномъ орудіи. Повсюду устроены были маяки, т.-е. шести съ наверхенными на нихъ пугами соломы. Зажиганіе соломы должно было служить сигналомъ угрожающей опасности. На главнѣйшихъ путяхъ были устроены заставы и приказано останавливать всѣхъ

подозрительныхъ лицъ. Сообщивъ атаману войска донскаго объ угрожающей Царицыну опасности, полковникъ Циплетевъ просилъ его выслать нѣсколько полковъ въ помощь Царицынской линіи. Въ самомъ Царицынѣ находилась 1-я легкая полевая команда подъ начальствомъ секундъ-маіора фонъ-Дица, которая служила подвижнымъ резервомъ для всей линіи и, какъ мы видѣли, была выслана на встрѣчу Пугачеву въ отрядѣ князя Дондукова.

Съ уходомъ полевой команды въ Царицынѣ остались четыре гарнизонныхъ роты ¹⁾ и 300 человекъ вооруженныхъ жителей, которымъ было указано въ какомъ мѣстѣ и что они должны были дѣлать въ случаѣ нападенія непріятеля. Впослѣдствіи этотъ гарнизонъ былъ усиленъ небольшою командою полковника Бошняка, прибывшаго изъ Саратова, но, въ виду того, что въ городѣ находилось до 900 человекъ плѣнныхъ турокъ, положеніе Циплетева нельзя назвать легкимъ.

«Вашему превосходительству покорно представляю, доносилъ Циплетевъ астраханскому губернатору ²⁾, что линія крайне слаба и людей въ крѣпостяхъ съ форпостомъ къ охраненію постовъ находится до 300 человекъ, врознь разставленными разстояніемъ на 60-ти верстахъ». Признавая, что такія силы не могутъ оказать никакого сопротивленія, Циплетевъ просилъ разрѣшенія свести всѣ команды въ Царицынъ, «гдѣ вѣрнѣе надѣяться можно спасти оныхъ, а притомъ и крѣпость; конница для разѣздовъ служить можетъ». Все населеніе вокругъ Царицына находилось въ полномъ возстаніи и царицынской комендантъ, собирая войска для защиты крѣпости и города, просилъ помощи у донцовъ и у астраханскаго губернатора. Донцы поспѣшно собирали полки и шли къ Царицыну.

Независимо отъ этого, наказной атаманъ войска донскаго Сулинъ, получивъ извѣстіе, что Пугачевъ приближается къ Царицыну и что его партіи «волочатся уже въ хуторахъ войска донскаго», сформировалъ еще нѣсколько полковъ для поддержанія верховыхъ станицъ. Всѣ служилые казаки, состоявшіе на льготѣ до отставки

¹⁾ Собственно въ Царицынѣ было положено по штату два гарнизонныхъ баталіона, каждый изъ шести ротъ; но большая часть этихъ ротъ была раскомандирована по линіи и занимала гарнизоны въ укрѣпленіяхъ.

²⁾ Генералу Кречетникову, отъ 5 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 454.

императрица отиѣшила свое предположеніе и приказала отправить только одного Суворова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было сосредоточить небольшой отрядъ въ Касимовѣ, какъ такомъ пунктѣ, изъ котораго было весьма удобно дѣйствовать на Москву и Нижній-Новгородъ ¹⁾. Съ этою цѣлью главнокомандующему 2-ю арміею предписано было командировать изъ Воронежа въ Касимовъ два гусарскихъ и два пикнерныхъ полка, подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Аполлона Волкова ²⁾, а изъ Новгорода отправить въ Москву на подводахъ Лейбъ-кирасирскій полкъ ³⁾ и Смоленскій конный ландмилицкій полкъ ⁴⁾.

«Сверхъ того, совѣтую вамъ, писала императрица князю Волконскому ⁵⁾, призвать къ себѣ московскихъ дворянъ или, по крайней мѣрѣ, таковыхъ изъ нихъ, кои надежны быть могутъ на своихъ людей или же вооруженныхъ имѣють и предложите имъ отъ себя, чтобы они, по примѣру предковъ своихъ, вооружили koliko могутъ надежныхъ людей, для общей отъ злодѣевъ обороны. Можайскіе дворяне, во время послѣдняго московскаго мятежа, готовы были во время язвы идти къ Москвѣ. Я чаю, они и нынѣ не откажутся отъ сей службы. На Москвѣ, чаю, найдется много и таковыхъ, кои служатъ и служили: ваше дѣло разбудить ревность вездѣ тутъ, гдѣ она быть можетъ, и, чаю, никто не откажется ее въ семъ случаѣ оказать. Употребите всѣхъ тѣхъ, кои способны быть могутъ, гдѣ-бъ употреблены ни были для общей обороны. Съ моей стороны же ничего не оставляю, чтобъ злу сему сдѣлать конецъ. Неужели, чтобъ съ семью полками вы не въ состояніи найдете Пугачева словить и прекратить безпокойствіе? Я надѣюсь, что Чорба къ вамъ пріѣхалъ. Я фельдмаршалу приказала генераль-поручика Суворова прислать къ вамъ наискорѣе. Боже

¹⁾ Записка императрицы Г. А. Потемкину. *Сборникъ Императ. русск. Историч. общества*, т. XIII, 419.

²⁾ Указъ военной коллегіи князю Долгорукову, отъ 29 іюля 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. V.

³⁾ Указъ военной коллегіи князю Волконскому, отъ 28 іюля 1774 года. Журн. секретн. экспедиціи. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, кн. 54, л. 178.

⁴⁾ Указъ императрицы военной коллегіи 29 іюля 1774 г.

⁵⁾ Отъ 28 іюля. *Осмадцатый Вѣкъ*, кн. I, 113.

лений отъ Кречетникова. «На всякую нечаянность, писалъ онъ ¹⁾, вашему превосходительству осмѣливаюсь доложить, не разсудители назначенныя изъ Астрахани сюда силы поудержать для ея самой, дабы злодѣй въ малыхъ людяхъ не ворвался и тамо возрасти не могъ; а какъ слышно, что уже ниже Царицына злодѣи-разбойники есть и твердятъ его сторону, то-бъ и сихъ не набралось больше и не осмѣлились бы на большія злодѣянія».

Прошло нѣсколько дней, и часть надеждъ Циплетева рушилась: въ Царицынѣ узнали, что казаки разбиты Пугачевымъ на р. Пролейкѣ, что калмыки передались на сторону самозванца, что майоръ Дицъ и почти всѣ офицеры перебиты и большая часть легкой полевой команды захвачена въ плѣнъ. «Сие бѣдственное приключеніе доносилъ Циплетевъ ²⁾, привело ввѣренный мнѣ городъ въ (такой) страхъ, что едва могъ колеблющійся народъ собирая въ дома, ходя по крѣпости, гдѣ расположены солдаты, увѣщевая ихъ бодрствовать и мужаться». Въ самую горячую пору работъ по укрѣпленію города, одинъ изъ канонировъ говорилъ: «напрасно трудятся, скоро все достанется батюшкѣ Пугачеву ³⁾». Своими энергическими мѣрами комендантъ успѣлъ однакоже заставить всѣхъ работать, поднималъ упавшій духъ въ населеніи и убѣдилъ его въ необходимости самозащиты. «Молимъ Бога, писалъ онъ, во всѣхъ церквахъ съ колѣнопреклоненіемъ, обнадеживаю ихъ государскою милостью и жалованьемъ и вижу какъ ихъ, такъ и здѣшнее купечество кажется неустрашимыхъ, которые также принявъ постъ, ночуютъ при ономъ».

Разсчитывая на скорое прибытіе отряда князя Багратіона и имѣя извѣстіе, что полковники: Кутейниковъ изъ Качалинской станицы, а Луковкинъ съ Иловли идутъ къ Царицыну, полковникъ Циплетевъ надѣялся при ихъ содѣйствіи окружить самозванца со всѣхъ сторонъ и «разбить его впрахъ».

На слѣдующій день, 16 августа, обстоятельства перемѣнились.

¹⁾ Въ рапортѣ Кречетникову, отъ 15 августа 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 454.

²⁾ Въ рапортѣ Кречетникову, число въ которомъ не проставлено. Тамъ же.

³⁾ Рапортъ Циплетева военной коллегіи 12 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 496. *Зап. Акад.*, т. XXV, прилож. 4, стр. 17.

Отрядъ князя Багратіона въ Царицынъ не прибылъ и прїѣхавшій курьеромъ изъ Черкаска казакъ объявилъ, что онъ находится въ Есауловской станицѣ, версть 200 отъ Царицына. Это извѣстіе совершенно видоизмѣняло оборону, ставило Циплетева въ крайне затруднительное положеніе, и онъ въ тотъ же день отправилъ нарочнаго къ Кречетникову съ просьбою о помощи ¹⁾).

Въ распоряженіи астраханскаго губернатора была одна легкая полевая команда и всего 150 казаковъ, набранныхъ съ большимъ затрудненіемъ. Имѣя въ виду, что полевая команда по значительности разстоянія не могла поспѣть на помощь Царицыну, а 150 казаковъ не могли существенно усилить гарнизонъ крѣпости, Кречетниковъ оставилъ ихъ въ Астрахани, гдѣ въ то время находилось много бурлаковъ съ пришедшихъ судовъ. Опасаясь, что въ случаѣ прорыва Пугачева и появленія его въ Астрахани, самозванецъ можетъ найти въ бурлакахъ своихъ сообщниковъ и готовые значительныя силы, Кречетниковъ укрѣплялъ Астрахань, строилъ батареи и готовился къ оборонѣ ²⁾).

17 августа, царицынскія воеводская и комендантская канцеляріи собрались на общее совѣщаніе и положили: 1) состоящую близъ амбаровъ съ казеннымъ виномъ пивоварню, которая препятствовала оборонѣ, сломать; 2) для ободренія нижнихъ чиновъ отпустить казенное вино сколько нужно, по требованію комендантской канцеляріи; питейные же дома запретить и продажи въ нихъ не производить ³⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно приказанія астраханскаго губернатора, полковникъ Циплетевъ поручилъ полковнику Бошняку всѣ иррегулярныя команды: казаковъ и калмыковъ и отправилъ гонцовъ съ приказаніемъ, чтобъ донскіе полки слѣдовали къ Царицыну какъ можно скорѣе.

Послѣ неудачнаго сраженія на р. Пролейкѣ, полковникъ Теодоръ Кутейниковъ возвратился въ Качалинскую станицу, устроилъ тамъ своихъ казаковъ и выступилъ на р. Мечетную, гдѣ 19 ав-

¹⁾ Рапортъ Циплетева, отъ 16 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 454.

²⁾ Рапортъ Кречетникова Сенату 20 августа 1774 г., № 99. Тамъ же.

³⁾ Рапортъ камеръ-коллегіи Сенату 15 сентября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 504.

густа соединился съ полковниками Василюем Манковымъ, Карпомъ Денисовымъ и прибывшимъ туда же въ ночь Михайлою Денисовымъ. Отправляясь на слѣдующее утро въ Царицынъ, чтобы явиться къ коменданту, полковники рѣшили выслать къ сторонѣ Дубовки, для развѣдыванія о неприятелѣ, Карпа Денисова съ 200 человекъ походныхъ старшинъ и казаковъ. Едва Денисовъ двинулся впередъ, какъ встрѣтился съ значительною толпою мятежниковъ и принужденъ былъ отступить.

На р. Мечетной оба противника встрѣтились. Прискакавшіе изъ города Кутейниковъ, Манковъ и Денисовъ тотчасъ же атаковали неприятеля, три раза прогоняли его до орудій, но въ концѣ-концовъ принуждены были отступить. Въ происшедшей схваткѣ полковникъ Кутейниковъ былъ раненъ, и это имѣло большое вліяніе на послѣдующій ходъ боя ¹⁾. Полкъ его поколебался и сталъ

¹⁾ Бросившись въ атаку, Кутейниковъ столкнулся съ однимъ яицкимъ казакомъ, котораго хотя и убилъ, но самъ получилъ одну рану копьемъ, близъ правой тѣтели, а другую въ лѣвый бокъ. Сброшенный съ коня, Кутейниковъ былъ захваченъ въ плѣнъ. «По ободраніи съ него платья и воинской сбруи», съ связанными ремнемъ назадъ руками, онъ былъ отправленъ въ обозъ самозванца. Тамъ его били дубинами, таскали за волосы и двое мятежниковъ, «надѣвъ на шею ему петлю, одинъ къ другому арканомъ тянули и едва его не удавили». Привязанный къ колесу, Кутейниковъ оставался въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не былъ потребованъ къ самозванцу. Введенный въ шатеръ онъ увидѣлъ Пугачева, окруженнаго своими сообщниками, передъ которыми стоялъ штофъ водки. Спросивши фамилію, самозванецъ прибавилъ: «такъ ты, братъ, мнѣ и роднею ярился». Показывая на жену Софью и своего сына, Пугачевъ спрашивалъ Кутейникова знаетъ-ли ихъ? А какъ онъ ему отвѣтствовалъ, что не знаетъ, «то онъ, злодѣй, приказалъ вывезть его изъ шатра вонъ. Но вслѣдъ затѣмъ ему отъ полковника (самозваннаго) объявлены были разныя мучительныя смерти, въ чаяніи такомъ, чтобъ его обратить въ ихъ богомерзкую толпу: во-первыхъ, что онъ будетъ повѣшенъ, во-вторыхъ—разстрѣлянъ, въ-третьихъ—четвертованъ, въ-четвертыхъ—пятки разрѣжутъ и жилы изъ нихъ вытянутъ». Видя, что никакія угрозы не могутъ склонить Кутейникова перейти на сторону мятежниковъ, Пугачевъ приказалъ казанскому татарину застрѣлить его. Татаринъ вывелъ Кутейникова изъ обоза «и переведа черезъ буеракъ, посадилъ на яру и приказалъ другому, бывшему съ нимъ татарину, по немъ, Кутейниковѣ, стрѣлять, кой по многимъ осячкамъ ружья, въ четвертый же разъ вдарилъ его въ припоръ, въ лѣвый бокъ, однако внутренности захватить не могъ». Скатившись въ буеракъ, Кутейниковъ пролежалъ тамъ безъ чувствъ болѣе двухъ часовъ. Пугачевъ ушелъ уже къ Царицыну, когда израненный Кутейниковъ очнулся. Кое-какъ приподнявшись онъ пошелъ вверхъ по Царицынской Пичугѣ до Грачевской крѣпости и не дойдя до нея былъ настигнутъ двумя казаками, бѣжавшими изъ толпы мятежниковъ, которые и доставили его сначала въ Сакарскую крѣпость, а потомъ въ Качалинскую станицу (Рапортъ Суліяна Г. А.

отступать. Между казаками былъ слышенъ ропоть, что ихъ не подрѣпляють пѣхотою и регулярною кавалерією, и многіе стали уходить къ мятежникамъ. Служившіе въ полку Грекова за хорунжихъ, казаки Крапивинъ и Терентьевъ преклонили передъ Пугачевымъ «хорунгу» и увлекли за собою человѣкъ до 400 казаковъ. Пугачевъ далъ Крапивину 20 руб. денегъ, самъ надѣлъ на него серебряную медаль на пестрой лентѣ, произвелъ въ полковники и назначилъ командиромъ передавшихся казаковъ, назвавъ ихъ донскимъ полкомъ.

Наступившая ночь прекратила сраженіе, и оставшіеся вѣрными казаки отступили въ крѣпость. Грустно было полковымъ командирамъ явиться въ Царицынъ побѣжденными толпою мятежниковъ, но они имѣли на столько мужества, чтобы сознаться въ причинахъ неудачи.

«Сколь нашей усердности вашему высокоблагородію довольно извѣстно, доносили они полковнику Цицлетеву ¹⁾, но къ несчастью общему и къ погашенію славы, нажитой всего войска донскаго кровію, изъ находящихся при насъ подкомандныхъ нѣкоторые показали такую трусость, что и прочихъ смѣшавъ мысли нанесли страхъ таковой, что мы объ истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидимъ, и хотя изъ оныхъ, изъ находящихся при насъ еще бѣльшая половина и осталась съ нами, но что послѣдуетъ и отъ нихъ увѣрить никакъ теперь не можно. А затѣмъ отъ истиннаго нашего сердца Господа Бога просимъ, чтобъ Онъ по своему милосердію подкоманднымъ нашимъ даровалъ преж-

Потемкину 12 октября 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 149, в. 45). Свое свиданіе съ Кутейниковымъ Пугачевъ рассказываетъ иначе: «Онъ, Емелька, увидя Кутейникова, говорилъ: «Ты Пугачева домъ разорялъ». Кутейниковъ сказалъ: «Не разорялъ, а исполнялъ волю командирскую». Онъ, Емелька, сказалъ: «Узнаешь-ли Пугачиху?» Кутейниковъ сказалъ: «Не знаю». И онъ, Емелька, велѣлъ кликнуть жену свою. А какъ она пришла, то онъ сказалъ: «Вотъ Пугачиха». Кутейниковъ сказалъ: «Я ее никогда не видывалъ». И потомъ напою его виномъ выслалъ вонъ; а когда онъ вышелъ, то онъ Федульеву сказалъ: «Завтра Кутейникова повѣсьте». Мордовцевъ перемѣшалъ событія, и сраженія на р. Пролейкѣ и р. Мечетной слилъ въ одно цѣлое (См. «Русскіе государственные дѣятели», *Отечественныя Записки*, 1868 г., № 9. стр. 107).

¹⁾ «Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины», Д. Анучина. *Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., т. 80, стр. 645.

нюю донскимъ истинную по присягѣ храбрость, въ чемъ на Его всемогущество мы и небезнадежны».

Получивъ такое донесеніе, Циплетевъ въ сопровожденіи старшинъ объѣхалъ казаковъ, уговаривалъ ихъ быть стойкими и не опасаться враговъ. Казаки обѣщали служить вѣрно и выставили свои заставы почти подъ самымъ лагеремъ самозванца ¹⁾.

Приближаясь къ Царицыну, Пугачевъ предоставилъ калмыкамъ полную волю и они, наводнивши всѣ окрестности, почти ничего не оставили вокругъ города: отогнали скотъ, сожгли сады, мельницы и загородные дома, разорили всѣ деревни и «привели ихъ въ послѣднюю нищету». Утромъ, 21 августа, по полученіи извѣстія о приближеніи непріятеля, полковникъ Циплетевъ приказалъ зажечь форштадтъ, а въ полдень на высотахъ, окружающихъ городъ, появились мятежники, въ числѣ до 6,000 человекъ.

Высланный впередъ разбѣздъ приглашалъ донскихъ казаковъ вступить въ переговоры, а затѣмъ явился и самъ Пугачевъ, переодѣтый въ платье Овчинникова и сопровождаемый ста человекъ яицкихъ казаковъ. Результатомъ переговоровъ было то, что на сторону мятежниковъ передались не болѣе пяти казаковъ, а остальные отошли за укрѣпленіе. Тогда Пугачевъ выставилъ шесть батарей, изъ которыхъ одна была 12-ти-орудійная, и открылъ огонь по городу. Изъ крѣпости отвѣчали ему тѣмъ же, и канонада, начавшаяся въ половинѣ втораго, продолжалась до седьмаго часа пополудни. Царицынскій воеводскій товарищъ секундъ-маіоръ Фатьяновъ ходилъ по батареямъ и, ободряя защитниковъ, обѣщалъ имъ именемъ императрицы полугодное жалованье ²⁾. Артиллеріи маіоръ Харитоновъ успѣлъ подбить одну изъ непріятельскихъ батарей и взорвалъ зарядный ящикъ. Послѣ этого бой прекратился и мятежники скрылись за высотами. Въ царицынскомъ гарнизонѣ убитыхъ не было, но въ крѣпости загорались дома, которые вскорѣ были потушены ³⁾.

Царицынъ былъ спасенъ и былъ первымъ городомъ на Волгѣ,

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ Циплетева отъ 26 августа 1774 г.

²⁾ Записка Свербева. Арх. Кабинета Его Величества.

³⁾ Рапортъ Циплетева генераль-маіору Поталову отъ 26 августа 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

не допустившимъ себя до разграбленія самозванцемъ. Всѣ защитники его произведены въ слѣдующіе чины, а солдаты и простолюдины получили по рублю. Одинъ Циплетевъ оставался долгое время безъ всякой награды за то, что имѣлъ неосторожность донести объ одержанной имъ побѣдѣ прямо императрицѣ, а не главнокомандующему графу П. И. Панину. Послѣдній писалъ ему ¹⁾, что какъ донесеніе его отправлено прямо въ Петербургъ, «то воздаяніе и одобреніе такъ великой заслуги относится теперь вамъ на ожиданіе изъ С.-Петербурга». Впослѣдствіи императрица произвела Циплетева въ бригадиры и пожаловала ему землю въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ.

Одновременно съ приближеніемъ Пугачева къ Царицыну спустились по Волгѣ и суда, наполненные мятежниками, число которыхъ достигало до тысячи человекъ. Большая часть ихъ состояла изъ ахтубинскихъ рабочихъ, неимѣвшихъ никакого вооруженія и находившихся подъ защитою только двухъ судовыхъ пушекъ. Встрѣченные огнемъ береговыхъ батарей и плавучей батареи, устроенной Циплетевымъ, мятежники принуждены были сдаться, и лишь незначительная ихъ часть успѣла спастись бѣгствомъ вверхъ по рѣкѣ. На захваченныхъ судахъ были избавлены отъ плѣна 1-й легкой полевой команды прапорщикъ Лаптевъ, 12 солдатъ, 6 дѣвицъ, захваченныхъ въ Саратовѣ, и дворянинъ Чебышевъ ²⁾.

Съ наступленіемъ ночи жители Царицына ожидали вторичнаго нападенія, но оно не состоялось, такъ какъ Пугачевъ получилъ извѣстіе о приближеніи правительственныхъ войскъ и торопился пробраться къ Черному-Яру. «Изъ заднихъ толпы развѣздовъ узналъ, показывалъ Пугачевъ ³⁾, что подходитъ воинская команда и думалъ, что идетъ князь Голицынъ или Михельсонъ, коихъ онъ оробѣлъ, потому что надежныхъ въ его толпѣ людей осталось, т.-е. яицкихъ казаковъ, мало. А хотя другой сволочи число лю-

¹⁾ Въ ордерѣ отъ 4 сентября 1774 г. *Записки Академіи*, т. XXV, приложение, стр. 48.

²⁾ Показаніе Чебышева отъ 8 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 453.

³⁾ 4 ноября 1774 г. Государств. Арх., VI, дѣло № 512.

дей (было) и велико, то они только услыша о Голицынѣ и Михельсонѣ, то сробѣютъ и разбѣгутся и стоять противъ ихъ не стануть; то онъ, уклоняясь отъ драки, и пошелъ, оставя Царицынъ, мимо, ибо прямое его намѣреніе было, чтобъ дошедъ до Чернаго-Яра идти прямо въ Яицкій городокъ и тутъ зимовать».

О такомъ намѣреніи Пугачева знали только самые близкіе его пособники: Овчинниковъ и Давилинъ. Толпѣ же своей самозванецъ «разглашалъ, что будто бы зимовать идетъ въ Астрахань, для того, что толпа его охотнѣе идти туда хотѣла. На Яикъ бы охотниковъ идти было мало, кромѣ яицкихъ казаковъ, а донскіе и волжскіе казаки, да царицынскіе совсѣмъ бы отъ него отстали, равно заводскіе и боярскіе крестьяне, потому что онъ уже о склонности ихъ идти въ Астрахань черезъ яицкихъ казаковъ вѣдалъ. По прошествіи же зимы куда бы онъ идти былъ намѣренъ и какое еще зло дѣлать, о томъ никакого размышленія на сердцѣ его не приходило, ибо онъ мерзкій свой животъ въ руки отдалъ, съ самага начала злодѣяній его, яицкимъ казакамъ, почему никакъ онъ не смѣлъ противиться во всемъ ихъ Богу ненавистной волѣ и чтобъ они въ Яикѣ на совѣтѣ положили, то бы онъ дѣлать и сталъ».

Въ то время, когда Пугачевъ проходилъ мимо Царыцина, хвостъ его былъ атакованъ казаками, захватившими много плѣнныхъ и часть обоза. Справедливость требуетъ сказать, что и при этой атакѣ многіе казаки присоединились къ мятежнической толпѣ, и къ вечеру число такихъ доходило до весьма значительной цифры. При остановкѣ на ночлегъ всѣ они старались взглянуть на самозванца, «но злодѣй рожу свою отъ нихъ отворачивалъ».

Однакоже донцы скоро узнали его и, переговариваясь между собой, увѣряли другъ друга, что это Пугачевъ, ихъ донской казакъ, бывшій въ прусскую войну хорунжимъ. Разговоры эти распространились по лагерю и убѣждали сподвижниковъ самозванца, «что, конечно, онъ не государь» ¹⁾. Убѣжденіе въ этомъ еще болѣе усилилось въ толпѣ, когда донцы стали поодиначкѣ ухо-

¹⁾ Показаніе яицкаго казака Ивана Федульева. Государ. Арх., VI, дѣло № 505.

дить изъ лагеря и наутро не осталось ни одного въ станѣ Пугачева.

«Отъ сего самаго, показывалъ Иванъ Твороговъ ¹⁾, произошло въ толпѣ нашей великое сомнѣніе и переговоры такой, что донскіе казаки не даромъ отстали, можетъ узнавъ злодѣя, что онъ ихъ казакъ, поелику онъ такимъ въ опубликованныхъ указахъ именованъ. Сіе сомнѣніе утверждалось и такимъ притомъ приглашеніемъ, будто бы одинъ донской казакъ, во время помянутой переговоровки (подъ Царицынымъ) кричалъ съ валу къ самозванцу громко: *Емельянъ Ивановичъ, здорово*. А въ прибавокъ къ тому и то удостовѣряло, что злодѣй въ то время, когда донскіе казаки въ толпу нашу передались, то онъ, проѣзжая мимо ихъ, противъ своего обыкновенія отворачивался отъ нихъ лицомъ, а изъ сего и догадывались, что дѣлалъ это для того, чтобъ они его не узнали. Сіи переговоры привели насъ въ такое замѣшательство, что руки у всѣхъ опустились и не знали за что приняться».

Пугачевъ былъ также лишенъ всякой надежды на содѣйствіе донцовъ и потому, сознавая слабость своихъ силъ, онъ торопился уйти отъ преслѣдующихъ войскъ, сходявшихся къ Царицыну съ разныхъ сторонъ. Соединившись, верстахъ въ 80 за Саратовымъ, съ отрядами Муфеля и графа Меллина, полковникъ Михельсонъ, 21 августа, пришелъ въ Дубовку, гдѣ захватилъ до 40 человекъ мятежниковъ, и 22 числа вступилъ въ Царицынъ ²⁾. Вслѣдъ за нимъ прибылъ въ городъ передовой отрядъ князя Багратіона, неспѣвшаго въ-время, но причинами отъ него независѣвшимъ.

Находясь за Дономъ на р. Салѣ, для прикрытія верховыхъ донскихъ станицъ отъ набѣговъ татаръ, князь Багратіонъ получилъ 1 августа извѣстіе, что Пугачевъ выжегъ Казань. Багратіонъ тотчасъ же переправился черезъ Донъ и пошелъ вверхъ по берегу рѣки, «чтобъ народъ вреднаго чего не вздумалъ». 17 августа отрядъ остановился у Пяти-бургановъ, куда пріѣхалъ посланный царицынскаго коменданта маіоръ Куткинъ съ просьбою о помощи. Князь Багратіонъ тотчасъ же отправилъ впередъ два

¹⁾ 27 октября 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 505.

²⁾ Рапортъ Михельсона графу П. Панину, 22 августа 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 490.

эскадрона карабинеръ Ростовскаго полка и 100 человекъ малоросійскихъ казаковъ съ двумя орудіями, подъ общимъ начальствомъ ротмистра московскаго легіона Савельева. На другой день Багратіонъ выступилъ самъ съ тремя эскадронами того же полка и 250 казаками. 19 августа онъ прибылъ къ переправѣ у Пяти-Избянской станицы. «Я еще черезъ Донъ не перебираюсь, писалъ онъ ¹⁾, не зная вѣрнаго о злодѣѣ, а только такъ готовъ, что въ первомъ узнаніи пойду; да притомъ и здѣшній край оставить не могу, по причинѣ, чтобъ сіи жители не разорены были и чтобъ чего худаго не воспослѣдовало».

Въ день отправленія этого донесенія, 20 августа, князь Багратіонъ получилъ предписаніе своего ближайшаго начальника графа Муссина-Пушкина идти въ Воронежскую губернію ²⁾, а въ полдень 21 августа получилъ рапортъ полковника Циплетева, что Пугачевъ приближается къ Царицыну. «Вашему сіятельству, писалъ Циплетевъ кн. Багратіону ³⁾, донести не упускаю: какъ можно соизвольте извѣстный вамъ отрядъ прислать и сами вслѣдъ поспѣшить не упуская случая, что сей злодѣй зашелъ въ такой уголъ, гдѣ ему не свободно можно авантажъ имѣть, а необходимо истребить слѣдуетъ, чтобы государство по столь великомъ разореніи избавить отъ разлившейся бѣды и черезъ то получить славу».

Считая болѣе важнымъ дѣйствіа противъ самого самозванца, нежели противъ второстепенныхъ шаекъ, князь Багратіонъ въ тотъ же день переправился черезъ Донъ и 22 августа прямо степью пошелъ къ Царицыну. На пути, верстахъ въ 30 отъ Царицына, онъ получилъ, 24 августа, рапортъ полковника Михельсона, доносившаго, что Пугачевъ уже ушелъ изъ Царицына и что онъ съ отрядомъ вступилъ въ городъ. Послѣ 45-ти-верстнаго перехода, на изнуренныхъ лошадяхъ, Михельсонъ не могъ слѣдовать далѣе. Обратившись къ Циплетеву и къ гражданскимъ властямъ, онъ просилъ отыскать ему

¹⁾ Генераль-маіору Потапову отъ 20 августа 1774 г. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

²⁾ Ордеръ графа Муссина-Пушкина кн. Багратіону 15 августа 1774 г. Тамъ же. опись 95, св. 563, д. № 48.

³⁾ Въ рапортѣ отъ 21 августа 1774 г. Тамъ же.

200 свѣжихъ лошадей, но не получивъ ихъ, рѣшился присоединить къ своему отряду малороссійскихъ казаковъ, присланныхъ княземъ Багратиономъ.

«Я прибылъ къ Царицыну, писалъ Михельсонъ ¹⁾, не заставъ злодѣевъ, которые, какъ скоро о моемъ приближеніи узнали, отошли и пошли внизъ по р. Волгѣ.

«Отъ полугодоваго безпрестаннаго марша, не имѣвъ другой конницы, кромѣ весьма изнуренной, всходствіе дашнаго мнѣ отвѣстаго повелѣнія его сіятельства главнокомандующаго графа П. И. Панина, долженъ былъ взять въ подкрѣпленіе мое, корпуса вашего сіятельства найденнаго здѣсь ротмистра Савельева съ имѣвшимися при немъ 96-ю малороссійскими казаками.

«Злодѣйскія намѣренія, повидимому, клонятся къ Астрахани или Дону. Ежели ваше сіятельство заблагоразсудитъ изволите брать свой маршъ неподалеку р. Дона, то злодѣю сей путь будетъ прегражденъ, а я не оставлю идти по пятамъ его и послѣ полуночи выступлю».

Успокоенный относительно Царицына, предоставляя преслѣдованіе Пугачева Михельсону и имѣя категорическое приказаніе своего начальства защищать Воронежскую губернію и Донъ, князь Багратионъ пошелъ обратно, а Михельсонъ двинулся по слѣдамъ самозванца. «Долгъ мой, доносилъ онъ, ударить на сихъ варваровъ, коихъ во всякое время, въ какихъ бы силахъ впредь быть могли, полагаясь на помощь Божію, поразить надѣюсь». «Теперь, писалъ онъ въ другомъ рапортѣ, у меня происходитъ драка на Волгѣ, на которой находятся два судна съ деньгами и 400 злодѣевъ, съ двумя пушками». Суда эти были захвачены и полковникъ Михельсонъ, присоединивъ къ себѣ 96 малороссійскихъ казаковъ съ ротмистромъ Савельевымъ, и всѣхъ казаковъ, находившихся въ Царицынѣ въ числѣ 452 человекъ, послѣ полуночи выступилъ изъ города.

Послѣ трехъ дней форсированнаго марша онъ настигъ Пугачева верстахъ во сто отъ Царицына.

Обогнувъ Царицынъ и двигаясь по берегу р. Волги, Пугачевъ

¹⁾ Князю Багратиону въ рапортѣ отъ 22 августа 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 95, св. 563, д. № 48.

цѣлыя сутки отдыхалъ въ Сарептѣ, которую и разорилъ. Колонисты давно уже слышали о приближеніи Пугачева и находились въ большомъ страхѣ и отчаяніи. Съ ужасомъ они узнали, что мятежники разграбили Саратовъ, Дмитріевскъ и приближаются къ Царицыну. Бѣжавшее сухимъ путемъ и водою въ Астрахань населеніе еще болѣе смущало колонистовъ. «Итакъ, писали сарептинцы впоследствии ¹⁾, ничего другого братьямъ не оставалось, какъ, по примѣру другихъ, въ Астрахань удалиться, только съ тѣмъ различіемъ, что намъ не доставало времени наши пожитки съ собою убраться». Сколько ни хлопотали жители колоніи, однако ни въ Царицынѣ, ни въ окрестностяхъ не могли они найти достаточнаго числа судовъ, чтобы погрузить на нихъ хотя главнѣйшее имущество. Набравъ съ большими затрудненіями десять рыбачьихъ лодокъ, колонисты, 17-го августа, посадили на нихъ своихъ женъ и дѣтей въ числѣ 110 человекъ и отправили въ Астрахань. «Печально было, писали они, позорище видѣть толкое число людей, немогущихъ себя оборонить и столь поспѣшнымъ образомъ бѣгущихъ». Многія семейства, не имѣя возможности достать лодокъ, отправились въ Астрахань пѣшкомъ, бросивъ свои дома и имущество, и поручая ихъ присмотру оставшимся односельцамъ.

Форштегеръ колоніи Даниилъ-Генрихъ Фикъ остался въ Сарептѣ съ 65 братьями, съ намѣреніемъ спасти имущество какое только будетъ возможно. Оставшіеся колонисты день и ночь складывали въ погреба: мебель, товары, ремесленные инструменты и заваливали входъ камнями такъ, «чтобы безъ измѣны найти ихъ было невозможно. Но братья при сихъ трудахъ ни на одинъ часъ не были въ безопасности отъ разбойническихъ нападеній. Распространившійся духъ мятежа такъ оказываться сталъ, что великое множество и російскихъ судовыхъ людей, кои на четырехъ судахъ въ нашей пристани находились, безпрестанно въ худомъ намѣреніи около насъ шатались и повидимому ожидали единственно отъѣзда братьевъ. Всего болѣе странна намъ показалась непріят-

¹⁾ Доношеніе о разграбленіи и разореніи братской колоніи Сарепты, учиненное отъ измѣнника Пугачева въ августѣ мѣсяцѣ 1774 г. Архивъ Кабинета Его Величества.

тельская мысль дербетовыхъ калмыковъ, которыхъ мы за нѣсколько дней чрезъ наше мѣстечко противъ возмутителя проѣзжающихъ видѣли».

Возвращаясь изъ-подъ Царицына небольшими партіями, калмыки нападали на колонію, отгоняли скотъ и лошадей. Оставшіеся жители колоніи раздѣлились на двѣ партіи: одна убирала и прятала пожитки, а другая, вооружившись, отбивала нападенія калмыковъ. Въ такомъ положеніи находились колонисты, когда одинъ изъ ихъ односельцевъ прибѣжалъ изъ Царицына и заявилъ, что мятежники идутъ прямо на Сарепту. Братья-колонисты поспѣшно собрали оставшіяся повозки, запрягли ихъ быками и въ восьмомъ часу вечера, 21-го августа, всѣ до одного человекъ покинули колонію. «Сколь чувствителенъ сей выѣздъ всѣмъ братьямъ ни былъ, писалъ Фигъ, однако всѣ были въ томъ одного мнѣнія, что лучше все свое движимое и недвижимое имѣніе оставить, нежели данную ея величеству присягу вѣрности нарушить и повергнуться такому злодѣю». Наступившая вскорѣ затѣмъ ночь скрыла колонистовъ и они, двигаясь безостановочно, до свѣта успѣли избѣжать отъ преслѣдованія мятежниковъ. «Наши жены и дѣти, писалъ Фигъ, по претерпѣннн безчисленныхъ трудностей, много безповойствія и всякихъ нуждъ, вмѣстѣ съ тѣми фамиліями, кои сухимъ путемъ отправились, благополучно въ Астрахань пріѣхали. А тѣ братья, кои впередъ со скотомъ нашимъ отправлены (были) и съ великимъ трудомъ и опасностію отъ калмыковъ оный сохранили, также благополучно въ Енотаевскую крѣпость прибыли».

Такимъ образомъ, когда Пугачевъ пришелъ въ Сарепту, то нашелъ ее покинутою жителями. Мятежники заняли опустѣлые дома и разграбили ихъ до того, что чрезъ сутки Сарепта была неузнаваема. Фабрики обобраны, инструменты деревянные переломаны, а металлическіе унесены съ собою; мебель въ домахъ уничтожена, фонтаны испорчены и куски товаровъ брошены въ воду или затоптаны въ грязь. Впослѣдствіи, когда 13-го сентября колонисты возвратились на свое пепелище, они были объаты ужасомъ и сожалѣніемъ.

«Мы нашли, писали они, столь многими трудомъ закрытые и заваленные погреба и выходы разломанными, ящики и сундуки

пустые, и что съ собою увезти не можно было—злѣйшимъ образомъ разорвано въ мелкія части, разбито и разбросано; высыпанные изъ перинъ перья покрывали все наше мѣстечко, окна всѣ выбиты, двери расколоты, печи разломаны и всѣ домашнія принадлежности, коихъ похитить не можно (было), совсѣмъ разорены. Однимъ словомъ, мы видѣли наше десятилѣтнее стараніе, въ краткое время нашего отбытія, варварскими руками разоренное и наши пожитки расхищенными». Сарептинцы понесли убытку до 67,540 рублей.

Переночевавши въ Сарептѣ, Пугачевъ двинулся далѣе, и желая поощрить своихъ сообщниковъ, наградиль многихъ изъ нихъ медалями и генеральскими чинами. Овчинниковъ былъ пожалованъ званіемъ генераль-фельдмаршала, Аѳанасій Перфильевъ—генераль-аншефомъ, Ѳедоръ Чумаковъ — генераль-фельдцейхмейстеромъ, Иванъ Твороговъ — генераль-поручикомъ, Алексѣй Дубровскийъ — оберъ-секретаремъ военной коллегіи и дежурный при Пугачевѣ казакъ Екимъ Давилинъ — камергеромъ.

— Богъ и я, великій государь, жалую васъ чинами, говорилъ Пугачевъ; — послужите мнѣ вѣрою и правдою.

Пожалованные стали на колѣни и благодарили. «Но я, говорилъ Твороговъ, ни одного изъ тѣхъ чиновъ не знаю, хотя и самъ въ числѣ тѣхъ пожалованныхъ находился, потому что прежде объ оныхъ не слыхиваль».

Остановившись вечеромъ 24-го августа у Сальникова завода, Пугачевъ узналъ о приближеніи отряда полковника Михельсона. Онъ тотчасъ же приготовился къ оборонѣ: выставилъ въ одну линію всѣ свои орудія, за которыми и расположилъ пѣхоту. При появленіи Михельсона Пугачевъ приказаль открыть огонь изъ всѣхъ орудій и двинуль впередъ пѣхоту. Михельсонъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ: въ центрѣ стала пѣхота, имѣя на правомъ флангѣ походнаго атамана Перфилова съ Чугуевскимъ полкомъ, а на лѣвомъ — всѣхъ донскихъ казаковъ. Не желая предоставлять мятежникамъ почина въ дѣйствіяхъ, Михельсонъ приказаль кавалеріи произвести контръ-атаку и поддержаль ее пѣхотою. Атака чугуевцевъ и донцовъ была на столько стремительна, что пѣхотѣ почти не пришлось дѣйствовать. Мятежники,

«будучи всё въ крайней робости, не старались удерживать храброе стремленіе войскъ и чрезъ короткое время, уступая свое мѣсто, показали тылъ. Хотя злодѣй, будучи позади своей толпы, и старался словами своими остановить оную и поощрять къ сопротивленію, но столь великъ былъ во всёхъ страхъ, что нимало не слушая его словъ разсыпались во всё стороны» ¹⁾).

Всѣ 24 орудія были захвачены и бѣгущіе преслѣдованы по разнымъ направленіямъ болѣе 40 верстъ ²⁾). Мятежники потеряли болѣе 2,000 убитыми и до 6,000 плѣнными, въ числѣ которыхъ находились двѣ дочери Пугачева и 14 несчастныхъ сиротъ, дочерей дворянъ.

Самозванецъ бѣжалъ съ поля сраженія однимъ изъ первыхъ. За нимъ усакали верхами жена Софья и десятилѣтній сынъ, а двѣ дочери малолѣтнія «въ дорожной коляскѣ ѣхали, наполненной, какъ я думаю, говорилъ Твороговъ, дорогими товарами и деньгами, ибо въ сей коляскѣ подѣланы были потаенныя сумы. Злодѣй и сей (коляски) обще съ дочерьми лишился, потому что, спасая себя бѣгомъ, скакалъ во весь опоръ, приказывая и коляску везти за собою; но какъ сею дорогою случился въ одномъ мѣстѣ превеликій косогоръ, то сказываютъ, что на ономъ коляска опрокинулась и осталась на томъ мѣстѣ ³⁾»).

Въ этомъ сраженіи Пугачевъ лишился самаго близкаго къ нему человѣка, атамана Овчинникова, пропавшаго безъ вѣсти. На долю побѣдителей досталась богатая добыча: донцы захватили 18 пуд. серебряной посуды, много денегъ, платья, соболей, куницъ и лисьихъ мѣховъ, суконъ и матерій, 527 лошадей и 64 вола. Еще болѣе осталось на долю солдатъ отряда Михельсона. Пугачевъ былъ преслѣдованъ до самаго берега р. Волги, черезъ которую успѣлъ

¹⁾ Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

²⁾ Сообщение донской канцеляріи генералъ-маіору Потапову 2 сентября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV. При атакѣ и преслѣдованіи особенно отличились опредѣленные изъ польской службы поручикъ Скупинскій, прапорщикъ Звѣринскій и волонтеръ Пулавскій. Рапортъ Михельсона графу П. И. Панину 29 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. *Записки Академіи наукъ*, томъ XXV, приложение № 4, стр. 30.

³⁾ Показаніе Творогова. Государств. Архивъ, VI, д. № 505.

однакоже переправиться съ главнѣйшими сообщниками. Остальная часть его толпы разсыпалась въ разныя стороны и спасалась какъ могла; многіе бросались въ Волгу, надѣясь переплыть на другой берегъ, но почти всѣ потонули.

По полученіи извѣстія объ этой побѣдѣ императрица издала похвальный указъ Михельсону и его отряду и, сверхъ того, удостоила храбраго и неутомимаго предводителя особымъ письмомъ, при которомъ послала золотую шпагу съ брилліантами. Всѣхъ премьеръ-маіоровъ и подполковниковъ Екатерина приказала представить къ наградѣ, а остальныхъ офицеровъ произвести въ слѣдующіе чины; унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ наградить деньгами ¹⁾.

Обильныя награды вполнѣ соотвѣтствовали важности побѣды. Пугачеву нанесенъ былъ здѣсь послѣдній и самый тяжкій ударъ, послѣ котораго оставалось только принять мѣры къ тому, чтобы онъ не могъ усилиться.

Михельсонъ сформировалъ два отряда: графа Меллина съ его отрядомъ и 200 донскихъ казаковъ онъ отправилъ за Волгу, съ приказаніемъ идти по слѣдамъ самозванца, а другой—подполковника Муфеля съ его легкою полевой командою и 200 человекъ донскихъ казаковъ послалъ къ Черному-Яру; самъ же съ остальными войсками пошелъ обратнo въ Царицынъ, гдѣ уже находился отрядъ генералъ-маіора Мансурова.

Послѣдній отправилъ также за Волгу летучіе отряды подъ начальствомъ полковника Иловайскаго съ 300 донскихъ и маіора Бородина съ 200 яицкихъ казаковъ. Въ Дмитріевскѣ (Камышинѣ) Мансуровъ поставилъ гвардіи поручика Мельгунова съ 150 чел. казанскихъ улановъ и мещеряковъ и роту драгунъ 22-й легкой полевой команды; въ станицахъ Балыклейской и Дубовской были расположены по эскадрону Архангелогородскаго карабинернаго полка съ 50 донскими казаками, въ первой станицѣ подъ начальствомъ ротмистра Нолькена, а во второй—поручика Потулова ²⁾. Чтобы окончательно преградить Пугачеву вторичный переходъ на нагор-

¹⁾ Собственноручное письмо императрицы графу П. И. Панину, отъ 16 сентября 1774 г. *Сборн. Императ. русск. историч. общ.*, т. VI, стр. 136.

²⁾ Рапортъ Мансурова графу П. И. Панину, отъ 1 сентября 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 40.

ный берегъ Волги, генераль Мансуровъ просилъ князя Голицына поставить изъ своего отряда заставу въ селѣ Золотовѣ, находившемся на берегу р. Волги, между Саратовомъ и Дмитріевскомъ (Камышенкою).

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда, 2 сентября, прибылъ въ Царицынъ генераль-поручикъ Суворовъ, принявшій, по приказанію главнокомандующаго, общее начальство надъ всеми отрядами, пресѣдовавшими Пугачева.

Суворовъ ѣхалъ безъ всякаго конвоя по дорогамъ, по которымъ бродили шайки мятежниковъ, ловившія всѣхъ проѣзжающихъ. Чтобы избѣжать плѣна, говоритъ Суворовъ въ своей автобіографіи, «не стыдно мнѣ сказать, что я на себя принималъ иногда злодѣйское имя»¹⁾. Прибывъ въ Царицынъ, онъ приказалъ полковнику Михельсону переправиться черезъ Волгу и настигать «по слѣдамъ укрывательство злодѣя»; генераль-маіору князю Голицыну сообщено, чтобы онъ также шелъ за р. Волгу съ того мѣста, гдѣ застанетъ его это сообщеніе; генераль-маіоръ Мансуровъ отправленъ съ его отрядомъ въ Дмитріевскъ съ тѣмъ, чтобы протянулъ свои посты до Саратова; генераль-маіору князю Багратиону приказано слѣдовать къ Царицыну, расположить семь эскадроновъ гусаръ около Голубинской станицы и имѣть сообщеніе съ постами, находящимися въ Дмитріевскѣ и Черномъ-Яру, гдѣ остановленъ подполковникъ Муфель съ своею легкою полевою командою²⁾.

Сдѣлавъ все эти распоряженія, Суворовъ отправился въ отрядъ графа Меллина и въ Ахтубѣ переправился черезъ Волгу. Съ нимъ же поѣхали, прибывшіе за нѣсколько дней въ Царицынъ, капитанъ Галаховъ, Евстафій Трифоновъ (Долгополовъ) и П. С. Руничъ. Въ слободѣ Никольской, находившейся на луговой сторонѣ Волги, противъ Камышенки (Дмитріевска), Суворовъ призвалъ къ себѣ Галахова и Рунича и спрашивалъ ихъ, какъ они располагаются: пуститься съ нимъ въ степь или нѣтъ? Галаховъ просилъ позволенія посовѣтоваться съ Трифоновымъ и тогда дать отвѣтъ.

¹⁾ *Сверный Архивъ*, 1823 г., т. V, стр. 219.

²⁾ Репортъ Суворова графу Панину, отъ 3 сентября 1774 г. Государ. Арх., VI д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 43.

— Зачѣмъ намъ гоняться по степи за Пугачевымъ, говорилъ Трифоновъ; онъ Богъ знаетъ куда промчаться можетъ, а мы между тѣмъ можемъ попасть въ руки киргизамъ, кои то и дѣло въ это время по степи мчатся. Не зачѣмъ намъ пускаться въ степь; намъ сегодня бы надобно переправиться въ Камышенку и поспѣшно изъ оной отправиться въ Саратовъ. Тамъ уже расположимъ куда вамъ и куда мнѣ отправляться должно будетъ.

Имѣя на рукахъ 43,000 руб. золотою монетою, Галахову было рисковано пуститься въ степь, и потому онъ рѣшился переправиться обратно черезъ Волгу, а Суворовъ нагналъ отрядъ графа Меллина и двинулся съ нимъ къ рѣчкамъ Узенямъ. Прибывъ, 9 сентября, на р. Ерусланъ, Суворовъ раздѣлилъ отрядъ на четыре части: двумъ приказалъ слѣдовать по обоимъ берегамъ Малой-Узени, и двумъ—по Большой-Узени и не стѣсняясь жечь камышъ, который могъ скрывать мятежниковъ ¹⁾.

Одновременно съ этимъ князь Голицынъ, переправившись съ своимъ отрядомъ черезъ р. Волгу, двинулся по р. Иргизу, торопясь къ Яицкому-городку, чтобы не дать возможности самозванцу вновь усилиться казаками ²⁾. Онъ отправилъ двухъ казаковъ на Узени || 13 съ такимъ наставленіемъ, чтобъ они нашедъ тамъ главнаго варвара и, предъявя ему свою преданность, вступили въ его сообщество единственно въ томъ видѣ, дабы, пользуясь симъ предлогомъ, могли возымѣть удобный и безопасный случай преклонить первѣйшаго его любимца, лицаго казака Перфильева, къ поимкѣ и умерщвленію его ³⁾.

На пути князь Голицынъ получилъ рапортъ полковника Иловайскаго, что онъ, соединясь съ маіоромъ Бородинымъ, прибылъ въ Покровскую слободу и получивъ достовѣрное свѣдѣніе, что самозванецъ намѣренъ скрыться на Узеняхъ, идетъ его отыскивать и преслѣдовать ⁴⁾.

¹⁾ Рапорты Суворова отъ 7 и 10 сентября 1774 года. Записки Академіи Наукъ, т. XXV, пролж. № 4, стр. 43.

²⁾ Рапортъ князя Голицына, отъ 7 сентября 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 490.

³⁾ Рапортъ князя Голицына графу Панину, отъ 15 сентября 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 490.

⁴⁾ Рапортъ его же, отъ 10 сентября 1774 г. Тамъ же. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 54.

Подойдя къ урочищу Чертоплинскому, находившемуся на рѣкѣ Большомъ-Узенѣ, Иловайскій и Бородинъ узнали отъ разныхъ лицъ, что казаки отправляются прямо въ Яицкій-городокъ и намѣрены связать и выдать самозванца. Это извѣстіе было немедленно сообщено всѣмъ отряднымъ начальникамъ, и на этотъ разъ вполнѣ оправдалось.

XIV.

Преслѣдованіе Пугачева.—Воззваніе П. Потемкина кабардинцамъ.—Переправа Пугачева на лѣвый берегъ Волги.—Совѣщаніе куда идти.—Заговоръ казаковъ противъ самозванца.—Скитаніе по степи.—Благотворная дѣятельность капитанъ-поручика С. Маврина въ Яицкомъ-городкѣ.—Воззванія П. Потемкина къ казакамъ и жителямъ взволнованнаго края.—Выдача Пугачева и доставленіе его въ Яицкій-городокъ.

Побѣда, одержанная Михельсономъ у Сальникова завода, поставила Пугачева въ безвыходное положеніе. Лишившись большей части своихъ сообщниковъ, онъ былъ окруженъ почти со всѣхъ сторонъ правительственными войсками. Михельсонъ выслалъ для преслѣдованія самозванца кавалерійскія партіи. Со стороны Астрахани подходили къ Красному и Черному-Ярамъ легкая полевая команда, 300 человекъ гарнизонныхъ солдатъ, 450 человекъ астраханскихъ и красноярскихъ казаковъ и полковникъ вн. Дондуковъ, съ оставшимися вѣрными калмыками.

По распоряженію астраханскаго губернатора Кречетникова, отрядъ этотъ долженъ былъ занять Красный и Черный-Яры и охватить непрерывными разъѣздами всю степь до Элтонскаго озера и Гурьева-городка ¹⁾, и, наконецъ, 6-го сентября, какъ мы видѣли, переправился черезъ ту же рѣку прибывшій къ отряду графа Меллина генераль-поручикъ Суворовъ. Онъ приказалъ вн. Багратиону съ его отрядомъ подойти къ Царицыну, расположить свои посты между Камышиномъ (Дмитріевскомъ) и Чернымъ-

¹⁾ Рапорты Кречетникова Сенату отъ 28 августа и военной коллегіи 10 сентября 1774 г. Письмо его же Г. А. Потемкину 28 августа 1774 года. Государственный Архивъ, т. XI, д. № 454. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 47, кн. IV, опись 194, связка 32.

Яромъ, а семь гусарскихъ эскадроновъ поставить около Голубинской станицы для охраненія переправъ черезъ Волгу ¹⁾. «Обнимайте бдѣніемъ вашимъ, писалъ ему Суворовъ, Кубань, Донъ и Калмыковъ, воображая себѣ побѣгъ Пугачева, могущій быть и къ Тамани».

Предположеніе, что Пугачевъ будетъ стараться теперь обратиться на Кубань и поднять тамъ казачье и горское населеніе, заставило генералъ-маіора П. С. Потемкина отправить къ кабардинцамъ премьеръ-маіора Горича съ воззваніемъ и приглашеніемъ поймать самозванца.

«Уповая на вѣрность вашу, писалъ П. Потемкинъ кабардинскимъ владѣльцамъ ²⁾, поелику предки ваши всегда вѣрными пребывали российскому императорскому двору и ваше сіятельство сохранили вѣрноподданническую должность къ службѣ всемилостивѣйшей государыни, отправляю я сей листъ къ вамъ, чтобы вы посланному отъ меня г. Горичу, служащему императрицѣ и самодержицѣ всероссийской въ побѣдоносной арміи премьеръ-маіоромъ, чинили всякое вспоможеніе противу бунтующаго донскаго казака Емельяна Пугачева, принявшаго дерзостно званіе покойнаго государя Петра III.

«Я обѣщаю по данной мнѣ власти отъ ея императорскаго величества каждому, кто сего злодѣя и бунтовщика поймаетъ и приведетъ живаго, дать награжденія 30 тысячъ рублей не мѣшая ни минуты; кто его убьетъ и привезетъ тѣло его—дать 5,000 р. Всѣмъ же тѣмъ, кто пребудетъ въ вѣрности князьямъ кабардинскимъ и черкесамъ—медали и грамоты, для вѣчной имъ чести».

Горичъ не доѣхалъ до Кабарды; онъ возвратился съ дороги въ Казань лишь только узнавъ, что самозванецъ находится въ рукахъ правительства ³⁾.

¹⁾ Ордера Суворова кн. Багратиону 2 и 5 сентября 1774 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 95, св. 563, д. № 48.

²⁾ Воззванія Потемкина отъ 3 сентября 1774 г., князьямъ Мисостову, Кайтукину, Атажукину и Татарханову; бесленейскому владѣльцу кн. Салукову; кубанскимъ владѣльцамъ Мурзабекову и Мурзѣ Дударукѣ Кулмаметеву. Государствен. Архивъ, VI, д. № 489.

³⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе П. Потемкину 30 октября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

Разбитый подъ Сальниковымъ заводомъ, Пугачевъ бѣжалъ съ толпою не болѣе 400 человекъ по направленію къ Черному-Яру ¹⁾. Опасаясь, чтобы Михельсонъ не настигъ бѣгущихъ, яицкіе казаки бросали изрѣдка по дорогѣ платье и деньги, надѣясь, что регулярныя команды, увлекшись добычею, не будутъ такъ быстро преслѣдовать.

Верстахъ въ 17 отъ Чернаго-Яра самозванецъ остановился и призвалъ къ себѣ сотника астраханскаго казачьяго войска Василія Горскаго.

— Вотъ, другъ мой, говорилъ ему Пугачевъ, мы все растерялись, хлѣба у насъ нѣтъ, какъ намъ быть?

Горскій молчалъ, не зная что отвѣчать.

— Много-ли у насъ осталось, продолжалъ самозванецъ, обращаясь къ яицкимъ казакамъ, есть-ли человекъ тысяча.

— Нѣтъ, батюшка, отвѣчали они, — много до тысячи недостаетъ.

— Можно-ли намъ отсюда пройти въ Моздокъ, спросилъ Пугачевъ Горскаго.

— Я въ Моздокъ не бывалъ и не знаю, отвѣчалъ тотъ.

— Что намъ, батюшка, въ Моздокъ дѣлать, говорили яицкіе казаки; лучше перейдемъ черезъ р. Волгу на Ахтубу рѣку, къ Селитренному городку. Тутъ достанемъ себѣ хлѣба и пойдемъ черными (морской берегъ) близъ моря по ватагамъ къ Янгу рѣкѣ. Хлѣба по ватагамъ мы съедемъ довольно.

— А есть-ли по ватагамъ кони? спрашивалъ Пугачевъ.

— По ватагамъ коней много и скота довольно.

— Ну, хорошо, пойдемъ туда. Пришедши на Яикъ мы пойдемъ на трухменскій кракъ, тамъ у меня есть знакомые владѣльцы или старшины трухменскіе. Черезъ ихъ землю, хотя трудно, но пройдемъ въ Персію, тамъ у меня есть ханы знакомые и хотя они разорены, однакоже мнѣ помогутъ ²⁾.

Поворотивъ къ Волгѣ, остатки самозванцевой толпы успѣли захватить на берегу нѣсколько лодокъ, «а въ то же время увидѣли

¹⁾ По показанію Творогова, въ толпѣ Пугачева было 200 яицкихъ казаковъ и человекъ 200 разночинцевъ.

²⁾ Показаніе казака Василія Горскаго. Госуд. Арх., VI, № 463.

вдали рыболововъ, плавающихъ по Волгѣ для своего промысла, которыхъ заворотя взяли и ихъ лодки». Кто успѣлъ достать себѣ мѣсто тотъ въ лодкѣ, а остальные вплавь переправились черезъ рѣку, но попали не на луговой берегъ, а на островъ, раздѣлявшій теченіе р. Волги на-двое.

Въ виду предстоявшей новой переправы бѣглецы остановились, чтобы дать отдохнуть усталымъ лошадямъ, а между тѣмъ авангардъ преслѣдующихъ войскъ появился уже на нагорномъ берегу Волги. Хотя на этомъ берегу и не было ни одного судна, но Пугачевъ, опасаясь, что преслѣдующіе отряды могутъ переправиться гдѣ-нибудь выше или ниже и отрѣзать ему путь отступленія, тотчасъ сѣлъ въ лодку и съ небольшимъ числомъ приближенныхъ переправился на луговую сторону. Остальные послѣдовали за нимъ и успѣли переправиться вплавь, при помощи небольшихъ плотовъ ими устроенныхъ. На островѣ было много наносныхъ площадныхъ дровъ и сухаго тальнику. «Мы, собравъ ихъ, показывалъ Иванъ Твороговъ ¹⁾, надѣлали маленькихъ и легенькихъ плотовъ, по нашему *салы* называемыхъ, связывая ихъ веревкою». Раздѣвшись, казаки положили на плоты свое платье и сѣдла и привязавъ къ хвосту каждой лошади по одному плоту, а сами, держась за гриву, переправились такимъ образомъ на берегъ. Верстахъ въ трехъ отъ него, они нагнали самозванца и остановились на ночлегъ. Ихъ было очень немного: Аванасій Перфильевъ и человекъ 40 казаковъ, остались на острову за невозможностью переправиться по усталости лошадей. Тамъ же остался и оберъ-секретарь его, Дубровский, онъ же и Трофимовъ ²⁾.

¹⁾ 27 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

²⁾ Когда Пугачевъ и его сообщники переправлялись черезъ второй рукавъ р. Волги на луговую сторону, «то я, показывалъ Дубровский, снялъ съ себя платье и отдавъ на плотъ саратовскаго казака Стародубова, остался съ лошадью нагой и хотѣлъ плыть на ту сторону, однако, по неумѣнію моему убоился и остался на острову съ прочими. А на другой день на островѣ учинился искъ и многихъ перехватили, а я въ то время пролежалъ въ кустахъ подъ колодой три сутки, а на четвертыя вышелъ и усмотрѣлъ стоящія среди Волги суда, съ которыхъ бурлаки накормили меня хлѣбомъ и дали: зипунъ, рубашку и портки. И послѣ того бывъ дня съ четыре на островѣ, помирая голодомъ, вышелъ на берегъ и увидалъ лодку, которая плыла вверхъ по Волгѣ, попросилъ имени ради Божія перевести меня на луговую сторону, по которой шатался голодный дней съ пять, по займищамъ; старался

Пугачевъ упалъ духомъ, сожалѣлъ о потерѣ близкихъ, а окружавшіе его казаки видѣли ясно, что въ будущемъ невозможно имъ ожидать ничего хорошаго. Припоминая свой разговоръ съ Дубровскимъ, председатель пугачевской коллегіи Иванъ Твороговъ постепенно приходилъ къ убѣжденію, что Пугачевъ самозванецъ и подъ тяжестью гнетущихъ событій рѣшился высказать свой взглядъ товарищамъ. Тутъ были: хорунжій Иванъ Федульевъ, казаки: Чумаковъ, Тимоѣй Желѣзновъ, Дмитрій Арыковъ и Иванъ Бурновъ.

— Что теперь намъ дѣлать? спрашивалъ Твороговъ своихъ товарищей. Какому государю мы служимъ: онъ грамотѣ не знаетъ. Я подлинно васъ увѣряю, что когда по приказанію его былъ написанъ къ казакамъ именной указъ, то онъ его не подписалъ, а велѣлъ подписать его именемъ секретарю Дубровскому. Если бы онъ былъ государь, то указъ подписалъ бы самъ. Донскіе казаки называютъ его Емельяномъ Ивановымъ и когда пришли-было къ нему и на него пристально смотрѣли, то онъ рожу свою отъ нихъ отворачивалъ. Такъ что же теперь намъ дѣлать? Согласны-ли вы будете, чтобы его связать?

— Согласны, отвѣчалъ Чумаковъ, только надобно уговориться съ другими казаками. Мы сами теперь видимъ, что онъ не государь, а донской казакъ.

Совѣщавшіеся дали слово уговорить къ тому каждый своего пріятеля и послѣ снестись между собою, кто какого будетъ мнѣнія.

Въ ту же ночь Пугачевъ собралъ къ себѣ на совѣщаніе всѣхъ наличныхъ лицкихъ казаковъ.

— Какъ вы, дѣтушки, думаете, куда намъ теперь идти? спрашивалъ самозванецъ.

— Мы и сами не знаемъ, отвѣчали уклончиво казаки. А ваше величество куда изволите думать?

пройти по Волгѣ въ жительство (Дубровскій былъ сынъ мценскаго купца Степана Трофимова) и прилѣпился къ добрымъ людямъ, которые въ толпѣ Пугачева не были и думалъ избѣгнуть достойной по моему беззаконію казни. Однако, подъ Бурадной слободой пойманъ калмыками и приведенъ въ Енотасевскую крѣпость, откуда отправленъ въ Астрахань и присланъ въ Царицынъ (Государственный Арх., VI. д. № 512).

— Я думаю идти внизъ по Волгѣ и собравъ на ватагахъ хлѣба, пробраться къ запорожскимъ казакамъ. Тамъ близко есть у меня знакомыхъ два князька, у одного наберется тысячь съ 17, а у другаго тысячь съ десять, — они за меня вѣрно вступятся.

Хотя большинство присутствовавшихъ, на совѣщаніи и не знало гдѣ живутъ запорожцы, но знали, что далеко гдѣ-то, въ другой сторонѣ. Скитальческая жизнь имъ надоѣла и они отказывались слѣдовать за своимъ предводителемъ.

— Нѣтъ, отвѣчали казаки, воля ваша, хоть головы рубите, а мы не пойдемъ въ чужую землю, что намъ тамъ дѣлать?

— Ну, а куда же вы думаете? спрашивалъ Пугачевъ, инъ пойдемъ въ Сибирь, а не то въ калмыцкую орду.

— Нѣтъ, батюшка, мы и туда не ходоки съ вами; куда намъ въ такую даль забиваться, у насъ здѣсь отцы, матери и жены — зачѣмъ идти въ чужую землю.

Пугачевъ выказывалъ неудовольствіе.

— Ну, такъ куда же вы посоветуете? сказалъ онъ съ сердцемъ.

— Пойдемъ вверхъ по Волгѣ, говорили Твороговъ и Чумаковъ, и будемъ пробираться къ Узенямъ, а тамъ уже придумаемъ что дѣлать.

— Но тамъ трудно будетъ достать хлѣба, возражалъ самозванецъ, и есть опасность отъ воинскихъ командъ.

Казаки настаивали на своемъ, и Пугачевъ принужденъ былъ согласиться. На слѣдующее утро толпа двинулась вверхъ по Волгѣ и шли степью цѣлыя сутки безъ воды, да и хлѣба почти ни у кого не было; стали томиться.

— Куда вы меня ведете, спрашивалъ Пугачевъ Творогова и Чумакова; люди и лошади помрутъ безъ воды и хлѣба.

— Мы идемъ на Узени, отвѣчали ему.

— Я степью идти не хочу, пойдемъ къ Волгѣ; пусть тамъ меня поймають, да все-таки достанемся въ руки человѣческія, а въ степи попремъ какъ собаки.

Казаки повернули къ Волгѣ, причемъ многіе татары, башкиры и разночинцы отстали и пошли степью.

Во время пути Твороговъ и Чумаковъ съ компаніею дѣлали

свое дѣло, и стараясь представить безвыходность своего положенія, уговаривали казаковъ выдать самозванца и тѣмъ заслужить прощенье. Переговоры эти не могли окончиться скоро: въ толпѣ было до 160 человекъ, изъ коихъ многіе вѣрили, что Пугачевъ истинный государь и были ему преданы. Чтобы имѣть успѣхъ, надо было склонить на свою сторону большую часть казаковъ и постараться удалить всѣхъ тѣхъ, на содѣйствіе которыхъ нельзя было рассчитывать. Пользуясь тѣмъ, что при непрерывности движенія у многихъ казаковъ лошади такъ пристали, что они принуждены были ихъ бросить, а другіе ѣхали на лошадяхъ едва двигавшихся, Твороговъ и Чумаковъ просили Пугачева, чтобы онъ разрѣшилъ казакамъ отобрать лошадей у разночинцевъ, которыхъ и распустилъ по домамъ. Пугачевъ долго не соглашался на это, но будучи убѣждаемъ казаками, сказалъ съ сердцемъ: «ну, какъ хотите». Лошади были отобраны у разночинцевъ, вредный элементъ мало-по-малу удаленъ и толпа повернула на Эльтонское озеро. Пугачевъ все время ѣхалъ молча, смотрѣлъ уныло, а его спутники терпѣли нужду и голодъ. Положеніе ихъ было тяжелое: въ теченіе нѣсколькихъ дней они скитались безъ всякихъ запасовъ продовольствія среди степи, въ суровое время. Выпавшій снѣгъ и сильныя вѣтры усиливали лишенія и пребываніе въ степи становилось невыносимымъ.

Кое-какъ добрались до Узеней. «Сіе мѣсто такого положенія, писалъ Мавринъ ¹⁾, кое всю мятежническую тварь въ себя вжираетъ, а потомъ уже отрыгаетъ пагубнѣйшими извергами естества человѣческаго».

Остановившись на Узеняхъ на ночлегъ, многіе казаки отправились на охоту, чтобы достать себѣ хоть какое нибудь пропитаніе. Наутро двое охотниковъ, Иванъ Бакалкинъ и Яковъ Лепехинъ, возвратившись въ станъ заявили, что недалеко отъ лагеря они нашли въ землянкахъ двухъ старцевъ-отшельниковъ.

— Нѣтъ-ли у стариковъ чего на пищу, спросилъ Пугачевъ.

¹⁾ Князю Голицыну, отъ 15 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. См. также «Матеріалы и проч.», изд. Я. К. Грота. *Записки Академіи наукъ*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 68.

— Есть, отвѣчали прїѣхавшіе; мы видѣли у нихъ дыни и букву ¹⁾).

Самозванецъ пригласилъ нѣсколькихъ человекъ отправиться съ нимъ къ старцамъ, «то мы, говорилъ Твороговъ, почитая сіе мѣсто за удобнѣйшее къ произведенію нашего намѣренія, съ радостью согласились съ нимъ туда ѣхать. Пугачевъ приказалъ осѣдлатъ себѣ лошадь, но похуже.

— Что вы такую худую лошадь подъ себя берете, говорилъ Твороговъ, неравно, какъ что случится, такъ было бы на чемъ бѣжать.

— Я берегу хорошую впредь для себя, отвѣчалъ Пугачевъ.

«Итакъ, собравшись человекъ съ 20 надежныхъ другъ другу людей, поѣхали, говорилъ Твороговъ, вооружась каждый шашками, копьями и винтовками, и предпріявъ совершенно исполнить тамъ свое намѣреніе, поелику злодѣй сѣлъ на посредственную лошадь, которая не подавала намъ сомнѣнія, чтобы могъ онъ отъ насъ на ней уйти».

Землянки старцевъ находились на противоположномъ берегу рѣчки, въ камышахъ. Сойдя съ лошади, Пугачевъ закричалъ, чтобы подали ему будару и переѣхалъ, оставивъ лошадей на этомъ берегу. Онъ потребовалъ дыни и буквы, но какъ ихъ оказалось мало и многимъ спутникамъ самозванца не хватило, то казаки просили позволенія сорвать самимъ съ грядъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи отъ землянокъ. Старцы охотно согласились и сами пошли съ казаками. У землянокъ остались: Пугачевъ, Чумаковъ, Твороговъ, Федульевъ, Бурновъ и Желѣзновъ.

— Чтò, ваше величество, началъ Чумаковъ, — куда ты думаешь теперь идти?

— О чемъ ты спрашиваешь, отвѣчалъ Пугачевъ, — вѣдь у насъ выдумано куда ѣхать: на форпосты. Забравъ съ нихъ людей, пойду къ Гурьеву-городку; тутъ мы перезимуемъ, а какъ ледъ вскрыется, то, сѣвши на суда, поѣдемъ за Каспійское море и тамъ поднимемъ орды.

— Нѣтъ, батюшка, говорили казаки, — воля твоя, а мы не хотимъ теперь воевать; поѣдемъ лучше въ нашъ городокъ.

¹⁾ Буква, растение похожее на рѣдьку, но неимѣющее въ себѣ такой горечи.

— Я въ Яицкій-городокъ не поѣду, говорилъ Пугачевъ; ежели и вы на Яикъ поѣдете, такъ сами пропадете и меня погубите, а не лучше-ли ѣхать назадъ и пробираться въ Москву.

— Нѣтъ, государь, слышались голоса, — воля твоя, а тому не бывать.

— Полно, не лучше-ли, дѣтушки, оставить поѣздку въ городокъ.

— Нѣтъ, нельзя, отвѣчали ему голоса, — намъ некуда теперь больше ѣхать.

Видя настойчивость казаковъ и вольность, съ которою они теперь говорили, Пугачевъ понялъ въ чемъ дѣло. То краснѣя, то блѣднѣя въ лицѣ, онъ старался отговорить ихъ отъ поѣздки въ Яикъ, но въ концѣ-концовъ принужденъ былъ согласиться.

— Ну, воля ваша, проговорилъ онъ, — поѣдемъ. Коли насъ тамъ примутъ, то останемся, а коли не примутъ, такъ пойдёмъ мимо.

— Какъ не принять — примутъ, замѣтилъ Чумаковъ, и совѣтовалъ самозванцу возвратиться скорѣе въ станъ.

«Мы дрожмя-дрожали, говорилъ Твороговъ, и желали поскорѣе переманить его на ту сторону, гдѣ лошади наши были, боясь, чтобы какъ не ушелъ отъ насъ тутъ, чего ради и представили ему, что время уже ѣхать». Пугачевъ съ Чумаковымъ и нѣсколькими казаками сѣлъ въ будару и переправился черезъ рѣку; за ними, въ той же бударѣ, переправились Твороговъ, Федульевъ, Бурновъ и остальные казаки. Когда послѣдніе вышли на берегъ, то Чумаковъ держалъ лошадей: свою и самозванца, а Пугачевъ собирался садиться. Моментъ былъ самый удобный и мнимаго государя окружали только люди, преданные другъ-другу и заранѣе согласившіеся.

— Иванъ! крикнулъ Федульевъ казаку Бурнову, что задумали, то затѣвай: сними съ него саблю.

Стоявшій возлѣ Пугачева Бурновъ схватилъ его за руки выше локтей. Самозванецъ поблѣднѣлъ.

— Что это... что вы выдумали, говорилъ онъ робкимъ и прерывающимся голосомъ, — на кого вы руки поднимаете.

— А вотъ что, кричали казаки, — ты отдай намъ свою шашку,

ножикъ и патронницу. Мы не хотимъ тебѣ больше служить и не хотимъ больше злодѣйствовать, довольно и такъ за тебя прогнѣвали Бога и матушку милостивую государыню; много пролили мы крови человѣческой и лишились сами отцовъ, матерей, роду и племени.

— Ай, ребята, что это вы вздумали надо мною злодѣйствовать, говорилъ Пугачевъ, смотря на казаковъ; — вѣдь вы только меня погубите, а и сами не воскреснете. Полно, не можно-ли, дѣтушки, это отгнѣнить; напрасно вы меня губите.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричали казаки, — не хотимъ болѣе проливать крови; мы повеземъ тебя прямо въ городокъ (Яицкій): если ты подлинный государь, то тебѣ нечего бояться, ты тамъ себя и насъ справишь (оправдаешь). А что до насъ касается — то воля матушки нашей всемилостивѣйшей государыни, что изволить, то и сдѣлаетъ съ нами. Хотя всѣмъ намъ головы перерубать, только мы тебя не упустимъ, полно уже тебѣ разорять Россію и проливать безвинную кровь.

Казаки требовали, чтобы Пугачевъ добровольно отдалъ свое оружіе Бурнову.

— Миѣ безчестно отдать это тебѣ, сказалъ самозванецъ, смотря на Бурнова, державшаго его за руки, — а отдамъ я своему полковнику Федульеву.

Послѣдній принялъ шашку, большой ножъ и патронницу. Пугачева посадили на лошадь; ближайшій изъ казаковъ держалъ ея поводъ, а остальные, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, направились къ переправѣ черезъ р. Узень на яицкую сторону.

Видѣвшій всю эту сцену одинъ изъ старцевъ одобрилъ рѣшеніе казаковъ.

— Вы не должны отчаяваться, говорилъ онъ, — въ высочайшей императорскаго величества милости, въ разсужденіи многихъ ея образцовъ, послѣдовавшихъ съ преступниками. Вы старайтесь какъ можно довести злодѣя въ сохранности и не упустите. Я слышалъ, что въ городокъ къ намъ пріѣхалъ какой-то милостивый судья, капитанъ или майоръ. Онъ выпустилъ изъ тюрьмы всѣхъ колодниковъ, а вдовамъ и сиротамъ выдаетъ на пропитаніе хлѣбъ.

Это извѣстіе очень обрадовало казаковъ и было вполне спра-

ведливо. Старецъ говорилъ о поступкахъ одного изъ членовъ секретной комиссіи, капитанъ-поручика Саввы Маврина.

Сначала болѣзнь, а потомъ кончина казанскаго губернатора Я. Л. фонъ-Брандта, заставили генералъ-маіора Павла Потемкина оставаться въ Казани и временно вступить въ управленіе губерніею. Въ Казань возвращались поодиночкѣ обыватели города, захваченные силою мятежниками и успѣвшіе уйти изъ ихъ толпы. Сюда же бѣжали изъ сосѣднихъ деревень помѣщики, духовенство и управляющіе, спасавшіеся отъ шаекъ мятежниковъ и поднявшагося крестьянскаго населенія. Прибывавшему населенію необходимъ былъ пріютъ и помѣщеніе. Потемкинъ раздавалъ безденежно казенный лѣсъ на постройку домовъ и для уменьшенія прилива пришлаго населенія принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы прекратить безпорядки и возстановить спокойствіе въ губерніи. По данной «власти отъ ея императорскаго величества укрощать бунтъ», П. Потемкинъ просилъ воеводъ собрать команды и преслѣдовать возмущившихся. Онъ уполномочилъ ихъ съчь кнutomъ начальниковъ шаекъ, а десятаго человѣка изъ пайки съчь плетью нещадно. «А ежели которые, прибавляя Потемкинъ¹⁾, заслуживаютъ смерть, о таковыхъ мнѣніе ваше представить, и тогда о казни будутъ присылаться къ вамъ указы».

При поголовномъ возстаніи воеводамъ невозможно было собрать отряды, и Потемкину пришлось самому отправлять ихъ изъ Казани по разнымъ направленіямъ. Команды эти ловили мятежниковъ, присылали ихъ въ секретную комиссію, и число преступниковъ, подлежащихъ суду, ежедневно и быстро увеличивалось. Съ другой стороны, начальники преслѣдующихъ отрядовъ, захватывая мятежниковъ, отправляли ихъ въ ближайшіе города, преимущественно въ Оренбургъ и Яицкій-городокъ (Уральскъ). Въ этихъ двухъ пунктахъ накопилось столько колодниковъ, что для содержанія ихъ не доставало помѣщенія и дѣятельность секретной комиссіи должна была разбиться на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Имѣя порученіе императрицы главнѣйшимъ образомъ изслѣдовать причины бунта

¹⁾ Въ ордерѣ свѣяжскому воеводѣ, подполковнику Чирякову, 28 іюля 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 489.

и неудовольствія яицкихъ казаковъ и не имѣя возможности оставить Казань, генераль-маіоръ П. Потемкинъ отправилъ въ Яицкій-городокъ капитанъ-поручика Савву Маврина, съ порученіемъ приступить какъ можно скорѣе къ производству слѣдствія, «и постараться открыть начальныя причины родившагося бунта на Яикѣ» ¹⁾).

Сознавая ясно, что главнѣйшими руководителями мятежа были и есть яицкіе казаки, П. Потемкинъ находилъ полезнымъ примѣнить не тѣ мѣры строгости, которыя примѣнялъ онъ въ Казанской губерніи, а стараться подѣйствовать на казачье населеніе кротостью, общаніемъ прощенія и милостей императрицы всѣмъ вѣрнымъ и раскаявшимся.

Въ тотъ же самый день, когда Потемкинъ предписывалъ воеводамъ сѣчь виновныхъ кнутомъ и плетью, онъ писалъ Маврину: «дѣлайте возможное попеченіе, чтобы посѣять въ яицкихъ казакахъ истинное повиновеніе; увѣрьте ихъ, что я имѣю власть поправить всѣ ихъ безпорядки, а особливо въ томъ (увѣрьте), что они, принеся истинное раскаяніе государынѣ императрицѣ, будутъ наслаждаться тишиной и спокойствіемъ; а ежели неудовольствія которыя имѣютъ, тѣ могутъ адресоваться ко мнѣ».

Черезъ два дня, 31 іюля, П. Потемкинъ писалъ капитанъ-поручику Маврину:

«Я откровенно вамъ скажу, что зная образъ мыслей государыни, увѣренъ, что ей благоугодно снисхожденіе и кротость, а не строгія наказанія. Да признаюсь вамъ и въ томъ, что неохотно соглашаюсь людей казнить. Жизнь такой даръ божественный, который отнять легко, но возвратить не въ нашихъ силахъ. Число яицкихъ казаковъ (арестованныхъ) у васъ весьма довольно, они всѣ почти равную заслуживаютъ смерть, но можно-ли столь много казнить вдругъ? И потому препоручаю вамъ до отъѣзда вашего на Яикъ ²⁾, поговорите съ плѣнными казаками, и если истинное раскаяніе они возчувствуютъ, общайте имъ пощаду».

¹⁾ Всеподдан. донесеніе П. Потемкина, отъ 2 августа 1774 года. Государств. Архивъ, VI. д. № 439. Письмо его же С. Маврину, отъ 28 іюля 1774 года. Довѣреніемъ какъ этого, такъ и другихъ писемъ П. Потемкина къ Маврину я обя-
заванъ Я. К. Гроту, которому и позволяю себѣ выразить благодарность.

²⁾ С. Мавринъ былъ въ то время въ гор. Оренбургѣ.

Руководимый убѣжденіемъ, что даже злодѣи, имѣющіе «окаменѣлыя сердца и привычку къ злобѣ, скорѣе отъ кротости могутъ убѣждены быть, нежели отъ жестокости»—С. Мавринъ явился въ Яицкомъ-городѣ не грозою, а умиротворителемъ. Повидавшись съ полковникомъ Симановымъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ собралъ *«казацкій кругъ»*, въ которомъ прочиталъ воззваніе П. Потемкина, обращенное къ казакамъ:

«Объявляю чрезъ сіе, сказано было въ этомъ воззваніи, что ея императорское величество сострадаетъ духомъ, видѣвъ продолжающееся возмущеніе въ части Оренбургской и Казанской губерніи отъ уловленныхъ хищными прельщеніями слабымысленныхъ людей, извѣстнымъ уже каждому измѣнникомъ и явнымъ злодѣемъ Пугачевымъ. Не смотря, что уже опубликованными предъ симъ манифестами ясно изобличено враждебное его намѣреніе и доказаны дѣла и гнусное Пугачева званіе его, что послѣ многихъ поражений храбрыми и вѣрными войсками ея величества всѣхъ сонмищъ, прилѣпившихся къ злодѣю, имѣлъ случай народъ ясно познать лукавую лесь сего злодѣя и обманъ. Но какъ всякое пораженіе сообщниковъ его долженствуетъ проливать кровь Россійской державѣ принадлежащихъ, то ея императорское величество, яко истинная мать народа, вѣреннаго ей отъ всемогущаго Бога и по природному своему великодушію, не можетъ не содрогаясь находить себя принужденною обращать мечъ на казнь собственныхъ своихъ подданныхъ. Того для ея императорское величество вознамѣрилась еще милосердое сдѣлать имъ увѣщеваніе, къ призванію cadaго заблуждающагося на раскаяніе, и высочайше благоволила опредѣлить меня къ сему дѣлу, съ полною довѣренностію повелѣвъ мнѣ изслѣдовать и изыскать точныя причины родившагося толикаго зла въ несчастномъ краѣ славной ея величества имперіи, стараться искоренить и пресѣчь какъ самое сіе зло, такъ источники, могущіе угнетать или оскорблять народъ, ежели они случиться могли-бъ, привести въ повиновеніе возмутившихся, приводящихъ весь народъ на край гибели, и возстановить тишину и благоденствіе.

«Исполняя изволеніе всемилостивѣйшей государыни, принимая на себя толь важное дѣло, по ревностному моему желанію служить отъ всего сердца отечеству, заклинался я предъ всемогущимъ Бо-

гомъ имѣть предметомъ себѣ единую святую истину и не только во зло не употреблять данную мнѣ власть на казнь людей, но сохранять всю кротость и отвлечь всѣ источники всякаго заблужденія. Того для симъ даю знать народу, призываетъ всѣхъ смутившихся къ скорѣйшему обращенію на путь истины и къ должному повиновенію священной ея величества особѣ, яко единой истинной нашей императрицѣ.

«О! россияне несчастнаго сего края, откройте завѣсу, ослѣпляющую очи ваши; уже вы видите, что злѣйшій сей измѣнникъ Пугачевъ дерзостно принялъ имя покойнаго государя Петра Третьяго на единственную вашу пагубу; злодѣйское его намѣреніе каждый день сугубо открывается; производимыя мучительства доказываютъ вамъ адскую злость и звѣрскую его душу; воззрите на всѣ варварскія его дѣла, на всѣ его мучительства надъ несчастными людьми; воззрите на кровь, проливаемую рѣками варварскою его рукою и злыхъ его сообщниковъ; кровь сія есть кровь отцовъ, женъ, братій и дѣтей вашихъ: она вопіетъ на небеса объ отмщеніи сему измѣннику, погубившему ихъ. Видите вы ясно, что сей извергъ природы и самое исчадіе страшнаго ада терзаетъ и губитъ весь народъ не щадя никого, и не смотря ни возраста, ни пола. Не мучатся-ли отъ ужаса сердца ваши, видя трепещущіе члены терзаемыхъ младенцевъ предъ глазами вашими кровожаждущей его рукою? Не приводятъ-ли въ отвращеніе, видѣвъ жалостное позорище, когда разбойникъ сей повсюду отъемлетъ ваше имѣніе, предаетъ огню ваши дома, беретъ насущный хлѣбъ отъ васъ, опустошаетъ землю и влечетъ васъ къ совершенной гибели? Обратитесь съ вѣрностію и чистосердечнымъ раскаяніемъ къ истинной государынѣ нашей и пресвѣтлѣйшему наслѣднику ея, государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, котораго сердце возмущеніемъ вашимъ противу государыни и матери его оскорблено. Помыслите здраво, подымите руки ваши на самого злодѣя, свергните иго съ себя Пугачева и общаго врага отечества, и память его погибнетъ. Помыслите, что щедрая ваша монархія, видя принужденною себя поражать преступниковъ не вовсе попускаетъ мечъ на казнь ихъ, для того, что они ея подданные, для того, что она ожидаетъ признанія ихъ и готова даровать пощаду,

яко прямая помазанница Божія, имѣя дарованный духъ ея отъ Бога кроткій и милосердный. Опамятуйтеся, еще я увѣщаваю васъ, принесите чистыя души и сердца ваши съ повинovenіемъ, и истребится воспоминаніе о преступленіяхъ вашихъ.

«Я надежно обѣщаю ходатайствовать о пощадѣ васъ предъ священнымъ ея величества престоломъ. Еще малое время дается вамъ на обращеніе ваше; долготерпѣніе и милость ея величества зоветъ васъ подъ кровъ свой, еще вы можете наслаждаться впредь посреди семействъ своихъ благословеннымъ спокойствіемъ. Я, ограждаясь истиной, потшуся, исполняя высочайшую волю все милости-вѣйшей государыни нашей, утверждать спокойствіе въ васъ и тишину, обѣщаю предстательствовать за обидимаго и притѣсненнаго, и благоденствіе ваше обновится. Но если сіе послѣднее объявленіе не приведетъ въ раскаяніе окаменѣлыя въ злости сердца, тогда надъ таковыми изліется уже весь праведный гнѣвъ монархини и оружіе ея величества умножится на истребленіе и казнь всѣхъ преступниковъ.

«Боже! удержи мщеніе свое отъ прегрѣшившихъ предъ тобою, отъ преступниковъ предъ помазанницей твоей, великой государыней нашей императрицей Екатериной Алексѣевной, благоугождающей Тебѣ правостыю и милосердіемъ, обрати развращенныя сердца къ истинѣ, яви благость Твою надъ ними и благослови стараніе мое, и исполненіе сего дѣла приму я первымъ счастіемъ жизни и въ службѣ монархини нашей».

Объявленіе это произвело видимое впечатлѣніе на казаковъ. Мятежъ и безпорядки имъ надоѣли: многіе жители не имѣли дневнаго пропитанія и пристанища, другіе лишились отцовъ, мужей и братьевъ; дома были разрушены и часть города обращена въ пепель. С. Мавринъ обласкалъ населеніе и пошелъ на помощь разоренному ихъ состоянію. Онъ освободилъ изъ заключенія менѣе виновныхъ и возвратилъ ихъ въ семейства. Казаки высоко цѣнили поступки прибывшаго къ нимъ капитанъ-поручика. Въ это время получено было въ Яицкомъ-городкѣ новое воззваніе П. Потемкина, разославшаго его по разнымъ мѣстамъ волнующагося края.

«Я нижеподписавшійся, писалъ Потемкинъ ¹⁾, войскъ ея импе-

¹⁾ Госуд. Арх., VI, д. № 489.

раторскаго величества самодержицы всероссійской генераль-маіоръ, двора ея величества камеръ-юнкеръ и кавалеръ, уполномоченный въ секретныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ по высочайшему ея величества изволенію. Объявляю всѣмъ и каждому прилѣпившимся къ государственному злодѣю и бунтовщику, варвару и кровопійцу Емелькѣ Пугачеву и всѣмъ поползнувшимъ на его оболъщеніе, что уже наступаетъ время, въ которое никакая милость, никакая щедрота ея императорскаго величества царствующей надъ нами императрицы снисходить далѣе на беззаконный народъ не можетъ. Чего ради предваряю всѣхъ сообщниковъ изверга и злодѣя Пугачева, съ должнымъ увѣщаніемъ, да вникнетъ каждый прилѣпившійся и колеблющійся разсужденіемъ, коль важное, коль ужасное содѣлываетъ симъ беззаконіе предъ всемогущимъ Богомъ, дѣлавшись ослушникомъ Его святому закону; сколь великое и непростительное дѣлаетъ оскорбленіе помазанницѣ Божіей великой государынѣ, учинившись сообщникомъ измѣннику и бунтовщику, коль страшное и коль лютое симъ сообщничествомъ дѣлаетъ прегрѣшеніе предъ всѣми ближними, учиняя единовѣрцамъ, единой державы подданнымъ насиліе и убійство, разоряя ихъ дома, расхищая имѣнія.

«Пускай каждый помыслить въ совѣсти своей, яко истинный христіанинъ и вспоманетъ страшный судъ Божій, праведный гнѣвъ монархини и вопль вдовицъ и сиротъ, которыхъ мужъ или отецъ по хищности злодѣевъ убиты, имѣніе разграблено, дома опустошены, не вопіють-ли они на небеса: Боже, отмсти злодѣямъ и сопричастникамъ Твоего и человѣчества врага Емельки Пугачева кровь нашу!

«О, народъ россійскія православной державы, опамятуйся, помысли въ душѣ своей, какое страшное зло производится нынѣ! Воззри, какое происходитъ убійство и кровопролитіе посреди городовъ и селъ нашего возлюбленнаго отечества отъ внутреннихъ злодѣевъ. Отецъ, не внемля ни жалости, ни долгу крови, подымлетъ руки свои на убійство сына, и сынъ на отца; братъ брата безъ сожалѣнія поражаетъ, кровь течетъ рѣками, истина страждетъ и злость торжествуетъ.

«Боже всемогущій, доколѣ попустишь Ты сердца народа своего

на такое беззаконіе, доколѣ будутъ утопать души ихъ во мракѣ злобы и страшнаго грѣха!

«О, россияне! почувствуйте въ душѣ своей до чего вы дошли! Воспомяните прошедшее блаженство дней своихъ. Черезъ 12 лѣтъ благословеннаго царствованія великой государыни нашей, смущалась ли когда притѣсненіемъ хотя единая душа. Принявъ престолъ и скипетръ изъ рукъ самого всемогущаго Бога, окончила она войну, для блаженства своихъ подданныхъ; презирая покой свой, ежечасно пеклась о благосостояніи народа своего. Видя недостатокъ законовъ, положила въ сердцѣ своемъ для искорененія всякія неправды сдѣлать новое уложеніе, призвала избранныхъ отъ васъ на объясненія каждаго надобности. О, сколь свято намѣреніе сіе!

«Врагъ вѣры и закона возмущилъ и попреягствовалъ совершенію онаго. Султанъ турецкій объявилъ войну и держава Оттоманскія имперіи, которая казалась столь страшна для всего свѣта, великими предпріятіями премудрой нашей государыни побѣждена, храброе воинство разрушаетъ повсюду ополченіе турокъ и доводитъ ихъ до изнеможенія и Порта Оттоманская изъ милосердія проситъ мира, уступаетъ Россіи земли свои и даетъ еще за убытокъ деньги. Какое утѣшеніе монархини, какая слава для воинства Россійскаго, какое благословенное время для Россіи!

«Но все сіе опровергается внутреннимъ замѣшательствомъ. О, россияне! тѣмъ-ли вы платите великой государынѣ своей за все ея милости для народа, за все ея труды, за все безпокойство, которое она имѣетъ, пещась о славѣ и пользѣ вашей. Гдѣ дѣлась клятва и присяга ваша, чтобъ проливать кровь свою за право нашей великой монархини; вы забываете все ея щедроты, все одолженіе ея; нарушаете вѣру и присягу свою, дѣляетесь измѣнниками и нарушителями общаго блаженства, но для кого и отъ кого все сіе зло проистекаетъ? Бѣглый донской казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, *стеченный кнутомъ* (?), скитавшійся между злодѣевъ и разбойниковъ былъ пойманъ и содержанъ въ Казани, оттуда ушелъ и подговорилъ подобныхъ себѣ злодѣевъ изъ яицкихъ казаковъ бунтующей стороны, дерзостно принялъ на себя высокое званіе императора Петра Третьяго, котораго смерти и погребенію

весь престольный градъ былъ свидѣтелемъ. Родственники сего злодѣя Пугачева еще содержатся въ Казани; названный отъ его, злодѣя, графомъ, а на самомъ дѣлѣ главный его сообщникъ ящій казакъ Зарубинъ или Чика, теперь находится скованный въ Казани. Вотъ какой разбойникъ производитъ все сіе зло подъ именемъ покойнаго государя, обольщая невѣжество простолюдиновъ, разрушаетъ всю славу, прибрѣтенную высокими попеченіями.

«Опамятуйтеся, возгнушайтесь злодѣемъ и придите въ раскаяніе передъ Богомъ и передъ помазанницей Его великой государыней нашей. Или не видите вы, что сей врагъ славы, пользы и спокойствія Россіи, сей предатель самого Бога, сей измѣнникъ и бунтовщикъ монархинѣ и отечеству, вашу кровію проливаетъ кровь вѣрныхъ отечеству и презираетъ общую гибель. Или не видите вы, что онъ, ругаясь и разоряя храмы Божіи посреди оныхъ, когда ихъ грабитъ, обольщаетъ легкомысліе и сердца народа: онъ обѣщаетъ свободу отъ рекрутъ и податей. Трудно-ли обѣщать, когда оно не принадлежитъ ему; но и свобода сія не можетъ существовать въ самомъ дѣлѣ. Кто будетъ ограждать предѣлы нашего государства, когда не будетъ воинства? А воинство наполняется рекрутами. Чѣмъ будутъ содержать солдатъ, когда не будетъ подушнаго сбора? Гдѣ бы турки уже были теперь, когда бы въ Россіи не было воиновъ? Престолъ російскій давно бы уже былъ въ рукахъ оныхъ враговъ имени христіанскаго.

«Но кѣмъ онъ былъ защищаемъ?—высокими предпріятіями великой монархини, грудью храбрыхъ російскихъ солдатъ, искусствомъ ихъ предводителей: они воюя проливали свою кровь за вѣру и за отечество, а жители пребывали безопасны. Сіи жители, за которыхъ помирали воины, въ смятеніи и буйствѣ своемъ, не только не хотятъ давать дани для содержанія солдатъ защитителей своихъ, но и ополчаются противу ихъ, измѣняя отечеству.

«Врагъ общества и бунтовщикъ Пугачевъ прельщаетъ васъ мнимою вольностію, для того чтобы раздражить буйство, разграбить всѣхъ встрѣтившихся съ нимъ и послѣ съ симъ стяжаніемъ уйти и избавиться отъ должной по его злодѣйствамъ казни. Сей врагъ и злодѣй Пугачевъ велитъ истреблять помѣщиковъ, и народъ ему повинуется; влекутъ аки агнцевъ на закланіе несчаст-

ныхъ людей, и злодѣй, не зная ни челоуѣколюбія, ни жалости утѣшается звѣрской своей лютостью, проливая кровь челоуѣческую.

«О, ослѣпленный народъ! Доколѣ не возчувствуете вы лютость варвара Пугачева и ослѣпленія своего; когда можетъ еще проникнуть истина въ сердца ваши, тогда легко представите вы сами всю злость и беззаконіе свое. Самъ Богъ сказалъ: *«нѣтъ власть яже не отъ Бога»*, то какъ можетъ сей злодѣй испровергнуть Божию власть. Прилѣпившіеся къ сему злодѣю, такъ какъ онъ самъ, дѣлаются предателями, злодѣями, убійцами и предають душу свою дьяволу. Представьте себѣ, кто будетъ управлять градами и селами, ежели не будетъ начальниковъ; кто будетъ производить судъ, удерживать дерзость и неправду, защищать притѣсненнаго, если не будетъ законныхъ властей; кто будетъ предводительствовать воинствомъ, ежели не будетъ степени чиновъ.

«Вотъ ясное изобличеніе злонамѣреннаго обольщенія Емельки Пугачева: прельстясь на его слова дѣлаются вы измѣнниками и бунтовщиками. Опамятуйтесь! отрекитесь сего мерзкаго и гнуснаго злодѣя, отъ сего чудовища, рожденнаго на погибель челоуѣческую, прійдите съ покаяніемъ въ должное повиновеніе самому Богу, монархинѣ и установленнымъ отъ нихъ властямъ.

«Сіе послѣднее увѣщеваніе васъ призываетъ на путь истины. Покаяющіеся получаютъ пощаду, а отщетившіеся отъ правды и должности своей постраждутъ и примутъ наказаніе.

«Война окончена, воинство со всѣхъ сторонъ стекается, мечъ подымется на казнь преступниковъ. Но великая и милосердая монархиня, яко истинная мать народа своего, удерживаетъ мечъ и призываетъ народъ на покаяніе.

«О, россияне! Ужели вы не послушаете, яко чада Россіи, гласа толь милосердаго великой государыни; прійдите съ повиновеніемъ и всѣ воспріймите помилованіе. Правительствамъ приходящихъ съ повиновеніемъ приказано прощать и отпускать въ дома. Покайтесь; еще васъ призываютъ; не ищите далѣе гнѣва Божія и гнѣва государыни. Покайтесь! За симъ увѣщеваніемъ всѣ непокаяющіеся погибнутъ, громъ оружія грянетъ; вспомнятъ злодѣи свое согрѣшеніе и хотя раскаются, но будетъ поздно».

Со слезами слушали казаки это объявленіе и проклинали са-

мозванца. По словамъ Маврина, они сознавали теперь, что Пугачевъ погубилъ ихъ, отрекались отъ него и выражали желаніе не принимать къ себѣ тѣхъ сообщниковъ самозванца, которые еще находились въ его толпѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней болѣе ста человекъ добровольно явились къ Маврину съ повинною и въ числѣ ихъ былъ казакъ Яковъ Почиталинъ, отецъ перваго секретаря Пугачева. Потемкинъ приказалъ Маврину «не дѣлать имъ ни малѣйшаго оскорбленія», дабы тѣмъ еще болѣе убѣдить, что всѣ являющіеся съ повинною будутъ прощены. Вслѣдъ затѣмъ, имѣя въ виду, что яцкіе казаки жили преимущественно рыбными промыслами, а хлѣбъ покупали въ Самарѣ, путь къ которой былъ не безопасенъ отъ киргизовъ, П. Потемкинъ приказалъ выдать народу третью часть провіанта, находившагося въ яцкомъ продовольственномъ магазинѣ. Третью часть составляли тысяча четвертей муки, а между тѣмъ, доносилъ П. Потемкинъ ¹⁾, «сія щедрота тронетъ и самыя окаменѣлыя сердца. А какъ вопль вдовъ и сиротъ, оставшихся безъ пропитанія послѣ виновныхъ казаковъ, взываетъ о возрѣннн на жалостное ихъ состояніе, я вѣдая сколь неизреченно милосердіе вашего императорскаго величества, дерзаю всеподданнѣйше донести, не соизволите-ли повелѣть сдѣлать какое опредѣленіе о пропитаніи ихъ, доколѣ возстановится желаемая тишина».

Раздача муки имѣла весьма хорошія послѣдствія, и казаки были тронуты до слезъ вниманіемъ и щедротами императрицы. До капитанъ-поручика Маврина стали доходить слухи, что большинство яцкихъ казаковъ, находящихся въ толпѣ самозванца, тяготятся своимъ положеніемъ, раскаяваются, но не рѣшаются явиться съ повинною; что многіе, покинувъ толпу мятежниковъ, скрываются по хуторамъ и, опасаясь за свои поступки казни, не являются. Мавринъ старался убѣдить, что всѣ раскаявшіеся будутъ прощены и разореннымъ семействамъ будетъ выдаваемо вспомошествованіе. Кроткія мѣры Маврина и его попечительность объ осиротѣвшихъ семействахъ стали извѣстны далеко за предѣ-

¹⁾ Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 25 августа 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 489.

лами яицкаго войска и достигли до старцевъ, одинъ изъ которыхъ и совѣтовалъ казакамъ везти Пугачева прямо въ Яицкій-городокъ. Нѣкоторые, впрочемъ, не рѣшались ѣхать вмѣстѣ съ самозванцемъ, опасаясь жестокаго наказанія.

— Не лучше-ли, говорили они, послать въ городокъ удостовѣриться, подлинно-ли тамъ не жестоко поступаютъ съ тѣми, кто самъ является.

— Чего посылать удостовѣряться, отвѣчали другіе, будетъ-ли милость или нѣтъ, а надобно его везти.

Остановившись отдохнуть на р. Узени и видя, что Пугачевъ не желаетъ слѣзть съ лошади, Твороговъ просилъ Федулъева приказать нѣсколькимъ казакамъ сѣсть на лошадей и слѣдить за самозванцемъ. Двое изъ нихъ, Желѣзновъ и Астраханкинъ, исполнили приказаніе и все время оставались на лошадяхъ.

Въ это время Чумаковъ отправился въ станъ къ оставшимся казакамъ и объявилъ имъ, что Пугачевъ арестованъ.

— Мы государя арестовали, говорилъ Чумаковъ казаку Фофанову, и хотимъ везти въ Яицкій-городокъ, такъ ты къ нему не приставай.

— Куда другіе, туда и я, отвѣчалъ Фофановъ; куда команда пойдетъ, туда и я съ нею.

По возвращеніи Чумакова съ остальными казаками, вся толпа стала переправляться черезъ рѣку Узень ¹⁾. Переправившись на противоположный берегъ, Пугачевъ подозвалъ къ себѣ Ивана Творогова. Онъ просилъ отъѣхать съ нимъ въ сторону, говоря, что имѣетъ нужду переговорить наединѣ. Твороговъ согласился, и они отдѣлились отъ толпы.

— Иванъ! что вы дѣлаете, началъ Пугачевъ; вѣдь ты самъ знаешь Божіе писаніе: кто на Бога и Государя руки подыметъ, тому не будетъ прощенія ни здѣсь, ни въ будущемъ вѣкѣ. Ну, что вамъ за польза: меня потеряете и сами погибнете. Если я живъ не буду, то сынъ мой и наслѣдникъ Павелъ Петровичъ

¹⁾ Показанія Ивана Творогова, Кузьмы Фофанова, Чумакова, Пугачева и Василія Коновалова. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 505 и 512.

вамъ за меня отомститъ. Полно, подумайте хорошенько, не лучше-ли кинуть это дѣло.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, не говори, отвѣчалъ Твороговъ; что задумали и положили, то тому такъ и быть—отмѣнить нельзя.

Путники продолжали ѣхать молча; въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ ѣхали два сторожевыхъ казака: Желѣзновъ и Астраханкинъ. Пугачевъ оглянулся назадъ и видя, что казаки нѣсколько поотстали, ударилъ по лошади.

— Прощай, Иванъ, оставайся, сказалъ онъ торопливо, и повернувъ лошадь въ сторону отъ дороги, думалъ ускакать въ степь.

— Ушолъ! Ушолъ! кричалъ Твороговъ, и кинулся въ погоню.

«А какъ моя, говорилъ Твороговъ, рѣзвѣя его лошади была, то нагналъ я его очень скоро и только что хотѣлъ было схватить его за воротъ, но онъ имѣющеюся у него плетью ударилъ по рылу мою лошадь, которая, будучи чрезвычайно горяча, бросилась въ сторону, сажень на десять. Потомъ, направя ее опять за нимъ, я догналъ паки, но онъ то же съ моею лошадыю сдѣлалъ; однакожь я и въ третій разъ близко гнался за нимъ, а между тѣмъ помянутые два казака, скакавъ чистымъ мѣстомъ, взяли у злодѣя передъ; и такъ напоследокъ сталъ онъ между нами по срединѣ». Видя, что ускользнуть отъ преслѣдователей невозможно, Пугачевъ соскочилъ съ лошади съ намѣреніемъ скрыться въ камышахъ; казаки сдѣлали то же и бросились за нимъ. Настигнутый ими, самозванецъ ухватился за пашку Желѣзнова и вытащилъ уже ее до половины, но казакъ Астраханкинъ успѣлъ схватить его за руки. Прискакавшій казакъ Федульевъ помогъ задержать Пугачева и ему связали назадъ руки.

— Какъ вы смѣли, говорилъ Пугачевъ какъ бы съ сердцемъ, на императора своего руки поднять, за это воздастся вамъ.

— Нѣтъ, братъ, теперь больше не обманешь, отвѣчали казаки.

Пугачевъ заплакалъ и сталъ божиться, что не уйдетъ болѣе; онъ просилъ развязать ему руки. Казаки исполнили его просьбу, посадили на ту же лошадь и повезли далѣе. Они отправили нѣсколькихъ челоувѣкъ по фортостамъ съ извѣстіемъ, что самозванецъ арестованъ и послали съ тѣмъ же въ Яицкій-городокъ

трехъ казаковъ: Василя Жигалина, Ивана Калмыкова и Ивана Хохлова.

Переночевавъ на рѣчкѣ Балыклеѣ и отѣхавъ отъ нея верстѣ 15, казаки остановились покормить лошадей и расположились группами. Пугачевъ ходилъ среди толпы подъ надзоромъ казаковъ. Замѣтивъ оплошность малолѣтка Харьки, положившаго возлѣ себя пашку и пистолеть, самозванецъ схватилъ ихъ и обнаживъ саблю, съ крикомъ: «вяжите старшинъ», бросился на Творогова и Чумакова, сидѣвшихъ съ казаками Федульевымъ, Желѣзновымъ и Бурновымъ. Казаки вскочили на ноги.

— Кого велишь ты вязать? спрашивалъ Федульевъ, идя смѣло на встрѣчу Пугачеву.

— Тебя, отвѣчалъ самозванецъ съ брапью и направилъ противъ него пистолеть.

Курокъ былъ спущенъ, но кремень оскѣся.

— Атаманы, молодцы, крикнулъ Федульевъ, не выдавайте.

Казаки окружили Пугачева; онъ отмахивался саблею, но въ это время Бурновъ ударилъ его въ бокъ тупымъ концомъ копья; самозванецъ повернулся въ сторону удара, а Чумаковъ сзади схватилъ его за руки. Пугачевъ былъ обезоруженъ, связанъ и посаженъ на телѣгу, на которой ѣхали жена его Софья и сынъ Трофимъ, горько плакавшіе.

Казаки спрашивали злодѣя «самъ-ли онъ собою сіе сдѣлалъ, или другой кто присовѣтовалъ?» На что онъ сказалъ, что присовѣтывалъ ему казакъ Маденовъ, надѣясь, что многіе за него вступятся. Маденовъ былъ избитъ до полусмерти и брошенъ въ степи и «никто не знаетъ живъ онъ или умеръ».

На пятый день путники остановились между Кожераховскимъ и Бударинскимъ форпостами и отсюда отправили Творогова и Чумакова вторично съ извѣстіемъ, что казаки съ арестованнымъ самозванцемъ приближаются къ городу. На форпостахъ не вѣрили этому и не хотѣли давать посланнымъ лошадей. Съ большимъ затрудненіемъ Твороговъ и Чумаковъ добрались до Бударинскаго форпоста, вблизи котораго встрѣтили яицкаго сотника Харчова, высланнаго изъ Яицкаго-городка съ 50 человекъ казаковъ для развѣздовъ. Они объявили ему, «что ѣдутъ отъ своего государя,

т.-е. отъ извѣстнаго злодѣя самозванца Пугачева въ Яицкій-городокъ съ раскаяніемъ, да и злодѣйскій самозванецъ у нихъ пойманъ и ведется, *чтобъ его въ городъ встрѣтили съ честью и отвели бы квартиру*» (?) ¹⁾.

Обезоруживъ Творогова и Чумакова, сотникъ Харчовъ отобралъ у нихъ деньги и въ сопровожденіи казака Горбушина отправилъ въ Яицкій-городокъ, а самъ направился къ Бударинскому форпосту.

14 сентября Твороговъ и Чумаковъ явились къ старшинѣ Окутину и имъ были представлены капитану Маврину. Послѣдній принялъ ихъ ласково, разспросилъ о подробностяхъ ареста и затѣмъ оставилъ Творогова у себя, а Чумакова отправилъ съ командою на встрѣчу ²⁾.

Между тѣмъ Пугачевъ, оставленный на рукахъ Федульева, думалъ воспользоваться отъѣздомъ Творогова и Чумакова и обратился въ послѣдній разъ съ просьбою не выдавать его.

— Что вы выдумали себя и меня губить, говорилъ онъ; вѣдь васъ не пощадятъ. Если вы меня и выдадите, васъ все-таки всѣхъ перевѣшаютъ. Богъ вамъ воздастъ за то, что вы вздумали меня погубить.

— Что бы ни было, отвѣчали казаки, а повеземъ; что ни говори, а тебя не отпустимъ.

Переночевавши на Бударинскомъ форпостѣ, томъ самомъ, съ котораго началась открытая дѣятельность Пугачева, казаки повезли его далѣе и, отъѣхавъ версты три, встрѣтили при урочищѣ Коловратной лощинѣ сотника Харчова съ командою. Послѣдній обнадежилъ казаковъ прощеніемъ и обрадовавшіеся этому извѣстію сообщники самозванца, доѣхавъ до Кошъ Яицкаго форпоста, передали Пугачева въ руки сотника Харчова ³⁾. Мнимый государь

¹⁾ Рапортъ сотника Харчова полковнику Симонову 15 сентября. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, приложен. 4-е, стр. 66.

²⁾ Показанія Творогова, Василя Коновалова, Федора Чумакова, Ивана Федульева. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. д. №№ 505 и 512. Отношеніе полковника Симонова Бородину отъ 14 сентября. Госуд. Арх., VI, д. № 490. См. также «Матеріалы», изданные Я. Б. Гротомъ, прилож. къ 25 тому *Записокъ Академіи*. Въ запискахъ Рунича (*Русская Старина*, 1870 г., т. II, стр. 337—349) эпизодъ этотъ рассказанъ не совсѣмъ вѣрно.

³⁾ Показаніе казака Ивана Федульева. Гос. Арх., VI, д. № 505. Харчовъ былъ за это произведенъ въ полковника См. Моск. Арх. Главнаго Штаба Исходящій журналъ Г. А. Потемкина, открытый листъ войску Яицкому отъ 7 октября 1774 года.

былъ тотчасъ же «забить въ превеликую колодку». Вслѣдъ за тѣмъ прибыла команда изъ Яицкаго-городка и Харчовъ передалъ Пугачева сержанту 6-й легкой полевой команды Алексѣю Бардовскому, который подъ конвоемъ въ полночь съ 14 на 15 сентября доставилъ его въ Яицкій-городокъ ¹⁾ къ капитану Маврину.

— Что ты за человекъ? спросилъ его Мавринъ.

— Донской казакъ Емельянъ Ивановъ, сынъ Пугачевъ, отвѣчалъ спрошенный. Согрѣшилъ я, окаянный, передъ Богомъ и передъ ея императорскимъ величествомъ и заслужилъ всѣ тѣ муки, какія на меня возложены будутъ—снесу я ихъ за мое погрѣшеніе терпѣливо.

Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и Пугачевъ послѣ своей дѣятельности надѣялся на милосердіе императрицы, говоря, «что онъ слуга добрый и заслужить всячески въ состояніи ²⁾».

Капитанъ Мавринъ приказалъ заковать Пугачева въ ручныя и ножныя кандалы, а выдавшихъ его казаковъ отпустилъ на поруки. У самозванца было найдено 139 червонцевъ, 480 рублей серебромъ; медаль на погребеніе императора Петра III и турецкая серебряная монета.

Наканунъ доставленія Пугачева въ Яицкій-городокъ былъ привезенъ туда же и ближайшій пособникъ его, казакъ Аѳанасій Перфильевъ, съ 37 человекъ казаковъ, пойманный Рычковымъ на р. Деркулѣ, при Камышлацкихъ вершинахъ. Послѣ небольшой ружейной перестрѣлки казаки сдались ³⁾.

Переночевавши на острову, Перфильевъ и бывшіе съ нимъ казаки на слѣдующее утро переправились вплавь черезъ р. Волгу и

¹⁾ Репортъ полковника Симонова Суворову отъ 16 сентября. Гос. Арх., VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 74. Бардовскій произведенъ былъ за это въ прапорщики. См. предложеніе Г. А. Потемкина военной коллегіи 4 октября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опредѣленія военной коллегіи за октябрь 1774 г., листъ 46.

²⁾ Репорты капитана Маврина кн. Голицыну и П. Потемкину отъ 15 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. 4, стр. 68—73.

³⁾ Репортъ Симонова П. С. Потемкину отъ 14 сентября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

поѣхали отыскивать самозванца. Не зная въ какую сторону направился Пугачевъ, казаки не могли найти его, а между тѣмъ голодъ и лишенія приводили ихъ въ отчаяніе. Проскитавшись нѣсколько дней по степи, они рѣшились идти въ Яицкій-городокъ, но Перфильевъ уговаривалъ ихъ не дѣлать этого.

— Лучше теперь намъ самимъ зарыться въ землю, говорилъ онъ, нежели ѣхать въ городокъ на смерть. Безъ сомнѣнія, изъ насъ иныхъ казнятъ, а иныхъ раскасируютъ въ солдаты.

— Намъ теперь дѣваться некуда, отвѣчали казаки, лучше пойдемъ въ городокъ, а тамъ что Богъ дастъ.

Видя упорство товарищей, Перфильевъ поѣхалъ вмѣстѣ съ ними ¹⁾.

Такимъ образомъ, почти одновременно всѣ главнѣйшіе дѣятели мятежа были въ рукахъ правительства. Вѣсть о томъ, что Пугачевъ пойманъ, быстро распространилась по всему по-Волжью и произвела громадное впечатлѣніе. На другой день извѣстіе о происшествіяхъ въ Яицкомъ-городеѣ достигло и до Оренбурга.

«За увѣдомленіе твое о поимкѣ Пугачева благодарю тебя всепокорно, писалъ Александръ Лунинъ Саввѣ Маврину ²⁾. Первый твой курьеръ Окутинъ пріѣхалъ сюда 15-го числа въ 10 часовъ вечера; другой, сержантъ, 17-го числа пополудни въ пятомъ часу, и оба безъ наималѣйшаго задержанія отправлены далѣе. Сколь вѣсти сія были милы, какое произвели они восхищеніе во мнѣ и восторгъ всеобщій, я описать не могу. Первый пріѣхалъ въ то самое время, какъ у хозяина моего, который за сутки пріѣхалъ только прежде, было людей (гостей) премножество. Представъ же, какой пріятной тревогой ты ихъ бесѣду поколебалъ. Окутина поцѣловавъ, разбилъ себѣ губу въ кровь; пришедъ къ нимъ какъ изступившій изъ себя (изступленный), объявилъ съ крикомъ, подобнымъ бѣшеному, что извергъ пойманъ и я имѣю отъ тебя письмо. Каждый не зналъ, что дѣлать: цѣловаться-ли, прыгать-ли, или читать твое письмо. Наконецъ, все сіе сдѣлали и

¹⁾ Показаніе Перфильева 12 октября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 425.

²⁾ Отъ 18 сентября 1774 г. Письмо это доставлено мнѣ Я. К. Гротомъ.

письмо твое каждый читалъ и цѣловалъ. Потомъ, какъ сила перваго воспламененія миновалась, зачалъ дѣйствовать мучительный страхъ, чтобы благополучіе сіе еще не переѣнилось, ибо онъ въ твоихъ рукахъ еще не былъ, а былъ въ 50 верстахъ: ну, иногда легкомысленность, страхъ и отчаяніе въ помилованіи попустившихся на сіе добро не отвратили бы ихъ отъ онаго. Въ такомъ безпокойствіи были мы до самаго полученія твоего письма черезъ сержанта. Тутъ, съ самой оной минуты, по сіе время, душа моя, всѣ утоаемъ въ радости неизреченной. Поздравляю тебя, любезный братецъ, съ онымъ; важность онаго благополучія намъ съ тобою знакома. Прибавить къ оному можно еще и то, что трудъ нашъ, приложенный въ открытіи его исторіи, есть не тщетный и теперь изысканія наши, можно уже утвердительно сказать, что справедливы и достойны отнести намъ въ честь. Но все сіе ничего для радости: довольно того, что злодѣи въ оковахъ и что тѣмъ спасутся невинные отъ несноснаго его угнетенія. Боже, благослови, чтобы съ поимкою вездѣ и вдругъ исчезло то зло, которымъ столь много уязвлено любезное наше отечество и чтобъ на вѣки вѣковъ возсталла неразрушимая тишина и спокойствіе».

16-го сентября, почти одновременно, прибыли въ Яицкій-городокъ генералы Суворовъ и князь Голицынъ, желавшіе лично убѣдиться, что Пугачевъ пойманъ. Событіе это было на столько выдающимся, что каждый торопился извѣстить своихъ знакомыхъ или донести своему начальству, стараясь сдѣлать это прежде другихъ. Капитанъ-поручикъ С. Мавринъ и поручикъ Г. Р. Державинъ отправили курьеровъ къ П. С. Потемкину, а князь Голицынъ — главнокомандующему графу П. И. Панину. «Приношу вашему сіятельству, писалъ при этомъ князь П. М. Голицынъ ¹⁾, чистосердечное и покорнѣйшее мое поздравленіе со столь пріятнѣйшимъ происшествіемъ, возвращающимъ намъ прежнюю тишину и спокойствіе. А между тѣмъ, за счастье себѣ поставляю то, что какъ я первый имѣлъ удачу сначала усилившемуся извергу рода человѣческаго сломить рога сильнымъ его подъ Татищевою крѣ-

¹⁾ Въ рапортѣ графу П. И. Панину отъ 15 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 490.

постыю пораженіемъ, такъ и теперь первый имѣю честь возвѣстити вашему сіятельству о конечной его гибели».

Капитанъ Галаховъ также послалъ П. С. Рунича съ донесеніемъ къ графу П. И. Панину, и чтобы выиграть по службѣ, совѣтовалъ ему опередить курьера, посланнаго княземъ Голицынымъ, но Руничу сдѣлать это не удалось.

Теперь являлся спорный вопросъ, кому владѣть Пугачевымъ: главнокомандующему - ли графу П. И. Панину, или начальнику секретныхъ комиссій, генераль-маіору П. С. Потемкину. Послѣдній требовалъ, чтобъ Пугачевъ былъ немедленно доставленъ въ Казань. «Не выпускай изъ рукъ злодѣя, писалъ Потемкинъ капитану Маврину ¹⁾, а я уже постараюсь объ остальномъ, лишь только доставите его въ Казань».

«Рапортъ вашъ, писалъ онъ же капитану С. Маврину ²⁾, о поимкѣ злодѣя Пугачева я сейчасъ получилъ. Благоволите онаго злодѣя содержать со всею должною осторожностію, а по прибытіи князя Петра Михайловича Голицына, истребуйте отъ него надлежащей конвой для препровожденія сего злодѣя въ Казань, дабы доставленъ онъ былъ безопаснымъ образомъ. И хотя присланъ былъ отъ ея императорскаго величества капитанъ гвардіи Галаховъ для принятія злодѣя, но понеже поимка злодѣя вышла совсѣмъ другимъ образомъ, нежели какъ чаяли, то представлено всеподданнѣйше ея величеству отъ меня со испрошеніемъ на то высочайшаго указа, гдѣ употребилъ я смѣлость изобразить ваши труды.

«Препровождать же злодѣя при деташементѣ, учинивъ должное распоряженіе о содержаніи сообщниковъ злодѣйскихъ, *благоволите вы, яко имѣющій большое участіе въ поимкѣ его*» ³⁾.

Черезъ два дня Потемкинъ писалъ С. Маврину: «Пугачева со всею предосторожностію, наложивъ на него оковы на руки, на

¹⁾ Въ письмѣ отъ 19 сентября 1774 г.

²⁾ Въ собственноручномъ предписаніи отъ 19 сентября 1774 г.

³⁾ «Галаховъ прислалъ былъ для принятія злодѣя, писалъ Потемкинъ Маврину въ частномъ письмѣ, но ежели его привезутъ въ Казань, я удержу до повелѣнія ея величества на мое донесеніе, въ которомъ представилъ я, что сія честь принадлежитъ вамъ. Я столь чувствительно признателенъ, что въ васъ нашелъ споспѣшника».

ноги и сдѣлавъ клѣтку, посадите и такъ привезите въ Казань. Содержите гораздо строже злодѣя Пугачева и съ поруганіемъ, дабы бывшіе его сообщники, оное вида, казнились болѣе въ преступленіи своемъ» ¹⁾).

Графъ П. Панинъ также очень желалъ имѣть Пугачева въ своихъ рукахъ, и лишь только получилъ извѣстіе объ его поимкѣ, тотчасъ же приказалъ Суворову доставить его въ Симбирскъ. Какъ старшій начальникъ, Суворовъ взялъ Пугачева подъ свою охрану и исполнилъ приказаніе главнокомандующаго. «Съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ я, писалъ П. Потемкинъ капитану Маврину ²⁾, что Пугачевъ взятъ изъ рукъ вашихъ. Но такъ и быть, постарайтесь окончить допросы яицкихъ казаковъ».

Эта борьба за обладаніе Пугачевымъ послужила поводомъ къ недоразумѣніямъ, а впослѣдствіи и къ враждебнымъ отношеніямъ между начальникомъ секретныхъ комиссій и главнокомандующимъ.

XV.

Отъѣздъ графа П. И. Панина изъ Москвы на театръ дѣйствій.—Положеніе края, охваченнаго мятежомъ. — Объявленіе графа Панина. — Мѣры, принятыя имъ для усмиренія волненій. — Сортировка преступниковъ на разряды и наказаніе ихъ. — Пребываніе главнокомандующаго въ Шацкѣ, Керенсѣ, Нижнемъ-Ломовѣ и Пензѣ.

Выжидая разъясненія обстоятельствъ и прибытія войскъ, графъ П. И. Панинъ только 17 августа вѣтхалъ изъ первопрестольной столицы и, предшествуемый войсками, подвигался впередъ весьма медленно. Ему предстояло прежде всего истребить ближайшаго врага, въ лицѣ шаекъ, наводнившихъ Нижегородскую и Воронежскую губерніи, и только тогда уже направить свой ударъ противъ главныхъ скопищъ самозванца. Онъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакого вліянія на дѣйствія передовыхъ отрядовъ и руководилъ

¹⁾ Предписаніе П. Потемкина капитану Маврину отъ 22 сентября 1774 г.

²⁾ Письмо Потемкина С. Маврину отъ 25 сентября 1774 года (Изъ бумагъ С. И. Маврина, доставленныхъ мнѣ Я. К. Гротомъ).

только тѣми войсками, которыя за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были высланы изъ Москвы. Въ авангардѣ этихъ силъ шелъ отрядъ Древица, а позади его генералъ-маіоръ Чорба съ Великолуцкимъ пѣхотнымъ, Владимірскимъ драгунскимъ и донскимъ Краснощекова полками, при 8-ми орудіяхъ, не считая полковыхъ. Слѣдомъ за главнокомандующимъ, князь Волконскій отправилъ, 21 августа, пять ротъ Нарвскаго полка, 64 человекъ гусаръ и 2 орудія, и обѣщалъ отправить Ладожскій пѣхотный полкъ, какъ только онъ прибудетъ.

Въ Москвѣ оставались: Воронежскій пѣхотный, лейбъ-кирасирскій, два донскихъ полка и остальные роты Нарвскаго полка ¹⁾).

Сверхъ того изъ десяти пѣхотныхъ ротъ, находившихся въ Смоленскѣ и Бѣлоруссіи, императрица Екатерина приказала восемь ротъ отправить въ Вязму, гдѣ и поступить имъ подъ начальство графа П. Панина ²⁾). Послѣдній, все еще желая прикрывать Москву, поѣхалъ по рязанской дорогѣ на Шацкъ, а войска шли на Коломну, Рязань, село Ухолово и Шацкъ. Чѣмъ ближе подвигались они къ мѣстамъ, зараженнымъ бунтомъ, тѣмъ печальнѣе была обстановка, тѣмъ ужаснѣе казались безпорядки и всеобщее разореніе. Въ Коломнѣ графъ Панинъ узналъ о паденіи Саратова и поголовномъ почти возстаніи крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ. «Сіе пламя, писалъ онъ, прорывается уже по здѣшней сторонѣ Волги, не только въ одной Нижегородской, но въ Воронежской и Московской губерніяхъ; разнесшіяся отъ него искры въ черни, конечно, вездѣ куда только оныя достигнуть могли, совсѣмъ готовы воспламениться».

Болѣе всего огорчало главнокомандующаго то, что при «*похищеніи*» Саратова самозванцемъ оказалась измѣна не только казаковъ, но и отъ регулярныхъ войскъ, какъ гарнизонныхъ, такъ и плевой артиллерійской команды, «съ нѣкоторыми проклятыми ихъ офицерами». Графъ Панинъ выражалъ сожалѣніе, что регулярныя

¹⁾ Письмо князя М. Н. Волконскаго П. С. Потемкину отъ 22 августа 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

²⁾ Собственноручное письмо императрицы графу Панину 21 августа 1774 года. *Сборникъ историч. общества*, т. VI, 112.

войска обольщаются самозванцемъ и не различаютъ службы измѣнникамъ отъ службы противъ законныхъ враговъ ¹⁾).

Начальники городовъ и крѣпостей терялись и робѣли при одномъ слухѣ о возможномъ приближеніи мятежниковъ. Они разсылали повсюду гонцовъ, молили о помощи и, по словамъ Панина, желали, чтобы пѣхота по первому ихъ зову «за 400 версть послѣвала къ ихъ спасенію». Комендантъ Новохоперской крѣпости, бригадиръ Аршеневскій, растерялся при одномъ извѣстїи, что партїи мятежниковъ пробираются въ ближайшія къ Волгѣ донскія станции. Аршеневскій опасался не устоять противъ нападена казаковъ и крестьянъ, а на его бѣду донской полковникъ Себряковъ, высланный войскомъ донскимъ для охраненія своихъ границъ, оказался больнымъ и просилъ позволенія Аршеневскаго, въ случаѣ опасности, скрыться съ своимъ семействомъ въ Новохоперской крѣпости. Графъ Панинъ стыдилъ Аршеневскаго, говоря, что казаки не могутъ овладѣть и редутомъ, а у него крѣпость. «Воспомоу челоувѣку, говорилъ главнокомандующій, смерть съ обороною вѣрренаго ему поста есть одно только средство къ соблюденію своей чести и репутаціи, не только для одного себя, но и относительно для всѣхъ ихъ потомковъ».

Большинство начальниковъ въ то время не думали объ этомъ, и потому шайки мятежныхъ крестьянъ держали въ страхѣ города. Въ окрестностяхъ Пензы свирѣпствовалъ пугачевскій полковникъ Иванъ Ивановъ, крестьянинъ села Каменки; подъ Карсунемъ и вблизи Симбирска бродилъ крестьянинъ Фирсъ Ивановъ, успѣшно дравшійся съ правительственными войсками. Вышедшій на пораженіе этой толпы симбирскій комендантъ полковникъ Рычковъ былъ разбитъ, 26 августа, подъ Карсунемъ и самъ поплатился жизнью ²⁾. Другія меньшихъ размѣровъ шайки бродили по разнымъ направленіямъ въ Нижегородской и Воронежской губерніяхъ, грабили и разоряли дома помѣщиковъ.

¹⁾ Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 19 августа 1774 г. *Сборникъ Импер. русскаго историч. общества*, т. VI, стр. 114.

²⁾ По показанію каптенармуса Ивана Саврасова, при первомъ столкновеніи съ мятежниками всѣ офицеры ускакали назадъ, а остались только полковникъ Рычковъ и капитанъ Крыжнинъ, которые и были убиты (Государственный Архивъ, VI, д. № 467).

Дѣла въ Башкиріи были также не въ блестящемъ положеніи, и бездѣятельность генерала Деколонга крайне безпокоила главнокомандующаго. Онъ просилъ императрицу прислать въ его распоряженіе «надежнаго генераль-поручика», которому онъ могъ бы поручить командованіе войсками въ Башкиріи, и писалъ князю Голицыну, чтобы тотъ приказалъ генераль-маіору Фрейману не подчиняться Деколонгу, а исполнять только приказанія кн. Голицына, подѣ тяжкимъ въ противномъ случаѣ отвѣтомъ. Императрица не нашла возможнымъ исполнить просьбу главнокомандующаго, такъ какъ въ распоряженіе его уже былъ отправленъ генераль-поручикъ Суворовъ. Послѣдній явился къ графу Панину 24 августа, въ селѣ Ухоловѣ, и прискакалъ въ «одномъ только кафтанѣ, на открытой почтовой телѣгѣ». Въ тотъ же день и точно такимъ же образомъ Суворовъ, по просьбѣ главнокомандующаго, поскакалъ далѣе для принятія начальства надъ самыми передовыми отрядами ¹⁾.

Князь Голицынъ не былъ подчиненъ Суворову и ему приказано командовать войсками на лѣвомъ берегу Волги. Главнокомандующій писалъ ему, что онъ самъ можетъ понять, «сколь увеличился теперь камень на моемъ сердцѣ и какое стѣсненное движеніе въ душѣ моей производитъ ежеминутное ожиданіе» извѣстій.

Получавшіяся же ежедневно донесенія о буйствѣ крестьянъ, убійствѣ ими помѣщиковъ, дворянъ, бурмистровъ и о разграбленіи имѣній требовали энергическихъ мѣръ для восстановленія спокойствія, и графъ Панинъ рѣшился обратиться къ населенію съ слѣдующимъ объявленіемъ:

«Объявленіе ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, Екатерины Вторыя, императрицы и самодержицы всероссійскія, отъ генерала и кавалера графа Петра Панина, определеннаго и уполномоченнаго отъ ея императорскаго величества къ пресѣченію мятежа.

«Я, графъ Петръ Панинъ, всѣмъ жителямъ порученныхъ мнѣ губерній усердно желаю благоденственнаго и безмятежнаго житія,

¹⁾ Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 25 августа 1774 г. *Сборн. историч. общества*, т. VI, 117.

и по данному мнѣ отъ ея императорскаго величества полномочію, силѣ и власти, объявляю тѣмъ, до кого сіе принадлежать будетъ:

«Всякій истинный христіанинъ, всякій вѣрный рабъ всемило-стивѣйшей нашей государыни и всякій достойный сынъ отечества объемлется отвращеніемъ и ужасомъ, взирая на разореніе, опустошеніе и убивство, производимыя нынѣ лютымъ и богомерзкимъ злодѣемъ и извергомъ Емельяномъ Пугачевымъ и его отчасти простодушными, а отчасти злохитрыми и богопротивными сообщниками.

«Но дабы болѣе возгнушался всякъ варварскими ихъ дѣлами, представимъ себѣ, кто есть сей адскій челоувѣкъ, въ котораго безъ сумнѣнія вселился злой духъ, враждующій роду челоувѣческому, и рассмотримъ, какимъ невѣроятнымъ коварствомъ обольщаетъ онъ людей простодушныхъ.

«Онъ есть бѣжавшій изъ службы донской казакъ: знаютъ его всѣ донскіе казаки; многіе изъ храбраго войска нашего также его знаютъ, ибо онъ служилъ съ ними въ Польшѣ въ началѣ турецкой войны, нынѣ прекратившейся; женатъ онъ на Дону на казачьей дочери, которая и съ прижитыми съ нимъ дѣтьми, равно какъ и вся семья его, явились въ Казань къ покойному генералу Бибикову. Прежде нежели предалъ сей злодѣй совершенно душу свою дьяволу и сталъ бунтовщикомъ противъ Бога и своей монархии, уже всякой изъ казаковъ, товарищей его, зналъ названіе Емельки Пугачева презрительнымъ и позорнымъ, по гнусному и безбожному его поведенію.

«Вотъ кто нарушилъ тишину народную; вотъ кто лѣтъ рѣки христіанской крови; вотъ кто дерзаетъ ругаться надъ матерью нашею святою церковію и терзаетъ ее злодѣянїями, несносными слуху вѣрующихъ во Христа Спасителя. И все сіе подъ такимъ предлогомъ производитъ, котораго нелѣпость и невѣроятность всякому ощутительна, а именно: онъ принялъ на себя имя покойнаго императора Петра Третьяго, который, тому уже двѣнадцать лѣтъ, скончался и при собранїи цѣлаго города Санктпетербурга погребенъ всенародно въ Невскомъ монастырѣ. Кто не вѣритъ тому, что многія тысячи нынѣ живыхъ людей видѣли своими глазами, тотъ долженъ быть подобенъ бессловесному животному; а кто, тому вѣря, утверждаетъ однако первыхъ въ слѣпотѣ ихъ раз-

судка, тотъ есть врагъ истины, врагъ отечества, возмутитель и достойный сопреступникъ Емельки Пугачева.

«О благочестивые мои сограждане! доколѣ видѣть намъ храмы Божіи, гдѣ мы святое воспріями крещеніе, гдѣ тѣлеса предковъ нашихъ въ Бозѣ почиваютъ, — доколѣ сіи храмы видѣть намъ оскверняемыми и превращаемыми въ конюшни Емелькою Пугачевымъ и его нечестивыми сообщниками; священные сосуды, изъ коихъ приобщаются правовѣрные тѣла и крови Господа нашего, похищаемые злодѣями и употребляемые на безпутное и мерзостное ихъ пійнство; святыя иконы раскалаемыя на дрова для варенія пищи людямъ богомерзкимъ; священниковъ и церкви служителей умерщвляемыхъ лютою смертію? Доколѣ видѣть намъ смерть православныхъ, смерть ближнихъ нашихъ, поруганіе женъ и дѣвицъ и собственное бѣдствіе отъ руки злодѣйской? доколѣ видѣть намъ дома наши разоряемые? Словомъ, доколѣ влечить жизнь бѣдственную, мятежную и позорную, и быти жертвою такого изверга, каковъ есть Емелька Пугачевъ и его злодѣйскіе сообщники?

«Но уже насталъ конецъ долготерпѣнію Всевышняго: святая десница Его подѣмлется на казнь ей противостоявшихъ: уже мечъ правосудія помазанницы его великія Екатерины, матери отечества, обнаженъ на преступниковъ, и по заключеніи нынѣ славнаго и полезнаго съ турками мира, обѣ арміи входятъ спѣшно въ предѣлы отечества, и стекаются со всѣхъ сторонъ на погубленіе бунтовщиковъ, и я, предводитель христоименитыхъ ея воиновъ, во имя Господа Отмстителя невинной крови, стремлюсь на истребленіе злочестивцевъ, мятежниковъ и богопротивниковъ.

«При всемъ же томъ, внимая челоуѣколюбію всемилостивѣйшей нашей государыни, и прежде нежели силою ввѣреннаго мнѣ войска истребится память злодѣевъ отъ лица земли, увѣщеваю здѣсь въ послѣдній разъ совратившихся отъ пути истиннаго. Раскайтесь, преступники, сопричтите паки числу православныхъ, внидите въ повиновеніе Господу, монархинѣ и властямъ, отъ нихъ поставленнымъ; безпримѣрное милосердіе всемилостивѣйшей матери отечества отверзаетъ вамъ сіи многіе пути ко спасенію:

«1-е) Находящіеся при немъ, злодѣѣ Пугачевѣ, оставя его, да возвращаются съ раскаяніемъ къ губернаторамъ и воеводамъ про-

винціальныхъ и уѣздныхъ городовъ, откуда они, получа письменные виды о своемъ прощеніи, могутъ идти въ свои жилища.

«2-е) Если кому Богъ поможетъ, изловя самого злодѣя Пугачева, привести къ ближнему воинскому или городскому начальнику живаго, тому дается отъ меня въ награжденіе 10,000 рублей; и если онъ не въ подушномъ окладѣ, то получитъ при томъ отъ ея императорскаго величества и знатныя отличности и выгоды, какъ себѣ, такъ и всему своему роду, а если находится въ подушномъ окладѣ, то какъ онъ самъ, такъ и потомки его въ роды родовъ свободны будутъ отъ всякихъ государственныхъ податей, поборовъ и рекрутскаго набору. Если же кто можетъ привезти хотя мертвое тѣло самого злодѣя Пугачева, тотъ получить денежное награжденіе 5,000 рублей..

«3-е) Кто приведетъ живаго, или привезетъ мертваго одного, а еще и паче многихъ изъ его измѣнническихъ старшинъ, или и рядовыхъ бунтовщиковъ, тому также выдано будетъ денежное награжденіе.

«4-е) Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мятежники, забывъ Слово Божіе въ святомъ Евангеліи изреченное: «нѣсть власти, яже не отъ Бога», подговоря крестьянъ и прочихъ людей къ возмущенію противъ помѣщиковъ, приказчиковъ и старостъ, содержать сихъ въ оковахъ, или уже и отвезли въ злодѣйскія толпы,—если кто зачинщиковъ такого возмущенія переловитъ и представитъ къ военнымъ или городскимъ ближнимъ начальникамъ, тотъ, хотя бы самъ былъ прежде участникомъ въ мятежѣ, за сію услугу будетъ не только прощенъ, но и получить денежное награжденіе.

«5-е) Убѣгающимъ отъ него, злодѣя, къ помянутымъ командирамъ съ извѣстіями о его силѣ и о намѣреніяхъ дано будетъ немалое также награжденіе, смотря по важности услуги.

«6-е) При такомъ своемъ побѣгѣ подговорившіе съ собою многихъ изъ его толпы сугубо награждены будутъ.

«7-е) Холопы и крестьяне, которые сдѣлались ослушны противъ господъ своихъ, и которые хотя и держатъ ихъ донныѣ у себя подъ карауломъ злодѣйскимъ, ежели свободятъ ихъ и придутъ къ ближнимъ командирамъ воинскимъ или гражданскимъ съ повинною, получаютъ прощеніе.

«8-е) Кто таковыхъ убійць, или держателей у себя подъ карауломъ своихъ помѣщиковъ и другихъ всякихъ своихъ начальниковъ, освободя прежде сихъ несчастныхъ изъ ихъ рукъ, приведетъ къ тѣмъ же командирамъ,—то потому-жъ награждены и за вѣрныхъ дѣтей отечества признаны будутъ.

«Если же кто и за симъ, самымъ послѣднимъ моимъ увѣщаніемъ, останется при немъ, злодѣѣ Пугачевѣ, и ему, въ чемъ бы то ни было, будетъ помогать, или же въ селахъ и жилищахъ своихъ продолжать станеть безпорядки и мятежи противъ помѣщиковъ,—то уже таковой врагъ Богу, церкви и государству никакимъ образомъ отъ лютейшей по законамъ смертной казни не избѣгнетъ.

«Создатель всего міра Господь, видяи сердце мое, да будетъ посредникомъ между мною и внимающими сему послѣднему увѣщанію въ томъ, что я, по данной мнѣ отъ монархини моей полной мочи, власти, силъ и увѣренности, все объявляемое мною въ народное извѣстіе непреложно, ненарушимо и свято сохранию и исполню, то-есть: пощада, помилованіе и награжденіе послѣдуютъ съ отстающими отъ злодѣя, и я первый буду ходатаемъ у монаршаго престола о возвращеніи имъ прежней императорской милости, яко и ко всѣмъ ея вѣрнымъ подданнымъ; но напротивъ того, неизбѣжная и лютая казнь не минетъ никоемъ образомъ каменныхъ ослушниковъ сего увѣщанія.

«Отъ архипастырей и всѣхъ духовныхъ властей испрашиваю, чтобъ повелѣли они священникамъ во всѣхъ епархіяхъ своихъ сіе увѣщаніе мое читать въ церквахъ по окончаніи божественныя литургіи; а всякимъ воинскимъ и гражданскимъ командирамъ, какого бы званія и въ какихъ мѣстахъ ни были, предписую, по данной мнѣ отъ ея императорскаго величества власти, сіе мое объявленіе вездѣ по приличнымъ мѣстамъ прибить на прочтеніе и услышаніе ^{послѣднихъ} всѣхъ и каждаго».

Населеніе мало или вовсе не обращало вниманія на увѣщаніе, и до графа Панина дошли слухи, что народъ говоритъ, будто онъ, какъ братъ воспитателя наслѣдника цесаревича Павла Петровича, ѣдетъ встрѣчать Пугачева съ хлѣбомъ-солью.

«Такой духъ бунтовщичей касательности, доносилъ онъ ¹⁾, до непорочной души непреткновенной никогда въ совершенной вѣрности къ вашему императорскому величеству и владычующимъ мною государямъ, принудилъ встрепетать всѣ жилы во мнѣ, на изъявленіе тотчасъ въ здѣшнемъ краю жестокихъ казней».

Желая показать съ какимъ хлѣбомъ и солью ѣдетъ онъ къ Пугачеву, главнокомандующій объявилъ, что по государственнымъ законамъ онъ приказалъ въ городахъ и селахъ, всѣхъ измѣнниковъ, убійць и предводителей шаекъ, «изготовя напередъ по христіанскому закону, казнить смертію отрубленіемъ сперва руки и ноги, а потомъ головы, и тѣла класть на колоды у проѣзжихъ дорогъ» ²⁾.

Всѣмъ начальникамъ отрядовъ приказано было, придя въ селеніе, принимавшее участіе въ возстаніи, требовать выдачи зачинщиковъ, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, повѣсить третьяго изъ жителей по жеребью. — Если бы жители и при этихъ условіяхъ отказались указать на предводителя, то сотога по жеребью казнить, а всѣхъ остальныхъ, принимавшихъ участіе въ убійствѣ своихъ господъ, пересѣчь плетью подѣ висѣлицами наижесточайшимъ образомъ. Въ каждомъ такомъ селеніи поставить висѣлицу, колесо и глаголь для вѣшанія за ребро, объявляя при этомъ, что если впредь кто въ томъ селеніи дерзнетъ бунтовать, или не только признавать, но и произносить самозванца именемъ покойнаго императора Петра III, или, наконецъ, кто не задержитъ и не представитъ начальству такихъ произносителей, «то таковыхъ селеній всѣ безъ изъятія возрастныя мужики, холопы барскіе и всякаго званія люди будутъ присланными отъ меня командами безошадно переказнены мучительнѣйшими смертями, а жены и дѣти ихъ отосланы въ тягчайшія работы» ³⁾.

Разграбленное и расхищенное имущество, какъ казенное, такъ

¹⁾ Императрицѣ отъ 25 августа 1774 г. Сборникъ Император. *Служаго истор. общества*, т. VI, стр. 116. Донесеніе это ошибочно напечатано отъ 5 августа.

²⁾ Циркуляръ графа Панина отъ 25 августа 1774 г. *Сочин. Державина*, изданіе Я. К. Грота, т. V, стр. 288.

³⁾ Ордеръ графа П. Панина князю Голицыну отъ 24 августа 1774 г. *Госуд. Арх.*, VI, д. № 490.

и частное, должно быть немедленно возвращено съ тѣмъ, что если у кого оно найдено будетъ въ послѣдствіи, тотъ будетъ повѣшенъ.

Объявляя населенію о такомъ распоряженіи главнокомандующаго, начальники отрядовъ должны были заставлять населеніе цѣловать крестъ и евангеліе въ залогъ того, что оно останется въ «ненарушимой вѣрности» императрицѣ и требовать, чтобы поставленные въ селеніи орудія казни, впредь до указа, «отнюдь никѣмъ истреблены не были».

«Если бы, паче чаянія, присовокуплялъ графъ Панинъ, чего до сихъ поръ еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтобъ нашлись заслужившіе, по вышеписанному предложенію, наказаніе смертной казни или тѣлесныя наказанія, дворяне или имѣющіе офицерскіе и выше чины, также и духовнаго рукоположенія, таковыхъ по изобличеніи содержать прикованными къ стѣнамъ на хлѣбъ и водѣ и о дѣйствительномъ ихъ наказаніи представлять черезъ нарочнаго».

Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій писалъ Суворову ¹⁾:

«Дворянскихъ несчастныхъ дѣвицъ и женщинъ, кои отъ злодѣя отбиты, воспособствуйте ваше превосходительство сколь возможно облегчительнѣйшимъ образомъ и со снабденіемъ къ непретерпѣнію бѣдности въ дорогѣ пристойно возвратитъ по тѣмъ мѣстамъ, откуда онѣ похищены.—Ежели же у которыхъ всѣ ихъ фамиліи истреблены, то оныхъ (прислать) въ Пензу къ моему дальнѣйшему о нихъ попеченію. Употребленные на вспоможеніе имъ безъ довольнаго излишества деньги увѣренъ я всеконечно, что наша милосердая и великодушная монархія всемилостивѣйше принять прикажетъ на счетъ экстраординарной здѣшней суммы, на которой оныя и извольте хотя займомъ гдѣ употребить, а меня лишь для возвращенія увѣдомить.

«Послѣднее и самоконечно заботливѣйшее по моему соображенію вапему превосходительству предстоитъ теперь распоряженіе о шести тысячахъ, а можетъ быть теперь уже и болѣе или менѣе полученныхъ въ плѣнъ злодѣйствующихъ нашихъ единоплеменниковъ.—

¹⁾ Въ ордерѣ отъ « » сентября. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

Всѣ они, конечно, сущіе измѣнники, что не только въ жилахъ (т. е. въ домахъ), но вышли столь уже далеко съ нимъ на самую степь, разграбивъ по всей своей дорогѣ собственное отечество, съ безчеловѣчными убійствами, слѣдовательно всѣ они по государственнымъ законамъ справедливо и достойны смерти. — Но какъ оное можетъ быть сообразно съ человѣколюбіемъ и нѣжностію сердца нашей августѣйшей государыни? и какимъ же образомъ толикое число людей задлить подъ карауломъ отъ столь малаго числа теперь состоящаго въ краю вашемъ войска? Какъ прокормить ихъ, не оголодавъ войско? Какъ разослать по домамъ съ конвоями при недостаткѣ оныхъ? безъ конвоевъ, чтобъ идущи дорогою не стали они производить по прежнему шаекъ, подъ именемъ самозванца, или обыкновенныхъ только разбоевъ и грабительствъ, подъ прикрытіемъ недостатка на проходѣ довольнаго хлѣба, ни одежды отъ наступившаго холода? Какъ кого изъ нихъ за такое ужасное злодѣяніе отпустить безъ наказанія и какъ же 6,000 единовременно поспѣшно, чтобъ войска ваши не задержались отъ другихъ употребленій наказать и кѣмъ?

«При всѣхъ тѣхъ затрудненіяхъ не избралъ я удобнѣйшаго и справедливаго средства какъ сего: всѣми разными устрашеніями извольте принудить сихъ плѣнныхъ объявить между собою: 1) всѣхъ таковыхъ, которые съ самаго начатія самозванца были при немъ; 2) тѣхъ, которые наперстниками у него состояли; 3) которые имѣли какіе начальственные чины и должности, а не рядовыми только были; 4) кто между ими предавшіеся изъ военно-служителей и другихъ чиновниковъ ея величества службы; 5) кто изъ дворянъ; 6) кто изъ бѣглыхъ дворовыхъ господскихъ людей, и 7) кто, наконецъ, изъ пахарей.

«Пять выше приведенныхъ сортовъ извольте собственно собою распросить не-офицеровъ и дворянъ подъ тѣлеснымъ истязаніемъ, а оныхъ (офицеровъ и дворянъ) всякими ужаснѣйшими угроженіями и убѣжденіями».

Предоставляя Суворову всѣхъ пугачевскихъ чиновниковъ казнить смертію по своему усмотрѣнію, Панинъ ограничивалъ число ихъ 50-ю, а если ихъ будетъ болѣе, говорилъ онъ, «то тѣхъ изъ нихъ, кто ближе къ самому злодѣю по своему званію или

долѣ въ своихъ злодѣяніяхъ былъ, а остальныхъ вмѣстѣ въ нижеписанный жеребій».

«Военно-служащихъ и дворянъ оставить подъ карауломъ и допросы представить; священниковъ—лишить сана, а всѣхъ остальныхъ съ жеребья повѣсить съ 300 человекъ по одному».

«Затѣмъ оставшихъ всѣхъ безъ изыятія пересѣчь жестоко плетми, и у пахарей, негодныхъ въ военную службу, на всегдашнюю память злодѣйскаго ихъ преступленія, урѣзать по нѣскольку у одного уха; потомъ всѣхъ пахарей, наказанныхъ на тѣлѣ, утвердить цѣлованіемъ креста и евангелія въ возвращеніи себя въ должную вѣрность и безмолвное повиновеніе законной своей государыни и въ послушаніи учрежденнымъ отъ е. в. начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, распуская оныхъ съ паспортами уѣздовъ ихъ въ канцеляріи, прописывая, чтобъ они ихъ по домамъ разослали; а отправлять партіями на канатахъ гораздо небольшими, снабжая оныя на проходъ до недалежныхъ мѣстъ въ натурѣ хлѣбомъ, а до дальнихъ мѣстъ деньгами, съ письменнымъ требованіемъ отъ уѣздныхъ канцелярій, чтобы деньги съ ихъ жилищъ въ казну возвращены были. При тѣхъ партіяхъ отправлять по самому малому числу въ конвой казаковъ, съ повелѣніемъ при преступникахъ самихъ, если они хотя малое беззаконіе возобновлять стануть, то-бъ, какъ недостойныхъ уже совсѣмъ жить, кололи».

Холоповъ барскихъ и дворовыхъ людей, наказать какъ и пахарей, но «яко не привязанныхъ землею къ собственнымъ домамъ», разослать по крѣпостямъ, для каторжныхъ работъ, съ зачетомъ ихъ въ рекруты; но если помѣщики пожелаютъ ихъ возвратить къ себѣ, то должны прислать для ихъ приѣма.

«Опредѣленнымъ къ смертной казни оную произвести, изготовя напередъ по должности закона, при Царицынѣ, и проклятыя ихъ тѣла положить по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ; а тѣмъ изъ нихъ, которымъ можно по близости, безъ дальняго отягощенія командъ, то учинить оное по дорогамъ въ ихъ уѣздахъ».....

Всѣ эти распоряженія значительно превышали власть, представленную графу Панину, и онъ заранѣе просилъ прощенія импе-

ратрицы, «пріемля съ радостію пролітіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и на чадъ моихъ» ¹⁾).

«Хотя чувствія сердца моего, отвѣчала на это Екатерина ²⁾, весьма отдалены не только отъ употребленія суровыхъ казней, но и самой строгости, однако, признаюсь вамъ, что въ теперешнемъ случаѣ казнь нужна, по несчастію, для блага Имперіи; а только единственно предписываю вамъ вездѣ, колико можно, сходственно всегдашнему моему челоѡколюбію и милосердію поступать съ самыми злодѣями при самой казни и имѣть всегда въ памяти вашей, что я при семь случаѣ, не иначе какъ мать обливающаяся слезами, при нужномъ наказаніи дѣтей своихъ непо-
слушныхъ».

Послѣднихъ было громадное число; они бродили шайками по разнымъ направленіямъ, грабили и разоряли край, неистовствуя надъ помѣщиками и дворянами. Графъ Панинъ принужденъ былъ прежде всего уничтожить эти шайки, чтобы не допустить въ тылу своемъ развитіе мятежа, а затѣмъ уже думать о дѣйствіяхъ противъ главныхъ скопищъ самозванца. Такимъ образомъ, удаленный на огромное разстояніе отъ передовыхъ отрядовъ и разобщенный съ ними возставшимъ населеніемъ, главнокомандующій не могъ имѣть никакого вліянія на дѣйствія войскъ,—а тѣмъ болѣе не могъ управлять ими. Получая донесенія какъ частный челоѡкъ, о фактахъ уже совершившихся, графъ Панинъ былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи.

Въ Шацкѣ онъ получилъ донесеніе полковника Михельсона о неудачномъ сраженіи на р. Пролейкѣ и считалъ положеніе свое «въ самомъ высшемъ еризисѣ» и «въ самомъ предосудительномъ для насъ состояніи».

«Ежели не сдѣлается вскорѣ тому лучшей перемѣны, писалъ онъ Д. И. фонъ-Визину ³⁾, то я не могу желать никому, изъ усердныхъ ко мнѣ, вступать въ теперешнему моему дѣлу.

¹⁾ Всеподдан. донесеніе гр. Панина отъ 25 августа 1774 года. *Сборникъ Импер. русскаго историческ. общества*, т. VI, стр. 117.

²⁾ Въ рескриптѣ графу Панину отъ 2 сентября. Тамъ же, 120.

³⁾ Въ письмѣ отъ 29 августа 1874 года. *Русская Старина 1773 года*, т. VIII, стр. 909.

«Надобно больше всего одной Высшей Десницѣ вывести меня изъ онаго съ тою честью, чтобъ я нашелся въ состояніи обнадѣжить себя, что могу уже съ вѣрностью управлять моими распоряженіями, и что слѣдствія ихъ должны зависѣть только отъ моихъ предусмотрѣній или отъ ошибокъ, которыя теперь еще, по своему существу, въ единой Божеской, а не человѣческой зависимости. Самыхъ бездѣлицъ недостаетъ: людей, денегъ, пропитанія и извѣстности еще—откуда, что и въ какихъ мѣстахъ заготовлять въ срединѣ огня воспламеняющагося и въ срединѣ предательствъ и не въ ожидаемыхъ мѣстахъ. Моя рѣшимость теперь еще, дорогой пріятель, въ томъ только, чтобы умереть съ честью».

Такое мрачное настроеніе гр. Панина нѣсколько измѣнилось, когда онъ получилъ второе донесеніе Михельсона объ отбитіи самозванца отъ Царицына. Объявивъ объ этомъ, главнокомандующій приказалъ съечь публично подъ висѣлицею манифесты Пугачева, присланные Михельсономъ, и самъ отправился въ г. Керенскъ. Тамъ онъ принужденъ былъ остаться на нѣсколько дней, такъ какъ, по его словамъ, вся окрестность верстахъ въ пятистахъ «была приведена всею почти безъ изыятія чернію въ наивеличайшее возмущеніе» ¹⁾.

Керенскъ оказался центромъ возмущившагося населенія и вокругъ него бродили значительныя шайки мятежниковъ. Главнокомандующій разслалъ по разнымъ направленіямъ отряды и приказалъ имъ преслѣдовать инсургентовъ. 30 августа капитанъ Гезилевскій съ небольшимъ отрядомъ изъ авангарда Древица разбилъ толпу болѣе 500 человѣкъ, бывшую подъ начальствомъ, пріобрѣвшаго себѣ громкую извѣстность въ краѣ, пугачевского полковника Ивана Иванова. Самъ предводитель былъ убитъ, болѣе ста человѣкъ пали на мѣстѣ сраженія, 13 пушекъ и 17 человѣкъ плѣнныхъ остались въ рукахъ побѣдителей. Вслѣдъ затѣмъ капитанъ Лушинъ, послѣ четырехъ-часоваго боя, выгналъ мятежниковъ изъ Наровчата; подполковникъ Архаровъ очистилъ отъ мя-

¹⁾ Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 2 сентября 1774 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историческ. общества*, т. VI, стр. 130.

тежниковъ Краснослободскъ и Троицкъ, а полковникъ Древищъ и подполковникъ Бедряга разогнали настигнутыя ими двѣ партіи ¹⁾).

«Всѣ оныя бунтовщичьи шайки составляются каждая въ нѣсколько тысячъ человекъ и предводятся подъ именемъ самозванца». Разбитіе и разсѣяніе ихъ не было еще залогомъ для успокоенія края и графъ Панинъ находилъ, что крутыя мѣры необходимы. «Принужденъ открыться, писалъ онъ, что содрагается сердце и всякое человѣчество слыша и видя, какое ужасное злодѣи дѣлали разореніе и убійство почти всѣмъ безъ изыятія здѣшней окрестности дворянскимъ домамъ, и какой общій во всей здѣшней черни бунтовщичій духъ поселенъ, который никакъ нельзя инымъ пресѣчь, какъ страхомъ жестокой казни и безъ оной мнѣ обойтись совсѣмъ невозможно».

Получивши это донесеніе, императрица на этотъ разъ согласилась съ мнѣніемъ главнокомандующаго и 16 сентября князь А. Вяземскій объявилъ Сенату высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ распоряженія, сдѣланныя графомъ Панинымъ, относительно усмиренія бунтующей черни, были оставлены въ полной силѣ впредь до указа и чтобы Сенатъ поручилъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ при опредѣленіи наказаній за всякія преступленія поступать «по точной силѣ вышеупомянутыхъ учрежденій графа Петра Ивановича Панина» ²⁾.

Въ Керенскѣ главнокомандующій получилъ донесеніе полковника Михельсона о разбитіи имъ мятежниковъ у Сальникова завода, причемъ онъ выражалъ надежду захватить скоро самого Пугачева живымъ или мертвымъ. Это извѣстіе очень ободрило главнокомандующаго и, доносилъ онъ, «особливо подгрѣпляетъ меня упованіе на счастье вашего императорскаго величества и на Десницу Вышнюю, благословляющую всегда всѣ дѣянія ваши» ³⁾.

Вслѣдъ затѣмъ пришло донесеніе, что Пугачевъ переправился черезъ Волгу и бросился въ степь. Не зная близко характера

¹⁾ Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 2 сентября 1774 г. *Сборникъ Императорск. русскаго историческ. общества*, т. VI, стр. 132.

²⁾ Записка князя Вяземскаго Сенату отъ 16 сентября 1774 г. Архивъ Сената, Именные указы 1774 г., книга № 136.

³⁾ Всеподадѣ донесеніе графа Панина отъ 2 сентября 1774 г. *Сборникъ Императ. русскаго историческ. общества*, т. VI, 130.

театра дѣйствій, графъ Панинъ прежде очень опасался этого, ибо полагалъ, что войскамъ преслѣдовать самозванца по степи было почти невозможно за недостаткомъ продовольствія. Но теперь, когда Михельсонъ разъяснилъ ему, что Пугачевъ бѣжалъ съ самымъ небольшимъ числомъ сообщниковъ и что онъ самъ долженъ испытывать лишенія во всемъ необходимомъ, тогда графъ Панинъ измѣнилъ свое мнѣніе и былъ очень радъ, что самозванецъ пошелъ по этому, а не по другому направленію. «Изгнаніемъ его совсѣмъ изъ имперіи вашей на степь, доносилъ главнокомандующій императрицѣ ¹⁾, и низложеніемъ всей его укрѣпившейся было уже силы, освободилось государство отъ опасности главнѣйшихъ своихъ поврежденій и доставило мнѣ способы и время удобнѣе раздѣлять свои команды», какъ на истребленіе шаекъ, коснувшихся уже донскихъ селеній, такъ и на принятіе мѣръ къ недопущенію Пугачева повернуть обратно въ мѣста населенныя. Все вниманіе графа Панина сосредоточилось теперь на скорѣйшемъ возстановленіи тишины и покоя, и онъ надѣялся достигнуть этого строгимъ наказаніемъ виновныхъ и награжденіемъ оставшихся вѣрными правительству. Главнѣйшихъ виновниковъ и предводителей шаекъ, нападавшихъ на Керенскъ, главнокомандующій казнилъ; остальныхъ захваченныхъ въ плѣнъ онъ привелъ къ присягѣ въ церкви «со всенароднымъ молебствіемъ» о здравіи императрицы. Всѣхъ же отличившихся при оборонѣ Керенска онъ произвелъ въ слѣдующіе чины, а плѣннымъ туркамъ приказалъ выдать въ награду по рублю ²⁾.

Императрица утвердила всѣ эти награды, произвела всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ въ слѣдующіе чины, приказала плѣн-

¹⁾ Отъ 6 сентября 1774 года. *Сборникъ историч. общ.*, т. VI, стр. 132.

²⁾ «На сіе поступить, доносилъ онъ, принялъ я смѣлость тѣмъ особливо, что никто изъ произведенныхъ не поступилъ выше премьеръ-маіора, а все ниже, и они какъ всѣ отставные и штатной только команды, то и не могли никому своимъ повышеніемъ нанести обиды изъ состоящихъ въ настоящей военной службѣ, а выдача денегъ не простиралась болѣе какъ девяносто рублей и что къ оному не имѣлъ я ничего въ своемъ побужденіи, кромѣ единственной истинной моей вѣрности къ вашему императорскому величеству и усердія, какъ лучшимъ образомъ привлечь вѣрность сердецъ къ своей законной монархій и какъ возбудить соревнованіе, на оборону и защищеніе городовъ, а омерзене на малодушіе и робость».

нымъ туркамъ сверхъ рубля выдать по кармазинному кафтану, а керенскимъ дворянамъ и всѣмъ горожанамъ выразила особымъ манифестомъ «свое благоволеніе, милость и похвалу» ¹⁾).

Задержанный на нѣсколько дней въ Керенскѣ, графъ Панинъ только 10 сентября прибылъ въ Нижній-Ломовъ и остановился въ монастырѣ Казанскія Богоматери. Едва только вступилъ онъ въ монастырь, какъ архимандритъ Исаакій палъ передъ главнокомандующимъ на колѣни и снявъ панатію и камилавку, подалъ ихъ графу Панину. Раскаяваясь въ своемъ преступленіи, онъ добровольно лишалъ себя сана и просилъ помилованія отъ дальнѣйшаго наказанія. Главнокомандующій приказалъ ему донести подробно о дѣйствіяхъ мятежниковъ ²⁾ и именемъ императрицы объявилъ имъ помилованіе, но только отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія, а относительно лишенія священства представилъ св. Синоду. Въ то же время онъ приказалъ читать во всѣхъ церквахъ только что полученные объявленія Синода отъ 20 августа, обращенныя къ населенію и духовенству ³⁾).

«Принужденъ къ сожалѣнію признаться, доносилъ графъ Панинъ императрицѣ ⁴⁾, что во всей здѣшной сторонѣ, гдѣ я теперь обращаюсь, чинъ церковный погруженъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубѣяньствѣ столько, что особливою и диковинною быть поставляется, когда между многими изъ нихъ увидится одинъ съ настоящимъ чувствованіемъ познанія должности пастыря, а не только что исправителя служенія церковнаго, частію уже наизусть выученнаго. Все-конечно, премудрая монархія, сей чинъ заслуживаетъ къ исправленію своему вашего прозорливаго о лучшемъ наученіи и воспитаніи въ его молодости милосердаго вниманія; если бы онъ, хотя мало инаковъ былъ, нежели какъ есть, то бы, конечно, теперешняя вредность государства до такой степени возрости не могла».

¹⁾ Собственноручное письмо императрицы графу Панину 16 сентября 1774 г. *Сборникъ историч. общ.*, т. VI, стр. 136. Манифестъ 29 октября 1774 г. Архивъ Сената. Высочайшія повелѣнія, книга № 10.

²⁾ Донесеніемъ этимъ мы пользовались при описаніи нападенія мятежниковъ на Нижній-Ломовъ.

³⁾ См. стр. 152—154.

⁴⁾ Отъ 10 сентября, за № 14. *Сборн. историч. общ.*, т. VI, 140.

Винновыя въ соучастіи съ мятежниками были преданы суду и зачинщики были казнены въ присутствіи главнокомандующаго. Воеводскій товарищъ Овсянниковъ былъ отправленъ въ казанскую секретную комиссію, а секундъ-маіоръ Лукинъ и канцеляристъ Левъ Юрьевъ были именемъ императрицы произведены въ слѣдующіе чины. Уѣзжая въ Пензу, графъ Панинъ, въ посрамленіе жителей Нижняго-Ломова, приказалъ по всѣмъ выѣздамъ изъ города поставить висѣлицы, колеса и глаголы, на которыхъ, по словамъ Лукина, тѣла казненныхъ «значились долгое время».

При въѣздѣ главнокомандующаго въ Пензу глазамъ зрителей представилась ужасная, вопіющая картина: передъ его экипажемъ пало на землю «неожидаемое число дворянскихъ вдовъ съ младенцами и возрастными дѣвушками, осиротѣвшими злодѣйскимъ убійствомъ отцовъ и мужей ихъ». Всѣ онѣ съ воплемъ и рыданіями просили помощи; всѣ онѣ были въ рубищахъ «извлекающихъ слезы изъ самыхъ свирѣпѣйшихъ сердецъ». Тутъ же стояли и многіе помѣщики, ограбленные до чиста и неимѣвшие теперь дневнаго пропитанія. Графъ Панинъ выдалъ имъ денежное пособіе, непревышавшее, впрочемъ, въ общемъ двухъ тысячъ рублей, и просилъ милосердаго на нихъ воззрѣнія императрицы ¹⁾.

На слѣдующій день жители Пензы были свидѣтелями не менѣе потрясающей картины—казни преступниковъ. Казнь эта совершалась публично и въ присутствіи населенія, нарочно для того собраннаго изъ ближайшихъ къ городу селеній. Наиболѣе виновные изъ захваченныхъ мятежниковъ были разставлены подъ висѣлицами, колесами и глаголами. По приѣздѣ главнокомандующаго начались казни: однихъ вѣшали, другихъ сбъли кнутомъ. По произведеніи казни и наказаніи, графъ Панинъ обратился къ собравшимся съ особою рѣчью:

— Всѣ вы, сказалъ онъ, безъ изыятія достойны тѣхъ казней и наказаній, которыя предъ глазами вашими совершались. Я имѣю на то полную мочь отъ ея величества, и совѣсть моя не убѣждаетъ ни грѣхомъ, ни справедливостью приказать оное надъ

¹⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе графа Панина отъ 17 сентября 1774 г. *Сборн. историч. обш.*, т. VI, стр. 146.

всѣми вами исполнить, но знаю милосердное и челоуѣколюбиво сердце государыни, поражающееся крайнимъ сожалѣніемъ о пролитіи крови и самыхъ преступниковъ...

Народъ палъ на землю и «произнесъ стонъ», которымъ заглушилъ послѣднія слова главнокомандующаго. Графъ Панинъ объявилъ, что видя чистосердечное раскаяніе, именовъ императрицы освобождаетъ раскаявшихся отъ наказанія. Чиновъ инвалидной команды приказалъ покрыть знаменами, но духовенство, въ силу указа св. Синода, оставилъ лишеннымъ священнодѣйствія.

«Великое невѣжество духовнаго чина, отвѣчала Екатерина 1), примѣченное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитесь, конечно, ничѣмъ поправить нельзя окромѣ воспитаніемъ и поученіемъ, и изъ первыхъ моихъ попеченій будетъ, послѣ прекращенія всѣхъ нынѣшнихъ хлопотъ, учрежденіе школъ, гдѣ только возможно; но тогда родится другой вопросъ *объ опредѣленіи священству сходственное содержаніе съ воспитаніемъ*... Описаніе, которое вы дѣласте въ письмѣ вашемъ, горестнаго состоянія вдовъ, сиротъ и младенцевъ васъ при вѣздѣ вашемъ въ Пензѣ съ воплемъ встрѣтившихъ, возбудило меня не токмо принять безповоротно на себя издержанныя вами для снабженія ихъ пропитаніемъ и одеждою, но сверхъ сихъ издержанныхъ денегъ возьмите изъ казны въ тамошнемъ краю на счетъ моего кабинета десять тысячъ рублей, кои вы раздадите въ милостыню, по вашему усмотрѣнію, нужду терпящимъ и отъ нынѣшняго случая разореннымъ людямъ. А когда сія сумма изойдетъ, то отпишите снова ко мнѣ. Пензенскихъ жителей раскаяніе при строгости и при увѣщаніи вашемъ, принимаю я какъ знакъ, что болѣе ихъ преступленіе должно приписать глупости и слабости градоначальниковъ ихъ, кои сами не знавъ свою должность не умѣли простонародье оберегать и ободрять ко времени, нежели инымъ какимъ причинамъ».

Въ Пензѣ графъ П. И. Панинъ получилъ, 18 сентября, извѣстіе о поимкѣ Пугачева и въ тотъ же день отправилъ въ Петербургъ съ донесеніемъ своего внука кн. Лобанова, исправлявшаго при немъ должность адъютанта.

1). Панину въ собственноручномъ письмѣ отъ 28 сентября 1774 г. *Сборн. истар. общества*, т. VI, 150.

«Имѣючастіе поздравить ваше императорское величество, писалъ главнокомандующій ¹⁾, съ избавленіемъ имперіи отъ язвительнаго ея врага Пугачева».

Черезъ четыре дня прибылъ въ Пензу посланный генералъ-поручикомъ Суворовымъ, великолукцаго полка поручикъ Ермолаевъ, который и былъ отправленъ въ Петербургъ съ вторичнымъ донесеніемъ главнокомандующаго.

1 октября въ столицѣ было получено первое извѣстіе о поимкѣ Пугачева и доставленіи его въ Яицкій-городокъ. Оно произвело радостное впечатлѣніе и многіе поздравляли другъ друга съ окончаніемъ бѣдствій.

Въ Петербургѣ появилась ода А. Сумарокова, написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ событій и обращенная къ лицу самозванца ²⁾.

Ты подлый, дерзкій человекъ,
Незапно коего природа
Извергла на блаженный вѣкъ,
Ко бѣдству многого народа.
Забывъ и правду и себя
И только сатану любя,
О Богѣ мыслилъ безъ боязни
И шель противъ естества,
Отечества и Божества,
Не помня неизбѣжной казни.

* *

Отбросилъ ты разбойникъ мечъ
И въ наши предавъ нынѣ руки,
Ты мало, чтобъ тебя сожечь
Къ отмщелію невинныхъ муки.
Но можно-ль то вообразить,
Какою мукою разить,
Достойнаго мученья вѣчно!
Твоей подобья злобы нѣтъ
И не видалъ донынѣ свѣтъ
Злодѣя толь безчеловѣчна!

Императрица Екатерина съ восторгомъ узнала о плѣненіи Пугачева и щедро наградила привезшихъ это извѣстіе ³⁾.

¹⁾ Во всеподдан. донесеніи отъ 18 сентября 1774 г. *Сборн. Императ. русскаго историч. общ.*, т. VI, стр. 149.

²⁾ Рукописная книга изъ собранія графа А. Уварова, № 559.

³⁾ За доставленіе извѣстій о поимкѣ Пугачева князь Лобановъ былъ переведенъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ, а Ермолаевъ произведенъ въ капитаны. См. Иско-дящій журналъ князя Потемкина. Московскій Архивъ Главнаго Штаба.

«Богу воздаю благодареніе, писала она графу П. И. Панину ¹⁾), что мерзкая сія исторія славу имперіи повреждающая тѣмъ самымъ пресѣклась, коя, не упоминая объ ужасномъ внутреннемъ разореніи, разстройствѣ и безчисленныхъ той шайки суровости и безчеловѣчіи, насъ отсылала во мнѣніи всей Европы *къ варварскимъ временамъ отъ двухъ до трехсотъ лѣтъ назадъ къ крайнему моему сожалѣнію* и увеличиванію наиглубочайшему сердца моего оскорбленію о народномъ страданіи».

Императрица приказала доставить Пугачева въ Москву, подѣ самымъ строгимъ карауломъ, чтобы онъ не могъ никакъ уйти.

Письмо это застало графа Панина уже въ Симбирскѣ, куда онъ торопился уѣхать и куда приказалъ привезти Пугачева.

XVI.

Благодарность графа П. И. Панина генералу Суворову и полковнику Михельсону. — Объявленіе главнокомандующаго о поимкѣ Пугачева. — Встрѣча графа Панина съ Пугачевымъ въ Симбирскѣ. — Стансъ Сумарокова городу Симбирску. — Сожженіе въ Казани портрета Пугачева. — Объявленіе П. Потемкина.

Не принимая не только непосредственнаго, но и никакого участія въ дѣйствіяхъ отрядовъ, преслѣдовавшихъ самозванца, графъ П. И. Панинъ гордился однакоже тѣмъ, что Пугачевъ пойманъ во время его командованія. Не зная еще какъ, гдѣ и кѣмъ пойманъ самозванецъ, главнокомандующій, въ порывѣ радости, уже благодарилъ начальниковъ отрядовъ и приписалъ Суворову такія заслуги, которыхъ тотъ и не выказывалъ.

«Истощается напоследокъ, писалъ ему графъ Панинъ ²⁾), долготерпѣніе Божіе на злохитнаго кровопивца, вѣчнаго въ роды родовъ ужаса, омерзѣнія достойнаго. Уже напоследокъ (онъ) въ оковахъ на переселеніе свое черезъ лютую бару въ уготованное ему на днѣ адскомъ мѣсто, яко врагу Творца и всей Его твари.

¹⁾ Отъ 3 октября 1774 г. *Сборн. истор. общ.*, т. VI, 154.

²⁾ Письмо графа П. И. Панина генералу Суворову отъ 22 сентября. Рукопись. книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

«Богу воздаю благодареніе, писала она графу П. И. Панину ¹⁾, что мерзкая сія исторія славу имперіи повреждающая тѣмъ самымъ пресѣлась, коя, не упоминая объ ужасномъ внутреннемъ разореніи, разстройствѣ и безчисленныхъ той шайки суровости и безчеловѣчія, насъ отсылала во мнѣніи всей Европы къ *варварскимъ временамъ отъ двухъ до трехсотъ лѣтъ назадъ къ крайнему моему сожалѣнію* и увеличиванію пагубочайшему сердца моего оскорбленію о народномъ страданіи».

Императрица приказала доставить Пугачева въ Москву, подъ самымъ строгимъ карауломъ, чтобы онъ не могъ никакъ уйти.

Письмо это застало графа Панина уже въ Симбирскѣ, куда онъ торопился уѣхать и куда приказалъ привезти Пугачева.

XVI.

Благодарность графа П. И. Панина генералу Суворову и полковнику Михельсону. — Объявленіе главнокомандующаго о поимкѣ Пугачева. — Встрѣча графа Панина съ Пугачевымъ въ Симбирскѣ. — Стансъ Сумарокова городу Симбирску. — Сожженіе въ Казани портрета Пугачева. — Объявленіе П. Потемкина.

Не принимая не только непосредственнаго, но и никакого участія въ дѣйствіяхъ отрядовъ, преслѣдовавшихъ самозванца, графъ П. И. Панинъ гордился однакоже тѣмъ, что Пугачевъ пойманъ во время его командованія. Не зная еще какъ, гдѣ и кѣмъ пойманъ самозванецъ, главнокомандующій, въ порывѣ радости, уже благодарилъ начальниковъ отрядовъ и приписалъ Суворову такія заслуги, которыхъ тотъ и не выказывалъ.

«Истощается напоследокъ, писалъ ему графъ Панинъ ²⁾, долготерпѣніе Божіе на злохитнаго кровопивца, вѣчнаго въ роды родовъ ужаса, омерзѣнія достойнаго. Уже напоследокъ (онъ) въ оковахъ на переселеніе свое черезъ лютую кару въ уготованное ему на днѣ адскомъ мѣсто, яко врагу Творца и всей Его твари.

¹⁾ Отъ 3 октября 1774 г. *Сборн. истор. общ.*, т. VI, 154.

²⁾ Письмо графа П. И. Панина генералу Суворову отъ 22 сентября. Рукописн. книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

На другой же день графъ П. И. Панинъ писалъ Самуилу, епископу Крутицкому ¹⁾:

«Съ неизреченною нетерпѣливостію тороплюсь обрадовать ваше преосвященство съ происшествіемъ знаменитымъ, важнымъ, спасительнымъ для всея вѣрнной вамъ паствы православныхъ чадъ Христовой церкви. Злодѣй Пугачевъ благопоспѣшеніемъ Всевышняго, призрѣвшаго на послѣдокъ на теплыя ваши и неумолкныя молитвы передъ престоломъ Искупителя нашего, уже въ оковахъ въ Яицкомъ-городеѣ, подъ надзираніемъ генераль-поручика Суворова и не замедлится ко мнѣ быть представленъ.

«Примите, преосвященнѣйшій владыко, ревностнѣйшее мое съ тѣмъ поздравленіе. Раздѣлите со мною всеобщую отечества нашего радость и ниспавъ предъ самымъ тѣмъ же божественнымъ престоломъ, источникомъ всякія благодати и щедротъ, пролейте предъ нимъ благодарственныя слезы. Я мысленно съ вами повергаясь предъ онымъ же, препоручаю себя и все подвластное мнѣ воинство ходатайству вашему предъ Творцомъ всея твари».

Отправивъ эти письма, графъ Панинъ торопился выѣхать изъ Пензы въ Симбирскъ. 25-го сентября, будучи въ дорогѣ, онъ разослалъ извѣстное «Извѣщаніе» ²⁾, въ которомъ объявлялъ о поимкѣ самозванца и требовалъ, чтобы населеніе содѣйствовало войскамъ въ усмиреніи возстанія и поимкѣ его сообщниковъ. «Кто поползнется, писалъ главнокомандующій, разглашеніямъ о семъ искорененномъ уже самозванцѣ и бунтовщикѣ иначе вѣрить, нежели здѣсь самая истина о немъ объявляется, или кто дастъ укрывательство сообщникамъ онаго самозванца, или же вѣдая, что нѣкоторые, можетъ быть, малые остатки изъ разсыпавшихся пристають и о томъ не объявить, тотъ *каждый будетъ принятъ* въ равномъ противу государства злодѣяніи, *какъ самъ бунтовщикъ* и будетъ оружіемъ ея императорскаго величества безъ всякой пощады до самаго его истребленія или до поимки къ заслу-

¹⁾ Отъ 23 сентября 1774 года. Рукописная книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

²⁾ Полный текстъ этого «Извѣщанія» находится въ Госуд. Арх., VI, д. № 490 и напечатанъ Мордовцевымъ (*Отечественныя Записки*, 1868 г., № 10, 354) и Д. Ануцинымъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., стр. 400).

женной казни, по строгости всѣхъ государственныхъ законовъ, гонимъ и преслѣдованъ».

Между тѣмъ, Суворовъ поручилъ генераль-маіору Мансурову устроить переправу черезъ Волгу у Сызрани «множественнымъ числомъ судовъ исправныхъ», и подѣ собственнымъ своимъ наблюдениемъ, повезеть Пугачева степью и вечеромъ 1-го октября доставилъ его въ Симбирскъ вмѣстѣ съ женою его Софьею и несовершеннолѣтнимъ сыномъ Трофимомъ ¹⁾. По словамъ біографа Суворова и его приближеннаго Антинга, Пугачевъ былъ посаженъ въ особую клѣтку ²⁾, поставленную на четырехколесную телѣгу, и подѣ конвоємъ двухъ ротъ пѣхоты, 200 казаковъ и двухъ орудій вывезенъ изъ Яицкаго-городка. Суворовъ слѣдовалъ съ самозванцемъ неотлучно и по ночамъ путь освѣщали факелами. Пугачевъ не хотѣлъ сидѣть покойно въ клѣткѣ и потому пришлось его помѣстить въ обыкновенную телѣгу скованнымъ, и въ такомъ видѣ онъ былъ привезенъ въ Симбирскъ.

На другой день въ полдень пріѣхалъ туда же и графъ П. И. Панинъ. Огромная толпа народа встрѣтила главнокомандующаго, и онъ приказалъ вывести на показъ скованнаго по рукамъ и ногамъ самозванца. «Пугачевъ, писалъ въ тотъ же день графъ Панинъ князю М. Н. Волконскому ³⁾, на площади скованный, передъ всѣмъ народомъ велегласно признавался и каялся въ своемъ злодѣяніи и *отвѣдалъ тутъ, отъ моей распалившейся крови на его произведенныя злодѣянія, нѣсколько моихъ пощечинъ*, отъ которыхъ изъ своего гордаго вида тотчасъ низвергся въ по-

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ П. Потемкина отъ 1 октября 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 489.

²⁾ «On l'enferma dans une cage, пишетъ Антингъ, sur une voiture à quatre roues, fait exprès pour lui, enfin qu'il n'échappât point». Рычковъ говоритъ, что для Пугачева была «сдѣлана, на подобіе клѣтки, особливая, на двухъ колесахъ, телѣга». Пушкинъ повторяетъ слова Рычкова, а Д. Анучинъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1868 г., № 11, 28) отрицаетъ это и говоритъ, что клѣтку создало известное народное преданіе. Намъ кажется, что наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія должны принадлежать очевидцу—Антингу, тѣмъ болѣе, что объ устройствѣ такой клѣтки писалъ П. Потемкинъ капитанъ-поручику Маврину.

³⁾ Въ письмѣ отъ 2 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 527-См. также *Москвитянинъ*, 1841 г., кн. II, 482.

рабощеніе» ¹⁾). Ставъ на колѣни, самозванецъ громко объявилъ собравшимся, что онъ бѣглый съ Дона казакъ Емельянъ Пугачевъ, виновать передъ Богомъ и государынею. Введенный затѣмъ въ квартиру главнокомандующаго, онъ вторично подтвердилъ свое происхожденіе и затѣмъ былъ переданъ подъ наблюденіе и охрану капитану Галахову, «съ подтвержденіемъ, доносилъ графъ Панинъ ²⁾), что въ упущеніи и поврежденіи его имѣетъ онъ животомъ своимъ передъ престоломъ вашего императорскаго величества отвѣтствовать».

Скованный по рукамъ и ногамъ, Пугачевъ былъ прикованъ еще къ стѣнѣ, при посредствѣ желѣзнаго обруча, положеннаго вокругъ поясицы. Ключъ отъ цѣпного замка хранился у капитана Галахова. Безъ позволенія никто не допускался къ самозванцу и для постояннаго за нимъ наблюденія находились безвыходно въ его комнатѣ: одинъ оберъ-офицеръ, одинъ унтеръ-офицеръ и часовой безъ ружья и съ необнаженною шшагою, чтобы Пугачевъ какъ-нибудь не выхватилъ ружья и не умертвилъ себя. На содержаніе самозванца отпускалось по 15 коп. въ день и приказано кормить его пищею «подлымъ человѣкомъ употребляемою» и снабдить такою же одеждою.

Въ Симбирскѣ встрѣтились: графъ П. Панинъ, П. С. Потемкинъ, А. В. Суворовъ и полковникъ Михельсонъ. Всѣ они, прямо или косвенно, приписывали себѣ поимку Пугачева, но исторія должна сказать, что если приписывать кому-нибудь честь этого, то, конечно, Михельсону, а не кому другому. Тѣмъ не менѣе,

¹⁾ Разсказъ А. С. Пушкина о встрѣчѣ графа Панина съ Пугачевымъ намъ кажется плодомъ позднѣйшей фантазіи. Слова, приписанныя Пугачеву, несообразны ни съ характеромъ, ни со складомъ ума бывшаго самозванца, никогда нестѣсавшагося острою и находчивостію. Свидѣтели-современники, присутствовавшіе при этомъ свиданіи, не упоминаютъ ни слова о такихъ отвѣтахъ. Рычковъ говоритъ (Соч. Пушкина, изд. 1881 г., приложение, стр. 433): «*можетъ быть, по привычкѣ своей или по злой натурѣ отвѣтствовалъ на вопросы его сіятельства очень смѣло и дерзновенно*». Руничъ также не упоминаетъ объ этомъ ни слова и намъ кажется, что пощечинами графъ Панинъ хотѣлъ показать только народу, что Пугачевъ не государь, а самозванецъ. Если бы подобный разговоръ происходилъ, то графъ Панинъ не преминулъ бы упомянуть о немъ въ своемъ донесеніи императрицѣ.

²⁾ Императрицѣ отъ 3 октября 1774 г. *Сборникъ Император. русск. историч. общества*, т. VI, стр. 155.

главнокомандующій, обратясь къ Суворову, выразилъ ему благодарность «священнымъ именемъ вашего императорскаго величества и всей имперіи, якобы Суворовъ поймалъ злодѣя Пугачева». Суворовъ при многочисленной публикѣ чуть-чуть не съ земными поклонами благодарилъ графа и не устыдился шесть разъ поцѣловать руки и полы главнокомандующаго ¹⁾.

Холодность обращенія графа Панина съ П. Потемкинымъ оскорбила послѣдняго, и онъ съ улыбкою и презрѣніемъ смотрѣлъ на поступки Суворова. «Я не осмѣлюсь, писалъ П. Потемкинъ императрицѣ, всеконечно никогда произнестъ того, что много участвовалъ въ поимкѣ злодѣя, но какъ истинѣ не заграждаетъ уста премудрое правленіе ваше, то осмѣлюсь сказать, что имѣлъ болѣе участія, нежели г. Суворовъ».

Жалуясь, что графъ Панинъ не доставляетъ ему никакихъ допросовъ и вообще не желаетъ имѣть съ нимъ сношеній, Павелъ Потемкинъ просилъ уволить его отъ званія предсѣдателя секретныхъ комиссій. Императрица лучше всѣхъ видѣла, кто истинный побѣдитель самозванца и усмиритель возстанія, и потому оставила это прошеніе безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что назначила его въ составъ слѣдственной комиссіи, учрежденной въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ князя М. Н. Волконскаго. Она написала только Г. А. Потемкину: «Павелъ правъ, Суворовъ тутъ участія не имѣлъ... и пріѣхалъ по окончаніи дракъ и поимки злодѣя» ²⁾. Не смотря однакоже на холодность отношеній, главнокомандующій, въ день своего пріѣзда, поручилъ П. Потемкину приступить къ допросамъ, а избранному художнику—къ снятію портрета съ самозванца ³⁾

«Теперь, писалъ главнокомандующій Г. А. Потемкину ⁴⁾, пишуть съ него портретъ, коимъ съ другимъ отсель курьеромъ

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо П. Потемкина 2 октября 1774 года. См. также «Записки Рунича», *Русская Старина*, 1870 г., т. II, стр. 351 и 410.

²⁾ Г. Лебедевъ (*Графы Панины и проч.*, стр. 99) и Анучинъ («Участіе Суворова въ усмирении Пугачевского бунта», *Русскій Вѣстникъ*, 1868 г., № 12, стр. 28), подъ именемъ Павла ошибочно считаютъ великаго князя Павла Петровича.

³⁾ Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна фамилія художника, случившагося въ то время въ Симбирскѣ.

⁴⁾ Въ письмѣ отъ 2 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 490.

предупрежу вашему высокопревосходительству оригиналь. Не можетъ-ли имѣть любопытства и наша великая государыня увидѣть сего адскаго изверга скорѣй, хотя на портретѣ, нежели обстоятельства потребнаго препровожденія оригинала дозволить могутъ имъ поспѣшить» ¹⁾).

Отправленіе самозванца въ Москву, какъ того желала императрица, замедлялось приготовленіями на станціяхъ по сту подводъ и принятіемъ мѣръ къ охраненію пути. «Къ провозу его требуется теперь обезопасить московскую дорогу, писалъ графъ П. И. Панинъ князю М. Н. Волконскому ²⁾), по которому я и положилъ отсель до Мурома всѣ почлежныя для него селенія, не далѣе 60 верстъ одно отъ другого, занявъ каждое одною ротою изъ моихъ войскъ», а отъ Мурома до Москвы главнокомандующій просилъ сдѣлать то же князя Волконскаго.

Пока дѣлались всѣ эти распоряженія, въ Симбирскѣ стекались со всѣхъ сторонъ лица, желавшія посмотрѣть на Пугачева, и графъ Панинъ любилъ похвастаться передъ ними тѣмъ, что самозванецъ въ его рукахъ. Приѣхалъ, напримѣръ, въ городъ лейбъ-гвардіи поручикъ Державинъ, и главнокомандующій съ гордымъ самодовольствіемъ спросилъ его: видѣлъ-ли онъ Пугачева?

— Видѣлъ, отвѣчалъ поэтъ, — на конѣ подъ Петровскомъ ³⁾.

— Прикази привести Емельку, сказалъ графъ, обращаясь къ полковнику Михельсону.

Черезъ нѣсколько минутъ былъ представленъ самозванецъ въ тяжкихъ оковахъ, въ засаженномъ, поношенномъ, скверномъ широкомъ тулупѣ. Войдя въ комнату, Пугачевъ сталъ на колѣни.

— Здоровъ-ли, Емелька? спросилъ Панинъ.

— Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство.

— Надѣйся на милосердіе государыни ⁴⁾.

¹⁾ Срав. замѣтку о портретахъ Пугачева, *Русская Старина*, 1870 г., т. II, 417.

²⁾ Въ письмѣ отъ 2 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 527.

³⁾ Державинъ солгалъ; онъ никогда не видѣлъ Пугачева, потому что близко къ Петровску не подѣзжалъ.

⁴⁾ «Записки Державина». См. *Соч. Державина*, изданія Я. Е. Грота, т. VI, стр. 514.

Такъ показывали узника и другимъ прїѣзжимъ. Иногда графъ П. Панинъ разыгрывалъ комедію передъ собиравшимися къ нему посѣтителями и П. С. Руничъ сохранилъ намъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ. На другой день послѣ полученныхъ пощечинъ, Пугачевъ приведенъ былъ въ прїемную графа, въ которой собралось болѣе 200 человекъ военныхъ, гражданскихъ и разнаго званія людей.

— Какъ могъ ты, извергъ, спрашивалъ Панинъ, вздумать быть царемъ Россіи.

— Виноватъ, отвѣчалъ самозванецъ, кланяясь до земли, передъ Богомъ, государынею и министрами.

«Послѣднее слово злодѣя, замѣчаетъ Руничъ¹⁾, такъ разгорячилось сего правдиваго россиянина, что, поднявъ правую руку, едва не ударилъ злодѣя; но въ одно мгновеніе отступя отъ него и поднявъ обѣ руки вверхъ, въ трепетаніи своего сердца, съ пролитіемъ горькихъ слезъ воскликнулъ: «Господи! я осквернилъ было мои руки». Въ ужасномъ рыданіи и встревоженіи духа своего, не опуская рукъ, паки воскликнулъ: «Боже милосердый! во гнѣвъ твоимъ праведно наказалъ Ты насъ симъ злодѣемъ», и въ ужасномъ рыданіи ручьями лились старческія слезы. Всѣ присутствовавшіе какъ окаменѣлые безмолвствовали».

Въ Симбирскѣ Пугачевъ оставался весьма долго и во все это время городъ привлекалъ на себя вниманіе всей Россіи. Тотъ же Александръ Сумароковъ, о которомъ мы говорили выше, восхваляя подвиги графа П. И. Панина, написалъ особый «*Стансъ городу Симбирску на Пугачева*».

Прогналъ ты Разина стоявшимъ войскомъ твердо
Симбирскъ и удалилъ ты древняго врага;
Хоть оны и наступалъ съ огнемъ немилосердно
На Волгины брега!

¹⁾ «Русская Старина» 1870 г. т. II, стр. 349. Къ запискамъ Рунича надо относиться очень осторожно. Авторъ писалъ ихъ на память, вѣроятно, много лѣтъ спустя и потому перепуталъ событія и приписалъ Пугачеву такія показанія, которыхъ мы въ допросахъ не встрѣчаемъ. По словамъ Рунича, отправленный въ Москву самозванецъ 15 ноября ночевалъ въ селѣ Ивановскомъ, за 10 верстъ отъ первопрестольной столицы, тогда какъ въ дѣйствительности 4 ноября Пугачевъ уже давалъ показанія Шешковскому на монетномъ дворѣ въ Москвѣ.

А Разинъ нынѣшній въ твои падеть оковы
И во стѣнахъ твоихъ окованный сидитъ
Пристойныя ему возмездія готовы;
Судъ злобы не щадитъ!

Москва и градъ Петровъ и всѣ россійски грады,
Россійско воинство и алтари и тронъ
Стремятся, чтобъ онъ былъ караемъ безъ пощады,
Гнушается имъ Донъ.

Сей варваръ не щадилъ ни возраста, ни пола:
Песъ тако бѣшенный, что встрѣтитъ, то грызеть.
Подобно такъ на лугъ, изъ благистаго дола
Драконъ шипя ползеть.

Но казни нѣтъ ему довольныя на свѣтѣ;
Воображенъ онъ тиранствомъ превозшелъ
И всѣ онъ мерзости, и въ силѣ былъ и въ цвѣтѣ,
Во естествѣ нашель.

Графъ Панинъ никогда предъ войскомъ не воздремлетъ
И сбросилъ онъ тебя влетѣвши съ высоты,
И силой и умомъ мучителя онъ емлетъ,
Страдай теперь и ты!

Уже геена вся на варвара зяетъ
И тартаръ на тебя разверзъ уже уста,
А Панинъ на горахъ водъ Волгиныхъ сияетъ
Очистивъ тѣ мѣста.

Восходить веселѣй изъ моря солнце красно,
По дняхъ жестокости, на Волгинъ горизонтъ.
Взыграли Донъ, Яикъ со Волгою согласно,
И съ ней Каспійскій поитъ.

Народы тамошни гласятъ Екатеринѣ:
О мать подданныхъ! спасла отъ золь ты насъ.
Она рекла: всегда готова я, какъ нынѣ,
Спасати, чада, васъ. ¹⁾

Показываніе Пугачева народу признавалось въ то время необходимымъ для убѣжденія населенія, что онъ пойманъ. Генералъ-майоръ П. Потемкинъ просилъ императрицу, чтобы при доставленіи самозванца изъ Симбирска въ Москву, онъ провезенъ былъ

¹⁾ Стансъ городу Симбирску на Пугачева, отъ А. Сумарокова. При Импер. Академіи наукъ 1774 года. См. полное собраніе сочиненій изд. 1787 г. ч. IX стр. 94—97.

черезъ Казань. «Весьма нужно сего злодѣя, доносилъ онъ ¹⁾, показать народу въ Казани, гдѣ столь много людей его знаютъ, и обличить передъ народомъ его злодѣйство, ибо весь оный край, гдѣ пуще производилъ о себѣ Емелька обвороженіе, сомнѣвается о его поимкѣ».

Путь изъ Симбирска въ Москву черезъ Казань былъ круженъ, требовалъ много войскъ и императрица, желая скорѣе «заглушить» все что связывалось съ именемъ Пугачева, не изъявила на то своего согласія и приказала отправить изъ Казани въ Москву всѣхъ его сообщниковъ. Отправленіе это производилось періодически по два и по три человекъ за-разъ, причемъ П. Потемкинъ употребилъ все, чтобы произвести это съ нѣкоторымъ парадомъ и церемонією.

6-го ноября всѣ преступники были выведены на площадь, въ томъ числѣ и Устинья, вторая жена самозванца. Многочисленному собранію народа показывали портретъ Пугачева, снятый въ Симбирскѣ и затѣмъ отъ имени секретной комиссіи было прочитано слѣдующее объявленіе:

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ учрежденной въ Казанѣ по всевысочайшему ея императорскаго величества именному указу секретной комиссіи.

Объявляется всенародно.

«Извѣстно уже каждому, что бывшій злодѣй и бунтовщикъ донской бѣглый казакъ Емельянъ Пугачевъ, продолжая злодѣйства, грабежи и убійства, чрезъ цѣлый годъ, наконецъ, при рѣчкахъ Узеньяхъ пойманъ и подъ жестокою стражею, въ тяжелыхъ оковахъ провезенъ по всевысочайшему ея императорскаго величества указу изъ Симбирска въ Москву. Нѣтъ нужды здѣсь объявлять народу подробно о всѣхъ злодѣйствахъ сего изверга рода человѣческаго. Вѣдомо всѣмъ, что сей бунтовщикъ, забывъ страхъ Божій и данную предъ Творцомъ вселенной клятву въ вѣрности ея императорскому величеству, не только нарушилъ оную и сдѣлался предателемъ, но и

¹⁾ Отъ 6 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

дерзнулъ принять на себя высокое званіе въ Божѣ почившаго императора Петра III, а подѣ симъ званіемъ, пособіемъ подобныхъ себѣ злодѣевъ, обольщаль легкомысленныя сердца и набирая толпы возставалъ противу престола всероссійскаго, вѣреннаго отъ Промысла Божія помазанницѣ Его, великой нашей самодержицѣ, шель на разореніе отечества и вѣрныхъ рабовъ ея величества и обращалъ злобу и варварство на погибель самихъ тѣхъ, кои отъ простоты и невѣжества къ нему прилѣплялись. Слѣды варвара сего повсюду покрыты кровію, безчеловѣчной рукою его пролитою. Поля жителей опустошены и злодѣянія его, безъ сомнѣнія, впечатлѣны въ сердцахъ каждаго сына отечества. Но Всевышній Творецъ, увѣнчавъ всѣ высокія намѣренія и премудрыя дѣла великой нашей государыни, поборствовалъ во всѣхъ ея величества предпріятіяхъ, и окончивъ къ безсмертной славѣ Россіи внѣшнюю войну, укротилъ и внутреннюю изверженіемъ сего врага Богу, церкви и отечеству. Настала повсюду вождѣлѣнная тишина и неусыпнымъ попеченіемъ Самодержицы нашей возобновится благоденствіе Россійскаго народа. Богъ, внимая стенаніямъ и слезамъ сиротъ, вопіющихъ объ отомщеніи самозванцу Пугачеву, не попустилъ далѣе простирать варварство его.

«Взирайте, вѣрные рабы великой нашей государыни и сыны отечества, коль много Богъ милуетъ Россію и вѣнчаетъ всѣ дѣла помазанницы своей, нашей великой государыни. Но тѣ, которыхъ сердца ядомъ злодѣйства повреждались, и которые дѣломъ или мыслию поползновенны были къ присоединенію съ самозванцомъ и бунтовщикомъ, казнитеся угрызеніемъ сердець своихъ и посрамляйтеся. Здѣсь видите вы изображеніе варварскаго лица самозванца и злодѣя Емельяна Пугачева. Сіе изображеніе самого того злодѣя, которому злыя сердца преклонялись и обольщали простодушныхъ; того, который дерзалъ называться именемъ покойнаго государя Петра III, и съ которымъ нѣкоторые, соединяясь, вооружились противу законной государыни своей, истинной матери отечества.

«Секретная комиссія по силѣ и власти вѣренной отъ ея императорскаго величества опредѣлила: сію мерзкую харю во избличеніе злыхъ, подѣ виселицей сжечь на площади и объа-

вить, что самъ злодѣй приметъ казнь мучительную въ царствующемъ градѣ Москвѣ, гдѣ уже онъ содержится.

«Здѣсь видите вы самихъ тѣхъ, кои были первыми наперниками злодѣя и самозванца Пугачева, пали съ повинною къ престолу ея величества, законной государынѣ своей; здѣсь, къ вящему посрамленію предававшихся самозванцу, видите жену самозванца и злодѣя Устинью, которой чинить присягу не отвращались сердца, и уста произносили имя сей жены гнуснаго злодѣя въ званіи высокаго титула Императрицы. Взгляните и ужасайтесь содѣланнаго беззаконія такихъ людей! Вотъ самая та, которую нарицали злодѣи именемъ государыни своей, дочь лицаго казака, жена того самаго злодѣя, который, похитивъ имя покойпаго Государя Петра III, обольщала несмысленныхъ людей! Да будетъ зрѣлище сіе и въ торжество вѣрныхъ подданныхъ ея величества великой нашей самодержицы и въ укориэну тѣхъ, кои поползнулись къ предательству. Изъ числа сихъ предателей осуждены нѣкоторые къ казни и вины ихъ приложены въ особыхъ объявленіяхъ, а ужасъ кары сей будетъ въ страхъ другимъ. Жена же злодѣя Устинья и первая его (жена), донскаго войска казачья дочь именемъ Софья, будутъ свидѣтельницами кары злодѣя въ Москвѣ.»

По окончаніи чтенія, портретъ Пугачева былъ сожженъ подъ висѣлицею на эшафотѣ, причемъ Устинья громогласно объявила, что она вторая жена самозванца и что сожигаемая «харя есть точное изображеніе изверга и самозванца ея мужа». Послѣ того Твороговъ и Федульевъ каялись при народѣ въ содѣянныхъ ими беззаконіяхъ и объявили, что они самые тѣ, которые, почувствовавъ свое преступленіе, раскаялись, явились съ повинною и привели съ собою самозванца, причинившаго много бѣдъ людямъ. «Ужасное зрѣлище сіе, доносилъ П. Потемкинъ ¹⁾, привело народъ въ изумленіе, а потомъ слова: *Боже мой, какое наше беззаконіе*, произносились въ устахъ нѣсколько минутъ».

¹⁾ Императрицѣ отъ 10 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

XVII.

Умиротвореніе края.—Усмиреніе волненій въ Башкиріи.—Мѣры правительства къ предотвращенію голода въ разоренныхъ губерніяхъ. — Уничтоженіе Зимовейской станицы войска Донскаго.—Публичный благодарственный листъ Г. А. Потемкина яицкимъ казакамъ. — Переименованіе рѣки Яика въ Уралъ и яицкаго войска въ уральское.

Съ поимкою Пугачева мятежь сразу на столько утихъ, что большинство считало спокойствіе въ краѣ восстановленнымъ окончательно.

«Бунты внутри государства вашего, доносилъ графъ П. Панинъ императрицѣ ¹⁾, всё безъ изъятія низложены, тишина, безопасность и повиновеніе прежнія восстановлены. Осталась только одна и презрѣнія, а не вниманія достойная маленькая война на киргизъ-кайсаковъ и въ нѣкоторыхъ развѣ небольшихъ селеніяхъ башкирское неспокойствіе».

Для уничтоженія послѣдняго, какъ только было получено извѣстіе о поимкѣ Пугачева, генералъ-маіоръ П. Потемкинъ отправилъ воззваніе башкирцамъ и грозилъ имъ, что если они до 1 октября не усмирятся, то для истребленія ихъ будутъ присланы арнауты и запорожцы ²⁾. Опасаясь новыхъ разореній, башкирцы выбрали 12 старшинъ и прислали ихъ съ покорностью. Одною изъ наиболѣе важныхъ депутатовъ П. Потемкинъ отправилъ въ Петербургъ къ Г. А. Потемкину, какъ командиру всѣхъ легкихъ войскъ и надѣялся, «что и всѣ башкирцы сему примѣру послѣдуютъ».

Надежды эти однакоже оправдались лишь отчасти. Салаватъ и отецъ его Юлай не покорялись и продолжали грабить и волновать населеніе. Тогда П. Потемкинъ отправилъ къ нимъ увѣщаніе слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Отъ 3 октября 1774 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историч. общ.*, т. VI, стр. 157.

²⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе П. Потемкина 22 сентября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

«Съ крайнимъ прискорбіемъ, писалъ онъ ¹⁾, извѣщаюся я, что ты до сего времени въ злобѣ и ослѣпленіи погружаешься, будучи уловленъ прельщеніемъ извѣстнаго всеѣмъ злодѣя, измѣнника и самозванца Пугачева, который нынѣ со всеѣми главными его сообщниками пойманъ и содержитсяъ въ тяжкихъ оковахъ и приметъ скоро мучительную за все злодѣйства казнь.

«Черезъ разсѣянные манифесты извѣстно тебѣ, колико ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня о заблужденіи тебѣ подобныхъ сожалѣть и съ какимъ милосердіемъ приметъ возвращеніе таковыхъ къ должности своей и повиновенію Богомъ постановленной ея власти. Ты видѣлъ уже тому довольные опыты, но скоро затворенъ будетъ путь къ ея милосердію, скоро праведный ея гнѣвъ обратится въ полной силѣ на измѣнниковъ, и не будетъ тогда пощады и прощенія. И для того истиннымъ сожалѣніемъ побуждаюся я сдѣлать тебѣ въ послѣдній разъ сіе увѣщаніе: покайся, познай вину свою и приди съ повиновеніемъ. Я, будучи уполномоченъ всемилостивѣйшею ея величества повѣренностію, увѣряю тебя, что получиши тотчасъ прощеніе. Но если укоснешь еще за симъ увѣщаніемъ, то никакой уже пощады не ожидай».

Не слушая увѣщаній, Салаватъ продолжалъ разбойничать, и для усмиренія башкирцевъ главнокомандующій графъ Панинъ принужденъ былъ послать туда генераль - поручика Суворова. Въ ноябрѣ 1774 года Салаватъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Юлаемъ были пойманы, и съ передачею ихъ въ руки правительства волненія въ Башкиріи почти прекратились и населеніе мало-по-малу стало успокоиваться ²⁾.

¹⁾ Увѣщаніе Потемкина Салавату отъ 29 октября 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 489.

²⁾ Салаватъ и Юлай въ 1775 году были подвергнуты жестокому наказанію и преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производили злодѣянія. Юлаю было дано кнутомъ 45 ударовъ на Симскомъ, 45 ударовъ на Катавскомъ, 45 ударовъ на Усть-Катавскомъ заводахъ и 40 ударовъ въ дер. Орловѣ. Салавату 25 ударовъ на Симскомъ заводѣ, 25 ударовъ въ дер. Юлаевой, 25 ударовъ въ дер. Лакъ, 25 ударовъ въ Красноуфимскѣ, 25 ударовъ въ Кунгурѣ, 25 ударовъ въ г. Осѣ и 25 ударовъ въ дер. Нуркиной. Затѣмъ обоимъ вырѣзали ноздри, поставили знаки «воръ и убійца» и отправили въ каторжную работу въ Рогервикъ (Госуд. Арх., VI, д. № 427).

Что касается до жителей русскихъ губерній, то уже въ концѣ сентября можно было считать спокойствіе возстаповленнымъ.

«Всеимлостивѣйшая государыня! писалъ П. Потемкинъ ¹⁾). Нынѣ совершенно осмѣливаюсь принести подданическое и усердное мое поздравленіе о спокойствіи внутреннемъ. Нигдѣ пикакихъ шаекъ болѣе не слышно, а хотя бы онѣ и показались гдѣ, то уже нималѣйшаго уваженія не стоятъ. Настало то вожделѣнное намъ время, въ которое премудрость вашего величества, блаженство Россіи и счастье подданныхъ великой Екатерины взойдетъ на горнюю степень».

Разосланные по разнымъ направленіямъ небольшіе отряды безъ труда захватывали въ плѣнъ бывшихъ мятежниковъ и доставляли ихъ въ города; многіе изъ нихъ являлись добровольно, такъ какъ были въ самомъ печальномъ положеніи, безъ одежды, въ однихъ плохихъ рубахахъ. Наступившая осень и холодное время заставляли торопиться разсылкою ихъ въ мѣста жительства, и вотъ по разнымъ направленіямъ потянулись партіи бывшихъ пугачевцевъ на канатахъ, конвоируемые нѣсколькими казаками или гарнизонными солдатами. Ни сопротивленія, ни покушенія къ побѣгу они не оказывали и искренно желали поскорѣе добраться до семейнаго очага. «Вся чернь, доносилъ графъ П. Панинъ 29 октября, нынѣ дѣйствительно въ такомъ подобострастномъ подданическомъ законной власти повиновеніи, какого она и прежде не имѣла». Это не были преступники по убѣжденію, а стадо заблудшихся овецъ, какъ и смотрѣла на нихъ императрица Екатерина II.

«Преступленія сихъ людей, писала она князю Вяземскому ²⁾), произошли больше по легковѣрію и невѣжеству, ибо безразсудная ихъ стремительность другихъ важныхъ предметовъ не имѣла, какъ только одиѣ мечтательныя выгоды, коими они были обольщены. И потому я весьма удалена, чтобы дѣлать *кровопролитіе*. Но думаю рѣшеніе о нихъ сдѣлать послѣ окончанія Пугачева дѣла, дабы ихъ покрыть милостивымъ указомъ».

¹⁾ Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 1 октября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 489.

²⁾ Въ рескриптѣ отъ 28 декабря 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 467.

Совсѣмъ иначе смотрѣла Екатерина на духовенство, прямо или косвенно принимавшее участіе въ возстаніи. Въ немъ она уже видѣла не стадо, а пастырей, долженствовавшихъ идти по пути долга и совѣсти. Императрица передала на разсмотрѣніе и рѣшеніе Синода, «на основаніи церковныхъ правилъ», поступки церковнослужителей, «которые въ злодѣйскомъ Пугачева возмущеніи сообщниками сдѣлались».

Святѣйшій Синодъ, съ одной стороны принимая во вниманіе всю тяжесть преступленія такихъ лицъ, а съ другой «изыскивая приличныя къ тому духовныя правила, нашель, что въ самой первенствующей церкви Христовой, всѣ священнослужители, которые отъ страха гоненія отъ вѣры отступили, хотя и приниманы были, по учиненіи въ томъ покаянія, паки въ общество правовѣрныхъ, но отъ священнослуженія навсегда отлучались и оставались яко простолюдины». Поэтому въ засѣданіи Синода 26 сентября 1774 г. было постановлено ¹⁾: 1) всѣхъ тѣхъ церковнослужителей, которые добровольно выѣзжали на встрѣчу и передались на сторону мятежниковъ, лишить сана и предать гражданскому суду; 2) тѣхъ, которые ради страха смерти молились за Пугачева, какъ за императора Петра III, лишить сана, подвергнуть церковному покаянію ²⁾ и затѣмъ отправить къ свѣтскому начальству «для распредѣленія куда они годными окажутся», и наконецъ, 3) тѣхъ, которые хотя и старались укрыться отъ мятежниковъ, но будучи ими пойманы, противъ воли провозглашали на эктеніяхъ имя покойнаго императора Петра III, лишить священства, распредѣлить дьячками и пономарями.

Такихъ лицъ, подходящихъ подъ преступленіе всѣхъ трехъ категорій, оказалось очень много и въ одной Казани, по словамъ Платона Любарскаго, въ два дня разстригли болѣе 10 человекъ.

¹⁾ Арх. Синода, дѣло № 13.

²⁾ Церковное покаяніе должно было продолжаться въ теченіе трехъ дней: первые два дня вкушая только хлѣбъ и воду, приходять имъ въ назначенную церковь на всякое священнослуженіе и становиться передъ дверьми церковными, а на третій день, передъ начатіемъ литургіи пасть передъ церковью и тогда только имъ дано будетъ разрѣшеніе войти въ нее, безъ возвращенія права на священнодѣйствіе.

«Поповъ здѣсь, какъ овецъ стригутъ, писалъ онъ Н. Н. Бантынь-Каменскому ¹⁾, почему у насъ шерсть недорога; вчера и сегодня болѣе 10 разстригли, да ихъ же высѣбли батошьемъ. Велѣно не старше сорокалѣтнихъ писать въ солдаты, а прочихъ въ монастыри въ работу».

Продолжительное волненіе произвело полное экономическое разстройство края, грозило многими бѣдствіями и прежде всего голодомъ. Поля самыхъ плодородныхъ губерній оставались необработанными и уже въ августѣ, въ самый разгаръ сбора хлѣба, была неслыханная дороговизна и привоза его въ города почти не было. Предвидя недостатокъ въ хлѣбѣ, покойный казанскій губернаторъ фонъ-Брандтъ еще въ іюлѣ доносилъ о томъ Сенату, который возложилъ заботу о продовольствіи населенія на попеченіе провіантской канцеляріи. Средства послѣдней были совершенно ничтожны и главнокомандующій опасался, что могутъ произойти новые безпорядки отъ всеобщей нищеты.

«Ничто столько меня не волнуетъ, писалъ графъ П. И. Панинъ ²⁾, какъ предвозвѣщеніе почти неизбѣжнаго голода, если къ отвращенію того всюду и всѣми пособіями каждый не будетъ напрягать по должностямъ общей государственной связи всего всеподданническаго усердія къ вашему императорскому величеству и къ безвредности отъ Бога врученнаго вамъ государства».

Онъ просилъ содѣйствія Сената и присовокуплялъ, что сколько бы онъ одинъ ни принималъ мѣръ къ отвращенію голода, онъ не въ силахъ этого сдѣлать. Императрица разрѣшила графу Панину для необходимыхъ расходовъ по покупкѣ хлѣба брать наличныя деньги изъ доходовъ Казанской, Нижегородской, Воронежской, Бѣлогородской, Слободско-Украинской и Тобольской губерній ³⁾. «Прошу васъ, писала Екатерина ⁴⁾, особенное имѣть око и попеченіе о нужду терпящихъ во вѣранныхъ вамъ мѣстахъ, и если нужду и надобность въ томъ находите, то употребите на униманіе стона

¹⁾ Въ письмѣ, отъ 30 октября 1774 года. Госуд. Арх., VI д. № 527.

²⁾ Во всеподдан. донесеніи отъ 25 августа 1774 г. *Сборникъ Император. русскаго истор. общества.* Т. VI, стр. 118.

³⁾ Высочайшій указъ, отъ 2 сентября 1774 г. Архивъ Кабинета Его Величества.

⁴⁾ Въ рескриптѣ графу П. И. Панину, отъ 3-го октября 1774 г. *Сборникъ Императ. русск. истор. общ.,* т. VI, 154.

и плача разоренныхъ и нужду терпящихъ, въ провинціяхъ и уѣздахъ, гнѣвомъ Божиимъ посѣщенныхъ, *хотя отъ двухъ до трехъ-сотъ тысячъ рублей*, въ чемъ я васъ черезъ сіе и уполномочиваю». Всѣмъ губернаторамъ разореннаго края приказано соединенными силами стараться отвратить голодъ, а графу П. Панину сообщено, «чтобы по входѣ большаго числа войскъ въ Имперію», онъ обратилъ вниманіе на очищеніе дорогъ отъ воровскихъ шаекъ, которыя мѣшаютъ жителямъ привозить свои продукты въ города и на рынки ¹⁾).

Для облегченія продовольствія населенія императрица приказала полкамъ первой арміи остаться на зиму въ Польшѣ и бѣлорусскихъ губерніяхъ.

Съ своей стороны главнокомандующій, какъ только получилъ достовѣрныя извѣстія о доставленіи Пугачева въ Яицкій-городокъ, отправилъ приказаніе кн. Багратиону, чтобы онъ съ своимъ отрядомъ и тѣ восемь ротъ, которыя шли изъ Смоленска, возвратились въ мѣста прежняго ихъ расположенія ²⁾).

Всѣ эти мѣры лишь въ слабой степени улучшали положеніе разореннаго населенія. Сельскіе жители сами не имѣли хлѣба и везти имъ въ города было нечего. «Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, Воронежской, Нижегородской и Казанской губерній, доносилъ графъ П. И. Панинъ еще 3-го октября ³⁾), гдѣ я проѣзжалъ, (былъ) самовидецъ, что уже съ сентября мѣсяца обыватели инаго хлѣба не ѣдятъ, какъ съ лебедю, съ желудьми, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ мохѣмъ».

Воронежскій губернаторъ Шетневъ въ ноябрѣ доносилъ, что населеніе его губерніи не имѣетъ пропитанія. «Для доставленія нужду терпящимъ средства къ прокормленію, писала ему Екатерина ⁴⁾), и дабы они не разсѣялись по другимъ уѣздамъ, дозволяемъ вамъ употребить слѣдующій способъ: въ уѣздныхъ горо-

¹⁾ Собственноруч. письмо императрицы графу П. И. Панину, 2 сентября. Госуд. Арх., VI, д. № 490. См. также *Сборн. Император. русскаго истор. общ.*, т. VI, 121. Въ напечатанномъ письмѣ есть пропуски и опечатки.

²⁾ Письмо графа П. И. Панина Г. А. Потемкину, отъ 2-го октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

³⁾ *Сборникъ Императорс. русскаго историчес. общества*, т. VI, 159.

⁴⁾ Въ указѣ 2 декабря 1774 г., Арх. Сената, воіин Высоч. повелѣній, кн. № 208.

дахъ, состоящихъ посреди нужду претерпѣвающихъ мѣстъ, имѣете вы зачать дѣлать ровъ около тѣхъ городовъ, за умѣренную денежную или хлѣбную изъ казны плату всякому полу и возрасту людей, ибо кто не можетъ рыть землю, тотъ носить оную будетъ мало или много. Симъ способомъ, буде порядочно установите, люди отъ побѣга, неистовства и праздности удержаны будутъ и доставится имъ вспоможеніе въ прокормленіи. Всѣ же таковыя работы должны быть добровольны, отнюдь не нарядомъ и не съ такою огласкою, чтобъ изъ избыточныхъ мѣстъ къ вамъ работы стекались».

Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было необходимымъ сложить до времени всѣ недоимки, накопившіяся на жителяхъ разореннаго края, и обязать ихъ вносить подати лишь съ 1-го сентября 1774 года ¹⁾. Казанскій и нижегородскій губернаторы были вытребованы въ Симбирскъ для личныхъ объясненій съ главнокомандующимъ. На совѣщаніи было положено, для обезпеченія продовольствія населенія и войскъ, устроить провіантскіе магазины; нижегородскому губернатору купить 40,000, а казанскому 50,000 четвертей хлѣба. Изъ этихъ магазиновъ выдавать дѣйствительно терпящимъ нужду жителямъ отъ 2 до 3 четвериковъ на душу, подъ росписки помѣщиковъ, прикащиковъ или старостъ. Для развоза хлѣба по уѣздамъ употреблять заэонтрактованныя казною подводы съ платою по одной копѣйкѣ за версту. При этомъ графъ Панинъ обратился съ воззваніемъ къ болѣе зажиточному населенію, просилъ его оставить всѣ корыстолюбивыя виды и не возвышать цѣны на хлѣбъ и фуражъ. Главнокомандующій грозилъ, что виновные въ корыстныхъ цѣляхъ не только будутъ наказаны, но и казнены; лица же содѣйствующія его мѣрамъ будутъ представлены къ наградамъ. Последнее обѣщаніе имъ было въ точности исполнено. Узнавъ отъ казанскаго губернатора, что помѣщикъ Степанъ Егоровичъ Кроткій уступилъ свои значительные запасы хлѣба казнѣ по весьма сходной цѣнѣ, главнокомандующій просилъ императрицу о награжденіи Кроткаго слѣдующимъ чиномъ. «По

¹⁾ Циркуляръ графа П. И. Панипа оренбургскому, казанскому и нижегородскому губернаторамъ, 14 декабря 1774 г. Архивъ Сената, копія Высоч. повел., кн. 13.

состоянію же его въ отставку, писалъ при этомъ графъ П. Панинъ ¹⁾, и ни у какихъ дѣлъ, а образцовымъ въ здѣшнемъ краю хозяиномъ въ хлѣбопашествѣ, повышеніе его не можетъ нанести никому обиды; насупротивъ же оглашеніемъ онаго (что я сдѣлать и не преминулъ) произойти можетъ побужденіе и въ другихъ хозяевахъ, можетъ быть укрывающихъ избытки своего хлѣба на случай возвышенія онаго цѣнъ, къ отдачѣ его въ ссудные народу магазины за постановленные цѣны».

Кроткій былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, но послужилъ примѣромъ для немногихъ.

Независимо отъ заботъ правительства по улучшенію экономическаго быта разореннаго населенія, пугачевскій бунтъ указалъ на многіе недостатки въ администраціи, и императрица Екатерина намѣтила себѣ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ и трудилась впослѣдствіи. Описаніе мѣръ, принятыхъ для преобразованія внутренняго быта Россіи послѣ пугачевского бунта, должно составить особое изслѣдованіе и мы, не входя въ подробности, скажемъ, что въ числѣ первыхъ мѣръ было уменьшеніе пространства губерній, измѣненіе администраціи губернскихъ правленій, измѣненіе началъ въ управленіи башкирцами и киргизъ-кайсаками, преобразование казачьихъ войскъ, переселеніе волжскихъ казаковъ на Кавказъ, уничтоженіе Запорожской Сѣчи и проч.

Пространство уѣздовъ и число ихъ въ губерніяхъ было не соразмѣрно съ средствами и силами административныхъ органовъ. «По великой обширности нѣкоторыхъ губерній, сказано было въ указѣ отъ 7-го ноября 1775 г., оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми.» Поэтому число губерній было увеличено и Россія раздѣлена на 50 губерній.

«Сломавъ рога Пугачева и его сообщниковъ, писала Екатерина графу П. И. Панину, мысли множествомъ вдругъ приходятъ, изъ которыхъ, во-первыхъ, теперь есть вниманія достойны: невѣрность башкирцевъ, кои ничѣмъ на свѣтѣ не отягощены были (?),

¹⁾ Императрицѣ, отъ 5 декабря 1774 г. *Сборникъ Императорс. русскаго историческаго общ.*, т. VI, стр. 195.

а при всякомъ случаѣ злодѣями объявляются; второе — набѣги киргизскіе». Измѣненіе быта инородцевъ и ихъ отношенія къ правительству являлось дѣломъ крайне необходимымъ и императрица, поручая графу Панину представить свои соображенія по этому вопросу, не оставила безъ вниманія и казачьи войска. Прежде всего, по ходатайству Г. А. Потемкина, основанному на просьбѣ донскихъ казаковъ, было уничтожено названіе Зимовейской станицы, какъ родины Пугачева.

«Всемиловѣйшая государыня! писалъ Григорій Александровичъ Потемкинъ ¹⁾. Находящіеся здѣсь войска донскаго депутаты, поданнымъ ко мнѣ именовъ всего донскаго общества письмомъ, описывая то прискорбное для цѣлаго войска обстоятельство, въ которое они ввержены однимъ токмо воспоминаніемъ, что извергъ челоуѣчества и возмутитель всенароднаго покоя Емельянъ Пугачевъ происхожденіе свое изъ пѣдръ предѣловъ ихъ имѣлъ, и что отгорченные симъ ни мало непредвидимымъ случаемъ, неугасемья никогда ревностію сердца ихъ единственное успокоеніе свое въ милосердомъ уваженіи вашего императорскаго величества службы полагая, просятъ правосуднаго услышанія, и чтобъ во истребленіе толь гнусной для самихъ ихъ памяти, по желанію всего войска, всемиловѣйше дозволить Зимовейскую станицу, откуда сей помрачающій славу ихъ извергъ происхожденіе свое имѣеть, перенести совсѣмъ на другое мѣсто, а домъ его рожденія, превратя въ пепель, развѣять оный въ прахъ.

«Я по долгу моего надъ войскомъ симъ начальства, совокупно съ онымъ, повергая себя предъ освященнымъ вашего императорскаго величества правосуднымъ престоломъ, именовъ всѣхъ сихъ таковымъ незапнымъ приключеніемъ покрытыхъ стыдомъ и смущенныхъ духомъ воиновъ, осмѣлясь прозорливости вашей представляя, оправданную во всѣхъ случаяхъ противъ непріятелей отечества и многими подвигами въ сраженіяхъ утвержденную службу ихъ, приѣмлю смѣлость всеподданнѣйше просить: удостойте, всемиловѣйшая государыня, вопіющій къ освященной особѣ ва-

¹⁾ Во всеподдан. письмѣ отъ 11 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 518.

шей гласъ многихъ тысячъ составляющихъ донское общество, милосердаго услышанія и блистающимъ въ свѣтѣ правосудіемъ оправдайте, великая государыня, что толь гнусное чудовище, въ пылающихъ ко престолу вашему достохвальнымъ усердіемъ сердцахъ не токмо не совмѣстно, но и чуждо».

Императрица Екатерина изъявила согласіе и указомъ отъ 13 октября 1774 года повелѣно было перенести Зимовейскую станицу на новое мѣсто. «А какъ господа депутаты войска сего, писалъ Г. А. Потемкинъ ¹⁾, и полковники Машлыкинъ, Яновъ и Мартыновъ, просили меня о дозволеніи наименовать оную станицу званіемъ моя фамиліи, то принявъ оное желаніе ихъ съ душевнымъ признаніемъ и поставляя то за особливую себѣ честь, отдаю наименованіе оной на собственную волю сея станицы чиновъ, которую и переименовать при самомъ перенесеніи ея на другое мѣсто».

Станица была перенесена на противоположный берегъ рѣки и наименована *Потемкинскою*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оказать войску свое вниманіе, Екатерина приказала выслать съ Дона въ Москву 65 человекъ «самыхъ лучшихъ и способнѣйшихъ въ оборотахъ казацкихъ». Выбранные казаки должны были прибыть въ Москву къ январю 1775 года и составить почетный конвой императрицы. «А какъ оныя имѣютъ быть употреблены, писалъ Г. А. Потемкинъ ²⁾, въ знакъ ревности и усердія сего войска при высочайшемъ ея императорскаго величества дворѣ, то и не сомнѣваюсь я, что войско донское избраніемъ къ тому изъ именитыхъ и лучшихъ людей соотвѣтствующихъ какъ знаніемъ службы, такъ и поведеніемъ своимъ, оправдаетъ то непрестанное мое у престола ходатайство, которое я къ благополучію его употребляю».

Какъ начальникъ всей легкой конницы и казачьихъ войскъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ заботился объ успокоеніи войска яицкаго и водвореніи среди казаковъ мира и тишины. Въ

¹⁾ Въ предложеніи донцамъ отъ 23 октября 1774 года. Московск. Архивъ Главнаго Штаба. Исходящій журналъ Потемкина.

²⁾ Въ предложеніи на Донъ отъ 12 ноября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Исходящій журналъ Потемкина.

началѣ октября 1774 г. онъ отправилъ на Яикъ свой «*публичный листъ*», въ которомъ благодарилъ всѣхъ казаковъ, оставшихся вѣрными правительству и приказалъ прочитать его три раза населенію, а затѣмъ хранить въ войсковой канцеляріи на видномъ мѣстѣ.

«Войска яицкаго атаману Бородину, писалъ Потемкинъ, ¹⁾ всѣмъ того войска чинамъ вообще и каждому особо, изъявившимъ, при вѣроломности прочихъ собратій ихъ, непоколебимость духа своего и исполнившимъ на всегданнюю память потомства ихъ долгъ вѣрныхъ согражданъ и почтенныхъ отечества сыновъ.

«Съ душевнымъ оскорбленіемъ взирая на потрясеніе вѣрности нѣкоторыхъ ослабившихся лживыми вдохновеніями нарушителя всеобщаго покоя донскаго казака Емельяпа Пугачева и учинившихся совокупно съ нимъ извергами отечества, съ чувствительнѣйшимъ признаніемъ обращаюсь я къ тѣмъ избраннымъ и вѣчнаго почтенія достойнымъ войска сего чинамъ, кои въ неизчезаемой славѣ своей, при самомъ злодѣйскомъ съ братією ихъ потрясеніи подданической къ высокомонаршей отъ самого Бога установленной власти повиненія, непоколебимостію и твердостію духа своего оставшихся въ предѣлахъ должности, исполнили долгъ вѣрныхъ согражданъ и истинныхъ отечеству сыновъ.

«Симъ почтеннымъ воинамъ свидѣтельствую наипризнательнѣйшую мою благодарность и публично объявляю, что сей такъ (столь) отличный ихъ опытъ ревности и усердія къ освященному ея императорскаго величества престолу не только не сокрылся отъ прозорливаго ея вниманія, но съ достойнымъ всемплоствѣйшаго ея примѣчанія уваженіемъ принять и удостоенъ высочайшей апробаціи, съ такимъ высокомонаршимъ обнадѣживаніемъ, что такъ достойная служба ихъ праведнымъ воздана будетъ награжденіемъ, о которомъ я по долгу моего надъ войскомъ симъ начальства съ душевнымъ удовольствіемъ предстою освященному ея престолу ходатайствовать не престану».

Однимъ изъ первыхъ его ходатайствъ было «истребленіе изъ памяти» и предаііе вѣчному забвенію всего послѣдовавшаго на Яикѣ. Всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 10 января 1775 года

¹⁾ Въ публичномъ листѣ отъ 7 октября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Исходящій журналъ Потемкина.

Въ то же самое время, пользуясь прибытіемъ, 10-го августа, въ Царицынъ присланнаго Кречетниковымъ полковника князя Дондукова съ 3,000 калмыковъ, царицынскій комендантъ полковникъ Циплетевъ рѣшился выслать его на помощь Камышину (Дмитріевску). Присоединивъ къ калмыкамъ первую легкую полевую команду майора Дица, съ 7-ю полевыми орудіями, и поручивъ общее начальствованіе надъ отрядомъ полковнику князю Дондукову, полковникъ Циплетевъ предписалъ ему слѣдовать на Дмитріевскъ, не пропускать Пугачева къ Дону и слѣдить за тѣмъ, чтобы самозванецъ не могъ обойти отрядъ стороною и пробраться въ низовые города ¹⁾. Находившемуся въ Хоперской крѣпости полковнику Себрякову также приказано было Циплетевымъ дѣйствовать во флангъ надвигающейся толпы, причемъ царицынскій комендантъ писалъ ему, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, толпа мятежниковъ имѣеть весьма мало вооруженныхъ и большинство идетъ съ косами, бердышами, пасаженными на древеки на несѣдланыхъ лошадяхъ. Циплетевъ предложилъ присоединиться къ отряду Дондукова атаману волжскаго войска Персидскому, но тотъ объявилъ, что болѣе, и не поѣхалъ.

Выступая противъ непріятеля 12-го августа и желая еще болѣе усилить свой отрядъ, полковникъ Дондуковъ отправилъ нарочныхъ во всѣ улусы, чтобы всѣ владѣльцы, въ томъ числѣ и Ценденъ, всѣ зайсанги и калмыки, «кои службу снести могутъ, по донынѣ въ домахъ остающіеся», шли къ нему на соединеніе, «безъ наималѣйшаго времени продолженія» ²⁾.

Въ Дубовкѣ къ отряду Дондукова присоединился полковникъ Федоръ Кутейниковъ съ своимъ полкомъ и вмѣстѣ двинулись къ Дмитріевску. Получивъ извѣстіе, что самозванецъ, 11-го августа, занялъ уже Дмитріевскъ, полковники Дондуковъ и Кутейниковъ торопились занять постъ въ Балыклеевской станицѣ, но передовые

вѣшенъ въ Черкасскѣ. См. *Восп. дѣйствій донцовъ противъ Пугачева*, М. Сенютина. Современникъ, т. 46, стр. 92.

¹⁾ Рапортъ Циплетева военной коллегіи, отъ 12 августа 1774 г. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга V.

²⁾ Рапортъ Дондукова Кречетникову 13 августа 1774 г. Рапортъ полковника Циплетева ему же отъ 15 августа. Государ. Арх., VI. д. № 454.

изъ толпы Пугачева предупредили ихъ и потому, не доходя пяти верстъ до станицы, князь Дондуковъ, 15-го августа, повернулъ на р. Пролейку, гдѣ и расположился на ночлегъ ¹⁾).

Утромъ 16-го числа казачьи разъѣзды донесли о приближеніи толпы мятежниковъ въ числѣ 5 т. человекъ. Полковникъ Дондуковъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ: въ центрѣ стала легкая полевая команда подъ начальствомъ маіора Дица, на лѣвомъ ея флангѣ стали 300 человекъ казаковъ полковника Кутейникова, а на правомъ флангѣ калмыки. Лишь только появился непріятель, Кутейниковъ тотчасъ же атаковалъ правый флангъ мятежниковъ, смялъ ихъ и заставилъ отступитъ за свои орудія, но въ это время калмыки частію передались на сторону непріятели, а частію бѣжали съ поля сраженія.

Мятежники успѣли отрѣзать казаковъ отъ легкой полевой команды и подавили ихъ своею многочисленностью. Полковникъ Кутейниковъ съ нѣсколькими человекъ оставилъ поле сраженія и верстахъ въ 20-ти нагналъ полковника князя Дондукова съ 25 калмыками. Большая часть казаковъ отступила въ степь и потомъ по одиночкѣ пробиралась или въ станицы, или въ Царицынъ. Оставшись одинъ на полѣ сраженія, маіоръ Дицъ построилъ въ каре свою легкую полевую команду и, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, отбивался стоя на мѣстѣ. Его драгунская команда, численность которой не превышала 60 человекъ, подъ начальствомъ поручика Денисьева, бросаясь нѣсколько разъ въ атаку «дралась съ отличною храбростью, въ чемъ признавались пойманные подъ Царицыномъ злодѣи», но прорвать густую толпу мятежниковъ была не силахъ. Вскорѣ послѣ того маіоръ Дицъ былъ убитъ, многіе офицеры убиты или ранены, и солдаты, лишившись своихъ командировъ, пришли въ замѣнательство. Пользуясь этимъ, мятежники успѣли ворваться въ каре и тогда солдаты положили оружіе; всѣ офицеры были перебиты, за исключеніемъ одного прапорщика Лаптева, захваченнаго въ плѣнъ вмѣстѣ

¹⁾ Репортъ Дондукова Цицлетеву 15 августа. Государственный Архивъ, VI, д. № 454. См. также *Зап. Акад.*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 19.

съ солдатами ¹⁾. Впослѣдствіи всѣ плѣнные солдаты по одиночкѣ уходили изъ толпы и къ 25 августа возвратилось въ Царицынѣ до 200 человекъ ²⁾.

17 августа Пугачевъ занялъ Дубовку, — главный пунктъ тогдашняго волжскаго войска, поселеннаго по берегу рѣкъ Волги и Иловли для охраненія этой мѣстности.

Первое извѣстіе о приближеніи самозванца принесъ въ Дубовку волжскаго войска есаулъ Савелій Тараринъ, прискакавшій изъ Саратова. Войсковою атаманъ Василій Персидскій послалъ Тарарина съ этимъ извѣстіемъ въ Царицынѣ, и когда высланный полковникомъ Циплетевымъ отрядъ Дондукова былъ разбитъ, то Персидскій съ старшинами сѣли на лошадей и намѣрены были бѣжать изъ города.

— Когда вы ѣдете, то и мы отъ васъ не отстанемъ, сказалъ атаману есаулъ Борисовъ, и казаки стали также собираться въ путь.

— Мы поѣдемъ къ Дондукову посовѣтоваться, увѣрялъ Персидскій, а потомъ скоро вернемся назадъ; вы здѣсь останьтесь и подождите насъ.

Казаки повѣрили и остались. Черезъ часъ времени, атаманъ прислалъ съ дороги въ городъ старшину Григорія Полякова съ порученіемъ принять начальство и имѣть «всякую въ случаѣ злодѣйскаго прихода предосторожность». Поляковъ приказалъ поставить въ воротахъ двѣ единственныя пушки, но казаки говорили, что ими обороняться невозможно «противъ такъ великаго числа» мятежниковъ. Поляковъ приказалъ увести пушки и хотѣлъ затопить порохъ, но казаки его не допустили, и когда Пугачевъ появился въ 30-ти верстахъ отъ Дубовки, то Поляковъ отправилъ на встрѣчу самозванцу казака Сидора Сеслистова объявить, что въ городѣ нѣтъ ни атамана, ни казаковъ. «Сіе Поляковъ

¹⁾ Рапорты атамана Сулина Г. А. Потемкину отъ 28 августа и 12 октября 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 194, кн. 45. Рапортъ полковника Циплетева военной коллегіи 16 сентября 1774 г. № 244 (Тамъ же, оп. 47, св. 249). Записка капитана Николая Свербеева, поданная князю А. А. Вяземскому (Арх. Кабинета Его Импер. Величества).

²⁾ Всеподдан. рапортъ Циплетева отъ 25 августа. Госуд. Арх. VI, д. № 496.

для того сдѣлалъ, показывалъ казакъ Василій Горскій ¹⁾, неравно злодѣй разсудилъ бы, что въ городѣ мало людей и обойдетъ мимо въ разсужденіи того, что городъ пусть и поживиться ему будетъ нечѣмъ».

Возвратясь отъ Пугачева казакъ Сеслистовъ привезъ Полякову приказанія: встрѣтить государя съ честію, не отгонять табуна лошадей отъ города и приготовить на Волгѣ суда для того, по словамъ Пугачева, что «съ луговой стороны на нагорную будетъ перебираться его Черный гусарскій полкъ».

Получивши такое приказаніе, казаки рѣшились, не противясь, встрѣтить самозванца. Населеніе вышло за городъ съ хлѣбомъ и солью, а попъ, Яковъ Савинъ, съ нѣсколькими священниками съ крестами и образами. «Старшина и казаки, говорилъ маіоръ Салмановъ ²⁾, всѣ въ лучшихъ платьяхъ, со знаменами, показывали радостный видъ».

Впереди Пугачева ѣхала толпа яицкихъ казаковъ, и Поляковъ, не зная кто называется государемъ, спрашивалъ: какъ его узнать.

— Здѣсь государя нѣтъ еще, отвѣчали казаки; — а узнавайте его по тому, кто не скинетъ, по пріѣздѣ къ вамъ, шапки.

Вскорѣ подѣхалъ Пугачевъ и слѣзъ съ лошади; къ нему подошелъ протопопъ съ крестомъ; самозванецъ приподнял немного шапку и поцѣловалъ крестъ, но «не тутъ, гдѣ должно, а въ самые уста Спасителя» и потомъ опять надѣлъ шапку. Атаманъ Овчинниковъ подѣхалъ къ Пугачеву и протянулъ ему руку, «обернутую желтымъ платкомъ, а злодѣй, положи на оную свою, сталъ допускать народъ для цѣлованія». Сначала все это продѣлывалось стоя, а потомъ вынесли стулъ и Пугачевъ продолжалъ церемонію цѣлованія руки сидя. Въ числѣ встрѣчавшихъ самозванца былъ и старшій братъ войскового атамана.

— Гдѣ прочіе твои братья? спросилъ его Пугачевъ.

— Ушли, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же ты остался?

¹⁾ 31 октября 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 463.

²⁾ Въ показаніи отъ 26-го сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512.

Допрашиваемый представилъ присутствующимъ новую картину своихъ походовъ. Онъ говорилъ, что былъ выпущенъ мятежниками изъ секретной комиссіи вмѣстѣ съ женою Пугачева Софьею, съ которою будто-бы познакомился, когда былъ взятъ на Дону и содержался вмѣстѣ съ нею. Аристовъ увѣрялъ, что во время разоренія Казани мятежниками онъ, по приказанію Пугачева, былъ посаженъ въ одну телѣгу съ Софьею и доставленъ въ лагерь самозванца, гдѣ и приказано ему находиться при ней безотлучно ¹⁾).

— Увидя, что я скованъ, продолжалъ Аристовъ, — самозванецъ велѣлъ идти къ кузницѣ и расковаться. Идучи къ кузницѣ, нашелъ (нагналъ) я содержащагося въ секретной комиссіи, въ одной со мною казармѣ, казанскаго купца Александра Огородникова, который также былъ еще въ оковахъ, и обще съ нимъ пришедъ въ кузницу расковались. А какъ Огородниковъ имѣлъ нужду въ пищѣ,

Переведенный потомъ въ Московскій полкъ, Аристовъ въ 1762 году былъ уволенъ отъ службы сержантомъ. Возвратившись домой, онъ занимался тайно винокурениемъ и за это былъ взятъ опять въ солдаты и назначенъ на службу въ Томскій полкъ. Въ мартѣ 1770 года, согласившись съ нѣсколькими товарищами, Аристовъ бѣжалъ съ ними изъ Моздока, гдѣ находился полкъ, и пробрался сначала въ свое село, а потомъ, спасаясь отъ преслѣдованія своихъ сосѣдей-помѣщиковъ, бѣжалъ въ Москву. Тамъ онъ познакомился съ такимъ же бѣглымъ солдатомъ Великолуцкаго полка Андреемъ Козьминнымъ и въ началѣ 1774 года рѣшили отправиться въ Таганрогъ, къ родному брату Аристова, поручику Василию Аристову, служившему въ тамошнемъ гарнизонномъ баталіонѣ. Аристовъ принялъ на себя званіе сержанта, которому будто-бы было приказано отъ оберъ-комендантской канцеляріи доставить въ Таганрогъ бѣглаго солдата Андрея Козьмина. Сочинивъ инструкцію и подписавъ ее вымышленнымъ именемъ, они отправились въ путь и благополучно добрались до Донскаго войска. Проѣзжая внизъ по р. Медвѣдицѣ и остановившись въ Илецкой станицѣ, Аристовъ и Козьминъ рассказывали простому народу, что императоръ Петръ III живъ и стоитъ недалеко отъ Казани, имѣетъ большое войско, жалованье даетъ великое и деньги отъ него идутъ: на монетѣ портретъ съ бородою, которая немного подстрижена, что государь изображенъ въ казачьемъ платьѣ, на плечахъ у него: на правомъ звѣзда, а на лѣвомъ птица. По словамъ проѣзжающихъ, хотя и присланъ былъ въ Казань генералъ Вибиковъ, но онъ, «какъ узналъ, что тамъ подлинно государь, (то) теперь замолкъ и объявилъ дворянству, чтобы не слугъ своихъ посылали, а всѣ бы сами къ нему, государю, ѣхали. Здѣсь Пугачева разбойникомъ называютъ, а тамъ-де указы о немъ прибиты, что онъ уже сіятельный князь». Полковникъ Себряковъ приказалъ задержать рассказчиковъ, и 25 марта 1774 г. Аристовъ и Козьминъ были отправлены за карауломъ въ воронежскую губернскую канцелярію, а оттуда оба колодника были доставлены въ Казань, въ секретную комиссію и освобождены мятежниками во время разоренія города.

¹⁾ Показаніе Аристова 4 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 468.

то я, зная, что у злодѣевой жены во всемя будетъ изобиліе, позвалъ его съ собою. Около полудня пріѣхалъ къ ставкѣ (самозванца) верхомъ человекъ молодой, какъ-бы церковникъ или семинаристъ какой. Какъ же онъ подѣхалъ близко ставки и сошелъ съ лошади, то бывшій въ то время у злодѣя одинъ только, называемый полковникомъ, яицкій казакъ, вышедъ изъ ставки во-просилъ его: «что ты за человекъ и зачѣмъ сюда пріѣхалъ?» Пріѣзжій отвѣчалъ ему на ухо и полковникъ въ ту же минуту ввелъ его къ злодѣю. А я, любопытствуя знать, чтобы это за человекъ былъ и зачѣмъ пріѣхалъ, примѣчали съ Огородниковымъ, что будетъ дѣлать, и видѣли, что незнакомецъ, вошедъ въ ставку, сталъ передъ злодѣемъ на колѣни и держалъ въ рукахъ кошелекъ, вязанный изъ желтаго шелка съ серебромъ, наполненный деньгами. Злодѣй приказалъ ему съ колѣней встать и онъ, вставъ на ноги, разговаривалъ съ нимъ тихо, а держанный имъ кошелекъ подаль злодѣю, который приказалъ вошедшей въ ставку наложницѣ своей Дунькѣ подать тарелку. Она подала серебряную вызолоченную и изъ кошелька высыпали деньги на оную. Тутъ увидѣли мы, что въ кошелекѣ были все золотые полуимперіалы, имперіалы и червонцы, очень и очень много, такъ тысячи съ три. Злодѣй, обрадовавшись, приказалъ вручителю ихъ поднести чарку водки и когда откланивался, то злодѣй вслѣдъ ему кричалъ: «хорошо, благодари, благодари». Незнакомецъ, вышедъ изъ ставки, сѣвъ на лошадь, уѣхалъ. Я же между тѣмъ спрашивалъ у Огородникова, чтобы это за человекъ пріѣзжалъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «это пѣвчій архіерейскій изъ Воскресенскаго (монастыря)». Какъ же пѣвчій поѣхалъ, то злодѣй, вышедъ изъ ставки, приказалъ мнѣ подать ножницы и нитки; я, взявъ у наложницы дѣвки Машки, принесъ ему. Злодѣй приказалъ наложницамъ своимъ, Марѣуткѣ и Дунькѣ, подпороть подкладку у своего бешмета и, раскладя сіи золотыя, простягать такимъ образомъ: имперіалы и полуимперіалы около груди, а червонцы около подола. Какъ же оное исполнено, то злодѣй оный бешметъ надѣлъ на себя и всегда въ немъ ѣздилъ.

Какъ ни точны были повидимому эти показанія Аристова, но они противорѣчили съ тѣми, которыя были даны имъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тамъ онъ говорилъ, что посланный пріѣзжалъ

къ самозванцу утромъ, а здѣсь показалъ, что это было въ полдень. Въ Нижнемъ онъ скрылъ находеніе свое въ казанской секретной комиссіи и показалъ, что находился въ толпѣ мятежниковъ при приближеніи ихъ къ Казани, а здѣсь — сдѣлать этого не могъ. Не смотря на указанные противорѣчія, Аристовъ стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что деньги были привезены Пугачеву ни отъ кого другого, какъ отъ архіепископа Веніамина. Чтобы узнать, кто именно привозилъ эти деньги, П. Потемкинъ приказалъ расковать Аристова и свести въ церковь, когда Веніаминъ служилъ церемоніально и при немъ находилась вся его свита; но Аристовъ не указалъ ни на одного изъ семинаристовъ. «Я намѣренъ былъ, доносить Потемкинъ ¹⁾, подъ другимъ видомъ призвать въ секретную комиссію всѣхъ семинаристовъ, но злодѣй Аристовъ сдѣлался отчаянно болѣнъ и потому опасаясь я, чтобы смерть его не скрыла зло, которое надлежитъ вывести наружу. Ибо хотя не имѣю больше подозрѣнія толь высокаго степени духовнаго, которому бы надлежало лучше, въ обличеніи при крайности злодѣевъ во грѣхахъ ихъ, погибнуть и принять черезъ то вѣчную ангельскую и безсмертную славу, нежели толь подло думать о продолженіи жизни, которая и безъ того кратковременна. Однако соображая всѣ дѣла, нашелъ я нѣкоторую причину къ сомнѣнію, о чемъ вашему императорскому величеству изустно податель всеподданнѣйшаго моего донесенія донесеть».

Продолжая тщательные розыски, П. Потемкинъ успѣлъ найти въ числѣ пойманныхъ мятежниковъ и купца Александра Огородникова, который сначала говорилъ, что ничего не видалъ и не слышалъ, но 17-го сентября, на очной ставкѣ съ Аристовымъ, подтвердилъ слова послѣдняго. Огородниковъ сказалъ, что пріѣзжавшій былъ пѣвчій, по фамиліи Лебединскій, и что онъ помнитъ его «прозваніе потому, что оный пѣвчій самъ сказывалъ въ питейномъ домѣ, что мое-де прозваніе по нашему селу, гдѣ отецъ мой живетъ» ²⁾).

¹⁾ Императрицѣ отъ 17 августа 1774 г. *Русская Старина*, 1870 г., т. II, 407.

²⁾ Показаніе Огородникова отъ 17 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 468.

— Имени того пѣвчаго я вспомнить не могу, говорилъ Огородниковъ, — ибо я его года съ полтора не видалъ.

Лебединскихъ оказалось два брата: одинъ, Герасимъ, семинаристъ, а другой дьяконъ Иванъ, находившійся при архіереѣ въ пѣвческой должности. Семинаристъ былъ немедленно потребованъ въ секретную комиссію, гдѣ членъ ея, Горчаковъ, показалъ ему пакетъ, будто бы адресованный на имя его брата и спросилъ, гдѣ братъ его жительство имѣеть?

— Брата моего въ городѣ нѣтъ, отвѣчалъ спрошенный;—мѣсяца съ полтора тому назадъ онъ посланъ отъ преосвященнаго на рыбныя ватаги, отсюда 80 верстъ за Камою находящіяся.

Семинаристъ былъ отпущенъ, а Горчаковъ, обратившись къ находившимся въ той же комнатѣ Аристову и Огородникову, спросилъ, не онъ-ли привозилъ деньги къ самозванцу?

— Нѣтъ, не онъ, отвѣчали они, — но похожій на него; у того волосы порусѣе и носъ пошире.

Подозрѣвая, что это долженъ быть братъ семинариста, секретная комиссію отправила на рыбныя ватаги парочнаго за дьякономъ, который 1-го октября и былъ доставленъ въ Казань, но ни Аристовъ, ни Огородниковъ не признали его тѣмъ лицомъ, котораго искали. Тогда члены комиссіи приказали Аристову, въ присутствіи дьякона Лебединскаго, рассказать примѣты пріѣзжавшаго.

— Это былъ человѣкъ молодой, говорилъ Аристовъ,—ростомъ высоковатъ и тонокъ, лицомъ чистъ, востроносъ, глаза сѣрые, волосы свѣтлорусые; платье на себѣ имѣлъ кафтанъ длинный васильковаго цвѣта, подпоясанный каламянковымъ пестрымъ кушакомъ и волосы завязаны были пучкомъ.

— Кто бы изъ семинаристовъ походилъ на эти примѣты? спрашивали Лебединскаго.

— Съ сими примѣтами, отвѣчалъ Лебединскій подумавши, — схожъ выпущенный изъ семинаріи и находящійся теперь въ Воскресенскомъ, при домѣ преосвященнаго, въ должности бібліотекаря и экзаменатора ставленниковъ, поповскій сынъ Степанъ Ѳедоровъ, по прозванью Львовъ.

Въ тотъ же день Львовъ пьяный, съ пирушки, былъ взять

въ секретную комиссію. Когда онъ немного проспался, тогда стали его допрашивать.

— Какая поручена была тебѣ комиссія, спрашивали присутствовавшіе члены, — во время прихода подъ Казань злодѣя?

— Ахъ, Боже мой! отвѣчалъ Львовъ, — никакой, и я ничего знать не знаю.

— Знаешь-ли ты въ какомъ мѣстѣ теперь находишься?

— Знаю, въ секретной комиссіи.

— А когда знаешь, такъ долженъ сказать всю правду; не питай себя никакой надеждою и не возлагай ни на кого своего упованія.

— О, существо! да о чемъ мнѣ сказывать правду; я ничего не знаю; на кого мнѣ надѣяться—я человѣкъ беззаступный.

«А какъ при семь случаѣ примѣчено, сказано въ постановленіи комиссіи, что еще не весь чадъ изъ головы его вышелъ, то оставлено ему время на размышленіе до другого дня».

На слѣдующее утро Львовъ снова былъ призванъ въ секретную комиссію.

— Гдѣ ты находился, спрашивали его, — когда злодѣй Пугачевъ подъ Казань подступилъ съ своею злодѣйскою сволочью?

— Въ кремль, въ архіерейскомъ домѣ, отвѣчалъ Львовъ.

— Не повѣрено-ли тебѣ было какой комиссіи отъ архіерея?

— Мнѣ повѣрено экзаменовать кандидатовъ въ священники и дьяконы.

— Не о томъ мы тебя спрашиваемъ: не посланъ-ли ты былъ куда и съ чѣмъ-нибудь тогда, когда злодѣй взялъ форштадтъ?

— Нѣтъ; я ниже на четверть шага изъ кремля не выступалъ. Извольте спросить у всѣхъ, кои здѣсь были: у пѣвчихъ, монаховъ и духовника нашего. Я до тѣхъ поръ былъ въ кремль, пока дозволенъ сталъ выходить. Въ то самое время, когда злодѣй усиливался, я въ кремль, въ церкви Трехъ Святителей, съ пѣвчимъ Марковскимъ и музыкантомъ Седмезерскимъ, былъ на исповѣди у отца Евлагія.

— Ты намъ не говори этого и не надѣйся ни на кого, ибо здѣсь такое мѣсто, что никто не можетъ тебя заступить.

Подпоручикъ Горчаковъ отворилъ сосѣднюю дверь и вызвалъ къ себѣ Аристова и Огородникова, которые заявили, что Львовъ тотъ самый человѣкъ, который былъ у самозванца.

— Ну, вотъ, ты запираешься, а видишь, что двое на тебя представляютъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ Львовъ, объясните мнѣ, что они на меня доносятъ, ибо я ей-ей ничего худого за собой не знаю.

— Какъ тебѣ не знать! Ты посланъ былъ отъ архіерея къ злодѣю съ деньгами.

— Богъ мою душу, кромѣ всякаго покаянія, въ сіе мгновеніе ока, на семь мѣстѣ ужасно да извергнетъ изъ меня, если я не только отвозилъ къ злодѣю отъ архіерея деньги, но ежели хотя зналъ или во снѣ когда мнѣ объ этомъ пригрезилось. Передъ сущимъ Богомъ (говорю): я знать не знаю. Извольте спросить у всѣхъ, кои здѣсь были въ то время изъ знающихъ меня.

— Вотъ ужъ скажешь, какъ жилы тянуть станемъ, съ брюха и со спины кожу сдеремъ. Въ застѣнокъ мошенника, плута, злодѣя; небось, скажешь всю правду.

— Правосудные! ей-ей знать ничего не знаю.

Львова отвели въ сосѣднюю комнату, совѣтовали одуматься и признаться во всемъ чистосердечно. Спустя нѣсколько часовъ онъ былъ опять приведенъ къ допросу и встрѣтилъ въ той же комнатѣ Аристова и Огородникова.

— Ну что, одумался? спросили Львова члены секретной комиссіи.

— Да чего мнѣ одумываться, отвѣчалъ онъ: я ей-ей ничего не знаю.

— Какъ тебѣ не знать, замѣтилъ Аристовъ; развѣ я не видѣлъ, какъ ты изволилъ развѣзжать по полю. Я бы человѣкъ 80 свидѣтелей представилъ, да не знаю здѣшнихъ жителей.

— Расскажи, сказалъ Горчаковъ, обращаясь къ Аристову, какъ все дѣло было.

Аристовъ повторилъ свое показаніе, но Львовъ не признавался.

— Братцы, заговорилъ онъ, посмотрите хорошенько я-ли полно былъ, не ошиблись-ли вы.

— Мнѣ нельзя въ тебѣ ошибиться, замѣтилъ Огородниковъ, вѣдь мы бывали иногда съ тобою въ одномъ мѣстѣ и ты самъ меня знаешь.

— Я не спору, что мы съ тобою знакомы, но не знаю съ чего вы на меня объ этомъ показываете; я не приѣзжалъ въ станъ злодѣйскій, да и гдѣ мнѣ взять деньги.

— Полно, сердечный, не доводи себя до худого, признайся лучше, вѣдь мы не лжемъ на тебя, самъ ты знаешь.

Львовъ клялся, что изъ кремля никуда не выходилъ, просилъ допросить свидѣтелей, но судьи его не слушали.

— Нѣтъ, другъ, не отбожишься, говорилъ Аристовъ, вѣдь трудно *терпѣть три вечера* (пытки)—скажешь, небось!

— Да, вотъ посмотри-ка! сказалъ секретарь Зряховъ, указывая на Огородникова, у котораго вся рубашка была въ крови; спроси-ка у него какво?

— Довольно я терпѣлъ за тебя, говорилъ Огородниковъ съ упрекомъ; теперь хотя голову на плаху, а мы точно тебя видѣли приѣзжавшаго.

— Эхъ, братъ, Огородниковъ, побойся Бога, умолялъ его Львовъ, вспомни страшный судъ.

— Чего намъ напрасно говорить, замѣтилъ Аристовъ; къ намъ многихъ уже приводили на показъ, а напрасно на нихъ мы вѣдь не говорили.

Аристова и Огородникова приказано было вывести изъ присутственной комнаты.

— Ну что, все еще не хочешь сказать? спрашивали члены комиссiи.

Львовъ молчалъ.

— Онъ дюжъ, хочеть потерпѣть, говорилъ секретарь Зряховъ улыбаясь.

— Напрасно ты себя приводишь къ побоямъ, замѣтилъ Горчаковъ; подумай самъ: Огородниковъ тебѣ знакомъ и ему нельзя въ лицѣ твоемъ ошибиться.

— Правда, онъ знаетъ меня, отвѣчалъ Львовъ, только не понимаю, для чего онъ ложно на меня говорить.

Видя, что допрашиваемый не соглашается раскрыть истину и

не подтверждаетъ словъ Аристова и Огородникова, члены комиссіи приказали принести доску съ кольцами, раздѣть обвиняемаго и «*распетлить*» въ кольца.

— Батюшки, кричалъ Львовъ, справьтесь Христа ради съ другими.

— Вотъ я те ужѣ, кричалъ Горчаковъ, какъ тебѣ не знать.

— Полно, замѣтилъ Зряховъ, бросимъ, справимся еще, и если тогда не скажетъ, то не пеняй на насъ.

Обвиняемый былъ избавленъ отъ пытки и отведенъ въ тюрьму. Спустя нѣсколько часовъ Львову опять была дана очная ставка съ его обвинителями.

— Батюшки, говорилъ онъ со слезами, посмотрите пристальнѣе, я ли былъ?

— Чего смотрѣть, отвѣчалъ Аристовъ; мы знаемъ и видимъ, что точно ты пріѣзжалъ, вѣдь не обманъ былъ на твою рожу.

Львовъ былъ въ отчаяніи. Члены секретной комиссіи грозили ему пыткою, обѣщали тянуть жилы, если не скажетъ. Допрашиваемый удвоилъ клятвы, но Горчаковъ, не слушая ихъ, ударилъ подсудимаго два раза по лицу.—«И такъ, показывалъ Львовъ, я съ роду почти на себѣ лозочки не видалъ и природно будучи робокъ, трусилъ, не зная что далѣе со мною сдѣлають» ¹⁾.

— Не бейте, ваше благородіе, сказалъ онъ, я вамъ все скажу, только дайте мнѣ времени немного.

Присутствовавшіе согласились и въ тотъ же день, 2-го октября, записали слѣдующее показаніе Львова.

— Юля 12-го числа, говорилъ онъ, поутру, въ 5 часовъ, злодѣй пришелъ къ Казани, противъ котораго городовыя войска и обыватели имѣли сраженіе. Но будучи осилены, какъ зачали отъ злодѣя ретироваться, то я съ прочими находился въ сіе время на соборной колокольнѣ и примѣтя ретираду городскихъ жителей убоялись оставаться долѣе на колокольнѣ и, сбѣжавъ съ оной, намѣрены были каждый искать своего спасенія. Какъ шелъ я дворомъ, пробираясь къ своей кельѣ, то на крыльцѣ стоялъ тогда живущій въ кремлѣ, при домѣ преосвященнаго, въ должности соб-

¹⁾ Показаніе Львова, Государ. Арх., VI, д. № 468.

ственнаго его казначея и любимецъ его, Казанскаго дѣвичьяго монастыря дьяконъ Алексѣй Юнинъ, который увидя меня закричалъ: «Львовъ, поди сюда». Я подошелъ къ нему, а онъ, приказавъ мнѣ за собою идти и введши въ проходную келью, привелъ напослѣдокъ изъ оной наверхъ подъ крышу и держа меня выше локтя за руку говорилъ: «слушай, Львовъ, потрудись, пожалуйста, ты не будешь оставленъ; поди ты въ Спасскій монастырь, спустись со стѣны, да бѣги какъ можно скорѣе тайнымъ образомъ черезъ Успенскій мостъ, пока злодѣи по всему городу не разсыпались, въ Воскресенскій монастырь и взявъ тамъ лошадь скачи оттуда въ станъ злодѣйскій и отдай вотъ этотъ кошелекъ самому Пугачеву и говори такъ: «кланяется-де симъ вашему величеству его преосвященство архіепископъ казанскій и просить покорнѣйше освободить отъ разоренія загородный его Воскресенскій монастырь. Да смотри же, братъ, исправь сіе скрытнѣйшимъ образомъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ и не увидѣлъ и никому не сказывай, а буде по дорогѣ тебя кто спросить, куда бѣжишь, то скажи, что ищешь отъ злодѣевъ своего спасенія». Выслушавъ сіе я сталъ было отговариваться тѣмъ, что страшно попасть въ руки злодѣевъ. Но дьяконъ говорилъ: «пустое, братъ, чего тебѣ бояться? Думать надобно, что злодѣи будутъ стремиться всѣ къ кремлю, такъ ты свободно можешь обратиться въ Воскресенское. Пожайлуста, Степанушко, постарайся, право не будешь оставленъ, будь только скроменъ». Не смѣя болѣе отговариваться, ибо я думалъ тогда, что сіе возлагалъ онъ на меня съ повелѣнія архіерейскаго, принялъ золотомъ наполненный кошелекъ и спустясь изъ Спасскаго монастыря черезъ городую стѣну, пробрался мимо Успенія, Владимірской и далѣе черезъ плетни. Прибѣжавъ же въ Воскресенскій монастырь прямо на конюшню, взялъ лошадь, поѣхалъ въ станъ злодѣйскій, стоявшій тогда близъ деревни Савиновой, верстахъ въ 10-ти отъ монастыря. Какъ же въ оный я пріѣхалъ, то злодѣя Пугачева нашелъ тутъ; разбойникъ былъ тогда въ ставкѣ своей, къ которой пришедъ я просилъ перваго попавшагося мнѣ казака, называемаго дежурнымъ, чтобъ доложилъ обо мнѣ злодѣю, придавъ ему титулъ императора, сказавъ о себѣ, что присланъ изъ Воскресенскаго мо-

настыря. А какъ сей казакъ сталъ меня выспрашивать, зачѣмъ я присланъ, то сказалъ ему, что имѣю тайность. Почему казакъ, входя къ злодѣю и вышедъ оттуда, позвалъ меня. Я, вошелъ и держа въ рукахъ означенный кошелекъ, въ поясъ поклонился злодѣю и потомъ, подавая кошелекъ въ руки, говорилъ сіи слова: «кланяется симъ вашему величеству его преосвященство архіепископъ казанскій». Злодѣй принялъ отъ меня оный и держа въ рукахъ потрясъ, а потомъ отдалъ случившейся при томъ какой-то женщинѣ, а сія тотчасъ высыпала изъ кошелька на позолоченную тарелку. Тутъ могъ я примѣтить, что число червонныхъ немалое было, ибо тарелка, будучи глубока, почти подъ край наполнена была. Пугачевъ приказалъ оному казаку поднести мнѣ чарку вина, которую я и выпилъ. Помянутый, называющійся дежурнымъ, казакъ, положи руку на мое плечо, далъ знакъ, чтобы я сталъ на колѣни, что я и сдѣлалъ, а злодѣй оборотясь ко мнѣ сказалъ: «хорошо, поблагодари». Я всталъ и поклоняся ему вышелъ изъ ставки и поѣхалъ обратно въ Воскресенскій монастырь, въ которомъ жилъ я два дня, ибо уже не можно было мнѣ проѣхать въ кремль. Какъ же потомъ злодѣйская сволочь, войсками командуемыми полковникомъ Михельсономъ разсыпана и прогнана, то я пріѣхалъ въ кремль, гдѣ помянутый дьяконъ (Іонинъ), увидѣвъ меня въ сѣняхъ дома архіерейскаго, спрашивалъ наединѣ: «былъ-ли ты тамъ?» Былъ, отвѣчалъ я, и отдалъ; приказалъ онъ благодарить. А дьяконъ сказалъ мнѣ: «смотри же, никому не сказывай, такъ не будешь оставлепъ». Почему я и общался молчать и для сего самаго, что боялся и архіерейскаго гнѣва.

Показаніе это еще болѣе убѣждало въ дѣйствительности сношеній архіепископа Веніамина съ самозванцемъ, и потому члены секретной комиссіи торопились захватить въ свои руки дьякона Іонина. Въ 8 часовъ утра, 3-го октября, былъ посланъ въ дьякону человекъ полковника князя Одоевскаго попросить Іонина къ своему господину для нѣкоторыхъ объясненій. Дьяконъ явился въ квартиру князя, а ожидавшій его прихода членъ секретной комиссіи Горчаковъ взялъ и привелъ его въ присутствіе. Указавъ дьякону на важность мѣста, гдѣ онъ находится, члены комиссіи объявили, что онъ долженъ показать всю правду, о чемъ будетъ спрашиванъ, до какой бы особы она ни касалась.

— Я знаю важность сего мѣста, отвѣчалъ Іонинъ, — и конечно, сказалъ бы всю правду, если бы что зналъ, но я ничего ни за собою, ни за другими не знаю и не понимаю, по какому дѣлу сюда призванъ.

На это ему объявлено, «чтобы выкинулъ изъ головы своей такія мысли», и зналъ, что онъ призванъ въ комиссію по такимъ обстоятельствамъ, которыя могутъ его обличить въ случаѣ заперательства.

— Воля ваша, отвѣчалъ дьяконъ, — для меня это непонятно, я ничего не знаю.

— Неправда, ты знаешь, да не хочешь сказать; боишься, можетъ статья, той персоны, отъ которой была поручена тебѣ комиссія. Это мѣсто такое, что ты не долженъ никого опасаться, кто бы онъ ни былъ.

— Кого мнѣ бояться и что за комиссія, я не знаю.

— Какъ не знаешь: тебѣ поручена была комиссія во время нашествія на здѣшній городъ злодѣевъ. Развѣ забылъ ты кошелекъ?

— Что значитъ кошелекъ? спрашивалъ дьяконъ; — я ничего не знаю, говорилъ онъ въ смущеніи.

Въ отвѣтъ на это было прочитано показаніе Львова.

— Знать не знаю, говорилъ Іонинъ; — денегъ отъ преосвященнаго не принималъ и никому ихъ не отдавалъ.

— Если тотъ человѣкъ, которому ты деньги давалъ, тебя изобличитъ, говорилъ Зряховъ, — то тебѣ помилованія уже не будетъ; съ тобою поступлено будетъ иначе.

— Знать ничего не знаю, повторялъ дьяконъ.

— Тебѣ этого говорить нельзя; есть точные доказательства, которые при томъ были.

Въ присутствіе ввели Степана Львова.

— Когда я тебѣ давалъ такія деньги? спросилъ Іонинъ.

— Да, ты подлинно мнѣ деньги отдалъ, отвѣчалъ Львовъ.

Дьяконъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на всѣхъ присутствовавшихъ. Львовъ повторилъ свое показаніе, но и послѣ того Іонинъ отпирался; тогда приказано было сковать дьякона, отвести въ заключеніе и данъ ему срокъ подумать до слѣдующаго дня, а затѣмъ объяснить всѣ обстоятельства дѣла.

— Ну что, подумалъ? спрашивали судьи Іонина на слѣдующее утро.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ спрошенный, — все это напрасно.

— Вотъ тебѣ еще три часа сроку, сказалъ Горчаковъ, — а потомъ если не повинишься, то будемъ съѣчь немилосердно.

Часу въ пятомъ послѣ обѣда Іонинъ былъ опять приведенъ въ судейскую.

— Говори, въ послѣдній разъ тебя спрашиваемъ.

— Ничего не знаю, отвѣчалъ дьяконъ.

Въ комнату внесли доску съ кольцами; Іонину приказали разоблачиться. Онъ заплакалъ.

— Какъ мнѣ сказать, произнесъ онъ, — я совсѣмъ пропаду и буду вѣчно несчастливъ.

— Чего тебѣ бояться правды; вѣрь, что никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ.

— Виновать, проговорилъ Іонинъ, кланяясь въ ноги членамъ комиссіи.

— Какимъ образомъ все происходило?

— Помилуйте, говорилъ дьяконъ, — чѣмъ я могу доказать, когда онъ (Веніаминъ) запрется; вѣдь я тогда долженъ буду пропасть.

— Ты не долженъ въ этомъ сомнѣваться, лишь бы сказанное тобою было правда.

— Юля 12-го числа, говорилъ дьяконъ, — когда злодѣй съ разбойническою своею сволочью пришелъ подъ Казань, то преосвященный Веніаминъ въ соборѣ приносилъ мольбы Всевышнему о пораженіи злодѣевъ, но потомъ, какъ городовыя войска, не въ силахъ будучи отразить злодѣевъ, зачали къ крѣпости ретироваться, то преосвященный, вышедъ изъ собора и войдя въ крестовую, благословлялъ бывшихъ въ оной людей. Выйдя изъ крестовой въ свою спальню, позвалъ меня за собою и взявъ со стола приготовленный кошелекъ, наполненный золотою монетою, и отдавая оный мнѣ въ руки, говорилъ дрожащимъ голосомъ: «возьми этотъ кошелекъ, да сыщи человѣка проворнаго и надежнаго, отдай ему оный и вели бѣжать скорѣе въ Воскресенскій монастырь и тамъ, взявъ ло-

шадь, скакалъ бы въ станъ злодѣйскій и отдалъ бы этотъ кошелекъ въ руки самому Пугачеву и сказалъ, что преосвященный отъ загороднаго своего дома кланяется симъ хлѣбомъ. Я боюсь, чтобы злодѣи не разорили и не сожгли загороднаго моего дома, такъ и того, что буде они, отъ чего Боже сохрани, ворвутся въ крѣпость, то перваго меня умертвятъ». И такимъ образомъ, отдавъ мнѣ сей кошелекъ, самъ пошелъ въ соборъ служить молебень.

Показаніе дьякона Юнина ¹⁾ не оставляло уже никакого сомнѣнія въ томъ, что преосвященный Веніаминъ имѣлъ сношеніе съ Пугачевымъ, и слѣдственная комиссія была въ крайнемъ затрудненіи, какъ поступать ей далѣе. «Дерзаю, всемилостивѣйшая государыня, писалъ Павелъ Потемкинъ ²⁾, всеподданнѣйше просить монаршаго вашего повелѣнія, какимъ образомъ поступить мнѣ со впадшимъ въ преступленіе, не допуская до соблазна, употребляя всевозможныя мѣры, чтобы скрыть сіе отъ народа, дабы явно не былъ вмѣшанъ чловѣкъ толь высокаго сана въ дѣла разбойника».

Воспользовавшись тѣмъ, что 13-го октября преосвященный Веніаминъ долженъ былъ переѣхать изъ села Савинова, гдѣ онъ жилъ, въ Казань для разстриженія саранскаго архимандрита Александра, П. Потемкинъ просилъ архіепископа повидаться съ нимъ. Онъ предложилъ Веніамину остаться въ городѣ, поселиться въ Спасскомъ монастырѣ и прочиталъ ему предложеніе секретной комиссіи, которая требовала разъясненія взведенныхъ на него обвиненій ³⁾.

«Секретная комиссія, сказано было въ предложеніи ⁴⁾, производя дѣла, касающіяся до нея по причинѣ бывшаго мятежа, должностію имѣетъ по высочайшему созволенію слѣдовать и находить всѣ источники, произведшіе толикое зло въ возлюбленномъ отечествѣ нашемъ. Вашему высокопреосвященству извѣстно, что каж-

¹⁾ Отъ 4 октября 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 468.

²⁾ Въ донесеніи отъ 8 октября 1774 года. *Русская Старина*, 1870 г., т. II, стр. 411. См. также Госуд. Арх., VI, д. № 489.

³⁾ Всеподд. донесеніе П. Потемкина 16 октября 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 489. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1844 г., № 36.

⁴⁾ Отъ 14 октября 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 468.

дый сынъ отечества, каждый рабъ ея величества, въ силу клятвы, данной передъ всемогущимъ Богомъ возлюбленной Его помазанницѣ, августѣйшей государынѣ и самодержицѣ нашей императрицѣ Екатерины Алексѣевнѣ, первымъ долгомъ въ жизни своей поставляетъ ни малѣйшаго въ ней не пропускать, который (что?) до цѣлости общаго спокойствія и наблюденія высочайшихъ правъ ея величества относится. То наипаче сія комиссія, будучи учреждена точно на основаніи томъ, что все касающееся къ изслѣдованію начала причинъ бывшаго зла и разбирательству всѣхъ происшествій оныхъ, обязана исполнить по существу долга своего все то, что до нея принадлежать имѣеть.

«Симъ приступаетъ секретная комиссія предложить въ священномъ имени ея императорскаго величества вашему преосвященству слѣдующее:

«Показано на ваше преосвященство, яко бы вы въ тотъ день, когда приключенія съ казанскимъ фортштадтомъ послѣдовали и бунтовщики въ оный ворвались, посылали самозванцу кошелекъ, наполненный золотыми деньгами, по виду до 3,000 рублей.

«Присутствующіе въ секретной комиссіи, съ крайнимъ прискорбіемъ внимаая сей поступокъ, невѣроятный отъ высокаго сана вашего, почли на первый разъ за клевету; но дабы ничего не упустить по должности, исканы были отъ комиссіи тѣ свидѣтели, которые могли бы какъ утвердить показателя, такъ и обличить семинариста, который, яко бы отъ имени вашего, пріѣзжалъ съ дарами къ злодѣю. Все сіе найдено. Хотя показатель считалъ сего посланнаго семинаристомъ, но сей—библіотекаръ вашего преосвященства, по многомъ заперательствѣ признался, что онъ погрѣшилъ передъ Богомъ и передъ ея величествомъ, и повинуюсь слѣпо вашей власти, отвезъ онныя деньги отъ имени вашего, по приказу дьякона Алексѣя Юнина. Сей дьяконъ, будучи тверже перваго въ непризнаніи истины, видно, что сердце его ощущало угрызения совѣсти, наконецъ равно признался, что онъ точно принялъ деньги отъ вашего преосвященства и послалъ онныя съ показаннымъ библіотекаремъ, яко надежнымъ въ вѣрности толь горестной для пользы общества, къ самозванцу и именемъ вашимъ просилъ избавленія отъ разоренія вашего загороднаго дома.

«Допросы каждому изъ нихъ читаны въ присутствіи, на нихъ утвердились они клятвою и подписались своеручно.

«По таковымъ доказательствамъ не могла обойтись секретная комиссія, чтобы не спросить изъясненія вашего преосвященства о семъ, предлагая, если показаніе сіе справедливо (чего безъ содрганія сердца невозможно представить), чтобы вы благоволили открыть всю истину, не утаивая въ сердцѣ своемъ, какихъ ради причинъ посылали вы подарки къ бунтовщику и самозванцу? А чтобы доказать яснѣ вашему преосвященству основательныя причины, побудившія комиссію приступить къ сему, опредѣлила комиссія прочесть прежде вашему преосвященству допросъ дьякона, бывшаго наперника вашего.

«Не надлежало бы комиссіи предлагать вашему преосвященству, яко первосвященнику просвѣщенному, нагбенному подъ бременемъ многихъ лѣтъ, имѣющему многія познанія, многія испытанія и знающему всю цѣну священнаго благоговѣнія, каковое должно имѣть къ помазанницѣ Божіей, но должность есть комиссіи предложить вашему преосвященству, чтобы вы, чѣмъ болѣе знаете важность всего почтенія и вѣрности къ монархамъ, тѣмъ менѣе, по просвѣщенію своему дѣлали укрывательство въ погрѣшеніи, понеже комиссія, если бы не имѣла ясныхъ доказательствъ, къ сему не приступила бы.

«Но ежели душа ваша чиста и непорочна, обличите клевету показателей на васъ равными ясными доказательствами, къ лицу наперника вашего, который долго колебался открыть вину свою, но признался въ оной. И для того комиссія проситъ ваше преосвященство, чтобы вы соизволили отвѣтъ свой написать на сіе предложеніе, дабы во всемъ могла она отвѣтствовать передъ престоломъ ея величества. А потомъ, если вы не откроете истины, представленъ будетъ показанный дьяконъ передъ лицо ваше ко объясненію дѣла».

Съ удивленіемъ и огорченіемъ прочелъ маститый старецъ предложеніе Потемкина. Какія доказательства и притомъ ясныя могъ привести онъ въ свое оправданіе? Веніаминъ отвѣчалъ, что не только не давалъ никому денегъ 3,000 руб., но и въ мысляхъ этаго не имѣлъ; что Воскресенскій свой монастырь онъ оставилъ

за шесть дней до прихода Пугачева; что изъ кремля никуда не выходилъ; что во время штурма все время служилъ молебны и дьяконъ Ионинъ былъ безотлучно при немъ и «стало быть то на меня показаніе совѣмъ невѣроятное и онъ, дьяконъ, какъ меня, такъ и себя оболгалъ напрасно. Сіе я показую по самой чистой совѣсти, такъ какъ передъ престоломъ Божиимъ, и заклинаю себя въ томъ небомъ и землею»¹⁾.

Веніаминъ просилъ Потемкина привести къ нему дьякона или дать имъ очную ставку, но послѣдній не согласился на эту просьбу по слѣдующимъ причинамъ: «первое, писалъ онъ²⁾, что безъ высочайшей воли вашей не дерзаю приступить къ убѣжденію его таковымъ образомъ, и второе, что послѣ провѣдать бы могли сличеніе между архипастыря и дьякона, къ униженію славы и почтенія первому. А сверхъ того дьяконъ, привыкнувъ къ почтенію сана преосвященнаго, легко можетъ при лицѣ его отъ робости запереться. Въ самомъ дѣлѣ видимо, что исполнено сіе отъ единаго страху смерти, котораго преодолѣть его преосвященство не былъ въ состояніи». Представляя императрицѣ показанія Аристова, Огородникова, Львова, Ионина и отвѣтъ преосвященнаго, и желая до времени прекратить сношенія Веніамина съ посторонними лицами, П. Потемкинъ опредѣлилъ для постоянного пребыванія при архіепископѣ подпоручика Горчакова и сенатскаго секретаря Чередина. Первый долженъ былъ отвѣчать за всѣ поступки Веніамина, а второй вести журналъ всему происходящему въ кельѣ³⁾. Виѣстъ съ тѣмъ въ Воскресенскомъ монастырѣ было запечатано все, что можно: музей, кладовыя и жилыя комнаты; книги и рукописи были взяты въ секретную комиссію, но въ нихъ ничего не найдено.

«Впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, писалъ Потемкинъ, употребляю я всѣ мѣры скрыть сіе отъ народа, дабы не подать

¹⁾ Объясненіе Веніамина 14 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 468.

²⁾ Во всеподдан. донесеніи отъ 16 октября 1774 г. Тамъ же, № 489.

³⁾ Основываясь на письмѣ Веніамина къ графу П. И. Панину, г. Д. Анучинъ говоритъ (*Рус. Вѣстникъ*, 1869 г., № 6, стр. 370), будто въ келью преосвященнаго былъ приставленъ крѣпкій караулъ, но это невѣрно.

ни малѣйшаго подозрѣнія». Скрыть этого было невозможно. Въ Казани давно уже знали объ арестѣ Львова и дьякона Юнина; знали, что ихъ допрашивали и содержатъ въ оковахъ. «У насъ всѣ объаты страхомъ, писалъ Платонъ Любарскій Бантышъ-Каменскому ¹⁾, въ томъ числѣ и я; неизвѣстно, когда наступитъ конецъ такому тревожному состоянію».

«Сколько преступленій совершаетъ секретная коммиссія, писалъ онъ же нѣсколько дней спустя ²⁾, и днемъ и ночью, объ этомъ ни говорить, ни писать нельзя. Никого не выпускаютъ и не выпускаютъ въ городъ, въ томъ числѣ я и нѣкоторые другіе должны оставаться въ городѣ. Сколько несправедливостей, печалей и безславія на всю Европу! Сколько невинной крови можетъ пролиться! Прошу тебя, ради Бога, это и прочія мои письма не показывай никому. Положи печать на уста свои, чтобы черезъ разглашеніе не подвергнуть и меня и себя несчастію».

Между тѣмъ, полученное въ Петербургѣ донесеніе Павла Потемкина надѣлало много шума, и чтобы прекратить всѣ разговоры Екатерина признала необходимымъ удалить Веніамина отъ управленія епархіею. «Приложенное дѣло, писала императрица Г. А. Потемкину ³⁾, прошу сегодня вручить преосвященному петербургскому для его собственнаго извѣстія, и понеже сомнѣнія нѣту (хотя казанскій архіерей и отпирается) о его непростительной съ злодѣями пересылкѣ, и для того желаю я, чтобы преосвященный петербургскій написалъ бы письмо къ казанскому архіерею съ тѣмъ, дабы сей изъ ума выжившій старикъ просился бы немедленно на обѣщанье, и если сіе сдѣлаеть архіерей казанскій, то въ разсужденіи сана уже далѣе слѣдствіе производить не велю, ибо желаю утушить и слухъ сего дѣла».

Такое рѣшеніе императрицы было сообщено и Павлу Потемкину, причемъ Екатерина, посылая ему копію съ письма преосвященнаго петербургскаго къ Веніамину, поручала объявить по-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 9 октября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 527.

²⁾ Въ письмѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскому отъ 16 октября 1774 г. Тамъ же.

³⁾ Въ запискѣ безъ числа и мѣсяца. Государственный Архивъ, V, д. № 85.

Записка эта напечатана П. С. Лебедевымъ въ его книгѣ: *Графы Н. и П. Панины*, изд. 1863 г., стр. 321.

слѣдному, чтобы онъ просился на обѣщаніе куда хочеть, кромѣ Москвы и Казани ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе, не желая оставаться въ подозрѣніи, преосвященный Веніаминъ старался оправдаться, но все усилія его оставались долгое время тщетны. Прошелъ почти мѣсяцъ со дня его заключенія. Пугачевъ и все главнѣйшіе его сообщники были взяты и доставлены въ Москву; туда же отправлены и все обвинители казанскаго архіерея. Веніаминъ просилъ дать ему очную ставку съ клеветниками, но ему отказывали; онъ писалъ письмо графу П. И. Панину ²⁾), прося его спросить самого Пугачева, получилъ-ли онъ какой-либо подарокъ во время его пребыванія подъ Казанью, но и эта просьба долгое время оставалась неисполненною. Тогда Веніаминъ успѣлъ отправить черезъ чиновника своей канцеляріи Петра Васильева донесеніе св. Синоду, въ которомъ просилъ, чтобы «я по старости своей въ безвинномъ заключеніи не окончилъ жизнь свою, ибо я имѣю отъ того въ несносной печали и болѣзни, доложить ея императорскому величеству и испросить, чтобы повелѣно было для принесенія оправданія явиться мнѣ хотя съ предписаннымъ дьякономъ передъ лицо ея величества, понеже я справедливаго разсмотрѣнія и рѣшенія, той напрасно внесенной на меня клеветы, кромѣ сердцевѣдца Бога и ея императорскаго величества отъ реченной комиссіи (секретной) быть не уповаю ³⁾).

Синодъ исполнилъ просьбу старца, доложилъ императрицѣ, и донесеніе Веніамина было отправлено въ Москву, въ тайную экспедицію. Тамъ 3-го января 1775 года снова допрашивали Илью Аристову, который показалъ, что никакого посланнаго къ Пугачеву не видалъ; «что на учиненномъ ему въ нижегородской губернской канцеляріи допросѣ» не утверждается, затѣмъ, что объявленное отъ него показаніе произошло отъ нестерпимости побой, что его раздѣтаго били въ три палки, принимаясь два раза же-

¹⁾ Письмо Екатерины II. Потемкину отъ 12 ноября 1774 г. *Русская Старина*, 1875 г., т. XIII, стр. 125.

²⁾ Отъ 7 ноября 1774 г. *Русская Старина*, 1870 г., т. II, 413.

³⁾ Донесеніе Веніамина св. Синоду 15 ноября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 468.

стоко, приче́мъ, его спрашивали, не былъ-ли кто у злодѣя съ подарками и не подсылалъ-ли казанскій архіерей Пугачеву денегъ? На что онъ, Аристовъ, хотя и показывалъ, что того не знаетъ, но послѣ, какъ его стали о томъ выпрашивать подь битьемъ палками, то не стерпя онаго наказанія и показалъ на-прасно» ¹⁾).

Привели въ тайную экспедицію Огородникова, о которомъ преосвященный Веніаминъ, за долго до разоренія Казани мятежниками, три раза представлялъ секретной комиссіи, какъ о раскольникѣ и чловѣкѣ крайне подозрительномъ и имѣвшемъ тайныя сношенія съ мятежниками. На вопросъ, видѣлъ-ли онъ кого изъ пріѣзжавшихъ къ Пугачеву во время штурма Казани, Огородниковъ отвѣчалъ, что никого не видалъ. При этомъ онъ заявилъ, что и на очной ставкѣ съ Аристовымъ въ казанской секретной комиссіи также показывалъ, что никого не видалъ, «но какъ потомъ его стали сѣчь и сѣкли жестоко въ кольцахъ плетью, то онъ по нестерпимости того наказанія и подтвердилъ показаніе Аристова».

Спрошенный Степанъ Львовъ также говорилъ, что все его показаніе ложно и вымышлено.

— На дьякона Алексѣя Іонина показалъ я не по причинѣ злобы или ссоры какой, но думая, что ежели точно архіерей посылалъ къ злодѣю деньги, то нельзя ему не знать (ибо онъ архіереемъ безмѣрно любимъ). И такъ, можетъ быть поступая при допросѣ праводушно, скажетъ онъ (Іонинъ) истинно кто былъ посланъ къ злодѣю, а тогда и я оправдаюсь. Но что его превосходительству П. С. Потемкину не открылся я въ истинѣ, когда онъ вызвавъ меня спрашивалъ, тому причиной, что когда дьякона Іонина допрашивали, то между прочимъ подпоручикъ Николай Ивановъ (Горчаковъ) говорилъ: вотъ ужъ Павелъ Сергѣевичъ пріѣдетъ, онъ дастъ тебѣ не знаю; то я тутъ записалъ въ памяти, что, конечно, генералъ страшнѣе допрашиваетъ, что онъ имъ грозить.

На вопросъ, сдѣланный въ тайной экспедиціи Іонину, зачѣмъ онъ показалъ небылицу и взвелъ обвиненіе на себя и на архіе-

¹⁾ Показаніе Аристова 3-го января 1775 года. Госуд. Арх., VI, д. № 468.

рея, дьяконъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это «со страху, побоясь жестокихъ побой».

На очной ставкѣ Пугачева съ С. Львовымъ, самозванецъ заявилъ, что его не знаетъ, что подъ Казанью отъ архіерея въ кошелькѣ денегъ никто ему не привозилъ и съ позолотою тарелки «во все время его злодѣйства» у него не было. Казаки Перфильевъ, Чумаковъ и дворецкій самозванца казакъ Фофановъ подтвердили показаніе Пугачева. Невинность архіепископа Веніамина была очевидна, и положеніе П. Потемкина было крайне непріятно. Допросамъ казанской секретной комиссіи не стали вѣрить и многихъ обвиняемыхъ переспрашивали вновь, а между тѣмъ время проходило и наступилъ уже четвертый мѣсяць, съ тѣхъ поръ какъ Веніаминъ былъ арестованъ въ своей кельѣ. Императрица Екатерина спѣшила исправить неумѣстную ретивость уполномоченнаго ею предсѣдателя секретной комиссіи.

«Дознавъ твердо, писала она Синоду ¹⁾, невинность преосвященнаго Веніамина, архіепископа казанскаго, по дѣламъ о мятежѣ тамошняго края, гдѣ онъ нагло обнесенъ былъ бездѣльникомъ Аристовымъ, въ награжденіе его добродѣтелей, удовлетворяя тѣмъ и самое правосудіе, всемилоостивѣйше повелѣваемъ мы именовать ему отнынѣ *митрополитомъ казанскимъ* и носить по обычаю бѣлый клобукъ».

«Покройте почтенную главу вашу, писала императрица въ тотъ же день Веніамину ²⁾, симъ отличнымъ знакомъ чести (клобукомъ); да будетъ онъ для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить, по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ того края».

Только въ началѣ февраля письмо императрицы дошло до Веніамина. Мстительный старецъ въ тотъ же день благодарилъ Екатерину за то, что она воскресила его отъ гроба, возвратила ему жизнь, посвященную въ теченіе 53-хъ-лѣтней службы непоколебимой

¹⁾ Въ указѣ отъ 26-го января 1775 г. См. *Сборникъ древностей Казанской епархіи*, стр. 110.

²⁾ Въ рескриптѣ отъ 26 января 1775 г.

преданности престолу и пользѣ отечества. Покрывая главу свою бѣлымъ клобукомъ, Веніаминъ писалъ императрицѣ ¹⁾, что «до послѣдняго моего издыханія Вышняго молитъ не престану день и ночь, да сохранить дражайшую жизнь вашу за столь сердобольное сохраненіе моей, до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ, да ниспослеть съ высоты святыхъ своей, на вѣнценосную главу вашу вся благословенія, коими древле ублагословленъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ превожделѣннаго здравія вашего недуги, отъ неусыпныхъ трудовъ — утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы — зависть и злобу; да будетъ домъ, держава и престолъ вашъ, яко дніе неба ²⁾».

Виновникъ клеветы на архіерея Илья Аристовъ битъ кнутаомъ въ Москвѣ и отправленъ въ Казань для вторичнаго наказанія, и затѣмъ назначенъ въ Рогервикъ въ каторжную работу. Огородниковъ написанъ въ солдаты, а Львовъ и Юнинъ освобождены и возвращены къ своимъ должностямъ.

Отправляя Аристова въ Казань, генераль-прокуроръ князь Вяземскій писалъ казанскому губернатору, князю П. С. Мещерскому ³⁾: «Ея императорское величество, изъ природнаго своего челоуѣколюбія, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволила къ вамъ секретнѣйше отписать, чтобы вы, какъ получите объ учиненіи объявленнаго наказанія Аристову, сказали о томъ, какъ бы отъ себя самого, казанскому митрополиту, что-де онаго Аристова ея величество наказатъ повелѣла большею частію за ложную на него клевету, а инаково бы онъ, по другимъ его продерзостямъ, до такого злого жребія не дошелъ. Итакъ, остается въ волѣ его великодушно спасти сего пасквильника отъ такого наказанія. Буде

¹⁾ Въ письмѣ отъ 6-го февраля 1775 года.

²⁾ Изъ приведеннаго видно насколько прежнія описанія этого событія не полны или невѣрны. Г. Р. Державинъ, въ своихъ запискахъ, назвалъ Веніамина хитрымъ пастыремъ и, по свойственной ему поспѣшности и пристрастію въ приговорахъ, оставилъ Веніамина въ подозрѣннн челоуѣка, ловко вывернувшася изъ бѣды. П. С. Лебедевъ въ своей книгѣ (*графы Панины*) по попавшимся ему въ руки двумъ письмамъ, сдѣлалъ заключеніе, но ложное, объ этомъ историческомъ фактѣ. Такъ поступали и многіе другіе авторы.

³⁾ Въ письмѣ, отъ 6 февраля 1775 года. Госуд. Арх., VI, д. № 468.

на сіе оный митрополитъ скажетъ вамъ, что онъ погрѣшенія онаго Аристова ему прощаетъ и проситъ васъ будетъ, чтобы Аристова не наказывать, то вы въ такомъ случаѣ можете у него взять письменное на имя ваше объявленіе, онаго Аристова отъ наказанія избавьте, а пошлите его въ назначенное мѣсто въ ссылку. Буде же митрополитъ прощенія ему не сдѣлаетъ, то въ такомъ случаѣ и объявленное наказаніе учинить прикажите, *однако съ умѣренными челобитколюбіемъ* и что по сему сдѣлано будетъ, прошу меня, какъ наискорѣе увѣдомить».

Нечего и говорить о томъ, что Веніаминъ простилъ своего клеветника и Аристовъ, безъ наказанія въ Казани, былъ отправленъ въ Рогервикъ ¹⁾.

XIX.

Слѣдствіе и судъ надъ Пугачевымъ и его сообщниками. — Разъясненіе вопроса: было-ли чужестранное вліяніе въ происшедшемъ волненіи. — Манифестъ императрицы о происхожденіи дѣлъ злодѣя Пугачева. — Постановленіе приговора. — Казнь Пугачева и его ближайшихъ сообщниковъ. — Прощеніе казаковъ, его выдавшихъ, и ссылка ихъ въ Рижскую губернію.

Одновременно съ разъясненіемъ степени участія казанскаго архіепископа Веніамина въ сношеніяхъ съ самозванцемъ, императрицу интересовалъ вопросъ о томъ, не было-ли чужестраннаго вліянія во всѣхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ Пугачева, какъ чловека бывшаго въ Польшѣ, и, по возвращеніи оттуда, *принявшаго* на себя имя императора Петра III.

Подобное вліяніе казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что въ октябрѣ 1774 года были получены въ Петербургѣ копи съ писемъ извѣстной самозванки Таракановой къ султану и верховному визирю.

Принцесса Елисавета, дочь покойной Россійской императрицы Елисаветы, сообщала верховному визирю ²⁾, что она приняла твер-

¹⁾ Письмо князя Платона Степановича Мецераго князю А. А. Вяземскому отъ 24 февраля 1775 г., Госуд. Арх., VI, д. № 468.

²⁾ Въ письмѣ отъ 13 (24) августа 1774 г. Москов. Арх. Министер. Иностран. дѣлъ.

дое намѣреніе отправиться въ Константинополь, чтобы познать Блистательную Порту съ важностью того, о чемъ она намѣрена говорить съ султаномъ. Она предупреждала верховнаго визиря, что вмѣстѣ съ симъ написала объ этомъ Пугачеву, «сыну Разумовскаго», обнадежила его помощію и убѣждена, что визирь обратитъ вниманіе на успѣхъ его оружія. Самозванная принцесса выражала увѣренность, что визирь воспользуется столь замѣчательной эпохой, составитъ себѣ громкое имя и окажетъ помощь сыну Разумовскаго и принцессѣ, которая предъявляетъ свои законныя права на престолъ съ тѣмъ, чтобы составить счастье людямъ, имѣющимъ на то право по природѣ.

Прося покровительства султана, Елисавета сообщала ему, что переѣхала изъ Венеціи въ Рагузу вмѣстѣ съ княземъ Радзивиломъ, палатиномъ Вильны, и удивляется, что до сихъ поръ нѣтъ фирмана, разрѣшающаго ей отправиться въ Константинополь. Мужество Радзивила, писала самозванка ¹⁾, «и его преданность къ вашему величеству достаточно сильныя причины, чтобы можно было отказать ему въ помощи въ его благородныхъ предпріятіяхъ все покинуть, отдать все за свое отечество и остаться при твердомъ рѣшеніи побѣдить или умереть. Принцесса не могла отказать отъ такого прекраснаго рѣшенія, которое должно служить примѣромъ Польшѣ».

Самозванка предлагала султану усилить свои войска и заключить союзъ съ Елисаветою II, но съ тѣмъ, чтобы обѣ державы поддерживали Польшу въ ея старинныхъ правахъ и предѣлахъ. Она увѣряла, что къ ихъ союзу присоединится и Швеція, если будутъ уступлены нѣкоторыя провинціи, принадлежавшія ей прежде. Есть еще много другихъ вопросовъ, говорилось въ письмѣ, но ихъ неудобно излагать на бумагѣ, а лучше обсудить на словахъ по прибытіи принцессы въ Константинополь.

По словамъ писавшей, успѣхи Пугачева и внутреннее положеніе Россіи были таковы, что Турція должна была пользоваться случаемъ и извлекать выгоды, какихъ она въ будущемъ никогда имѣть не будетъ. Самозванка просила Порту *отвергнуть* всѣ

¹⁾ Въ письмѣ султану отъ 13 (24) августа. Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

предложенія мира и не входить въ сношеніе съ Россією до ея прибытія въ Константинополь. «Было бы постыдно, писала она, такой сильной державѣ, какъ великаго султана, заключить миръ, не достигнувъ своей цѣли и не бывъ удовлетвореннымъ вполнѣ».

Миръ однакоже былъ заключенъ еще ранѣе этого письма. Интрига въ Константинополь не удалась, но для русскаго правительства было весьма важно выяснить, было-ли на самомъ дѣлѣ въ пугачевскомъ движеніи иностранное вліяніе или нѣтъ? Вліяніе это считалось многими дѣломъ весьма возможнымъ и какъ бы подтверждалось донесеніями и письмами разныхъ лицъ, находившихся за границею.

«Что вы пишете о Пугачевѣ, сообщалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ Г. А. Потемкину ¹⁾, что посланный казакъ Перфильевъ, съ товарищами своими, обѣщался его выдать и съ сообщниками первоначальными его, я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, если-бъ оный злодѣй былъ искорененъ какимъ бы нибудь образомъ; а лучше бы желалъ, если бы оной въ-живѣ былъ пойманъ и какъ возможно продолжительную и примѣрную казнь надъ нимъ бы сдѣлать должно. *Я все еще подозреваю, и причины имѣю подозревать, не французы-ли этой шуткѣ причина?* Я въ бытность мою въ Петербургѣ осмѣлился докладывать, но мнѣ не вѣрили. Итакъ, буде бы оный злодѣй пойманъ былъ, не дурно бы было разспросить его о всѣхъ обстоятельствахъ и нѣтъ-ли при немъ кого изъ чужестранныхъ? А какъ вы на мѣстѣ, то можете лучше дѣло знать и по оному поступать; я только то знаю, что для нашего отечества великіе недоброхоты французы».

На вопросъ: *было-ли чужестранное вліяніе на дѣйствія мятежниковъ*, Пугачевъ и его сообщники отвѣчали отрицательно.

«Никогда, говорилъ Иванъ Твороговъ ²⁾, не только не случилось мнѣ видѣть, но ниже слышать, чтобы злодѣй имѣлъ съ кѣмъ изъ чужестранныхъ или съ създѣшними раскольниками, купцами

¹⁾ Въ письмѣ изъ Пявы отъ 25 сентября 1774 г. Московскій Арх. Глав. Шт., опись 194, св. 32.

²⁾ Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 505.

и старцами какую переписку, равно какъ и того, чтобы надѣялся на помощь чью-нибудь».

Пугачевъ также заявилъ, что никакой посторонней (чужестранной) помощи не имѣлъ ¹⁾.

— Да и на что-де мнѣ? говорилъ онъ; я и такъ столько людей имѣлъ, сколько для меня потребно, только людъ-то не регулярный.

«Иностраннаго ни одного человѣка я не видѣлъ, показывалъ Иванъ Почиталинъ ²⁾, да и быть не можно для того, что Пугачевъ просвѣщенныхъ отличнымъ разумомъ людей жестоко подозревалъ. А о помощи иностранной, кромѣ того, какъ писалъ киргизъ-кайсацкому хану, ни откуда не требовалъ. Въ толпѣ самозванца было нѣсколько конфедератовъ, но они не были въ чести, не исполняли должностей, а служили на ряду съ прочими казаками».

«При самозванцѣ, показывалъ Максимъ Горшковъ ³⁾, никого изъ иностранцевъ не было, кромѣ нѣсколькихъ польскихъ конфедератовъ, бывшихъ рядовыми».

Максимъ Шигаевъ и Тимоѣй Мясниковъ точно также отрицали постороннее вліяніе.

«Изъ всѣхъ подносимыхъ здѣсь въ копіи допросовъ, писала оренбургская секретная коммиссія ⁴⁾, а равно и изъ прежнихъ произведенныхъ слѣдствій, коммиссія иначе не заключаетъ, какъ что извергъ Пугачевъ успѣлъ въ злодѣйскомъ своемъ замыслѣ и предпріятіи съ помощью однихъ только яицкихъ казаковъ, а впрочемъ не имѣлъ онъ ни руководства посторонняго, ни помощи».

При разбитіи мятежниковъ у Сальникова завода Михельсонъ отбилъ голштинское знамя Дельвигова драгунскаго полка. Какимъ образомъ знамя это досталось Пугачеву—было загадкою для всѣхъ.

Въ 1762 году, при вступленіи императрицы Екатерины на

¹⁾ Рапортъ капитана Маврина генералу П. Потемкину отъ 15 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. *Записки Академіи наукъ*, т. XXV, прилож. 4, стр. 72.

²⁾ Въ показаніи 8 мая 1774 г. Государ. Архивъ, VI, д. № 506.

³⁾ Отъ 8 мая 1774 г. Тамъ же.

⁴⁾ Во всеподдан. донесеніи отъ 21 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 508 (2).

престоль голштинскія войска были расформированы и знамена ихъ, въ числѣ 11 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ штандартовъ, отосланы въ комиссаріатъ на храненіе ¹⁾). Являлась мысль, что одинъ изъ штандартовъ былъ украденъ и доставленъ Пугачеву, для большаго убѣжденія толпы, что онъ истинный Петръ III, а не самозванецъ. На вопросъ, откуда онъ взялъ этотъ штандартъ, Пугачевъ отвѣчалъ, что при разбитіи подъ Дубовкою легкой полевой команды Дица, были найдены Перфильевымъ два сундучка, въ которыхъ находились знамена: одно съ чернымъ гербомъ, а другое то, которое ему теперь предъявлено ²⁾).

Интересуясь мельчайшими подробностями возстанія, императрица Екатерина просила московскаго главнокомандующаго при допросахъ не прибѣгать къ пыткамъ. «Для Бога, писала она ³⁾, удержитесь отъ всякаго рода *пристрастныхъ вопросовъ, всегда затемняющихъ истину*». Императрица поручила князю Волконскому беречь и не изнурять колодниковъ, чтобы преждевременная смерть ихъ не лишила правительство возможности разъяснить подробности бунта, а съ другой стороны, чтобы и преступники не избѣгли заслуженнаго ими публичнаго наказанія.

«Ея императорскому величеству извѣстно по дѣламъ, писалъ князь А. А. Вяземскій ⁴⁾, что нѣкоторые приличившіеся въ важныхъ преступленіяхъ колодники отъ изнурительнаго ихъ содержанія умираютъ, и для того высочайше повелѣтъ мнѣ соизволила сіе на примѣчаніе къ вашему сіятельству отписать, касательно Пугачева и его сообщниковъ, дабы въ содержаніи оныхъ употреблена была вся возможная осторожность для того, чтобы и съ ними того же приключиться не могло, тѣмъ болѣе, что П. С. Потемкинъ, по приѣздѣ въ Москву, гораздо слабѣе его нашель противъ того, каковъ онъ изъ Симбирска былъ отправленъ. Было бы весьма непріятно ея величеству, если бы кто изъ важныхъ пре-

¹⁾ Государ. Арх., VI, д. № 587.

²⁾ Показаніе Пугачева 8 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

³⁾ Въ письмѣ князю Волконскому отъ 10 октября 1774 г. *Осмадцатый Вѣст.*, кн. I, стр. 129.

⁴⁾ Князю М. Н. Волконскому въ письмѣ отъ 12 декабря 1774 г. Государствен. Архивъ, VI, д. № 512.

ступниковъ, а паче злодѣй Пугачевъ, отъ какого изнуренія умеръ и избѣгнулъ тѣмъ заслуженнаго по злымъ своимъ дѣламъ наказанія».

«Имѣю честь вашему сіятельству донести, отвѣчалъ на это князь Волконскій ¹⁾, что во все время правленія моего тайною экспедиціею, кромѣ одного, да и то пустого колодника въ содержаніи не умерло. Равно и по комиссіи о злодѣѣ не только всѣ живы, но и здоровы, какъ и самый злодѣй. Но что онъ сталъ хуже, то натурально: первое, что онъ былъ все въ движеніи, а теперь на одномъ мѣстѣ; второе, сколько онъ ни безсовѣстенъ и ни глупъ бы былъ, но однакожь нельзя тому быть, чтобъ не устрашали его мерзкую душу содѣланныя имъ злодѣйства, а за оныя не ожидалъ бы онъ по всѣмъ законамъ отмщенія. Однакожь, при всемъ томъ онъ не всегда унылъ, а случалось, что онъ и смѣется. Да и вчера Шешковскому сказалъ, что онъ всемилостивѣйшей государынѣ вины свои заслужить; а нѣкогда говорилъ же ему, чтобъ закласть его въ столбъ. Чего ради ваше сіятельство покорно прошу объ ономъ и ея императорскому величеству всеподданнѣйше доложить».

Въ началѣ декабря слѣдствіе надъ преступниками, производимое княземъ Волконскимъ, П. С. Потемкинымъ и Шешковскимъ, было окончено и отправлено въ Петербургъ. 20-го декабря былъ опубликованъ въ столицѣ подписанный накануне императрицею манифестъ ²⁾, по которому Пугачевъ и его сообщники предавались суду соединеннаго присутствія Сената, членовъ Синода, президентовъ всѣхъ коллегій и особъ первыхъ трехъ классовъ въ Москвѣ находившихся. Веденіе всего дѣла возлагалось на генераль-прокурора князя Вяземскаго, который 21-го декабря выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву.

«Пожалуй, писала при этомъ императрица князю Волконскому ³⁾, помогайте всѣмъ внушить умѣренность, какъ въ числѣ, такъ и въ казни преступниковъ. Противное челолюбію моему прискорбно будетъ. Не должно быть лихимъ для того, что съ варварами дѣло имѣемъ».

¹⁾ Князю Вяземскому въ письмѣ отъ 18 декабря 1774 г.

²⁾ Манифестъ этотъ напечатанъ въ *Соч. Пушкина*, изд. 1881 г., т. VI, ч. II, 195.

³⁾ Въ письмѣ отъ 1 января 1775 г. *Осмадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 139.

Вечеромъ 25-го декабря князь Вяземскій прїѣхалъ въ первопрестольную столицу. «Сколько ни старался въ пути моемъ поспѣшать, писалъ онъ Г. А. Потемкину ¹⁾, но ранѣе прїѣхать не могъ. Дорога до Торжка дурна, а оттуда до Москвы изрядна, и сіе удерживало меня въ пути долѣе, нежели бы я желалъ, а на послѣдокъ промедленіе происходило и отъ лошадей, изъ которыхъ городскія ²⁾ не совсѣмъ еще привыкли къ нынѣшнему ихъ употребленію».

Въ тотъ же день князь Вяземскій видѣлся съ княземъ Волконскимъ и рѣшили на слѣдующій день осмотрѣть предназначенное для засѣданій суда помѣщеніе въ Кремлевскомъ дворцѣ, такъ какъ въ залахъ Сената было невозможно помѣстить всѣхъ членовъ суда. Охотниковъ присутствовать въ судѣ было очень много и до князя Вяземскаго дошли слухи, «что нѣкоторые изъ отставныхъ готовятся въ собраніе, думая, что и они будутъ приглашены» ³⁾.

Наступившіе праздники и неприбытіе изъ Петербурга сенаторовъ задерживали открытіе суда. 29-го декабря 1774 года въ Сенатѣ московскихъ департаментовъ было первое собраніе, на которомъ присутствовали всѣ находившіеся въ Москвѣ сенаторы ⁴⁾. По прочтеніи манифеста и описанія «*Происхожденія дѣлъ злодѣя Пугачева*», генераль-прокуроръ предложилъ просмотрѣть списки лицъ первыхъ трехъ классовъ, какъ состоявшихъ на службѣ, такъ и находившихся въ отпуску въ Москвѣ. Собраніе постановило пригласить всѣхъ членовъ Синода ⁵⁾, двухъ генераль-аншефовъ ⁶⁾,

¹⁾ Въ письмѣ отъ 26 декабря 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 488.

²⁾ Выставленныя на усиленіе почтовыхъ на станціяхъ.

³⁾ Всеподданныйшее донесеніе князя Вяземскаго, отъ 26 декабря 1774 г. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

⁴⁾ Князь Михайлъ Никитичъ Волконскій, Михайлъ Михайловичъ Измайловъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ, Иванъ Ивановичъ Козловъ, князь Иванъ Андреевичъ Вяземскій, Лукьянъ Ивановичъ Колошинъ, Михайлъ Яковлевичъ Масковъ, Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій, Григорій Григорьевичъ Протасовъ, Петръ Ивановичъ Вырубовъ и генерал-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій.

⁵⁾ Самуила епископа Крутицкаго, Геннадія епископа Суздальскаго, Новоспасскаго архимандрита Іоанна, протоіереевъ: гвардіи Преображенскаго собора Андрея и Успенскаго собора Александра.

⁶⁾ Графа П. И. Панина и Александра Ивановича Глѣбова.

восемь генераль-поручиковъ ¹⁾, двухъ тайныхъ совѣтниковъ ²⁾ и всѣхъ президентовъ коллегій ³⁾).

Въ 9 часовъ утра, 30-го декабря, всѣ приглашенные и члены суда собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ ⁴⁾ и засѣданіе было открыто чтеніемъ манифеста. За манифестомъ должно было начаться чтеніе слѣдственнаго дѣла, а какъ при этомъ «могли быть разсужденія подлежація тайности», то генераль-прокуроръ предложилъ подписать опредѣленіе, чтобы «все дѣло и происходимыя разсужденія содержать въ высочайшемъ секретѣ». Затѣмъ былъ предложенъ вопросъ: приводить-ли въ собраніе для провѣрки допросовъ Пугачева и его сообщниковъ? Присутствующіе постановили: «Пугачева завтрашняго дня представить предъ собраніе, а чтобы не произвести въ народѣ излишнихъ разговоровъ, то привести его въ Кремль въ особую комнату, близкую отъ присутствія, до разсвѣта, гдѣ и пробить ему весь день и отвезти обратно вечеромъ». Сообщниковъ же его рѣшено было не приводить въ присутствіе, а провѣрить ихъ показанія въ мѣстахъ заключенія, для чего и назначить особую комиссію изъ сенатора М. Я. Маслова, Новоспаскаго архимандрита Іоанна и генераль-поручика Мартынова. Составленіе сененціи поручено И. И. Козлову, Д. В. Волкову и П. С. Потемкину, а сдѣлать «выметку изъ законовъ до сей матеріи принадлежащихъ» возложено на вице-президента юстицъ-коллегіи Колошина. Первое засѣданіе продолжалось до 2 часовъ дня и затѣмъ рѣшено собраться на слѣдующій день въ 9 часовъ утра ⁵⁾).

Засѣданіе 31-го декабря было открыто чтеніемъ журнала

¹⁾ Матвѣя Мартынова, Якова Протасова, графа Валентина Мусина-Пушкина, Ивана Давыдова, Михайла Каменскаго, Акима Алухтина, графа Федора Остермана и Павла Олсуфьева.

²⁾ Ивана Мелиссино и Михайла Салтыкова.

³⁾ Александра Хераскова, Михайла Лунина, Алексѣя Яковлева, Петра Хитрово и находящагося въ главномъ магистратѣ въ должности президента коллежскаго совѣтника Александра Самойлова (Протоколъ Сената 29 декабря 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 515).

⁴⁾ Кромѣ графа П. И. Панина, Успенскаго протоіерея Александра, генераль-поручика Олсуфьева и президента Хитрово, неявившихся по болѣзни.

⁵⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе князя Вяемскаго отъ 28 и 30 декабря 1774 г. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

предыдущаго собранія, а затѣмъ судъ слушалъ донесеніе комиссіи, заявившей, что всѣ обвиняемые объявили, что къ допросамъ, кромѣ показаннаго, ничего прибавить не могутъ. «А потомъ, доносилъ князь Вяземскій ¹⁾, по совѣту моему, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ выходилъ изъ собранія, чтобы осмотрѣть злодѣя, въ какомъ онъ состояніи и приказать привести въ ближайшую комнату и тамъ обождать, дабы по его робкому характеру впущеніемъ вдругъ въ собраніе не сдѣлалось ему припадка».

Черезъ четверть часа послѣ того Пугачевъ былъ введенъ въ комнату присутствія и палъ на колѣни.

Князь А. А. Вяземскій обратился тогда къ подсудимому съ слѣдующими вопросами:

1) Ты-ли Зимовейской станицы бѣглый донской казакъ Емельянь Ивановъ сынъ Пугачевъ?

2) Ты-ли, по побѣгѣ съ Дона, шатаясь по разнымъ мѣстамъ, былъ на Яикѣ и сначала подговаривалъ яицкихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань, потомъ назвалъ себя покойнымъ государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ?

3) Ты-ли содержался въ Казани въ острогѣ?

4) Ты-ли, ушедъ изъ Казани, принялъ публично имя покойнаго императора Петра III, собралъ шайку подобныхъ злодѣевъ и съ оною осаждалъ Оренбургъ, выжегъ Казань и дѣлалъ разнымъ государству разоренія, сражался съ вѣрными ея императорскаго величества войсками и наконецъ артелью твоею связанъ и отданъ правосудію ея императорскаго величества, такъ какъ въ допросѣ твоемъ обо всемъ обстоятельно отъ тебя показано?

5) Не имѣешь-ли сверхъ показаннаго тобою еще чего объявить?

Пугачевъ отвѣчалъ на все утвердительно и прибавилъ, что сверхъ показаннаго въ вопросахъ ничего объявить не можетъ ²⁾.

— Имѣешь-ли, спросилъ князь Вяземскій, — чистосердечное раскаяніе во всѣхъ содѣянныхъ тобою преступленіяхъ?

— Каюсь Богу, проговорилъ Пугачевъ, всемилостивѣйшей государынѣ и всему роду христіанскому.

¹⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе князя Вяземскаго отъ 1 января 1775 г. Архивъ Кабинета Ея Императорскаго Величества.

²⁾ Протоколъ Сената 31 декабря 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 515.

По выводѣ самозванца изъ присутствія началось чтеніе подходящихъ статей закона и опредѣленіе наказанія виновнымъ. Въ копцѣ засѣданія члены Синода объявили, что вообще соглашались съ опредѣленіемъ суда о степени наказанія каждаго изъ подсудимыхъ, они, какъ лица духовныя, «сентенціи» подписать не могутъ.

Черезъ нѣсколько дней приговоръ былъ составленъ и отправленъ на утверженіе въ Петербургъ съ Д. В. Волковымъ. «Прискорбно будетъ, писалъ при этомъ кн. Вяземскій императрицѣ, щедролюбивой и милосердой самодержицѣ читать казни злодѣямъ предписанныя и, разсуждая по единому человѣчеству, сокрушается сердце вашего величества. Но какъ за содѣянные преступленія казни злодѣямъ неизбѣжна, то старались мы елико возможно подражать безпримѣрному монаршему человѣколюбію. Что же въ сентенціи упоминается о наложницѣ злодѣя Пугачева, то сіе внести разсуждено потому, что вся публика о ней извѣстна, а для сего и не можно оставить въ молчаніи.»

Въ шестомъ часу вечера 8-го января князь Вяземскій получилъ рескриптъ императрицы о приведеніи приговора въ исполненіе и письмо Г. А. Потемкина, сообщавшаго, что дворъ собирается къ отъѣзду въ Москву. Зная желаніе императрицы пріѣхать въ первопрестольную столицу по окончаніи дѣятельности суда, кн. Вяземскій пригласилъ его членовъ собраться 9-го января въ 9 часовъ утра для подписанія сентенціи ¹⁾, по которой положено было: Пугачева четвертовать; голову воткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города и положить на колеса, а послѣ на тѣхъ мѣстахъ сжечь. Яицкаго сотника Аванасія Перфильева также четвертовать; казаковъ: Максима Шигаева, Падурова ²⁾ и Василія Торнова (онъ же Персіянниновъ) повѣсить въ Москвѣ; Ивана

¹⁾ Письмо князя Вяземскаго Г. А. Потемкину 9 января 1775 г. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества.

²⁾ Тимофѣй Падуровъ былъ депутатомъ въ комиссіи по составленію Уложенія и по своему званію долженъ бы былъ избавиться отъ смертной казни, но не смотря на заявленіе о томъ князя Вяземскаго судъ приговорилъ его къ смерти. Члены суда заявили, что по силѣ обряда о выборѣ депутатовъ освобождаются отъ наказанія и смертной казни тѣ, кои дѣйствительно при дѣлѣ трудились и ихъ имена находятся въ подпискѣ въ какой ни есть части проекта, а онъ (Падуровъ) по депутатству ни въ чемъ не упражнялся. (Всепод. донесеніе кн. Вяземскаго отъ 1 января 1775 г. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества).

Чикю (онъ же Зарубинъ и самозванный графъ Чернышевъ) отвезти въ Уфу, гдѣ «отсѣчь голову и взоткнуть ее на колъ для все-народнаго зрѣлища, а трупъ его сжечь съ эшафотомъ купно». «Я никогда, писалъ П. Потемкинъ императрицѣ ¹⁾, не могъ вообразить толь злого сотворенія быть въ природѣ. Черезъ три дня находясь въ покаянной, нарочно мною сдѣланной, гдѣ въ страшной темнотѣ ничего не видать, кромѣ единого образа, передъ которымъ горящая находится лампада, увѣщевалъ я его (Чикю) всеми образами убѣжденія и совѣсти, но ничего истиннаго найти не могъ».

Затѣмъ изъ остальныхъ подсудимыхъ: 8 человекъ приговорены къ наказанію кнутомъ и по вырваніи ноздрей къ отправленію на каторгу, 10 человекъ высѣчь кнутомъ и по вырваніи ноздрей отправить на поселеніе; 4 человекъ высѣчь плетями; подпоручикъ Михайло Швановичъ лишень чиновъ и дворянства; инвалидной команды прапорщикъ Юматовъ лишень чиновъ, Астраханскаго коннаго полка сотникъ и депутатъ Василій Горскій депутатскаго достоинства и названія. Обѣихъ женъ Пугачева постановлено «удалить», по распоряженію Сената ²⁾, а остальныхъ 9 человекъ лицкихъ казаковъ, содѣйствовавшихъ выдачѣ самозванца, простить ³⁾. Приговоръ привести въ исполненіе 10-го января.

«Какъ же небезызвѣстно собранію, сказано въ сентенціи, что по опредѣленію Святѣйшаго Синода не токмо бунтовщикъ и самозванецъ Емелька Пугачевъ, но и всѣ его злодѣйскіе сообщники преданы вѣчному проклятію», то чтобы не лишить ихъ «при послѣднемъ концѣ своемъ законнаго покаянія во всѣхъ содѣянныхъ ими злодѣяніяхъ, предоставить преосвященному Самуилу, епископу

¹⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

²⁾ Софья Пугачева съ тремя дѣтьми (сыномъ Трофимомъ, дочерями Аграфеною и Христиною) и Устинья Кузнецова были отправлены въ Кексгольмскую крѣпость 5 іюня 1803 года императоръ Александръ I, осматривая эту крѣпость, встрѣтилъ тамъ заключенныхъ и приказалъ освободить ихъ, дозволивъ жить въ городѣ, но подъ присмотромъ полиціи (Шясьмо Финляндскаго военнаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 11 іюня 1803 г. № 312).

³⁾ Ивана Творогова, Федора Чумакова, Василя Коновалова, Ивана Бурнова. Ивана Федульева, Петра Пустобаева, Кузьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова. Полный текстъ сентенціи напечатанъ у Пушкина Т. VI, 201.

Крутицкому, поступить въ томъ по данному на сей случай наставленію отъ святѣйшаго синода».

Святѣйшій правительствующій синодъ, говорилось въ этомъ наставленіи ¹⁾, уповая, что осужденные, «возчувствовавъ приближенную уже къ себѣ толь ужасную судьбу, возбудятся къ истинному о своихъ злодѣйствахъ раскаянію и сокрушенію; также вѣдая премилосердаго Бога, преклоняющагося къ помилованію приносящихъ оное въ сей жизни, а притомъ зная и безпримѣрное челоуѣколюбіе ея императорскаго величества нашей всемилостивѣйшей государыни, почитаетъ за долгъ свой воззрѣть на нихъ при послѣднихъ часахъ ихъ жизни и по расположенію сердець ихъ сдѣлать рѣшеніе согласно слову Бога глаголющаго: *«не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему»*. На каковомъ основаніи св. правительствующій синодъ и опредѣлили вашему преосвященству предписать, чтобы вы, избравъ искуснѣйшаго изъ протопоповъ или священниковъ, который бы притомъ былъ житія честнаго и незазорнаго, поручили ему при исповѣди помянутыхъ злодѣевъ, съ довольными увѣщаніями испытать совѣсть каждаго, и которыхъ увидить прямо раскаявающихся въ своихъ преступленіяхъ о тѣхъ бы, не разрѣшая еще, представилъ вамъ. А вы тогда, въ силу сего опредѣленія, объявите имъ, что св. синодъ, убѣждаемъ принесеннымъ отъ нихъ милосердому Богу въ своихъ злодѣяніяхъ покаяніемъ, освобождаетъ ихъ по данной отъ Бога власти отъ проклятія, почему и духовнику дозвольте сдѣлать имъ уже разрѣшеніе и сподобить ихъ причастія святыхъ тайнъ».

Самуилъ избралъ московскаго Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева, который заявилъ, что всѣ осужденные на смертную казнь; кромѣ Аеанасія Перфильева, выказали ему истинное во всѣхъ своихъ преступленіяхъ раскаяніе. Всѣмъ имъ дано разрѣшеніе и причастіе, а «злодѣя Перфильева за его упорство и ожесточеніе въ своихъ злодѣяніяхъ, яко сущаго раскольника и до самой послѣдней минуты жизни своей въ своемъ окамененіи пребывающаго и всѣ спа-

¹⁾ Секретный указъ Синода Самуилу епископу Крутицкому и Можайскому. 19 декабря 1774 г. Арх. Синода, д. № 20.

сительныя средства ему предоставленныя отвергнуто, оставить связаннаго вѣчною анаемомою ¹⁾».

Въ тотъ же день, 9-го января, въ Москвѣ появилось объявленіе полиціимейстера Архарова, въ которомъ было сказано, что завтра, въ 11 часовъ утра, «на Болотѣ главные преступники будутъ наказаны смертію, а прочіе по мѣрѣ преступленія наказаны. На другой же день, т.-е. 11-го числа сего мѣсяца, въ 10 часовъ пополудни, на Ивановской площади передъ Краснымъ крыльцомъ будетъ объявлено всемилостивѣйшее ея императорскаго величества помилованіе тѣмъ преступникамъ, кои добровольно явились съ повинною, а нѣкоторые изъ нихъ предали и самого злодѣя законному правосудію ²⁾».

Съ утра 10-го января Москва пришла въ движеніе. Вся площадь на Болотѣ и дорога отъ Каменнаго моста были усыпаны народомъ. Въ назначенное время появились на улицѣ сани съ высокимъ помостомъ, на которомъ сидѣли Пугачевъ и Перфильевъ, а противъ ихъ священникъ въ ризахъ и съ крестомъ въ рукахъ и чиновникъ тайной экспедиціи. По свидѣтельству очевидца, Пугачевъ держалъ въ рукахъ «двѣ толстыя восковыя свѣчи изъ жолтаго воска, который, отъ движенія оплывая, задымлялъ ему руки ³⁾». Самозванецъ все время кланялся на обѣ стороны народу. «Всѣ смотрѣли на него съ пожирающими глазами, говоритъ Болотовъ ⁴⁾ и тихій шопотъ и гулъ оттого раздавались въ народѣ».

Посреди мѣста, оцѣпленнаго силою войсками, стоялъ эшафотъ аршина въ четыре высотой, съ довольно обширнымъ помостомъ, окруженнымъ балюстрадой. Посреди помоста воздвигнутъ былъ столбъ, съ воздѣтымъ на него колесомъ, а на концѣ утверждена на немъ желѣзная острая спица. Въ разстояніи сажень двадцати противъ каждой изъ трехъ сторонъ были поставлены висѣлицы, у которыхъ стояли палачи и преступники обреченные на повѣшеніе; у подножія эшафота лежало нѣсколько скованныхъ

¹⁾ Рапортъ Самуила Св. Синоду 11 января 1775 г. № 293. Арх. Синода, д. № 20.

²⁾ Опрежденіе Сената 9 января 1775 г. Госуд. Арх., VI, д. № 515.

³⁾ Преданіе о казни Пугачева. *Русскій Архивъ* 1877 года, т. II, 204.

⁴⁾ *Записки Болотова* Ч. III, 488.

преступниковъ, сообщниковъ самозванца, приведенныхъ для присутствованія при казни.

Возведенные на эшафотъ, Пугачевъ и Перфильевъ должны были выслушать длинную сентенцію, чтеніе которой продолжалось весьма долго.

При произнесеніи чтецомъ имени самозванца и станицы, гдѣ онъ родился, находившійся у эшафота верхомъ на лошади московскій оберъ-полиціймейстеръ Архаровъ громко спросилъ его:

— Ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?

— Такъ, государь, отвѣчалъ спрошенный, я донской казакъ Зимовейской станицы Емелька Пугачевъ.

Пугачевъ былъ въ длинномъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, стоялъ почти въ онѣменіи и только крестился и молился. «Видъ и образъ его, замѣчаетъ, Болотовъ, показался мнѣ совсѣмъ несоотвѣтствующимъ такимъ дѣяніямъ, какія производилъ сей извергъ. Онъ походилъ не столько на звѣрообразнаго какого-нибудь лютаго разбойника, какъ на какого либо маргитантишка или харчевника плюгаваго. Бородка небольшая, волосы всклокоченные и весь видъ ничего незначащій ¹⁾».

Сподвижникъ его, Аѳанасій Перфильевъ, стоялъ все время молча, неподвижно и потупя глаза въ землю. — Это былъ человекъ небольшого роста, сутулый, рябой и «свирѣповидный».

«По прочтеніи манифеста, говоритъ И. И. Дмитріевъ ²⁾, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ (сентенцію) послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ; потомъ съ утормоленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный, отпусти мнѣ въ чемъ я согрубилъ передъ тобою; прости, народъ православный*». При этомъ словѣ эзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его: сорвали бѣлый бараній тулупъ, стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда

¹⁾ Болотовъ. *Записки* Т. III, стр. 490.

²⁾ *Взглядъ на мою жизнь* И. И. Дмитріева, изд. 1866 г., стр. 28 и 29. *Соч. Пушкина*, т. VI, изд. 1881 г. Приложение, стр. 169.

онъ, всплеснувъ руками, опрокинулся навзничъ и въ мигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ».

По приговору, Пугачеву должны были отрубить сначала руки и ноги, а потомъ голову, но палачъ отрубилъ ему прежде всего голову, и «Богу уже извѣстно какимъ образомъ это сдѣлалось ¹⁾». Среди толпы зрителей раздался глухой шумъ и слышались отдѣльные голоса: «вотъ тебѣ корона, вотъ и престолъ ²⁾». Части тѣла четвертованныхъ преступниковъ разнесены были по четыремъ частямъ города и положенныя на колеса оставались въ такомъ положеніи въ теченіе двухъ сутокъ. 12 января колеса вмѣстѣ съ тѣлами, сани, на которыхъ везли преступниковъ и эшафотъ были сожжены ³⁾.

На другой день послѣ казни, т.-е. 11 января, на Красномъ крыльцѣ, въ присутствіи генераль-прокурора кн. Вяземскаго, было объявлено прощеніе девяти лицамъ. Имъ прочитали «Объявленіе прощаемымъ преступникамъ ⁴⁾», въ которомъ въ краткихъ словахъ была изложена картина ихъ преступленій и высказано, что только неслыханное и неизреченное милосердіе императрицы избавляетъ ихъ не только отъ смерти, но и отъ всякаго наказанія. «Да снимутся съ васъ оковы! сказано въ заключеніи. Приобщитесь къ вѣрноподаннымъ, впечатлѣйте сіе милосердіе въ сердца ваши, вѣдрите потомкамъ своимъ, и падъ предъ Всевышнимъ Господомъ Богомъ, возсылайте моленіе за спасающую васъ Его Помазанницу. Благодарите искренно и дарованною вамъ жизнію жертвуйте ей и отечеству, дабы достойно воспріять имя ея вѣрноподанныхъ и истинныхъ сыновъ отечества».

Оковы были сняты и освобожденные выражали видимое довольство. На сколько велика была толпа, собравшаяся посмотреть

¹⁾ Пушкинъ говоритъ, что дано было тайное приказаніе сократить мученія преступниковъ; но на чемъ основаны эти слова—намъ неизвѣстно. Волотовъ слышалъ какъ экзекуторъ бранилъ за это палача. Въ *Чтеніяхъ общества исторіи и древностей* (1860 г., кн. II, стр. 81) помѣщено письмо о казни Пугачева, но въ немъ Перфильевъ ошибочно назвалъ Папфиловымъ.

²⁾ Письмо князя Вяземскаго Г. А. Потемкину 11 января 1775 г. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества.

³⁾ Рапорты Архарова князю Волконскому и Сенату отъ 13 января 1775 г. №№ 37 и 38. Госуд. Арх., VI, д., № 515. Письмо князя Вяземскаго Г. А. Потемкину 11 января. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества.

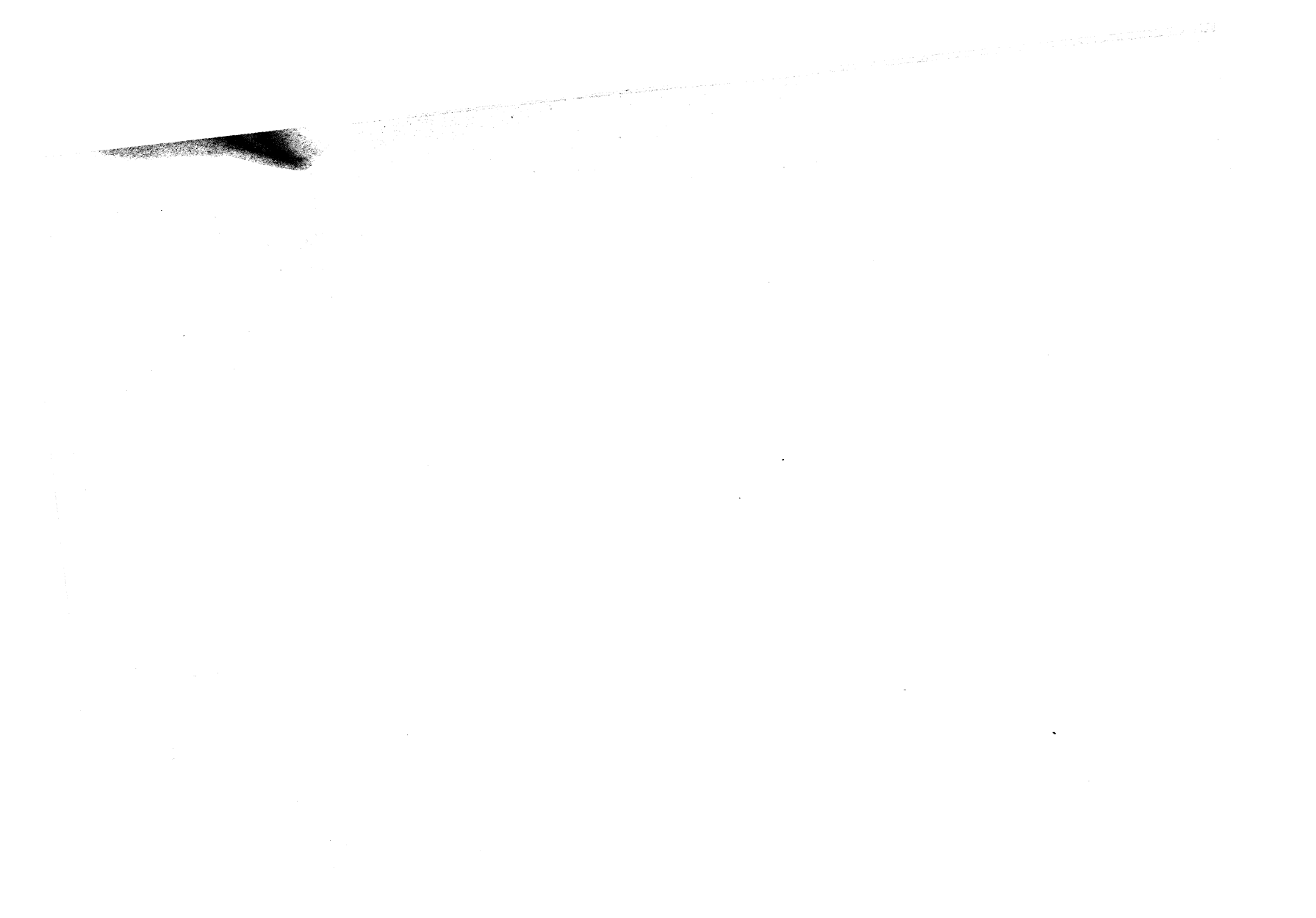
⁴⁾ Объявленіе это въ полномъ его объемѣ напечатано у Пушкина, т. VI, 218.

на казнь Пугачева, на столько же, по словам князя Вяземскаго, «при объявленіи милости было мало: доказываетъ сей случай каковы еще мы!»

Прощенные не были, однако, возвращены въ свои дома. Ихъ приказано было отправить на поселеніе въ Новороссійскую губернію, съ тѣмъ, чтобы удалить отъ прежнихъ жительствовъ и доставить лучшей присмотръ. Управлявшій въ то время Новороссійскою губерніею Г. А. Потемкинъ нашелъ неудобнымъ принять ихъ къ себѣ, и они были отправлены для поселенія къ рижскому губернатору съ тѣмъ, «чтобы они внутрь Россіи ни для чего отпущаемы, до будущаго указа, не были, да и яицкими казаками себя во всю жизнь свою не называли, а именовались бы переведенцами. Въ подушный окладъ ихъ не писать, такъ и оброковъ съ нихъ никакихъ не брать ¹⁾».

Такъ окончились безпорядки, охватившіе почти половину Россіи и продолжавшіеся цѣлый годъ. Спустя нѣсколько дней послѣ казни, императрица Екатерина II пріѣхала въ Москву и рядомъ блестящихъ праздниковъ, по случаю заключенія мира съ Турціею, заглушила впечатлѣніе, произведенное наказаніемъ преступниковъ.

¹⁾ Письмо кн. Вяземскаго губернатору Броуну 28 февраля 1775 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 515.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СѢНОДЪ.

Православныя Всероссійскія Церкве Архимандритамъ, Игуменамъ, Пресвитерамъ, Діаконамъ, Монашествующимъ и всему причту, жаелаеъ благословенія отъ Всевышняго, ко исполненію ихъ должности.

Аще когда, но нынѣ наипаче обязаны вы вспомнить долгъ вашъ. Вообразите оный часъ, въ которой вы приступая къ престолу Бога дали клятву сему Всевышнему существу, тако пещись о врученной вамъ паствѣ, какъ и о себѣ самихъ. Сія ваша клятва равно обязуетъ васъ дать Богу отвѣтъ о врученныхъ вамъ, какъ и о себѣ; часъ смерти вашей, и день суда Божія, потребуютъ отъ васъ онаго, ежели и единъ изъ нихъ погибнетъ.

Видите вы, что діаволь нападаетъ на стадо Христово, и нашель свое орудіе злодѣйственнѣйшаго разбойника, врага отечества и церкви, донскаго козака Емельку Пугачева, который попралъ своими дѣлами вѣру и законъ, дерзнувъ присвоить священнѣйшее имя Государя, и приобщается послѣдователямъ антихриста: испровергаетъ притомъ святыя олтари, расхищаетъ священные сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святыя иконы, разграбляетъ и разоряетъ посвященные Богу храмы, звѣрскимъ и безчеловѣчнѣйшимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ.

Сей злодѣй, чтобъ сыскать себѣ убѣжище отъ казней, которыхъ онъ давно былъ достоинъ, прибѣгаетъ къ ненавидаемымъ имя Христово, и страхомъ смерти силится привлечь въ погибелнѣйшее свое сообщество и христіанъ.

Сіе есть время, въ которое вы оныя свои общанія исполнить должны. Нынѣ покажите себя достойными имене истинныхъ пастырей.

Видите, что волкъ похищаетъ овцы отъ стада Христово: не бѣжите яко наемники, но паче вооружитесь силою слова Божія, и возимѣйте

попеченіе о спасеніи ихъ, дабы они не были користію ищущаго погибели ихъ, и ни единъ не приобщался его богопротивнымъ разглашеніямъ и начинаніямъ: наполните сердца ваши ревностію христіанскою, докажите любовь и усердіе достойное пастырей церкви. Таковая чистота вашихъ сердець подастъ силу увѣщаніямъ вашимъ, что оныя воздѣйствуютъ въ сердцахъ врученныхъ вамъ отъ Бога христіанъ.

Мы посылаемъ вамъ поученія къ народу, какъ наставить паству вашу на путь истинный, и охранить отъ настоящей погибели. Примите сей залогъ нашего попеченія о спасеніи церкви Христовой, которую Онъ искупилъ своею кровію. Мы сіе вручивъ вамъ, оправданы будемъ предъ Богомъ, призвавшимъ насъ на дѣло святаго Его служенія, ибо мы оное исполняемъ. Вамъ нынѣ остается совершить сіи согласія Его воли намѣренія.

Внушите паствѣ вашей увѣщанія наши основанныя на словѣ Божіемъ, внушите съ таковымъ раченіемъ, чтобъ вкоренились въ сердцахъ ихъ, чтобъ умножилась ихъ ревность исполнить должность подтвержденную присягою къ Благочестивѣйшей и Самодержавнѣйшей Великой Государынѣ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ Всея Россіи, и къ Наслѣднику ЕЯ Благовѣрному Государю Цесаревичу и Великому Князю ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ, и Супругѣ ЕГО Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Но мы къ крайнему сожалѣнію слышимъ, что нѣкоторые вмѣсто того, чтобъ имъ паству свою отвлечь отъ погибели, въ которую ввергаетъ проклятый и отверженный церковію Пугачевъ, дерзнули поползнуться къ его богопротивнымъ начинаніямъ, и тѣмъ предали себя и съ паствою своею временному и вѣчному осужденію.

Вообразите, какой оиѣ отвѣтъ дадутъ Судіи всѣхъ Іисусу Христу; опасность ли потерянія временныхъ выгодъ? но Онъ для насъ за истину пострадалъ, намъ оставь образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. И такъ сей отвѣтъ не извинитъ ихъ, когда ои увидятъ паству свою во множествѣ осужденныхъ объемлемую вѣчнымъ пламенемъ, поражаемую строгостію суда Божія за таковое преступленіе безъ надежды избавленія: когда совѣсть поразитъ ихъ напоминаніемъ, что ои причину таковаго ихъ несчастія; когда отчаяніе о избавленіи представитъ имъ ужасъ грядущихъ мученій, и раскаяніе безъ надежды ослабленія тысячекратно умножитъ ихъ терзаніе. Не довольно ли бы сіе возбудитъ всякаго отвратиться отъ злодѣйствъ врага Богу, МОНАРХИНѢ, церкви и отечеству, Пугачева.

Но какъ и болѣе усмотрѣны столь развращенныя и подлыя души, которыя не взирая на ужасы грядущаго на нихъ осужденія, дерзнули онаго нечестію дѣйствительно приобщаться, и Пугачева проклятаго и отверженнаго отъ церкви имя поминать въ службѣ Божіей. Но таковыя

равно какъ и тѣ, которые къ его злодѣйству поползнутся, яко сообщники сему беззаконнику, отъ тогожь часа властію данною намъ отъ Бога извергаются священства, отлучаются отъ церкви, и предаются проклятію, и всей строгости и казнямъ, каковыя законъ подобнымъ злодѣямъ опредѣляетъ.

Потщитесь убо, яко вѣрные, усердные и мудрые строители дому Божію, возбудить въ паствѣ вашей горячую ревность ко истребленію богопротивныхъ и пагубныхъ начинаній онаго злодѣя. Соедините ревность свою съ ревностію паствы вашея, представьте себя и оную Богу усердными рабами, МОНАРХИНѢ вѣрными подданными, отечеству достойными его членами, церкви истинными ея сынами.

Мы знаемъ, что Богъ всегда готовъ способствовать въ спасительныхъ дѣлахъ. Одно только требуется отъ васъ, чтобъ вы христіанъ врученныхъ вамъ неуспѣшными наставленіями привели къ храненію оныхъ. Сіе умножить не только имъ благословеніе Божіе въ сей жизни, и почести въ Небесномъ Царствѣ, но паче вамъ яко способствовавшимъ и приведшимъ ихъ ко исполненію воли Вседержителя.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, 1774 года, Августа 20 дня.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СѢНОДѢ.

Православныя Всероссійскія церкви сыновомъ радоватися о Господѣ.

Вседержитель неба и земли, приводя насъ своею благодію къ истинному благополучію, чтобъ мы въ сей и въ будущей жизни вкушали блаженство, которое предоставлено исполняющимъ Его святыи законъ, опредѣлилъ въ предвѣчномъ совѣтѣ избрать людей достойныхъ, дабы оказать чрезъ нихъ надъ нами оный милосердый свой промысль.

Россія правимая избранною Имъ Благочестивѣйшею Государынею ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ видитъ сіе счастье. Ибо МОНАРХИИЯ наша Божію благодатію руководима всѣ силы обращаетъ, чтобъ Россію поставитъ угодною Богу, и исполняющею святыхъ Его намѣреній.

Какое убо мы можемъ принести благодареніе, которое-бъ довольно было соотвѣтствовать столь полезнымъ для насъ опредѣленіямъ Высшняго.

Сіе открываетъ намъ намѣренія, съ каковыми Богъ ГОСУДАРЫНЮ нашу избралъ на Всероссійскій Престоль, и вѣнчая на царство при священнѣйшемъ помазаніи низпослалъ въ душу ЕЯ Божественныя силы, и избясняетъ должность нашу.

Сего ради Духъ Святыи повелѣваетъ намъ совершенное къ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ имѣть покореніе, хранить къ Ней любовь и усердіе, и имя ЕЯ почитать священнѣйшимъ.

Не сіе ли Онъ предписываетъ, когда представляя намъ Государей въ самомъ почтеннѣйшемъ видѣ нарицаетъ ихъ избранными своими, и предуставленными къ исполненію дѣлъ своихъ. Сердца ихъ глаголетъ быти въ руцѣ своей. Почтеніе ихъ относитъ къ почтенію своему, устанавливаетъ священнѣйшій обрядъ помазанія свидѣтельствующаго нивосланіе въ души ихъ благодати своея. Постановляетъ ихъ неприкосно-

венными никому: не прикасайтесь, глаголетъ, помазаннымъ моимъ: ибо касаясь ихъ, касается зѣницы ока моего. И мною Царіе царствуютъ.

Впечатлѣйте въ мысляхъ и сердцахъ вашихъ сей законъ Бога нашего.

Святый Апостоль Павелъ вдохновеніемъ Святаго Духа движимый изъясняетъ намъ сію должность: всяка душа властемъ предержавшимъ да повинуется. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмже противляйся власти, Божию велѣнію противляется.

Сіе святый Іоаннъ Златоустъ тако изъясняетъ: Апостоль вѣмъ сія заповѣдуетъ, и священникомъ, и инокомъ, и мірскимъ. Аще и Апостоль еси, аще и благовѣстникъ, аще и пророкъ, аще и кто либо инъ, да повинуется власти постановленной отъ Бога.

Видите убо, съ какою ревностію Богъ повелѣваетъ намъ хранить почтеніе и повиновеніе къ предуставленной Имъ на дѣло правленія Россіи Благочестивѣйшей ГОСУДАРЫНѢ нашей.

Вы христіане! вы тѣ, которые желаете, чтобъ Богъ излилъ на васъ свои милости въ сей жизни, вы желаете, чтобъ ваши труды благословлены были успѣхами; вы желаете, чтобъ благословеніе его почивало на домахъ вашихъ; вы желаете, чтобъ жизнь ваша была угодна Богу, и спасительна для васъ, и чтобъ вы въ спокойствѣ препровождали оную: вы желаете, чтобъ смерть не наносила вамъ страха, но съ радостнымъ увѣреніемъ предали души ваши въ руки Бога пекушагося о спасеніи нашемъ; вы желаете, чтобъ и въ будущей жизни прославлены были тою славою, каковую Богъ любящимъ его, и исполняющимъ святый Его законъ уготовалъ, и были-бъ участниками блаженства святыхъ апостоловъ, пророковъ, святителей, преподобныхъ и мучениковъ: потщитесь исполнить Божіа повелѣнія, и сіи желанія ваши исполнятся.

И такъ вы при толь святомъ расположеніи вашей души можете-ль безъ отвращенія помыслить, а паче возрѣть на злодѣя бѣглаго донскаго козака Пугачева, врага церкви и отечества, противящагося Богу, и держающаго похищать имя Священнѣйшее ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА, которое Богъ оставилъ только помазанникамъ своимъ, и чтобъ скрыть сію незаконную дерзость присвоивающаго себѣ имя ИМПЕРАТОРА, которой давно уже умеръ? Можете-ль возрѣть на него, которой отринувъ мысли о правосудіи Божіи, испровергаетъ святые олтари, расхищаетъ священные сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святыя иконы, разграбляетъ и разоряетъ посвященные Богу храмы, звѣрскимъ и безчеловѣчнѣйшимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ, ввергаетъ себя изъ порока въ порокъ, и изъ нечестія въ нечестіе, которой способниковъ своему нечестію имѣетъ гонителей и ненавистниковъ имене христіанскаго; онъ давно подвергъ себя своими преступле-

ніями всѣмъ строгостямъ, которыя-бъ окончали его злодѣйства. Но ужасаяся ихъ не ужасается окаянный вѣчнаго Божія суда, и чтобъ ему временнаго осужденія избѣгнуть, привлекаетъ себѣ вѣчное. Онъ когда не устрашается суда Божія, и воображенія объ ономъ для него бесполезны. Въ какія онъ впадаетъ развраты! всякой день, всякой часъ погружаетъ его въ новыя беззаконія: его ругательства и презрѣніе святыхи, его безчеловѣчія, которыя онъ оказываетъ надъ неповинными, дѣлають-ли его достойнымъ того, чтобъ вѣрить его лести? Благодать Божія отступила отъ него. Онъ ничего не видитъ, чтобъ могло соединить его съ Богомъ, онъ позабываетъ, что онъ тварь, которой бы должно пасть предъ Создателемъ своимъ, признать беззаконія своя, остановить дерзость свою, и почтеніе предписанное отъ Бога Избранной Помазанницѣ его принести; но онъ испровергаетъ всѣ законы и клятвы; сей сожженный совѣстію не внимаетъ повелѣніямъ Бога, и не помышляетъ, что его преступленія суть противъ Величества Божія.

Не ужаснетесь-ли вы, когда услышите проклятія, которыя Богъ на таковыхъ преступниковъ низпосылаетъ? Аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, проклять ты во градъ, проклять ты на селѣ, прокляты житницы твои, и останки твои, проклята изчадія утробы твоея, и плоды земли твоея, стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ. Проклять ты, внигда входити тебѣ, и проклять ты, внигда исходити тебѣ. Постигнетъ скудость, гладь, и истребленіе на вся, на нязе возложеши руку твою, дондеже потребить тя, и дондеже погубить ты вскорѣ злыхъ ради начинаній твоихъ, зане оставилъ еси Господа Бога твоего. Потребишися, и возмешися отъ земли, ниже наслѣдши ею. Клятвы ужасныя!

Можетъ ли убо кто пожелать, чтобъ оныя его постигли? можетъ ли это пожелать, чтобъ проклять онъ былъ во градѣ, и на селѣ, и чтобъ прокляты были житницы его и останки его; чтобъ прокляты были жена и дѣти его, стада воловъ и овецъ, и плоды земли; чтобъ онъ, когда входилъ въ домъ, или исходилъ изъ дому своего, клятва Божія вездѣ послѣдовала ему. Коль ужасно сіе! ужасно! но неизбѣжно держащимъ противъ узаконенной Богомъ власти злодѣямъ. Но вы паче вообразите оный послѣдній часъ, въ который вы будете оканчивать жизнь вашу; вообразите тотъ страшный часъ, въ которой Богъ востребуетъ отъ васъ отвѣта о вашей жизни. Вспомните тотъ часъ, въ которой гласъ Божій позоветъ васъ на судъ, и вы должны будете отвѣчать не только о дѣлахъ или словахъ, но и о самыхъ помышленіяхъ вашихъ. Что вы скажете въ часъ смерти вашей? что вы скажете на страшномъ судѣ, когда Богъ потребуетъ отъ васъ отвѣта? Я въ лицѣ своемъ, скажетъ Богъ, поставилъ надъ вами сію ГОСУДАРЬНЮ вашу, и Помазанницу мою, были-ль вы почтительны къ Ней? вы не только въ томъ, что сдѣлали

или что говорили, но и что помыслили противъ ЕЯ, отвѣчать будете. Всякое изъ сихъ беззаконіе сдѣлаеть васъ безотвѣтными: ибо оно есть противъ Величества самого Бога. Касайся ихъ, глаголетъ Господь, касается зѣнницы ока моего.

Православные христіане! любовь Бога должна васъ паче отвращать отъ противящагося Божію закону Пугачева. Вы любите ближняго, отвратитесь отъ сего врага отечества. Вы желаете быть спасены, не сообщайтесь сему погибельному человѣку. Онъ злодѣй человѣчества. Онъ врагъ Богу, церкви и отечеству, отвратитесь вы отъ него, а паче отвратите его злодѣйства, чтобъ ваши подвиги соплетали вамъ вѣнцы въ небѣ, и уготовляли жилище въ блаженствѣ вѣчномъ.

Церковь Христова есть царство мира, но сей—возмутитель онаго; Церковь Христова есть собраніе людей вспомоствующихъ щастію ближнихъ, но сей—убійца и губитель. Церковь Христова есть собраніе людей хранящихъ законъ, но сей—презритель Божіихъ законовъ и сообщникъ врагамъ ея. Церковь Христова есть собраніе людей святыхъ; но сей—развращеннѣйшій человѣкъ, которой умножаетъ беззаконія въ погибели своей.

Ужасны клятвы, навлекающія на такихъ беззаконниковъ нещастія временныя жизни, но вы паки вообразите, сколь ужасное осужденіе ожидаетъ въ вѣчной жизни. Страшно есть впасть въ рудъ Бога жива; страшно услышать оное осужденіе: отъидите отъ мене проклятій во огнь вѣчный уготованный діаволу.

Мы съ сожалѣніемъзираемъ на нѣкоторыхъ, что они пріобщаясь онаго злодѣя законопреступленіямъ, навлекли на себя погибель уготованную сатанѣ.

Богъ на насъ возложилъ долгъ, чтобъ предохранить васъ отъ таковаго нещастія. Мы исполняемъ оный, дабы не безотвѣтнымъ намъ явиться предъ страшнымъ Его судомъ. Мы васъ увѣщаемъ: вооружитесь противъ сего врага православныя церкви и отечества. Онъ держаетъ противъ Бога, покажите себя защитниками славы Его. Онъ идетъ противъ жизни и спасенія истинныхъ отечества сыновъ, отриньте сего врага человѣчества. Онъ нарушаетъ покой Христовы церкви, отжените его. Онъ нарушилъ клятвы данныя Богу въ вѣрности Помазанницѣ Его, о чемъ христіанину и помыслить ужасно, и тѣмъ самимъ сдѣлался невѣрнымъ Богу, не вѣрьте ему, испровергните его злодѣйства. Вы тѣмъ исполните долгъ вѣрныхъ сыновъ отечества.

Да воздѣйствуетъ въ сердцахъ вашихъ благодать Божія. Богъ да утвердитъ васъ своею силою. Да подастъ вамъ возчувствовать оный миръ превосходящій умъ сего развращеннаго человѣка, и да благословитъ святыя ваши намѣренія. Мы васъ, яко истинныхъ сыновъ церкви, именемъ Божіимъ увѣщаемъ, чтобы вы вѣрны были возведенной си-

лоу и утвержденной всеильною благодатию Его Помазанницѣ, нашей Благочестивѣйшей Государынѣ ИМПЕРАТРИЦѣ ЕКАТЕРИНѣ АЛЕКСѢЕВНѣ всея Россіи, и Наслѣднику ЕЯ Благовѣрному Государю Цесаревичу и Великому Князю ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ, и Супругѣ ЕГО, Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ НАТАЛИИ АЛЕКСѢЕВНѣ. Сіе привлечеть на васъ благословенія всеблагаго, всеильнаго и премудраго Бога, каковыя Онъ исполнителемъ святаго своего закона покаряющимся повелѣніямъ избранныя и утвержденныя Его силою МОНАРХИИ, и приверженнымъ къ истинѣ Евангелія низпосылаетъ.

Да утвердить васъ Его благодать въ сихъ святыхъ расположеніяхъ. Аминь.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, 1774 года, Августа 20 дня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ И КНИГЪ,

ОТНОСЯЩИХСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДО ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Алексѣевъ. Преданіе о временахъ Пугачева (Саратовскія Вѣдомости 1860 г. № 5).

Разсказъ неизвѣстнаго священника неизвѣстнаго села о томъ, какъ Пугачевъ хотѣлъ его повѣсить.

Алексѣевъ. Преданія о временахъ Пугачева (Саратовскія Вѣдомости 1860 г. № 14).

Какъ матери пугаютъ дѣтей Пугачевымъ и о томъ, что самозванецъ погубилъ много дворянъ. Разсказъ отличается общими мѣстами и не представляетъ для изслѣдователя ничего характернаго.

Андронниковъ. П. Окружное посланіе преосвященнаго Симона къ Костромской паствѣ по случаю появленія Пугачева на Волгѣ (Костромскія Вѣдомости 1862 г. № 51).

Антингъ, Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, С.-Петербургъ, 1799 г. Глава IV первой части посвящена описанію участія Суворова въ преслѣдованіи и поимкѣ Пугачева.

Анучинъ, Д. Происшествія на Яикѣ въ 1772 году (Современникъ 1862 г., т. 92).

Есть нѣсколько неточностей, вкравшихся потому, что авторъ не располагалъ многими документами.

Анучинъ Д. Первые успѣхи Пугачева и экспедиція Кара. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Воен. Сборникъ 1869 г. №№ 5 и 6).

Анучинъ, Д. Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Русскій Вѣстникъ 1872 г. ХСІХ).

Анучинъ, Д. Второе появленіе Пугачева и разореніе Казани. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Военный Сборникъ 1871 г. № 4).

Анучинъ, Д. Графъ Паниць, усмиритель Пугачевщины. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Русскій Вѣстникъ 1869 г., т. 80).

Анучинъ, Д. Участіе Суворова въ усмирениі Пугачевщины и поимка Пугачева (Русскій Вѣстникъ 1868 г. № 11).

Всѣ пять монографій охватываютъ весь періодъ мятежа, основаны на достовѣрныхъ источникахъ, но по недостатку матеріаловъ нѣкоторые эпизоды разсказаны невѣрно, или вовлекли автора въ ложныя предположенія и заключенія. Хотя авторъ и не вполне безпристрастенъ въ характеристикѣ лицъ, тѣмъ не менѣе изслѣдованіе Д. Анучина является лучшимъ изъ всего, что было написано о Пугачевскомъ бунтѣ.

Аристовъ, Н. Казнь Пугачева (Сѣверное Сіяніе 1864 г. т. III, стр. 367).

Статья очень короткая и во многомъ невѣрная. Историческіе факты переижданы съ вымысломъ. По словамъ автора, на саняхъ сидѣлъ одинъ Пугачевъ, а когда привезенъ былъ къ лобному мѣсту, то вышелъ изъ саней вмѣстѣ съ Перфильевымъ. Фамилія повѣшенныхъ невѣрна.

Аристовъ, Н. Я. Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ (Историческій Вѣстникъ 1880 г. № 9).

Разсказъ объ участіи чувашъ въ Пугачевскомъ бунтѣ. Занятіе самозванцемъ городовъ Алатыря и Саранска. Нѣсколько случаевъ, когда крестьяне защищали и спасали своихъ помѣщиковъ.

Арсеньевъ, А. В. Женищины Пугачевского возстанія. Приключенія и судьба женокъ, причастныхъ къ Пугачевскому бунту (Историческій Вѣстникъ 1884 г. № 6).

Статья написана безъ ссылокъ на источники и безъ знакомства съ позднѣйшею литературою того же предмета. Жену Пугачева, Софью, правительство не отыскивало, а ее бѣдственное, нищенское положеніе возбуждало вопросъ, что съ нею дѣлать. Разсказъ о Харловой, направленный размышленіямъ автора, не имѣетъ исторической достовѣрности. Разсказъ о Прасковѣ Ивановой заимствованъ изъ источника сомнительной вѣрности. Женитьба Пугачева на Устиныи разсказана не вѣрно и описаніе жизни Устиы въ Яицкомъ-Городѣ принадлежитъ къ числу вымысловъ. Устиныя не могла жить съ матерью, потому что ее не было въ живыхъ. Выдача Пугачева разсказана не вѣрно. Послѣ всего этого, кажется, авторъ ошибается, говоря, что въ его статьѣ

приведены «всѣ извѣстныя свѣдѣнія о женщинахъ» Пугачевского возстанія.

Архангельскій, Михаилъ, священникъ. Преосвященный Веніаминъ (Щуцкѣ-Григоровичъ) митрополитъ Казанскій и Свѣяжскій (Странникъ 1866 г. № 1).

Дѣятельность Веніамина во время Пугачевского бунта. Ошибочно сказано, что извѣстная грамота Веніамина составлена и разослана въ октябрѣ. Всѣ остальные свѣдѣнія почерпнуты преимущественно изъ исторіи Пугачевского бунта Пушкина и Казанскихъ вѣдомостей 1844 года.

Баженовъ, Николай. Казанская исторія. Казань, изд. 1847 г. Глава XXI второй части посвящена краткому описанію нападенія Пугачева на Казань.

Барсуковъ, А. П. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ (Русскій Архивъ 1873 г. № 2).

Есть указаніе о дѣятельности Орлова во время Пугачевского бунта и о переговорахъ его съ Трифионовымъ (Долгополовымъ). Авторъ ошибочно называетъ Пугачева яицкимъ казакомъ и говоритъ, что поляки ревностно помогали Пугачеву, что невѣрно.

Бельнуръ, Замѣтка француза о Москвѣ 1774 г. (Древняя и Новая Россія 1877 г., т. II).

Нѣсколько невѣрныхъ словъ о состояніи Москвы во время бунта.

Берже, А. Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г. (Русская Старина 1883 г. № 1).

Нѣсколько документовъ, большая часть которыхъ были напечатаны С. Сафоновымъ, въ Читеніяхъ Московскаго общества Исторіи и древностей 1848 г. кн. I, подъ заглавіемъ: «Акты о пребываніи Пугачева въ Моздокѣ».

Бибиновъ, сенаторъ. Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибинова. Книга эта была напечатана сначала въ 1817, а потомъ въ 1865 г.

Во второмъ изданіи выпущены весьма важные и интересные документы, помѣщенные въ первомъ. Сверхъ того, во второе изданіе введены поправки и примѣчанія въ большинствѣ невѣрныхъ и искажающія текстъ 1-го изданія. Вообще же, въ обоихъ изданіяхъ можно руководствоваться только подлинными документами, а самый текстъ біографіи требуетъ тщательной повѣрки и безусловно вѣрить ему не слѣдуетъ.

Броневскій, Исторія войска донскаго, С.-Петербургъ, 1834 г. 3 части.

Глава, относящаяся до Пугачева, невѣрна и не можетъ служить источникомъ для изученія событій 1773—1774 годовъ. Глава эта была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1834 г., т. XLIV.

Бутновъ, П. Г. Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 г. ч. II.

Глава 76-я этой части заключаетъ въ себѣ описаніе дѣятельности Пугачева, но по очень крупнымъ ошибкамъ и неточностямъ не можетъ служить источникомъ.

Бѣляевъ Іоаннъ, священникъ. Пугачевскій бунтъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи. Краснослободскъ, изд. 1879 г.

Книжка эта составлена по мѣстнымъ архивнымъ источникамъ весьма обстоятельно и хотя относится лишь къ одному уѣзду, но можетъ быть полезна для общей характеристики эпохи.

Вейдемейеръ, А. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, С.-Петербургъ, 1846 г.

Въ главѣ VII есть рассказъ о Пугачевѣ не вполне достовѣрный. Перечисляя самозванцевъ, бывшихъ до Пугачева, авторъ сообщаетъ невѣрные свѣдѣнія о Богомоловѣ.

Витевскій, В. Н. Яицкое войско до появленія Пугачева (Русскій Архивъ 1879 г.).

Самое полное изслѣдованіе по исторіи войска и за незначительными невѣрностями наиболѣе цѣнное.

Владиміровъ, В. Историческая записка о Казанской гимназій, Казань, изд. 1867 г.

Глава VIII тома 1-го (стр. 124—131) посвящена очерку дѣйствій гимназистовъ при нашествіи на Казань Пугачева. Очеркъ этотъ составленъ очень хорошо и на основаніи цѣнныхъ документовъ.

Волеговъ. Историческія свѣдѣнія о Пугачевскомъ бунтѣ. Рассказъ Верхолонцева о Пугачевѣ (Пермскія Вѣдомости 1864 г. № 2).

Рассказъ этотъ былъ первоначально напечатанъ В. Далемъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. IV.

Воскресенскій, А. Письма объ Ирбитѣ (Пермскія Вѣдомости 1864 г. № 24).

Сообщается преданіе, что жители Ирбита послали Пугачеву двѣ шапки серебра, чтобы только онъ не требовалъ отъ нихъ присяги.

Галкинъ-Врасскій, М. Н. Изъ архива Саратовскаго губернскаго правленія. (Русскій Архивъ 1873 г. № 4).

Манифестъ Пугачева донскому войску; вѣскольکو писемъ, рапортовъ и ордеровъ на имя царицынскаго коменданта Циплетева.

Голицынъ, М., князь. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, почерпнутые изъ бумагъ, оставшихся послѣ князя М. Н. Волконскаго (Москвитянинъ 1845 г. № 9).

Невѣрный во многомъ рассказъ о дѣятельности Пугачева. Письма напечатаны съ пропусками и въслѣдствіи перепечатаны во всемъ ихъ объемѣ г. Баргеновымъ въ изданной имъ книгѣ «Осмнадцатый вѣкъ».

Гротъ, Я. К. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Записки Академіи Наукъ, т. I).

Подлинныя донесенія генераловъ Кара и Вибикова.

Гротъ, Я. К. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Записки Академіи Наукъ, т. III).

Переписка Императрицы съ графомъ П. И. Панинымъ.

Гротъ, Я. К. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Записки Академіи Наукъ, т. XXV).

Подлинныя бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева.

Гротъ, Я. К. П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины (Русская Старина 1870 г. № 10).

Инструкція П. С. Потемкину какъ председателю слѣдственной секретной комиссіи и донесеніе его императрицѣ.

Гротъ, Я. К. Державинъ и графъ Петръ Панинъ (С.-Петербургскія Вѣдомости 1863 г. № 208 и № 210).

Отрывокъ изъ біографіи Державина со времени назначенія графа П. И. Панина главнокомандующимъ и до поимки Пугачева. Обѣ названныя статьи вошли въ изданную въ прошломъ году біографію Державина, написанную тѣмъ же авторомъ и составляющую VIII томъ Академическаго изданія сочиненій Державина.

Гротъ, Я. К. Эпизодъ изъ Пугачевщины (Древняя и Новая Россія 1877 г. № 3).

Въ статьѣ этой, основанной на достовѣрныхъ источникахъ, заключаются слѣдующія свѣдѣнія: 1) П. С. Потемкинъ въ Казани; 2) Саратовскія пререканія; 3) Экспедиція къ Петровску; 4) Пугачевъ въ Саратовѣ и 5) Поѣздка Державина въ Сызрань.

Гротъ, Я. К. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями.

Для изслѣдованія весьма важны: біографія поэта, записки Державина, письма и донесенія какъ самого Державина, такъ и лицъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе, и всѣ приложенія, собранныя почтеннымъ академикомъ.

Гуляевъ, С. И. Изъ прошлаго къ исторіи Пугачевского бунта (Историческій Вѣстникъ 1881 г., т. V, № 7).

Ордеръ Деколонга генераль-маіору Скалону, отъ 27 мая 1774 г., сообщавшій о разбитіи мятежниковъ подъ Троицкою крѣпостью. Сообщившій этотъ ордеръ въ редакцію снялъ съ него невѣрную копію.

Вмѣсто с. Родокалмыцкаго, надо читать: Вродокалмацкое; вмѣсто крѣп. Карацайская—Карагайская; вмѣсто Сибирской линіи—Сибирская линія. Въ сраженіи подъ Троицкою Вѣлбородовъ убитъ не былъ и проч.

Даль, В. Картины изъ русскаго быта. Разсказъ Верховонцева о Пугачевѣ (Русская Бесѣда 1856 г., кн. 4).

Разсказъ записанъ В. И. Далемъ со словъ очевидца, далеко спустя послѣ бунта и потому во многомъ невѣренъ. Дѣйствія кн. Голицына, Суворова и Цишлетева разсказаны невѣрно и событія перепутаны. Пользоваться этимъ разсказомъ надо очень осторожно.

Дмитріевъ, Ив. Ив. Взглядъ на мою жизнь, изд. 1866 г.

Авторъ описываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ Пугачевскаго бунта, которые совершались на его глазахъ.

Желѣзновъ, І. Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ (Русскій Вѣстникъ 1859 г., т. 20).

Преданія и пѣсни относятся до заселенія Яицкаго войска и время Петра I-го.

Жуковский, И. Краткое обзорѣніе достопамятныхъ событій Оренбургскаго края, С.-Петербургу, 1832 г.

Хронологическій перечень событій. Что касается до времени Пугачева, то перечень очень кратокъ и при томъ невѣренъ.

Зыряновъ, А. Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и окрестностяхъ его (Пермскій Сборникъ 1859 г., ч. I).

Дѣятельность Пугачева въ окрестностяхъ Челябинска, Чебаркульской крѣпости, Кундравинска, Окуневска, Далматова монастыря и Шадринска. Статья написана по цѣннымъ документамъ.

Зыряновъ, А. Преданіе объ Улугушской крѣпости (Пермскій Сборникъ 1859 г., ч. I).

Разсказъ какъ жители устроили крѣпость въ защиту отъ сообщниковъ Пугачева.

Игнатьевъ, Р. Воспоминанія 25-го марта 1774 года (Уфимскій Вѣдомости 1876 г., № 12).

Статья написана по поводу освобожденія Уфы отъ блокады ея мятежниками въ 1774 г. Авторъ ошибается, говоря, что Михельсонъ былъ подчиненъ князю Голицыну.

Игнатьевъ, Р. Г. Верхнеуральскъ (Памятная книжка Оренбургской губерніи на 1865).

Братія свѣдѣнія о дѣятельности полковника Ступишина въ Верхне-Яицкой крѣпости во время Пугачевскаго бунта. Къ сожалѣнію, фактическая сторона перемѣшана съ преданіями, не всегда достоверными.

Игнатьевъ, Р. Г. Городъ Кунгуръ (Пермскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. №№ 88—92).

Краткія свѣдѣнія о положеніи Кунгура во время Пугачевского бунта. Начальникъ отряда, отправленнаго на выручку Кунгура, былъ не Гавринъ, а Гагринъ.

Игнатьевъ, Р. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Оренбургскія Вѣдомости 1868 г. № 33).

Рапорты коменданта Верхне-Яидкой дистанціи полковника Ступишина отъ 10 января 1774 г., съ просьбою о помощи. Объявленія его башкирскому народу 4 апрѣля 1774 г. и 4 марта 1775 г.

Игнатьевъ, Р. Осада Уфы (Памятная книжка Уфимскаго статистическаго комитета на 1873 г. ч., II).

Безспорно, это самая подробная и обстоятельная статья о блокадѣ Уфы въ 1773 и 1774 гг. Встрѣчается нѣсколько неточностей, указанныхъ нами въ текстѣ.

Игнатьевъ, Р. Хроника достопамятныхъ событій Уфимской губерніи (Памятная книжка Уфимскаго статистическаго комитета на 1873 г., ч. II).

Перечень событій съ 1553 по 1870 годъ.

Каницъ фонъ, Юлій. Слово на возстановленіе покоя въ Казанской губерніи. Москва 1775 г.

Слово это было перепечатано въ нѣкоторыхъ монографіяхъ о Пугачевѣ.

Кононовъ, А. Два семейныя преданія (Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1862 г., кн. III).

Происшествіе во время Пугачевского бунта съ Саратовскимъ помѣщикомъ Василиемъ Лехотниковымъ и капитаномъ Николаемъ Захаревичемъ Павло-Швейковскимъ.

Костенко, Ю. Уральское казачье войско. Историческій очеркъ и система отбыванія воинской повинности (Военный Сборникъ 1878 г. № 9).

Историческіе факты заимствованы изъ сочиненій печатныхъ и весьма мало изъ дѣлъ войсковаго архива. Очеркъ весьма краткій.

Крестовскій, Всеволодъ. Четыре легкія полевыя команды во время Пугачева (Военный Сборникъ 1873 г. №№ 3 и 4).

Статья эта написана по весьма ограниченному числу всѣмъ извѣстныхъ печатныхъ источниковъ и не представляетъ ничего характернаго.

Кулыгинскій, священникъ. Пугачевцы и Пугачевъ въ Тресвятскомъ-Елабутѣ въ 1773—1774 г. (Русская Старина 1882 № 2).

Томъ III.

Разсказъ, основанный на сбивчивыхъ преданіяхъ и потому не могущій служить источникомъ для изученія эпохи. Самъ авторъ добавляетъ пѣсколько несообразностей.—«Пуля вышибла полѣно, которое ударило въ грудь ему, и соглядатай, отлетѣвши отъ полѣнницы на сажень, закрылъ свои зоркіе глаза на вѣки» (Надо полагать, что въ этомъ случаѣ пуля имѣла особую и необычайную силу). Одинъ барабанщикъ разгоняетъ цѣлую толпу пугачевцевъ. По словамъ автора, подойдя къ Елабугѣ, Пугачевъ ослѣпъ и отправилъ своего приближеннаго въ соборъ помолиться за него. *Когда въ соборъ отслужили молебенъ за здравіе императора Петра III (?), то Пугачевъ прозрѣлъ. Это пишетъ священникъ!*

Курочкинъ, Н., священникъ. Пугачевъ (Русскій Инвалидъ 1847 г. № 146).

Статья перепечатана изъ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей и представляетъ только краткій перечень событій.

Ламанскій, В. И. Письма императрицы Екатерины II къ А. И. Бибикову во время Пугачевского бунта (Русскій Архивъ 1866 г. № 3).

Шесть писемъ, изъ коихъ нѣкоторыя весьма важны.

Леонидъ, Архимандритъ. Рапортъ московскаго Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева объ исповѣди и причастіи Пугачева съ товарищи (Чтенія Московскаго Общества Исторіи и древностей 1872 г., кн. I).

Леопольдовъ. Историческій очеркъ Саратовскаго края, Москва, 1848 года.

О дѣйствіяхъ Пугачева въ окрестностяхъ Саратова. Свѣдѣнія хотя и краткія, но не лишены значенія и въ настоящее время.

Лукинъ, И. С. Жизнь стариннаго русскаго дворянина (Русскій Архивъ 1865 г. № 8).

Разсказывая свою жизнь, авторъ, между прочимъ, описываетъ происшествія въ Нижнемъ-Ломовѣ въ августѣ 1774 г.

Ляликовъ, Ф. Преданіе о казни Пугачева (Русскій Архивъ 1871 г., т. II).

Преданіе неполнѣ вѣрно съ дѣйствительностью.

Минаевъ, Д. Выписка изъ дѣла, начавшагося 1774 года 14-го іюля и производившагося въ Шацкой провинціальной канцеляріи, о появившейся по городамъ Инсару, Наровчату и Шацку пугачевской партіи (Тамбовскія Губернскія Вѣдомости 1868 г. № 26).

Краткій перечень происшествій въ окрестностях Падка и перечисленіе нѣсколькихъ челоѣкъ, казненныхъ правительствомъ за участіе въ мятежѣ.

Михайловъ, М. Уральскіе очерки (Морской Сборникъ 1859 г. № 9).

Нѣсколько преданій о Пугачевѣ и пѣсня объ «алтынскомъ» знамени, въ которомъ авторъ предполагаетъ голштинское знамя, въ свое время надѣлавшее много шума и неоправдавшее подозрѣнія.

Михайловъ, С. Воспоминанія о Пугачевщинѣ (Казанскія Вѣдомости 1860 г. № 28).

Преданіе о томъ, какъ дѣйствовали жители Козьмодемьянска и Ядрина при приближеніи Пугачева. Жестокое обращеніе жителей г. Ядрина съ бунтующими чувашами.

Мордовцевъ, Д. Самозванецъ Богомоловъ (Самозванцы и пониженная вольница изд., 1867 г., ч. I).

Монографія эта была напечатана въ газетѣ «Парусъ» и написана на основаніи документовъ царыцынскаго архива; имѣеть всѣ данныя достоверности.

Мордовцевъ, Д. Пугачевщина (Вѣстникъ Европы 1866 г. № 1).

Мордовцевъ, Д. Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка и Пугачевъ (Отечественныя Записки 1868 г. №№ 8—10).

Мордовцевъ, Д. Пугачевъ до самозванства и первыя дѣйствія самозванца до взятія Татищевой крѣпости (Самозванцы и пониженная вольница, т. I).

Всѣ статьи написаны широкой и бойкой, но невѣрной кистью. Пользуясь преимущественно иностранными источниками, авторъ не заботится о критической оцѣнкѣ, если только они соответствуютъ той картинѣ, которую предположено написать, и эскизъ которой составленъ заранее. Въ оцѣнкѣ дѣятелей и событій нѣтъ безпристрастія историка. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ словами одного изъ наиболѣе серьезныхъ исслѣдователей этой эпохи. «Мы не охотно обращаемся, говорить онъ, къ трудамъ г. Мордовцева, потому что онъ постоянно говоритъ объ имѣющихся у него новыхъ, никому неизвѣстныхъ фактахъ, и не даетъ ихъ, а прочитанное въ другихъ сочиненіяхъ рассказываетъ, что называется, своими словами, почти всегда искажая сущность дѣла» (См. Воен. Сборн. 1869 г. № 6, стр. 142). Къ этому мы должны прибавить, что, по мнѣнію г. Мордовцева, во всѣхъ словахъ Пугачева проявляется «како-то странное величіе, что-то сильное, смѣлое». Пугачеву, по словамъ автора, какъ классическому полководцу Рима, стоило только топнуть ногою въ землю, чтобы изъ нея вышли легионы, болѣе многочисленные и болѣе страшные, чѣмъ легионы древняго Рима». Въ толпѣ Пугачева г. Мордовцевъ видитъ «великую армію», а въ возводимыхъ самозванцемъ батареяхъ такія постройки, что «самъ Вобанъ не могъ бы лучше устроить». Впрочемъ, гдѣ возводились такія постройки, намъ неизвѣстно, а г. Мордовцевъ о нихъ умалчиваетъ. Вообще, въ глазахъ автора Пугачевъ былъ челоѣкъ

рѣдкой находчивости, большого политическаго такта и отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ. Такая характеристика можетъ сохраниться только въ статьяхъ г. Мордовцева, написанныхъ съ исключительною цѣлью набросить тѣнь на дѣятели того времени. Но исторія должна быть безпристрастна и вѣдать каждому по дѣламъ его.

Мордовцевъ Д. Кто былъ усмиритель Пугачевщины (Отечественныя Записки 1869 г. № 11).

Полемическая статья по поводу напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ статьи г. Д. Анучина «Графъ Панипъ, усмиритель пугачевщины».

Нефедовъ, Ф. Движеніе среди башкиръ передъ Пугачевскимъ бунтомъ (Русское Богатство 1880 г. № 10).

Краткія свѣдѣнія о причинахъ неудовольствія башкиръ. Перечисленіе бунтовъ. Біографическія подробности о башкирцѣ Салаватѣ и отцѣ его Юлаѣ. Послѣднія свѣдѣнія основаны преимущественно на пѣсняхъ народныхъ и сочиненныхъ самимъ Салаватомъ.

Николаевъ, А. Преданіе о временахъ Пугачева (Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1860 г., № 14).

Разсказъ, впрочемъ, не имѣющій ничего характернаго, о томъ, какъ везли Пугачева въ Симбирскъ и какое впечатлѣніе производилъ онъ на мѣстныхъ жителей.

Николаевъ, А. Преданія о временахъ Пугачева (Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1860 г. № 25).

Происшествія въ Саратовѣ съ нѣкоторыми лицами (бабою, продавающею пироги и подъячимъ) при появленіи Пугачева. Разсказъ имѣетъ анекдотическій характеръ.

Оболенскій, М. князь, Историческія замѣчанія (Русскій Архивъ 1865 г. стр., 334).

Замѣтка о родѣ Чернышевыхъ и о полковникѣ Чернышевѣ, казненимъ Пугачевымъ. Нѣсколько словъ о неточностяхъ, вкрапившихся въ лѣтопись Рычкова, напечатанную А. С. Пушкинымъ.

Ореусъ, И. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, побѣдитель Пугачева (Русская Старина 1876 г. № 1).

Краткая біографія, основанная на достовѣрныхъ источникахъ. Свѣдѣнія же о дѣятельности Михельсона во время Пугачевского бунта весьма кратки.

Орловъ, А. В. Челябинскъ (Памятная книжка Оренбургской губерніи на 1865 г.).

Очень краткія свѣдѣнія о состояніи Челябинска во время Пугачевского бунта.

Орловъ, П. Осада города Мензелинска въ Пугачевскій бунтъ (Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г., ч. II).

Небольшая замѣтка о защитѣ Мензелинска съ 23 декабря 1773 г. по мартъ мѣсяцъ 1774 г.

Пекарскій, П. Любитель литературы Екатерининскихъ временъ (Отечественныя Записки 1856 г., т. 105).

Выдержки изъ записокъ поручика Нарвскаго пѣхотнаго полка Васильева. Въ нихъ есть нѣсколько словъ о привозѣ Пугачева въ Москву.

Пекарскій, П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. С.-Петербургъ, 1867 г.

Все, что написано Рычковымъ какъ очевидцемъ, имѣетъ весьма важное значеніе; то же, что написано имъ по слухамъ, не всегда вѣрно и требуетъ критической оцѣнки.

Пекарскій, П. Извѣстія объ уфимскихъ дворянахъ Пекарскихъ (Памятная книжка Уфимскаго статистическаго комитета на 1873 г., ч. II).

Планеръ, Д. О мѣрахъ осторожности, которыя принимаемы были пермскими заводами во время Пугачевского бунта въ 1774 г. (Пермскій Сборникъ 1859 г., ч. I).

Происшествія на Юговскихъ и Анненскомъ заводахъ. Невѣрное указаніе, что подъ Казанью Пугачевъ былъ разбитъ княземъ Голицынымъ; это сдѣлано было полковникомъ Михельсономъ.

Плотниковъ, протоіерей. Долматовскій монастырь въ 1773 и 1774 годахъ или Пугачевскій бунтъ (Чтенія въ Московскомъ общес. исторіи и древнос. 1859 г. кн. I).

Описаніе обороны монастыря отъ шаекъ грабителей, дѣйствовавшихъ именемъ самозваннаго императора Петра III. Разсказъ о первоначальныхъ похиженіяхъ Пугачева невѣренъ.

Полуденскій, М. П. Выписка изъ произведеннаго въ Оренбургской секретной комиссіи слѣдствія о первоначальномъ злодѣйскомъ замыслѣ и предпріятіи бѣглаго донскаго казака Емельяна Иванова сына Пугачева, въ наименованіи себя именемъ покойнаго императора Петра III; объ обстоятельствахъ на Яикѣ тогда бывшихъ, способствующихъ ему къ произведенію сего злаго намѣренія въ дѣйство, при вспомоствованіи бунтующихъ яицкихъ казаковъ, безъ всякаго сообразованія къ нему прилѣпившихся (Чтенія въ Московскомъ общ. исторіи и древнос. 1859 г., кн. III).

Бѣгство Пугачева въ Польшу и возвращеніе въ Россію изложены невѣрно. Бѣгство изъ Казани, происхожденіе яицкихъ казаковъ, также

изложено во многомъ неточно. Разсказъ о появленіи Пугачева на Таловскомъ уметѣ основанъ на первомъ показаніи Оболяева, впоследствии признавшемъ свое показаніе невѣрнымъ.

Полуденскій, М. Подлинныя бумаги, до бунта Пугачева относящіяся (Чтенія въ Московскомъ общес. исторіи и древн. 1860 г., кн. II).

Документы эти, относящіяся почти ко всему періоду возмущенія, весьма важны.

Полуденскій, М. П. Письма А. И. Бибикова къ А. М. Лушину (Русскій Архивъ 1866 г.)

Письма эти относятся ко времени пребыванія Бибикова въ Варшавѣ и при усмиреніи Пугачевского бунта. О послѣднемъ есть нѣсколько цѣнныхъ подробностей.

Поспѣловъ, А. Е. Пугачевскій бунтъ (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. №№ 26—28).

Многіе эпизоды написаны въ запискахъ по слухамъ и притомъ невѣрнымъ. Силы Пугачева во многихъ случаяхъ преувеличены, историческіе факты искажены. Пугачевъ не былъ въ Царицынской тюрьмѣ. Онъ не атаковалъ Корфа и съ Каромъ не сражался. Хлопуша былъ посланъ ранѣе и проч. Вообще, при пользованіи записками, надо быть осторожнымъ. Очевидцемъ и участникомъ Поспѣловъ былъ въ событіяхъ весьма ограниченныхъ и зналъ весьма мало даже изъ того, что совершалось вблизи Озерной крѣпости, въ которой онъ находился.

Пушкинъ, А. С. Исторія Пугачевского бунта.

Изложеніе автора, послѣ массы изданныхъ матеріаловъ, требуетъ весьма тщательной повѣрки, но 2-я часть изданія, т. е. приложения, остаются навсегда драгоценнымъ матеріаломъ.

Ребовъ, А. Разсказъ девяносто-семилѣтняго казака Малодѣльской станицы Антона Ребова о бывшихъ на Дону Пугачевскихъ толпахъ (Донскія Войсковыя Вѣдомости 1853 г., № 16).

Очень короткій разсказъ о происшествіяхъ въ Малодѣльской станицѣ въ августѣ 1774 г.

Садовниковъ. Расправа съ Пугачевцами. Народный разсказъ (Русская Старина 1876 г., т. XVII).

Небольшая замѣтка о жестокостяхъ помѣщиковъ.

Садовниковъ, Дм. Замѣтки о Пугачевѣ (Русская Старина 1878 г., т. XXII).

Очень враткое указаніе слѣдовъ жестокости Пугачева въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ.

Самойловъ, А. И., графъ. Жизнь и дѣянія генераль-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго (Русскій Архивъ 1867 г. №№ 4, 7, 10 и 12).

Есть нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о дѣятельности Потемкина во время Пугачевского бунта.

• **Сапожниковъ, С. М.** Преданія о временахъ Пугачева (Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1860 г. № 14).

Разсказъ о томъ, какъ отцу Сапожникова Пугачевъ заплатилъ 70 р. за взятый табуны лошадей. Свѣдѣнія о самомъ Пугачевѣ неточныя и сообщены съ разными прикрасами. Есть нѣсколько словъ о нападеніи мятежниковъ на г. Саратовъ.

• **Сафоновъ, С.** Акты о пребываніи Пугачева въ Моздокѣ (Чтенія въ Московскомъ общ. исторіи и древностей 1848 г., кн. I).

Пять весьма важныхъ донесеній 1772 года. Пребываніе Пугачева въ Моздокѣ привело его къ самозванству.

Селифоновъ, Н. И. Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, комендантъ г. Саратова (Русская Старина 1879 г., т. XXVI).

Дѣятельность И. К. Бошняка по защитѣ Саратова при нападеніи Пугачева.

Сенюткинъ, М. Военныя дѣйствія донцовъ противъ Крымскаго хана Девлетъ-Гирея и самозванца Пугачева въ 1773 и 1774 годахъ (Современникъ 1854 г. № 8., т. 46).

Описаніе дѣятельности Пугачева до объявленія себя императоромъ по большей части невѣрно; но весьма важны и интересны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о мѣрахъ предосторожности, принятыхъ на Дону и о дѣйствіяхъ донцовъ противъ Пугачева.

Середа, Н. А. Пугачевскій бунтъ по запискамъ современника и очевидца (Вѣстникъ Европы 1870 г. т. III, № 6).

Перефразъ собственными словами записокъ А. Е. Поспѣлова, напечатанныхъ въ Оренбургскихъ Вѣдомостяхъ 1869 года. См. выше.

• **Середа, 2-й, Н.** Исетская провинція во время Пугачевского бунта и генераль-поручикъ Деколонгъ (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. №№ 45 и 46).

Статья эта написана въ опроверженіе труда Д. Мордовцева «Русскіе госуд. дѣятели и Пугачевъ». Она основана на данныхъ, помѣщенныхъ въ Пермскомъ Сборникѣ 1859 г. Мы уже имѣли случай говорить о трудахъ г. Мордовцева и о степени ихъ исторической достоверности.

• **Сулоцій, А.** священникъ. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Чтенія въ Московскомъ общес. исторіи и древнос. 1859 г., кн. I).

Дѣятельность духовенства во время бунта. Матеріалъ весьма важный и цѣнный.

- **Труворовъ, А.** Былое изъ Пугачевщины (Осмнадцатый вѣкъ, кн. III).

Разсказъ о томъ, какъ крестьяне въ Нижегородской губерніи хотѣли отвести къ Пугачеву своего помѣщика Бобоѣдова.

- **Фуксъ, К. Ѡ.** Сказаніе старожиловъ о пребываніи Пугачева въ Казани и о состояніи ея въ то время (Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта и исторіи Казани). Казань, изд. 1843 г.

Книжка эта есть оттискъ статьи изъ Казанскихъ Вѣдомостей и включаетъ въ себѣ два разсказа купцовъ: И. А. Сухорукова и Л. Ф. Крупеникова. Повѣствованіе относится болѣе до личныхъ походовъ разсказчиковъ, чѣмъ до дѣйствій самозванца подъ Казанью. Показанія Сухорукова въ нѣкоторыхъ случаяхъ разнорѣчны, но заключаютъ нѣсколько характерныхъ подробностей объ архіепископѣ Веніаминѣ.

- **Хитровъ, А.** Преданія о Пугачевскомъ бунтѣ, сохраняющіеся между жителями Ирбитскаго уѣзда (Пермскія Вѣдомости 1864 г. № 16).

Краткія свѣдѣнія о волненіяхъ въ Краснослободскомъ острогѣ, въ селахъ Бѣлослудскомъ и Стриганскомъ. Преданія во многомъ невѣрныя съ дѣйствительностью, но разсказъ о дѣйствіяхъ помѣщика Теофиломъ весьма характеристиченъ.

- **Чупинъ, Наркизь.** Членъ Екатеринбургской горной канцеляріи. М. М. Башмаковъ и дѣйствія его во время Пугачевщины (Пермскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. №№ 52, 53, 59, 60, 61, 62).

- **Чупинъ.** Пугачевщина. Новые матеріалы для исторіи Пугачевщины (Русская Старина 1875 г. №№ 2 и 3).

Два рапорта: одинъ о разореніи Вознесенскаго мѣднаго завода, а другой о разореніи заводовъ Твердышева и Мясникова.

- **Штейнъ.** Русскія народныя былины (Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1859 г., кн. III).

На страницѣ 146-й помѣщенъ отрывокъ изъ пѣсни про Пугача. Отрывокъ этотъ включаетъ въ себѣ описаніе Оренбурга, но о Пугачевѣ нѣтъ ничего, кромѣ имени.

- **Щебальскій, П. К.** Начало и характеръ Пугачевщины, Москва, 1865 г.

Краткій обзоръ всего періода волненій, составленный исключительно по печатнымъ источникамъ. Основываясь во многихъ случаяхъ на «допросахъ Пугачева», г. Щебальскій и многіе другіе авторы разсказываютъ событія невѣрно, но, конечно, не они въ томъ виноваты.

Ястребовъ, М. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1852 г. № 12).

Рапорты: 1) священно-церковно-служителей Срѣтенской церкви Окуневскаго пригородка въ Воскресенское духовное правленіе о прибытіи въ Окуневскъ, 21 февраля 1774 г., толпы мятежниковъ, подъ предводительствомъ есаула Ивана Иванова Ковалевского. 2) Священника Камипской слободы Дмитрія Катарова тому же Воскресенскому духовному правленію, отъ 2 апрѣля 1774 г., о возмутительныхъ дѣйствіяхъ старосты Михаила Серебренникова въ пользу Пугачева и о грабежахъ башкирцевъ.

Антоній (Зыбелинъ), епископъ Нижегородскій и Алатырскій 1773—1783 гг. (Нижегородскія Губернскія Вѣдомости 1849 г. №№ 1—3).

Краткая біографія и распоряженіе его во время Пугачевского бунта, по полученіи манифеста 29 ноября 1773 г., отправленнаго съ А. И. Вибиковыхъ.

Архивныя дѣла. Дѣло о поимкѣ и истребленіи извѣстнаго вора и бунтовщика Пугачева 1773 г. (Казанскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 42).

Манифестъ 15 октября 1773 г. Донесеніе Свяжской провинціальной канцеляріи Казанскому губернатору 30 октября 1773 г., объ укупоркѣ денегъ и съ просьбою о помощи. Указъ Сената 13 декабря 1873 г. Манифесты 29 ноября и 24 декабря 1773 г.

Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, изд. 1869 г., двѣ части.

Весьма дѣйный источникъ, въ которомъ видна вся дѣятельность правительства по усмиренію возстанія.

Архимандритъ Іанинъ (Пермскій Сборникъ 1860 г. № 2).

Небольшая замѣтка о дѣятельности Іанина при защитѣ Долматовскаго монастыря отъ шаекъ Пугачева.

Благодарственная рѣчь Императрицѣ Екатеринѣ II, говоренная въ Казанскомъ дворянскомъ собраніи 1-го февраля 1774 года (Прибавленіе къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1844 г. № 52).

Бумаги графа Петра Ивановича Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. (Сборникъ Императорскаго русск. историчес. общества, т. VI). Подлинныя донесенія гр. Панина и письма къ нему императрицы, за все время командованія имъ войсками по усмиренію Пугачевского бунта.

• Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (Сборникъ Императорскаго историчес. общества Т. III и IV, а по общему счету 13 и 27).

О важности этихъ бумагъ говорить нечего.

Веніаминъ, Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ Казанскій (Прибавленіе къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1844 года № 36).

Краткія свѣдѣнія о дѣятельности Веніамина во время Пугачевского бунта, осада Казани, арестъ Веніамина и рескриптъ къ нему Екатерины. Статьею этою пользовался свящ. Архангельскій при составленіи біографіи архіепископа, помѣщенной въ Страпникъ 1866 г., № 1.

Волненія на Яикѣ передъ Пугачевскимъ бунтомъ. Записка капитана Саввы Маврина, составленная на основаніи показанія казаковъ (Памятники новой русской исторіи, изданія В. Кашперова, т. II).

Подробный рассказъ о происшествіяхъ на Яикѣ съ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія по день появленія Пугачева. Источникъ весьма важный.

Главные пособники Пугачева (Русская Старина 1876 г., т. XVI и XVII).

Показанія казаковъ: Шерфильева, Творогова и Чумакова, купца Долгополова, татарина Ковзофара Усаева, жены Пугачева Софьи, Шьянова, игумена Филарета, Дружинина, Мамаева, Бугурусланскаго депутата Давыдова, Петра Емельяпова и Юва Мосякина. — Изъ этого списка видно, что многія лица никогда не были пособниками, а лишь сообщниками. Показанія этихъ лицъ весьма важны, но не во всемъ точны и получаютъ историческую достовѣрность только по сличенію съ другими.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (Русская Старина 1873 г., т. VIII, 907).

Подъ этимъ обширнымъ заглавіемъ напечатано только одно письмо гр. Панина къ Д. И. Фонъ-Визвиу, отъ 29 августа 1774 г.

Гурьевъ городокъ и Гурьевскіе учуги (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1872 г. №№ 30, 31).

Статья неоконченная.

Два письма Великія Екатерины нижегородскому губернатору генераль-поручику А. А. Ступишину (Сѣверная Пчела 1833 г. № 3).

Письма эти писаны по поводу волнений, возникших въ Нижегородской губерніи во время Пугачевского бунта и поимки Ильи Аристова, обвинявшаго архіепископа Веніамина въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ.

Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ при русскомъ дворѣ (Сборникъ Императорскаго русск. историчес. общества, т. XIX.

Подъ 1773—1775 гг. въ донесеніяхъ попадаются свѣдѣнія о Пугачевскомъ бунтѣ, но требуютъ тщательной повѣрки.

Дополнительное показаніе (Чтенія въ Московскомъ общес. истор. и древ. 1858 г., кн. II).

Текстъ напечатанъ съ невѣрной рукописи.—Напечатано Симоновъ— вмѣсто Салмановъ, Порицкій—вмѣсто Персидскій, Дурали султанъ— вмѣсто Дусали—султанъ, сыновьямъ—вмѣсто братьямъ, и проч. проч. Вообще показаніемъ этимъ, въ томъ видѣ, какъ оно напечатано, пользоваться невозможно.

Допросы Пугачеву (Чтенія въ Московскомъ общес. исторіи и древностей 1858 г., кн. II).

Это собственно не допросы, а первое показаніе Пугачева, данное въ Яицкомъ городѣ 16 сентября 1774 года.—Показаніе это напечатано съ невѣрной рукописи и потому совершенно искажено.—Въ текстѣ пропущены цѣлыя строки, переименованы собственные имена и названія мѣстности. Такъ напечатано: хорунжій Усть-Медвѣдичскій—вмѣсто Устинъ Медвѣдчиковъ, Карповъ—вмѣсто Каргинъ; слобода Вѣтка названа Вѣтою, Антиповская станица—Остановскою.—Цифры правительственныхныхъ войскъ и силы Пугачева также не вѣрны: на стр. 25 напечатано 100 т., вмѣсто 10 т. заводскихъ крестьянъ; 4 т. башкирцовъ, вмѣсто 400. Не имѣя возможности перечислить здѣсь всѣхъ не-точностей, долженъ сказать, что на одномъ этомъ показаніи основываться невозможно.—Въ тайной экспедиціи въ Москвѣ, при новомъ допросѣ, Пугачевъ отъ многого отказался, сознался, что многое показалъ ложно и былъ уличаемъ на очныхъ ставкахъ съ сообщниками. Это показаніе можетъ служить источникомъ только при сличеніи его съ показаніями другихъ лицъ, да и то не по печатному тексту.

Допросъ, учиненный государственному злодѣю и самозванцу Пугачеву въ присутствіи Г. Г. М. П. С. Потемкина 1774 г., октября со 2-го по 5-е число (Чтенія въ Московскомъ общес. истор. и древн. 1858 г., к. II).

Слѣдуетъ читать такъ: «Допросъ, учиненный государственному злодѣю и самозванцу Пугачеву, въ присутствіи генерала графа Панина и генералъ-маіора Потемкина 1774 г. октября со 2-го по 5-е число, въ Симбирскѣ». Текстъ этого допроса страдаетъ еще большими погрѣшностями, чѣмъ и предыдущій.

Дюковъ, Иванъ Игнатьевичъ (Оренбургскія Вѣдомости 1852 г. № 41).

Биографическій очеркъ съ указаніемъ заслугъ Дюкова въ защитѣ г. Уфы при блокадѣ ея башкирцами и Зарубиннымъ (Чикою).

Екатерина II и Пугачевщина (Русская Старина 1875 г. № 5).

Собственноручныя письма Императрицы П. С. Потемкину съ 30 июня 1774 г. по 12 февраля 1775 года.

Еще посланіе преосвященнаго Веніамина, архіепископа Казанскаго, къ своей возмущенной Пугачевымъ паствѣ (Вятскія Епархіальныя Вѣдомости 1863 г. № 22).

Оба эти посланія напечатаны безъ года, мѣсяца и числа.

Замѣтки о Пугачевѣ (Русская Старина 1878 г. № 7).

Слѣды разореній, произведенныхъ Пугачевымъ въ Самарской и Симбирской губерніяхъ; перечисленіе нѣсколькихъ случаевъ изъ его жестокостей.

Записка полковника Пекарскаго (Москвитянинъ 1841 г., ч. III).

Разсказъ очевидца далеко недостоверный: перемѣшаны событія, искажены собственныя имена и страдаетъ хронологія.

Записки А. Т. Болотова (Приложеніе къ Русской Старинѣ 1872 г.).

Въ т. III записокъ встрѣчается нѣсколько словъ о состояніи Москвы во время Пугачевского бунта. Свѣдѣнія эти интересны какъ свидѣтельство очевидца, описавшаго и казнь самозванца.

Записки Д. Б. Мертваго (Русскій Архивъ 1867 г. №№ 8 и 9).

Начало записокъ напечатано было въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г. № 1. Записки эти заключаютъ въ себѣ нѣсколько словъ о защитѣ Казани и описаніе дѣятельности Пугачевскихъ шаекъ въ Алатырскомъ уѣздѣ. Источникъ весьма цѣнный.

Записки сенатора П. С. Рунича о Пугачевскомъ бунтѣ (Русская Старина 1870 г., т. II).

Записки эти писаны, вѣроятно, спустя много лѣтъ послѣ событій, потому что въ нихъ встрѣчаются неточности въ числахъ и собственныхъ именахъ. Онѣ заслуживаютъ вниманія по разсказу о Долгополовѣ, такъ какъ авторъ былъ личнымъ свидѣтелемъ имъ описываемаго. Все же что касается личности Богомолова, искажено и неверно.

Извѣстіе о злодѣйскомъ нашествіи на городъ Казань бунтовщика Емельки Пугачева. Извлечено изъ письма архимандрита Спасо-Преображенскаго монастыря Платона Любарскаго къ Н. Н. Бантыши-Каменскому 1774 года августа 24 дня (Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику 1830 г. № 26).

Свѣдѣнія весьма важныя, какъ свидѣтельство очевидца.

Извѣстіе о поимкѣ Пугачева (Русская Старина 1876 г., т. XVI).

Письмо графа П. И. Папина сенатору П. С. Сумарокову о поимкѣ Пугачева.

Историческая замѣтка о Пугачевскомъ бунтѣ (Казанскія Губернскія Вѣдомости 1864 г. № 25).

Краткія свѣдѣнія о защитѣ жителями г. Ядрина и награды, пожалованныя Екатериною участникамъ защиты.

Историческое извѣстіе о бывшихъ въ Казани архіереяхъ съ 1552 года или со времени покоренія сего города (Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику 1829 г. № 19).

Краткія біографическія свѣдѣнія о пресвященномъ Веніаминѣ.

Казань, 12 іюля 1774 года (Казанскій Биржевой Листокъ 1874 г. № 54).

Очеркъ этотъ написанъ по статьямъ Пушкина, Щебальскаго и Мордовцева. Имѣетъ всѣ недостатки источниковъ, изъ которыхъ заимствованъ. Указаніе относительно Софьи Пугачевой невѣрно. Разсказъ автора, что надъ Казанью развѣвалось бѣлое знамя съ раскольничьимъ крестомъ—выдумка.

Кое-что о службѣ нашихъ уральскихъ казаковъ въ прежніе годы (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1871 г. № 39).

Перечисленія командировокъ на вѣшнюю и внутреннюю службы съ 1655 по 1804 годъ. — Весьма важный матеріаль для исторіи войска и участія его въ военныхъ дѣлахъ того времени, на окраинахъ Россіи.

Ложный Петръ III или жизнь, характеръ и злодѣянія бунтовщика Емельки Пугачева. Москва. 1809 года, 2 части.

Обѣ части не имѣютъ никакого историческаго значенія, такъ какъ заключаютъ въ себѣ много вымышленнаго и анекдотическаго.

Манифесты Пугачева (Русскій Архивъ 1870 г., т. I).

Два манифеста: одинъ отъ 10 августа 1774 г., Антиповской станицы атаману Платонову, а другой отъ 13 августа Донскому войску.

Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Оренбургскія Вѣдомости 1852 г. №№ 35, 37, 38, 40, 43, 44, 45).

Экстрактъ, сочиненный изъ дѣла о самозванцѣ войска донскаго казакѣ раскольникѣ Емельянѣ Пугачевѣ, произведеннаго объ обстоятельствахъ, съ нимъ Пугачевымъ и съ измѣнническою его толпою происшедшихъ, и какія притомъ здѣшнія распоряженія и дѣйствія учинены. Свѣдѣнія съ сентября 1773 г. по 27 марта 1774 г.

Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Шермскій Сборникъ 1859 г., кн. II).

Три документа объ осадѣ Кунгура въ январѣ 1774 г.

Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Шермскій Сборникъ 1860 г., кн. II).

1) Объясненіе секундъ-маіора Попова въ Пермскую провинціальную канцелярію. 2) Журналь происшествіямъ въ г. Кунгурѣ при нападеніи въ 1774 году башкирской толпы и отбитіи ея. 3) Рапортъ Кунгурскаго провинціального магистрата Казальскому губернатору фонъ-Брандту о нападеніи мятежниковъ на г. Кунгуръ.

Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта (Пермскія Губернскія Вѣдомости 1864 г. №№ 7, 11, 18, 19, 20 и 52).

Распоряженія мѣстныхъ властей по прекращенію мятежа въ Пермской губерніи, начиная съ конца 1773 года.—Положеніе во время бунта городовъ Осы, Кунгура, Сарапуля, Соликамска, Красноуфимска, Воткинскаго завода, Мѣдянки и Очерскаго завода.

Матеріалы для исторіи самозванца Іова Мосякина (Воронежская Бесѣда на 1861 г.).

Два письма генераль-прокурора кн. Вяземскаго къ Воронежскому губернатору Шетневу о разбѣрѣ наказанія Мосякину и его товарищамъ.

Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе. Москва, 1807 г.

Выдержка изъ записки Платона Любарскаго, напечатанной потомъ въ приложеніи къ «Исторіи Пугачевского бунта», А. С. Пушкина.

Наставленіе л.-гв. Измайловскаго полка капитану Александру Лунину (Чтенія общества исторіи и древнос. 1864 г., кн. III).

Наставленіе, данное П. С. Петемкинымъ, какъ обращаться и поступать съ преступниками, отправленными съ нимъ изъ Казани въ Москву.

Нѣчто о жизни митрополита Веніамина. Извлечено изъ исторіи города Казани (прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику 1830 г. № 28).

Статья эта перепечатана во многихъ изданіяхъ.

Нѣчто о Пугачевскомъ бунтѣ (Газета Волга 1862 г. № 80).

Одно донесеніе капитана Бутримовича коменданту Хоперской крѣпости Подляцкому, отъ 31 января 1774 г.

Гражданскихъ начальникахъ, когда и какіе учреждаемы были, и о начальникахъ, какъ они съ начала города Уфы именовались и что особенно при каждомъ случилось и въ нихъ именно годахъ (Оренбургскія Вѣдомости 1852 г. №№ 14, 15 и 16).

Краткія свѣдѣнія, изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1571 года по 1778 годъ. Наибольше подробно изложено обложеніе г. Уфы мятежниками въ 1773 и 1774 годахъ.

писаніе происхожденія дѣлъ и сокрушенія бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева, Москва, 1775 г. (Манифестъ).

• **Определение Казанскаго дворянства о собраніи коннаго корпуса войскъ изъ своихъ людей противъ Пугачева** (Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1864 г., кн. III).

Определение состоялось 1 января 1774 г.

✓ **О Пугачевскомъ бунтѣ** (Архивъ князя Воронцова, кн. 25, стр. 432).

Два письма изъ имѣній графа Воронцова о варварскихъ дѣйствіяхъ мятежниковъ въ Саранскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ.

• **О различныхъ народахъ, внутри Оренбургской губерніи находящихся** (Приложеніе къ Казанскому Вѣстнику 1829 г. № 50).

Краткое описаніе башкирскаго бунта въ 1757 году.

Отрывокъ изъ описанія жизни Казанскаго митрополита Веніамина (Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду 1833 г., стр. 202).

Статья эта заимствована изъ прибавленій къ Казанскому Вѣстнику и заключаетъ въ себѣ только рескриптъ Екатерины Веніамину 26 января и письмо Веніамина императрицѣ, отъ 6 февраля 1775 г.

Осада г. Уфы во время Пугачевскаго бунта (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1847 г. №№ 12, 13, 14 и 15. Статья эта перепечатана въ Русск. Инвал. 1847 г. №№ 104 и 106).

Весь разсказъ не внушаетъ никакого довѣрія. — Чика прибылъ къ Уфѣ въ декабрѣ, а не 1-го октября. Къ этому времени относится только появленіе самого Пугачева. Ни въ октябрѣ, ни въ ноябрѣ приступовъ къ Уфѣ не было, и авторъ смѣшиваетъ Чика съ другими предводителями шайки. Полковникъ Мясоѣдовъ лично не переговаривался съ мятежниками и проч.

О состояніи учебныхъ въ Казани заведеній съ 1759 по 1805 годъ, или въ продолженіе 46 лѣтъ (Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику 1828 г. № 2).

Разсказъ, впрочемъ, очень краткій, о происшествіяхъ съ гимназіею во время Пугачевскаго бунта и разоренія Казани.

Памяти преосвященнаго Меѳодія епископа Астраханскаго (Владимірскія Епархіальныя Вѣдомости 1876 г. № 10).

Статья эта перепечатана въ Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1876 года № 27. Все, что сказано о Пугачевскомъ движеніи, отъ начала и до конца невѣрно. Странно, что подобная статья могла явиться въ печати послѣ многихъ монографій о Пугачевѣ.

Переплетъ (?) по повелѣнію его высокографскаго сіятельства графа Петра Ивановича Панина о присылкѣ къ его сія-

тельству о злодѣѣ Пугачевѣ вѣдомости (Казанскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 33).

Разсказъ о переправѣ Пугачева черезъ Волгу и о причиненныхъ имъ разореніяхъ окрестныхъ селеніямъ.

Письма великаго Суворова къ князю Потемкину (Архивъ князя Воронцова, книга 24).

Есть одно письмо, относящееся ко времени Пугачева, а именно изъ Москвы, отъ 13-го октября 1774г. Издатель ошибочно сдѣлалъ примѣчаніе, что письмо это написало «передъ отправленіемъ на поимку Пугачева». 16-го сентября самозванецъ, уже закованный, давалъ первыя показанія въ Яицъ-городкѣ, а 2-го октября былъ уже въ Симбирскѣ.

Письма Веніамина, архіепископа казанскаго, къ архимандриту Платону Любарскому (Русскій Архивъ 1871 г., т. I).

Два письма о мученіяхъ, претерпѣнныхъ нѣкоторыми священниками отъ шаекъ Пугачева.

Письма Императрицы Екатерины II къ князю М. Н. Волконскому (Оснадцатый вѣкъ. Историч. сборникъ изданія Бартепева, кн. I).

Письма эти охватываютъ весь періодъ смуты и весьма важны.

Письмо П. А. Демидова къ Михельсону (Русскій Архивъ 1873 г. № 11).

Описаніе заслугъ Михельсона при преслѣдованіи Пугачева.

Польскій анекдотъ о Пугачевѣ (Русскій Архивъ 1876 г., т II).

Происшествіе вымышленное и анекдотъ невѣрный.

Посланіе Веніамина, архіепископа казанскаго, своей паствѣ (Справославный Собесѣдникъ 1859 г., ч. II, стр. 205).

Посланіе это относится къ 1774 году. Въ искаженномъ видѣ оно напечатано въ № 11 Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1863 г., подъ заглавіемъ: «Посланіе преосвященнаго Веніамина, архіепископа Казанскаго, какъ матеріалъ для исторіи Пугачевскаго бунта».

Преданіе о временахъ Пугачева (Саратовскія Вѣдомости 1860 г. № 6).

Преданіе о томъ, какъ Пугачевъ, пореѣзжалъ черезъ озеро Грошово, близъ Саратова, утопилъ нѣсколько бочекъ съ дегемъ. Преданіе не совсемъ вѣрное съ дѣйствительностью.

Привѣтствіе Симбирскаго дворянства графу П. И. Панину (Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1864 г., кн. III).

Это отрывокъ рѣчи безъ года, мѣсяца и числа.

Проза А. С. Пушкина (Библиографическія записки 1859 г. №№ 5 и 6).

Нѣсколько позднѣйшихъ замѣтокъ Пушкина о Пугачевскомъ бунтѣ, невошедшихъ въ его исторію. За малыми исключеніями онѣ тѣ же, что и въ Сборникѣ журнала «Заря». См. ниже «Собственноручныя при-мѣчанія и проч.»

Пугачевскіе листы (Русская Старина 1875 г. № 6).

Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны: манифестъ Пугачева, отъ 2-го декабря, два воззванія Грязнова къ жителямъ Челябы и билетъ, выданный Чикою (Онъ же Зарубинъ и Пугачевскій графъ Чернышевъ).

Пугачевскіе листы въ Москвѣ (Русская Старина 1875 г. № 7).

Всего только одинъ листъ, отъ 31 іюля 1774 года.

Пугачевщина (Русская Старина 1874 г., т. XI).

Подъ этимъ обширнымъ заглавіемъ напечатано одно письмо помѣщицы Лопатиной изъ Арзамаса, о замученномъ близъ Саранска семействѣ помѣщика.

Разсказъ, записанный со словъ одного изъ участниковъ Пугачевского бунта (Чтенія въ Московскомъ общес. истор. и древн. 1862 г., кн. III).

Разсказъ этотъ принадлежитъ Верхотланцеву и въ 1864 году перепечатанъ въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ № 2, а прежде всего напечатанъ В. Далемъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. 4.

Рескриптъ императрицы Екатерины II Веніамину архіепископу Казанскому, 22 октября 1773 г. (Православ. Собесѣд. 1859 г., ч. II).

Рѣчь благодарственная, произнесенная въ Казани Державинымъ въ 1774 г. (Русскій Инвалидъ 1860 г. № 69).

Салаватъ Юлаевъ, башкирецъ Шайтанъ-Кудейской волости (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1847 г. № 4).

Биографическія свѣдѣнія о Салаватѣ не совсемъ вѣрныя.

Сборникъ древностей Казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, стараніемъ и трудами Спасо-Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандрита Платона составленный, 1782 г. Казань, изд. 1868 г.

Очень краткія свѣдѣнія о разореніи Казани Пугачевымъ; указъ Синоду и рескриптъ Веніамину о пожалованіи его въ санъ митрополита. Благодарственное письмо Веніамида императрицѣ.

Собственноручная записка графа А. В. Суворова объ его службѣ и происхожденіи его фамиліи (Сѣверный Архивъ 1823 г., т. V).

Собственно о дѣятельности Суворова въ Пугачевщину свѣдѣнія очень кратки.

Собственноручныя примѣчанія А. С. Пушкина къ исторіи Пугачевского бунта (Матеріалы для новой русской исторіи. Сборникъ журнала «Заря»).

Есть нѣсколько характеристичныхъ, но есть и нѣсколько невѣрныхъ замѣчаній, основанныхъ на разсказахъ и слухахъ.

Сказаніе казанскаго купца Л. Ф. Крупеникова о пребываніи Пугачева въ Казани (Казанскія Губернскія Вѣдомости 1843 г. № 51).

По краткости своей, статья не представляетъ ничего характернаго.

Сказаніе казанскаго купца Н. А. Сухорукова о пребываніи Пугачева въ Казани и о состояніи ея въ то время (Казанскія Губернскія Вѣдомости 1843 г. № 44).

Разсказъ Сухорукова о пребываніи Пугачева въ Казанскомъ острогѣ невѣренъ.

Сподвижники императрицы Екатерины II, по духовному, военному и гражданскому управленіямъ, со вступленія на престолъ по день ея кончины (Сынъ Отечества 1847 г., т. IV, № 7).

Подъ этимъ длиннымъ заглавіемъ напечатаны очень краткія свѣдѣнія, взятая изъ формуляровъ о Панинѣ, Вибиловѣ, П. С. Потемкинѣ и другихъ.

Сто лѣтъ тому назадъ (Православный Собесѣдникъ 1874 г., ч. II).

Краткія свѣдѣнія о разореніи Казани Пугачевымъ и происшествіи съ архіепископомъ Веніаминомъ. Статья написана по печатнымъ всѣмъ извѣстнымъ источникамъ.

Страдальческая кончина М. М. Путилова въ 1773 г. (Чтенія Московскомъ общес. исторіи и древн. 1870 г., кн. III).

Путиловъ былъ замученъ пугачевцами.

Увѣщаніе Вятскаго епископа во время Пугачевщины (Русская Старина 1876 г. № 10).

Увѣщаніе 1774 г. безъ мѣсяца и числа.

Увѣщаніе митрополита Казанскаго Веніамина (Прибавленіе къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1844 г. № 37).

Увѣщаніе начинается словами: «Долгъ пастырскаго нашего званія» и проч. Оно написано Любарскимъ, напечатано съ пропусками и ошибочно отнесено къ октябрю 1773 г.

Устройство линіи по р. Яику отъ Яицкаго городна до Гурьева
(Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1871 г. № 40).

Первоначальное устройство линіи для защиты отъ набѣговъ киргизовъ относится къ 1747 году.—Авторъ указалъ на расположеніе казачьихъ командъ по линіи въ этомъ году, далѣе не продолжалъ и статья по своему содержанію далеко не соотвѣтствуетъ данному ей заглавію.

Яицкое казачество (Русскій Вѣстникъ 1863 г. № 7 и 1864 г. № 8).

Въ первой статьѣ изложена первоначальная исторія казаковъ до бунта Стеньки Разина, а во второй — до Пугачева. Много ошибокъ и неточностей. Статья написана безъ хронологической послѣдовательности. Какъ источникомъ можно пользоваться съ большою осторожностью.

Алфавитный указатель собственных именъ, упомянутыхъ въ текстѣ.

- Абариновъ, прапорщикъ. 114.
Авиновъ, Федоръ, казакъ. 225.
Александръ I, Императоръ. 362.
Александръ, архимандритъ Петровскаго Саранскаго монастыря. 121, 123, 343.
Александръ, протоіерей Успенскаго собора. 358, 359.
Алексѣевъ, Петръ, казакъ. 234, 235.
Алексѣевъ, капитанъ. 101.
Алексѣевъ, Петръ, протоіерей. 363, 379, 386.
Алексѣевъ, поручикъ. 204.
Аліевъ, татаринъ. 104, 105.
Алмаметевъ, Мусалимъ, татаринъ. 85.
Алымовъ, Иванъ. 73, 74.
Амбраанцевъ, подпоручикъ. 101.
Андреевъ, Евдокимъ, священникъ. 115,
Андрей, протоіерей Преображенскаго собора. 358.
Андреевъ, Тихонъ, секретарь. 164, 167, 168.
Андронниковъ, П. 379.
Анна, Императрица. 136.
Аника, башкирскій старшина. 20.
Антингъ. 307, 379.
Антоній, епископъ нижегородскій. 115, 119.
Анучинъ, Д. 29, 106, 202, 306, 307, 379, 380, 388.
- Анчигуль, башкирскій старшина. 40.
Апухтинъ, генераль-поручикъ. 359.
Арястовъ, Илья. 329, 330, 331, 332, 333, 334, 336, 337, 338, 346, 348, 349, 350, 351, 352, 395.
Арястовъ, Н. 380.
Арсеньевъ, А. В. 380.
Арслановъ, Кипзя. 64.
Архангельскій, Михаилъ, священникъ. 381, 394.
Архаровъ, московскій полиціймейстеръ. 364, 365, 366.
Архаровъ, подполковникъ. 140, 297.
Аршеневскій, бригадиръ. 286.
Аршеневскій, подполковникъ. 12, 14.
Арыковъ, Дмитрій, казакъ. 260.
Астраханкинъ, казакъ. 276, 277.
Атажукинъ, князь. 257.
Атнагуловъ, мулла. 58.
Ахшарумовъ. 8, 17.
Ащеуловъ, счетчикъ. 204.
Багратіонъ, И. В., князь. 238, 239, 240, 246, 247, 248, 254, 257, 321.
Баженовъ, Николай. 83, 93, 381.
Бакалкинъ, Иванъ. 262.
Баннеръ, генераль. 83, 84, 85.
Баятышъ - Каменскій, Н. Н. 104, 123, 320, 347, 396.
Баратаевъ, князь. 209.
Бардовскій, Алексѣй, сержантъ. 280.

- Барсуковъ, А. П. 381.
 Башмаковъ. 10.
 Башмаковъ, ассессоръ. 57, 58, 66, 67.
 Башмаковъ, М. М. 392.
 Башмаковъ, Михайло, товарищъ воеводы. 120.
 Бедрята, подполковникъ. 298.
 Безмыловъ, Иванъ. 172.
 Бекреневъ, казакъ. 178.
 Велькуръ. 381.
 Беницкий, Петръ, поручикъ. 34.
 Берглингъ, штернъ-фервальтеръ. 10.
 Берже, А. 381.
 Бибиковъ, Алекс. Ильичъ. 1, 2, 4, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 23, 24, 49, 50, 56, 110, 134, 192, 193, 200, 288, 331, 380, 381, 383, 386, 390, 393, 402.
 Бибиковъ, Василій, полковникъ. 23, 24.
 Блохинъ, подпоручикъ. 101.
 Бобѣдовъ, помѣщикъ. 392.
 Богомоловъ, самозапещъ. 382, 387, 396.
 Болотовъ, А. Т. 139, 364, 365, 396.
 Болтугаковъ, Ильсигай. 20.
 Борисовъ, есаулъ. 229.
 Борисовъ, Иванъ, поручикъ. 34.
 Бородинъ, майоръ. 253, 255, 256, 279, 326.
 Бошнякъ, полковникъ. 181, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 237, 240, 391,
 Брандтъ, Я. Л., генераль. 48, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 67, 72, 74, 75, 76, 80, 82, 83, 84, 85, 103, 104, 107, 109, 111, 121, 128, 131, 132, 188, 266, 320, 398.
 Броневскій. 381.
 Брянцовъ, Гаврила, регистраторъ. 74.
 Будановъ, офицеръ. 209.
 Бушинъ, прапорщикъ. 78.
 Буриновъ, Иванъ, казакъ. 260, 263, 264, 265, 278.
 Буткевичъ, Иванъ, майоръ. 176,
 Бутковъ, П. Г. 382.
 Бутримовичъ, капитанъ. 398.
 Бутыркинъ, майоръ. 196, 209.
 Быковъ, майоръ. 197.
 Быковъ, подпоручикъ. 101.
 Бѣлобородовъ, атаманъ. 18, 19, 20, 22, 29, 30, 32, 55, 56, 57, 68, 72, 87, 88, 89, 93, 384.
 Бѣлокопытовъ, Матвій, подполковникъ. 116, 125.
 Бѣляевъ, Иоаннъ, священникъ. 382.
 Бѣляковъ, Алексѣй, бургомистръ. 115.
 Бѣляковъ, Василій, городской голова. 115.
 Вавиловъ, прапорщикъ. 32.
 Васильевъ, Дмитрій, священникъ. 115.
 Васильевъ, Петръ, чиновникъ архіерейской канцеляріи. 348.
 Васильевъ, Петръ, подъячій. 121.
 Васильевъ, поручикъ. 389.
 Васильевъ, прапорщикъ. 125.
 Веденяпинъ, поручикъ. 78.
 Венеровскій, Василій, депутатъ. 231.
 Венгерскій, поручикъ. 101.
 Вепіанинъ, архіепископъ. 95, 123, 327, 329, 333, 340, 342, 343, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 381, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402.
 Венцель, коллежскій совѣтникъ. 73, 74.
 Верхолапцевъ. 30, 71, 89, 382, 381, 401.
 Вейдемейоръ, А. 382.
 Вянинъ Фонтъ, Д. И. 296, 304.
 Винокуровъ, есаулъ. 208.
 Витевскій, В. Н. 382.
 Владиміровъ, В. 84, 85, 382.
 Волеговъ. 382.
 Волковъ, А., генераль. 138, 149.
 Волковъ, Д. В. 358, 359, 361.
 Волкопескій, М. Н., князь, главнокомандующій въ Москвѣ. 4, 5, 105, 129, 132, 136, 138, 139, 140, 143, 146, 147, 150, 160, 161, 162, 285,

- 307, 309, 310, 327, 328, 329, 356, 357, 358, 366, 382, 400.
- Волоцкой, капитанъ. 4, 5.
- Воскресенскій, А. 382.
- Врублевскій, полякъ-волонтеръ. 42.
- Всеволожскій, Андрей, надворный совѣтникъ. 162, 169.
- Всеволожскій, В. А. 358.
- Вуколовъ, полковникъ. 220, 223.
- Вырубовъ, П. И. 358.
- Вяземскій, А. А., князь. 5, 44, 45, 47, 48, 57, 58, 64, 82, 105, 106, 125, 133, 162, 170, 181, 182, 199, 298, 318, 351, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 366, 367, 398.
- Вяземскій, И. А., князь. 358.
- Гагринъ, маіоръ. 12, 13, 24, 34, 36, 39, 60, 75, 82, 136, 148, 385.
- Галаховъ, капитанъ. 155, 161, 162, 254, 255, 283, 308, 329.
- Галкинъ-Врасскій, М. Н. 382.
- Гезилевскій, капитанъ. 297.
- Генадій, епископъ суздальскій. 358.
- Герасимовъ, Гаврило, маіоръ. 162, 163, 164, 165, 166, 167.
- Герасимовъ. 206.
- Глѣбовъ, А. И. 358.
- Глѣбовъ, помѣщикъ. 78.
- Гогель, маіоръ. 177, 179.
- Голицынъ, Александръ, князь. 129, 133.
- Голицынъ, М., князь. 382.
- Голицынъ, П. М. князь. 1, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 29, 30, 31, 40, 54, 60, 63, 76, 77, 80, 102, 108, 109, 111, 128, 129, 130, 131, 132, 148, 244, 245, 253, 254, 255, 262, 280, 282, 283, 287, 384, 389.
- Горбушинъ, казакъ. 279.
- Горичъ, маіоръ. 257.
- Горскій, казакъ, депутатъ. 230, 231, 232, 233, 234, 235, 258, 362.
- Горчаковъ, подпоручикъ. 4, 5, 334, 336, 337, 338, 342, 346, 349.
- Горшковъ, казакъ. 355.
- Грековъ, Макаръ. 238, 242.
- Григорьевъ, прапорщикъ. 164, 167.
- Григорьевъ, Сергій, секретарь. 163, 169.
- Гриневъ. 249, 250, 251, 252.
- Гротъ, Я. К., академикъ. 112, 147, 185, 187, 190, 193, 202, 204, 205, 210, 262, 267, 279, 281, 292, 310, 383.
- Грязновъ, предводитель шайки. 401.
- Гуляевъ, коллежскій ассессоръ. 163, 169.
- Гуляевъ, С. И. 383. -
- Гуннингъ, Робертъ. 135.
- Гурьевъ, Иванъ, купецъ. 121.
- Давилинъ, казакъ. 245, 251.
- Давыдовъ, генераль-поручикъ 359.
- Давыдовъ. 394.
- Даль, В. 382, 384, 401.
- Дебресанъ, А. И. 64.
- Девлетъ-Гирей, ханъ. 391.
- Деколонтъ, генераль. 17, 21, 23, 24, 31, 32, 33, 34, 36, 38, 39, 40, 42, 43, 76, 130, 148, 149, 287, 383, 391.
- Дельвицъ, баронъ. 101.
- Демаринъ, полковникъ. 31.
- Демидовъ, П. А. 102, 400.
- Демьяновъ, ротмистръ. 101.
- Денисовъ, Карпъ, полковникъ. 241.
- Денисовъ, Михайло, полковникъ. 241.
- Денисовъ, полковникъ. 14.
- Денисьевъ, поручикъ. 228,
- Дербетевъ, калмыкъ, 8, 9,
- Державинъ, Г. Р. 46, 48, 75, 162, 176, 177, 179, 180, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 220, 282, 292, 310, 351, 383, 401.
- Дичъ, маіоръ. 227, 228, 237, 239, 356.
- Дмитріевъ, Ив. Ив. 365, 384.
- Долгополовъ, купецъ. 52, 64, 65, 66, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 254, 255, 381, 394, 396.
- Долгоруковъ, князь. 138, 147.
- Долгорукій, князь, полковникъ. 12, 60.
- Долгоруковъ-Крымскій, князь. 148, 149.
- Домогацкій, ротмистръ. 101.
- Дондуковъ, князь. 227, 228, 229, 237.

- Древицъ, полковникъ. 147, 149, 151, 285, 297, 298.
- Дружининъ. 394.
- Дрябловъ, коммерція совѣтникъ. 83.
- Дубровскій, пугачевскій секретарь. 87, 215, 216, 217, 224, 225, 235, 251, 259, 260.
- Дуве, маіоръ. 60, 61, 62, 98, 99, 101.
- Дудкинъ, Степанъ, секретарь. 163.
- Дуровъ, капитанъ. 191.
- Дюковъ, И. И., купецъ. 395, 396.
- Евкинъ, маіоръ. 17.
- Евлагій, священникъ. 335.
- Евреиновъ, прапорщикъ. 67.
- Евстафьевъ, Петръ, крестьянинъ. 170, 171.
- Евскоковъ, маіоръ. 172, 173, 174.
- Егоровъ, Кузьма, староста. 113.
- Екатерина, II Императрица. 2, 4, 5, 6, 46, 48, 96, 129, 132, 133, 134, 136, 137, 142, 144, 146, 149, 157, 159, 175, 232, 253, 270, 285, 296, 302, 303, 318, 323, 325, 327, 328, 330, 344, 347, 350, 355, 356, 367, 372, 374, 378, 386, 393, 394, 396, 397, 399, 400, 401, 402.
- Елизаровъ, бургомистръ. 163, 167.
- Емельяновъ, Петръ. 394.
- Енгальчевъ, князь. 101.
- Еремьевъ, Михайлъ. 116.
- Ермолаевъ, поручикъ. 303.
- Ермоловъ, подпоручикъ. 78.
- Еропкинъ, П. Д., генераль. 139.
- Ейманъ, корнетъ. 101.
- Желѣзновъ. 263, 276, 277, 278.
- Желѣзновъ, I. 384.
- Желѣзновъ, Тимофѣй, казакъ. 260.
- Жигалинъ, Василій, казакъ. 278.
- Жолобовъ, маіоръ. 34, 36, 39, 40, 60, 75, 82, 148.
- Жуковский, И. 384.
- Жуковъ, судья соленой конторы. 189, 204, 210.
- Забурунный, Осипъ, казакъ. 222.
- Замощниковъ, поручикъ. 37.
- Зорипъ, Аванасій, крестьянинъ. 69, 71.
- Зарубинъ (Чика). 273, 362, 396, 401.
- Захаровъ, Василій, бурмистръ. 113.
- Звѣрипскій, прапорщикъ. 101, 252.
- Зелипскій, поручикъ. 101.
- Зиминскій, подполковникъ. 176.
- Зоргеръ, маіоръ. 196, 209.
- Зряховъ, секретарь. 337, 338, 341.
- Зыбѣлинъ, Антоній, епископъ нижегородскій. 393.
- Зыряновъ, А. 384.
- Ивапова, Прасковья. 380.
- Ивановъ, Адрианъ, священникъ. 115.
- Ивановъ, Ивалъ. 286, 297.
- Ивановъ, крестьянинъ. 168, 170.
- Ивановъ, подпоручикъ. 121.
- Ивановъ, прапорщикъ. 101.
- Ивановъ, Фирсъ. 286.
- Игельстромъ, баронъ. 101.
- Игпательевъ, Р. 384, 385.
- Идорка, бакирецъ. 234.
- Измайловъ, М. М. 358.
- Иловайскій, Алексѣй, полковникъ. 218, 224, 253, 255, 256.
- Илькибаевъ, сотникъ. 52.
- Имангуловъ, Мусса. 24.
- Исаакій, архимандритъ. 173.
- Іакинфъ, архимандритъ. 393.
- Іоаннъ, архимандритъ новосибирскій. 358, 359.
- Іоаннъ, Алексѣй, дяконъ. 339, 340, 341, 342, 343, 344, 346, 347, 349, 351.
- Іахмыковъ, Иванъ, казакъ. 278.
- Каменицкая, Авдотья, вдова. 121.
- Каменискій, генераль-поручикъ. 359.
- Кандышевскій, капитанъ. 101.
- Каницъ, фонъ, Ю., директоръ казанской гимназіи. 84, 85, 102, 385.
- Каныкаевъ, Вахтіаръ, мещерикъ. 22.
- Карповъ, Якимъ. 238.
- Каръ, генераль. 129, 383, 390.
- Кашкинъ, калмыкъ. 52.
- Кашперовъ, В. 394.
- Кайтукинъ, князь. 257.
- Квашинъ-Самаринъ, канцлавъ. 7, 8, 17.

- Кирсановъ, Павелъ. 238.
 Клепиковъ, Алексѣй. 73.
 Клескина, жена маіора. 125.
 Кобяковъ, Федоръ, купецъ. 202, 208, 209.
 Кожинъ, полковникъ. 59, 77, 79, 148.
 Козловъ, И. И. 358, 359.
 Козновъ, Андрей, купецъ. 165, 166, 167.
 Козьминъ, Андрей, солдатъ. 331.
 Колобродовъ, хорунжій. 180, 207.
 Колошинъ, Л. И. 358, 359.
 Комаровъ, Миронъ. 74.
 Кондюринъ, Иванъ. 72.
 Коноваловъ, Василій, казакъ. 30.
 Коноваловъ, сотникъ. 22, 276, 279.
 Кононовъ, А. 385.
 Копьевъ, воевода. 114.
 Корольковъ, секретарь. 171.
 Корфъ, бригадиръ. 390.
 Косаговскій, Василій, подпоручикъ. 117, 118, 119.
 Костенко, Ю. 385.
 Котельниковъ, Данила, крестьянинъ. 56, 57.
 Кохъ, капитанъ. 82.
 Краевичъ, капитанъ. 42.
 Крапивинъ, казакъ. 242.
 Краснощековъ, полковникъ. 129, 147.
 Крестовскій, Всеволодъ. 385.
 Кречетниковъ, П., генераль. 181, 182, 183, 184, 186, 187, 189, 192, 195, 196, 199, 200, 201, 202, 203, 210, 227, 237, 239, 240, 256.
 Кроткій, С. Е., помѣщикъ. 322, 323.
 Крупениковъ, Л. Ф., купецъ. 402.
 Крыжинъ, капитанъ. 286.
 Кудрявцевъ, генераль-маіоръ. 91.
 Кузнецова, Устинья. 65, 116, 121, 165, 315.
 Кузнецовъ, Семень, канцеляристъ. 176.
 Кулыгинскій, священникъ. 385.
 Кулмаметевъ, 257.
 Курочкинъ, Н., священникъ. 386.
 Кутейниковъ, Федоръ, полковникъ. 227, 228, 239, 240, 241, 242.
 Куткинъ, маіоръ. 246.
 Ладыженскій, М. М., статскій совѣтникъ. 181, 184, 185, 186, 187, 189, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 201, 202, 204, 205, 206, 210.
 Лазаревъ, подполковникъ. 24.
 Ламанскій, В. И. 386.
 Лапотниковъ, Михаилъ. 74.
 Лаптевъ, прапорщикъ. 228, 244.
 Ларинъ, Никита, солдатъ, 175, 176.
 Ларионовъ, генераль-маіоръ. 83, 84.
 Лебедевъ, П. С. 347, 351.
 Лебединскій, Иванъ, дьяконъ. 334.
 Лебединскій, Герасимъ, семинаристъ. 333, 334.
 Леонидъ, архимандритъ. 386.
 Леопольдовъ. 386.
 Лепехинъ, Яковъ. 262.
 Лехотниковъ, помѣщикъ. 385.
 Лецкій, оберъ-комендантъ. 83.
 Лихутина, жена поручика. 125.
 Лихутинъ, поручикъ. 114, 115.
 Лобановъ, князь. 302, 303.
 Лопатина, помѣщица. 401.
 Лосевъ, Михаилъ, сержантъ. 117.
 Лукина, жена поручика. 125.
 Лукинъ, Иванъ, маіоръ. 172, 174, 301, 386.
 Луковкинъ, полковникъ. 219, 223, 224, 239.
 Лунинъ, Александръ. 281, 297, 390, 398.
 Лунинъ, капитанъ. 4.
 Лунинъ, Михаилъ. 359.
 Львовъ, Степанъ. 334, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 346, 347, 349, 350, 351.
 Любарскій, Платонъ, архимандритъ. 92, 93, 104, 109, 123, 319, 347, 396, 398, 400, 401,
 Ляликовъ, Ф. 386.
 Мавринъ, С., капитанъ-поручикъ. 256, 262, 266, 267, 268, 270, 275, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 394.
 Маденовъ, казакъ. 278.
 Макаровъ, подполковникъ. 75.

- Маковневъ, Дмитрій, майоръ. 116.
 Малаховъ, квартирмейстеръ. 178,
 179, 180, 181, 207.
 Мамаевъ, Иванъ. 46, 47, 48, 394.
 Маминъ, ратманъ. 165.
 Манковъ, старшина, полковникъ.
 225, 226, 234, 241.
 Мансуровъ, генераль. 7, 9, 14,
 30, 46, 59, 111, 127, 148, 213,
 220, 247, 253, 254, 307.
 Марковский, пѣвчій. 335.
 Мартыновъ, генераль - поручикъ.
 359.
 Мартыновъ, полковникъ. 325.
 Масловъ, М. Я. 204, 358, 359.
 Масловъ, генераль. 233.
 Махмутовъ, татаринъ. 104, 105.
 Машлыкинъ, полковникъ. 325.
 Мелеховъ, сотникъ. 180, 181, 207,
 Меллинъ, графъ. 78, 103, 107,
 110, 111, 124, 125, 127, 148, 150,
 168, 169, 177, 186, 213, 221, 246,
 253, 254, 255.
 Мелиссино, И., тайный совѣтникъ.
 359.
 Мельгуновъ, поручикъ. 77, 79,
 80.
 Мельниковъ, есаулъ. 219.
 Мертваго, Д. Б., 116, 396.
 Мертваго, жена помѣщика 125.
 Метальниковъ, Андрей, секретарь.
 121.
 Мецкерскій, П. С., князь, 351.
 Мееодій, епископъ астраханскій.
 399.
 Минаевъ, Д. 386.
 Милковичъ, подполковникъ. 7.
 Миллеръ, воевода Кунгура. 57.
 Мисостовъ, впазь. 257.
 Михайловъ, М. 387.
 Михайловъ, С. 387.
 Михайловскихъ, пугачевскій пол-
 ковникъ. 29.
 Михельсонъ, Ив. Ив., полковникъ.
 1, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 22, 37,
 38, 39, 40, 41, 42, 43, 52, 60, 61,
 62, 63, 75, 76, 79, 80, 81, 82, 85,
 86, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103,
 104, 107, 108, 110, 111, 113, 121,
 123, 124, 126, 127, 148, 150, 213,
 214, 221, 244, 245, 246, 247, 248,
 251, 252, 253, 254, 256, 258, 296,
 297, 299, 304, 305, 308, 310, 340,
 355, 384, 388, 389, 398, 400-
 Мнѣвевъ, О., подпоручикъ. 72,
 73, 87, 88, 89, 91.
 Можайтиновъ, поручикъ. 29.
 Мордовцевъ, Д. 30, 81, 306, 387,
 388, 391, 397.
 Мосякинъ, Ювъ. 394, 398.
 Мурзабековъ, князь. 257.
 Мусинъ, башкирецъ. 26.
 Муслинъ-Пушкинъ, графъ, гене-
 раль. 149, 247, 359.
 Муфель, подполковникъ. 108, 109,
 110, 111, 127, 148, 150, 168, 169,
 212, 213, 246, 253, 254.
 Мясниковъ. 355.
 Мясобдовъ, полковникъ. 7, 399.
 Наталья Алексѣевна, Великая Кня-
 гиня. 5, 56, 66, 116, 121, 372,
 378.
 Наумовъ, майоръ. 12, 15.
 Нежевлевъ, Осипъ. 172.
 Неклюдовъ, подполковникъ. 88, 89.
 Нефедовъ, Ф. 388.
 Никитинъ, капитанъ. 164.
 Никифоровъ, Иванъ, старшина.
 221, 222.
 Николаевъ, А. 388.
 Новосильцовъ. 187.
 Нолькенъ, ротмистръ. 253.
 Обернибсовъ, полковникъ. 10, 59,
 77, 78, 79, 80, 109.
 Оболенскій, М., князь. 388.
 Оболяевъ, пахотный солдатъ. 390.
 Обрѣзковъ, Василій, воевода. 125.
 Овсянниковъ, титулярный совѣт-
 никъ. 172, 173, 174, 175, 301.
 ✓Овчинниковъ, атаманъ. 30, 65, 87,
 221, 230, 243, 245, 251, 252.
 Огаревъ, ротмистръ. 204.
 Огородниковъ, Александръ, кунецъ.
 331, 332, 333, 334, 336, 337, 338,
 346, 349, 351.
 Одоевскій, князь, полковникъ. 12,
 82, 340.
 Окутинъ, старшина. 279, 281.
 Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ.
 102.

- Олеуфьевъ , генераль - поручикъ. 359.
- Олеуфьевъ, капитанъ. 101.
- Ореусъ, И., 388.
- Орловъ, А. В., 388.
- Орловъ, П., 388.
- Орловъ, А. Г., графъ. 354.
- Орловъ, Г. Г., князь. 133, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 381.
- Остерманъ, графъ, генераль-поручикъ. 359.
- Охлѣбининъ. 82.
- Павель Петровичъ, Наслѣдникъ. 5, 56, 64, 65, 66, 87, 116, 121, 156, 157, 232, 269, 276, 372, 378.
- Падуровъ. 361.
- Панинъ. Н., графъ. 134, 135, 141, 143, 145, 146.
- Панинъ, П., графъ. 91, 106, 128, 132, 133, 134, 135, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 161, 162, 172, 173, 174, 185, 202, 203, 204, 213, 244, 248, 252, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 292, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 316, 317, 318, 320, 321, 322, 323, 324, 327, 347, 348, 351, 353, 359, 380, 383, 388, 394, 395, 396, 399, 400, 402.
- Пекарскій, П., 389.
- Пекарскій, полковникъ. 396.
- Персидскій , атаманъ волгскаго войска. 227.
- Персяниновъ. См. Торновъ.
- Перскій, воеводскій товарищъ. 171.
- Перфиловъ, Василій, атаманъ. 236, 251.
- Перфильевъ, Аванасій, сотникъ. 30, 52, 64, 65, 155, 156, 157, 158, 161, 180, 251, 255, 259, 280, 281, 350, 356, 361, 363, 364, 365, 380, 394.
- Петинъ, корнетъ. 101,
- Петровъ, Иванъ, священникъ. 105.
- Петръ I, Императоръ. 136, 137, 328, 384.
- Петръ III, Императоръ. 26, 35, 56, 64, 69, 87, 116, 165, 171, 173, 175, 176, 224, 232, 235, 272, 280, 288, 292, 314, 315, 319, 331, 352, 360, 389.
- Пивоваровъ, купецъ. 204.
- Пилисовъ, колонистъ. 208.
- Пироговскій, воевода. 58, 68, 70, 71, 72, 87, 89.
- Планеръ, Д. 389.
- Платовъ, Матвѣй. 238.
- Платоновъ, Иванъ, атаманъ. 221, 222, 224.
- Платовъ, архимандритъ. 93.
- Плотниковъ, протоіерей. 389.
- Повало - Швейковскій, помѣщикъ. 385.
- Подляцкій, комендантъ Хоперской крѣпости. 398.
- Поздѣевъ, Григорій, старшина. 226.
- Половинкинъ, управитель дворцовыхъ имѣній, 171.
- Полуденскій, М. 389, 390.
- Поляковъ, Григорій, старшина. 229, 230, 231, 234.
- Поповъ, Василій, канцеляристъ. 117.
- Поповъ, казакъ. 233, 235.
- Поповъ, подполковникъ. 11, 55, 60, 70, 72, 75, 148, 197, 206, 207, 209, 211, 213, 253, 398.
- Поповъ, секретарь. 114.
- Поповъ, хорунжий. 180.
- Поспѣловъ, А. Е. 390, 391.
- Потаповъ, генераль. 243, 252.
- Потемкинъ, Григорій Александровичъ. 44, 47, 49, 88, 95, 102, 128, 129, 133, 134, 135, 138, 145, 146, 162, 218, 229, 238, 256, 279, 309, 316, 321, 324, 325, 327, 347, 354, 358, 361, 366, 367, 400.
- Потемкинъ, П. С., генераль. 44, 49, 51, 66, 74, 86, 87, 88, 89, 90, 95, 96, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 107, 109, 110, 123, 131, 132, 136, 150, 175, 194, 199, 202, 203, 217, 218, 256, 257, 266, 267, 268, 275, 280, 282, 283, 284, 285, 304, 307, 308, 309, 312, 313, 315, 316, 318, 330, 333, 343, 345, 346, 347, 349, 350, 356, 357, 359, 360, 362, 383, 395, 396, 398, 402.
- Потуловъ, поручикъ. 253.

- Почиталинъ, Яковъ. 275.
 Протасовъ, Г. Г. 358.
 Протасовъ, генераль-поручикъ 359.
 Протасевъ, Василій, подполковникъ. 120.
 Протасевъ, воевода саранскій. 169.
 Протопоповъ, бурмистръ. 208, 209.
 Протопоповъ, сотникъ. 129.
 Пугачева, Аграфена. 362.
 Пугачева, Софья. 90, 91, 214, 215, 278, 307, 315, 328, 331, 362, 380, 394, 397.
 Пугачева, Христина, 362.
 Пугачевъ, Емельянъ. 1, 3, 4, 7, 11, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 46, 47, 48, 49, 52, 53, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 76, 77, 79, 80, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 97, 98, 99, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 128, 134, 138, 139, 140, 141, 143, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 157, 160, 161, 162, 163, 166, 167, 168, 169, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 186, 187, 192, 199, 202, 205, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 283, 284, 288, 289, 290, 297, 298, 299, 303, 304, 307, 310, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 321, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 333, 335, 339, 340, 343, 346, 348, 349, 350, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 364, 365, 367, 371, 372, 375, 377, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403.
 Пугачевъ, Трофимъ. 307, 328, 362.
 Пулавскій, конфедератъ. 101, 252.
 Путиловъ, М. М. 402.
 Пушкинъ, А. С. 29, 308, 328, 381, 388, 390, 398, 401, 402.
 Пьяновъ, казакъ. 394.
 Радзивилъ, князь. 353.
 Разумовскій, графъ. 133.
 Ребовъ, А. 390.
 Рейнсдорпъ, генераль. 15, 48, 63.
 Ржевскій, прапорщикъ. 101.
 Ржевскій, О. В., помѣщикъ 48.
 Ромадинъ, подполковникъ. 172.
 Румянцовъ, П. А., графъ. 49, 135.
 Румянцовъ, графъ, полковникъ. 136.
 Руничъ, П. С. 121, 254, 279, 283, 311, 396.
 Рыбниковъ, казакъ. 48.
 Рыковъ, прапорщикъ. 101.
 Рыльевъ, капитанъ. 17.
 Рыльевъ, подполковникъ. 56, 59, 148.
 Рычковъ, коллежскій ассесоръ. 238.
 Рычковъ, полковникъ. 286.
 Рычковъ, П. И., академикъ. 280, 307, 388, 389.
 Савельевъ, ротмистръ. 247, 248.
 Савельевъ, членъ соляной конторы. 211, 213.
 Савинъ, Яковъ, священникъ. 230.
 Саврасовъ, капитанармусъ. 286.
 Садовниковъ. 390.
 Салаватъ, башкирскій старшина. 18, 19, 20, 39, 40, 41, 316, 317, 388, 401.
 Салмановъ, майоръ. 196, 209, 210, 230, 235.
 Салтыковъ, М., тайный совѣтникъ. 359.
 Салуковъ, князь. 257.
 Самойловъ, Александръ. 359.
 Самойловъ, А. Н., поручикъ. 135.
 Самойловъ, А. И., графъ, 391.
 Самуилъ, епископъ Крутицкій. 306, 358, 362, 363,
 Сафоновъ, С. 381, 391.
 Свербеевъ, Николай. 199, 200, 229, 234, 243.
 Свѣчинъ, полковникъ. 82, 83.
 Свѣшниковъ, солдатъ. 104.

- Себряковъ, полковникъ. 218, 219, 220, 223, 224, 227, 238, 286, 331.
- Седмизерскій, музыкантъ. 335.
- Селивановъ, корнетъ. 101, 126.
- Селифонтовъ, Н. И. 391.
- Семанжъ, маіоръ. 189, 198, 205, 207, 210.
- Сенюткинъ, М. 219, 227, 391.
- Сергѣевъ, есаулъ. 219.
- Сеслистовъ, Сидоръ, казакъ. 229, 230, 231.
- Середа 2-й. 391.
- Середа, Н. 391.
- Симоновъ, полковникъ. 148, 279, 280.
- Симонъ, преосвященный костромской. 379.
- Сипягинъ, генераль-маіоръ. 121.
- Ситниковъ, Гаврило. 57.
- Скалонъ, генераль. 383.
- Скрипичинъ, маіоръ. 67, 68, 70, 71, 72, 73.
- Скупинскій, поручикъ. 252.
- Скупицкій, прапорщикъ. 101.
- Скуратовъ, прапорщикъ. 177, 179.
- Слѣпцовъ, подпоручикъ. 163, 169.
- Смирновъ, капитанъ. 67, 73.
- Смирновъ, Николай Михайловъ. См. Мамаевъ.
- Собакинъ, поручикъ. 4, 47.
- Собакинъ, помѣщикъ. 78.
- Соболевъ, чиновникъ. 204, 211.
- Соснинъ, прапорщикъ. 209.
- Станиславскій, генераль. 12, 60, 76.
- Степановъ, Герасимъ, крестьянинъ. 52.
- Столбовъ, маіоръ. 125.
- Столповскій, маіоръ. 171.
- Стародубовъ, казакъ. 259.
- Стихеусъ, поручикъ. 204.
- Стукаловъ, Аванасій. 172.
- Ступининъ, полковникъ. 12, 21, 26, 28, 34, 35, 42.
- Ступининъ, нижегородскій губернаторъ. 105, 125, 127, 139, 175, 329, 330, 384, 385, 394.
- Суворовъ, генераль. 138, 254, 255, 256, 257, 280, 282, 284, 287, 293, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 317, 379, 380, 384, 400, 401.
- Сулинъ, атаманъ войска донскаго. 217, 219, 226, 229, 237, 238.
- Сулоцкій, А., священникъ. 391.
- Сумароковъ, А. 303, 311.
- Сумароковъ, П. С., сенаторъ. 396.
- Суровцевъ, подпоручикъ. 163, 169.
- Суффолькъ, графъ. 135.
- Сухорукъ, купецъ. 93, 94, 402.
- Скюдяшевъ, прапорщикъ. 116, 117, 118, 119, 125.
- Тараринъ, есаулъ. 205, 207, 229.
- Тареевъ, адъютантъ. 101.
- Татархановъ, князь. 257.
- Твороговъ, Иванъ, казакъ. 21, 30, 52, 65, 66, 72, 87, 91, 216, 217, 226, 231, 232, 233, 235, 246, 251, 252, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 276, 277, 278, 279, 315, 354, 394.
- Терентьевъ, казакъ. 242.
- Тимашевъ, коллежскій совѣтникъ. 14, 15, 42, 54, 55.
- Тимонинъ, маіоръ. 197.
- Тихановскій, капитанъ. 29.
- Толстой, полковникъ. 82, 87, 97.
- Торновъ, казакъ. 361.
- Трофимовъ, Иванъ. См. Дубровскій.
- Трифановъ. См. Долгополовъ.
- Трубниковъ, Степанъ, канцеляристъ. 57.
- Труворовъ, А. 392.
- Тумановъ, Григорій, казакъ. 21, 34.
- Тутолминъ, поручикъ. 101.
- Тютчевъ, маіоръ. 19.
- Уваровъ, А., графъ. 98, 303.
- Уваровъ, Якимъ. 238.
- Ульянова, Наталья. 116.
- Уразметевъ, Мендей. 20.
- Усаевъ, татаринъ. 58, 394.
- Уткинъ, Тимофѣй, крестьянинъ. 69, 71.
- Уфимцовъ, казакъ. 211, 212.
- Федульевъ, казакъ. 242, 245, 263, 264, 276, 277, 278, 279, 315.

Фейерваръ, бригадиръ. 12, 32.
 Фикъ, Данилъ-Генрихъ. 249, 250.
 Филаретъ, игумень. 394.
 Фокъ, полковникъ. 25.
 Фоминъ, есаулъ. 177, 178, 179.
 Фофановъ, казакъ. 276, 350.
 Фрейманъ, генераль. 1, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 29, 42, 54, 55, 60, 63, 148, 287.
 Фризель, генераль-маюръ. 149.
 Фуксъ, К. О., 392.
 Фуксъ, поручикъ. 101.
 Харинъ, маюръ. 19, 39, 41, 98, 99, 100, 101.
 Харитоновъ, маюръ. 238, 243.
 Харитоновъ, сержантъ. 117.
 Харлова. 380.
 Харчевъ, сотникъ. 278, 279, 280.
 Харько, казакъ. 278.
 Хатьяновъ, товарищъ воеводы. 238, 243.
 Херасовъ, Александръ. 359.
 Хитрово, Петръ. 359.
 Хитровъ, А. 392.
 Хлопуша. 390.
 Хмблевъ, капитанъ. 8.
 Хованскій, А., князь. 141.
 Ходинъ, казакъ. 220, 221.
 Хорватъ, полковникъ. 17, 59.
 Хохловъ, Иванъ, казакъ. 278.
 Цендевъ, калмыкъ. 214, 227, 234, 235.
 Циплетевъ, полковникъ. 227, 228, 229, 236, 237, 238, 239, 240, 243, 244, 247, 384.
 Цѣнинъ, воевода. 171.
 Чагодаевъ, князь, капитанъ. 171.
 Чебышевъ, дворянинъ. 235, 244.
 Чемесовъ, прокуроръ. 77, 169, 170.
 Черединъ, секретарь. 346.
 Черменскій, унтеръ-офицеръ. 171.
 Черниковъ, Иванъ, казакъ. 222, 225, 226.
 Чернцовъ, поручикъ. 164.
 Чернышевъ, З. Г., графъ. 8, 11, 14, 17, 49, 94, 128, 133, 135.
 Чернышевъ, полковникъ. 388.

Чехупинъ, Аптонъ, казакъ. 29.
 Черерипъ, воевода. 59.
 Чириковъ, воевода. 104, 266.
 Чорба, генераль-маюръ. 130, 138, 140, 147, 150, 161, 285.
 Чумаковъ, казакъ. 66, 91, 114, 120, 176, 217, 251, 260, 261, 262, 263, 264, 276, 278, 279, 350, 394.
 Чупинъ, Наркизъ. 392.
 Швановичъ, М. поручикъ. 362.
 Шевичъ, маюръ. 7, 8, 14.
 Шепелевъ, полковникъ. 7, 8, 14, 56, 59, 108, 148.
 Шереметевъ, П. В., графъ. 141.
 Шетневъ, воронежскій губернаторъ. 44, 398.
 Шешковскій, оберъ-секретарь. 327, 329, 357.
 Шигаевъ, Максимъ, казакъ. 355, 361.
 Шихмаметевъ, прапорщикъ. 122, 125.
 Шипкевъ, маюръ. 64.
 Штейнъ. 392.
 Шундѣевъ, Иванъ, казакъ. 21, 34.
 Щобальскій, П. К., 181, 218, 392, 397.
 Щелинъ, членъ адмиралтейской конторы. 83.
 Щербатовъ, князь. 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 18, 19, 23, 24, 25, 30, 31, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 51, 53, 55, 56, 59, 60, 61, 62, 63, 70, 72, 75, 76, 77, 80, 82, 85, 94, 98, 100, 103, 104, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 183, 186, 187, 188, 201, 203.
 Щеролаповъ, старшина. 172.
 Ювеналій, игумень. 93.
 Юлай, башкирецъ. 316, 317, 388.
 Юматовъ, прапорщикъ. 175, 176, 177, 362.
 Юнгеръ, бывший саратовскій комендантъ. 212.
 Юрловъ, Василій, маюръ. 116.
 Юрьевъ, Левъ, канцеляристъ. 173, 301.

Юшковъ, маіоръ. 77, 148.	Якубовичъ, полковникъ. 59, 60, 61, 62, 77, 79, 148.
Яворскій, поручикъ. 77.	Якушка, измѣнникъ. 328.
Яковлевъ, Алексѣй. 359.	Яновъ, полковникъ. 220, 223, 325.
Яковлевъ, квартирмейстеръ. 101.	Янышевъ, Мурадъ. 40.
Яковлевъ, Леонтій Ѳедоровичъ. 58, 60, 62, 66, 68.	Ястребовъ, М. 393.
Яковлевъ, Лука, секретарь. 176.	Ѳеофиловъ, помѣщикъ. 392.
Яковлевъ, солдатъ. 104.	

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
22	8	Иванъ Бѣлородовъ	Наумъ Бѣлородовъ
57	32	татары башкирцы	татары и башкирцы
65	18	пригласивъ	пригласилъ
243	24	Фатьяновъ	Хатьяновъ
319	27	преступленіе	преступленія